

75+

С. Хмельницкий

МЕЖДУ КУШАНАМИ И АРАБАМИ

Архитектура Средней Азии
V—VIII вв.

«ГАМАЖУН»
БЕРЛИН—РИГА
2000

архитектурных публикаций, рассыпанных по множеству специальных, часто малодоступных изданий представляет собой для исследователя архитектуры немалые трудности. Среди них — примитивная графика обмерных чертежей, неясные, противоречивые и недостаточные описания, ошибки в масштабе и ориентации и т. п. К сложностям более общего характера нужно отнести и то, что сооружения доисламского времени, представляющие собой в подавляющем большинстве археологические объекты, сохранились как правило лишь на небольшую часть их первоначальной высоты, — при большей или меньшей ясности планового устройства их внешний облик воссоздается обычно с трудом и на основе некоторых косвенных признаков, которые допускают архитектурные "разночтения".

Что касается меня, то архитектура раннего доисламского средневековья в Средней Азии была мне всегда особенно интересна, и я много раз принимал прямое участие в раскопках и изучении сооружений этого времени в Таджикистане, Киргизстане и Узбекистане. Определенная часть архитектурно-археологического материала, который вошел в предлагаемую книгу, была известна мне не из литературы, а непосредственно — как участнику или очевидцу исследовательских работ. По этой причине я счел себя вправе в некоторых случаях корректировать работу моих коллег, исправлять их ошибки и предлагать собственные решения даже, казалось бы, уже решенных вопросов. Так, я обосновываю новую атрибуцию так называемых "храмов" (а на самом деле общественных зданий) в древнем Пенджикенте, предлагаю новую (точнее, первую) классификацию раннесредневековых замков — "кешиков" и некоторые новые реконструкции известных сооружений, более, как мне кажется, обоснованные, чем прежде опубликованные.

После переезда в 1980 г. в Германию я продолжал работать над текстом, включая в него новый материал, который становился известным мне либо из литературы, либо из непосредственных сообщений коллег. Соответственно увеличилось и количество иллюстраций — за счет новых открытий и аналитических рисунков-чертежей, которые демонстрируют геометрические приемы построения архитектурных форм, свойственные строительному искусству преисламской эпохи. В таком виде книга была издана в 1989 г. на немецком языке берлинским издательством "Hosemann & Goebel", а в 1991 г. была удостоена положительной рецензии⁸.

Вслед за этим я написал две книги, в которых была прослежена история архитектуры Средней Азии вплоть до монгольского нашествия: в 1992 г. в рижском издательстве *Continent* была издана книга "Между арабами и тюрками" о раннеисламской (9—10 вв.) архитектуре, в 1996 г. издательство *Gatajini* в Риге опубликовало первую часть, а в 1997 г. вторую часть книги "Между Саманидами и монголами", посвященную архитектуре Средней Азии 11—начала 13 вв. Эти две последние книги писались по существу заново, с минимальной оглядкой на написанные в 70-е годы тексты, с привлечением новейших материалов и открытий, которыми я обязан коллегам и друзьям в Ташкенте, Самарканде, Бишкеке, Душанбе и Москве. Так сложился цикл работ, охвативший историю всей среднеазиатской архитектуры с 4—5 по начало 13 вв. — эпоху архитектурной классики Средней Азии или, если формально следовать древнегреческой аналогии, эпоху архаики, естественно переходящей в классику, самый интересный для меня период в истории художественной культуры Средней Азии.

После выхода в свет двух последних книг мне стало ясно, что первая книга, посвященная доисламской архитектуре и так и не опубликованная по-русски, невыгодно отличается от них чрезмерной беглостью изложения и недостаточно полным использованием материала, главным образом новооткрытого, еще неизвестного тогда, когда книга писалась. Я почувствовал необходимость вернуться к первой книге, дополнить ее и даже частично переписать, для того чтобы "поднять" до уровня двух следующих книг, написанных гораздо более подробно и охвативших по возможности весь доступный мне материал.

Археологические работы в ныне независимых государствах Средней Азии продолжают вопреки хозяйственным и житейским трудностям, там делаются открытия и выходят в свет новые исследования. Контакты с коллегами-археологами и архитекторами позволяют мне, к счастью, оставаться в курсе этих непрекращающихся работ. Очень возможно, что самые последние публикации архитектурно-археологических открытий, сделанных в Средней Азии, не попали в эту книгу, — иначе она вряд ли увидела бы когда-нибудь свет. Все-таки я надеюсь, что даже самые сенсационные открытия едва ли могут существенно изменить ту общую картину развития и состояния строительного искусства в 4—8 вв., которая здесь изображена.

ВВЕДЕНИЕ

Средней Азией традиционно называется обширная территория, расположенная в самой середине азиатского субконтинента и вплоть до конца 1991 г. входившая в состав Советского Союза. Она досталась ему в наследство от Российской империи, которая захватила Среднюю Азию в 60-е годы XIX века. Ныне эти пространства, раскинувшиеся на площади 2156 тысяч квадратных километров и превышающие размеры Саудовской Аравии, образуют несколько независимых государств — Туркменистан, Узбекистан, Таджикистан и Киргизстан. С севера к ним примыкают южные области Казахстана, формально не входящие в состав Средней Азии, но составляющие с ней историческое и культурное единство⁹. Земли Средней Азии простираются от Каспийского моря на западе до гор Тянь-Шань, граничащих с Китаем, на востоке; от степей Казахстана на севере до гор Копет-Даг и Бадахшан на юге, где проходит граница среднеазиатского региона с Ираном, Афганистаном и Китаем.

Средняя Азия — регион с жарким континентальным климатом и необыкновенным разнообразием природных условий. Здесь соседствуют пустыни и зеленые оазисы, степи и плодородные долины, низменности и горы, одни из самых высоких в мире. Несколько больших и множество малых рек, стекающих с гор, обеспечивают орошаемое земледелие и садоводство необходимым минимумом влаги. Очень разнообразен и состав населения, основную часть которого составляют тюркоязычные народы, а меньшую — остатки древнего ираноязычного этноса, нынешние таджики и племена западного Памира. Средняя Азия издавна была "плавильным котлом" народов, и провести здесь четкие этнические границы часто невозможно, как невозможно определить "приоритет" той или иной этнической группы: тюркоязычные народы, как и ираноязычные, составляют здесь коренной пласт автохтонного населения.

Большая часть кочевников-номадов, вторгавшихся в разное время в Среднюю Азию, вскоре под воздействием новой среды отказывалась от прежнего кочевого образа жизни. Бывшие бродячие скотоводы превращались в крестьян, ремесленников и торговцев, чиновников, воинов и священников. Они воспринимали культуру местного оседлого населения и сами становились составляющими этой культуры, привнося в нее некоторые новые черты. Так век за веком создавалась в Средней Азии особая культурная среда, имевшая своей основой древние культурные традиции, но не тождественная им. Эта среда на всех этапах ее долгой истории была достаточно единой — настолько, что мы имеем право говорить об

общем феномене среднеазиатской цивилизации, духовной и материальной, хотя, конечно, каждый крупный регион этой обширной территории имел собственные локальные традиции и особенности.

Изначальная этническая близость, сходство исторической судьбы и духовной жизни, непрерывные политические и экономические связи определили большое сходство культуры Средней Азии и ее южных соседей Ирана и Афганистана, а через Иран — и Азербайджана. Это сходство, однако, никогда не переходило в тождество, и сам Иран никогда не считал Среднюю Азию своей составной частью, — даже когда владел ее значительными частями (в эпохи правления Ахеменидов, Сасанидов и позже). Более того, в иранском эпосе Шах-Намэ Средняя Азия, под именем Туран, выступает постоянным и естественным противником Ирана, его могучим и нередко победоносным соперником.¹⁰

Оба огромных региона были с древнейших времен связаны общностью языка, культуры и исторической судьбы. В течение многих веков граница между ними была нечеткой и зыбкой. Как политический (но не духовный) рубеж она была установлена в нынешнем виде лишь после русского завоевания. Поэтому неудивительны разнообразные и многочисленные параллели в литературе, искусстве, архитектуре и других областях духовной и материальной жизни Ирана, Афганистана и Средней Азии, которые прослеживаются с глубокой древности до наших дней.

Однако совершенно неверно устойчивое представление многих западных специалистов, которые традиционно рассматривают искусство Средней Азии как провинциальный вариант иранского (персидского) искусства. Это представление опровергается большим и разнообразным материалом, собранным за последние десятилетия исследователями Средней Азии — историками, археологами и искусствоведами. Их труд показал, что культура Средней Азии была не только достаточно самостоятельной и своеобразной на всех этапах ее исторического пути, но и создавала произведения высочайшего художественного качества. Неоспоримо доказана и большая древность среднеазиатской художественной культуры.

Поэтому достойна сожаления упорная живучесть "паниранистского" взгляда на Среднюю Азию, ее историю, культуру и искусство, — взгляда, который не только все еще существует, но и высказан в некоторых изданиях (в том числе и сравнительно новых), посвященных главным образом искусству стран ислама. Типичный пример из недавнего прошлого — том "Ислам" серии "Всемирная история архитекту-

ры", перевод на немецкий с английского (автор Джон Д. Хоар), издан в 1986 г. в Штутгарте¹¹. Немногочисленные архитектурные памятники Средней Азии, упомянутые здесь, представлены как иранские, и сведения о них включены в главы, посвященные архитектуре Ирана.

Это тем более несправедливо, что именно в Средней Азии, после утверждения в ней ислама и вызванного этим духовного переворота, круто изменившего направление культурной эволюции, были выработаны некоторые новые архитектурные типы и образы (например, медресе), ставшие со временем образцом для прочего исламского мира. Что же касается более древних времен, то именно в Средней Азии, в первой половине I тысячелетия до н. э. была создана "Авеста" — собрание священных религиозно-философских текстов зороастризма. Отсюда она позже проникла в Иран, где получила значение священного писания зороастризма, ставшего государственной религией страны.

Одна из задач этой книги, которая посвящена лишь одному, но важному периоду истории среднеазиатской архитектуры, состоит в том, чтобы на реальных примерах показать самостоятельность, своеобразие этой архитектуры и ее нередко высокие художественные достоинства.

Древнейшие центры цивилизации Средней Азии с найденными в них архитектурными остатками были созданы в 4 тысячелетии до н. э. в Южном Туркменистане пришельцами с юга. В конце этого тысячелетия последовала вторая волна иммиграции, оставившая после себя руины городов и храмов, отчасти напоминающих храмы Двуречья. Предполагается, что гибель этой цивилизации в середине 2 тысячелетия до н. э. была связана с вторжением арийских племен вглубь Центральной Азии. Сведения о государствах, возникавших здесь в первой половине I тысячелетия до н. э., сохранились в "Авесте" и носят полупеленчатый характер. Самыми значительными из этих государств были, видимо, древняя Бактрия, в которую входили южные земли нынешних Узбекистана и Таджикистана и северная часть Афганистана, и "Большой Хорезм", располагавшийся где-то в районе Мерва или Герата.

Когда в 6 в. до н. э. ахеменидская армия вторглась из Ирана в пределы Средней Азии — Турана, она нашла здесь не только племена отчаянно сопротивлявшихся кочевников, но и города с ремесленным и торговым населением. Значительные части среднеазиатских земель вошли тогда на разное время в состав Ахеменидского государства, а Бактрия осталась провинцией империи до ее конца. Монументальная архитектура Средней Азии этого времени известна не очень хорошо, но то, что сохранилось и изучено — крепости-дворцы Кюзели-гир и Калалы-гир в Туркменистане, несколько городских поселений в Таджикистане и кое-что еще — выглядит совсем иначе, чем архитектура Ирана этого времени.

В конце 4 в. до н. э. Александр Македонский, разгромив империю Ахеменидов, завоевал большую

часть территории Средней Азии. Только Хорезм, расположенный на севере, в нижнем течении рек Амударья и Сырдарья, сохранил независимость и никогда даже формально не был подчинен македонско-греческим завоевателям. Походы Александра сблизили культуру Средней Азии с западной античной культурой, открыли дорогу средиземноморским влияниям и подготовили почву для возникновения и расцвета восточного, азиатского эллинизма. Несмотря на то, что в конечном счете этот среднеазиатский эллинизм оказался не очень прочным сплавом двух культур — греко-римской и традиционной местной, — его влияние на эволюцию искусства и архитектуры в Средней Азии (равно как и в других азиатских странах, где он на некоторое время утвердился) оказалось значительным и долгим.

После смерти Александра завоеванная им Бактрия вошла в состав государства Селевкидов, но немногим более чем через полвека наместник этой области объявил себя правителем независимого государства, названного Греко-Бактрией. Вскоре греко-бактрийские цари распространили свою власть на другие земли Средней Азии — Согд или Согдиану (долины рек Зеравшан и Кашкадарья) и Маргиану (нынешний южный Туркменистан), и даже на северо-западную Индию. Столица страны город Бактры (ныне Балх в Северном Афганистане) и открытый в 1964 г. город Ай-Ханум (Афганистан, на границе с Таджикистаном по реке Пяндж) имели вполне эллинистическую структуру плана, но в них встречаются и характерно восточные приемы планировки и строительства. Узнаваемые детали эллинистической архитектуры этого времени — базы и стволы каменных колонн, скульптурные капители коринфского типа, рельефные фриз и профилированные тяги — в немалом количестве найдены в южных областях Узбекистана и Таджикистана, входивших в состав Греко-Бактрии.

Эллинистической по господствовавшей в ней культуре была и Парфия — государство, возникшее в 3 веке до н. э. в Маргиане и тоже отделившееся от державы Селевкидов. Во 2—1 вв. до н. э. Парфия, расширившая свои границы до Сирии, Армении и Индии, была опасным и грозным соперником Рима. В руинах — "родового гнезда" парфянской династии Аршакидов — Нисы (Южный Туркменистан) были найдены дворцовые и храмовые постройки эллинистически-восточного стиля, с колоннами и статуями, и редкостные произведения искусства, — например, украшенные скульптурными изображениями сосуды-ритоны из слоновой кости. В основе убранства дворцовых и храмовых интерьеров здесь были использованы формы колонных ордеров, трансформированные, правда, соответственно местным материалам — глине и жженому кирпичу.

Древний Хорезм, лежавший, как говорилось, севернее, в нижнем течении Амударья и Сырдарья, располагался в некоторой изоляции от срединных областей Средней Азии и в меньшей степени испытал влияние эллинистического, греко-римского искусства. Но и здесь в резиденции правителей Хорезма огромном дворце Топрак-кала (1—2 века н. э.) были при раскопках найдены постаменты статуй в виде

ионических (правда, характерно трансформированных) капителей и некоторые другие детали, выдающие их "западное", средиземноморское происхождение.

Наиболее прямое влияние античной греко-римской архитектуры на архитектуру Средней Азии было, по-видимому, ограничено зданиями официально-представительного и сакрального назначения. Оно сказалось не столько в формах архитектурной композиции зданий, сколько в некоторых приемах городской планировки (регулярный "гипподамов" город) и, в первую очередь, в архитектурных деталях, которые иногда довольно точно воспроизводят характерные эллинистические формы. Облик и устройство зданий были здесь иными, не похожими на "западные" образцы, — по причине устойчивости строительных традиций и, не в последнюю очередь, особенности местных строительных материалов и конструкций, основой которых была необожженная глина. Оазисы Средней Азии бедны строительным камнем, а жженный кирпич хоть и был известен, но употреблялся очень редко.

В первых веках н. э. на землях Центральной Азии возникло государство кушан, быстро превратившееся в обширную империю: ее границы охватили почти всю Среднюю Азию, Афганистан и часть Индии. В лучшие годы Кушанской империи в ее состав входили Пенджаб, Кашмир, Синд и Уттар-Прадеш, вплоть до Бенареса на востоке. В архитектуре и искусстве Средней Азии этого времени заметно отторжение и даже вырождение западных, греко-римских мотивов и форм, — они перерождаются иногда до неузнаваемости, теряют прежнее значение, — нестойкий сплав распадается на составные части, так и не ставшие органическим целым. Исчезают греческие надписи на монетах, выходят из употребления античные ордерные колоннады и другие характерные формы и образы эллинистической архитектуры. Широко распространяется буддизм, ставший в Кушанской империи едва ли не государственной религией; буддийские святилища и монастыри основываются во множестве и в Средней Азии, — например, на юге Узбекистана, в Ферганской долине и в Северном Хорасане (нынешний Южный Туркменистан).

Вполне своеобразно и не похоже на западно-античную архитектуру раннекушанское дворцовое здание в Халчаяне (Западный Узбекистан), украшенное эффектными рельефами и скульптурами из раскрашенной глины, а композиционно представляющее собой своеобразный местный вариант здания типа "бит-хилани", с древних времен известный на Ближнем Востоке¹². Материальным воплощением местного и западно-эллинистического начал в архитектуре, соседствующих, но не слившихся, стало украшение кровли халчаянского дворца чередующимися терракотовыми антефиксами (характерная западная деталь) и уступчатыми зубцами "кунгра", употреблявшимися на Ближнем и Среднем Востоке с незапамятных времен.

Судя по известным сейчас памятникам, кушанская эпоха была для Средней Азии временем, плодотворным для всех видов искусства — архитектуры, настенной живописи, скульптуры и прикладного ис-

кусства. Античные традиции играли хотя и меньшую роль, но были еще живы и достаточно ощутимы. Что касается социального строя, то историки полагают, что в Кушанской империи (ее среднеазиатской части в том числе) господствовала, в основном, система азиатского рабовладения, способствовавшая объединению больших масс людей для строительства городов, крепостей и монументальных зданий.

В 3 веке н. э. Кушанская империя распалась на части, а в Иране пала власть "филэллинов" — парфян. Новые иранские правители Сасаниды декларировали возвращение к древним национальным традициям и начали — иногда успешно — завоевательные походы в Туран, то есть в Среднюю Азию. Завоевать всю страну Сасанидам не удалось, но земли Южного Туркменистана — Маргиана — оставались под их властью до 7 века, то есть до гибели Сасанидского государства, павшего под натиском арабов.

В других землях Средней Азии слабеющая власть кушан сохранялась, видимо, до начала 5 века. Этим временем отмечено начало нового важного периода среднеазиатской истории — периода, архитектуре которого посвящена предлагаемая книга. Он начался грандиозной экспансией кочевых народов, сперва эфталитов, затем — лет через сто — тюркских племен, создавших обширное кочевое государство Тюркский каганат. Эта держава формально владела почти всей территорией Средней Азии, но редко вмешивалась в ее внутренние дела. Правда, во главе некоторых среднеазиатских владений уже в то время стояли правители тюркского происхождения, но это были самостоятельные и независимые правители, а не уполномоченные Каганата.

В середине 7 века Тюркский каганат разгромили китайцы, и Средняя Азия была предоставлена собственной судьбе, — ненадолго, так как уже в конце этого века началось планомерное завоевание страны мусульманами-арабами. Их опорным пунктом и резиденцией наместника Халифата стал город Мерв, столица северного Хорасана, захваченная еще в 651 г. Отсюда арабы начали продвижение вглубь среднеазиатских земель, используя как силу оружия, так и дипломатию. Арабское завоевание шло в сложной политической обстановке, изобиловавшей восстаниями, предательствами, коалициями разного рода и переходом участников с одной стороны на другую. Оно завершилось в середине 8 века присоединением большей части Средней Азии к арабскому Халифату, в котором прежняя династия халифов-Омейядов сменилась Аббасидами, нашедшими поддержку в среднеазиатско-иранском регионе.

Важным политическим следствием этих событий была ликвидация внутренних границ и создание многообразных культурных, хозяйственных и торговых связей между Средней Азией и другими странами и народами Халифата. Но еще важнее была полная перемена духовной и культурной ориентации, которая произошла с населением Средней Азии (как, впрочем, и других завоеванных арабами стран) в результате его исламизации. Приобщение к новой религии изменило — не сразу, но довольно быстро — саму основу среднеазиатской духовной, а отчасти и материальной культуры, и сыграло роль своего рода

ГОРОДА

Вглядываясь в историю Средней Азии 4—5 вв. н.э., когда на руинах культуры центральноазиатской античности появились ростки культуры раннего средневековья, трудно удержаться от соблазна сопоставить все это с трансформациями европейской культуры того же времени, тоже происходившими на рубеже поздней античности и раннего средневековья. Бросается в глаза аналогия если не политических событий, то культурных процессов.

Но если кризис западной античности в ее римском варианте повлек за собой падение Западной Римской империи и, в конечном счете, гибель всей античной культуры, которую сменила культура христианского средневековья, то на Востоке дело обстояло иначе. Здесь переход к средневековью не сопровождался, как будто, тотальными социально-политическими катастрофами, а в области искусства не привел к разрыву традиций, к огрублению и некоторому одичанию художественного языка, как это случилось на Западе.

Не произошло здесь и той резкой смены общественной идеологии, самого содержания духовной культуры, которые на Западе были вызваны заменой античного "язычества" христианством с его аскетической моралью и враждебным отношением к чувственному, материальному миру. Традиции местной позднеантичной художественной культуры Средней Азии продолжали существовать и в новую эпоху, лишь постепенно, незаметно для современников изменяясь в содержании и форме.

В политическом же отношении эпоха раннего доисламского средневековья в Средней Азии была совсем не мирным временем. Долгая агония Кушанской империи, захватнические походы иранских Сасанидов, вторжения эфталитов, тюрков и китайцев, — непрерывная череда политических потрясений не могла не сказаться на состоянии экономики и культуры Средней Азии в эту бурную переходную эпоху. Гибель крупных государств поры средневосточной античности с их централизованной властью, распад страны на множество мелких враждующих владений, подчиненных — пусть даже номинально — власти воинственных иноземцев, — все это должно было определенным образом сказаться на состоянии культуры среднеазиатских земель, и в первую очередь — на состоянии городской культуры и самих городов.

Городом доисламского (предисламского) времени условимся называть защищенное стенами поселение с цитаделью, где стоит замок местного правителя и расположен его административно-военный аппарат, с населением по преимуществу ремесленным и торговым, с непрямым базаром и возмож-

ными (но необязательными) зданиями общественного и культового назначения. Размеры города не были определяющими и колебались от 13-14 га (Пенджикент) до более чем 300 га (Мерв); соответственным, очевидно, было и количество горожан. Некоторые горожане кроме их главного промысла занимались, видимо, и сельским хозяйством, — об этом свидетельствуют подчас многочисленные сельские дома в городских окрестностях.

В советской исторической науке долгое время господствовало представление (впервые сформулированное и аргументированное С.Толстовым) о кризисе среднеазиатской городской культуры в период раннего средневековья, то есть о сокращении числа городов, уменьшении их размеров и о переходе общественной жизни из бывших городских центров в укрепленные замки нового "феодалного" сословия — аристократов-землевладельцев, именуемых диканами, или в более скромные, но тоже укрепленные большесемейные сельские жилища¹⁴.

Обоснованием такого взгляда было изучение культуры древнего Хорезма. Он давно уже оспаривается многими исследователями, которые полагают, что если в Средней Азии в 5—7 вв. и происходило уменьшение количества городов и был замечен их хозяйственный и культурный упадок, то этот процесс был ограничен Хорезмом и имел, значит, местный, локальный характер. В других же среднеазиатских землях количество городских центров не только не сокращалось, но, наоборот, именно в это время возникали новые города, — например, теперь широко известный Пенджикент.

Для С.Толстова смена общественных формаций по Марксу была непрекращаемым законом, и общий упадок городской культуры при переходе от рабовладельческой античной формации к феодально-средневековой удобно вписывался в эту несколько умозрительную схему, подтверждаемую отфильтрованными фактами: сомнение в таком упадке означало бы в свою очередь сомнение в том, что марксова схема пригодна и для Центральной Азии, то есть что она универсальна.

Все-таки для полного отказа от теории С.Толстова, несмотря на ее некоторую "заданность", пока, по-моему, нет достаточных оснований. Бесспорно, что именно в период раннего средневековья (и именно в его начальной стадии) прекратилась жизнь во многих городах эпохи среднеазиатской античности, — таких, как парфянская Ниса и хорезмийская Топрак-кала. Исследования Мерва — одного из древнейших и самых больших городов Средней Азии — показали, что в 5—7 вв. его население существенно

сократилось, а обширное пространство внутри античных стен было заселено и застроено лишь частично. Похожая картина запустения отмечена в это время и в Самарканде. С другой стороны, огромное количество монументальных диканских замков — "кешков" и укрепленных сельских усадеб, рассыпанных почти по всей Средней Азии (даже, казалось бы, в самых неподходящих горных и дальних местностях) наглядно свидетельствует о невиданной прежде "дезурбанизации". Вряд ли можно сомневаться в том, что в раннесредневековых городах Средней Азии проживала лишь малая (говоря осторожней, меньшая) часть ее населения, — по крайней мере меньшая, чем в предыдущую эпоху. Это видно даже из величины городов, редкие из которых, как уже упоминалось, превышали площадь 50 га, а большинство уместилось на скромной территории менее 20 га¹⁵. Явное уменьшение роли города и, наоборот, взрывоподобный рост значения владетельного замка и земледельческой усадьбы в хозяйственной и культурной жизни раннесредневековой Средней Азии в свете этих наблюдений представляются достаточно очевидными.

Правда, в то же самое время действительно возникают новые города — например, в Таласской долине, где были месторождения серебряных и свинцовых руд¹⁶, и сравнительно недолговечный Пенджикент в верховьях Зеравшана. Все же появление этих и им подобных немногочисленных городских поселений не меняет общей картины: в истории известны случаи, когда запустение одних областей, вызванное стихийными катастрофами или военнополитическими потрясениями, приводило к неожиданному расцвету других, более благополучных областей, в которые перетекало население из разоренных центров¹⁷. Возникновение и возвышение в 5 в. Пенджикента как столичного центра Верхнего Зеравшана (а на короткое время даже резиденции согдийского ихшида) было, возможно, вызвано именно временным упадком Самарканда и оттоком из него некоторой части населения на восток, вверх, ближе к безопасным горам.

Видимо, неверно также представление о полной дезурбанизации Средней Азии, о гибели в 5—7 вв. ее городской культуры. Города продолжали существовать, очевидно, в несколько ином, чем прежде, качестве — прежде всего (но не только) как административные центры многочисленных небольших владений. Здесь были сосредоточены властные силы, административный аппарат и вооруженные отряды дружины, которые рекрутировались из молодых дикан — нового сословия землевладельцев, раннесредневекового рыцарства, чьи замки-усадьбы составляли главный объект монументального строительства за пределами города, а иногда и в нем самом. Аристократическое диканство представляло собой, видимо, высший слой городского населения, хотя их богатые дома не образовывали обособленных кварталов и соседствовали с лавками, мастерскими и жилищами менее престижного типа.

Второе городское сословие состояло из купцов, занятых транзитной и внутренней торговлей (такие имелись, вероятно, только в крупных городах) и вла-

дельцев ремесленных мастерских — своеобразный патрициат, стремившийся к такому же "благородному" образу жизни, что и аристократы-землевладельцы. К ним, так сказать, примыкали мелкие ремесленники и торговцы, бедные жилища, мастерские и лавки которых, как говорилось, соседствовали с богатыми домами. Социальная структура среднеазиатского города 5—8 вв. известна пока, правда, по немногим образцам, но то, что известно, не подтверждает имущественную дифференциацию в расположении городских жилищ.

До недавнего времени предполагалось, что среднеазиатские города 5—8 вв. были в первую очередь административно-военными центрами, "средоточием власти", а главной задачей промышленности и торговли было эту власть обслуживать. Теперь установлено (особенно после широких археологических работ в Пенджикенте), что городские ремесленники и торговцы обслуживали продуктами и товарами гораздо более широкий рынок, не ограниченный ни местной, ни — часто — даже центральной властью, и что доля феодальных "дворов" в потреблении этой продукции была не так уж велика. Изменились и представления о городском управлении, которое, оказывается, далеко не всегда было самодержавным: правители Пенджикента, к примеру, были ограничены в правах и материально зависели от выборных представителей сословий, которые образовывали нечто вроде магистрата, ведавшего городскими делами от имени "народа Пенджикента"¹⁸.

Множество базаров, лавок и мастерских в Пенджикенте — свидетельство развитого производства и торговли, которые были явно избыточны для удовлетворения нужд только местного правителя и его окружения. Доаравский Пенджикент походил не столько на княжескую резиденцию, сколько на городскую коммуну в Западной Европе поры позднего средневековья — с князем, состоящим у этой коммуны на службе.

Пенджикент не был исключением. Пайкенд — крупный город бухарского Согда — назывался "городом купцов" и вообще обходился без правителя или владетеля, — это была буржуазная городская коммуна в европейском смысле слова¹⁹. Можно думать, что в доисламской Средней Азии были и другие города, подобные в этом отношении Пенджикенту и Пайкенду. Все же не нужно забывать, что политическая раздробленность, многочисленность границ, воинственность правителей и рыцарства, некоторая изолированность региона от внешнего мира препятствовали нормальному развитию промышленности и торговли, и статус города прежде всего как укрепленного "средоточия власти" оставался в течении рассматриваемого периода неизменно высоким.

Давно сформулированная и, видимо, в общем достоверная гипотеза происхождения раннесредневекового города Средней Азии видит его зародыш в торгово-ремесленных посадах, которые возникали при укрепленных замках знатных землевладельцев, под защитой их высоких стен. Со временем такой посад разрастался, сам окружался стенами и превращался в собственно город, точнее говоря — ядро будущего города, "шахристан". Эта гипотеза получи-

ла признание, хотя далеко не всегда совпадает с материалами реальных исследований²⁰ и не исчерпывает разнообразные причины возникновения городов в доисламское время.

Такие причины и условия, упомянутые в разных источниках, собрала В. Воронина²¹. Некоторые из них дублируют друг друга, — например, нет принципиальной разницы между зарождением города-посады у стен рабата (караван-сарая) и у стен замка; к тому же караван-сарай доисламского времени в Средней Азии пока неизвестны. Сомнительно сложение города на месте рынка, то есть на незащищенном пустом месте, и при религиозной святине, — последнее предположение в Средней Азии фактически не подтверждается. Неправоммерно считать городами крепости — "турткули" без внутренней застройки, возводившиеся для укрытия в случае опасности окрестного населения (оно жило там в шатрах) и скота.²² Что до возрождения жизни в "умершем" античном городе, а такие случаи известны, то и здесь речь идет фактически о новом городе с иным, чем прежде, устройством, которое тоже требует истолкования, как и сама причина неожиданного воскресения древних развалин. Старая гипотеза не может вобрать в себя и предусмотреть все условия зарождения среднеазиатских городов доисламского времени, — такие условия были в каждом случае индивидуальны, — но позволяет, как будто, достаточно убедительно представить себе закономерности этого процесса.

К этому нужно добавить, что, как говорилось, новые города в Средней Азии 5—8 вв. возникали сравнительно редко, и большинство доисламских городов, о которых пойдет речь, датируется более ранним (иногда и вовсе архаичным) временем.

В соответствии с означенной гипотезой раннесредневековый город Средней Азии состоял как правило из двух частей: цитадели — "арка" или "кухендиза" (то-есть "старой крепости"), служившей резиденцией правителя, и собственно города — "шахристана". В сильно укрепленном, возвышенном арке находился дворец правителя, нередко представлявший собой значительный по размерам и сложности устройства комплекс парадных, жилых, хозяйственных и оборонных построек. Лежащий у подножия арка шахристан состоял из плотно застроенных жилых массивов, рассеченных узкими улицами; в его плановом устройстве обычно заметны признаки регулярности, которые чаще всего выражены крестообразным пересечением в центре двух главных улиц, — здесь, видимо, располагались, как и позже, базары. Непременной частью шахристана были укрепления в виде стен с башнями и воротами в конце главных улиц, опоясывавшие город по периметру. Арк, за редкими исключениями, не входил в состав шахристана, — он или располагался вблизи от него (Бухара, Пенджикент, Бунджикат), либо, следуя традиции расположения античных цитаделей, занимал его отдельный, изолированный угол.

Третьей составной частью доисламского города был "рабад" — ремесленно-торговое предместье, появившееся, согласно традиционной теории, несколько позже привилегированного шахристана и отличающееся от него менее регулярной, динамичной и

свободной планировкой. Впоследствии рабады превратятся в основную часть среднеазиатского города, сольются с трансформированными шахристами и своей хаотичной планировочной структурой определят характер и облик городов на много веков вперед.

Описанная трехчастная структура доисламского среднеазиатского города была предложена В. Бартоломом на основании, прежде всего, письменных источников²³. Ее разработал и "социологически" истолковал А. Якубовский — в том смысле, что буржуазный рабад не только появился позже аристократического шахристана, но и противостоял ему в социальном аспекте²⁴. В таком виде схема долго считалась универсальной и почти не вызвала критики, хотя изначально было непонятно, каким образом шахристан, развившийся из ремесленного посада, оказался заселенным некими аристократами, которые застроили его своими замками.

Археологические открытия опровергли универсальность этой схемы, верной в самых общих чертах и далеко не всегда. Исследования доисламского и раннеисламского Афрасиаба-Самарканда не обнаружили деления города на шахристан и рабад, не было такого деления, видимо, и в Пенджикенте. Известны города с несколькими шахристами (в Узгене три шахристана занимали соответственно три холма,²⁵ в Канке-Харашкете они "вписаны" один в другой²⁶) и с несколькими рабадами (Ахсикент²⁷). Каждый известный ныне город 5—8 вв. имел индивидуальные черты, и общая схема могла воплощаться в бесконечном количестве вариантов, зависевших и от природных условий, и от общественно-политических особенностей, не все из которых сейчас ясны, и от наследия предыдущих веков, и от множества других факторов. Но трехчастная структура в ее различных модификациях и с нередкими отклонениями от нее все же оставалась самым распространенным признаком среднеазиатского города этого времени.

Представление о внутреннем устройстве шахристанов долгое время опиралось на свидетельство Наршахи, первого историка Бухары, жившего в 10 в. Посвященный этому короткий текст Наршахи в русском переводе гласит: "Среди города были замки, и некоторые кварталы были отделены и удалены один от другого подобно селениям"²⁸. Эти слова, переведенные, вероятно, не совсем точно (употребленный здесь термин "кешк" означал не только замок, но и просто жилое здание), представляют, как будто, шахристан Бухары в виде группы укрепленных усадеб с замками-кешками внутри. Усадьбы разделялись незастроенными пространствами и даже полями, и город, значит, представлял собой просто скопление замков, заключенных в городские стены.

Предполагалось, что такая структура, подобная застройке сельских пригородов и отличная от нее лишь большей плотностью и регулярностью застройки, была свойственна начальной стадии отделения города от деревни и свидетельствует о еще недостаточно развитых городских ремеслах и торговле, а кроме того и о разрыве с традициями античного градостроительства Центральной Азии. Эти спекулятивные наивно-социологические построения были

опровергнуты исследованиями реального исторического материала.

Древнейшей частью раннесредневекового города Средней Азии был, несомненно, арк-кухендиз, представлявший собой либо трансформированную цитадель античного времени, либо разросшийся и превращенный в укрепленный дворцовый комплекс одиночный замок-кешк. У подножия арка, по одну сторону от его высокой, увенчанной стенами платформы (реже — вокруг нее) и возникал, при благоприятных условиях, собственно город-шахристан. Но обычно он возникал не стихийно, не "мало-помалу", как полагали еще не так давно,²⁹ не только как центр торгово-промышленной деятельности и тем более не как скопище укрепленных аристократических усадеб. Центральные части некоторых старых городов Средней Азии сохранили, несмотря на вековые изменения, следы первоначальной геометрически упорядоченной планировки, — следовательно, их строительство велось в соответствии с определенным замыслом, который предварительно обдумывался и осуществлялся одновременно (хотя, может быть, и достаточно долго) от начала до конца. Такой метод, находящий прямые параллели в античном градостроительстве, предполагает укомплектование города "на вырост": вначале, видимо, разбивалась сетка кварталов, прорезанных улицами и окруженных стенами; на отведенных им участках возводились крупные общественные и сакральные здания, выкапывались водоемы-хаузы. Сами же жилые кварталы застраивались постепенно, по мере роста населения, в соответствии с задуманной планировкой. В раннеисламское время право земельной собственности в городах Средней Азии строго соблюдалось, его не мог нарушить даже правитель. Не исключено, что эта традиция существовала и раньше: владелец земли в шахристане застраивал ее так плотно, как хотел, но за пределы своего "дома" выступать не мог. Однако земля в шахристане могла быть куплена, и со временем сюда из арка переносились правительственно-административные учреждения, включая сами дворцы, и переполненный, стиснутый стенами шахристан "выплескивался" за их пределы застройкой рабадов, которые в свою очередь окружались кольцом укреплений, становясь тем самым узаконенной частью города.

Строительство регулярных городов, возводимых по предварительному проекту-плану, имело в Средней Азии давние, еще доантичные традиции, не было ограничено только античной эпохой и в течение многих веков, даже вплоть до 15 в., было достаточно распространено.

За пределами внешних стен город окружало множество замков-кешков, — они обычно возводились вдоль рек и магистральных каналов, по сторонам больших дорог, которые, подходя к воротам города, превращались в его главные улицы. Замки, в свою очередь, окружали усадьбы земледельцев, меньшие по размерам, но по возможности — особенно в Хорезме — тоже укрепленные.

Этот пригород, подчас очень обширный, с массой высших среди садов и полей замков обычно был защищен собственной "длинной" стеной. Иног-

да такой стеной правитель стремился окружить целый оазис, оберегая его и от враждебных соседей, и от нередких набегов кочевников. Стеной, называвшейся Дивари Киямат, длиной более 11 км, были защищены окрестности (около 400 га) раннесредневекового Самарканда. Колоссальное укрепление Кампыр-дувал, длиной более 150 км, заслоняло с юга и юго-востока Бухарский оазис. В 8— начале 9 вв. из-за угрозы вторжений кочевых тюрок Кампыр-дувал восстановили, но поддержание в порядке огромной стены было слишком тяжелой повинностью, да и с созданием государства Саманидов надобность в ней если не совсем отпала, то заметно уменьшилась, — символом конца политической раздробленности стали гордые слова Исмала Саманида: "Пока я жив — я стена Бухары".

Прочие "длинные стены" раннего средневековья имели не столь гигантскую, но все-таки достаточно внушительную длину. Стена вокруг окрестностей Термеза охватывала около 500 га, стена вокруг Балха — 750 га. В 9 в., на закате эпохи раннего средневековья окрестные земли города Исфиджаб были обнесены стеной, охватившей пространство в 10 раз больше. В течение всего этого времени поддерживались и укреплялись "длинные стены" Мервского оазиса, возведенные еще в 3 в. н. э. и окружавшие площадь около 250 км², — практически все возделанные земли Маргианы.

Строительство и поддержание "длинных стен", требовавшие немалых затрат средств и труда, были, конечно, наглядным следствием политической раздробленности и междоусобиц, свойственных той эпохе и во многом определивших характер ее архитектуры. Но, по-видимому, "длинные стены", сплошная защита которых на всем их огромном протяжении была невозможна, предназначались в первую очередь против конных масс кочевников. Недаром они были неременной составной частью городов-колоний, создававшихся согдийскими переселенцами в Семиречье, на границе с кочевой степью. Эти небольшие города (в одной только Чуйской долине их обнаружено 18)³⁰ служили в 6—8 вв. торгово-ремесленными форпостами, которые торговали с кочевниками, снабжая их продуктами оседлой согдийской культуры. Их хозяйственная и цивилизаторская роль была подобна роли античных греческих городов скифского Причерноморья.

Укрепленные округа городов Семиречья были сравнительно невелики и не сопоставимы с территориями за "длинными стенами" Мавераннахра и Хорасана. Это понятно: города-форпосты в долинах рек Чу и Или представляли собой отдельные небольшие владения, и их малочисленные жители не могли бы ни освоить, ни тем более защитить слишком обширные окрестности³¹. Но и здесь, как повсюду в Средней Азии, за "длинными стенами" укрывались сады, поля и загородные усадьбы.

Само понятие "город" для Средней Азии доисламского времени не совсем однозначно. Если позже, в раннеисламский период (9—10 вв.) главным признаком города, отличающим его от даже крупного селения, была пятничная мечеть — "джума" с кафедрой ("минбар"), откуда провозглашалась молит-

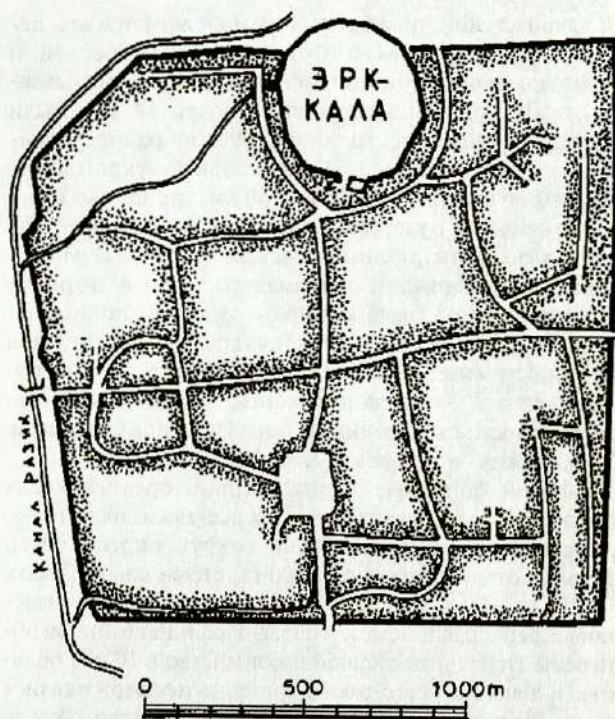

Рис. 2. Гяур-кала — доисламский Мерв. Схематический план. По М. Филанович.

ва-благословение "хутба" в адрес верховного правителя, то в 5—8 вв. таким признаком были, как будто, городские стены. Между тем есть сведения о селениях этого времени, тоже окруженных стенами, но городского статуса не имевших. Условность такой классификации очевидна: любое селение в определенных обстоятельствах могло превратиться в город, тем более, что принадлежность к городскому обществу сама по себе как будто никаких привилегий не давала. В этом, видимо, было существенное отличие городов Средней Азии (да и всего Среднего Востока) от городских коммун средневековой Европы, — отличие, сохранявшееся и много позже.

В 5—8 вв. в Средней Азии было несколько больших, старых (даже для того времени) городов, судьба которых складывалась по-разному. Мерв, столица парфянской Маргианы (под именем Антиохия Маргианская), а позже Северного Хорасана, вошел в состав владений Сасанидов и вплоть до прихода арабов (651 г.) оставался резиденцией иранского наместника-марзбана. Под властью арабов, превративших Мерв в опорный пункт для продвижения в Мавераннахр и далее, город стал резиденцией наместника Халифата (рис. 2).

Шахристан Мерва, называемый Гяур-кала (крепость неверных), в плане близок к квадрату, ориентированному по сторонам света, со сторонами длиной около 1850 м. Геометрически правильная форма плана нарушена на западной стороне, — здесь вдоль городской стены течет канал Разик, поворот которого заставил диагонально срезать СЗ угол шахристана. Примерно посередине северной стороны над городом высятся массив древнего арка, — он называется Эрк-кала, в плане близок к овалу (точнее го-

вора, многоугольнику), площадью достигает 20 га, а высота его наклоненных назад стен в древности была близка 30 м. Арк-цитадель, сильно выступающий внутрь города и слегка наружу, похож на камень в перстне городских укреплений, тоже чрезвычайно мощных и высоких.

Городские стены высотой около 20 м тоже наклоненные внутрь, были на южной, западной и восточной сторонах прорезаны осевыми воротами, от которых внутрь шли главные, пересекающиеся в центре улицы. У этого перекрестка вскоре после прихода арабов была построена первая в Средней Азии мечеть. На северной стороне, середина которой занята арком, ворота располагались к востоку от Эрк-калы, и идущая от них дорога, приближаясь к оси С—Ю, огибала по дуге подножие арка.

Раннесредневековый Мерв археологически хорошо изучен³². Установлено, что в сасанидское время город переживал упадок, заметно обезлюдел и даже отчасти разрушился, — несмотря на то, что сасанидские наместники прикладывали некоторые усилия для поддержания Мерва и в 6 в. даже предприняли капитальную реконструкцию его укреплений, возведенных еще в парфянское время, а может быть, и раньше. Кризис был частично преодолен только в 7 в., но и тогда некоторые части города, прежде плотно застроенные, представляли собой пустыри. Чем, кстати, успешно пользовались приверженцы вероучений, склонных к уединению и разрыву с обществом: в опустевшей СВ части Гяур-калы воздвигли себе обитель христиане (вероятно, несторианского толка), а в ЮВ углу было восстановлено, расширено и украшено старое буддийское святилище с реликварием — "ступа" и монастырем — "сангарам". Этот буддийский культовый центр в 7 в. был перенесен на восток, в предместье, на 600 м за стену города, что, может быть, объясняется временным оживлением жизни в прежде пустой местности. Противоположные угловые части шахристана, СЗ и ЮЗ, тоже не были застроены, но, видимо, по другой причине: эти низко расположенные участки, орошаемые отводами канала Разик, были засажены деревьями, то есть представляли собой сады и традиционно служили для горожан местом отдыха. Исследователь предполагает здесь и огороды.

В 6—7 вв. почти вся южная часть Гяур-калы оказалась занята гончарами-керамистами с их огнеопасными и дымными мастерскими и свалками. Несколько неожиданное превращение заметной части шахристана в характерно ремесленный рабад есть, может быть, косвенное свидетельство того, что жизнь из этой древней части города уже тогда начала перетекать на новые территории, к западу от Гяур-калы, на каналы Разик и Маджар, где в 9—10 вв. образуется новый Мерв, будущая столица Сельджукидов — Султан-кала. Древняя Гяур-кала, однако, не совсем обезлюдела: в ней продолжали жить (может быть, вместе с коренными горожанами и пришельцы-арабы), свидетельство чему — строительство в самом ее центре первой мечети Бану Махан.

Что касается арка Эрк-кала, то на ее вершине, похожей на погасший вулкан, были раскопаны остатки здания 6 в., примкнувшего к монолитной плат-

форме парфянского времени. Открыто несколько комнат, расположение которых позволяет думать, что здание имело административно-служебное назначение и входило в состав правительственного аппарата при наместнике-марзбана³³. В 8 веке, уже при арабах в Эрк-кале продолжали сохраняться арсенал и тюрьма.

Остатки значительных построек доисламского времени в Гяур-кале еще не найдены, хотя они, вероятно, есть. О том, что здесь некогда стояли величественные и необычные здания, рассказывает легенда, записанная арабским писателем 10 в. Ибн ал-Факихом. Речь в ней идет о большом старинном доме, называвшемся Кей-Марзубан, который был увенчан скульптурными изображениями двух мужчин и двух женщин, поддерживавшими крышу; внутри имелось еще одно удивительное изображение — "неизвестно, что такое". Некие люди, утверждавшие, что дом построен их предками, разрушили его, забрав деревянные части и золото, имевшееся в изображениях. Кей-Марзубан был чем-то вроде общегородского талисмана: в год, когда он был разрушен, Мерв и его округ постигли великие бедствия³⁴. Другой источник упоминает, что внутри фигур, венчавших дом, имелись некие чудесные, никому не понятные устройства. К сожалению, сделать на этом основании хотя бы приблизительную реконструкцию удивительного здания затруднительно.

Есть основания думать, что с переходом власти в руки арабов жизнь в древнем шахристане Мерва пошла, так сказать, на подъем: резиденция наместника халифа была привлекательна для энергичных и честолюбивых людей, которые умножали население города; разнообразная продукция ремесленников находила сбыт, и воины, вернувшись из походов в Мавераннахр, легко тратили добытые грабежом деньги³⁵. Тем не менее средоточие городской жизни неуклонно передвигалось из замкнутой Гяур-калы на запад, за Серахские ворота, где вскоре была построена вторая мечеть, названная уже в 10 в. "старой". Однако в 9 в. Гяур-кала и даже крайне неудобная для жизни Эрк-кала были еще частично населены.

Аналогичной была судьба и раннесредневекового Самарканда, хотя здесь картина упадка города и степень этого упадка далеко не так ясны. Археологические исследования показали, что признаки некоторого запустения появились здесь, как и в Мерве, рано, — в конце 3— начале 4 века, — и прослеживаются до 6 века (Рис. 3).

Предполагается, что Самарканд возник в середине 1 тысячелетия до н. э., и что город, называвшийся тогда Мараканда, в 4 в. до н. э. взял (как будто без боя) Александр Македонский. Выгодное расположение в долине реки Зеравшан, на Великом шелковом пути, посреди цветущего оазиса обеспечило городу стабильное процветание: Самарканд всегда оставался естественной и главной столицей. Тогда, а бывало, что и гораздо более крупных государств. Понятно, что за многовековую историю городу пришлось испытать и бедствия, но он всегда благополучно из них выходил, — даже после монгольского погрома, который пресек жизнь многих среднеазиатских городов.

В доисламское время шахристан Самарканда занимал естественную платформу приблизительно треугольных очертаний, обращенную к югу скругленным острием, площадью около 219 га. Древнейшей частью города была северная оконечность этого плато, крутым обрывом обращенная к реке Сиаб, — здесь рядом с обрывом возвышается искусственный холм городской цитадели — арк. Город постепенно распространялся отсюда к югу, причем каждый заметный прирост территории фиксировался сооружением новой линии укреплений. Так возникли четыре извилистые линии стен, — арк-цитадель примкнул с севера к первой стене, а последнее четвертое полукольцо опоясало город по западному и восточному краям плато. Северная сторона, защищенная высоким отвесным обрывом, в укреплениях не нуждалась.

Исследователей давно занимал вопрос, как долго продолжалось это скачкообразное расширение шахристана, и когда оно завершилось распространением по всему плато, которое теперь носит имя легендарного персонажа среднеазиатской истории Афрасиаба. Ныне установлено, что это произошло еще до прихода арабов: к началу 8 в. все треугольное плато было плотно застроено, а в его более низкой южной части город даже вышел за пределы четвертой стены. В 9 в. здесь уже существовал рабад, несомненно возникший еще в доисламское время и более чем вдвое превышавший замкнутое стенами пространство шахристана³⁶.

Дорога из шахристана в лежащий ниже рабад вела через южные Кешские ворота, от которых вглубь

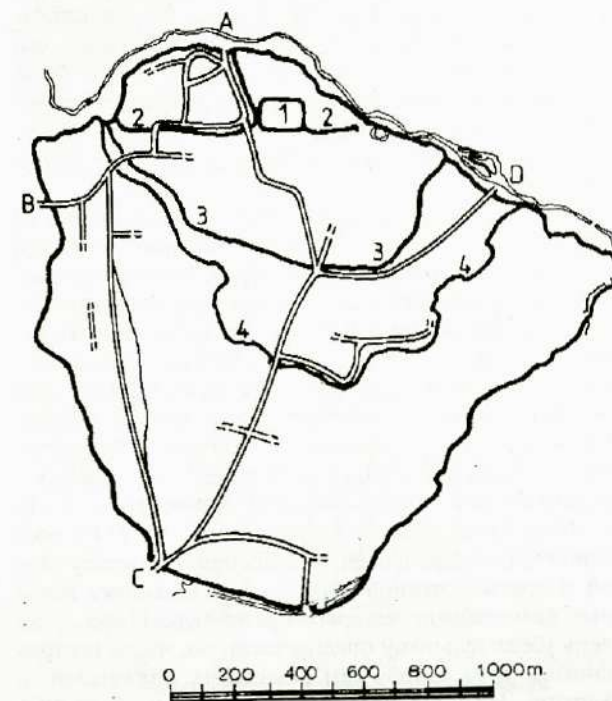

Рис. 3. Самарканд — Афрасиаб. План.

1 — цитадель.	А — Бухарские ворота.
2 — первая стена.	В — Наубехарские ворота.
3 — вторая стена.	С — Кешские ворота.
4 — третья стена.	Д — Китайские ворота.

шахристана — на ССВ — вели разбегающиеся лучами три улицы. Левая вела к Наубехарским и Бухарским воротам шахристана, а средняя, прорезав две его внутренние стены, подводила к Китайским воротам, откуда по крутому серпантину спускались к Сианбу. Для того, чтобы провести воду в лежащий выше на плато шахристан, около главных Кешских ворот в 6—7 вв. была построена дамба (в источниках она называется акведук, что не совсем верно) с водопроводом из свинцовых труб или желобов, — она, судя по эмоциональным описаниям путешественников-арабов, еще действовала в 9—10 вв. Легенда приписывает строительство дамбы с водопроводом, называемой Арзис, некоему еврею, прибывшему в древности из Китая³⁷.

Вода из Арзис (Джуи-Арзиз) растекалась по трем большим каналам, которым отвечало направление главных улиц, — они, возможно, и были умышленно проложены вдоль каналов; от этих каналов расходилась сеть мелких протоков, питавших водой городские кварталы. В городе, кроме того, имелись хаузы, — в том числе очень большие и глубокие, а в некоторых домах были собственные колодцы, вода которых, правда, считалась плохой для питья. Эта система продолжала действовать и после завоевания Самарканда арабами.

Упомянутая "длинная стена" доисламского Самарканда, называвшаяся Дивари Киямат, была построена или восстановлена в начале 7 в. Охваченная ею площадь, покрытая усадьбами с замками, селениями, садами и полями (современники исламизации насчитали здесь 12 тысяч укрепленных поместий с замками-кешками), достигала 11 тысяч га, — лишенный стен рабад размером около 160 га составлял только очень небольшую ее часть. Это пространство, не входившее в город, но составлявшее его цивилизованное окружение и как бы резерв, было прорезанно несколькими дорогами, местами застроенными подобно улицам; на пересечении дорог с Дивари Киямат стояли 12 ворот, вероятно, укрепленных³⁸.

Раскопки Афрасиаба, покинутого жителями в 13 в., ведутся более ста лет, но по разным причинам (среди них — низкое научное качество ранних раскопок и их документации) облик доисламского Самарканда все еще нечетлив, а корпус его значительных сооружений, их расположение и облик по-прежнему неясны. Большинство раскопанных здесь крупных построек — таких, как комплекс жилого квартала³⁹, так называемый купольный зал⁴⁰ и, естественно, большая пятничная мечеть⁴¹, — справедливо датируются раннеисламским временем — 9—10 вв. Лишь сравнительно недавно (1965–68 гг.) в восточной части Афрасиаба, в пространстве между второй и третьей стеной был открыт комплекс парадных помещений, который представляет собой, по очень убедительному предположению, часть построенного в 7 в. дворца самаркандских правителей — ихшидов. находка получила известность из-за росписи одного из залов, где изображен торжественный прием послов из Чаганиана, — произведения исключительной художественной и исторической ценности. Но из-за этого драгоценного памятника

изобразительного искусства сама архитектура дворцового комплекса, тоже вполне уникальная, осталась как бы в тени, — ее единственная публикация ограничена чертежом плана в книге, целиком посвященной исследованию росписей⁴². Между тем группы открытых помещений интересны уже своим расположением почти в центре доисламского Самарканда, да и назначением: дворцовая архитектура Средней Азии этого времени изучена далеко не достаточно, и образцов ее мало.

Есть упоминание о храмовых помещениях, открытых к ЮВ от дворцовой группы и имевших отношение к культу огня, но их публикацию я не нашел⁴³. Не опубликовано, к сожалению, и здание 6 в. в центральной части шахристана — с залом 8,90×8,12 м, стены которого расписаны изображениями охоты, горных пейзажей, гранатовых деревьев и птиц⁴⁴. В северной части Афрасиаба раскапывалось большое отдельно стоящее здание, частично датированное 5—7 вв., но оно так разрушено и перестроено, что его архитектурная характеристика невозможна⁴⁵.

Постепенное расширение самаркандского шахристана с севера на юг, фиксируемое строительством новых стен, показывает условность деления раннесредневекового города на две стабильные части — шахристан и рабад. Земли афрасиабского плато, лежавшие южнее очередной стены, играли по отношению к землям за стеной роль рабада; взятые под защиту новой стеной, они сливались с шахристаном и становились его полноправной частью, ничуть не меняя ни своей плановой, ни социальной структуры. Говорить в этих условиях об общественном или экономическом противостоянии "аристократического" шахристана и "буржуазного" рабада нет оснований.

Столица западного Согда, лежащая в низовьях реки Зеравшан Бухара возникла, судя по археологическим данным, в 4—3 вв. до н. э. В отличие от Мерва и Самарканда-Афрасиаба, со временем превратившихся в мертвые городища, Бухара была всегда обитаема, что, правда, затрудняет ее археологические исследования. Правда, Бухара — единственный город Средней Азии, чья пред- и раннеисламская история была подробно описана в известном труде Наршахи, историка, жившего в 10 в. Но сопоставить свидетельства Наршахи со следами исторической топографии, которых в Бухаре сохранилось немало, долгое время было очень трудно. Кроме того, если рассказы Наршахи о городе раннеисламского времени, когда он стал столицей государства Саманидов, носят вполне конкретный характер, то период истории Бухары до победы ислама выглядит гораздо более легендарным, и достоверных сведений здесь меньше.

В древности город, как будто, назывался Нумиджкат, а Бухарой называлось все владение, правитель которого назывался бухар-худат. Будущая Бухара возникла южнее нижнего течения Зеравшана, который распадается здесь на несколько протоков, на низкой болотистой равнине, над которой и ныне возвышается массивный искусственный холм городской цитадели — арк. Эта цитадель представляла собой, вероятно, разросшуюся, многократно перестраивавшуюся и достраивавшуюся укрепленную усадьбу. В 5—6 вв. она уже так расширилась, что превратилась в

сильную крепость с двумя воротами (на западе и востоке), высоко поднятую над равниной. Легенды приписывают Бухаре глубокую древность и связывают ее основание с мифическим героем Сиявудем, чья почитаемая могила предполагалась у восточных ворот арка. На небольшом расстоянии от арка и к ЮВ от него появилось (вероятно, еще в кушанское время) селение, со временем преобразованное в регулярно организованный шахристан.

В 7 в. укрепления цитадели были реконструированы, и в ней возвели новый дворец, план которого, как рассказывает Наршахи, в магических целях повторял форму созвездия Большой медведицы. Рядом с дворцом были построены здания канцелярий, казначейства, тюрьма и храм. За западными воротами арка простирались возделанные земли и сады, над которыми поднимались более двух тысяч укрепленных замков и стояли сотни загородных усадеб, тоже укрепленных и мало чем отличавшихся от замков. Ворота выводили на площадь, называвшуюся Регистан — "Песчаная". Восточные ворота, впоследствии уничтоженные, были обращены в сторону неподалеку расположенного шахристана.

Как говорилось, представление о характере городской застройки в доисламской Бухаре долгое время опиралось на "Историю Бухары" Наршахи, книги, созданной двумя веками позже описываемой эпохи. Шахристан Бухары, по Наршахи, состоял из укрепленных усадеб землевладельцев и богатых купцов с замками-кешками внутри них. Эти усадьбы разделялись незастроенными участками и даже полями, и город, по существу, был просто скоплением замков в обводе наружных стен. Подтверждение этой картины советские историки-марксисты находили в теории, согласно которой она (картина) демонстрирует начальную стадию отделения города от деревни, то есть недостаточную развитость городских ремесел и торговли. Неверность таких представлений (усугубленная, возможно, не совсем верным пониманием текста Наршахи) была впоследствии доказана.

Изучение плановой структуры позднесредневекового шахристана Бухары, которая дожила почти до наших дней, выделение в ней сохранившихся раннесредневековых деталей и сопоставление с письменными свидетельствами позволили О.Большакову с достаточной убедительностью реконструировать общую планировочную схему бухарского шахристана предисламского времени (речь идет не о размерах и границах шахристана, которые были определены О.Сухаревой, Л.Ремпелем и другими исследователями раньше, а о его внутреннем устройстве)⁴⁶ (рис. 4). Это, видимо, был прямоугольный город, ориентированный осями по сторонам света, площадью 33—35 га и с длиной сторон около 600 м. Возвышенный прямоугольник таких размеров и конфигурации — след первоначального шахристана — и сейчас легко прослеживается в городском рельефе Бухары. Пространство шахристана было разделено сеткой прямых улиц (5 улиц в широтном направлении, 9 — в долготном) на единообразные прямоугольные, плотно застроенные кварталы. Главные осевые улицы заканчивались воротами; еще трое ворот прорезали западную стену у начала широтных улиц.

Пересечение осевых улиц на реконструкции совпадает с торговым "куполом ювелиров" ("Токи Заргарон") 16 века, а главная широтная улица — с нынешней магистралью, на которую выходят боковые стены пятничной мечети Калаян и медресе Мири Араб, и восточнее — порталы медресе Улугбека и Абдулазизхана. Этот регулярный город, конфигурацией близкий к квадрату, с большим прямоугольными, продолговатыми кварталами (средняя величина 130-140×45-50 м) был, конечно, создан по заранее разработанному плану, в традициях античных городов Среднего и Ближнего Востока, но, вероятно, на месте более раннего поселения, стихийно разросшегося у замка местного владетеля. Позже его геометрическая структура претерпела естественную деформацию — дробление и слияние владений, новые крупные постройки общественного и сакрального назначения, — все это привело к "размыванию" регулярной планировки города, расширившегося и вышедшего за пределы стен прямоугольного шахристана.

Предложенная О.Большаковым реконструкция доисламского шахристана Бухары не вызвала принципиальных возражений. Е.Давидович отметила спорность предложенных названий некоторых ворот, — Наршахи и другие источники допускают разноч-

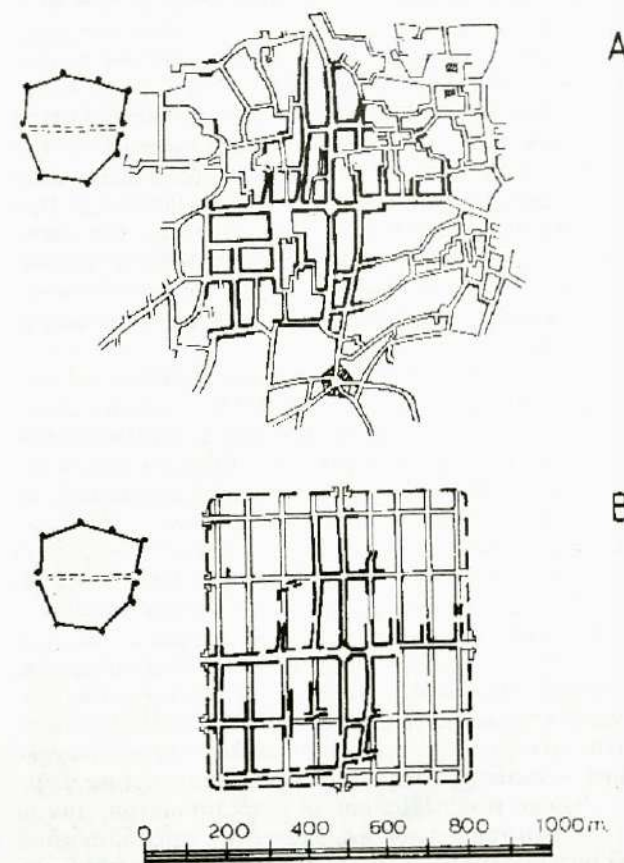

Рис. 4. Бухара в 5–8 вв. Реконструкция центра города. По О.Большакову. А — центральная часть города в 19 в. со следами древней планировки. В — реконструкция центра города по этим следам.

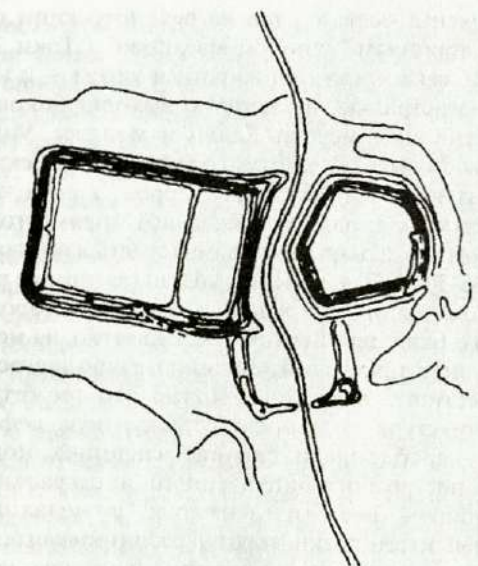

Рис. 5. Городище Хосров-кала. План. По Г.Пугаченковой.

тения, да и у ворот могли быть различные названия⁴⁷. Между тем раскопки, предпринятые в 70-е гг. у северной стороны мечети Калян, то есть в центральной части шахристана, обнаружили его крепостную стену с остатками предвратного сооружения, датированную 5—6 вв.⁴⁸. По расчетам исследователя это должна была быть южная стена шахристана, который, значит, был вдвое меньше предполагавшегося и охватывал только его северную половину. При этом число широтных улиц сокращается, может быть, до трех, а новая центральная улица, ведущая к воротам Кухендиз, оказывается на одной линии с внутренней улицей кухендиза-арка, как бы продолжая ее на восток.

Все-таки новые предполагаемые размеры шахристана — примерно 300-360×250-300 м — кажутся слишком маленькими для доисламской Бухары середины I-го тысячелетия, которая была городом хотя и небольшим (она всегда была меньше Самарканда), но все-таки не селением. К тому же, как говорилось, контуры "большого" шахристана достаточно ясно просматриваются в рельефе города даже сегодня. Можно предположить, что геометрически правильный прямоугольник шахристана возник не сразу, а поэтапно, с постепенным наращиванием размеров, или что "большой" шахристан был изначально разделен стенами для безопасности на несколько частей, хотя толщина открытой стены — 17 м у основания — выглядит для внутренней стены чрезмерной.

Что до реконструкции бухарского шахристана до — и раннеисламского времени, предложенной О.Большаковым и опирающейся на исследования О.Сухаревой и Л.Ремпеля,⁴⁹ то она в общем убедительна. Пожалуй, сомнения вызывают лишь участки, примыкающие изнутри к стенам, слишком маленькие и узкие для нормальных городских усадеб,

— в некоторых городах Средней Азии того времени внутренний периметр городских стен оставался незастроенным для удобства их защиты.

Рабат вокруг шахристана Бухары появился еще в доисламское время: одна из старейших мечетей города, называвшаяся Мах, заняла место "храма магов", то есть зороастрийского храма, который стоял вне шахристана и к югу от него, у базара, где продавались "идолы". Он, несомненно, был построен уже на городской земле. В середине 8 в. рабаты Бухары примыкали к стенам шахристана по меньшей мере с юга и востока; южной границей рабата был, вероятно, канал Шахруд, протекавший в 300 м южнее шахристана, на востоке рабат был примерно такой же ширины. На западе граница рабата доходила, видимо, только до арка, но не охватывала его. С северной стороны в доисламское время рабата как будто еще не было, и здесь границей города оставалась стена шахристана.

От этого раннего "внутреннего" рабата Бухары не осталось следов, и его границы и размеры едва ли будут когда-нибудь твердо установлены. Неясно даже, были ли у него стены: упоминаемые в письменных источниках его ворота могли быть городскими, но могли быть и воротами, замыкавшими отдельные торговые улицы и не связанными со стенами укреплений. Если даже стены первого рабата, позже ставшего "внутренним", и существовали, то в середине 9 в., когда город вышел за их пределы, они потеряли значение, разрушились или были разобраны. Веком позже город окружила новая стена с 11 воротами, внутри которой оказались бывшие пригороды, — теперь здесь стояли жилища (среди них замки знати, покинувшей шахристан после захвата ее усадеб арабами) и располагались базары. Внутри городских стен оказался и арк-кухендиз с площадью Регистан, на которой в годы правления Саманидов выросли дворцы, здания "диванов" и другие общественные постройки.

Близкое сходство с раннесредневековой Бухарой заметно в руинах небольшого укрепленного города Хосров-кала в Южном Туркменистане⁵⁰. Основанный в античную эпоху, этот город угас вскоре после арабского завоевания, и в его устройстве сохранились предисламские черты (рис. 5). Прямоугольное городское пространство размерами 230×150 м, поднятое на искусственную платформу 9-метровой высоты, было окружено стенами с круглыми, редко расставленными башнями. К востоку от города, отделенный от него руслом канала, возвышался арк-кухендиз многоугольной в плане формы. С южной стороны проход между арком и городом-шахристаном защищала выносная стена с воротами, и отсюда на сложную из пахсы городскую платформу вел пандус.

Соотношение города-шахристана и цитадели-арка здесь "зеркально" подобны ситуации доисламской Бухары, а соотношение обеих частей близко предполагаемому соотношению арка и шахристана Бухары в варианте с "малым" шахристаном. Городище как будто не раскапывалось, и его застройка осталась неизвестной, но геометрически правильные контуры шахристана позволяют предполагать здесь соответствующую регулярную планировку.

Исторически с раннесредневековой Бухарой был связан город Варахша, расположенный в 40 км к западу от нее, в некогда плодородной и густо населенной местности, которая впоследствии была захвачена пустыней и обезлюдела⁵¹. По свидетельству Наршахи, Варахша, бывшая резиденция правителей доисламской Бухары-страны, была древнее Бухары-города, имела сильные укрепления и великолепные дворцы. Называвшаяся тем не менее в исторических источниках не городом, а только селением, она дожила до 12 в. К сожалению, в руинах Варахши, образующих неправильной формы холм площадью около 9 га, сохранились лишь редкие следы городской застройки доисламского времени⁵². Но случайная форма городища, разбросанность городских ворот, чье расположение определяется уличной сетью, и необычное расположение большого дворцового комплекса с цитаделью на южном краю города — все это как будто свидетельствует о том, что плановое устройство Варахши, в отличие от Бухары, не было геометрически регулярным. Структура городского плана здесь, как и во многих других случаях, подчинялась форме и естественному рельефу холма, на котором вырос город, и, конечно, задачам обороны, удачно решить которые позволял натуральный рельеф — холмистое возвышение в центре (предполагают, что здесь стоял первоначальный дворец) и впадина вокруг него.

В Варахше, как и в Самарканде-Афрасиабе, цитадель фактически неотделима от шахристана и как бы составляет его часть, — в этом случае членение города на арк-цитадель и шахристан настолько условно, что теряет смысл. Оставаясь резиденцией Бухар-худатов, Варахша, видимо, не нуждалась в рабате, но преобладающую часть ее "цитадельного" комплекса занимал обширный, многократно перестраивавшийся дворец с представительными, жилыми, культовыми и прочими помещениями (рис. 6).

Оба города — Хосров-кала и Варахша — равно характерны для раннесредневекового градостроительства Средней Азии: город, строившийся на ровной местности, получал преимущественно геометрически правильный контур и регулярную планировку, уходящую корнями в античную и даже доантичную древность; если же условия местности позволяли приспособить их для обороны, городу придавалась иная, менее геометрически организованная форма. Но и в этом случае, судя по Пенджикенту, плановой структуре города стремились придать возможно большую регулярность.

Ныне Пенджикент, как говорилось, — самый изученный среднеазиатский город поры раннего средневековья. Фактически — это единственный город, изучаемый как цельная исторически сложившаяся структура жилого и общественного назначения, неиссякаемый источник новых знаний о городских жилищах и общественных зданиях, монументальном и декоративном искусстве доисламской Средней Азии. Сейчас город, как Помпеи в Италии, раскопан на 2/3 его общей величины. Ему посвящена обширная научная литература, и хотя оттенок сенсационности, свойственный первым годам работ в Пенджикенте,

заметно ослабел, эти работы продолжают вызывать неослабный интерес⁵³.

Город Пенджикент возник в 5 в. в 60 км восточнее Самарканда, выше по течению Афрасиаба как центр отдельного владения, временами независимого, а временами, видимо, политически подчиненного Самарканду. Его плановая структура полностью сложилась, вероятно, в 6—7 вв. Теперь благодаря раскопкам, раскрывшим большую часть городской застройки, эта структура выявлена с достаточной полнотой (рис. 7).

Город был построен на краю плато, обрывающегося крутыми склонами к северу (здесь граница обрыва прямая) и западу, где за глубокой ложбиной, на отдельном холме, под защитой цитадели и замка-кешка был воздвигнут большой дворец правителя. Такое сочетание города и укрепленного дворцового комплекса несколько напоминает Бухару, но сходство это скорее внешнее: Бухара возникла как сателлит крупной укрепленной усадьбы, позже превратившейся в цитадель-арк, в Пенджикенте же цитадель с дворцом и город возникли одновременно как равноправные составляющие административно-властного и торгово-ремесленного центра.

Прямая восточная и изломанная южная границы города не имели естественной защиты и были по необходимости защищены стенами; в южной стене, как полагают исследователи, под защитой сильно выдвинутого трапециевидного выступа располагались главные городские ворота.

Естественно и искусственно защищенное пространство города, размерами приблизительно 450×330 м, только на севере и востоке было ограничено прямыми линиями, которые, смыкаясь, образуют почти прямой СВ угол. Но направление именно этих двух сторон определило внутреннее устройство Пенджикента, ориентацию его улиц, расположение кварталов, площадей и крупных отдельных сооружений.

Вдоль прямой восточной границы города тянулись два длинных, плотно застроенных квартала жилых домов, разделенных неширокой прямой ули-

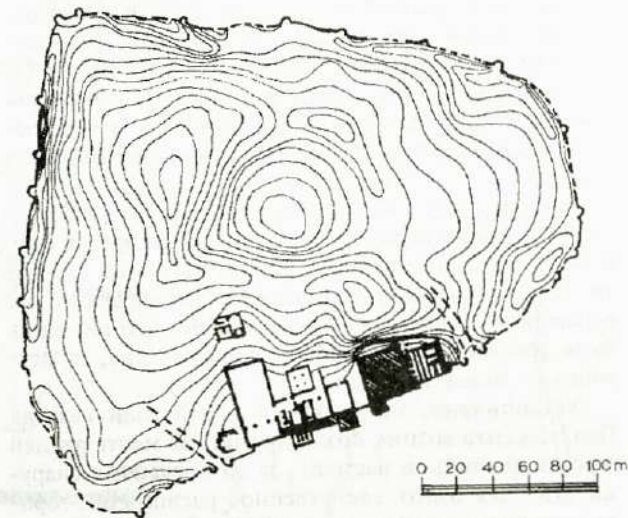

Рис. 6. Варахша. План с дворцовым комплексом. По В.Шишкину.

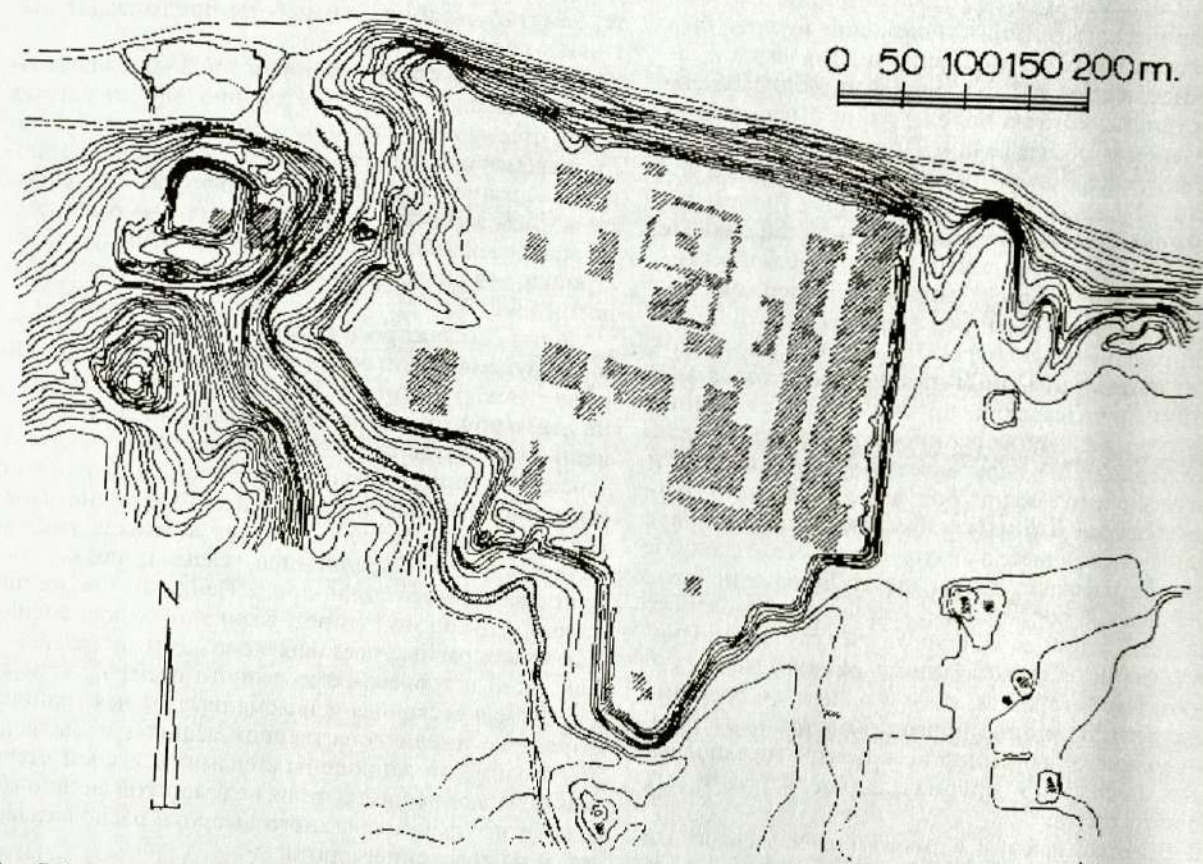

Рис. 7. Пенджикент. План. По А.Беленицкому.

ций. Западнее просматриваются постройки третьего параллельного, более короткого квартала. К южной части этой застройки примыкали два поперечных квартала, продолжавшиеся в западном направлении. Все вместе выглядит как слитная застройка общей Г-образной конфигурации, внутри которой, ближе к северному краю города, располагались два крупных комплекса монументальных зданий — общественный центр Пенджикента. Западная часть пенджикентского шахристана меньше затронута раскопками, здесь открыты лишь отдельные жилые комплексы, но их ориентация — такая же, как у восточных кварталов — позволяет предполагать, что плотно застроенные продолговатые кварталы города П-образно, с западной, южной и восточной сторон охватывали общественный центр, вокруг которого сохранялось незастроенное пространство шириной около 20 м.

Еще не совсем ясен принцип застройки города в части, трапециевидным мысом выступающей к югу, и на его западном краю, лежащем напротив цитадели. Изрезанный контур в этих местах неудобен для регулярной планировки, — возможно, что она здесь была другого, более свободного характера, и застройка — менее плотной.

Установлено, что крайний восточный квартал Пенджикента возник позже других, на месте ранней городской стены и частично за ее пределами снаружи. Это, как будто, единственное расширение города за его первоначальные границы. Оно едва ли дает повод говорить, как это делают исследователи, о раз-

делении шахристана на внутренний и внешний город, и называть "внешний" город рабадом,⁵⁴ — "рабад" слишком мал для целого городского района и ничем не отличается от внутренних городских кварталов, тогда как подлиннее рабады городов Средней Азии, сложившиеся в раннее средневековье, своим устройством обычно отличаются от регулярной планировки шахристанов.

За 400 лет существования города характер его застройки, конечно, менялся. На первый взгляд кажется необъяснимым, почему большой восточный квартал, вытянутый на 200 м и состоящий из двух рядов тесно сомкнутых, внедряющихся одно в другое жилищ, на всем своем протяжении не был прорезан ни одним поперечным проходом, — для того, чтобы попасть в центр города, жителям внешней стороны квартала приходилось делать изрядный крюк. Исследования показали, что так было не всегда: первоначально домовладения, образующие квартал, разделялись узкими поперечными переулками, и только позже, когда население города выросло, в поисках места для новых жилищ эти переулки пришлось застроить и надстроить⁵⁵. Ранняя разреженная застройка, состоявшая из отдельно стоявших домов, сменилась сплошной, с извилистыми и нечеткими границами между сомкнутыми домовладениями. Большинство кварталов было примерно одинаковой глубины — около 10 м — и состояло из двух рядов жилищ, соединенных задними сторонами. С предельной теснотой большинства жилых кварталов, лишенных не только садов, но, как будто, и свето-

вых дворов-колодцев, контрастировал просторный общественный центр, окруженный к тому же широкой незастроенной полосой.

Анализ геометрических закономерностей городского плана привел его исследователя к важному и, как будто, убедительному открытию (рис. 8). Было установлено, что прямоугольная сетка кварталов основана на системе метрических единиц размерами 53,8 м, названных (по-моему, не совсем правильно) планировочным модулем, и половины этой величины — 26,9 м. Отклонения от этой сетки так редки и малы, что могут не приниматься в расчет. Улицы широтного направления, с ориентацией З—В, отстоят одна от другой на 53,8 м; меридианальные улицы, по большей части упомянутые переулки, разделены расстоянием 26,9 м⁵⁶. Система меридианальных улочек Пенджикента была, таким образом, вдвое гуще системы широтных улиц, — это находит аналогию в реконструкции шахристана Бухары, предложенной О.Большаковым, — аналогию настолько близкую, что случайное совпадение здесь едва ли возможно. Конечно, одно совпадение недостаточно для обобщающих выводов, но можно все-таки предположить, что именно такой прием городской планировки был свойствен раннесредневековым городам Средней Азии, строившимся по предварительному замыслу, — если не всем, то многим.

До сего времени Пенджикент остается единственным доисламским городом Средней Азии, планировка и застройка которого систематически, давно и подробно изучаются. Будущее покажет, в какой степени устройство Пенджикента было типичным для среднеазиатского градостроительства этой эпохи, а в какой оно следовало местным особенностям, порожденным социальными и географическими факторами локального характера.

Разумное сочетание регулярной прямоугольной планировки и холмистого рельефа местности, используемого в целях обороны, демонстрирует Кафиркала — небольшой, сильно укрепленный город на юге Самаркандского оазиса⁵⁷. Давно умерший город не раскапывался, но его общая структура достаточно ясно прочитывается по сохранившемуся выразительному рельефу (рис. 9).

Город-крепость, построенный на левом южном берегу реки Даргом, контролировал торговый путь, который вел из Согда на юг и охранял оазис с южной стороны. Его территория площадью около 16 га была разделена ведущей с юга дорогой на две части — меньшую узкую западную и большую восточную, с массивной цитаделью посередине. Южная и западная стороны городских укреплений этой большей части были выстроены правильным прямоугольником, на севере и СВ контур городища следует при-

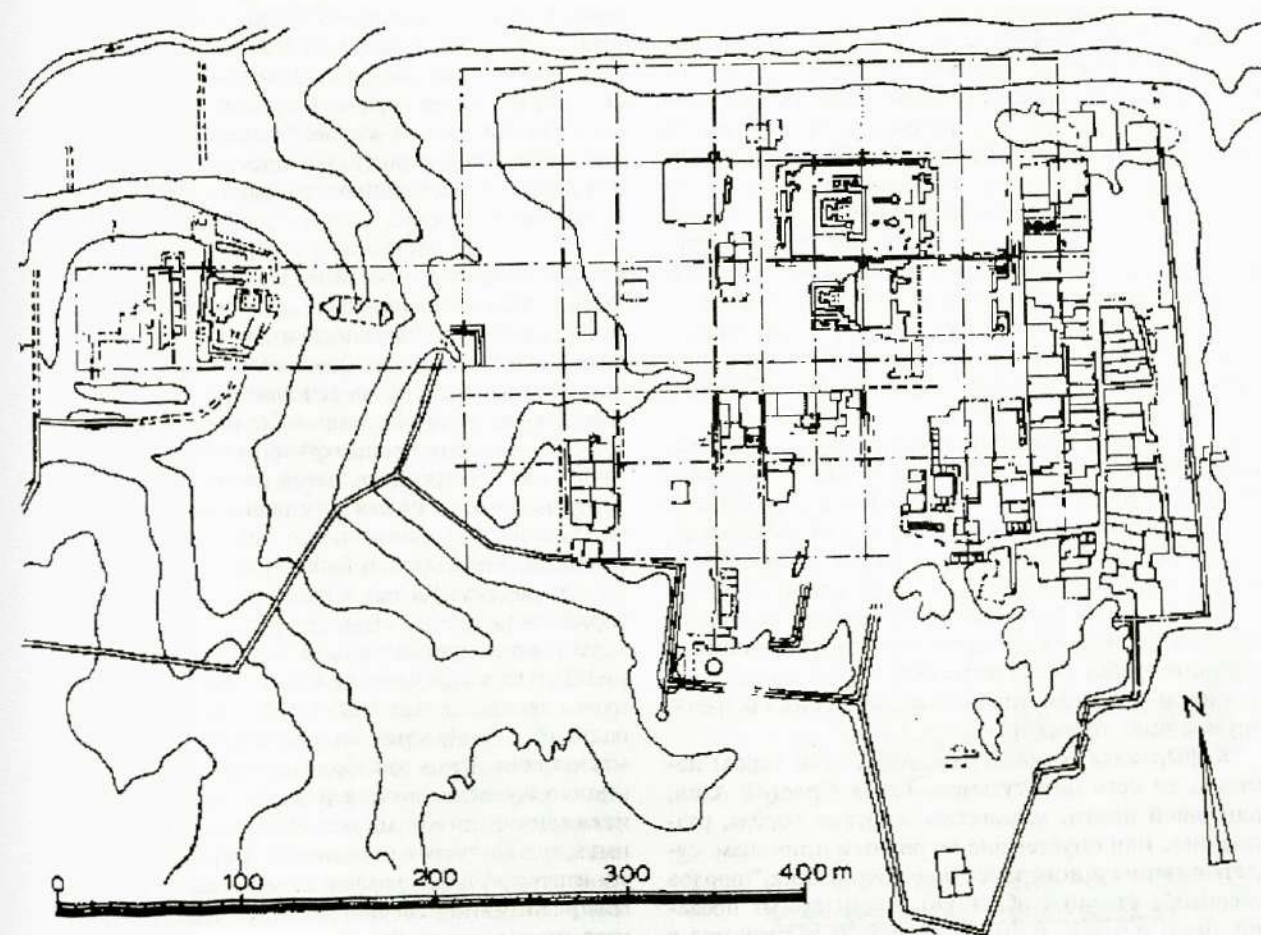

Рис. 8. Пенджикент. Геометрический анализ городского плана. По Л.Гуревичу.

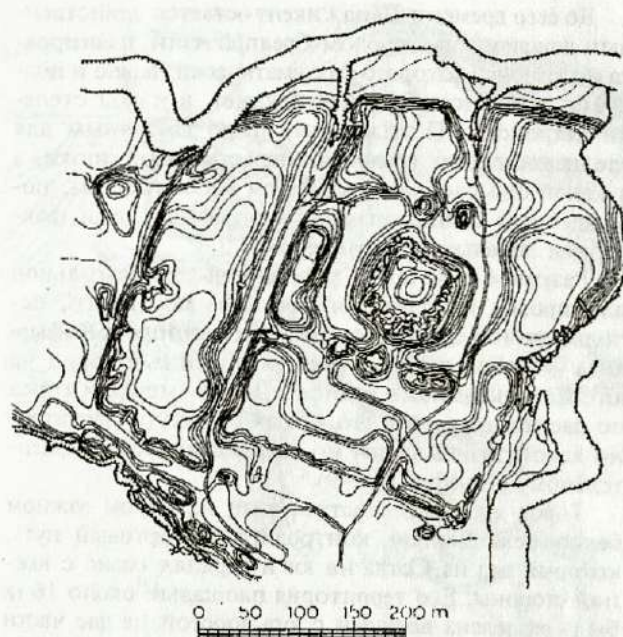

Рис. 9. Городище Кафир-кала в Узбекистане. План. По В.Нильсену.

хотливому рельефу, и конфигурация его здесь соответственно нерегулярна. Особенно сильно была укреплена южная сторона — вся и особенно в том месте, где город пересекала дорога.

Особенность Кафир-калы — ее грандиозная цитадель, даже сейчас поднимающаяся более чем на 20 м в центре главной и, видимо, более ранней восточной части города. Квадратный массив цитадели (длина одной стороны больше 70 м) был отделен от окружающей ее слитной городской застройки широкой незастроенной зоной и дополнительно усилен отдельно стоящими башнями, по три на северной и южной сторонах. Жилые кварталы города представляли собой как бы неширокое окружение мощного крепостного ядра, благодаря которому Кафир-кала с ее наружными укреплениями представляла собой, вероятно, неприступную по тем временам крепость.

Со временем город расширился в западном направлении. Эта новая территория, шириной около 100 м, тоже была обнесена стенами и к старой части города вплотную не примыкала, — как говорилось, между ними пролегла дорога. Среди раннесредневековых городов Средней Азии, как правило сильно укрепленных, самаркандская Кафир-кала выделяется особенно могучими оборонными сооружениями и главенствующим (количественно и композиционно) значением цитадели, играющей здесь редко встречающуюся роль городского ядра.

"Кафир-кала" означает крепость (или город) неверных, то есть немусульман. Так в Средней Азии, принявшей ислам, назывались мертвые города, разрушенные или опустевшие по разным причинам, существовавшие в доисламскую эпоху. Таких "городов неверных", ставших объектами легендарных преданий, было немало, и имя Кафир-кала встречается в топонимике Средней Азии не один раз. Руины еще

одного древнего города с тем же позже полученным именем лежат в Южном Таджикистане, в долине реки Вахш⁵⁸. Таджикская Кафир-кала — укрепленный город, настоящее имя которого (как и многих других древних городов) неизвестно, была строго квадратной формы, 360×360 м, и ориентирована осями по сторонам света. Город был опоясан стеной, которая сейчас выглядит как глинобитный вал 5–10 м шириной. Заметны расширенные и возвышенные части вала — это остатки башен, которых было по 6 или 7 на каждой стороне. Даже сейчас видно, что угловые башни были гораздо крупнее прочих (рис. 10).

Город окружал ров шириной 50–60 м и глубиной 5 м. Квадратная цитадель, размерами в плане 70×70 м, занимала СВ угол городской территории. От жилой застройки она отделялась рвом, ширина которого в южной части была 25 м, в западной — до 18 м. Эта цитадель сейчас раскопана и изучена, — речь о ней пойдет позже, в разделе, посвященном дворцам и общественным зданиям.

Квадратный план предполагает традиционное перекрестие главных осевых улиц. Здесь же, судя по рельефу, город был разделен пополам только одной осевой улицей, шедшей в направлении запад — восток, которая начиналась и заканчивалась городскими воротами. Вскопленные, скрывающие руины городских кварталов и отдельных зданий, позволяют и без раскопок разглядеть на топографическом плане направление и этой магистрали, и меньших улочек, отходящих перпендикулярно от нее, и даже отдельные жилые массивы этого несомненно регулярно спланированного города. Особенно четко выделяется крупный холм в восточной части, между цитаделью и главной улицей, — он, вероятно, скрывает комплекс общественных или сакральных (или и тех и других) построек.

Небольшие раскопки в северной половине города, примерно в ее середине, вскрыли большое помещение типа приемного зала, размерами 17×7 м в плане, со сводчатой "тронной" нишей в торце, арка которой опиралась на угловые колонки. Вход в зал лежит напротив ниши, на его длинной оси; вдоль стен тянутся глиняные скамьи — "суфы", которые перед нишей образуют площадку-эстраду. Стены возведены из массивных слоев битой глины — "пахсы", разделенных прослойками из сырцовых кирпичей. Зал, несомненно, предназначался для торжественных церемоний, его владелец был знатен и богат.

Таджикская Кафир-кала — один из самых характерных и типичных образцов регулярного, укрепленного города предисламской эпохи, — с квадратной цитаделью в одном из углов, собственным квадратным планом, сильной системой обороны и прямоугольной сеткой улиц по сторонам главной осевой магистрали. Здесь эта традиционная схема дошла до нашего времени почти в идеальном воплощении, не искаженная поздними изменениями. Стоит напомнить, что попытка ограничить истоки этой градостроительной идеи одними только западно-античными традициями неверна: геометрически упорядоченные города-крепости строились в Средней Азии и до знакомства с теорией и практикой "гипподамова"

градостроительства, и много позже, даже вплоть до 15 в. В городе с геометрически правильным контуром и таким же геометрически регулярным планом воплощалась идея иерархического порядка, космической симметрии, господства главного над второстепенным, — идея, присущая древней и средневековой культуре едва ли не во всем мире.

Раннесредневековое городище, известное под именем Хайрабад-тепе, было в 6–8 вв. небольшим городом Северного Тохаристана, лежащим в 30 км к северу от Термеза⁵⁹. Некоторое сходство с Кафир-калой в Узбекистане придает этому укрепленному городу особенность планировки: его территория не совсем правильной прямоугольной формы, общими размерами несколько более 100×150 м, была увеличена с северной стороны длинным (во всю длину северной стены) и нешироким пространством, также обнесенным стенами; на этот раз обе части города, не разделенные дорогой, примыкают одна к другой (рис. 11). Эту новую территорию едва ли можно рассматривать как городской рабад, — ее пристройка не меняла как будто ни тип прежней застройки города, ни ее конфигурацию, лишь несколько увеличивая площадь. Такого рода расширение плотной городской застройки аналогично ситуации в Пенджикенте, где на месте изначальной восточной стены и за ней возникло узкое застроенное пространство, прежде не входившее в состав города, — назвать эту небольшую добавку к территории города рабадом было бы, как говорилось, неверно.

В ЮВ углу городища, довольно точно ориентированного в направлении север — юг, высится оплывший массив прямоугольной в плане цитадели, отделенной от городской застройки глубоким рвом. Цитадель здесь занимает свое, так сказать, традиционное место и, в отличие от Кафир-калы (узбекской), играет в структуре города более подчиненную роль.

Раскопками установлено, что большая южная часть города с цитаделью была построена в античное время — до 4 в., когда в пережившем упадок городе возобновилась жизнь. Древние стены сложены из толстого квадратного сырца, характерного для построек кушанского времени, тогда как городские стены северной части Хайрабад-тепе, возведенные в 6–7 вв., построены из крупных сырцовых кирпичей удлиненной формы, типичной для раннего средневековья.

Термез, один из старейших городов Средней Азии, возник в 4–3 веках до н. э. у древней переправы на Амударье, в месте впадения в нее Сурхандарьи. Здесь на правом берегу реки была возведена прямоугольная цитадель площадью (предполагаемой) 12,5 га, южная сторона которой, обращенная к реке, впоследствии обрушилась в воду. Вероятно, в 5–7 вв. вокруг цитадели, кроме, конечно, ее южной береговой стороны, сложилась городская территория — медина или шахристан. По отношению к крепостному ядру города, которое поначалу не считалось цитаделью, медина играла роль рабада, — только позже, когда город распространился на восток и его новые территории получили статус рабада, она превратилась в шахристан. По неизвестной причине запад-

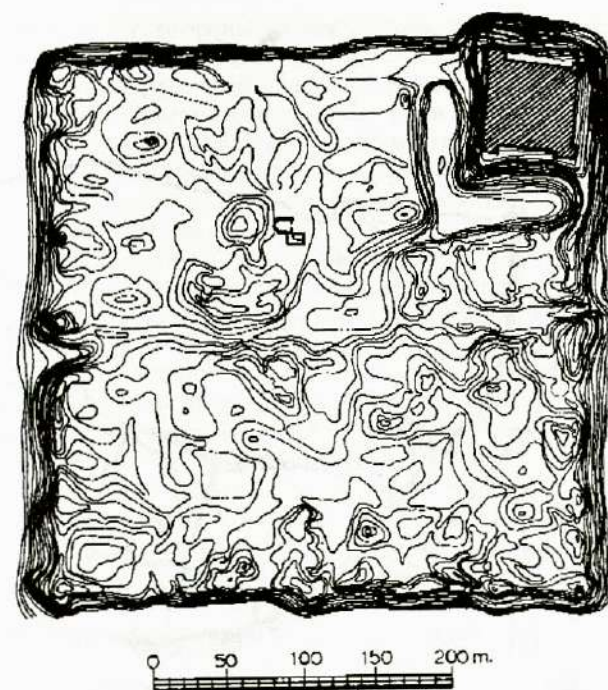

Рис. 10. Городище Кафир-кала на Вахше. План. По Б.Литвинскому и В.Соловьеву.

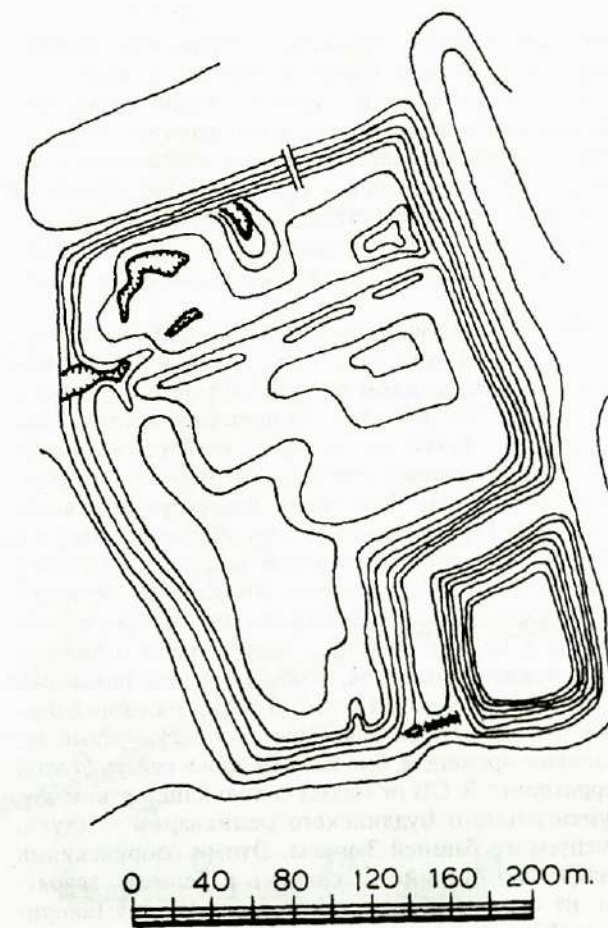

Рис. 11. Городище Хайрабад-тепе. По В.Нильсену.

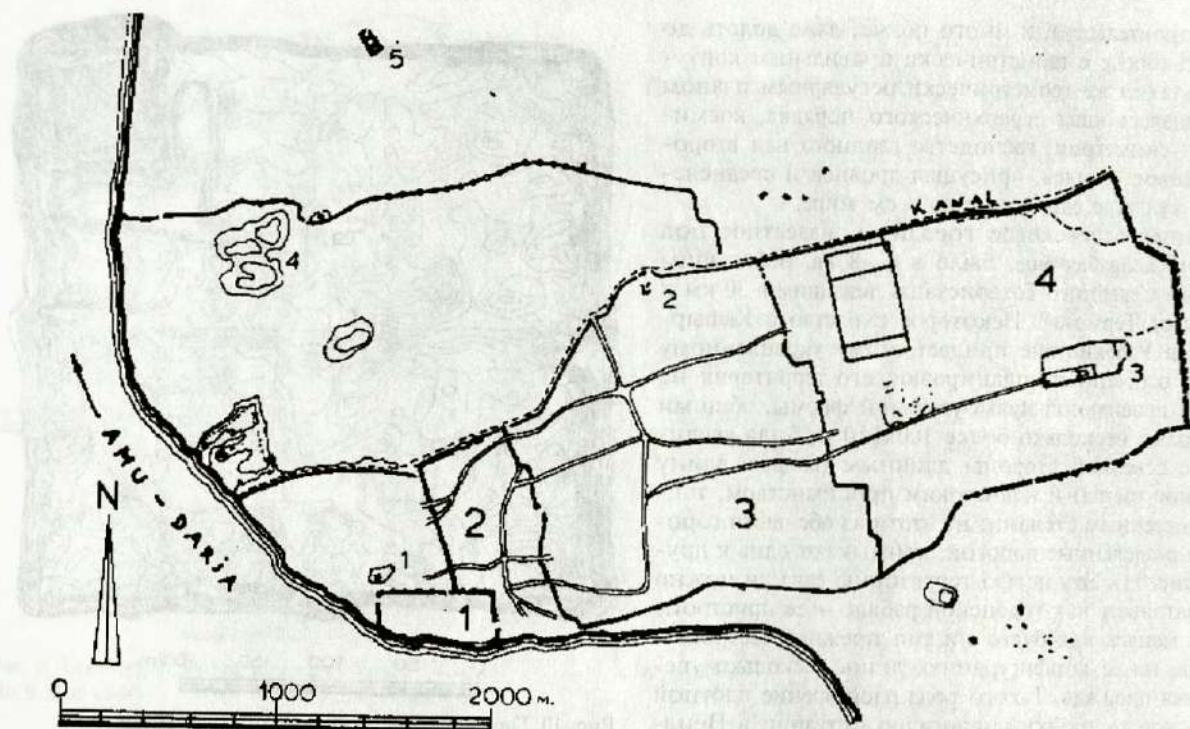

Рис. 12. Термез в 1—12 вв. План. По Б.Ставискому. Мелкие цифры: 1 — могила Хакими аль-Тирмизи. 2 — мечеть 9 в. Чор Сутун. 3 — дворец Термезшахов 11—12 вв. 4 — пещерный буддийский монастырь Кара-тепе. 5 — буддийский монастырь Фаяз-тепе. 6 — ступа Зурмала. Крупные цифры: 1 — цитадель. 2 — первый рабад (позже шахристан). 3 — второй рабад. 4 — третий рабад.

ная сторона этого шахристана позже (но, видимо, еще в доисламское время) заупустела, и живая восточная часть отгородилась от нее стеной. Город продолжал расти в восточном направлении, вверх по оросительным каналам, но новые территории рабадов еще долгое время как будто не были защищены стенами⁶⁰. "Длинная стена", охватившая собой около 500 га окрестных земель вместе с Термезом, была построена, вероятно, еще в годы владычества кушан (рис. 12).

Термез 9—12 вв. и его ближайшее окружение изучены достаточно хорошо, чего, к сожалению, нельзя сказать о доисламском периоде жизни города. Предполагается, что в 4—5 вв. он пережил глубокий упадок и даже обезлюдел, но в 6—7 вв. был снова заселен и стал важным центром местной промышленности и торговли. Может быть, известную роль в возрождении Термеза сыграло и то обстоятельство, что он был значительным центром буддизма в Средней Азии: с СЗ стороны к городу примыкало обширное незастроенное, но защищенное валом пространство, где в первые века н. э. был устроен пещерный буддийский монастырь, известный под названием Кара-тепе — "Черный холм". Другой, наземный буддийский монастырь Фаяз-тепе, тоже датируемый кушанским временем, был расположен к северу от этой территории. К СВ от города сохранились руины монументального буддийского реликвария — ступа, именуемого башней Зурмала. Этими сооружениями количество буддийских святынь в Термезе, вероятно, не ограничивалось. Некоторые из них (например, Фаяз-тепе) прекратили существование еще в доисламское время, другие продолжали привлекать

верующих вплоть до прихода сюда (в 689 г.) арабов, а может быть, и позже.

Неясности развития города в доисламское время усугубляются неясностями его градостроительной структуры. Непонятно, например, почему опустела западная часть первого рабада (впоследствии шахристана), где был похоронен святой патрон Термеза шейх Хаким аль-Тирмизи; неясна причина, по которой восточная стена этого рабада состоит из выступов и впадин (словно ее строителям мешали стоявшие извне постройки), тогда как его западная стена прямая; нет объяснения расположению главных улиц первого рабада, которые хотя и образуют "классическое" перекрестие, но сдвинутое с осей и ориентированное как бы случайно. Можно лишь предполагать, что с распространением города (уже в исламское время) на СВВ и появлением здесь сначала второго, а потом и третьего рабада первый рабад, ставший шахристаном, был радикально перепланирован.

Все это еще раз показывает условность понятий "шахристан" и "рабад" даже в условиях раннего средневековья. Примечательно, что новая территория Термеза, оформление которой завершилось перед арабским завоеванием, не считалась рабадом: географы 10 в., заставшие город еще в значительной мере в "доисламском" состоянии, называют ее парабаски мединой (то есть собственно городом, шахристаном), а античный город — кухендизом, старой крепостью.

О том, что и в некоторых других случаях проблема сводится не столько к существу дела, сколько к терминологии, говорит пример города Ахсикент в Ферганской долине, который пережил высший рас-

цвет в 11—12 вв., но возник по меньшей мере четырнадцатым веком раньше. Разгромленный монголами город сохранился в виде городища Эски Ахси (древний Ахси) на обрывистом берегу Сырдарьи, в 25 км западнее Намангана. Он представляет собой заметно перекошенный прямоугольник размерами около 420×640 м, в ЮЗ углу которого возвышается цитадель неотчетливой продолговатой формы, примерно 100×30 м. в плане (рис. 13). С трех сторон, кроме береговой южной, город был обнесен стеной. Другая, внутренняя стена вычленила из территории города обширный (280×280 м) квадрат, примыкающий к тому же ЮЗ углу с цитаделью. В 40-е годы в оплывах стен были еще заметны выступы прямоугольных и круглой угловой башен⁶¹.

Укрепленный город состоял, таким образом, из нескольких частей, как бы вставленных одна в другую и ориентированных на общий ЮЗ угол. По законам классического "тройного" устройства раннесредневекового города внутренний квадрат с цитаделью в углу должен рассматриваться как традиционный шахристан, а охватывающее его с севера и востока защищенное пространство — как рабад редкой геометрически четкой формы. Так определил составные части Ахсикента в 1948 г. А.Бернштам. Но более поздние археологические исследования с несомненностью показали, что оба вставленные один в другой прямоугольники городской территории были шахристанами, рабады же, сохранившиеся в виде разрушенных промоинами-каньонами руин, располага-

лись по обе стороны от прямоугольного города, на западе и востоке, и имели, вероятно, асимметричную свободную планировку. Устойчивое представление о сравнительно позднем появлении рабадов было здесь поколеблено находками позднеантичного времени, сделанными в западном рабаде, — и эта проблема оказывается более сложной, чем предполагалось.

К сожалению, остатки городской застройки 5—8 вв. в Ахсикенте почти не сохранились. В цитадели найдены остатки монументального здания, построенного из кирпича-сырца не позднее 8 в., да в СВ углу внутреннего малого шахристана раскрыты остатки жилой архитектуры того же времени. В письменных источниках 7—8 вв. Ахсикент упоминается как не рядовой город, а резиденция местного правителя. Можно думать, что найденные при раскопках элементы устройства города 10—12 вв. — ворота в восточных и северных стенах обоих шахристанов, соединяющие их улицы, довольно многочисленные бассейны-хаузы и торговая площадь в СВ углу — мало чем отличались от аналогичных деталей городского устройства в предисламское время.

Значительным городом в области Чач был Харахкет, отождествляемый с городищем Канка на западе Ташкентского оазиса⁶². Ядро города — несколько перекошенный квадратный шахристан и цитадель до 40 м высотой в его северном углу — было возведено в античное время, когда Харахкет, вероятно, назывался Антиохия Заяксартская. Позже вокруг этого

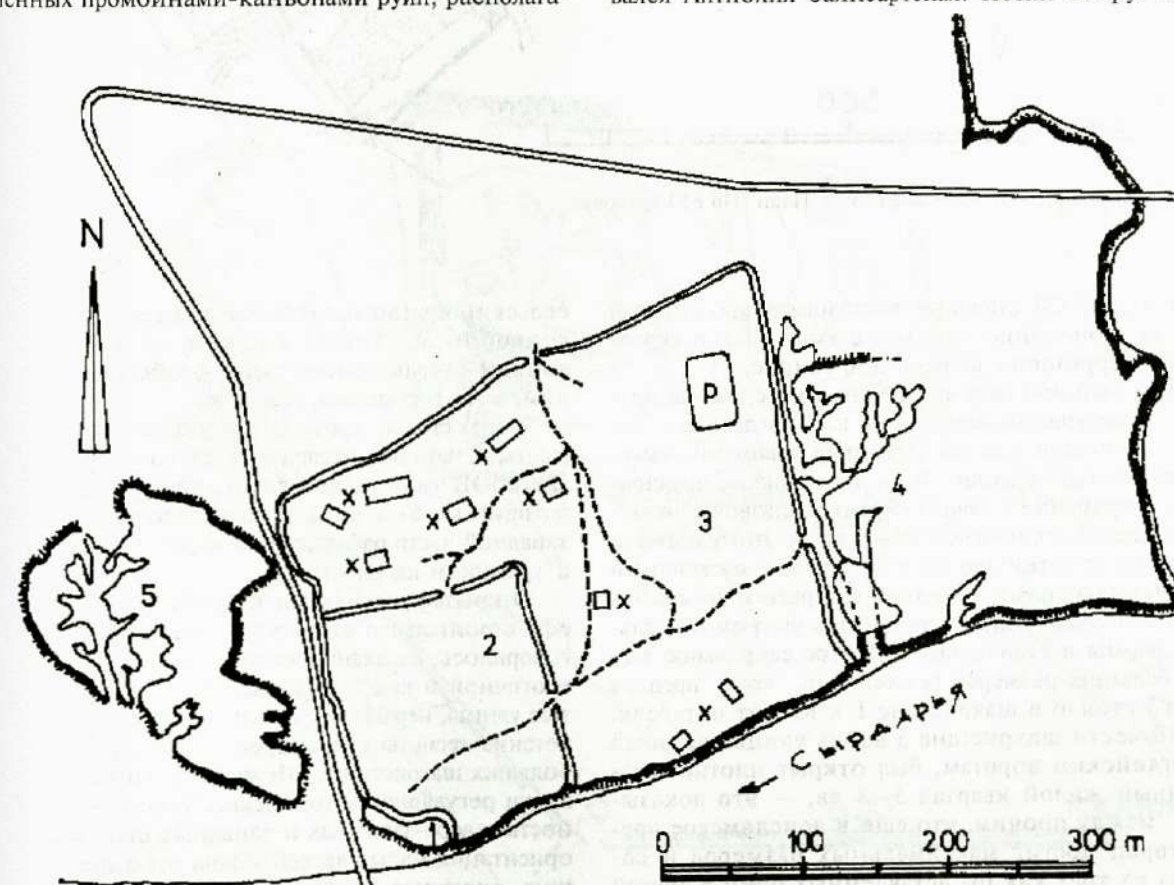

Рис. 13. Ахсикент (городище Эски Ахси). План. По А.Анарбаеву. 1 — цитадель. 2 — шахристан. 3 — шахристан. 4 — восточный рабад. 5 — западный рабад. P — базар. X — хаузы.

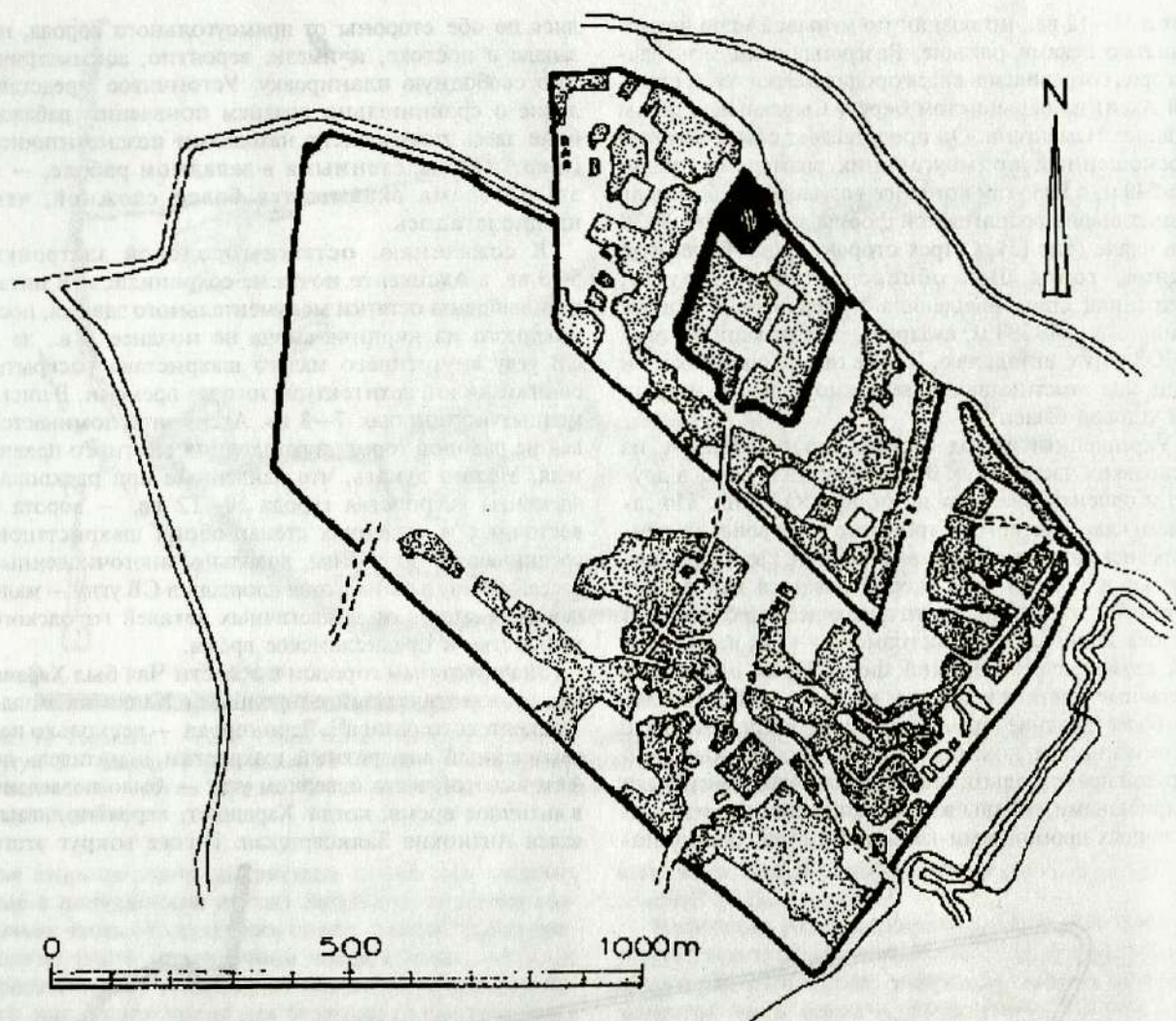

Рис. 14. Городище Канка — Харашкет. План. По Ю.Бурякову.

ядра (кроме СВ стороны) последовательно выросли еще два обнесенных стенами шахристана, и укрепленная территория достигла 150 га (рис. 14).

Добытый при раскопках Канки материал датируется преимущественно 10–12 вв., когда город достиг хозяйственного расцвета и был важным административным центром. Но и здесь можно предполагать сохранение в общих чертах плановой структуры города, сложившейся в 5–8 вв. К этому времени относятся остатки дворца в цитадели с массивными угловыми башнями, обходной галереей и храмиком-капеллой, увенчанном деревянным шатром уникальной формы и конструкции. Другое сакральное здание больших размеров (может быть, храм "предков Чача") стояло в шахристане 1 к ЮВ от цитадели. В ЮВ части шахристана 3 вдоль улицы, ведущей к согдийским воротам, был открыт плотно застроенный жилой квартал 5–8 вв., — это показывает, между прочим, что еще в доисламское время город достиг максимальных размеров и состоял из трех как бы вставленных один в другой шахристанов. Правда, западная сторона шахристана 3 была застроена неплотно и походила на

сельский пригород: здесь была исследована усадьба с двором и замком-кешком на стилобате — замком характерного типа, свойственного сельским, а не городским усадьбам.

С трех сторон, кроме СВ, город был окружен предместьем, которое исследователи называют рабадом. В его ЮВ части располагались мастерские гончаров, датируемые 6–8 вв., а в более плотно застроенной западной части рабада, у ЮВ ворот — группа жилищ с храмиком-капеллой.

Открытая раскопками и прослеживаемая в рельефе строительная структура города синхронна, как говорилось, караханидскому времени; она выглядит хаотичной и как бы изорванной — узкие извилистые улицы, неравномерная плотность застройки, сочетание тесноты и пустырей характерны для обоих больших шахристанов. Между тем изначальные признаки регулярности городского плана — параллельная сеть северо-западных и западных стен, одинаковая ориентация малых частей плана относительно больших, ощутимая поперечная ось — дают основание видеть в этом хаосе следствие "размывания" ранней городской структуры, первоначально более

организованной и регулярной, но в 10–12 вв. сохранившейся только в общих очертаниях.

Большое раннесредневековое городище в киргизском Семиречье, называемое сейчас (по ближайшему селению) Красная речка, было в 5–8 вв. крупным городом, называвшимся Сарыг⁶³ или Навакат⁶⁴. Центральная часть города относительно прямоугольной формы состояла из двух обнесенных стенами шахристанов, вставленных один в другой как в Ахсикенте: меньший шахристан геометрически правильных очертаний был расположен в СЗ углу большого шахристана, вытянутого в направлении З–В. Городская цитадель, в отличие от Ахсикента, помещалась здесь не в СЗ углу малого шахристана (классическая структура, как бы развивающаяся из одной угловой точки), а в противоположном ЮВ углу большого шахристана, в отдалении от очевидного городского центра. Сквозная главная улица отчленяла восточную часть укрепленного города с цитаделью от большей западной части — малого шахристана, с двух сторон Г-образно охваченного кварталами большого (рис. 15).

За западной стеной этой срединной части города, размерами около 1000×700 м, имелось еще одно относительно прямоугольное пространство с обширным некрополем, состоящим из погребальных сооружений — наусов. Сюда попадали через ворота в

конце улицы, проложенной вдоль южной стены малого шахристана; сплошного ограждения у этой части города как будто не было.

С трех сторон, кроме северной, город был окружен заселенными и застроенными предместьями. Едва ли правильно было бы назвать их рабадом, то есть ремесленно-торговой частью города, — их застройка была недостаточно плотной и имела, скорее, усадебный характер. О том, что это пространство (очевидно, как обычно в Семиречье, обнесенное валом "длинных стен") было напрямую связано с городом, свидетельствуют стоявшие здесь постройки: два буддийских храма, несколько монументальных домов — "касров" и дворцовое здание — правда, более позднего, караханидского времени.

Общая схема города с малым шахристаном, занимающим угол большого, может, пожалуй, быть названа классической в градостроительстве доисламской Средней Азии: кроме Ахсикента она усматривается в Канке-Харашкете и аналогичных многочисленных структурах с цитаделью в углу прямоугольного шахристана, — причина распространенности такой схемы была, конечно, в ее оборонных преимуществах. С этой точки зрения устройство цитадели в Сарыге-Навакате в противоположном, слабее защищенном углу шахристана выглядит непонятным и нелогичным, хотя у строителей города были,

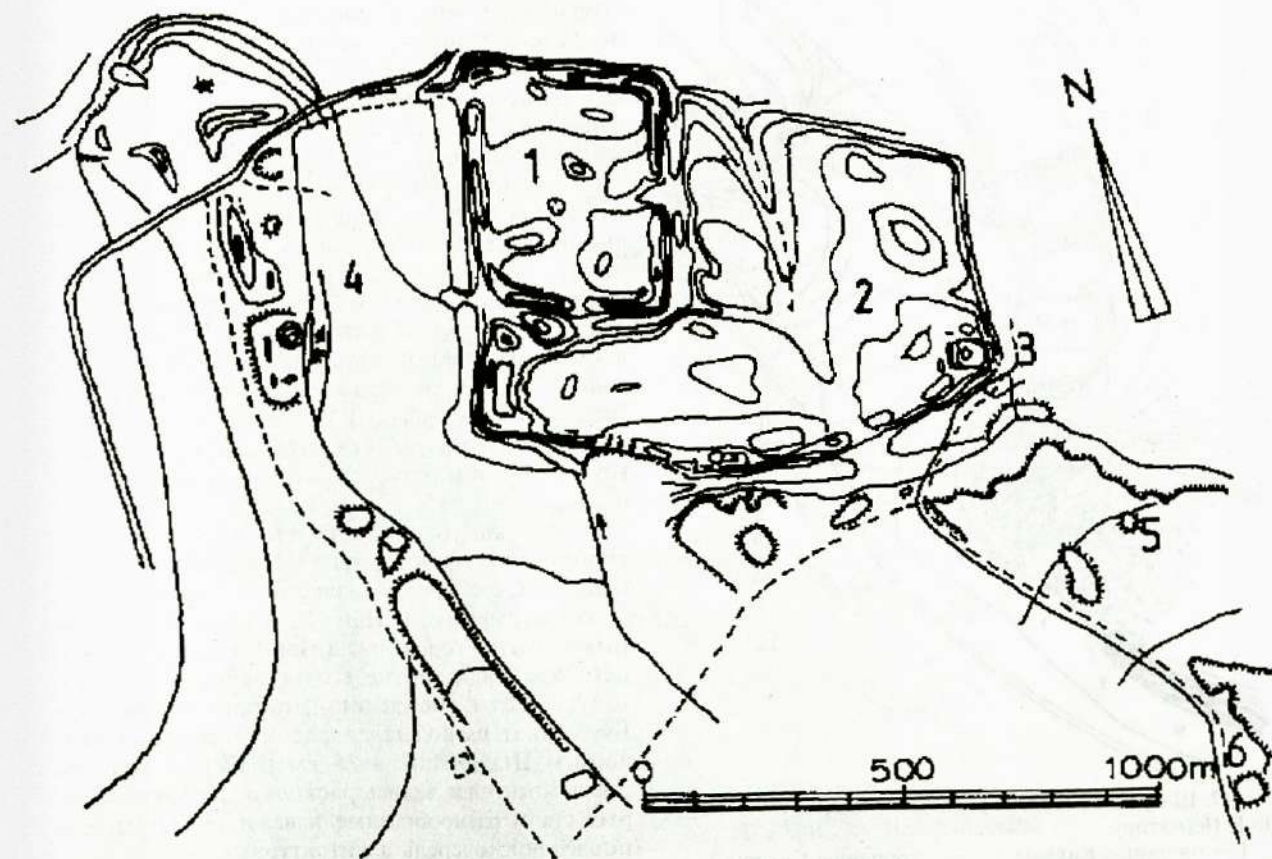

Рис. 15. Городище Красная речка. План. По П.Кожемяко. 1 — шахристан 2. 2 — шахристан 1. 3 — цитадель. 4 — некрополь. 5 — буддийский храм. 6 — дворец 11–12 вв.

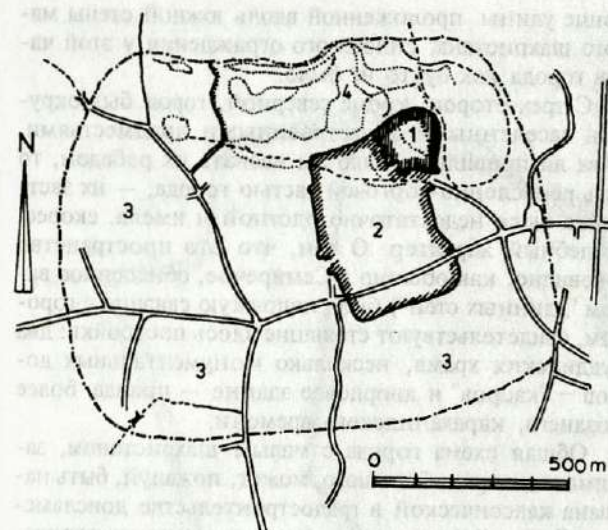

Рис. 16. Городище Кува. План. По В.Булатовой-Левиной.
1 — цитадель — арк. 2 — шахристан.
3 — рабад.

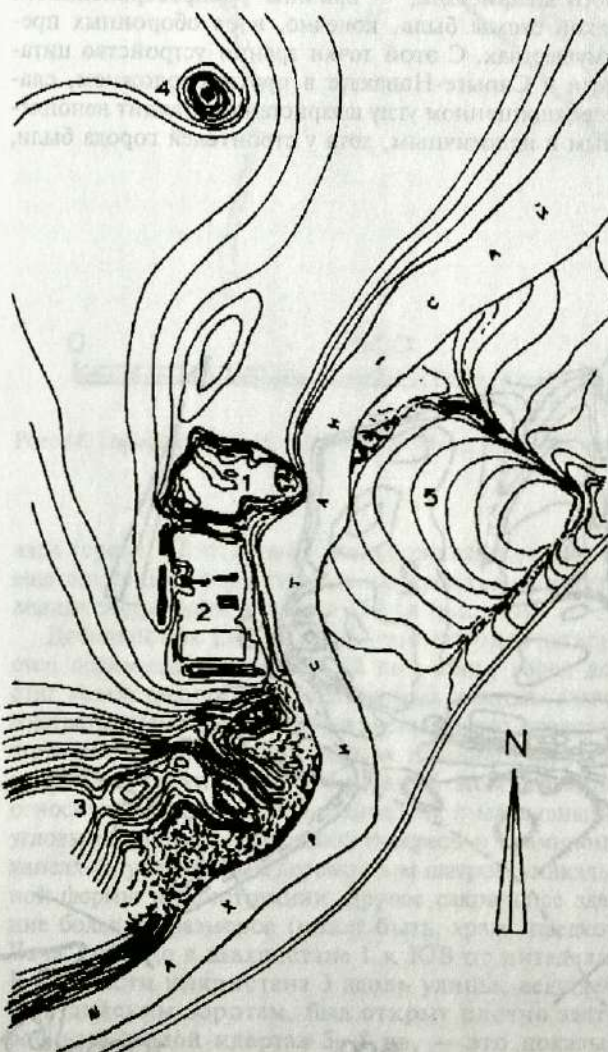

Рис. 17. Шахристан и его окрестности. План.
По Н.Негматову.

- 1 — городище Кахкаха 1. 2 — городище Кахкаха 2.
3 — Чильдухтарон. 4 — замок Тирмизак-тепе.
5 — городище Кахкаха 3.

несомненно, важные причины расположить цитадель таким нетрадиционным образом. О том, каковы были эти причины, теперь можно лишь гадать.

Раннесредневековый город Кува (в старой транскрипции Куба), расположенный на юге Ферганской долины, был некогда вторым после Ахсикента городским центром оазиса Ферганы. Сейчас это большое городище рядом с современным городком того же названия, у дороги между Андижаном и Маргиланом, основательно испорченное (как, правда, и большинство других древних городищ) земляными работами и прочим хозяйственным "освоением".

Городское ядро приблизительно прямоугольной формы, размерами около 450×300 м, вытянутое в направлении Ю—С, было защищено стенами с главными воротами на западной стороне. Сильно выступающий, скругленный СЗ угол занят цитаделью, возвышающейся на 10 м над шахристаном; на обращенной к городу стороне цитадели различаются остатки стен и оплывшие башни ворот, сам шахристан приподнят над окружающей местностью на 7—8 м (рис. 16). Южная часть шахристана, прорезанная современной дорогой, почти совершенно уничтожена⁶⁵.

Раскопками установлено, что массивные пахсовые стены шахристана Кувы, наклонные снаружи и отвесные изнутри, датируются 8—10 вв. и стоят на остатках городских стен 5—7 вв., — уже тогда город был капитально защищен. Тогда же, видимо, вышедшая за пределы шахристана городская застройка образовала обширный рабад, который окружил со всех сторон укрепленное городское ядро. Это был именно рабад с плотной, а местами как будто и регулярной застройкой и по меньшей мере одним буддийским храмом, — позже здесь развилось гончарное производство, специализированное на поливной художественной посуде и особых сосудах, называемых сферокониками или (по-таджикски) симоб-кузача. В 10 в. в цитадели появилась пятничная мечеть, а дворец и тюрьма были перенесены оттуда в рабад, где уже имелся базар. Пространство рабада еще в предисламское время охватывало укрепленное двудеиное ядро города в радиусе до 1,5 км (на юге и востоке меньше); полное исчезновение стен рабада, если они имелись (стены были неперменной частью традиционных рабадов) не позволяет уточнить его границы и контуры, без чего облик раннесредневековой Кувы остается, к сожалению, незавершенным.

Бунджикат (Бунджикет), столица раннесредневекового владения Уструшана (Истаравшан), граничившего на СВ с Согдом, известен по описаниям арабских географов 10 в. Ибн Хаукаля и ал-Мукаддаси⁶⁶. Вначале этот город локализовали на месте нынешнего Ура-Тюбе, позже его исследователь Н.Негматов пришел к убеждению, что раннесредневековый Бунджикат располагался рядом с современным селением Шахристан, в 25 км к ЮЗ от Ура-Тюбе⁶⁷. Здесь много лет велись раскопки, результатом которых стали разнообразные и важные открытия, не в последнюю очередь архитектурные.

Место, отождествляемое с резиденцией древних правителей Уструшаны афшинов, расположено на

холмистом краю предгорной террасы, на берегу широкого русла Шахристан-сая (рис. 17). В соответствии со сложным рельефом местности остатки города состоят из трех отдельных городищ: на левом высоком берегу Шахристан-сая лежат разделенные глубокой ложиной городища Кахкаха 1 и Кахкаха 2, на противоположном низком берегу — самое большое городище Кахкаха 3, площадью около 20 га. Если эти три отдельные поселения были когда-то одним городом (а ничем другим они как будто быть не могли), то совершенно особенным, непохожим на другие города, а попытки "наложить" на него обычную триаду кухендиз — шахристан — рабад выглядят искусственно и неубедительно.

Проблема неразрешимо усложняется еще и тем, что описания Бунджиката, сделанные Ибн Хаукалем и ал-Мукаддаси, не совпадают почти ни в чем с исследованными городищами. В описаниях упомянуты "внутренняя мекка" (то есть, видимо, малый шахристан внутри большого, как в Канке и Ахсикенте) и общая стена вокруг мекки и рабада, текущий через "внутреннюю мекку" большой канал и еще шесть каналов, — ничего даже отдаленно похожего на это исследования не обнаружили. Можно понять поэтому сомнения О.Большакова, не уверенного, что исследованные в Шахристане руины — действительно остатки раннесредневековой столицы Уструшаны⁶⁸. Но найденные здесь остатки несомненно дворцовых зданий впечатляющих размеров, казарм и крепостных стен с башнями и монументальными воротами, охраняющие подступы к

городу крупные укрепленные замки убеждают в том, что три городища Кахкаха, несмотря на их необычность, составляли вместе своеобразный город-резиденцию, которым могла быть только столица Уструшаны.

Холм Кахкаха 1, размером 4,2 га, обращен на восток, к саю высоким всхолмлением, круто опускающимся к руслу. На его вершине раскопаны остатки дворца с большим приемным залом базиликального типа и тронной лоджией, другими залами и помещениями репрезентантного характера. Со стороны восточного склона ко дворцу вели монументальные ворота, от которых сохранился сырцовый пилон с остатками арки, перекинутой к другому, рухнувшему пилону. В ЮЗ углу у городской стены стояло здание казармы с характерной для построек этого назначения коридорно-гребенчатой планировкой, поставленное так, чтобы в случае опасности войны, живущие в казарме, могли тотчас занять линию обороны на городской стене. Прямоугольный плац восточнее и севернее казармы служил, возможно, для военных упражнений (рис. 18).

В его ЮВ углу было открыто здание, примыкавшее к южной городской стене и состоявшее из двух различных частей. Западная часть, состоящая из трех расположенных рядом трехкомнатных "квартир", была жилой; восточная часть представляет собой обширный зал со следами множества тонких деревянных колонн и с небольшой, приподнятой над полом

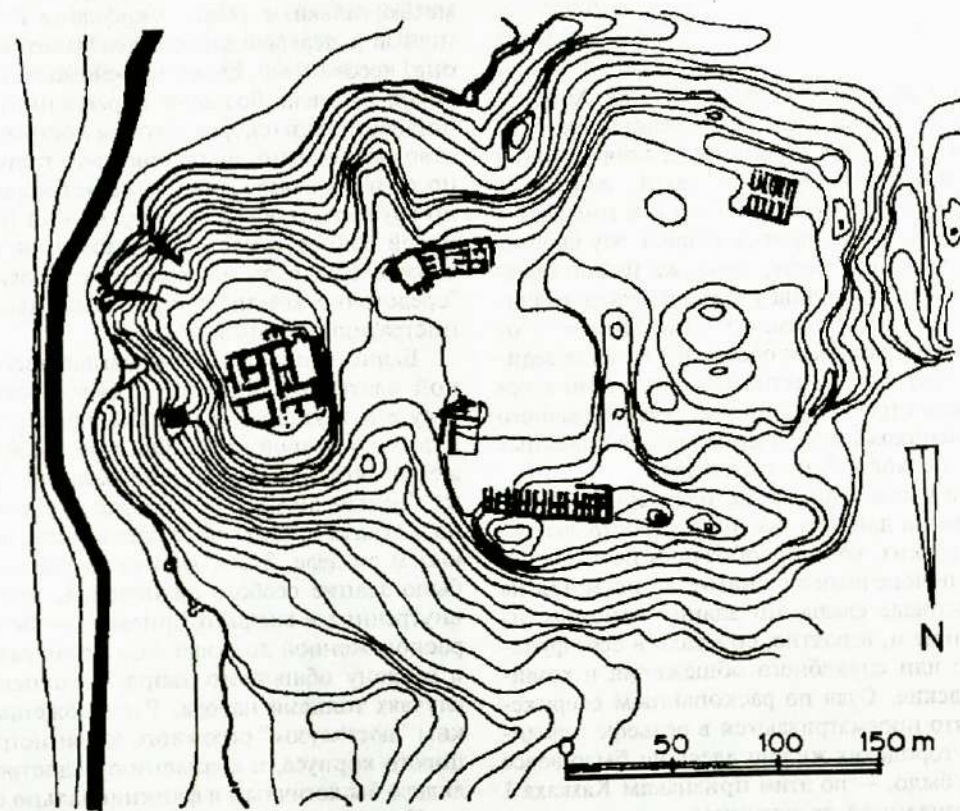

Рис. 18. Шахристан. Городище Кахкаха 1. План.

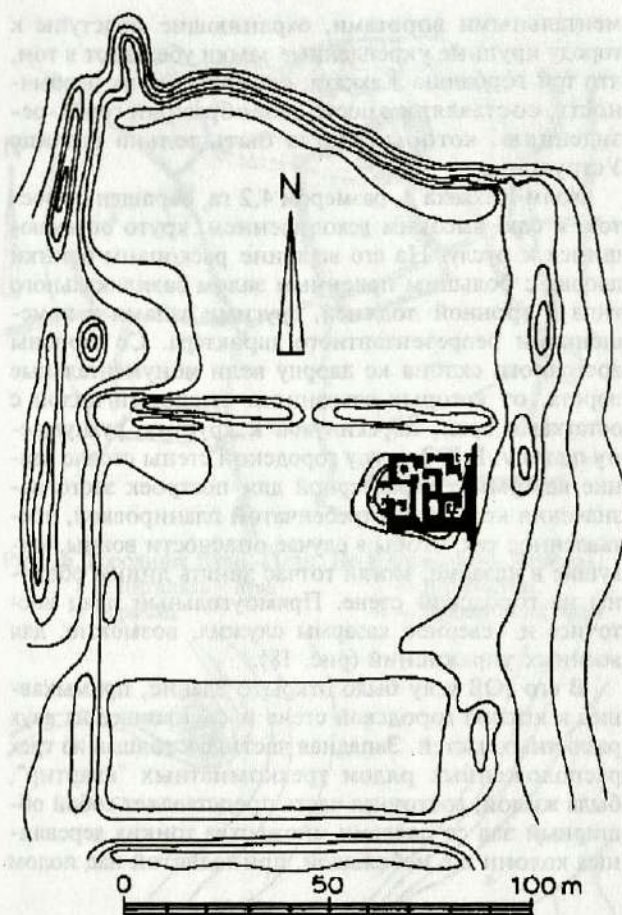

Рис. 19. Шахристан. Городище Кахкаха 2. План.

арочной нишей посередине западной стены. Хотя обе части здания не сообщаются непосредственно одна с другой, они, очевидно, строились одновременно и были функционально связаны: люди, жившие в "квартирах", имели отношение к залу и к тому, что в нем происходило. Я постараюсь решить эту проблему в соответствующем месте; здесь же нужно отметить особый характер жилищ у южной стены, отличный — если не устройством, то назначением — от городской жилой застройки обычного типа: объединение в одну группу компактного жилого комплекса и большого зала странного устройства и необычного назначения, непохожего на традиционные приемные залы жилищ, не могло быть случайным.

В северной части холма, тоже недалеко от внешней стены, стояла длинная постройка, состоящая из параллельных узких, коридорообразных помещений, разделенных поперечными стенами, — несмотря на некоторые бытовые следы это здание непохоже на обычное жилище и, вероятно, сочетало в себе функции военного или служебного общежития и хозяйственно-складские. Судя по раскопанным сооружениям и тем, что просматриваются в рельефе городища, обычных городских жилищ здесь не было вовсе или почти не было, — по этим признакам Кахкаха 1 выглядит укрепленной резиденцией правителя, арком-цитаделью необычного устройства и располо-

жения, подобным акрополю древнегреческих городов, — для близкого сходства здесь не хватает только храма. Мастерское использование очень сложного рельефа в целях обороны и создания яркого художественного эффекта должно было некогда производить на людей, побывавших здесь, сильное впечатление. Живописность природного и архитектурного окружения Кахкаха 1 это впечатление усиливали.

Еще более необычно выглядит городище Кахкаха 2. Оно примыкает к Кахкаха 1 с юга, отделенное от него оврагом, искусственно углубленным и превращенным в ров 15-метровой глубины. Продолговатое городище, ориентированное длинной стороной на Ю-С, почти в два раза больше Кахкаха 1. Его западная и южная стороны, сомкнутые под прямым углом, были защищены двойным рядом стен; стены на северной и на восточной, обращенной к саю стороне, сохранившиеся в виде валов, были одинарными. Почти вся поверхность городища горизонтальна, без заметных природных перепадов рельефа, и выглядит как спланированная терраса (рис. 19).

Прямая поперечная стена с проходом посередине делила пространство Кахкаха 2 на меньшую северную и большую южную части. В плане южная часть представляет собой правильный квадрат со сторонами около 100×100 м; этот геометрический контур виден четко, — кроме восточной прибрежной стороны, где определявшая его стена почти не сохранилась.

Всю южную часть этого квадрата между его восточной и западной стенами занимает невысокая прямоугольная платформа размерами 140×55 м. Было установлено, что платформа выстроена из пахсы с примесью гальки, с севера укреплена каменной облицовкой и первоначально была высотой около 3 м, — она, несомненно, служила основанием-цоколем для какой-то очень большой и регулярно организованной постройки (скорее, группы построек); строительство было начато, но по каким-то причинам прервано почти в начале и осталось незавершенным. Судя по внушительным размерам, четкой геометрии плановой основы и месту расположения это, вероятно, должен был быть дворцовый комплекс — местное "средоточие власти" с представительными и административными функциями.

Единственное здание, возвышавшееся на пустынной платформе Кахкаха 2, было выстроено в ЮВ углу его южного квадратного пространства, вплотную к восточной стене. Об этом необычном сооружении, которое мы вначале назвали "замок", а позже "малый дворец" (в отличие от большого дворца на Кахкаха 1) будет рассказано ниже, в соответствующем разделе. Здесь же нужно упомянуть, что это было здание особого назначения, построенное для внутренних и внешних приемов, — большой высоко расположенной лоджией оно открывалось на запад, в сторону обширного двора, заполненного в таких случаях толпами народа. Расположение рядом с таким "лестхаузом" огромного административно-дворцового корпуса, к сожалению недостроенного, выглядело бы логичным и функционально оправданным.

Никакие другие строительные остатки на Кахкаха 2 не обнаружены, — их, очевидно, и не было.

Странная пустыньность хорошо защищенного пространства, отсутствие следов предыдущего обживания, необычное устройство единственного здания не находят аналогий в архитектурно-археологическом материале этого времени. Кахкаха 2 не похож ни на цитадель, ни тем более на шахристан, — это комплекс какого-то особого непонятного назначения, о котором можно лишь гадать. Простейшим было бы предположение, что владельцы Бунджиката (если, конечно, это Бунджикат) решили перенести свою резиденцию из Кахкаха 1, ставшего по какой-то причине неудобным, в соседний более просторный Кахкаха 2 и начали его соответствующим образом обустроить. Был построен "малый дворец" и заложена платформа под новый большой дворец, но какая-то катастрофа прервала строительство, и редкий по размаху замысел остался неосуществленным.

Городище Кахкаха 3 расположено напротив двух предыдущих на другом, восточном берегу сая. Оно самое большое — его размеры, как говорилось, около 20 га, — но для шахристана столичного города и эта величина, как верно заметил О. Большаков, маловата. Ныне вся территория Кахкаха 3 занята постройками современного селения Шахристан, и археологические работы здесь почти не велись. Единственное, кажется, сохранившееся здесь на поверхности древнее сооружение — руины массивной башни, стоящей на самом берегу сая и возведенной из сырца характерного доисламского формата и пахсы. Отчасти уцелели и остатки городских стен, которыми прямоугольный контур поселения был обнесен с СВ, ЮВ и частично СЗ сторон.

Исследователь датирует городские стены Кахкаха 3 9–10 веками и считает, что здесь "на рубеже средних веков" возник крупный городской центр, — поселение увеличилось и "...стало постепенно при-

обретать характер торгово-ремесленного предместья (рабада) уже существовавшего на другом берегу Шахристан-Сая города (развалины Калаи-Кахкаха I и II)⁶⁹. Прямоугольный план Кахкаха 3 означает, однако, что устройство селения следовало предварительному замыслу, то есть что оно возникло не стихийно, и было не рабадом при отсутствующем шахристане, а самим шахристаном с геометрически четким контуром и, вероятно, регулярной застройкой. Городом же городища Кахкаха 1 и 2 назвать нельзя, — и из-за их более чем скромных размеров, и из-за специфического устройства. Пожалуй, правильнее было бы назвать эти странные кремни — старый и несостоявшийся новый — дворцовыми резиденциями, выстроенными, как в согдийском Пенджикенте, в благоразумном отдалении от города.

Собранный здесь и по необходимости выборочный материал показывает, до какой степени условны типологические основы градостроительства Средней Азии 5–8 вв. — времени, когда они, казалось бы, должны были быть особенно четкими. Классическое триединство "арк — шахристан — рабад" нарушалось в это время на каждом шагу или принимало неожиданные формы; сами истоки его неясны и, возможно, восходят к гораздо более ранним временам, чем предполагалось, — можно думать, что в некоторых случаях города-шахристаны обзаводились рабадами еще в античную эпоху, задолго до раннего средневековья. Принципы организации городских структур оказываются очень разнообразными и зависящими от факторов, едва ли поддающихся строгой классификации. Это разнообразие слагаемых разного рода — общественных, художественных, ритуальных и прочих — будет определять специфику среднеазиатского градостроительства и в следующие века.

СТРОИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ И КОНСТРУКЦИИ

Эпоха раннего средневековья в Средней Азии отмечена заметным изменением и совершенствованием строительной техники, по крайней мере в области монументальной архитектуры. Как и прежде, ее основным материалом в это время остается необожженный кирпич, кирпич-сырец, но его размеры и форма почти повсюду меняются. Вместо толстого квадратного сырца античной бактрийско-парфянской эпохи теперь в большинстве среднеазиатских регионов пользуются крупным сырцом удлиненной формы. Его пропорции различны, но тяготеют к соотношению 1 : 2 и средним размерам 50х25 см (с отклонением в обе стороны на несколько см) при толщине 9—10 см. Такой кирпич обеспечивает прочное соединение, "перевязку" элементов кладки, и строители разнообразят ее способы, выводя на поверхность стен поочередно тычки и ложки в разных сочетаниях. Крупный размер кирпича-сырца соответствовал значительной толщине стен, столбов и сводов, обычной для капитальных построек этого времени. Только в некоторых областях (Хорезм, Мерв, Термез) и в 5—8 вв. употреблялся сырцовый кирпич прежней квадратной формы, но и он стал существенно крупнее и тоньше. Сырцовая кладка велась на глиняном растворе, кирпичи для прочности обычно армировались соломой — "саманом", иногда и шерстью.

Одновременно с этим в монументальном строительстве стала чаще и больше применяться битая глина — пахса. Теперь она употребляется, как правило, для сооружения монолитных платформ — стилобатов, на которых воздвигаются цитадели и замки — "кешки", в строительстве городских и усадебных укреплений, при возведении наружных и даже внутренних стен. Пахса употреблялась в дело либо сплошными, обычно толстыми (высотой до 1 м) слоями, либо отдельными блоками-массивами с четкими, расположенными вперевязку вертикальными или наклонными швами. В первом случае пахсовые слои оформлялись глубокими прорезами, вертикальными или тоже наклонными, которые создавали впечатление кладки из отдельных, подогнанных один к другому блоков. Предполагается, что эти прорезы, глубиной в несколько см, служили для того, чтобы трещины, возникающие при высыхании пахсовых слоев, "улавливались" ими и не портили глухие поверхности стен, гладкие как полированный камень.

Обычно пахса употреблялась в разнообразных сочетаниях с сырцом, чаще всего ряды пахсовых блоков или слоев прослаивались одним или несколькими рядами сырцовых кирпичей. Применялись разнообразные комбинации сырцовой кладки и толстых

слоев глины, которые позволяли упрощать строительный процесс, экономить сырец и создавать монолитные строительные конструкции высокой прочности (Рис. 20). Но строители этого времени — за очень редкими исключениями — не задумывались, по-видимому, над возникающими при этом эффектами декоративно-художественного свойства: комбинации строительных элементов на поверхности стен, часто обладающие своеобразной структурной выразительностью, ритмичностью и тектоникой, в этом эстетическом качестве как правило не осмысливались, и вертикальные, красивые пропорции блоки пахсы, как бы перетянутые кирпичными поясами, разнообразные эффектные варианты "комбинированных" сырцовых кладок — все в равной мере нивелировалось слоями глиняных обмазок, скрывалось штукатуркой, резным декором и живописью. Время эстетизации, художественного осмысления строительных конструкций придет позже вместе с духовно-художественной "сменой вех", которую принесет ислам.

Чередование пахсы и сырца в строительной структуре зданий подчинялось подчас очень сложному, тщательно продуманному порядку, в котором находило выражение ярусное устройство сооружений. Обычно пахса, материал более массивный, служила основанием сырцовой кладки, но в некоторых случаях (так было в "Малом дворце" Шахристана-Бунджиката) стены помещения, возведенные из сырца, завершались сверху одним или двумя рядами пахсовых блоков. Толстые пласты прослоенной сырцом пахсы употреблялись даже в высоких, сужающихся кверху перекрытиях башен, увенчанных ложными (то есть сложенными из горизонтальных нависающих рядов сырца) куполами (рис. 21).

К разнообразным вариантам сочетания сырца и пахсы принадлежит и так называемая комбинированная кладка (термин введен в научный обиход В.Ворониной), в которой различно уложенные ряды сырцовых кирпичей разделены толстыми слоями глины, своей толщиной достигающими и даже превосходящими толщину кирпичей. Иногда кирпичи каждого ряда разделены такими широкими промежутками, что кажутся плавающими в сплошной глиняной массе. Такая кладка менее трудоемка, чем обычная сырцовая, сложенная этим способом стены монолитны, и им не грозят сквозные трещины; глиняная масса и прослаивающие ее кирпичи со временем сливаются в сплошную однородную, практически нерасчленяемую структуру (рис. 22).

Одной из самых своеобразных форм древней архитектуры Средней Азии было оформление фасадов

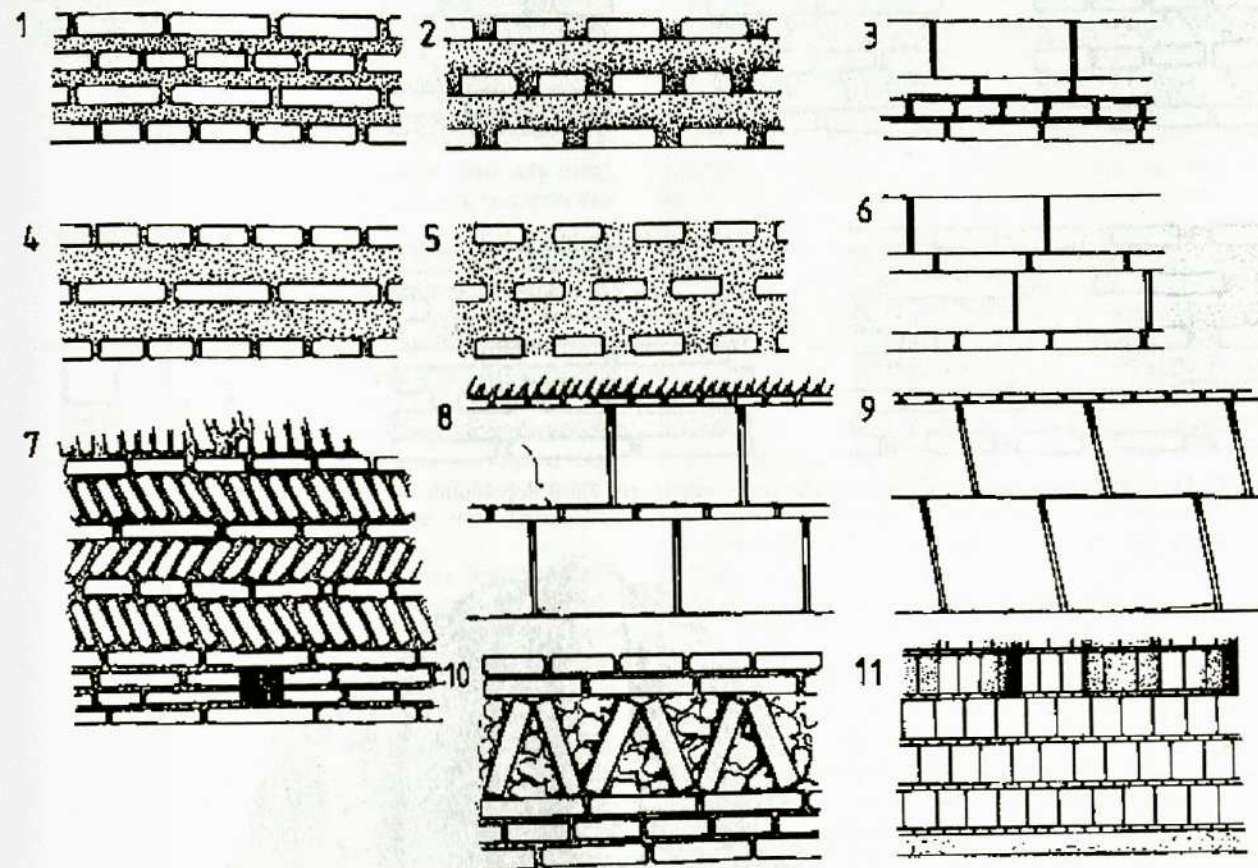

Рис. 20. Типы кладок из кирпича-сырца и пахсы.

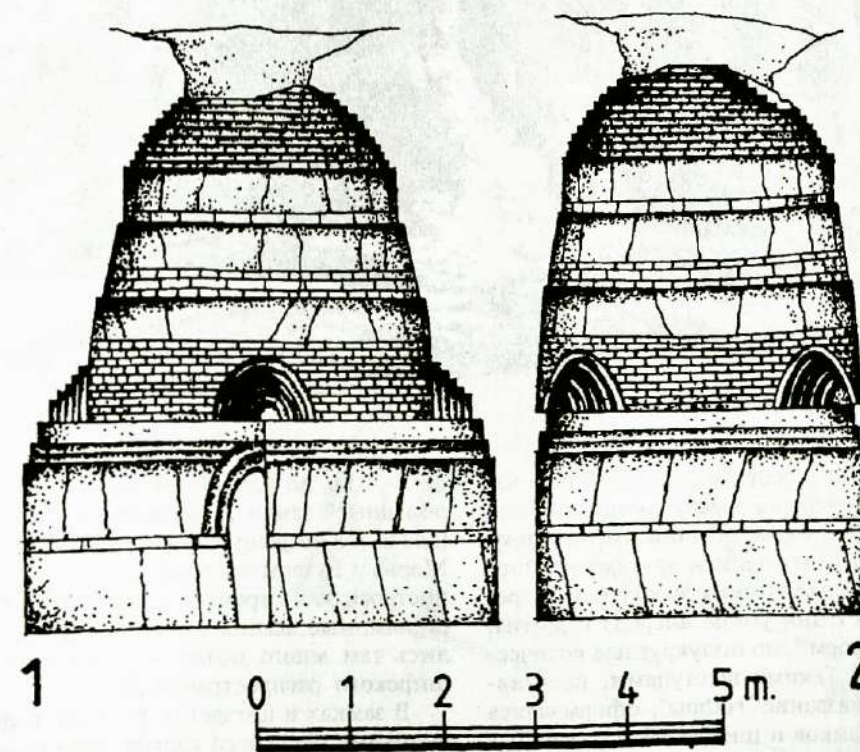

Рис. 21. Кафир-кала на Вахше. Угловая башня. По Б.Литвинскому и Т.Зеймаль. 1 — диагональный разрез. 2 — разрез по оси.

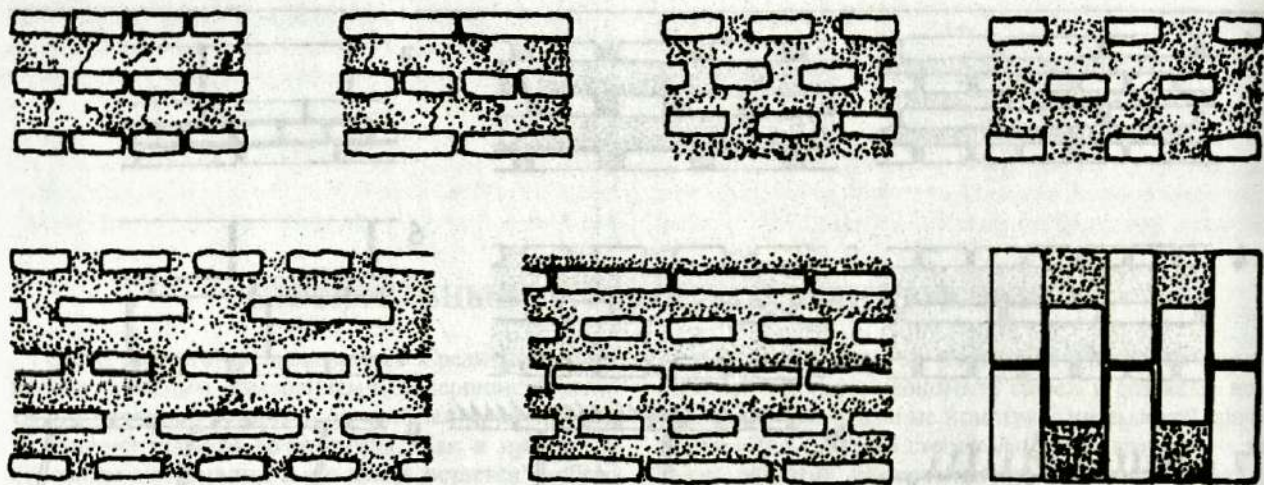

Рис. 22. Типы комбинированной кладки из сырцовых кирпичей. По В.Ворониной.

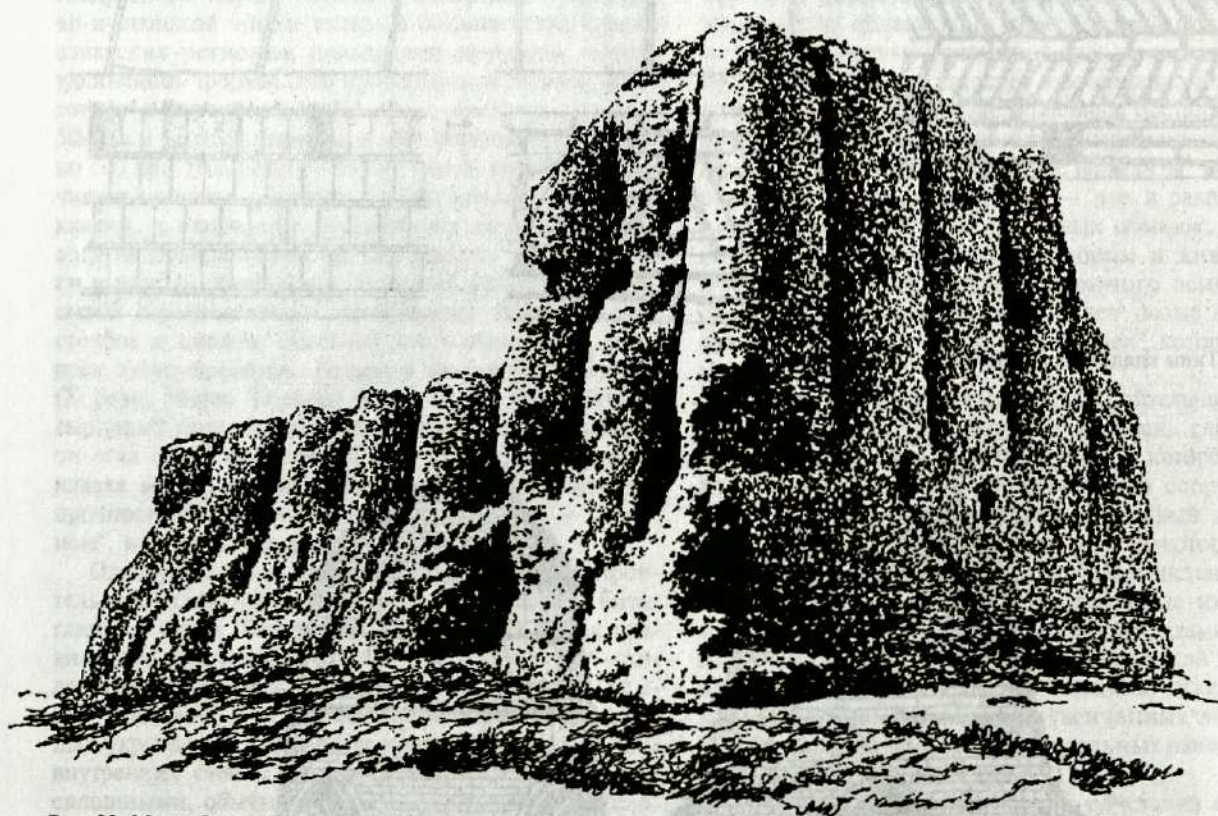

Рис. 23. Мерв. Замок Нагим-кала малая.

монументальных зданий, сооруженных из кирпича-сырца и пахсы, вертикально выступающими рельефными элементами, которые обычно имели форму массивных, приставленных один к другому полуцилиндров. Кроме цилиндрических выступов, встречаются и угловые (4 грани углом вперед) и других, более причудливых форм⁷⁰, но полукруглые количественно преобладают. Такими выступами, получившими французское название "гофры", оформлялись фасады крепостей, замков и цитаделей в различных областях Средней Азии с очень раннего времени: в Хорезме и Бактрии известны гофрированные крепости античной эпохи, некоторые из них датируют-

ся 2—1 вв. до н. э. В предисламскую эпоху "гофрированные" замки и цитадели строились в Хорезме (здесь их сохранилось особенно много), в оазисах Мерва и Бухары и в некоторых других местах. Среди построек этого времени в Иране и Афганистане гофрированные здания не встречаются, — они появились там много позже и даже тогда не получили широкого распространения.

В замках и цитаделях 5—8 вв. гофры оформляли основные плоскости слегка наклоненных назад фасадов — от верхней кромки платформы-стилобата до нигде не сохранившегося венчания, обычно представлявшего собой, вероятно, рельефный фриз под

уступчатыми зубцами (рис. 23). Судя по немногим сохранившимся образцам, полуцилиндры гофров соединялись вверху уступчатыми воронками арочных ниш, которые образовывали подобие сплошной глухой аркады. В глубоких впадинах между гофрами были спрятаны щелевидные окошки и даже небольшие входы; игра света и теней выявляла сильную пластику стен, составленных как бы из сплошного ряда толстых сомкнутых полуколонн.

Представление о гофрах как о приеме оформления только наружных фасадных поверхностей изменилось после того, как в Пенджикенте было открыто небольшое помещение жилого дома, украшенное полукруглыми гофрами на высоком цоколе: группы гофров здесь разделены плоскими простенками, стены выглядят миниатюрным подобием монументальных фасадов, — это позволяет думать, что прием гофрировки архитектурных поверхностей был в доисламское время распространен шире, чем предполагалось (рис. 24).

По поводу происхождения приема "гофрировки" стен и его смысла предлагались различные гипотезы, для подробного разбора которых здесь нет места. Отмечалось, что украшенная гофрами стена требует меньше материала, чем такая же стена без них. Но она требует много больше труда, а материал — глина — никогда не был в Средней Азии дефицитом. Предполагалось, что гофры были изобретены как чисто художественный прием, сообщающий фасадам пластическую и ритмическую выразительность. Но в ту древнюю и достаточно суровую эпоху, которой датируются первые образцы гофрированных крепостей, цена такого декоративного эффекта была бы, пожалуй, непомерно дорогой. По другой гипотезе членение стены на вертикальные выступы придает ей дополнительную жесткость и соответственно устойчивость при том же или меньшем расходе материала; но гофрированные стены античного и раннесредневекового времени обычно так толсты, и гофры составляют такую небольшую часть их общей толщины, что и это соображение не кажется убедительным.

Когда при раскопках Нисы (парфянской крепости близ современного Ашхабада) был найден зал со столбами, состоящими как бы из четырех сросшихся колонн, Г.Пугаченкова увидела в этой форме первоисточник гофрированных фасадов, представляющих собой развертку этих колонн на плоскости. Эта гипотеза изящна, но слишком формальна: она не объясняет причины, которые побудили строителей так странно обойтись со столбами-колоннами, "растянув" их на плоскости.

Нет сомнений, что среднеазиатские строители чувствовали художественный эффект гофрированных фасадных поверхностей и сознательно его употребляли. Но источник этого технически сложного приема был, наверно, все-таки более утилитарным. Я думаю, что он раскрывается в трактате Л.-Б. Альберти "Десять книг о зодчестве", — здесь рекомендуется возводить стены крепостей (и вообще зданий, которые могут подвергнуться осаде) не гладкими, а состоящими из череды вертикальных выступов — правда, не круглой, а угловато — остроконечной формы.⁷¹ Такая форма ослабляет удар тарана или ядра, которые соскальзывают с боковой поверхности выступов, их разрушительное действие ослабляется. Следовательно, оформление фасадов гофрами имело, видимо, оборонное назначение — по меньшей мере вначале. Уже говорилось, что кроме полукруглых гофров в архитектуре доисламской Средней Азии известны остроконечные гофры "альбертиевского" типа с углом, перпендикулярным стене.

Как многие другие архитектурные формы, "гофрировка" стен со временем потеряла свой прикладной защитный смысл и трансформировалась в чисто художественный прием. В этом качестве гофры получили употребление и во внутренней архитектуре (Пенджикент), а позже, в 10—12 вв. сильная пластика гофрированных стен стала украшением гражданских зданий, мавзолеев и минаретов в Средней Азии, Иране, Малой Азии и даже Индии.

Сводчатые и купольные перекрытия повсеместно возводились из сырца, но известны случаи применения пахсы в основаниях высоко поднятых ку-

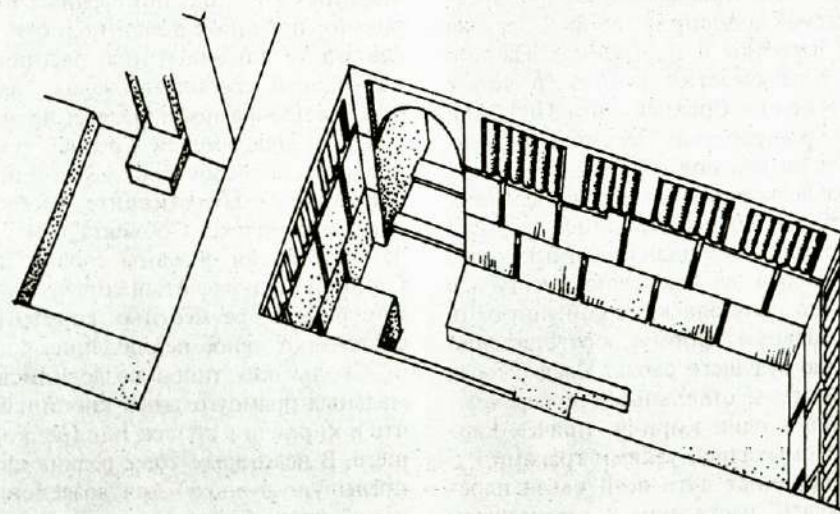

Рис. 24. Пенджикент. Комната с гофрированными стенами.

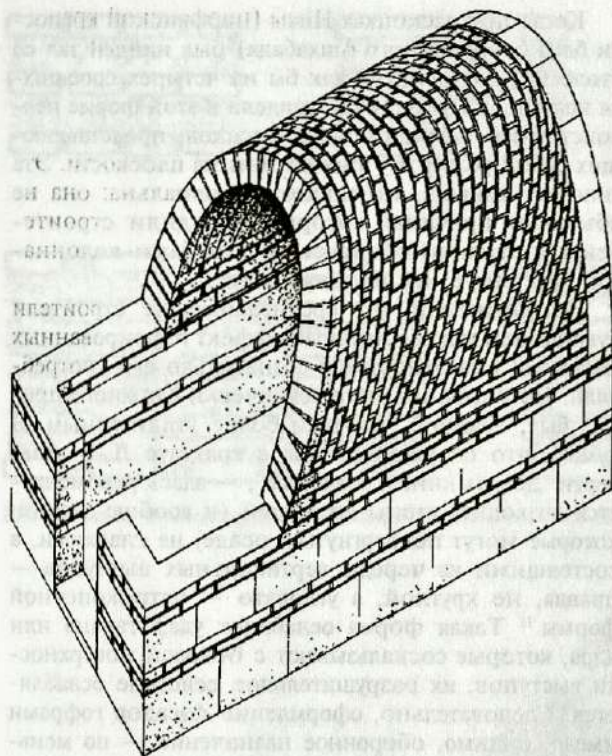

Рис. 25. Конструкция свода из поперечных наклонных отрезков.

полов. Как упоминалось, в основании "ложного" купола угловой башни города Кафыр-кала (в Таджикистане) были проложены три постепенно сужающихся паховых кольца, прослоенных рядами сырца. Этот высокий, тяжелый "шатер", как обычные купола того времени, опирается на угловые перспективно-ступенчатые тромпы⁷². Подобная конструкция перекрытия была у христианской церкви 7—8 вв. в согдийской колонии у Ак Бешима (Киргизстан).

Самой распространенной конструкцией сводов в доисламской Средней Азии была конструкция методом "поперечных отрезков", известная в архитектуре Востока с незапамятных времен и, вероятно, древнейшая. Своды этого типа возводились в древнем Египте (Рамессеум), в Ассирии (дворец Саргона в Хорсабаде), они известны в постройках Южного Туркменистана 2—1 тысячелетий до н. э., то-есть в самых древних сооружениях Средней Азии. Они были распространены на пространствах Переднего и Среднего Востока вплоть до недавнего времени.

Обычный метод возведения сводов поперечными отрезками был таков. Сперва строились продольные стены помещения и его задняя, замыкающая стена, — она возводилась на всю свою высоту и в верхней части обычно получала криволинейную (в то время обычно овальную) форму, соответственно поперечному сечению будущего свода. Кладка свода начиналась от этой стены отдельными поперечными арками толщиной в один кирпич, причем кирпичи в каждой арке смыкались узкими гранями.

Каждая такая кирпичная дуга всей своей плоскостью "приклеивалась" раствором к предыдущей дуге. Возведенный таким способом свод состоит как

бы из отдельных тонких, толщиной в один кирпич арок, склеенных раствором. Обычно арки наклонены в сторону задней стены, откуда начинается кладка свода, и, таким образом, опираются одна на другую (рис. 25). Угол наклона как правило неодинаков: в первых арках-отрезках он составляет около 25° и далее постепенно уменьшается, так что последние арки, замыкающие свод, стоят совсем или почти вертикально. Этим обеспечивалась прочность конструкции: даже при землетрясении свод "отрезками" обычно не обрушивается (как это происходит с клинчатым сводом, если повреждены его "замковые" камни), а только растрескивается вдоль швов отрезков-арок. Вероятно, именно этим преимуществом конструкции объясняется распространенность сводов "отрезками" по всему древнему и средневековому Востоку, а не тем, что их возведение обходится без деревянных опор-"кружал": во времена, о которых здесь идет речь, лес не был в Средней Азии дефицитным строительным материалом.

Недостатки сводов "поперечными отрезками" сводятся главным образом к тому, что их ширина ограничена, — своды из сырца редко бывают шире 4 м (внутренний айван зала в девятом "квартале" Пенджикента перекрыт сырцовым сводом пролетом 4,1 м — размер едва ли не предельный для конструкций такого рода⁷³), и к сложностям, которые возникают при их пересечении. В случае, когда коридор ломался в плане под прямым углом, угловые отрезки свода приходилось размещать веерообразно, со вставкой дополнительных рядов-клиньев, и опирать их на арку тромпа, перекинутую над внутренним западающим углом. В этом случае ветви свода не пересекались, а как бы плавно продолжали одна другую, изменив направление под 90° (рис. 26). Пандус одного замка, соединяющий этажи и спирально вьющийся вокруг круглого столба, был перекрыт сохранившимся сводом, в котором все отрезки расположены веерообразно⁷⁴. Чаще же всего строители избегали неудобного пересечения сводов, делая их разной высоты — так, чтобы вершина меньшего свода не превышала основание более крупного.

Технические сложности пересечения сводов, введенных в технике поперечных отрезков, были, вероятно, причиной почти полного отказа (в странах, где эта техника получила распространение) от так называемых крестовых сводов, представляющих собой крестообразное пересечение двух сводчатых оболочек. В доисламской Средней Азии такой свод небольших размеров был встречен, кажется, только один раз — в Пенджикенте, в перекрытии коридора жилого комплекса ("объекта") 24⁷⁵. Да и позже, в исламское время образцы сводов крестового типа в Средней Азии насчитываются единицами и в обширном репертуаре местных конструктивных приемов составляют явное исключение.

Своды всех типов возводились обычно из нормальных прямоугольных кирпичей того же размера, что и кирпичи в стенах, или (редко) несколько меньшего. В некоторых, тоже редких случаях (и в эту, и в предыдущую эпоху) для возведения сводов "отрезками" употреблялись специальные кирпичи трапециевидной формы, рассчитанные на определенную

форму свода и делающие конструкцию еще более надежной. Почти всегда нижние части сводов выкладывались из нескольких горизонтальных, нависающих внутрь кирпичных рядов, — так уменьшалась ширина конструкции свода "отрезками" и выигрывалось в общей ширине помещения. Другое небольшое увеличение пролета достигалось тем, что основание свода обычно опиралось на сырцовые выступы-полки, слегка выдвинутые из продольных стен.

У подавляющего большинства среднеазиатских сводов доисламского времени — повышенная эллиптическая или близкая к ней форма, благодаря которой сила действующего на стены горизонтального распора сводилась к минимуму.

Другой, характерный среднеазиатско-иранско-хорасанский тип свода, именуемый "балхи" (по имени города Балх), возводился над более широкими и даже квадратными помещениями. Принцип конструкции "балхи" сводится к тому, что все четыре угла помещения перекрываются рядами кирпичных арок, пролет которых по мере удаления от угла увеличивается. На осях помещения основания арок смыкаются, и следующие арки опираются уже не на стены, а на соседние предыдущие арки. Конструкция, представляющая собой разросшиеся до размеров перекрытия тромпы, замыкается в зените квадратным, иногда заложённым отверстием. Она тоже не нуждается во временной опоре в виде деревянных кружал или опалубки. Со сводами "поперечными отрезками" ее сближает то, что в древних образцах "балхи" составляющие его угловые арки были наклонены наружу, к углам помещения, и опирались на предыдущие арки.

Свод "балхи" легко сочетается с купольным перекрытием: можно, например, не доводя "балхи" до верха, заполнить осевые промежутки обычной кладкой и завершить конструкцию купольной скупфеей, — в средние века это делалось нередко. Несовершенство "балхи" — не столько конструктивное, сколько художественное — в его несколько аморфной, неэффективной снаружи форме. Вероятно, поэтому "балхи" редко употреблялся для перекрытия крупных парадных помещений, чаще им перекрывались более скромные комнаты жилого и хозяйственного назначения.

Свод "балхи" предисламского времени обнаружен — пока — только однажды, в бактрийском замке Джабар-тепе, датируемом 6—7 вв.⁷⁶ Но эта конструкция применялась и в более раннюю кушанскую эпоху⁷⁷, и в постройках исламского средневековья, — значит, в период раннего средневековья она была уже хорошо известна и, вероятно, распространена.

Редко, но все же применялись в строительстве 5—8 вв. и "классические" клинчатые своды, известные в Средней Азии по крайней мере с времен бактрийско-парфянской античности. Но если клинчатые сводчатые перекрытия среднеазиатской античности имели как правило полуциркулярную форму, которая отвечает такому способу кладки, то теперь самой распространенной формой и этих сводов стала эллиптическая, с крутыми высокими краями и скругленной вершиной. Своды полуциркулярного (по-

лукурглого) очертания, возведенные в технике "поперечных отрезков", тоже встречаются в постройках этого времени, но значительно реже.

Очертания арочных проемов и вообще арочных перемычек в 5—8 вв. тоже, в общем, тяготеют к эллиптической форме, но демонстрируют большее разнообразие — от приплюснутых "лучковых" (рис. 27) до подковообразных, коробовых и стрельчатых. Это, очевидно, прямо связано с поразительным разнообразием способов конструирования арок при помощи сырцового кирпича. Даже те — сравнительно немногие — раннесредневековые сооружения, руины которых ныне известны, демонстрируют такое бесконечное количество вариантов кладки арок, которое с трудом поддается классификации. Тут и арки с клинчатыми перемычками (причем кирпичи в них обычно укладывались не геометрически правильным веером, а параллельными группами) с архивольтами и без них (причем архивольт, образованный рядом уложенных плашмя кирпичей, не всегда повторял форму самой арки), и сочетание клинчатой кладки по боковым сторонам арки с несколькими рядами кирпичей, уложенных плашмя, в ее средней части, и двуслойные ("в два переката") арки — низ сложен в клинчатой технике, верх плашмя, — и многие другие (рис. 28).

В большинстве случаев, хотя и не всегда, можно полагать, что форма арки выбиралась не на глаз, слу-

Рис. 26. Мунчак-тепе. Коридор, перекрытый сводом и "отрезками" с угловым тромпом. По В.Ворониной.

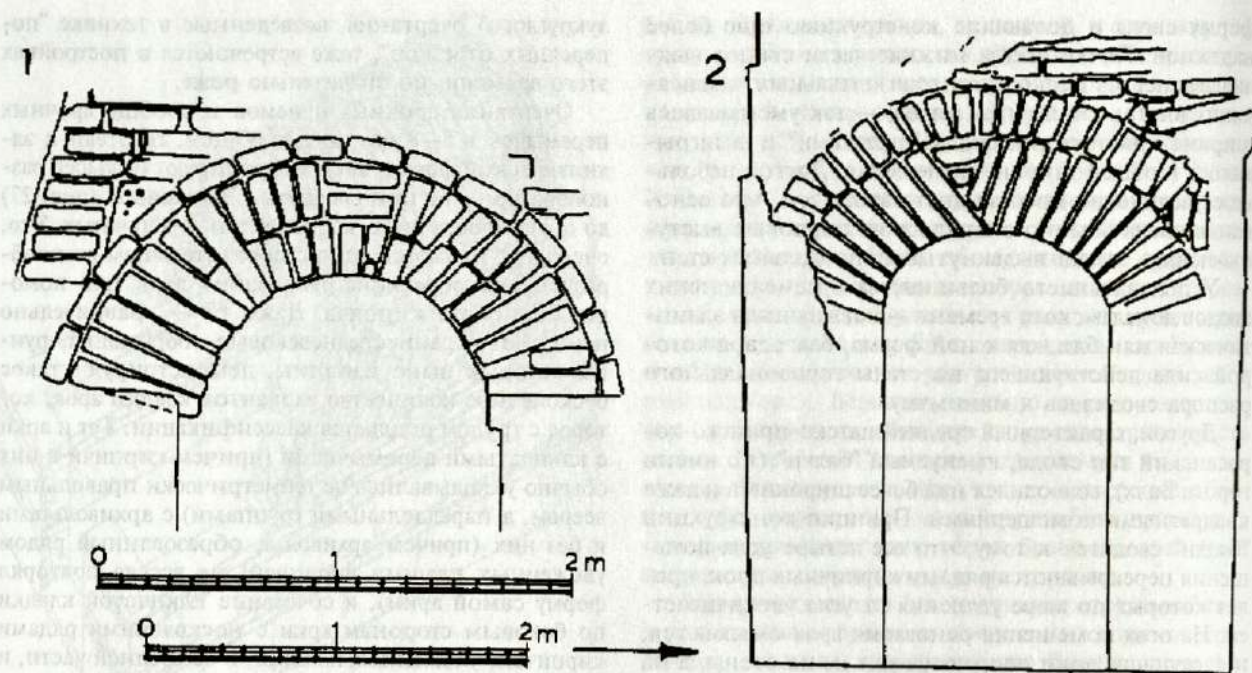

Рис. 27. Пенджикент. Типы арочных перемычек. По В.Ворониной.

чайно, а на основании предварительного геометрического расчета. Этот метод, доказанный геометрическим анализом множества арок и их обрамлений-архивольтов, был в принципе тот же, что и метод строителей времен ислама: контур арки выбирался среди известных мастеру образцов и вычерчивался в натуральную величину на ровной площадке с помощью колышков и шнура, заменявших циркуль. Эллиптическая или иная кривая строилась из нескольких геометрических центров, обычно из трех (рис. 29). По этому чертежу изготовлялась деревянная форма-кружало, по которой и выкладывалась арка. Вероятно, таким же способом определялась и форма сводов, — ее правильность и неизменность в случае возведения "отрезками" могла контролироваться подобным деревянным кружалом (рис. 30). Свойственная зданиям этого времени массивность стен не позволяет провести четкую границу между сводом, перекрывающим помещение, и аркой, перекрывающей глубокий проем и уходящей вглубь подобно своду.

Арки, как и своды, нередко возводились "ползучими", то есть с пятами (конструктивными основаниями) на разной высоте. Ползучие своды обычно перекрывали внешние помещения, окружающие ядро монументального здания, причем их внутренние пята всегда располагались выше наружных, — весь свод таким образом представлял собой сплошной контрфорс (точнее, аркбутан), упирающийся во внутреннюю стену и нейтрализующий силу распора сводов соседних помещений.

Лестницы, сложенные из сырцовых кирпичей и потому непрочные, в это время часто заменялись более долговечными пандусами. Над пандусами и лестницами устраивались наклонные своды — либо сплошные, либо составленные из уступов. Эффектный уступчатый свод, сложенный "поперечными отрезками" с арками стрельчатого контура, сохранил-

ся в Мерве, в замке Кыз-кала малая (рис. 31). В монументальных зданиях Северного Хорасана (Южный Туркменистан) встречаются сырцовые перекрытия типа ложного свода с плоским уступчатым верхом, сложенные из крупных кирпичей (замки Нагим-кала большая, Харам-кешк — последний уже раннеисламского времени⁷⁸) и в виде имитации брусчатого ("кессонного") свода, по среднеазиатской терминологии — "рузан" (рис. 32). Кладка такого перекрытия-имитации тоже основана на принципе ложного свода.

Древнейший частично сохранившийся в Средней Азии купол венчал среднюю часть хорезмийского мавзолея Баланды 2; он датируется промежутком 4—2 вв. до н.э.⁷⁹ Но купол Баланды 2 диаметром около 5,5 м — ложный, возведенный из горизонтальных нависающих рядов сырца⁸⁰. Старейший истинный купол Средней Азии, датированный временем не позднее 4 в., найден в буддийском святилище города Дильберджин (Северный Афганистан)⁸¹ и странным образом почти не отличается от его потомков 7—8 вв. (рис. 33). Другой купол того же времени венчал камеру размером 3х3 м в буддийском монастыре близ Кундуза⁸². Судя по этим ранним образцам, устройство и облик купольных помещений Центральной Азии к 4 в. н. э. уже вполне сложились, и позже — вплоть до присоединения областей к Халифату — существенно не менялись.

Доисламские сырцовые купола Средней Азии невелики (их пролет не превышает 5,5 м, а обычно меньше) и просты в устройстве. Их применяли для перекрытия небольших квадратных комнат, обычно входивших в состав укрепленного замка-кешка; особое место таких комнат во внутреннем устройстве замка, их единичность и некоторые особенности (например, центральное, а не обычное боковое расположение входа) свидетельствуют, что их назначение было специальным, скорее всего сакральным, и что

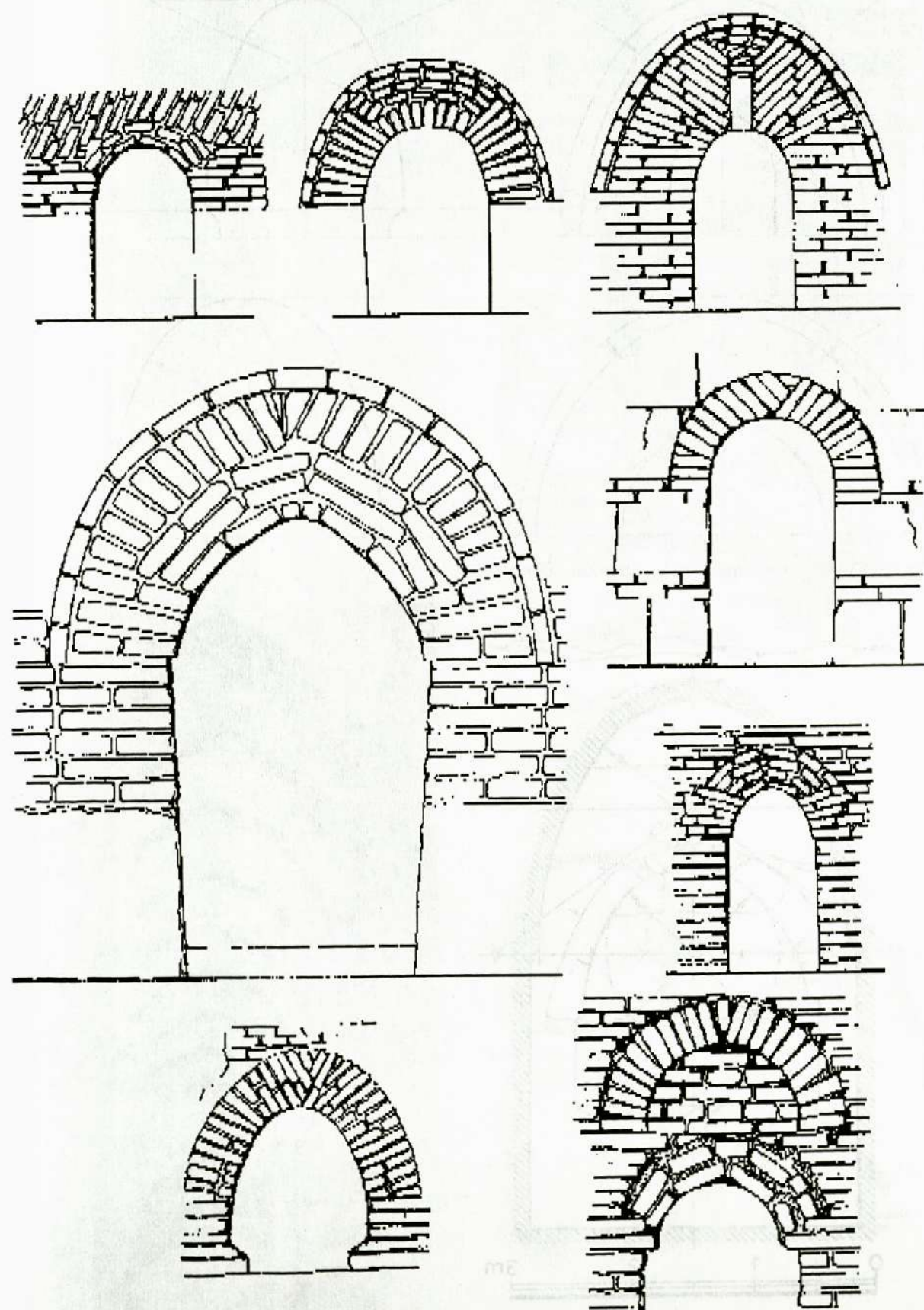

Рис. 28. Типичные формы и конструкции арок 5—8 вв.

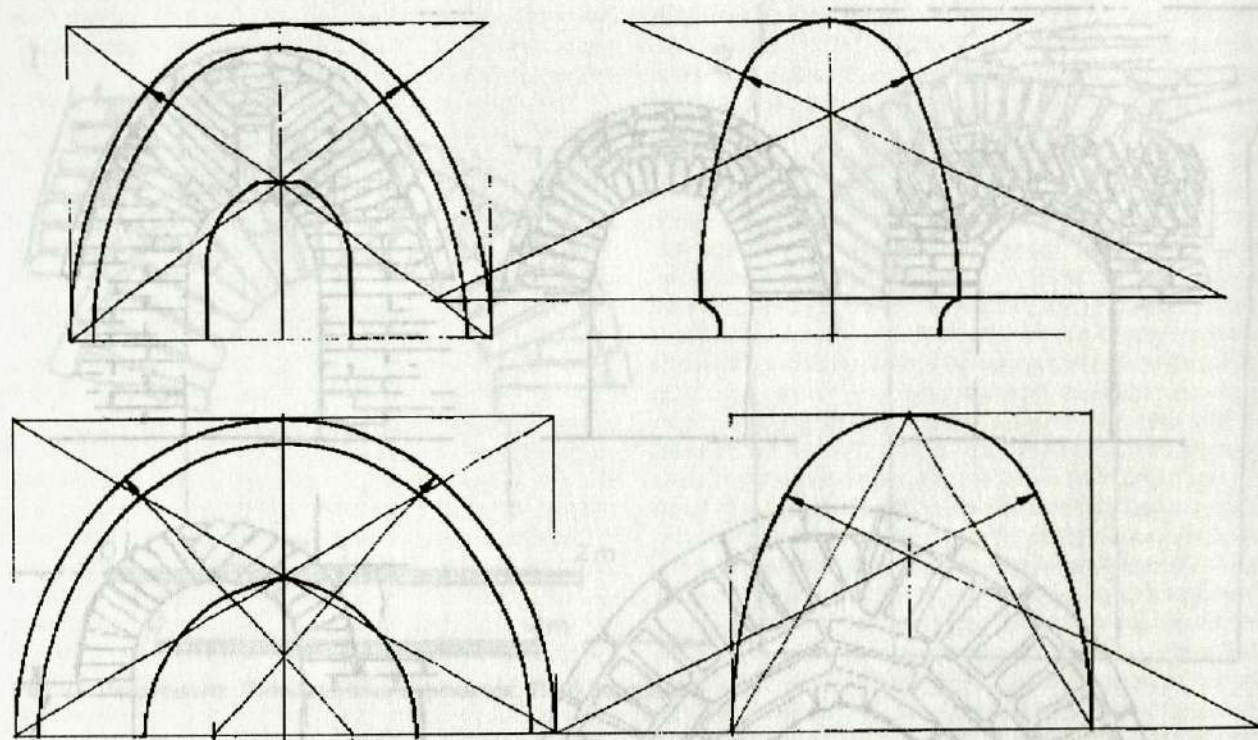

Рис. 29. Способы геометрического построения арок 5—8 вв.

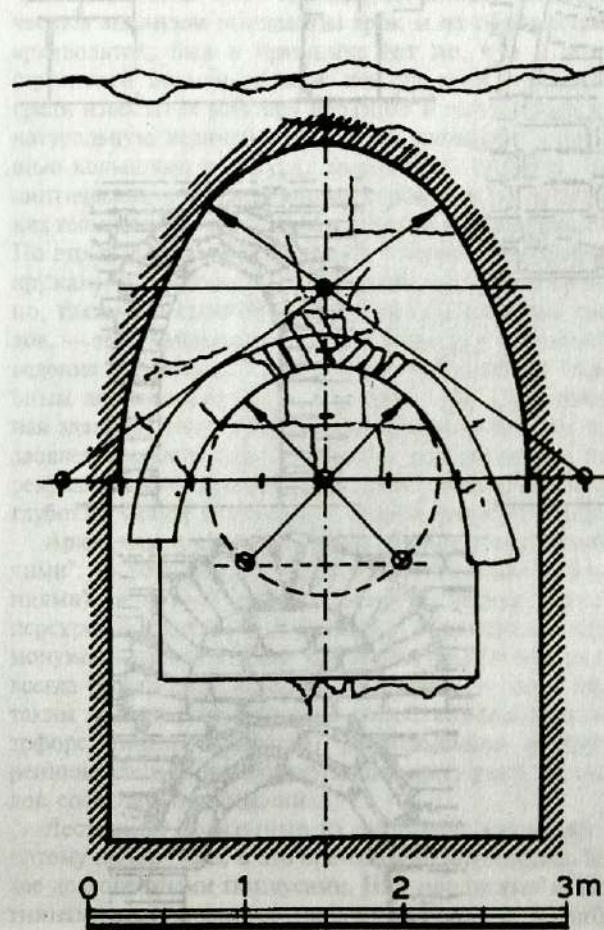

Рис. 30. Пенджикент. "Объект" 3. Геометрический анализ свода в помещении 43.

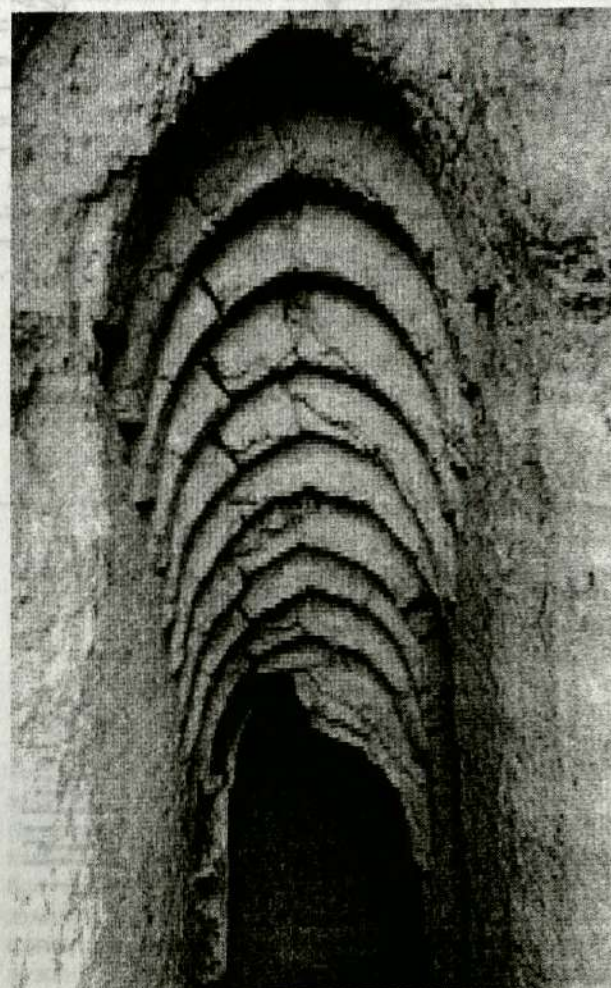

Рис. 31. Мерв. Свод лестницы в замке Кыз-кала малая.

они, вероятно, представляли собой своеобразные замковые капеллы⁸³. С скромными размерами этих комнат, всех без исключения, позволяли перекрыть их и сводом, и деревянным потолком даже без промежуточных опор, — значит, купола не были здесь вызваны конструктивной необходимостью, а воплощали собой некую возвышенную символическую идею — вероятнее всего, небесного свода. Но так как в основу любой пространственной архитектурно-конструктивной формы всегда заложена не абстрактно-символическая, а конкретная функциональная идея-потребность (символика возникает позже), — есть основание подозревать, что ранние образцы больших среднеазиатских куполов, употреблявшиеся в гражданском строительстве, не сохранились до наших дней или еще не обнаружены.

Купола возводились из обычного для здешней местности кирпича-сырца и ставились непосредственно на квадрат стен. Возведение купола над круглым помещением — например, цилиндрической башней — не составляло труда, но купол, поставленный на квадратное основание, нависает над углами помещения, и в этих местах его круглое основание нуждается в опоре. Для того, чтобы уменьшить свес купольной оболочки над внутренними углами, диаметр ее основания делали больше стороны перекрываемого квадрата, так что по верху стен образовывались сегментные полочки (рис. 34). Поставить купол, даже небольшой, целиком на толстые стены четверика практически никогда не удавалось, и оставшиеся над углами небольшие свесы приходилось опирать на угловые тромпы — конструкции, похожую на уступчатую воронку и состоящую из нескольких арок эллиптической или полукруглой формы, вставленных одна в другую и соответственно уменьшающихся к углу. Тромпы этого архаического типа врезались непосредственно в основание купола и не образовывали, как это будет позже, особого подкупольного пояса правильной восьмиугольной формы (рис. 35). Иногда (купольная комната замка Ак-тепе Юнусабадское) верхняя круглая часть купола слегка нависает над нижней цилиндрической, в которой прорезаны угловые тромпы. Но такое членение купола по горизонтали на две части не дает, конечно, оснований видеть здесь, как это делает В.Воронина, возникновение особого пояса — пояса тромпов даже в его первоначальной "зародышевой" стадии⁸⁴.

В миниатюрной купольной постройке буддийского святилища Калаи Кафирниган⁸⁵ между угловыми тромпами расположены арочные ниши, размер и форма которых в некоторой степени соответствуют тромпам. Это уже существенно ближе будущей подкупольной конструкции — правильному октагону, оформленному восемью арками — четырьмя угловыми и четырьмя промежуточными, осевыми, — хотя в Калаи Кафирниган еще нет равносоставленного октагона, а тромпы размещены выше промежуточных ниш, имеют несколько иную форму и слишком малы (рис. 36).

В раскопанных раннесредневековых замках встречаются небольшие квадратные помещения с несохранившимися перекрытиями, которые по некоторым характерным особенностям (расположение вхо-

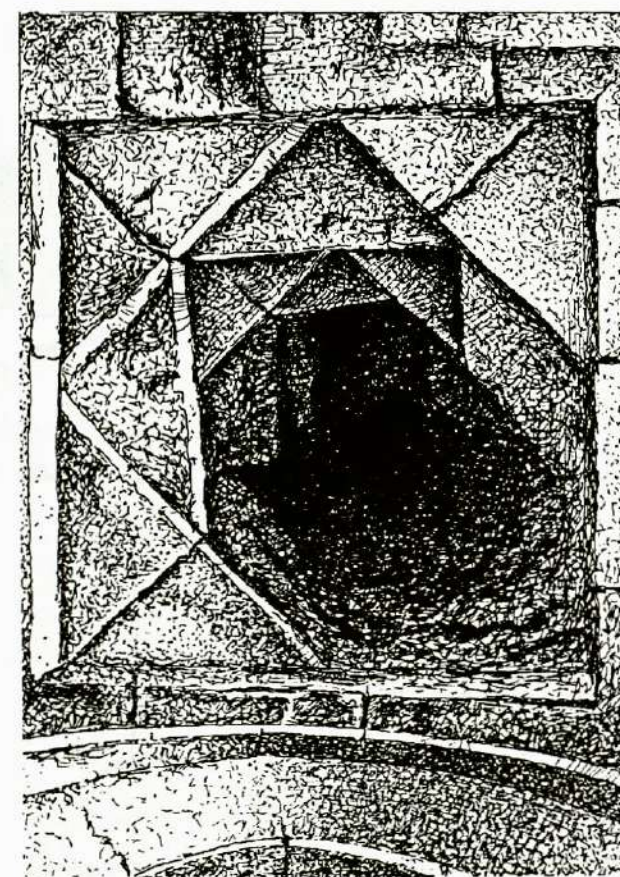

Рис. 32. Мерв. Перекрытие лестничной площадки в замке Кыз-кала малая.

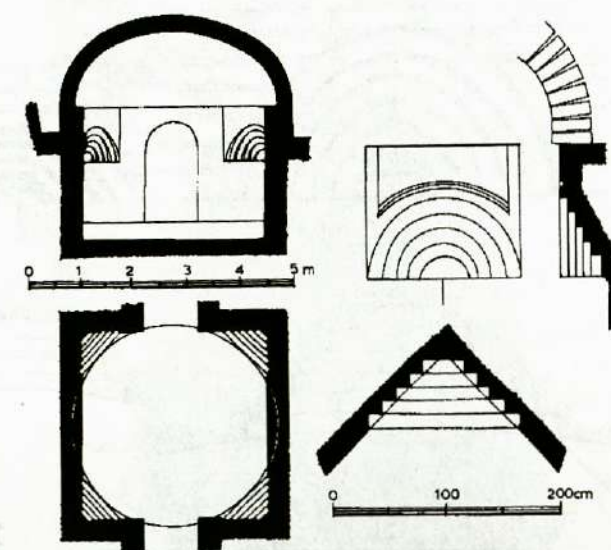

Рис. 33. Городище Дильберджин. Купольная камера в буддийском монастыре. План, разрез, деталь (тромп). По Г.Пугаченковой.

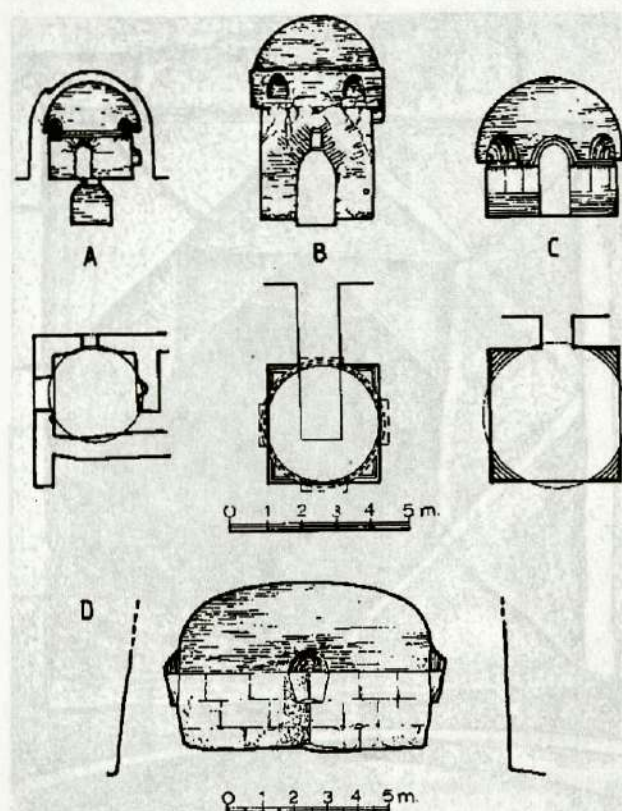

Рис. 34. Типы купольных помещений доисламского времени.

- А — Афрасиаб.
 В — Замок Ак-тепе Юнусабадский.
 С — буддийский храм в Ак-Бешиме.
 D — замок в Хорезме.

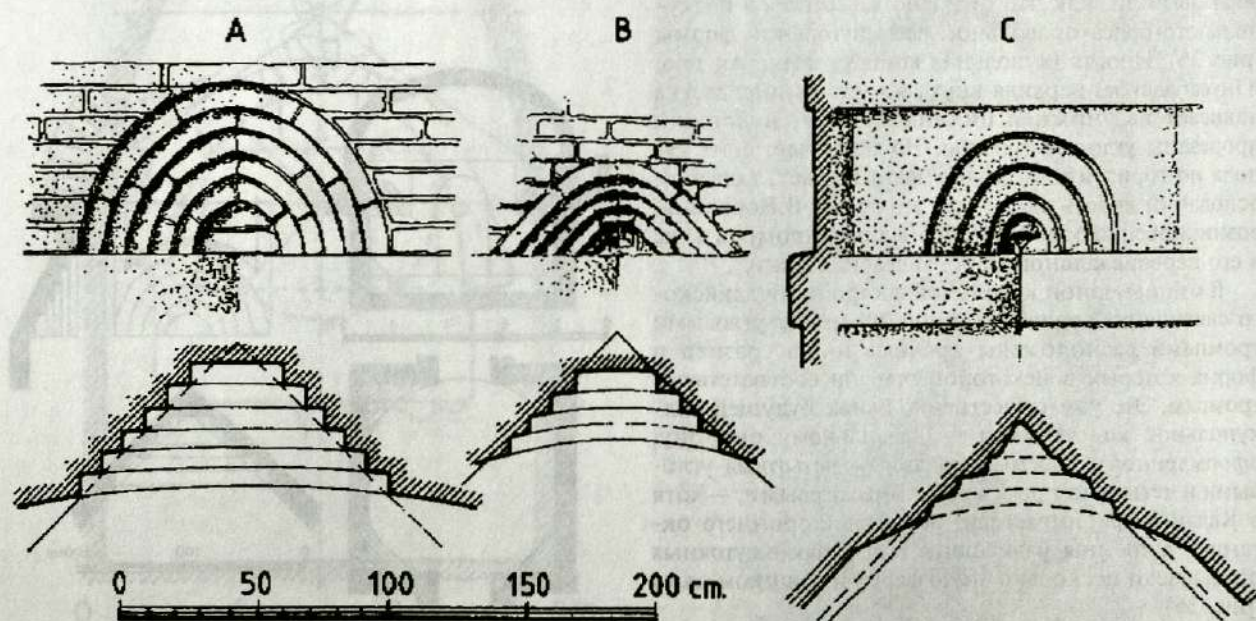

Рис. 35. Образцы тромпов 5—8 вв. в Средней Азии.

- А — Ак-Бешим.
 В — Хорезм.
 С — Пенджикент.

дов, габариты, элементы внутреннего устройства, место в общей системе планировки и пр.) можно с достаточной уверенностью считать изначально купольными.

Встречаются случаи более сложного и, так сказать, нестандартного употребления куполов и подкупольных устройств. В замке Чиль Худжра у Шахристана-Бунджиката имелись две угловые башни, в плане представлявшие собой четверть окружности, и перекрытые куполами. В соответствии с формой помещения купол нависал над его внутренними углами с трех сторон; по крайней мере в одной из башен основание купола, нависающее над прямым углом, опиралось не на обычный в это время уступчато-перспективный тромп, а на арочный парус в виде эллиптического арочного проема — окна. Это первый известный случай преобразования углового тромпа, всегда представлявшего собой монолитную противораспорную конструкцию, в световое отверстие — прием, который позже будет развит в арочных парусах термезского дворца Кырк Кыз, мавзолея Саманидов и некоторых других зданий 11—12 вв (рис. 37).

Полукупола, ставшие в 11—12 вв. и позже распространенной формой перекрытия порталных и других ниш, были в 5—8 вв. еще как будто неизвестны. Утверждение о находке в Пенджикенте входной лоджии, перекрытой полукуполом⁸⁶, представляется мне недоразумением. Речь в действительности идет о небольшом (2,7×3,15 м) входном помещении с пропорциями, отвечающими стороне и высоте равностороннего треугольника, с широкими входами на южной и восточной сторонах; в его СВ углу сохранился уступчато-перспективный тромп. Ничто, в том числе пропорции, не позволяет реконструировать здесь перекрытие в форме полукупола, — этот

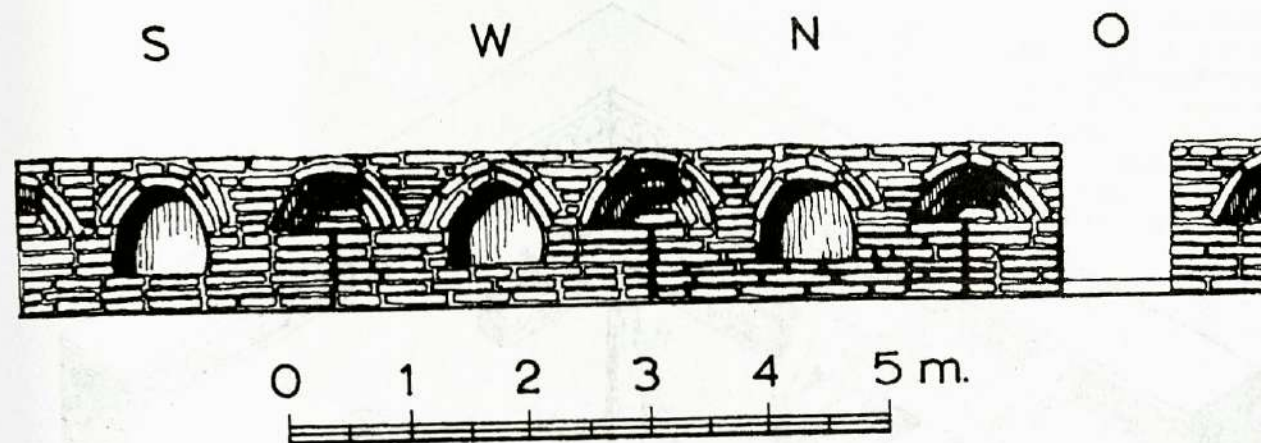

Рис. 36. Калаи Кафирниган. Буддийский храм. Развертка стен малого купольного помещения. По Б.Литвинскому.

небольшой вестибюль был, скорее всего, перекрыт обычным сводом, опиравшимся на продольные западную и восточную стены, а его северный торец был оформлен плоской вогнутой конхой, которая слегка нависала над углами и в этих местах опиралась на тромпы. Аналогичное оформление торцов, известное по дворцу Кырк Кыз (9 в.), предполагает развитие этого приема еще в доисламское время.

Уступчато-перспективные тромпы, разнообразно применявшиеся в монументальном строительстве доисламского времени, представляют собой местную, среднеазиатскую архитектурную форму: в это же время в Сасанидском Иране почти всегда употреблялись подкупольные тромпы несколько иной, конической формы, без внутренних арочных уступов. Кажется, что пластически эффектная форма уступчато-перспективных тромпов воспринималась строителями того времени в первую очередь как функционально-утилитарная: почти не заметны попытки акцентировать подкупольные конструкции средствами художественной выразительности, превратить их в эстетически значимый компонент внутренней архитектуры. Странным образом такого рода попытки усматриваются в древнейшем образце тромпов этого типа — в буддийском святилище Дильберджина: здесь внешние арки тромпов вписаны в рельефные прямоугольные обрамления, функционально необходимые. Много позже этот пластический прием был повторен в мервском замке Малая Кыз-кала (6—7 вв.), где тромпы купольной комнаты-капеллы вставлены в прямоугольные углубления⁸⁷, а еще позже, в 9—10 вв., в мавзолеях Кыз-биби (Мерв), Ходжа Машад⁸⁸ и некоторых других.

Все же скромные опыты такого рода не получили распространения, а в равнодушии к раскрытию художественных возможностей самой архитектурной формы выразилась, вероятно, общая направленность строительного искусства: оно еще не видело красоты в своей строительно-конструктивной основе и искало ее в средствах внешнего декоративного убранства, органически не связанного с этой основой.

Жженный кирпич был знаком среднеазиатским строителям и применялся здесь с древности. Он был употреблен в постройках уже упоминавшейся пар-

фянской Нисы (3—2 вв. до н. э.), — здесь, кроме обычных квадратных кирпичей, для массивных круглых столбов применили кирпичи особой лекальной формы. Кушанским временем (1—3 вв. н. э.) датируется келья буддийского святилища в Айртаме, удивляющая разнообразным и необычным употреблением жженого кирпича⁸⁹. Помимо квадратных кирпичей со стороной 35—36 см, из которых сложены стены, здесь был свод из жженных кирпичей четкой трапецевидной формы, изготовленных специально для

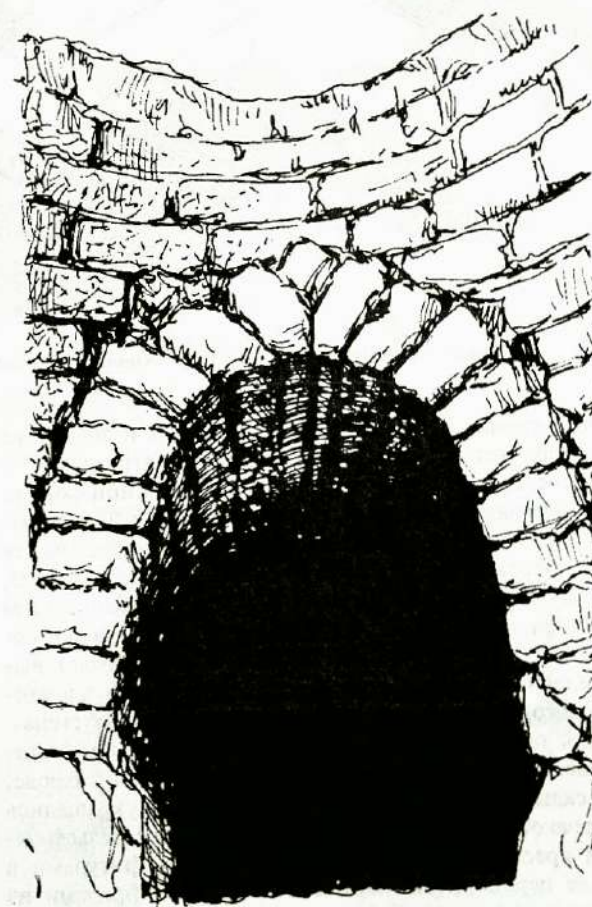

Рис. 37. Чильхуджра. Тромп угловой башни.

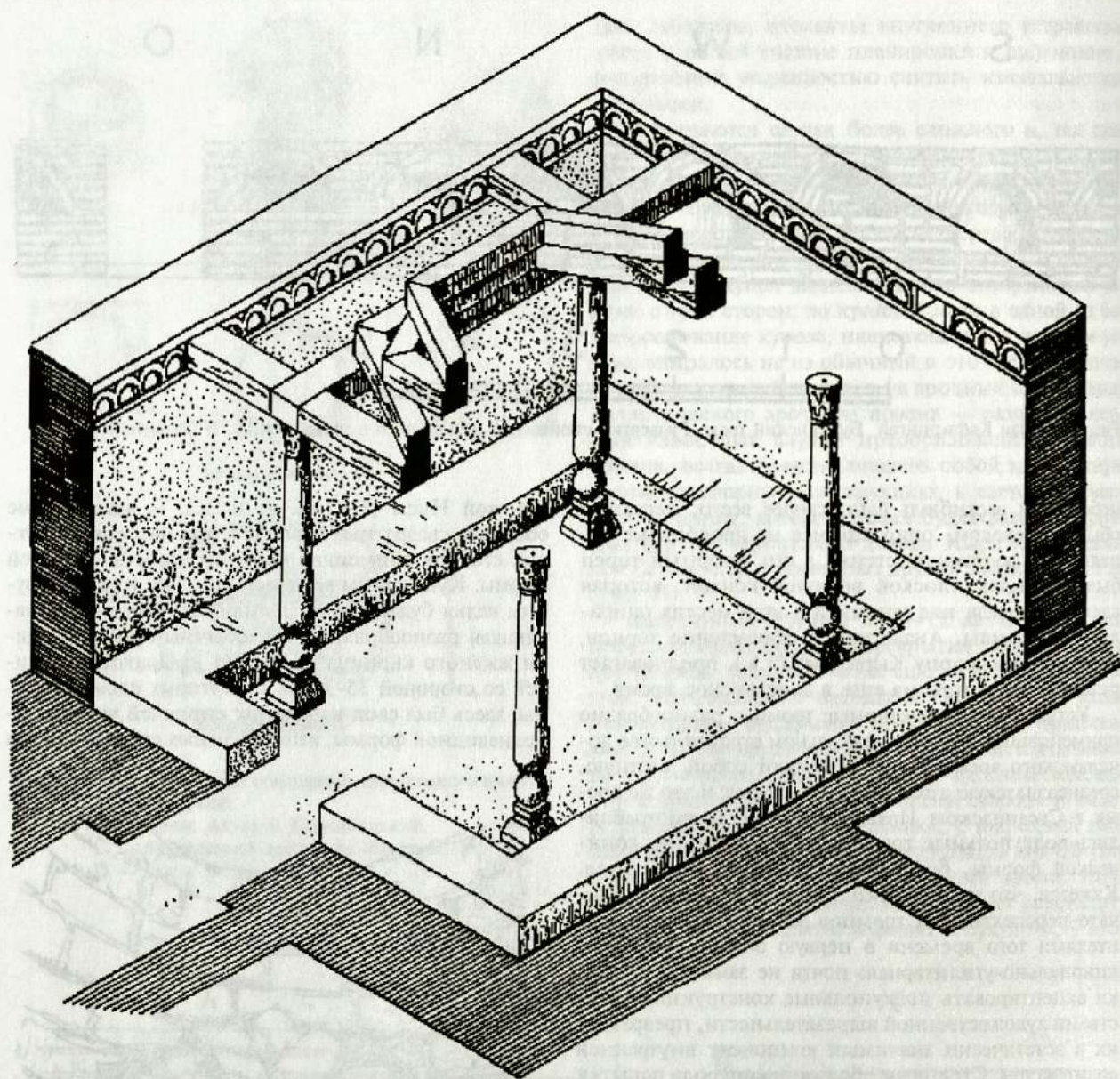

Рис. 38. Пенджикент. Приемный зал 41 в "объекте" 6. Реконструкция с шестиугольным брусчатым сводом "рузан".

этого свода. Лестница шириной 80 см и такого же размера ниши перекрывались даже не кирпичами, а терракотовыми плитами сложной лекальной формы: две плиты, сомкнутые верхними частями, образовывали арочный проем стрельчатого, неожиданного для этого времени очертания. В 5—8 вв., как и прежде, из жженого кирпича возводились ответственные несущие конструкции и выкладывались облицовки некоторых уникальных зданий (дворец в Варахше), выстилались полы и кровли, выкладывались фундаменты и горизонтальные прослойки в сырцовых стенах. Судя по изображению замка на серебряном "Аниковском", среднеазиатского происхождения блюде, фасады доисламских дворцов и замков украшались терракотовыми дисками с выемчатыми и рельефными крестами, ступенчатыми зубцами, фигурами в виде перевернутой буквы У и просто фризами из наклонно лежащих жженой кирпичей; многие из этих

декоративных деталей были найдены при раскопках в различных областях Средней Азии, отдаленных одна от другой. Большими терракотовыми плитами с рельефными изображениями был облицован низ стен некоторых помещений Варахшинского дворца⁹⁰, иногда стены даже небольших комнат целиком облицовывались жженым кирпичем⁹¹. Возможно, что жженный кирпич в монументальной архитектуре 5—8 вв. использовался более широко, чем это можно предположить по сохранившимся зданиям этого времени: по свидетельству ал-Истахри, Дом правления, построенный в Мерве в середине 8 в. наместником Абу-Муслимом, представлял собой огромное здание, увенчанное куполом, с 4 входами и целиком построенное из жженого кирпича, причем "...изнутри виден способ постройки крыши"⁹². Создатели этого необычайного здания должны были, конечно, иметь опыт в строительстве из жженого кирпича, исчисля-

ющийся не одним поколением мастеров. Все же в остатках самых монументальных зданий доисламского времени нет даже признаков тех фигурных, конструктивно-декоративных и чисто декоративных кирпичных кладок, которые в 10 в., если не раньше, станут специфическим признаком новой, исламской архитектуры Средней Азии.

Широкое использование дерева в архитектуре 5—8 вв. подтверждается ныне большим количеством собранного археологами материала. Частые пожары раннесредневековой Бухары, много раз отмеченные в историческом труде Наршахи, заставляют предполагать такое количество дерева в массовой городской застройке, которое превышает его содержание в обычных сырцово-каркасных зданиях, — можно думать, что жилища до- и раннеисламской Бухары были построены главным образом из дерева, — как говорилось, оно тогда не было дефицитным строительным материалом. Но и в монументальных пахосовосырцовых сооружениях деревянные конструкции и детали играли заметную роль.

Теперь уже раскопки не только Пенджикента, но множества других городских жилищ и замков показали, что едва ли не самым характерным признаком их устройства были вместительные приемные залы, деревянный потолок которых опирался на деревянные колонны. Обычно таких колонн было четыре, и в кровле между ними исследователи предполагают устройство либо светового люка, края которого определяются расположением опор⁹³, либо уступчатого брусчатого купола (или свода) "рузан" с небольшим отверстием в зените. Первый вариант, напоминающий устройство древнеримского вестибюля-атрия, был едва ли возможен: большой (2×2 м и больше) потолочный люк пропускал бы в зал дождь и снег⁹⁴. Что касается брусчатого купола "рузан", поныне употребительного в традиционной жилой архитектуре Памира и Припамирья, а некогда распространенного гораздо шире⁹⁵, то его употребление в архитектуре Средней Азии 5—8 вв. сейчас документально доказано⁹⁶. Правда, верхнее отверстие "рузан" пропускало, вероятно, мало света (его основное назначение — вентиляционное, вытяжное), но колонные залы этого типа были высокими и, возможно, освещались окнами, расположенными под потолком, над кровлями более низких соседних помещений.

Станным образом в Средней Азии до сих пор не найдены остатки древних "рузан" общераспространенной квадратной и восьмиугольной формы, на квадратном основании, хотя в том, что они были, нет оснований сомневаться. Зато найдены достоверные остатки "рузан" неизвестной ранее шестиугольной формы, основанных не на квадрате, а на прямоугольнике с отношением сторон 1 : 0,866 или 1 : ($\sqrt{3}/2$). Обнаружено много помещений именно таких пропорций, отвечающих отношению стороны и высоты равностороннего треугольника, — значит, есть основания думать, что шестиугольные "рузан" были в это время достаточно распространены. В Пенджикенте, к примеру, "рузан" этой формы венчал большой приемный зал в богатом доме (рис. 38) и перекрывал среднюю часть двухколонной вход-

ной лоджии в другой дом (рис. 39). Шестиугольный "рузан", реальные остатки которого найдены в замке Урта Кургана, был украшен не только обычной орнаментально-изобразительной резьбой, но и сложными профилировками, так сказать, "абстрактного" характера — чистой деревянной пластикой, не дающей поводов видеть в ней какой-либо символический смысл. Ее близкие аналогии демонстрируют гроты Баминана (Афганистан), в которых — в камне — имитированы перекрытия типа "рузан".

Были и другие, менее обычные формы и приемы деревянных перекрытий. В зале одного из богатых домов Пенджикента под потолком — а вернее, под брусчатой конструкцией "рузан" — был подвешен декоративный деревянный купол, сконструированный из криволинейных "ребер" и дощатой обшивки, украшенной сложной скульптурной резьбой. В цитадели Харахкета (городище Канка) открыта квадратная (5×5 м) комната с алтарем посередине, — очевидно, храм-капелла. Ее первоначально простой деревянный потолок был заменен позже деревянным шатром со срезанной вершиной: в стенах на высоте 1,3 м от пола сохранились следы от деревянных брусков, на которые опирались сходящиеся кверху балки каркаса — судя по уцелевшим отверстиям, по 15 балок на каждой стороне⁹⁷. Это было эффектное, но сугубо декоративное перекрытие типа балдахина (рис. 40), так как выше над ним имелся настоящий, конструктивный потолок⁹⁸.

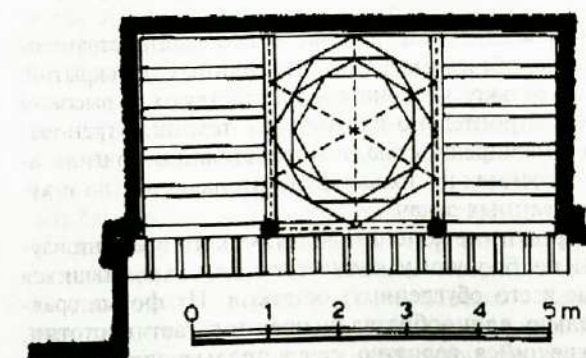
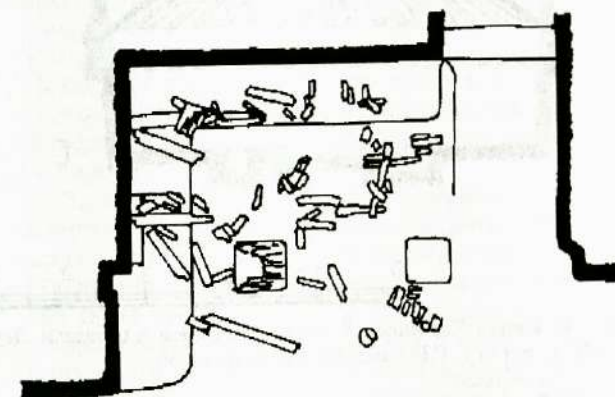

Рис. 39. Пенджикент. Входная лоджия в жилой дом. План раскопанных остатков (по В.Ворониной) и их реконструкция.

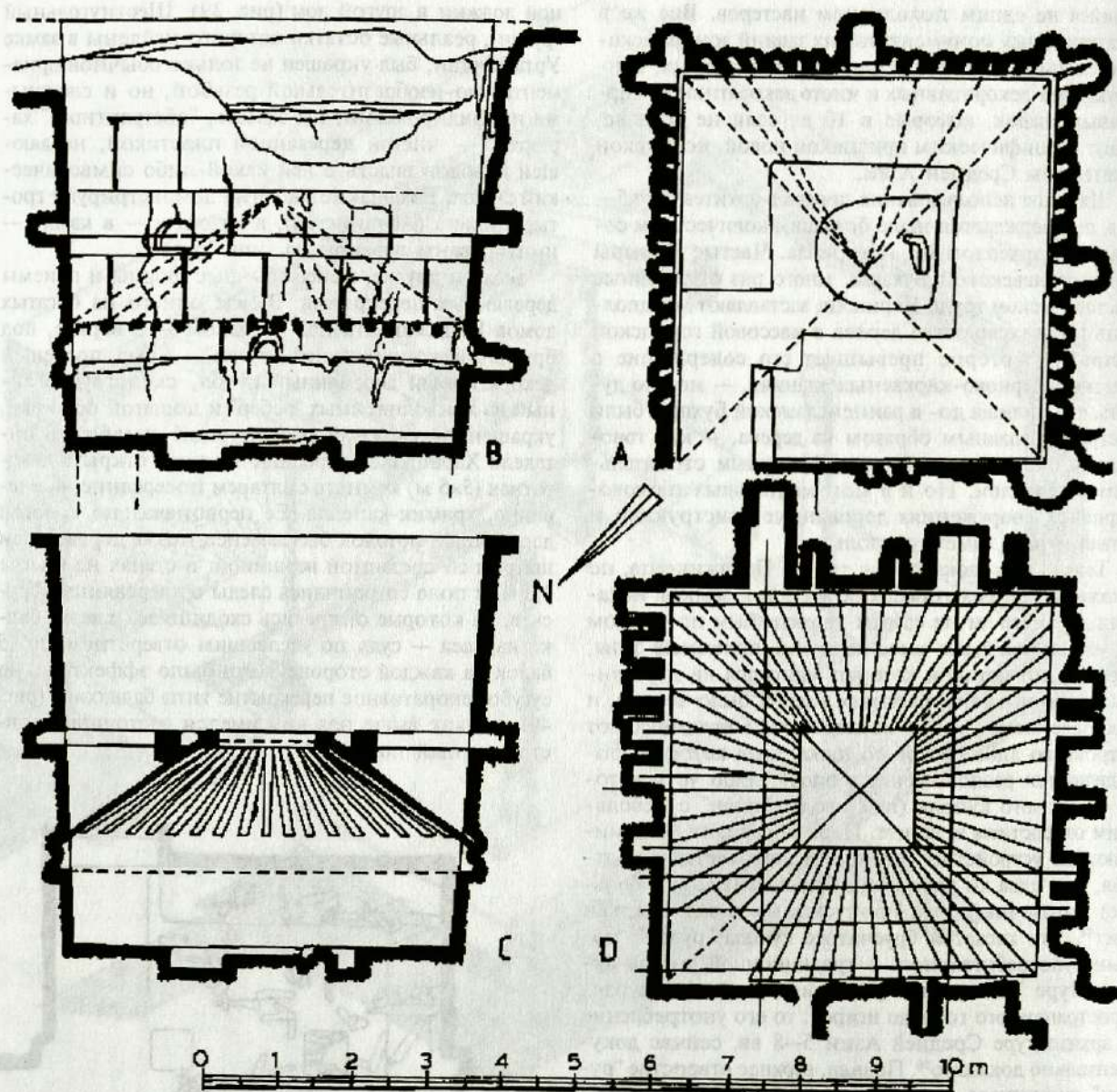

Рис. 40. Канка-Харашкет. Комната с алтарем в цитадели. Деревянное перекрытие.

По Ю.Буякову, Г.Богомолу, И.Луньковой

- A — план.
- B — разрез.
- C — реконструкция разреза.
- D — реконструкция плана на уровне шатра.

Неизвестно, как широко были распространены эти и подобные им формы деревянных перекрытий. Ясно только, что они свидетельствуют о высоком уровне строительно-плотницкой техники, граничащем с изощренностью, и о неожиданно оригинальных решениях не только функциональных, но и художественных задач.

Деревянные колонны доисламского времени изучены по большому количеству их сохранившихся (чаще всего обугленных) остатков. Их форма сравнительно единообразна и предполагает прототип, сложившийся, вероятно, еще в предыдущую, кушанскую эпоху. Колонны опирались на каменные или деревянные основания, сплошные брусчатые или, как в Пенджикенте, собранные из уложенных крест-

крест балочек. Сужающийся кверху и слегка скругленный внизу ствол опирался на округлую каплеобразную форму, называемую "кузаги" — кувшинчик; она сохранилась и поныне в традиционных деревянных колоннах, лишь усложнившись четырьмя лопастями, спускающимися на нее со ствола, — в доисламских колоннах таких лопастей как будто не было. Колонну венчала конической формы расширяющаяся кверху капитель, на которую иногда водружался восьмиугольный импост, украшенный резьбой и тоже расширенный кверху (рис. 41).

Базы небольших декоративных колонок, украшавших внутреннюю архитектуру, были, судя по находкам в Пенджикенте, довольно разнообразны (рис. 42). Базы же больших деревянных колонн доислам-

ского времени, представленные четырьмя образцами — из замка Ак-тепе (Шаш), Пенджикента, Шерабада и Шахристана — есть близкие вариации одного общего типа, различающиеся только пропорциями и незначительными деталями и восходящие, несомненно, к единому общесреднеазиатскому образцу.

Нижняя часть этой базы вытесана в форме четырехгранной усеченной пирамиды; она увенчана скопией, на которой лежит квадратная плита, узкие боковые грани которой разделены (в двух случаях из четырех) на несколько "слоев" горизонтальными прорезами. В одном случае грани оставлены гладкими, еще в одном скруглены как валик. В базах из Актепе и Пенджикента на верхней плите стоит невысокая восьмигранная, сужающаяся кверху форма (рис. 43).

Совпадение всех четырех образцов, найденных далеко один от другого, и фактическое отсутствие иных типов позволяют думать, что базы деревянных колонн именно такой формы были в то время если не единственными, то очень распространенными и самыми типичными. Их "типовой" характер подтверждается изображением колонных аркад на Биянайманских и Иштиханских оссуариях⁹⁹, а позже — декоративными колонками в интерьере мавзолея Саманидов, стоящими в углах подкупольного октагона: здесь в кирпиче воспроизведена характерная форма деревянных колонок с " типовыми " базами, которые в силу особенностей нового материала претерпели небольшое изменение — потеряли вогнутую форму скопии (рис. 44, 45).

Ту же характерную форму сохранили и каменные базы колонн (вероятно, деревянных), обнаруженные в Таджикистане и датированные, может быть, уже раннеисламским временем¹⁰⁰. Их высота очень различна — от 40 до 130 см — но форма та же: массивная, усеченная сверху четырехгранная пирамида, плавно изогнутая скопия, квадратный верх с отвесными или слегка наклонными гранями. Такая конфигурация вполне органична именно для камня, и можно полагать, что известные теперь базы этого типа воспроизводят каменный прототип. Были попытки объяснить эту локальную среднеазиатскую форму колонной базы трансформацией форм западной античной архитектуры, но они неубедительны (рис. 46).

Любопытно, что если общая форма деревянной колонны доисламского времени впоследствии почти не меняется, то ее характерная база, наоборот, не находит продолжения в дальнейшей эволюции деревянного колонного ордера Средней Азии. Последние образцы, запечатлевшие ее своеобразный, уже слегка трансформированный облик — в михрабе из селения Искодар и мазаре в селении Чорку — оба 10—11 вв. Более поздние базы деревянных колонн в Средней Азии напоминают своих предшественниц лишь сужающейся кверху формой да, пожалуй, частой вогнутостью граней, в которой можно увидеть отголосок формы скопии.

Кроме свободно стоящей деревянной колонны в архитектуре доисламской Средней Азии имелся и другой ее вид, получивший позже повсеместное распространение — угловая трехчетвертная колонна. В

Рис. 41. Пенджикент. Деревянный резной импост колонны. Реконструкция В.Ворониной.

замке Урта Курган около Бунджиката два угла на пересечении коридоров были оформлены деревянными колоннами, вставленными в квадратные угловые выемки и обозримые только на 3/4 своей формы¹⁰¹. От них сохранились отпечатки стволов и упоминавшихся баз. Аналогично выглядели углы при смыкании зала-кулуара и широкого коридора в замке Джумалактепе¹⁰². В этом способе оформления выступающих парных углов трехчетвертными колоннами легко различить зарождение пластического образа, повсеместно распространенного в монументальной архитектуре исламского средневековья — портал или михраб, арка которого зрительно опирается на угловые колонны, кирпичные или терракотовые. Позже этот прием стал декоративным; в указанных случаях он был вполне конструктивен, так как трехчетвертные деревянные колонны несли перекрытие — конечно, не арочное, а балочное.

Впрочем, декоративная трансформация приема отмечена уже в 7 в.: этим временем датируется сводчатая "тронная" ниша в зале Кафыр-калы на Вахше (Таджикистан) (рис. 47), фасад которой был оформлен двумя трехчетвертными глиняными колоннами с пирамидальной базой и круглой "кузаги"¹⁰³. В конструктивном же варианте, опирая деревянное перекрытие не на сырцово-пахсовые стены, а на врезанные в них деревянные стойки, строители достигали определенной независимости стоечно-балочной системы от состояния стен и ее большей устойчивости в случае землетрясения.

Правило "опирания дерева на дерево" соблюдалось в архитектуре Средней Азии 5—8 вв. всюду, где это было возможно. В святилище буддийского храма в Ак Бешиме (Киргизстан), толстые стены которого были сложены из сырца с прослойкой пахсовых блоков, потолок — вероятно, конструкции "рузан" — опирался не на стены, а на деревянные стойки, вставленные в кладку заподлицо с поверхностью стен и соединенные сверху брусчатой обвязкой. Деревянное перекрытие большого зала перед святилищем лежало на восьми деревянных колоннах, расположенных в два ряда. "Утопленные" в стены тонкие прямоугольные стойки имелись в главном приемном зале замка Урта Курган. Вдоль стен здесь тянулись

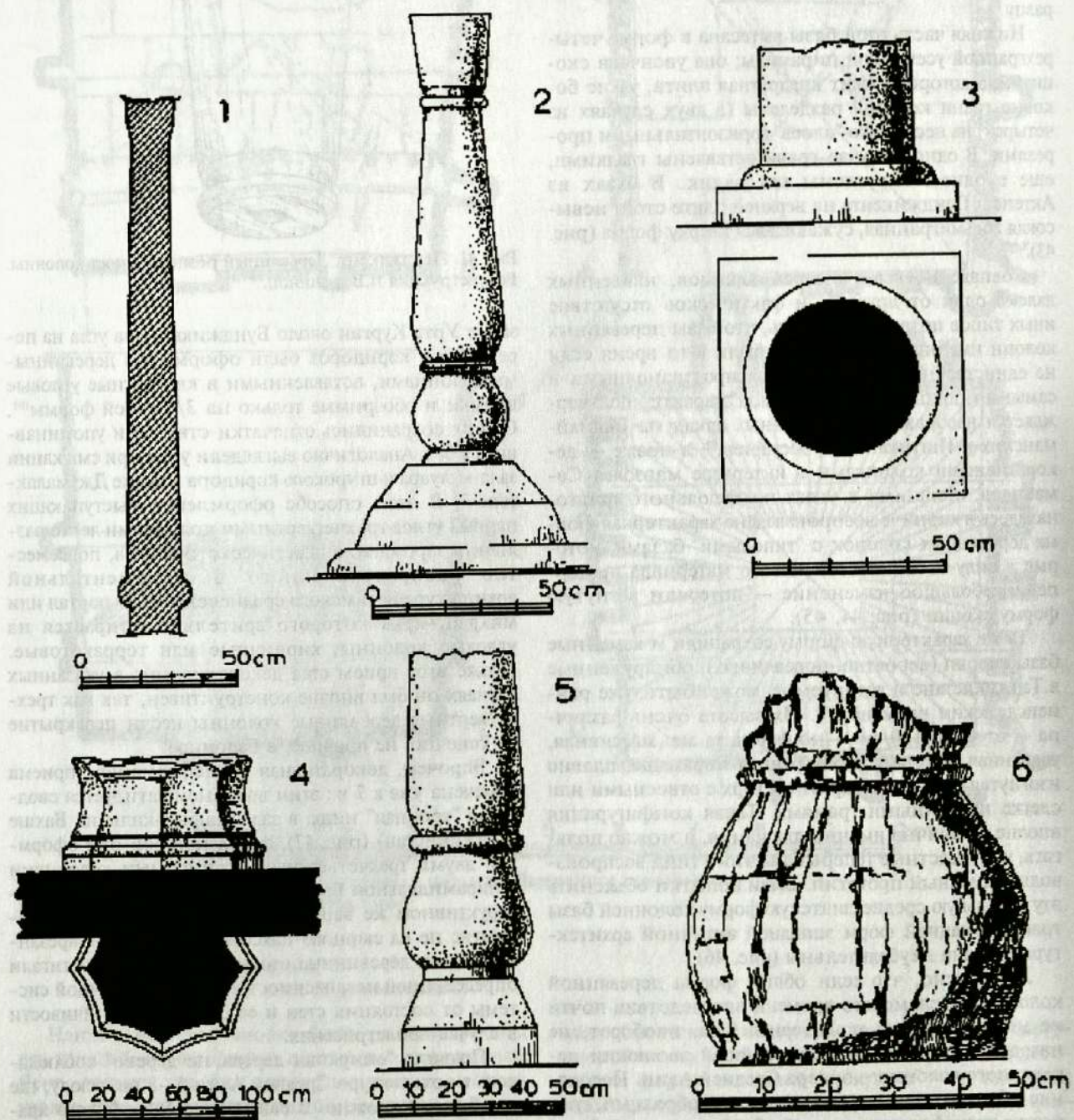

Рис. 42. Пенджикент. Типы и детали декоративных колонн.

- 1 — отпечаток колонны в "объекте" 12, комната 13.
- 2 — глиняная колонна очага в "объекте" 3, комната 13.
- 3 — основание деревянной колонны.
- 4 — "объект" 2.
- 5 — "объект" 6.
- 6 — "объект" 1. Деревянная база.

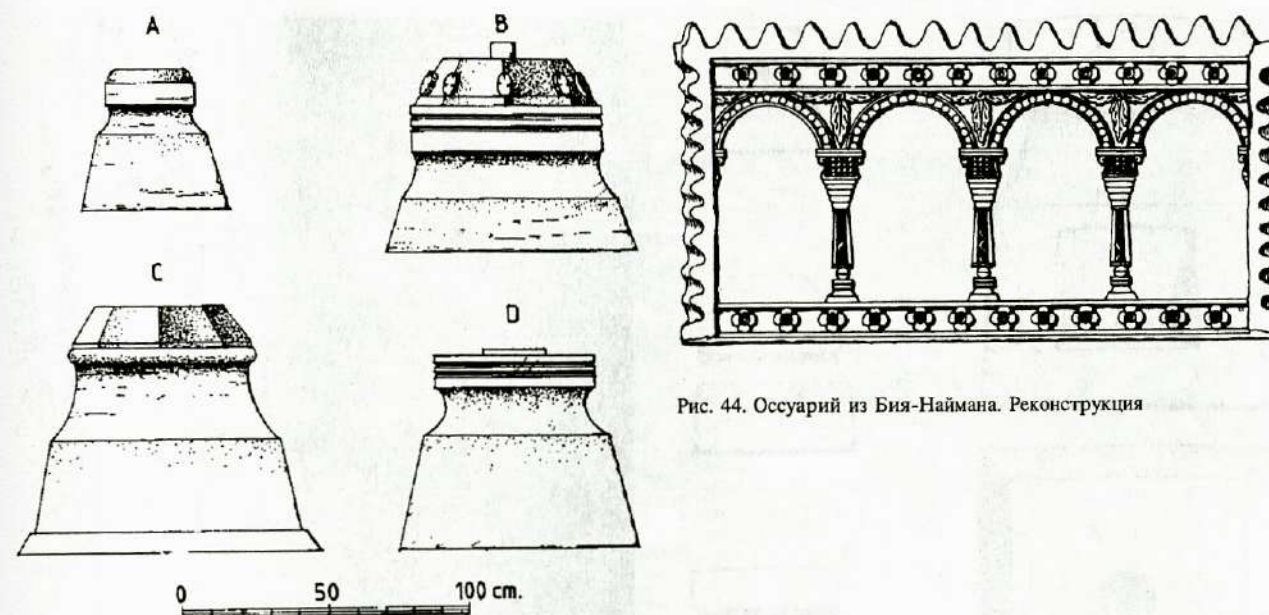

Рис. 44. Осуарий из Бия-Наймана. Реконструкция

Рис. 43. Базы колонн 5—8 вв. А — Шерабад. В — Ак-тепе Юнусабадское. С — Пенджикент. D — Шахристан.

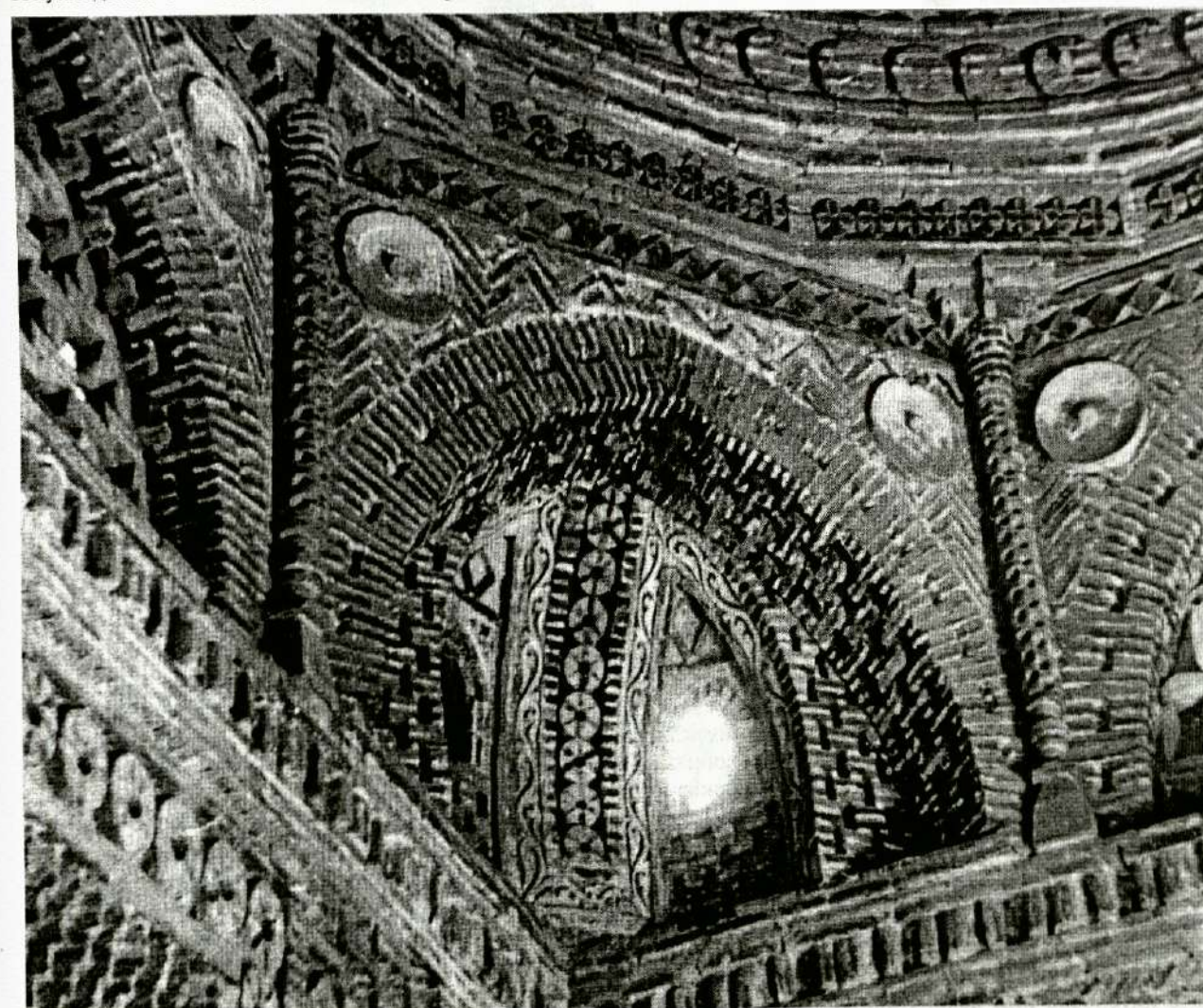

Рис. 45. Мавзолей Саманидов. Подкупольный октагон с декоративными колонками.

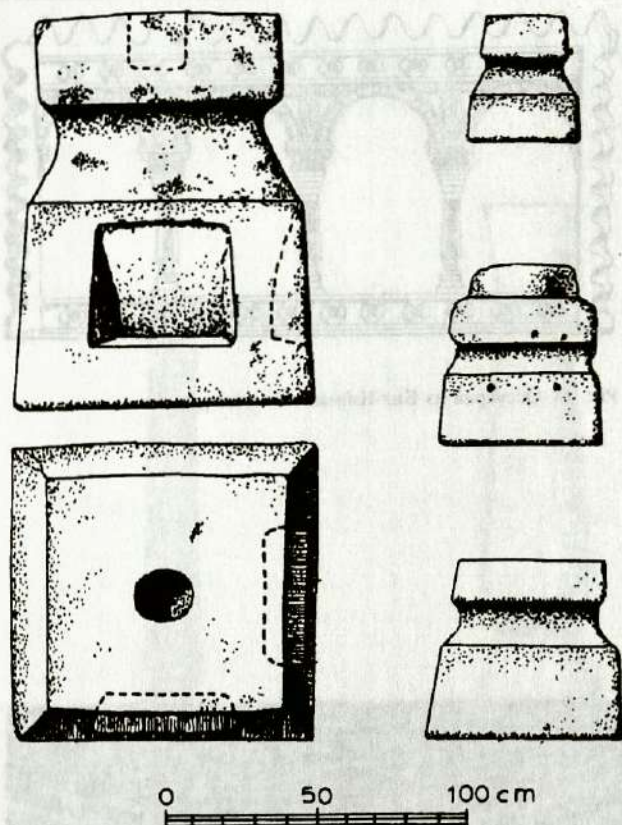

Рис. 46. Каменные базы колонн в Северном Таджикистане. По В.Ворониной.

глиняные скамьи — суфы, и можно предполагать, что стойки служили для крепления над суфами матерчатого полога — вроде того, какой изображен на росписях в Пенджикенте¹⁰⁴.

В античную эпоху (4 век до н. э. — 4 в. н. э.) архитектура Средней Азии, как, впрочем, и вся ее культура, испытала известное влияние средиземноморского эллинизма. Отголоском этого влияния нужно считать колонные аркады, облик которых сохранили изображения на костехранилищах-оссуариях и настенные росписи. Изображения на оссуариях вполне конкретны, и представленные на них колонны воспроизводят, несомненно, деревянный прототип: у них характерная, описанная выше база, на которой укреплен слегка сплюснутый (как бы от нагрузки) шар — "кузаги". На шар опирается сужающийся кверху орнаментированный ствол, увенчанный капителью в форме ведра и резным импостом с волотами ионического типа. У арок, стоящих на колоннах — слегка пониженная круглая форма, их широкие архивольты украшены рядом кружков — так называемых "сасанидских перлов" — или четырехлепестковыми розетками (рис. 48).

В архитектуре древнего Рима (греки аркад не употребляли) реальные арки опирались только на массивные пилоны, — римские аркады на колоннах появляются сравнительно поздно¹⁰⁵ и только как деталь интерьера или декоративный мотив. В таком виде они были восприняты на Востоке, где каменные колонны распространения не получили, а дере-

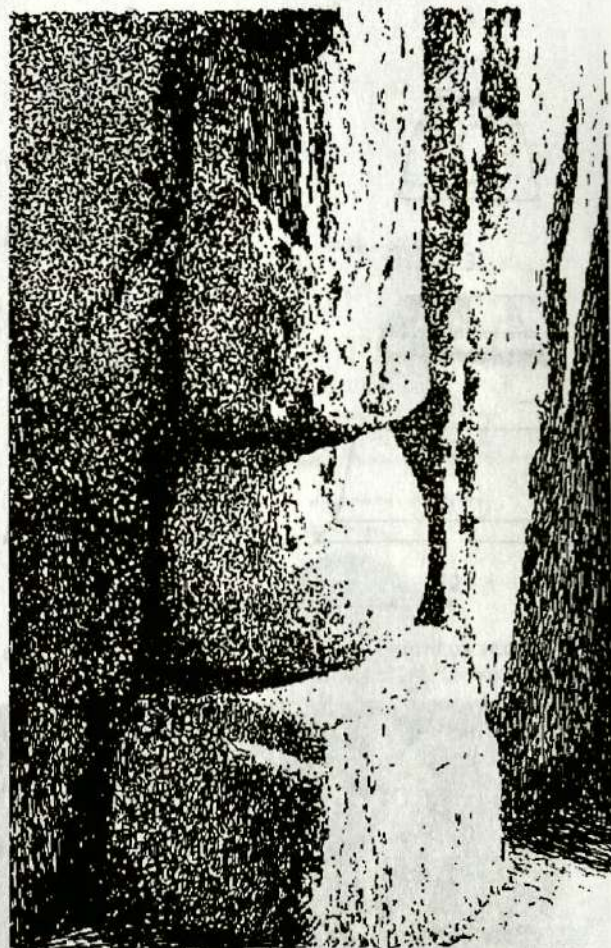

Рис. 47. Кафыр-кала на Вахше. Угловая колонна тронной ниши.

вянные не могли быть опорой для реальных — кирпичных или каменных — арок. Аркады, подобные изображенным на оссуариях, вероятно, существовали, но не как большая архитектурная форма, а в качестве декоративных деталей внутренней архитектуры. Есть много свидетельств того, что мотив аркады был распространенным традиционным мотивом украшения деревянных фриз, располагавшихся под потолком приемных залов в богатых жилищах и замках доисламского времени, — остатки таких резных, обильно украшенных фриз найдены в Пенджикенте, Шахристане, замке Гардани Хисор (горный Зеравшан) и во дворце Куйрук-тобе (Южный Казахстан) (рис. 49, 50). Этот прием дошел до наших дней в народной архитектуре Узбекистана и Таджикистана — с заменой резных деревянных фриз их вышитыми имитациями "дорпеч", но с сохранением места под потолком и мотива аркады¹⁰⁶.

Обломки оссуариев из Бия-Наймана сохранили еще один архитектурный образ, связанный, видимо, с западной традицией: аркады, в которых колонны заменены человеческими фигурами — кариатидами. Можно было бы считать эти изображения фантазией, если бы подобное им не сохранилось в росписях Варахшинского дворца, и если бы в Пенджикенте не были найдены три крупные женские фигуры —

Рис. 48. Изображение аркады на оссуарии.

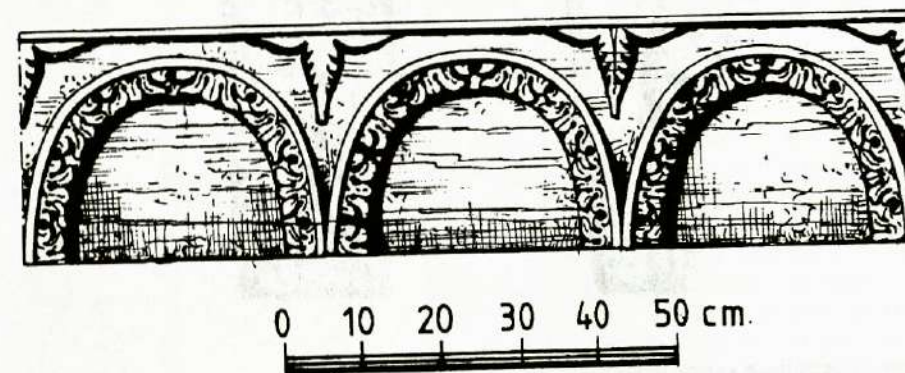

Рис. 49. Пенджикент. Арочный фриз под потолком в зале.

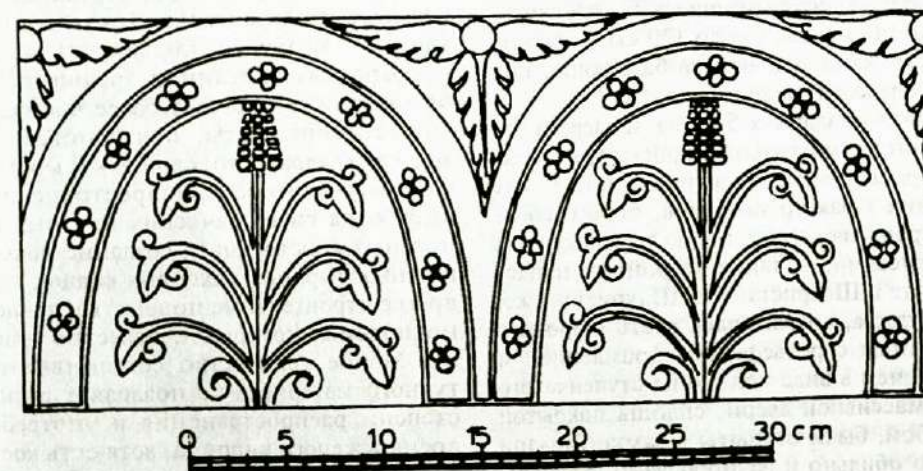

Рис. 50. Замок Гардани Хисор. Фриз из помещения 6. Реконструкция. По Ю.Якубову и В.Ворониной.

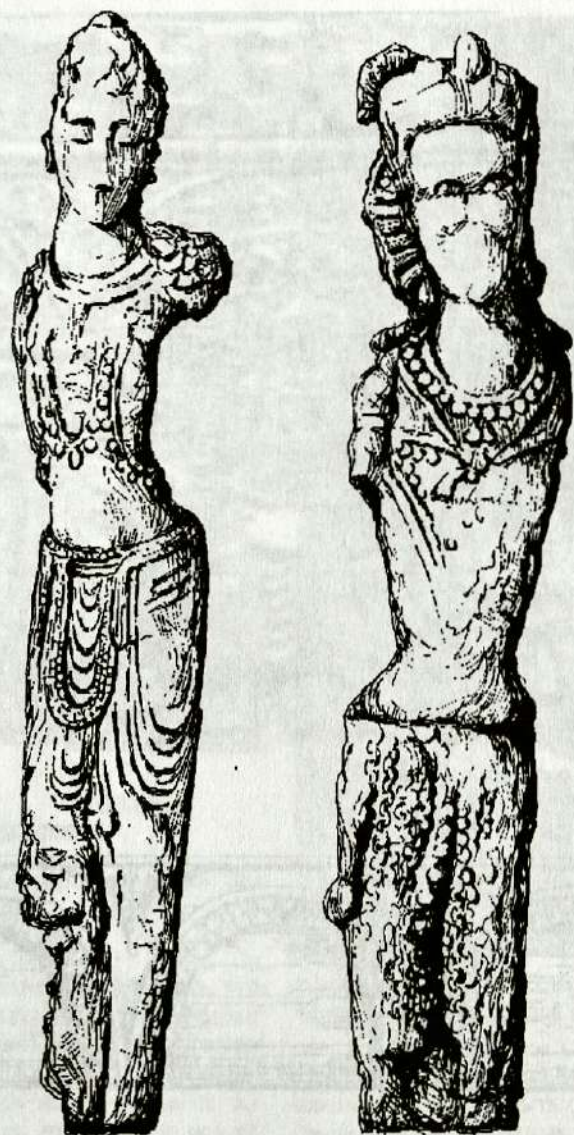

Рис. 51. Пенджикент. Деревянные кариатиды.

кариатиды, вырезанные из дерева и сравнительно хорошо (кроме одной) сохранившиеся¹⁰⁷. Эти скульптуры — все одной высоты, около 120 см — служили, вероятно, стойками для навеса-балдахина, под которым сидел владелец дворца (рис. 51)¹⁰⁸.

В монументальных зданиях 5—8 вв. из дерева делались переемы прямоугольных проемов, массивные пороги, дверные рамы и полотнища. В глубоких проемах, имевших характер тамбуров, пороги соответственно превращались в сплошную выстилку пола деревянными брусками, — такие устройства найдены в Пенджикенте и Шахристане. В Шахристане же, в замке Чиль Худжра, сохранилась часть широкого дверного полотнища с рельефным обрамлением и угловым украшением в виде половины ступенчатого зубца. Остатки массивной двери, сплошь покрытой рельефной резьбой, были открыты в замке Гардани Хисор, особенно обильно и разнообразно украшенного внутри резным деревом¹⁰⁹.

Таким было, в общих чертах, состояние среднеазиатской строительной техники в 5—8 вв. Она много — возможно, больше чем прежде казалось — сохранила от техники предшествующей эпохи, от которой ее отличает более частое, чем прежде, употребление пахсы, почти повсеместный переход от квадратного сырца к сырцу удлиненной формы, некоторое распространение куполов и выработка специфических местных форм подкупольных конструкций, создание новых типов смешанных сырцово-пахсовых кладок и, может быть, другие строительные новшества, точное время возникновения которых неизвестно или сомнительно. Малое количество сохранившегося архитектурного материала не позволяет решить вопрос о степени распространения и употребления в это время жженого кирпича, хотя есть косвенные признаки того, что и эта степень была больше, чем предполагалось недавно.

ПРИЕМЫ ПЛАНИРОВКИ, КОМПОЗИЦИИ И ВНУТРЕННЕГО УСТРОЙСТВА

Среди множества композиционно-планировочных приемов, характерных для строительного искусства Среднего Востока 5—8 вв., в первую очередь должен быть выделен прием дворово-айванной организации пространства, распространенный и в среднеазиатской, и в иранской (сасанидской) архитектуре.

В общих чертах этот прием определяется сочетанием замкнутого двора и лежащего обычно на его оси сводчатого зала-айвана, целиком раскрытого торцевой стороной во двор. Дворово-айванная система — одна из древнейших на Востоке: ее ранние образцы демонстрируют дворцовые комплексы разной степени древности, такие как дворцы в Мари (18 в. до н.э.)¹¹⁰ и Хорсабаде (дворец Саргона II 8 в. до н.э.)¹¹¹. Особенно эффектное воплощение нашла она в монументальных постройках сасанидского Ирана (дворцы в Ктесифоне, Касри Ширин, Фирузабаде, Дамгане, Тахти Сулейман) и Халифата времени Омейядов и Аббасидов (дворцы в Мшатте, Куфе, Аммане, Охейдире). К обязательным частям развитых дворово-айванных комплексов принадлежат, кроме сочетания двора с айваном, симметричные арочные входы по сторонам фасадной арки айвана, которые ведут в боковые комнаты, и — не всегда, но часто — квадратное купольное помещение, лежащее непосредственно за айваном и соединенное с ним. Вход во двор, сам двор, айван и купольный зал за ним расположены как правило на общей продольной оси.

Общественный смысл этой устойчивой планировочной структуры заключается в контрастном сочетании айвана, под сводом которого сидит правитель, и двора, заполненного его подданными. Это общественное содержание прослеживается в архитектуре на всех социальных уровнях: правителем, восседающим под аркой айвана, мог быть шахиншах или халиф, — но мог быть и глава рода или патриархальной семьи. В последних случаях композиционная идея воплощалась, конечно, не в дворцовых комплексах, а в сравнительно скромных усадьбах и жилых домах, а дворово-айванная система была представлена в ее "камерном" варианте: двор превращался в приемный зал, а сводчатый зал-айван — во внутреннюю лоджию или арочную нишу. Такие "камерные" варианты дворово-айванной системы, предполагающие приемы с узким кругом участников, встречаются и во дворцах, рядом с ее крупноразмерным монументальным воплощением, рассчитанным на массы присутствующих.

В 5—8 вв. Средняя Азия была разделена на множество небольших владений, и в архитектуре ее жилищ, замков и дворцов преобладал, по понятным причинам, "камерный" вариант дворово-айванной

системы. Залы с "тронной" нишей-лоджией открыты здесь во множестве и в городских жилищах, и в укрепленных замках, и — в особенно величественных и эффектных формах — в дворцовых сооружениях (рис. 52).

Эта репрезентативная планировочная идея, воплотившая собой ритуальные взаимоотношения людей в средневековом восточном обществе, широко употреблялась и позже, после победы ислама, во всех странах Среднего и Ближнего Востока и дожила, мало изменившись в своей основе, почти до нашего времени.

Дворово-айванная система с пространствами и помещениями, как бы нанизанными на продольную ось, предполагает движение в одном направлении и может быть названа линейной. Иная планировочная идея, центрическая, воплощалась в помещениях и их комбинациях, сгруппированных вокруг общего центра и предполагающих подход к этому центру со всех сторон. Роль собственно центра в таких случаях играло квадратное в плане помещение, расширенное четырьмя осевыми сводчатыми проходами или нишами, и получившее поэтому крестообразную конфигурацию. Это устройство было, очевидно, напрямую связано с развитием купольных перекрытий: увеличить площадь купольного зала можно было только при помощи осевых ниш.

В древней и средневековой архитектуре Центральной Азии не было свойственного Европе четкого размежевания открытых и замкнутых пространств: двор, который можно и нужно было перекрыть, превращался в зал без изменения его архитектурных характеристик, а зал, который по каким-либо причинам не получил или потерял перекрытие, так же легко и без структурных изменений трансформировался в дворик. Есть основание думать, что сама планировочная идея крестообразного зала связана с формой открытых дворов, на осях которых расположены прямоугольные лоджии-айваны, — таковы ахеменидский дворец Калалы-Гыр в Хорезме¹¹² и парфянский дворец в Ашуре¹¹³. Стороны таких дворов могут быть представлены как увеличенное подобие стен центрического зала с нишами посередине.

Впоследствии двор с четырьмя осевыми айванами стал традиционной принадлежностью среднеазиатских караван-сараяв, медресе и дворовых пятничных мечетей. Генезис этого приема планировки занимал многих исследователей, — самым доказательным и убедительным представляется решение проблемы, предложенное Э.Херцфельдом и поддержанное А.Годаром, которые видят истоки четырех-айванной организации двора медресе в традицион-

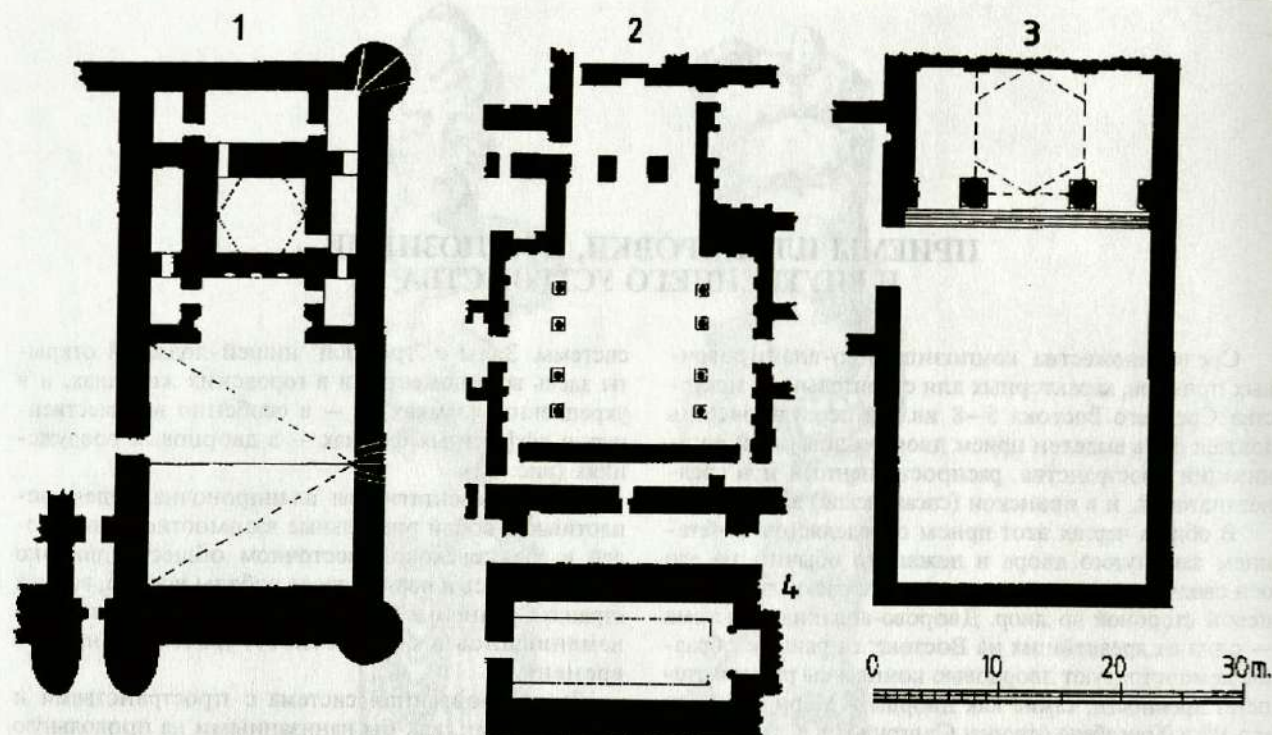

Рис. 52. Образцы дворово-айванных систем в доисламской архитектуре Средней Азии.

- 1 — Бабиш-Мулла (Хорезм). "Большой дом". 3—2 вв. до Р.Х.
- 2 — дворец Топрак-кала (Хорезм). 3 век н. э.
- 3 — дворец в Варахше, — 8 вв.
- 4 — Гяур-кала на Вахше. 6—8 вв.

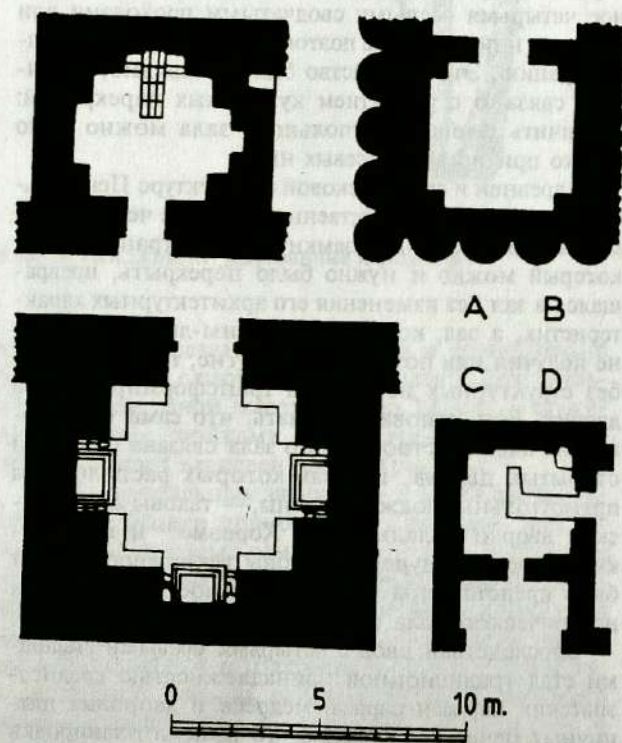

Рис. 53. Помещения с четырьмя осевыми нишами.

- A — церковь в Ак-Бешиме.
- B — Мерв (замок Нагим-кала большая).
- C — буддийский храм 2 в Ак-Бешиме.
- D — Пенджикент (загородный дом).

ном устройстве жилых домов Хорасана, где тип внутреннего двора с четырьмя айванами был издавна распространен¹¹⁴. Б.Литвинский и Т.Зеймаль усматривают происхождение дворово-четыреайванной системы в сфере сакральной буддийской архитектуры — на том основании, что в исследованном ими буддийском монастыре 7—8 вв. Аджина-Тепе так устроены оба монастырских двора¹¹⁵. Эта гипотеза была бы убедительней, если бы Аджина-Тепе не оставался единственным буддийским монастырем с четырехайванным устройством дворов, и если бы ему не предшествовали такие здания гражданского назначения, как Калалы-Гыр и дворец в Ашуре.

Купольные помещения с крестом осевых ниш сооружались, начиная по меньшей мере с 5 в., и в культовых зданиях Средней Азии (церковь Хароба-кошук у Мерва, церковь и второй буддийский храм в Ак-Бешиме), и в зданиях светского, гражданского назначения (загородный дом у Пенджикента, замок Нагим-кала большая в Мерве (рис. 53)¹¹⁶.

Квадратное помещение с осевыми нишами, которое позже станет в Средней Азии едва ли не универсальным архитектурным архетипом, в доисламское время встречается очень редко, — в Пенджикенте с его бесконечным разнообразием пространственных форм жилища зал с осевыми нишами не встречен ни разу. Его умеренное распространение в Средней Азии было, очевидно, связано с развитием этой архитектурной формы в сасанидском Иране, где она появилась в 4 в. и была воплощена в крупных, даже огромных зданиях (дворцы в Бишапуре, Сарвистане, Дамгане)¹¹⁷. Принципиально близки этим сооружениям и иранские купольные святилища типа "чортак" (четыре арки), в которых все

четыре стены прорезаны широкими арками и сведены, в сущности, к четырем угловым столбам, на которые опирается арочное основание купола. Впоследствии купольное помещение с четырьмя арочными нишами или проемами на осях станет распространенным и долговечным образом архитектуры — и не только Средней Азии, но всего Среднего и Ближнего Востока и Индии, основным компонентом центральных, равнофасадных и иных пространственных структур.

Насколько можно сейчас судить (прежде всего по материалам Пенджикента), внутреннее устройство городских жилых домов было как правило достаточно сложным и в первую очередь определялось бытовыми функциями. Репрезентативная симметрия, в разной мере свойственная сакральным зданиям, замкам-кешкам и общественным постройкам, здесь почти не соблюдалась. Этому мешала и теснота городской застройки, благодаря которой границы примыкающих одно к другому, тесно сжатых жилищ получали извилистый, ломаный контур. Рядовые помещения были небольшими, продолговатыми и как правило сводчатыми, входы в них обычно располагались у угла, на одной линии с какой-либо из стен. В зажиточных городских жилищах, замках и дворцах выделялись приемные залы — прямоугольные (иногда квадратные), с деревянными потолками, которые, если зал был достаточно велик, опирались на четыре колонны, — и возвышениями-суфами, протянутыми вдоль стен (рис. 54). В некоторых приемных залах Пенджикента "тронное место" хозяина дома отмечено не эстрадным расширением пристенной

суфы, а широкой — почти во всю стену — нишей, перекрытой, вероятно, аркой. Такое парадное устройство представляет собой, конечно, местную разновидность дворово-айвальной системы, ее камерный вариант, приспособленный к структуре большого городского жилища.

Особенно обширными были, разумеется, дворцовые тронные залы: во дворце Пенджикента — около 250 м², в Бунджикате (Шахристане) — 230 м². Входы в пенджикентские приемные залы расположены, в отличие от обычных комнат, почти всегда центрально, посреди стены и напротив площадки-эстрады, где сидел владелец дома. В приемных залах замков (иногда и дворцов, — например, во дворце Пенджикента) вход обычно располагался у угла. В таком случае он обычно отгораживался от пристенной суфы при помощи поперечной стенки, невысокой и тонкой, украшавшейся иногда со стороны входа лепным декором. Стенки-ширмы такого рода, отделяющие вход от соседней суфы и образующие у входа в зал подобие тамбура, позже вышли из употребления и в исламское время совершенно не встречаются.

Еще лет 30 назад считалось, что доисламская архитектура Средней Азии не знала окон в современном понимании этого слова. Были известны только проемы-щели типа амбразур (но в отличие от них расширяющиеся не наружу, а внутрь), прорезавшие торцевые стены узких сводчатых помещений под сводом и явно недостаточные для нормального, на современный взгляд, освещения. Теперь найдены окна этого типа, более широкие снаружи и сильно — по бокам и внизу — расширяющиеся внутрь, а кроме

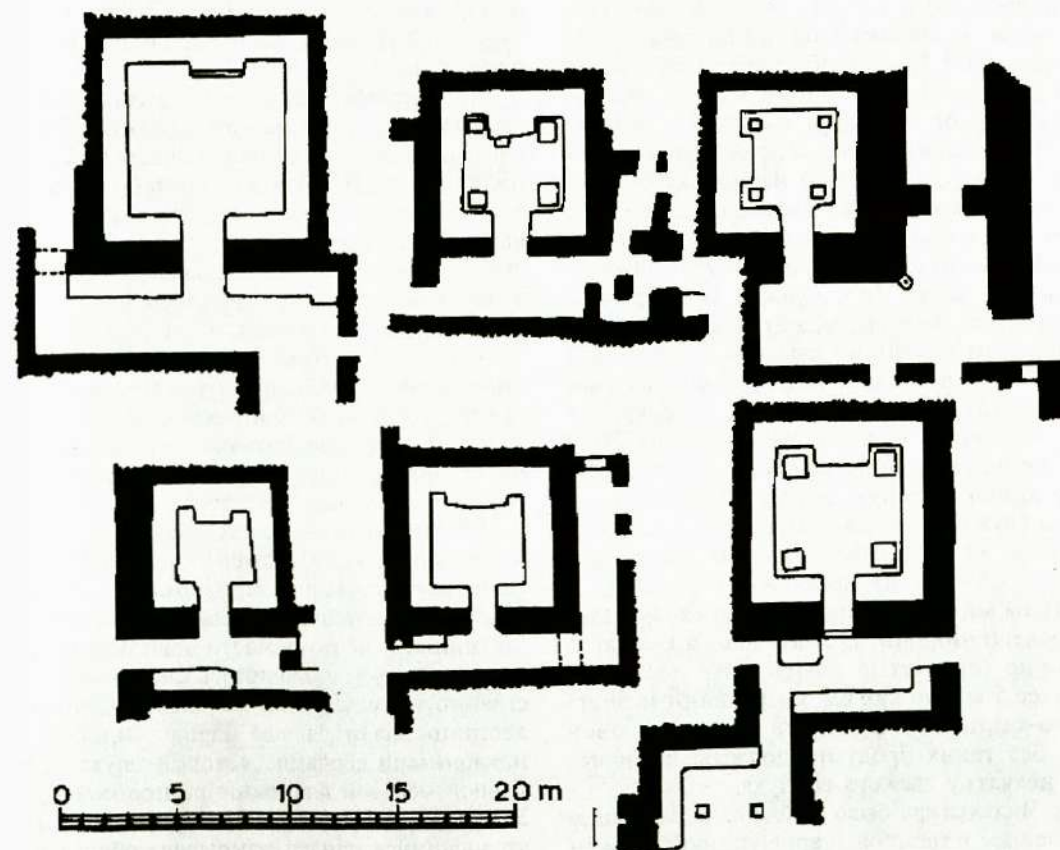

Рис. 54. Пенджикент. Типы залов-гостиных. Планы. По В.Ворониной.

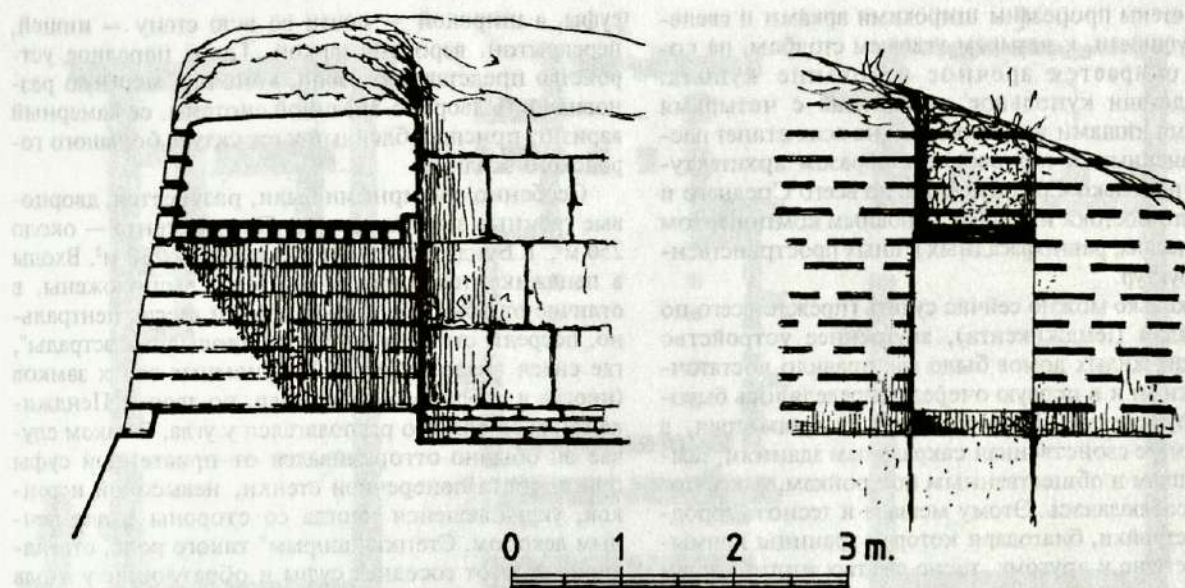

Рис. 55. Шахристан. Окно в "замке" ("малом дворце"). Разрез и вид снаружи.

них — проемы, еще более отвечающие современному представлению об окне.

В Малом дворце Шахристана (городище Кяхаха 2) обнаружено прямоугольное окно, шириной 110 и высотой 150 см, со сплошным перекрытием из отесанных и подогнанных одна к другой деревянных бальчечек. Оно выходило на главный фасад дворца и играло существенную роль в его парадном внешнем облике (рис. 55). Два окна вполне солидных размеров — шириной 100 и 105 см, высотой несколько меньше 1 метра — имелись в одном из богатых домов Пенджикента¹¹⁸. Правда, оба эти прямоугольные окна были устроены внутри здания, в стене, отделяющей зал-кулуар от прохода к пандусу, а одно из них позже было зачехлено до размеров вертикальной щели. Все же это были настоящие окна. И в некоторых других жилищах Пенджикента, даже как будто не очень богатых, имелись небольшие, высоко расположенные окна прямоугольной и трапециевидной формы¹¹⁹. В замке Чиль-Худжра, в его ранней части, датируемой 5—6 вв., между некоторыми узкими сводчатыми комнатами имелись проемы типа оконных, — они располагались высоко под сводом, но не посреди торцевой стены, а сбоку, так что одна боковая и нижняя сторона окна были прямыми, а боковая сторона со стороны свода повторяла его криволинейную форму. Очевидно, что эти проемы служили не для освещения, а для вентиляции. Этой же цели служили узкие щели, прорезающие — обычно на нескольких уровнях — толстые стены многих дворцовых и замковых зданий: для освещения они не годились, а комнаты, даже высокие (сводчатые помещения достигали высоты более 5 м), но как бы замурованные внутри пахсово-сырцовых футляров многометровой толщины, без таких продухов должны были испытывать нехватку свежего воздуха.

В замке Чильхуджра было найдено и настоящее окно, устроенное в троповой арке угловой, сегментной формы башни, — это, как говорилось, самый

ранний случай использования арочной конструкции трюма в качестве оконного проема.

Судя по изображению на Аниковском блюде, прямоугольные окна характерных горизонтальных пропорций прорезались и над порталными входами в замки и дворцовые здания, а может быть, и в рядовые жилые дома. Широкое окно, увенчанное полукруглым тимпаном и разделенное колонкой, занимает большую часть второго этажа замка, который изображен на одной из росписей Пенджикента, — у изображения были, несомненно, реальные прототипы.

Что касается лестниц, то, как говорилось, необожженная глина — основной строительный материал того времени — не способствовала их распространению: они встречаются редко и в большинстве случаев невысоки. Сырцовая лестница — широкая, но высотой всего в три ступени — вела из двора в первый буддийский храм Ак Бешима, а из зала в святилище этого храма поднимались по узкой лестнице высотой в пять ступеней. Иногда ступени сырцовых лестниц для долговечности выстилали жжеными кирпичами; укрепление ступеней деревянными брусками, часто встречающееся в зданиях исламского времени, мне в постройках 5—8 вв. неизвестно, но не исключено, что этот способ, распространенный позже, применялся уже тогда.

Обычно же связь между этажами и выход на кровлю в постройках Средней Азии доисламского времени осуществлялись при помощи бесступенчатых подъемов-пандусов, требовавших большего места, чем лестницы, и поэтому часто довольно крутых. Внутренние пандусы возводились как правило вокруг массивного прямоугольного столба и членились, как и лестницы, на отдельные марши. Они перекрывались наклонными сводами, которые служили конструктивной основой для выше расположенных маршей. В одном случае (замок Чильхуджра) прекрасно сохранившийся пандус спирально обвивает округлый центральный столб, освещен прорезанными в

нескольких уровнях небольшими окнами и представляет собой, по сути, круглую башню, встроенную в угол здания — прямой прообраз будущих исламских минаретов Средней Азии, подтверждающий местное происхождение их специфической формы.

Одной из самых характерных форм средневековой архитектуры Средней Азии (а позже почти всего исламского мира) был пештак — монументальный порталный вход в виде крупной входной ниши с парными выступающими пилонами, перекрывающим их сводом и венчающей фасадной стеной, стоящей на своде и определяющей общие прямоугольные очертания пештака. Архитектурные членения, пропорции и убранство такого рода порталов были самые различные, но общая форма сохранялась неизменно. Есть много гипотез относительно происхождения и эволюции пештака, — я рассмотрел их в одной из работ¹²⁰. Генетическим прототипом пештака, на мой взгляд, был сводчатый айван сасанидской (и современной ей среднеазиатской) архитектуры, замыкавший собой дворово-айванные комплексы дворцов и общественных зданий. Теперь становится все более ясным, что пештак как устойчивый пластический образ, — более того, как архитектурный знак-символ, употребительный независимо от назначения здания, — сложился не в 11—12 вв., как полагали раньше, и даже не в раннеисламское время (9—10 вв.), а, очевидно, значительно раньше, в пору раннего средневековья или до нее.

Предполагается, что порталный выступ, явно похожий на будущие пештаки (входная ниша в широком прямоугольном обрамлении с арочным входом) имелся у погребального здания 1—2 вв. н. э. в Мерве¹²¹. Среди монументальных зданий 5—8 вв. постройки с выступающим посередине главного фасада порталом-пештаком (это предусматривает строгую симметрию фасада) встречаются нередко и в зданиях разного назначения. Вход в замок Нагим-кала большая в Мерве вел через портал, лишь немного выступающий из гофрированного фасада, но пилоны порталного входа в хорезмийский замок Якке Парсан выступали на 3 м и несли высокое сводчатое венчание. Нишеобразный сводчатый портал вел в центральное помещение (той же, что и входная ниша, 3,5-метровой ширины) многокамерного погребального здания-науса на Красной речке, а входы в круглые снаружи наусы Анграна были оформлены объемными, выдвинутыми вперед порталными выступами. Пештак, выступающий из фасада и слегка сдвинутый с его оси, украшал вход в усадьбу "в" в Хорезме, близ крепости Аяз-кала II; даже у одного из небольших пригородных домов Пенджикента его центрально расположенный вход был сделан в форме ниши шириной 3,5 м между пилонами, выступавшими на 2,5 м из плоскости фасада. Наконец, настоящим массивным пештаком (ниша-айван шириной 3 и глубиной 3,5 м между пилонами толщиной 2 м) было оформлено здание буддийского монастыря Хишт-тепе в Таджикистане.

Эти ранние пештаки сохранились, естественно, в руинированном состоянии, лишь в общих строительных массах и с большими утратами. Тем не менее в них заметны основные характерные признаки

будущих пештаков исламского времени — выдвинутый из фасада объем, заключающий в себе входную сводчатую нишу между двумя пилонами, и обязательное центрическое расположение, определяющее общую симметричную организацию главного фасада. Значит, есть основания считать, что пештак как архитектурный образ и традиционный знак парадного входа возник в Средней Азии задолго до ее исламизации, и что его устойчивая форма была в 5—8 вв. в общих чертах уже найдена.

Наоборот, четырехколонный приемный зал с суфами вдоль стен — почти обязательная принадлежность дворцов, замков и зажиточных городских жилищ доисламского времени — позже почти совершенно исчез из строительной практики, сохранившись только как один из типов так называемых "гузарных" (квартирных) мечетей в городах и селениях — теперь, правда, без пристенных суф. Вместе с суфами ушли в прошлое и поперечные стенки-ширмы, отделявшие их от входов — характерный, четко датирующий признак доисламской гражданской архитектуры, как будто совсем неизвестный позже. Правда, архитектура Средней Азии раннеисламского времени сохранилась в таком небольшом количестве образцов, что некоторые типы зданий могли в это количество просто не попасть.

Еще один специфический планировочный прием, локализуемый доисламским временем, его не пережил, и в 9—10 вв. как будто уже не употреблялся. Речь идет о Г-образных в плане кулуарах, которые с двух сторон примыкали к приемным залам богатых городских домов и замков 4-го типа (см. ниже), были с этими залами функционально связаны и составляли вместе с ними устойчивое плано-пространственное сочетание (рис. 56).

Эти коленчатые кулуары известны по жилищам Пенджикента ("объекты" 7 и 22), они есть в здании у ворот городища Сарыктепе и в здании на цитадели городища Дарбанд. Эффективный Г-образный кулуар примыкает к залу в замке Джумалак-тепе¹²², остатки аналогичного кулуара без большого труда усматриваются в руинах дворца Варахши, — он примыкал с востока и юга к залу 14 в СВ части дворца. Я думаю, что следы такого кулуара прослеживаются в плане большой гонимой мастерской в Мерве, датируемой 11 в., но перестроенной из богатого жилого дома пред — и раннеисламского времени¹²³.

Особенностью Г-образных кулуаров было устройство их угловых прямоугольных (обычно квадратных) частей, расширенных плоскими нишами или (и) вынужденной четвертью выступающего угла — признаки того, что эта часть широкого коленчатого коридора выделялась особой конструкцией и высотой перекрытия. В пенджикентском "объекте" 22 исследователь предполагает здесь купол, опирающийся на арочные перемишки ниш и своды кулуарных коридоров¹²⁴; в замке Джумалак-тепе пересечение обеих ветвей кулуара образовывало пространство с пропорциями 1: ($\sqrt{3}$:2) — отношение стороны и высоты равностороннего треугольника, — что предполагает перекрытие в виде брусчатого шестигульного "рузан"¹²⁵.

Подобно тому, как приемный четырехколонный зал светской доисламской архитектуры продолжал

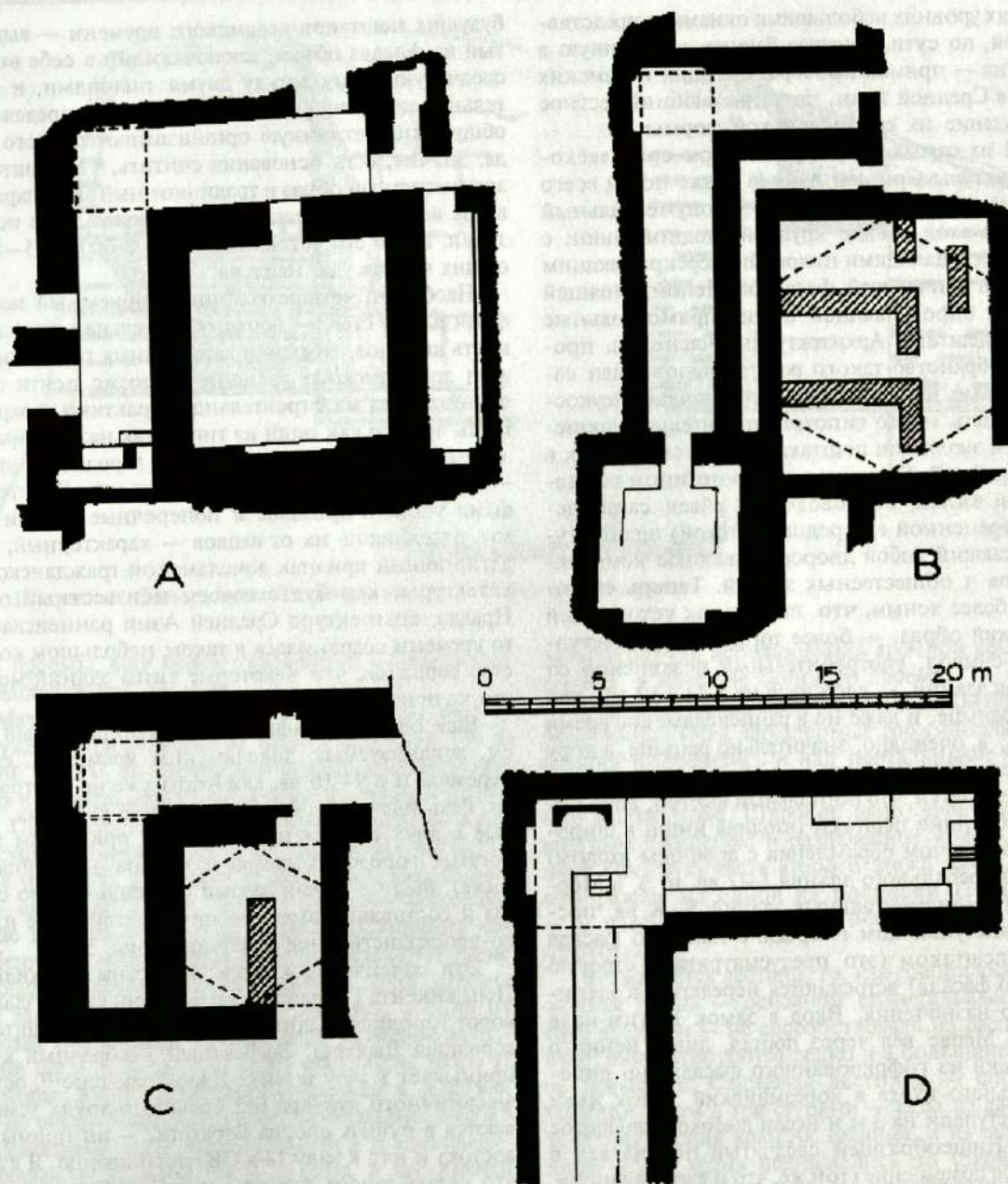

Рис. 56. Жилища с Г-образным кулуаром и акцентированным в нем углом.

- A — Пенджикент, "объект" 7.
 B — Пенджикент, "объект" 22.
 C — городище Сарык-тепе, здание у ворот.
 D — городище Дарбанд, здание в цитадели.

жить в четырехколонных (самых распространенных) залах гузарных мечетей, так и сопровождающий зал-прототип коленчатый кулуар сохранился — в соответствии измененном контексте — в виде Г-образного колонного портика-айвана, охватывающего зал мечети с двух сторон. Историческая достоверность аналогии, исключая случайность сходства, подтверждается такой деталью: угловые квадраты колонных айванов в мечетях этого типа возводились выше и перекрывались деревянными потолками особой нарядной формы, богато украшенными, обычно с декоративным куполком "хаузак" посередине. Так народная архитектура недавнего прошлого обнару-

живает корни, уходящие в глубокую доисламскую древность.

Нет сомнений, что расцвет прикладной математики и геометрии на Среднем Востоке произошел в 10—11 в., когда в этой области работали крупные ученые — ал-Фараби, Ибн Сина, Ибн Синан, Абу-л-Вафа Бузджани и многие другие. Но это знание, охотно черпавшее из греческих источников, имело и собственный фундамент, выстроенный задолго до утверждения ислама и восходящий, может быть, к эпохе местной античности. Это доказывается геометрическим анализом планов множества сооружений 5—8 вв.

(их плохая сохранность мешает как правило анализу вертикальных отношений). Таким анализом обычно обнаруживаются определенные геометрические закономерности и популярные приемы пропорционирования, лежащие в основе плановых структур зданий, различных по назначению и устройству.

Есть убедительные признаки того, что проектирование и строительство по крайней мере монументальных зданий в Средней Азии этого времени основывалось на эмпирической системе пропорционирования, которая облегчала разбивку планов на строительной площадке и создавала хорошую в восприятии соразмерность целого и его частей. Это был набор апробированных приемов, мало отличавшихся от приемов будущей раннеисламской архитектуры и так же позволявших создавать вполне индивидуальные варианты. Как и позже, пропорции сооружений и их частей уже в доисламское время были как правило не случайны, а рассчитаны определенным рациональным образом. Эстетизация пропорций была при этом, очевидно, не самоцелью, а следствием решения практических задач: вычерчивая план здания на земле, строитель с помощью колышков и шнуров облегчал свою работу, пользуясь приемами прикладной геометрии.

Геометрический анализ выкопанных из земли и обмеренных сырцовых руин непрост и не всегда надежен, но в некоторых случаях приводит к убедительным результатам. Так устанавливается, что планы западной (сакральной) и восточной (входной) частей первого буддийского храма в Ак-Бешиме построены на квадратной сетке, метрическая ячейка-единица которой равна 63 см, — это, очевидно, размер выбранного строителем гяза — антропоморфной метрической единицы, основы плановых структур и в последующие века (рис. 57, 58). Удивительным об-

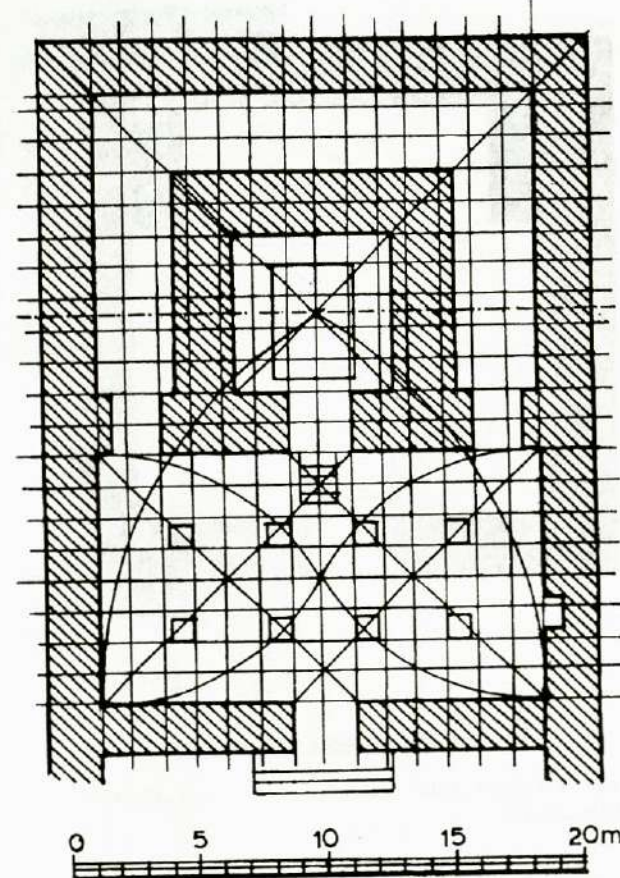

Рис. 57. Ак-Бешим. Буддийский храм I. Геометрический анализ западной части. План.

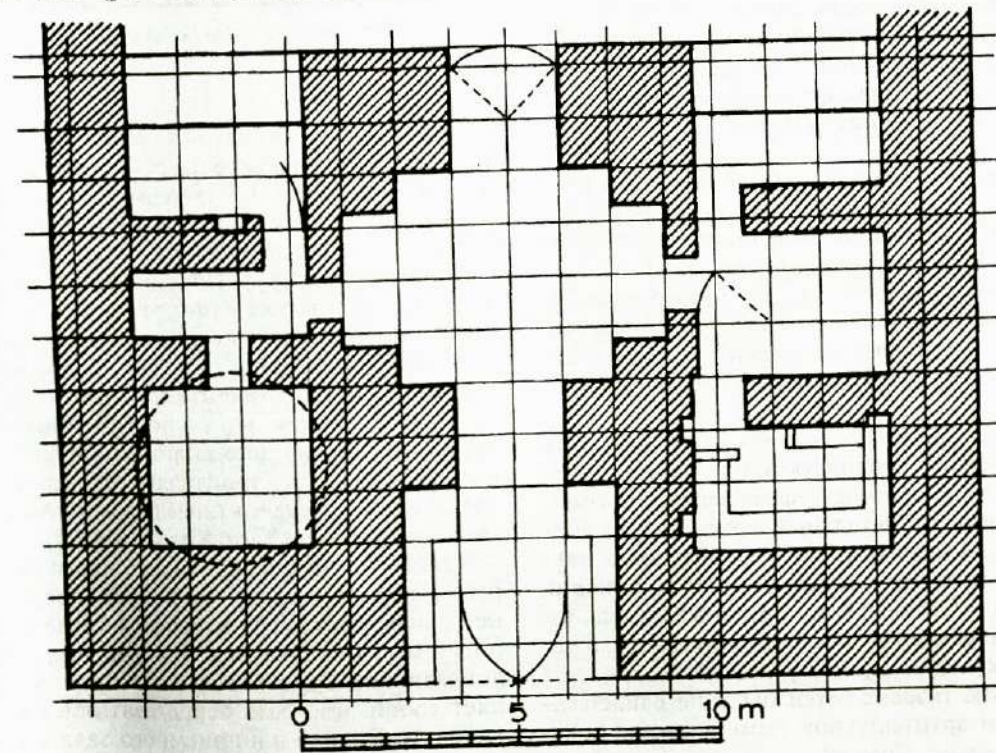

Рис. 58. Ак-Бешим. Буддийский храм I. Геометрический анализ восточной части. План.

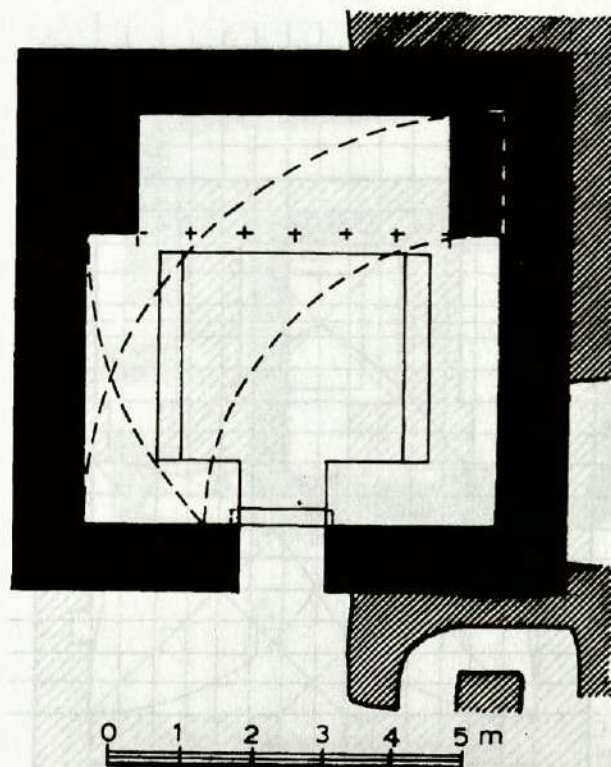

Рис. 59. Пенджикент. Зал в "объекте" 25. Геометрический анализ плана.

разом гяз, положенный в основу буддийского храма 7 в. — того же размера, что гяз дома 10 в. в комплексе Чиль Духтарон (Шахристан), исламского мавзолея 11 в. Бабаджан-хатун (Казахстан), близок гязам мавзолея Баба Хатим 11 в. у Балха (63,3 см), дома 9—10 вв. в Пайкенде и минарета 12 в. в Вабкенте (62 см)¹²⁶. Анализом плана замка 7—8 вв. Каппа-тепе (Таджикистан) обнаружена гязовая сетка с метрической единицей, равной 197,4 см, — это строительный гяз размером 65,8 см, фактически совпадающий с гязом мавзолея Туртауз-гумбаз в окрестностях Термеза¹²⁷.

План тронного зала во дворце Бунджиката-Шахристана вписан в сетку квадратов со стороной 294,2 см — по длине зала укладываются 6 таких квадратов, по ширине — 4. Четверть этой величины — 73,55 см — была, вероятно, размером гяза, принятого за метрическую единицу плана. Он совпадает с гязом мавзолея 12 в. Ходжа Нахшран западный (73,6 см) и близок гязу мечети 11 в. Талхатан-баба в Туркменистане¹²⁸.

Неожиданно раннее существование этих приемов, которые привычно ассоциируются со строительным искусством 10—12 и последующих веков, показывает устойчивость строительных традиций древней среднеазиатской культуры и их неразрывность даже под действием такой могучей духовной мутации, какой стало для Средней Азии принятие ислама, изменившего направление эволюции и духовной, и материальной культур.

Метрические гязовые сетки были не единственным способом архитектурной гармонизации: доисламские строители Средней Азии часто пользова-

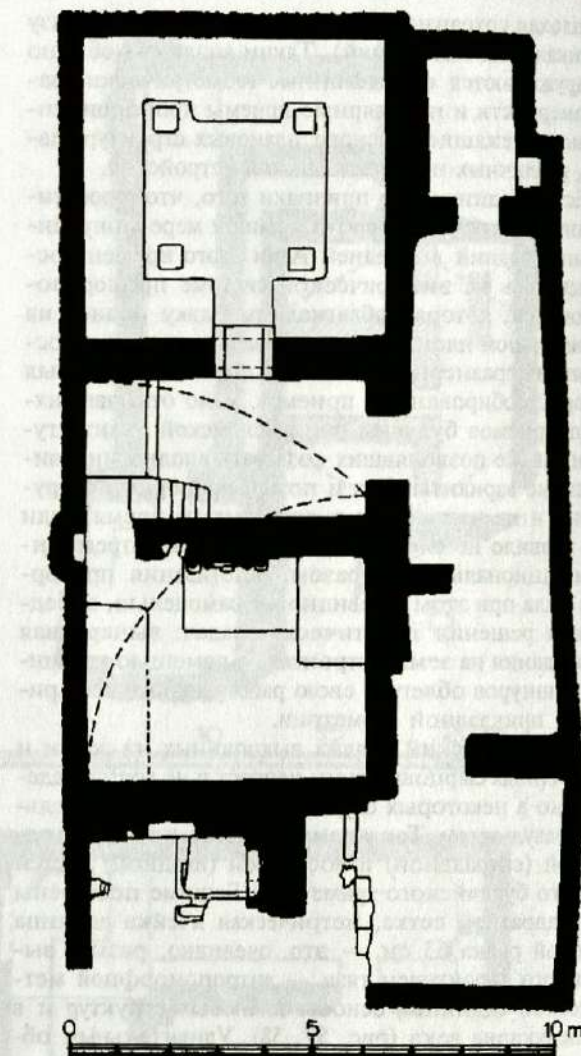

Рис. 60. Пенджикент. Зал в "объекте" 3. План. По В.Распоповой.

лись отношениями, которые были функциями простых геометрических фигур. Кроме естественного отношения сторон 1:1 (квадрат) употреблялось отношение 3:4 (египетский треугольник), облегчавшее построение в натуре прямого угла; нередко встречается отношение $1:\sqrt{2}$ (сторона и диагональ квадрата), легко получаемое в натуре, — оно лежит, например, в основе плана приемного зала с большой "тронной" нишей "объекта" 25 (рис. 59) и двух комнат "объекта" 3 в Пенджикенте (рис. 60).

Прямоугольник $1:\sqrt{3}$, построенный на основе предыдущего $1:\sqrt{2}$ (его диагональ принята за сторону), употреблялся строителями Центральной Азии издавна: им определен план огромного айвана в санидском дворце Таги Кесра (6 в.)¹²⁹, а в 10—12 в. — планы мечети в Данданакане, двора раннего медресе в Варахше¹³⁰, двора во дворце Масуда III в Газне¹³¹, переднего двора в караван-сарая Рабати Шариф¹³² и других построек. В известных мне зданиях доисламской Средней Азии эта пропорция определяет собой план зала перед святилищем в первом храме Ак Бешима и приемного зала в замке Балалык-тепе после перестройки.

Особенно популярен, судя по частому и разнообразному употреблению, был прямоугольник $1:(\sqrt{3}:2)$, представляющий собой половину предыдущего. Отношение его сторон (оно может быть выражено как $1:0,866$) есть отношение стороны и высоты равностороннего треугольника, — прямоугольник таких пропорций близок квадрату и может быть легко и точно начерчен на строительной площадке¹³³. Зданий, планы которых или их части отвечают этой пропорции, в архитектуре Среднего и Ближнего Востока очень много, — достаточно назвать мечеть Ибн Тулуна в Каире (всю), мечеть Хасана там же (двор), караван-сарай Ал-Аскер в Туркменистане (весь и двор), мечеть в Наине (двор), дворец Акыр Таш в Южном Казахстане (двор). В доисламской архитектуре Средней Азии эта характерная пропорция обнаруживается в шахристанском замке Урта Курган (весь план и две комнаты), несколько раз во дворце Варахши (средняя часть "эстрады" в приемном дворе, "красный" зал 11 и пространство между колоннами в зале 14) в "малом дворце" Шахристана (три помещения), в замке Нагим-кала большая в Мерве (двор), в общественном центре Пенджикента, который бесосновательно именуется храмом 1 (колонный зал-лоджия) и во множестве других построек. Часто встречающиеся комнаты таких пропорций дают основание думать, что эта форма имела отношение к характеру перекрытий, — ведь в прямоугольнике таких пропорций вписывается правильный шестиугольник-секстагон, основа для шестиугольного балочного свода "рузан", который, как говорилось, раньше не был известен, но существование которого теперь документально доказано. Эта гипотеза подкрепляется еще

и тем, что края входов в комнаты этих пропорций часто совпадают с углом вписанного секстагона, — в таких случаях дверной косяк мог служить пристенной опорой под одним из углов нижнего венца "рузан".

Иногда в архитектуре Средней Азии 5—8 вв. встречаются и очень изощренные приемы пропорционирования плановых структур. Один из них обнаружен при геометрическом анализе плана большого тронного зала во дворце Пенджикента (рис. 61). Его размеры вместе с глубокой тронной лоджией в южной торцевой стене — $22,80 \times 12,25$ м. За основу плановой структуры принята избранная строителем ширина зала, на которой построен квадрат. Далее на боковых сторонах квадрата отложены отрезки, равные его полудиagonали, — полученный таким образом прямоугольник с пропорциями $1:\sqrt{2}$ дополняется до полного квадрата с прежним размером сторон — 12,25 м. Деление нового квадрата пополам в поперечном направлении определяет край широкой (во всю ширину зала) суфы, на которую ведет небольшой осевой пандус. Базы двух колонн, найденные в зале, лежат на поперечной оси, которая делит пополам южную половину нового квадрата; их расположение фиксируется пересечением диагоналей квадрата и двух его южных четвертей. Значит, расстояние между колоннами и от колонн до боковых стен соотносится как 2:1.

Задняя стена тронной лоджии определяется построением на южной стороне первого квадрата равностороннего треугольника, или — что то же самое — пересечением дуг с радиусом, равным ширине зала. План лоджии — квадратный, со сторонами длиной 4,7 м, равной расстоянию между широкими

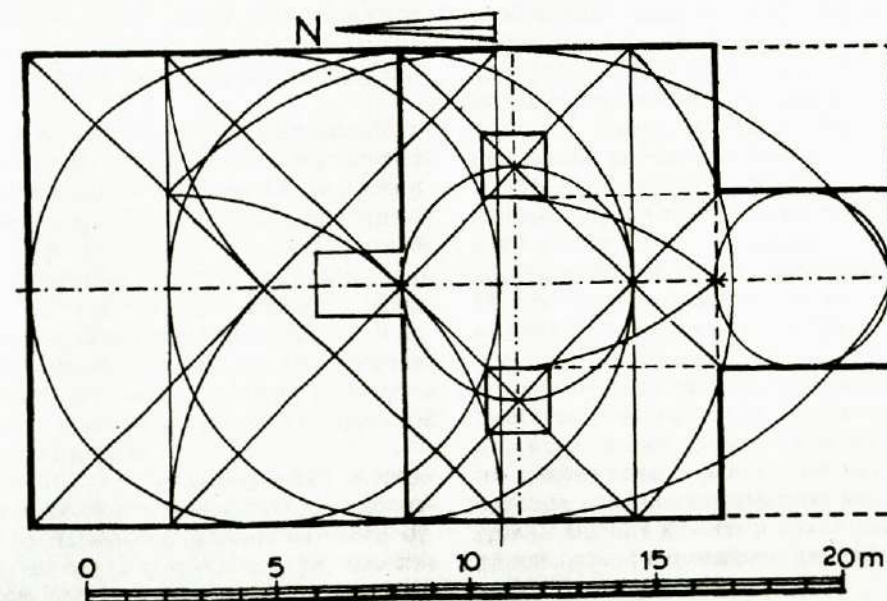

Рис. 61. Пенджикент. Тронный зал дворца. Геометрический анализ плана.

основаниями колонн. Прочие геометрические закономерности плана видны на чертеже.

Есть основание думать, что пропорциональные отношения, основанные на прямоугольниках $1:\sqrt{3}$ и $1:(\sqrt{3}:2)$, уже в доисламское время употреблялись, как и позже, не только для организации планов, но и в вертикально-пространственных построениях. Об этом как будто свидетельствуют пропорции некоторых раннеисламских зданий: вертикальный разрез одной из самых ранних построек ислама, "Храма скалы" в Иерусалиме (конец 7 в.), вписывается в отношения $1:\sqrt{3}$, те же пропорции у средней части портала мавзолея 10 в. Араб-ата; эллиптическая арка одного из среднеазиатских замков 6—7 вв. точно

вписывается в эту же фигуру, причем вершина ее проема совпадает с пересечением диагоналей описанного прямоугольника (см. рис. 29, нижняя левая арка).

Если высокий уровень среднеазиатской геометрии и математики 9—12 вв. хорошо известен и запечатлен именами известных ученых, то о состоянии этих наук (применительно к искусству архитектуры) в 5—8 вв. можно судить только по анализу счастливо сохранившихся строительных остатков, к сожалению, совершенно безымянных. Эта сложная во многих отношениях работа только начата, ведется нерегулярно, и время подводить ее итоги придет еще не скоро.

ЗАМКИ

Уже упоминалось, что самым распространенным типом монументального сооружения Средней Азии времени раннего доисламского средневековья была укрепленная, отдельно стоящая усадьба, центр которой представлял собой замок — кешк. Термин "укрепленная усадьба" все же недостаточно конкретен. В социальном контексте он включает в себя и замки аристократов-землевладельцев, сравнимых с европейскими феодалами, и жилища свободных земледельцев (это особенно характерно для Хорезма), и даже многосемейные жилища простых крестьян-общинников, образующие компактные поселения.

В архитектурном же аспекте укрепленный замок-кешк мог быть и сравнительно небольшой постройкой типа жилой башни-донжона, используемой для жилья лишь в опасные экстремальные моменты и окруженной жилыми и хозяйственными постройками, и крупным многокомнатным, двух- и трехэтажным зданием, "рыцарским гнездом" знатного землевладельца, окруженным жилищами челяди и крестьян, и, наконец, обширной резиденцией местного, более или менее крупного правителя, состоящей из множества помещений, парадных залов, внутренних дворов и укреплений. В этом случае замок сочетал в себе функции богатого укрепленного жилища и дворца-резиденции, двух архитектурных типов, четкую границу между которыми едва ли можно провести: и в ту, и нередко в предыдущую эпоху дворцы-резиденции правителей, обычно возводившиеся в городских цитаделях, отличались подчеркнуто крепостным, укрепленным обликом.

Следовательно, понятие "раннесредневековый укрепленный замок" охватывает собой весьма разнородный архитектурный материал, к тому же дифференцированный (в пределах какой-либо одной группы) по землям и областям, каждая из которых отличалась собственными, локальными приемами планировки замков, их внутреннего устройства и внешнего оформления. И все-таки весь этот материал объединен некоторыми общими особенностями, которые определялись общественными и политическими условиями времени и, конечно, уровнем материальной, духовной и художественной культуры.

Первая особенность — уже упомянутый оборонный характер этой архитектуры: замкнутые, монолитные объемы с небольшими и малочисленными отверстиями в них, непомерная толщина стен, высокие монолитные (или почти монолитные) платформы — "стилобаты", поднимающие здание над местностью на 5, 6, а то и на 10 метров. Наклон внутрь фасадных поверхностей стен и стилобатов придавал этим за-

мкнуто-суровым постройкам ощущение незыблемой устойчивости, а естественный цвет природных материалов — пахсы и сырца — объединял их с лессовой почвой, такой же желтовато-серой, и сообщал их геометрическим формам характер почти органических образований. Массив собственно замка возвышался над внешними стенами, иногда двух- и трехрядными, которые окружали подчас очень обширное пространство. Замок располагался либо посреди укрепленной территории, либо — чаще — у одного из ее краев, как бы воспроизводя в меньшем масштабе сочетание городской цитадели и города.

Это сходство не случайно и не формально, так как плотно застроенное крестьянскими домами пространство внутри замковых укреплений, остающееся под их защитой, могло при благоприятных обстоятельствах действительно превратиться в городское, ремесленно-торговое поселение, без изменения взаимосвязи обеих составляющих его частей.

Компактности объема замка, вызванной в первую очередь требованиями обороны, соответствовала продуманная обычно планировка с четким делением на парадно-представительные, жилые и хозяйственные помещения, замкнутые в общий квадратный или удлиненный внешний контур. Форма плана, обычно близкая к квадрату или квадратная, предопределила стремление к симметричному расположению помещений вокруг композиционного центра, совпадающего с геометрическим центром здания или сдвинутого с него по одной из осей. Таким центром мог быть и приемный зал, и распределительный холл-тамбур, и дворик, и осевой коридор, и даже группа нескольких небольших комнат.

Не нужно забывать, что все известные ныне доисламские замки Средней Азии сохранились до наших дней в виде руин, уцелевших лишь на некоторую, обычно небольшую часть их первоначальной высоты. Между тем если замок был не одноэтажным, его нижний этаж был занят как правило хозяйственными и подсобными помещениями, а жилые и парадно-представительные комнаты располагались в верхнем главном этаже. В этих случаях устройство нижнего этажа отвечало в некоторой степени планировке верхнего, но не копировало его: крупным верхним помещениям могли отвечать внизу группы мелких комнат и камер, служивших как бы густой канвой-основанием для лежащих выше помещений.

Еще следует помнить, что большая часть раннесредневековых замков в течение своей долгой жизни много раз перестраивалась, здания меняли внутрен-

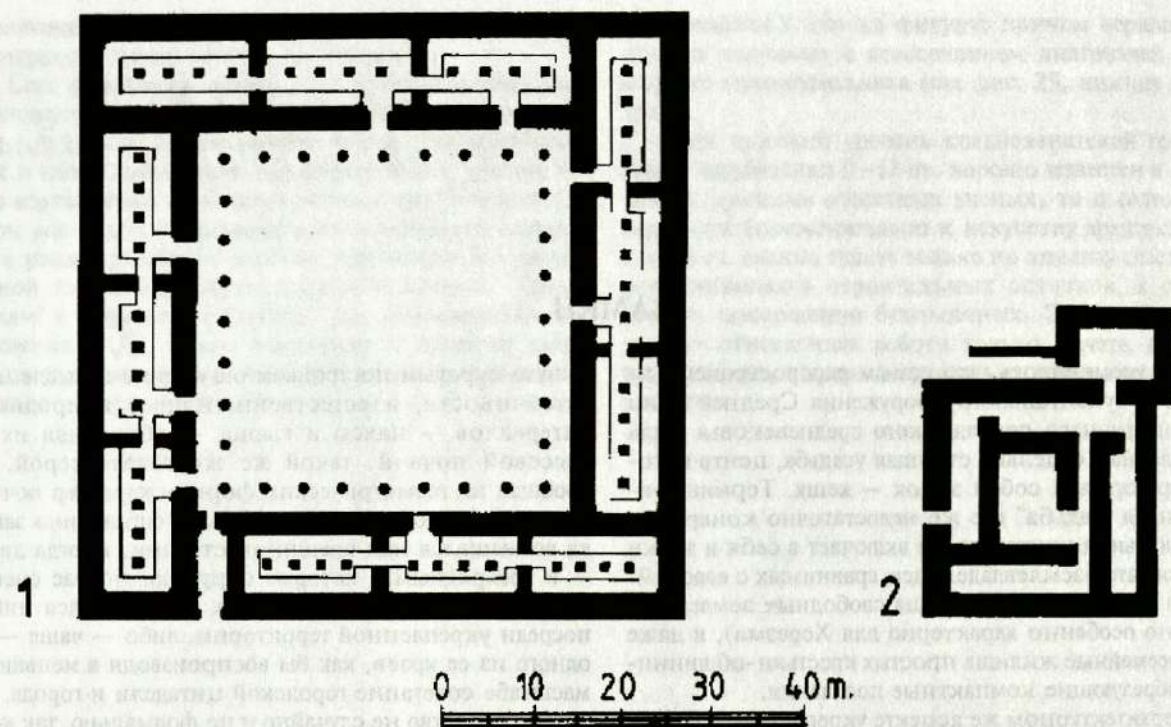

Рис. 62. 1 — "Квадратный дом" в Нисе. 2 век до Р.Х. 2 — здание Кызыл-кыр. 2—1 вв. до Р.Х. Планы.

нее устройство и даже внешний облик. Нередко первоначальное ядро кешка окружалось новыми помещениями, его комнаты частично или полностью закладывались и замуровывались, а сверху возводилось новое здание с иным, собственным устройством. Но и в этих случаях главную, обычно центральную часть замка образовывали одно или несколько больших помещений, охваченных с нескольких сторон комнатами меньшей величины. Не будет, пожалуй, ошибкой так определить самые общие принципы планировки доисламских замков Средней Азии, независимо от места их постройки: в них сочетались две тенденции — рациональное использование обычно ограниченной площади и стремление к центрической симметрии, отвечающей возвышенной парадности аристократического защищенного жилища.

Классификация замков доисламской Средней Азии трудна и не поднималась выше попыток, ограниченных отдельным регионом, причем за типологические критерии обычно принимались признаки более или менее случайные, не имеющие прямого отношения к архитектуре. В.Нильсен классифицировал нераскопанные руины замков, представляющие собой невысокие искусственные холмы-тепе, выделив три их типа — ступенчатое двухъярусное тепе (замок с примыкающим к нему двором), широкие плоские холмы, — видимо, без "замкового" возвышения, и "...небольшие тепа с крутыми скатами или окруженные хорошо сохранившимися стенами. Такие тепа большей частью представляют собой развалины отдельно стоящего кешка"¹³⁴. Последнее предположение непонятно, так как автор изначально счел руинами замков все три выделенные им типа тепа.

В замках Уструшаны раскапывавший их Н.Негматов усматривает два типа, отличные один от другого приемами фортификации. В первом случае замок и его двор окружены оборонительными стенами, во втором — внешних стен нет, но само здание оборудовано как крепость¹³⁵. Эта сомнительная классификация, основанная только на трех объектах (один из которых — не замок, а здание для приемов) и противоречащая позже открытым в Уструшане замкам, не объясняет, конечно, различие в их планировке и устройстве, и непригодна даже как самая общая типологическая основа.

Все же, обобщая имеющийся сейчас достаточно обширный и разнообразный материал, можно сделать попытку классификации среднеазиатских замков 5—8 вв. по принципу их внутреннего устройства и соответствующего внешнего облика — не забывая, что всякая классификация склонна упрощать классифицируемый материал. И в нашем случае она достаточно условна, так как не в состоянии принять во внимание большое количество локальных, частных особенностей исследуемых сооружений и вполне понять, спустя много веков, замысел их строителей.

Планово-пространственные признаки известных мне доисламских замков Средней Азии позволяют разделить их на 4 большие группы.¹³⁶

1. Замки с большим внутренним двором в окружении каре (обвода) цепочки однообразных или более разнообразных помещений. В первом, раннем варианте помещения обычно продолговатые и примыкают одно к другому, в подавляющем большинстве, торцами. Этот тип замка — самый древний и восходит к античному или даже еще более раннему време-

ни: он представлен так называемым "квадратным домом" в парфянской Нисе (Туркменистан, 2 в. до н. э.)¹³⁷ и зданием Кызыл-кыр под Бухарой (2—1 вв. до н. э.)¹³⁸ (рис. 62).

2. Замки с центрической планировкой, ядром которой служит расположенный в середине парадный приемный зал, окруженный группами жилых и хозяйственных помещений. Есть основания рассматривать этот тип как трансформацию предыдущего, с сокращением размеров квадратного двора, его перекрытием и превращением в большое помещение для приемов и пиров, — уже упоминалось, что в Средней Азии превращение открытых пространств в закрытые, если это было технически осуществимо, выполнялось легко, без изменения тектоники сооружений. Аналогично происходило превращение внутреннего дворика древнеримского жилища в атриум.

3. Замки с центрической планировкой, ядром которой служит сравнительно небольшой квадратный распределительный холл, соединенный с окружающими его жилыми и прочими комнатами. Приемный зал в этом варианте обычно разумно расположен ближе к входу, в одном из углов, — гостевая часть здания не сообщается непосредственно с внутренней жилой частью. Этот тип, в свою очередь, можно рассматривать как трансформацию предыдущего 2 типа: расположение большого приемного зала в самом центре замка — прием, несомненно, эффектный, но создававший, можно думать, разнообразные сложности бытового характера.

4. Замки с асимметричной планировкой. Представительное ядро таких замков — приемный зал — расположено в одном из углов и с двух сторон охвачено Г-образным кулуаром с композиционно выделенной угловой (средней) частью. Если три предыдущих типа замков дают основание видеть в них звенья логического развития от простого и примитивного к сложному и удобному, то четвертый тип с этим процессом не связан. Тот же характерный прием планировки, известный — без сколько-нибудь заметных изменений — в архитектуре богатых городских жилищ (Пенджикент) и дворцов (Варахша) свидетельствуют, может быть, о его городском, "буржуазном" происхождении. За пределами рассматриваемой эпохи, до и после нее, здания такого типа мне неизвестны.

Помимо этих основных типов доисламских замков есть основание выделить еще один, пятый, с планировкой, получившей в русскоязычной научной литературе название коридорно-гребенчатой. Помещения в такого рода зданиях представляют собой сравнительно неширокие коридоры, обычно перекрытые сводами (конструкция сводов "отрезками" особенно удобна для перекрытия узких комнат) и собранные в различные группы. Часто встречаются две зеркально-симметричные группы, разделенные осевым коридором, но бывали и более сложные комбинации — например, в цитадели Варахши.

Происхождение этого приема планировки было предметом нескольких гипотез. В.Лавров видел в расчленении массива здания на параллельные коридоробразные помещения самый ранний тип среднеазиатского жилища с простейшим устройством сводчатых перекрытий — для этого требовались скромная

ширина комнат, их значительная длина и элементарное взаиморасположение. Но даже в самых ранних образцах среднеазиатского жилища вместе с узкими сводчатыми, параллельными комнатами-коридорами употреблялись другие, более совершенные и разнообразные типы внутреннего устройства.

В.Воронина считала "линейную" систему планировки характерной лишь для некоторых земель Средней Азии (нижнее течение Зеравшана, верховья Сырдарьи, Варахша, Уструшана) и совершенно несвойственной Хорезму, для которого типична центрическая система плана жилища. Иначе говоря, предполагалось, что обе системы — линейная и центрическая — употреблялись одновременно, но в разных областях Средней Азии. Смысл линейно-коридорной планировки с нивелированными функциями помещений В.Воронина видела в расселении большесемейными общинами, а в самих зданиях усматривала своеобразный тип патриархальных общежитий, завершивших в Хорезме свой жизненный путь уже в 5 в., а в центральных землях Средней Азии сохранившихся почему-то еще несколько столетий.¹⁴⁰

Мне представляется (в свое время я постарался это доказать), что коридорно-гребенчатый тип планировки был свойствен зданиям определенного и особого назначения — воинским общежитиям, казармам и сторожевым постам. Традиционно такие группы помещений использовались и как склады (так было еще в древнем Кносском дворце на Крите), и есть основание видеть в некоторых замковых руинах с "коридорно-гребенчатым" устройством нижние этажи двух-трехэтажных замков с верхними жилыми уровнями и нижним хозяйственно-складским. Среднеазиатская традиция (преимущественно городская) жить в верхнем этаже, а в нижнем хранить припасы и держать скот, насчитывает много веков и в 5—8 вв. уже, наверно, существовала.

Поэтому я думаю, что замки с коридорно-гребенчатым устройством нужно рассматривать как военные общежития типа казарм, а в замках обычного назначения такое устройство хотя и встречается, но было ограничено нижним этажом и не определяет собой устройство верхнего.

Замок 2 типа запечатлен на известном Аникевском блюде, сделанном в Средней Азии, вероятно, в 7—8 вв.¹⁴¹ Этот обобщенный образ монументального кешка показывает, что в реальных зданиях центрической планировке отвечала аналогичная объемная структура: верхний этаж, целиком занятый, вероятно, приемным залом, возвышался над внутренним ядром здания, которое было охвачено каре "периферийных" помещений. Их кровли образуют вокруг верхнего этажа круговой обход, и все здание обретает в соответствии с этих характерную двухступенчатую форму (рис. 63). Реальность этого уступчатого сочетания объемов (на блюде, может быть, слегка стилизованно вытянутого вверх) подтверждается архитектурно-историческим материалом.

Для понимания изначального "живого" облика доисламских замков интересны их изображения (к сожалению, немногочисленные) в настенных росписях Пенджикента. Они, конечно, не вполне доку-

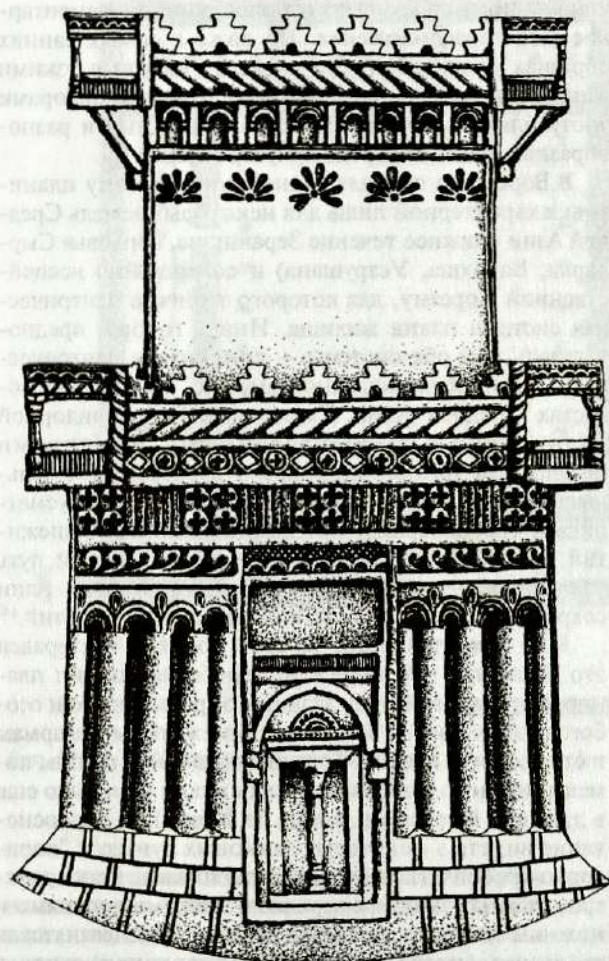

Рис. 63. Изображение замка на Аниковском блюде Эрмитажа.

ментальны, потому что стилизованы и подчинены сюжету живописного повествования, но некоторые существенные черты реальной архитектуры в них все-таки сохранены (рис. 64).

На изображении А представлено здание, сложное из геометрически четких блоков пахсы. Вся среднюю часть занимает большой вход-портал, окаймленный профилированным наличником. Над дверью заметны следы окна такой же, как дверь, ширины, подобного тому окну, что видно над дверью замка Аниковского блюда. Цепочка маленьких трехлопастных ниш, каждая с рельефным шариком внутри — единственное сходное с аркатурой украшение фасада, лежащее на уровне верха двери. Легкое сужение дверного проема сверху — реальная черта, отмеченная в некоторых зданиях этого и более позднего времени, построенных из пахсы.

Плавное сужающаяся кверху форма здания на изображении С, вероятно, стилизована. Но вполне реальны "пахсовая" обработка фасада, узорное (видимо, лепное) обрамление входа и его венчание в виде полукруглого тимпана с боковыми завитками — "волютами": подобный тимпан, деревянный и резной, был найден при раскопках в Шахристане. Очень интересна венчающая здание глухая аркада: арочки, опирающиеся на колонки, и лежащий на них мно-

гослойный тяжелый антаблемент до мелочей похожи на соответствующие детали замка Аниковского блюда. Новое здесь — узкие прямоугольные окошки под арками, резные "георгиевские" кресты между ними, треугольные и круглые прорезы над окошками. Почти все декоративные детали этого комплекта известны по их реальным образцам.

Здание на изображении В очень похоже на замок Аниковского блюда комбинацией масс и деталями. Оно такое же двухэтажное и двухступенчатое, с таким же крытым деревянным балконом на уровне верхнего этажа (только наклонный подкос поддерживает здесь не сам балкон, а козырек над ним). Его пропорции еще более вытянуты и стилизованно искажены, но детали изображенного сооружения и его общий облик реальны. Портал и полукруглый тимпан с боковыми завитками — того же типа, что у здания на изображении С. Фриз, составленный из наклонно лежащих кирпичей и уступчатые зубцы зданий на обоих изображениях находят множество близких аналогий в реальной архитектуре. Очень интересны расширяющиеся книзу и, видимо, деревянные выступы на боковых стенах здания В — это, вероятно, щиты, прикрывающие окна от стрел и снарядов или устройства солнцезащиты.

Верхний этаж замка В выглядит как высоко поднятый павильон, оформленный на видимой стороне широкой арочной лоджией; нижняя часть лоджии забрана сквозной деревянной решеткой простого рисунка, посередине стоит деревянная колонна, на которую опирается двойная балка деревянного же архитрава. Арка лоджии над балкой прикрыва досками, расположенными веером и раскрашенными, — эта деталь напоминает устройство главного фасада Малого дворца в Шахристане. Углы верхнего этажа замка на изображении В как бы вырезаны, и эти угловые ниши увенчаны полуарками, которые опираются на массивные колонки. В нишах стоят кеглеподобные расширяющиеся книзу фигуры с остроконечным верхом. Все эти детали имели, конечно, прототипы в реальной архитектуре того времени, в том числе и оформление углов верхнего этажа: и много позже в Средней Азии был распространен прием оформления наружных углов здания диагональным в плане срезом, увенчанным с обеих сторон половинами арок.

Сопоставленные с реальным архитектурно-археологическим материалом, эти изображения его существенно дополняют. Они позволяют думать, что облик по крайней мере некоторых замков этого сурового времени был не таким суровым и мрачным, как это может показаться при изучении их руин.

Локализация по историко-географическим областям предлагаемых в классификации типов сомнительна. В Хорезме, Тохаристане, Согде строились замки всех трех первых типов; в Северном Хорасане (Южный Туркменистан) преобладает как будто тип 1, но встречаются и другие — например, тип 3. Позже, в 9—12 вв., здесь был распространен тип компактного жилого здания с центральной планировкой и внешними, пережиточными признаками доисламских кешков — "касры"¹⁴²: это служит косвенным, но достаточно веским доказательством того, что замки типов 2 и 3 —

прообраз "касров" — здесь действительно существовали.

Все же можно выделить некоторые особенности внешнего облика и внутреннего устройства доисламских замков, вызванные, видимо, местными архитектурно-строительными традициями. Фасады хорезмийских и северохорасанских замков оформлялись гофрами, назначение которых здесь было изначально оборонным и, вероятно, отчасти таковым оставалось. Единичное употребление гофров в Западном Согде (цитадель Варахши) не позволяет установить широту распространения этого приема в согдийской архитектуре. Четырехколонные приемные залы встречены в замках всех областей Средней Азии, кроме Хорезма. В правобережном Хорезме встречается особый, местный тип замка-усадьбы с боковым расположением двора, который вместе со зданием вписывается в квадрат (или близкий к квадрату прямоугольник) плана.

Систематическое изучение раннесредневековых замков и усадеб Средней Азии началось с Хорезма, где в силу природных условий они сохранились лучше, чем в других местах. Древнейший из хорезмийских замков Барак-там датируется 4 в. и, значит, был построен на рубеже античной и раннесредневековой эпох.¹⁴³

Барак-там — большое (около 20×20 м в плане) двухэтажное здание, возведенное из квадратного сырца со сторонами 40–42 и толщиной 9–10 см; для клинчатых сводов был применен сырец со сторонами 38 и 40 см, для сводов "отрезками" — клиновидные сырцовые кирпичи размером 30×20–23×9–9,5 см. Замок стоял посреди двора (100×100 м), его фасады были украшены чередой прямоугольных выступов-лопаток (рис. 65).

Толстые стены нижнего этажа здания стоят непосредственно на земле, без обычного цоколя-стилобата. К основному прямоугольному объему примыкает сводчатый вестибюль с центрально расположенным входом; отсюда один вход вел в помещения нижнего этажа, а другой — через боковой коленча-

тый пандус, проложенный в толще стен — на верхний этаж. Три сводчатые комнаты, две параллельные и одна перпендикулярная им (позже разделенная пополам стеной с проходом) составляли нижний этаж.¹⁴⁴ Они освещались шелевидными, расширенными внутри окошками, прорезанными в торцевых стенах. Их своды, сложенные поперечными отрезками, характерны низким подъемом и по очертанию близки лучковым.

На верхнем этаже — всего два помещения: продолговатая входная комната (она лежит над нижней поперечной, разделенной надвое) и почти квадратный (7,8×6,8 м) зал, устройство которого уникально и во многом загадочно.

Через весь зал и над ним, по осям стен были переброшены две широкие пересекающиеся арки с пролетами, поразительно большими для сырцового сводчатой конструкции. Арки, судя по их сохранившимся нижним частям, были эллиптической формы, начинались сразу у пола и достигали высоты около 6 м. Промежутки между арками и стенами были, вероятно, заполнены частями ложносферического или сомкнутого свода.¹⁴⁵ Простенки по сторонам арок были оформлены неглубокими эллиптическими нишами, а посреди противоположной входу стены помещалась широкая приподнятая площадка суфы-"эстрады", от которой в обе стороны, захватив часть боковых стен, шли суфы поуже.

Удивительное перекрытие барактамского зала — одна из самых любопытных загадок архитектуры Средней Азии. Его устройство, само по себе сложное, требующее высокого мастерства, особенно странно в столь ранней и явно провинциальной постройке, удаленной от культурных центров Хорезма. Ни в предыдущей, ни в будущей архитектуре оно не находит сколько-нибудь близких параллелей. Особенно любопытно, что пропорции зала в плане очень точно отвечают отношению 1:($\sqrt{3}$:2) или 1:0,866, — в него идеально вписывается равнобедренный треугольник или правильный шестиугольник. Об этой характерной пропорции, с которой мы встретимся

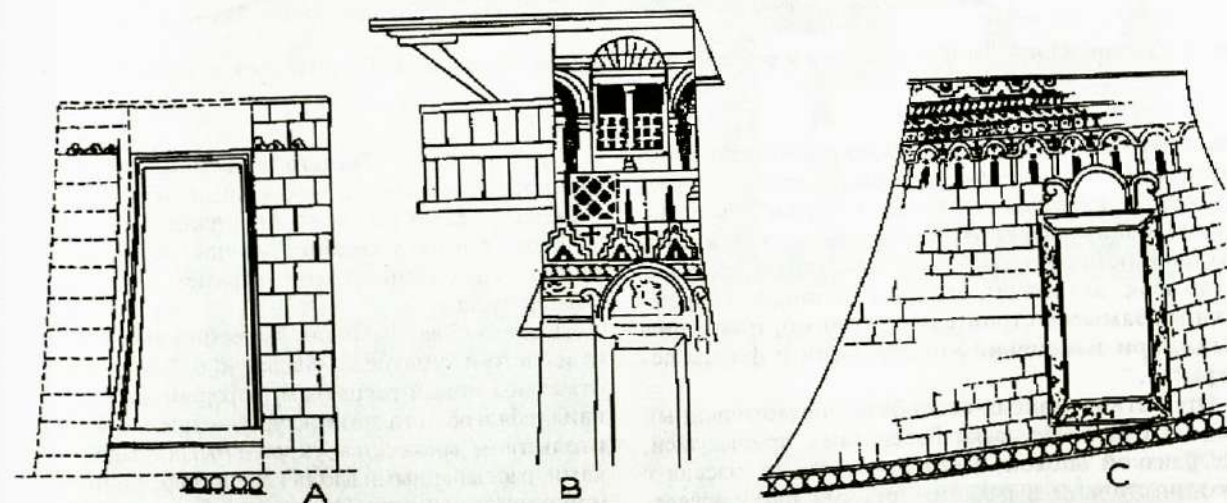

Рис. 64. Изображение зданий (замков) в настенных росписях Пенджикента.

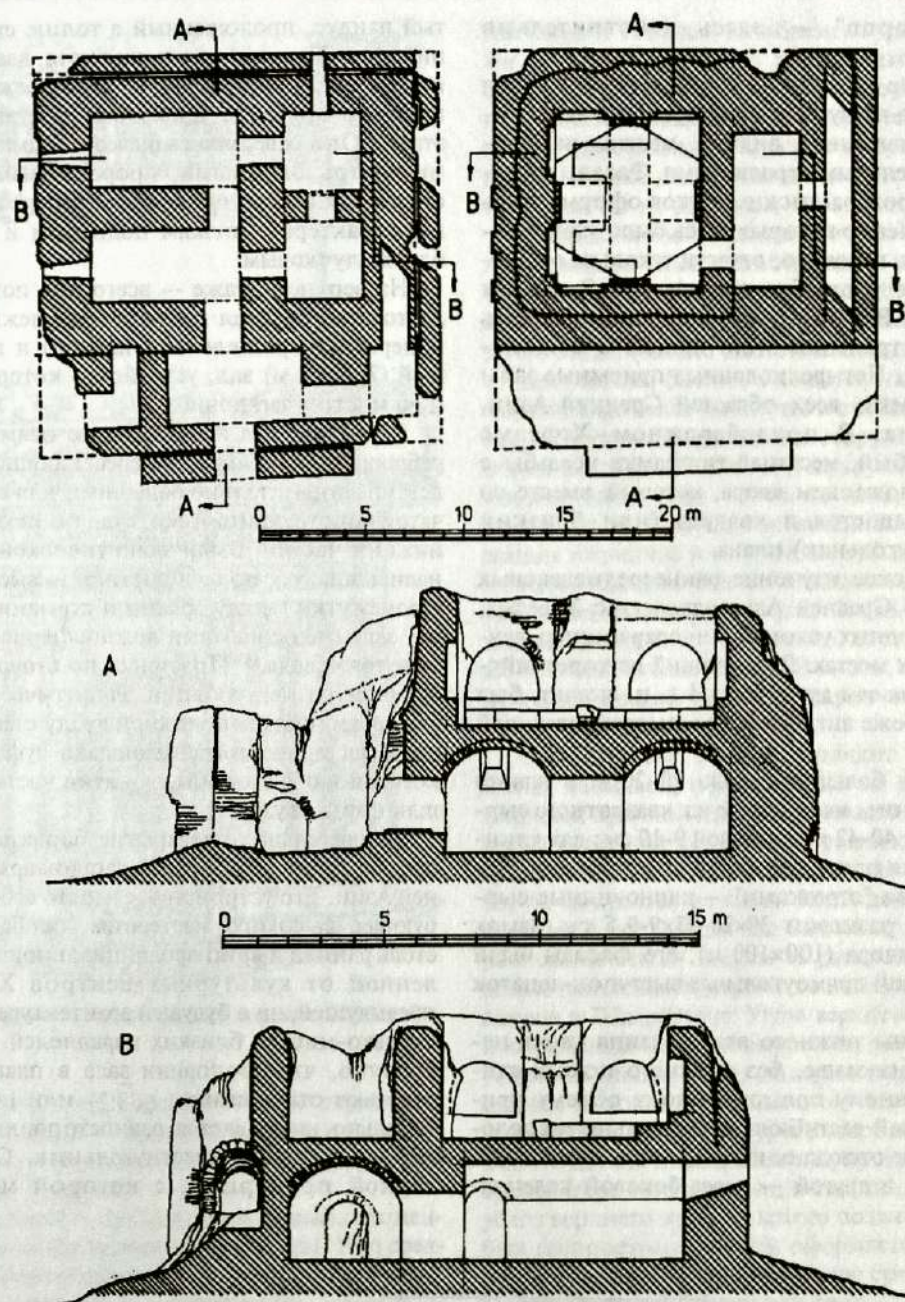

Рис. 65. Хорезм. Замок Барак-там. Планы и разрезы с частичной реконструкцией. По Е.Неразик и Н.Лапирову-Скрбло.

еще не раз, уже говорилось: можно предполагать, что помещения такой формы могли быть перекрыты шестиугольными брусчатыми сводами "рузан". Здесь эта догадка подкрепляется тем, что вписанный в план секстагон оставляет внутри себя выступающие основания арок, это значит, что арки не входили в изначальный замысел строителя и, видимо, появились позже, при изменении конструкции и формы перекрытия.

Отсутствие цоколя-стилобата, незащищенный вход как будто связывают Барак-там с предыдущей, еще близкой эпохой, а его монолитный массив с глухими стенами и редкими щелями окон предвещает наступление новой, беспокойной поры ранне-

го средневековья. Типологически Барак-там стоит вне предложенной классификации, хотя угловое (по нижнему этажу) расположение зала сближает его с замками 4 типа, а главенствующее, хотя и асимметричное размещение зала на верхнем этаже — с замками 2 типа.

Если 4—5 вв. были для Хорезма временем хозяйственного и культурного упадка, то 6, 7 и отчасти 8 века отмечены новым расцветом, который наглядно проявил себя в области архитектуры, — прежде всего строительством множества укрепленных усадеб с замками, рассыпанными вдоль каналов восстановленной ирригационной сети. Этот материал хорошо изучен и сравнительно полно опубликован.¹⁴⁶

Классический образец хорезмийского замка доисламского времени — **Тешик-кала**, крупное здание, воплотившее в своем монументальном облике характерные приемы и формы местной замковой архитектуры (рис. 66). Прямоугольный массив замка был вставлен, подобно бастиону, в северную стену укрепленного двора, на его продольной оси — прием, частый в устройстве античных крепостей и восходящий к строительным традициям Древнего Востока. К стенам двора изнутри примыкали сплошной полосой жилища общинников-крестьян, образовавшие дом-селение под общей крышей. Позже этот комплекс был окружен новой внешней стеной с угловыми круглыми башнями и выдвинутым наружу прямоугольным входным зданием, и замок оказался почти в центре более обширного двора.

Здание поднято на паховый стилобат 8-метровой высоты со скошенными гранями. В толще пахового монолита остались вмурованы остатки какой-то предыдущей постройки. Чердак крупных полукруглых гофров выступала из слегка наклоненных назад сырцовых фасадов замка, — эта форма, характерная, как говорилось, для внешнего облика хорезмийских кешков, восходит здесь к античной эпохе. В Тешик-кале угловые гофры заменены прямоугольными объемами. Единственный вход на восточном фасаде сбоку был, вероятно, спрятан между гофрами (это место разрушено) и никак не выделен, — может быть, из соображений безопасности. Предполагается, что ко входу вел перекидной мостик от рядом стоящей башни.

Тешик-кала — замок 3 типа. Его помещения располагались вокруг небольшого центрального квадратного (вероятно, купольного) холла, откуда во все стороны, в том числе и во входной вестибюль, открывались двойные двери-тамбуры. Только два помещения у входа были связаны не с холлом, а с вестибюлем — узкая комната стражи и удлиненный приемный зал, занимавший СВ угол здания. Его противоположный входу торец оформлен широкой "тронной" нишей, вероятно сводчатой (камерный вариант репрезентантной дворово-айванной системы), вдоль стен тянулись суфы, а вверху стен сохранились части фриза с рельефными пальметтами и розетками. Пропорции зала — $1:\sqrt{3}:2$ — позволяют и здесь предполагать потолок типа шестиугольного "рузан".

Среди прочих помещений замка, удлиненных и сводчатых, выделяется квадратная комната на поперечной оси, к северу от холла. Она отличается не только формой плана, предполагающей здесь купол, но и осевым расположением входа, — все остальные двери в замке, даже дверь в зал, прорезаны у углов помещений, — и П-образной, огибающей стены суфой. Расположение входа посередине в сочетании с куполом характерно для комнат сакрального назначения, своеобразных замковых капелл, — вероятно, таково было назначение и этой небольшой комнаты, занимавшей в плановой структуре замка особое, центральное место.

Другой известный хорезмийский замок 3 типа — **Якке Парсан**, схожий с Тешик-калой общим приемом планировки: его помещения, замкнутые в квадрат

толстых стен, окружают высокий, перекрытый куполом квадратный холл. Квадратная, а не удлиненная (как в Тешик-кале) форма плана делает здесь центральный характер планировки еще очевиднее.¹⁴⁷ Глубокие проходы с дверями-тамбурами соединяли небольшой центральный холл с окружающими его жилыми и хозяйственными комнатами (здесь у них были, видимо, деревянные потолки) и маленьким вестибюлем. Вход в замок, поднятый на высоту монолитного пахового стилобата, был в отличие от Тешик-калы посреди ЮЗ фасада и выделен выдвинутым вперед порталом-пештаком, одним из древнейших в Средней Азии. Пластическое оформление фасадов состояло, как в Тешик-кале, из широких полукруглых гофров с ложными стреловидными бойницами; и здесь прямые углы кубовидного объема не были оформлены гофрами, в чем, очевидно, нужно видеть местную традицию (рис. 67).

Замок возвышался посреди большого прямоугольного двора, обнесенного двойными стенами с овальными, далеко выступающими башнями; две крупные башни посередине ЮЗ фронта стен защищали ворота, лежащие на одной оси с порталом и холлом замка. Другая, тоже двойная стена окружала усадьбу на расстоянии 9 м от первой. Двор по всему периметру охватывала полоса сплошной жилой застройки — слитные ячейки крестьянских жилищ, разде-

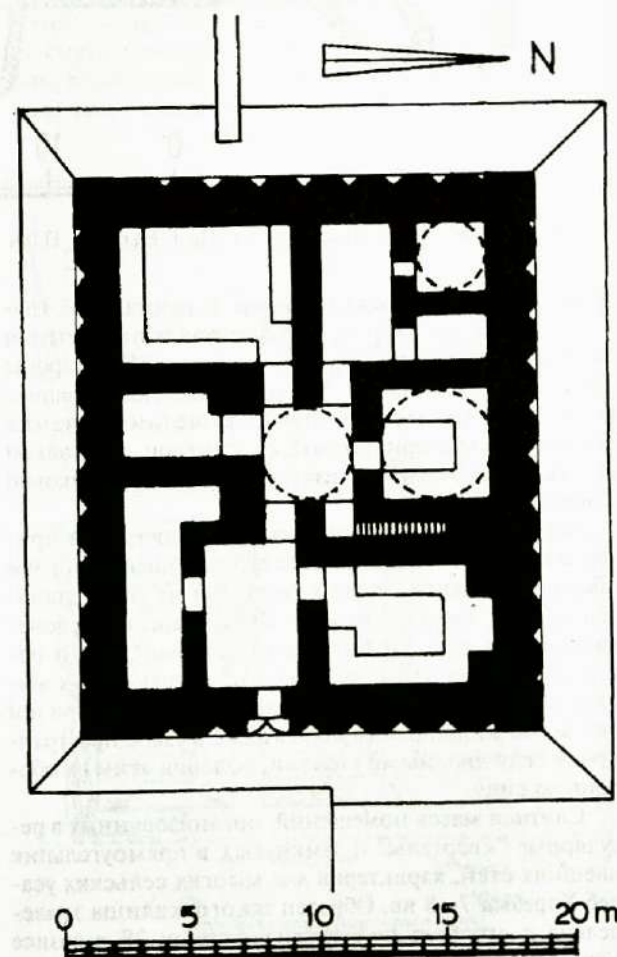

Рис. 66. Хорезм. Замок Тешик-кала. По С.Толстову. План.

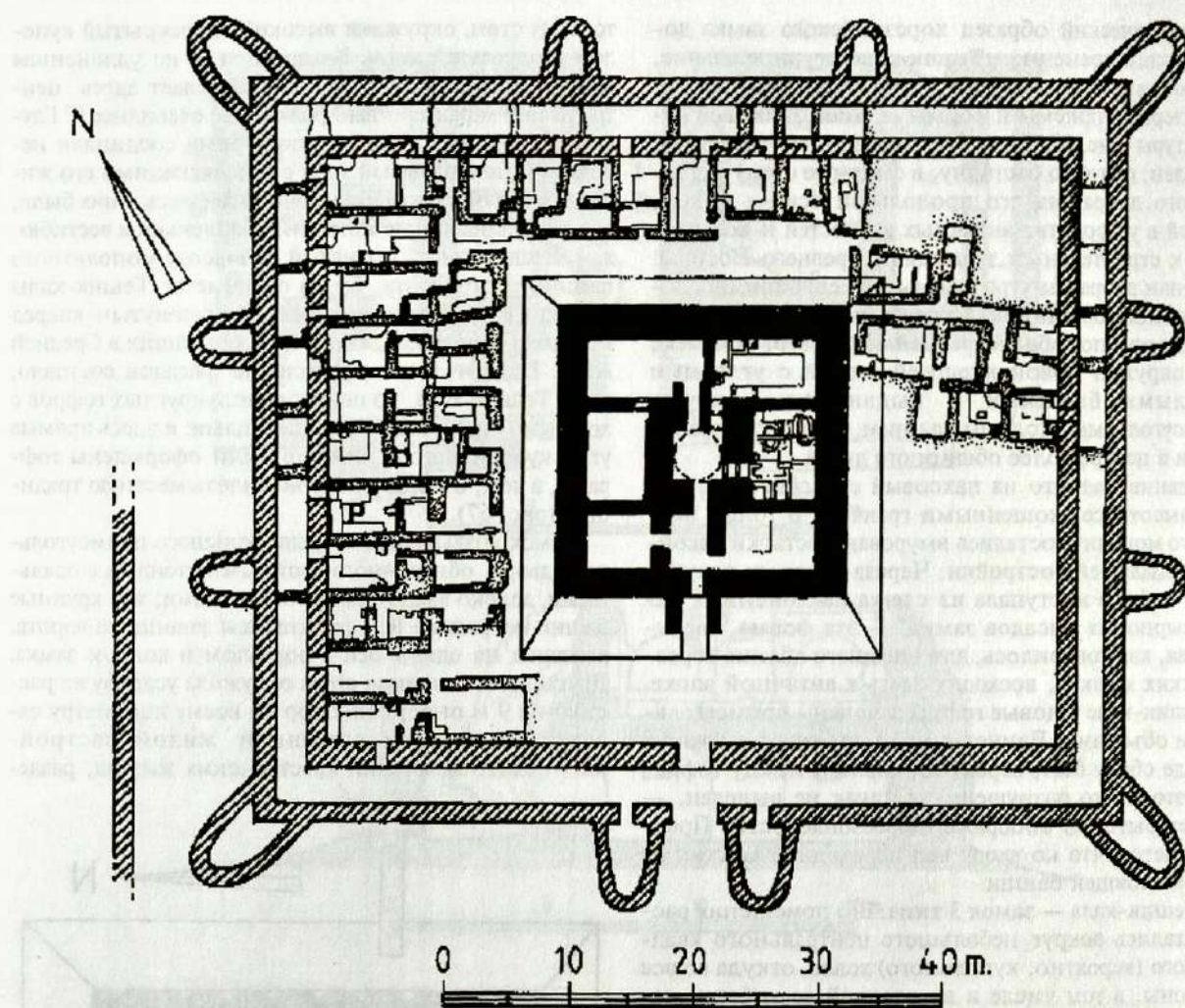

Рис. 67. Хорезм. Замок Якке-Парсан. По Е.Неразик. План.

ленные параллельными стенами и одинаковой глубины на каждой стороне двора, оставляли открытым лишь узкий проход у подножия замка, с ЮВ стороны сведенный почти на нет. Значит, и здесь, как в Тешик-кале, видно неслучайное сочетание замка землевладельца-аристократа со слитной застройкой крестьянского селения, взятого под охрану замковой фортификации.

Можно было бы усомниться в социальной принадлежности замка и принять его за общественный и оборонный центр селения, если бы не было достаточно ясно видно, что двор Якке Парсан первоначально был пуст (и был таким задуман), а его обстройка сплошными "кварталами" крестьянских жилищ возникла и распространилась позже, причем скромные жилища внедрились даже в узкое пространство между двойными стенами, ослабив этим их оборонную силу.

Слитная масса помещений, организованных в регулярные "кварталы" и замкнутых в прямоугольник внешних стен, характерна для многих сельских усадеб Хорезма 7—8 вв. Образец такого жилища земледельца и его большой семьи — замок 28 в оазисе Беркут-кала.¹⁴⁸ Его толстые стены с круглыми угловыми башнями ограждали площадь размером около

30×28 м, посреди восточной стены выступало входное укрепление — прямоугольное, традиционной формы, свойственной древним крепостям. От укрепленного входа шел вглубь прямой переулок-коридор, открытый в узкий задний двор. Остальное внутреннее пространство по сторонам коридора было сплошь застроено; расположение удлиненных комнат, образующих параллельные пары, отвечало направлению наружных стен. Такое сочетание многоквартирного дома-поселка с крепостью характерно и для других хорезмийских усадеб этого времени (например, для усадьбы оазиса Беркут-кала и для усадьбы 13 "В" близ крепости Аяз-кала)¹⁴⁹, а входной переулок-коридор, надвое рассекающий сплошную застройку укрепленной усадьбы, станет особенностью сельской архитектуры Хорезма на много веков вперед (рис. 68).

Одна из самых богатых доисламскими замками областей Хорезма — древний оазис, центром которого была крепость Беркут-кала.¹⁵⁰ К ней тяготеют прочие многочисленные замки оазиса, различные по размерам и устройству. Исследователь различает здесь усадьбы с донжоном (так именуется само здание замка), усадьбы без донжона и отдельно стоящие здания — видимо, замки без вынесенных наружу ук-

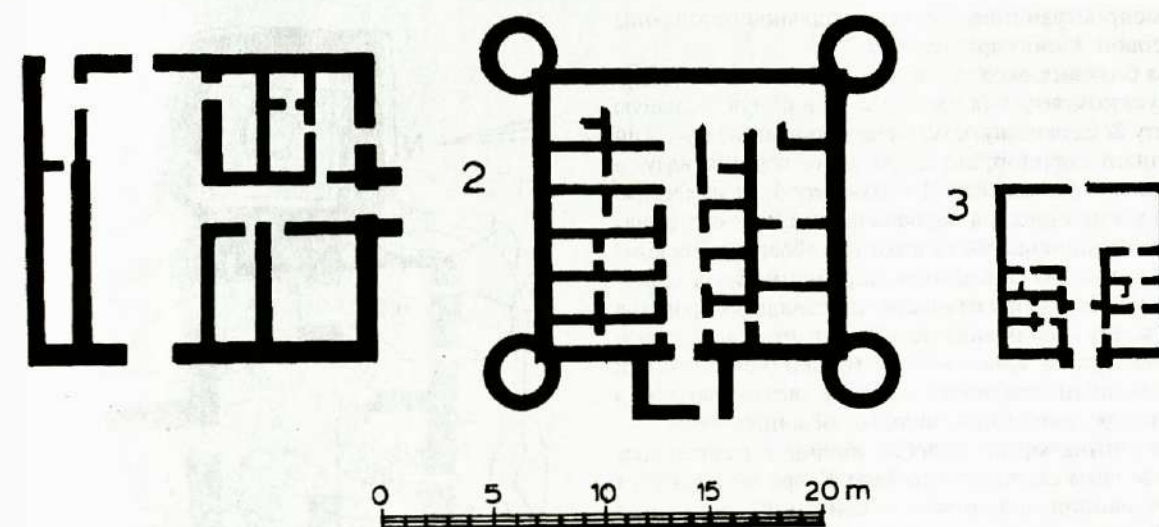

Рис. 68. Хорезм. Планы сельских усадеб. По Е.Неразик.

- 1 — у Аяз-калы 2 (усадьба "В").
- 2 — у Беркут-калы (усадьба 28).
- 3 — у Беркут-калы (усадьба 13 "В").

реплений или постройки какого-то особого назначения.

Замок-кешк самой крепости возвышается на ее ЮВ углу. Он сравнительно невелик (18×18 м в плане), поднят на пахсово-сырцовый цоколь высотой 8 м, включает в себе остатки более ранней постройки и, к сожалению, плохо сохранился (рис. 69). Узкий тупиковый коридор со входом на западной стороне делил здание на две части; большая южная часть состояла из трех параллельно расположенных комнат. Комната 5 сообщалась с комнатой 4 и была как будто квадратной (купольной?), изолированная комната 6 была оборудована трехсторонней суфой, торцы которой у входа закрывались поперечными стенками-ширмами, — прием, обычный для Мавераннахра, но редкий в Хорезме. СЗ угол здания занимал сырцовый массив с квадратной (3×3 м) полостью посредине, уходящей глубоко вниз: пол здесь не был найден даже на глубине 8,6 м. Массив, похожий на подземную тюрьму-зندان, оказался следствием перестройки, а наклонная южная стена полости — частью первоначальной фасадной стены замка. Наружные стены раннего замка Беркут-калы были такой же скромной толщины, что и внутренние — только 90 см, — при перестройке их так основательно расширили, что внутри новых стен поместился узкий круговой коридор, который на южной стороне заканчивался лестницей, спускающейся к цоколю.

Перестроенный замок датируется 8 в. Расположение в его средней части небольшой и предположительно квадратной комнаты 5 позволяет — с некоторой неуверенностью — отнести здание к замкам 3 типа. Неуверенность вызвана в первую очередь тем, что комната 5, сообщавшаяся только с соседней комнатой 4, не могла служить распределительным холлом для других помещений замка.

Маленький замок 4 в оазисе Беркут-кала стоял в СЗ части огражденного двора с остатками каких-то строений вдоль стен.¹⁵¹ У здания нет обычного высокого цоколя и признаков каких-либо других за-

щитных устройств, — оно выглядит не замком, а небольшой загородной виллой. Этот характер придает ему вход посреди северного фасада, представляющий собой глубокий айван, открытый наружу на всю трехметровую ширину (рис. 70). Осовое расположение широкого, уходящего вглубь входа с глухими крыльями по сторонам воплощает идею торжественной симметрии, первоначально свойственную дворцовым и сакральным зданиям, но впоследствии получив-

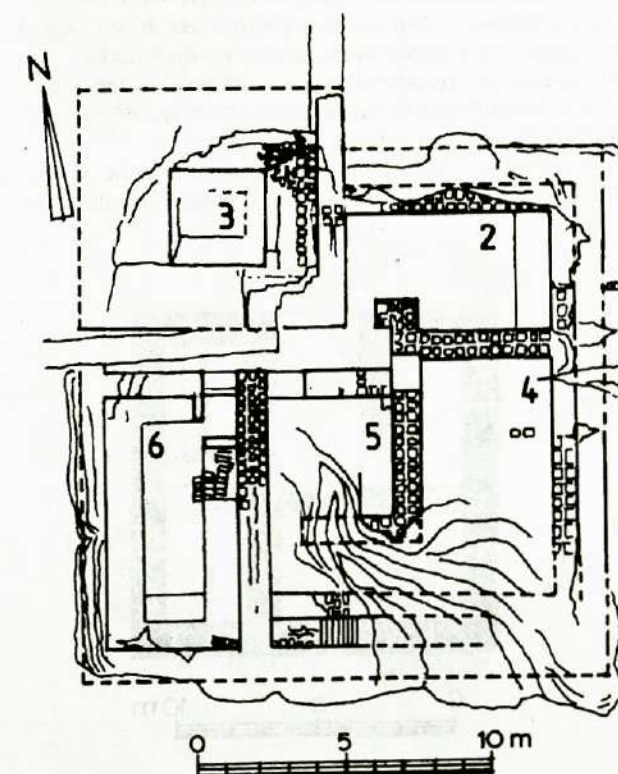

Рис. 69. Хорезм. Кешк-донжон крепости Беркут-кала. План по Е.Неразик с частичной реконструкцией.

шей распространение и функциональное оправдание в массовой жилой архитектуре.¹⁵²

Два боковых входа у торцевой стены айвана ведут в жилую комнату 4 (а через нее — в самую большую комнату 2, служившую, вероятно, гостиной) и в узкий восточный коридор; две двери в его глубине ведут в изолированную комнату 1 и комнату 3, разделенную на два узких отсека, а первоначально, как будто, на прямую соединявшуюся с входным айваном. Эта комната, судя по оборудованию закромами, была хозяйственной. Большое количество щелевидных продухов в наружных стенах свидетельствует, что строители и владельцы дома заботились не только о его внешней репрезентативности, но и о притоке свежего воздуха в помещения, лишённые, видимо, обычных окон.

Это миниатюрное подобие дворца с порталным айваном типа сасанидского Таги Кесра не поддается классификации, если только не считать айванный вход трансформированным коридором, обычным для большесемейных домов хорезмийских крестьянских усадеб — сопоставление, которое кажется мне натянутым и формальным.

Значительно "классичнее" выглядит замок 36 в оазисе Беркут-кала, — несмотря на плохую сохранность и неизбежные индивидуальные особенности, он может быть определен как замок 2 или 3 типа.¹⁵³ Почти квадратное в плане здание, размерами около 11×12 м, было поставлено на паховый цоколь-стилобат высотой около 5 м; арочный вход, устроенный в основании цоколя на южной стороне, ведет в сводчатый коридор, проложенный в сплошном массиве пахсы и поднимающийся, подобно пологому пандусу, в северном направлении (рис. 71).

Другой сводчатый коридор-пандус отходит перпендикулярно от первого коридора на запад, круто поднимается в этом направлении на протяжении 5 м, заворачивает под прямым углом на юг, и через полукруглую арку между сырцовыми пилонами выходит на уровень жилого этажа, в комнату 4.

Устройство здания на этом жилом уровне, сохранившееся далеко не полностью, выглядит регуляр-

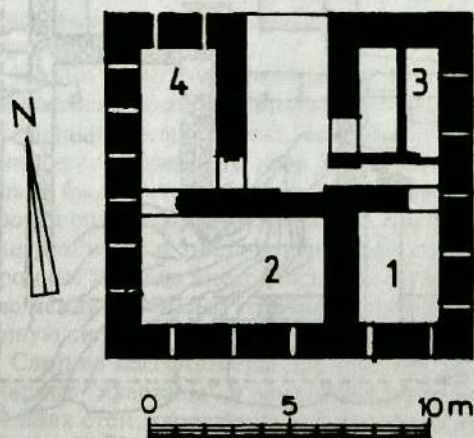

Рис. 70. Хорезм. Замок 4 в оазисе Беркут-кала. План (по А.Тереножкину) с частичной реконструкцией.

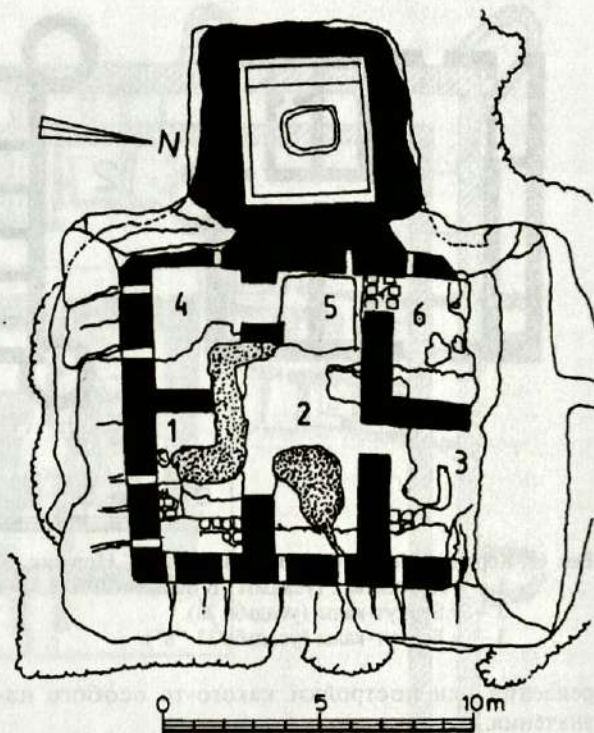

Рис. 71. Хорезм. Замок 36 в оазисе Беркут-кала. План верхнего этажа. По В.Пилявскому.

ным. Две пары небольших комнат на южной и северной сторонах образовывали симметричные группы и фланкировали центральное помещение удлиненных пропорций, связанное с ними дверными проемами и служившее, вероятно, приемным залом — гостиной. Восточный торец среднего помещения был как будто слегка заужен и, может быть, играл роль тронной лоджии. Вместе с тем прямая связь среднего помещения со всеми окружающими его комнатами свойственна распределительному холлу замков 3 типа и неудобна для приемного зала замков 2 типа, который нуждается хотя бы в некоторой изоляции. Если несохранившаяся южная стена средней комнаты 2 была той же толщины, что стена между комнатами 4 и 1 и пилон между комнатами 4 и 5, то пропорции этого помещения были $1:\sqrt{2}$ — отношение стороны и диагонали квадрата. Как и в предыдущем случае, наружные стены замка прорезают щелевидные отверстия — продухи, слишком узкие для окон, но не дававшие застояться воздуху в замкнутом пространстве жилища.

С западной стороны к замку 36 вплотную примыкает помещение не совсем правильной квадратной формы со сторонами около 4,5 м длиной, перекрытое сырцовым куполом, со стенами, сложенными из слоев сырца и пахсы. Это одна из первых открытых в Средней Азии купольных построек доисламского времени, она загадочна полной изоляцией от замка, да и от всего внешнего мира: исследователи не нашли здесь нормального входа, его заменял пролом в стене, периодически раскрывавшийся и снова закладывавшийся. Предполагается, что купольная пристройка к замку служила "катом" — временным хранилищем трупов, которые по зороастрийскому ритуалу позже очи-

шались от мягких тканей, с последующим погребением чистых костей в костехранилищах — оссуариях.

Местный вариант замка 3 типа представлен в оазисе Беркут-кала замком 92, стоявшим в огражденном дворе в окружении меньших построек.¹⁵⁴ Правильный квадратный план этого здания (18×18 м) был нарушен в СВ углу — отсюда на восток слегка выдвигалась двухэтажная башня, прикрывавшая вход, который располагался посреди южного фасада рядом с башенным выступом. Наружные стены прорезаны щелевидными продухами, — в меньшем, как будто, количестве, чем в предыдущих случаях (рис. 72).

Внешняя архитектура замка 92 имела любопытную особенность, которая позже — в 10—12 вв. — превратится в распространенный прием, но в здании доисламского времени выглядит преждевременной: извне казалось, что замок возведен на традиционном расширяющемся книзу цоколе-стилобате шестиметровой высоты, — в действительности это было лишь оформление фасадов, за которыми лежали помещения с полами на уровне, близком к наружному. Внутреннее же устройство здания определялось тремя параллельными группами помещений, вытянутыми в направлении В-З; короткий входной коридор вел с востока в центральное помещение средней группы, оборудованное круглым колодцем и связанное симметричными парными проходами с комнатами обеих боковых групп.

Южная группа состояла из одного помещения, вытянутого во всю длину здания — около 15 м — и, возможно, вначале состоявшего из двух комнат. Оно разделено пополам прямоугольным углублением, облицованным сырцом, — лежащая к востоку от него часть комнаты, судя по широкой торцевой суфе, была жилой, западная часть служила хранилищем. "Скользкий" дверной проем вел из центрального помещения в заднюю комнату средней группы, почти квадратную, оборудованную угловой суфой и, как уста-

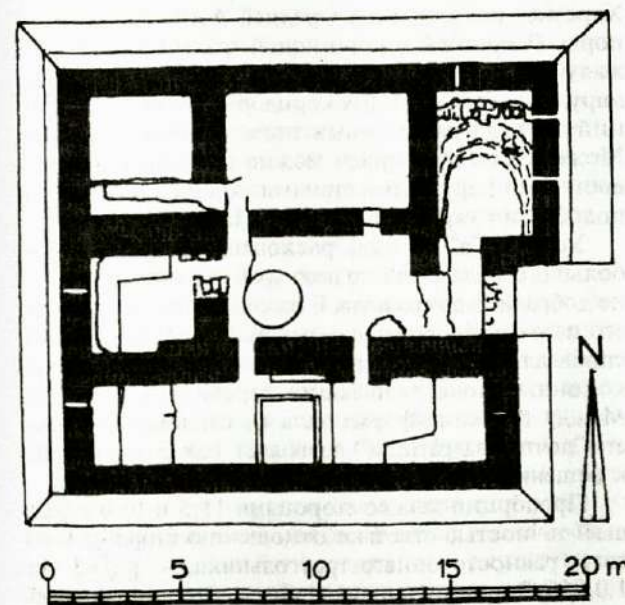

Рис. 72. Хорезм. Замок 92 в оазисе Беркут-кала. План по Е.Неразиков с частичной реконструкцией.

новили исследователи, много раз перестраивавшуюся. Форма плана и толстые стены дают основание предполагать здесь купольное перекрытие.

Северная группа, из-за примыкающей к ней башне, более короткая, состояла из двух комнат, связанных между собой проходом и, очевидно, жилых. Боковой проем во входном коридоре вел в нижний этаж угловой башни, состоящий из одной сводчатой комнаты и не сообщавшийся с верхней комнатой башни. В замке не найдены лестницы на верхний этаж, который здесь, судя по его сохранившимся частям, несомненно был. Исследователи полагают, что верхний этаж замка представлял собой, вероятно, открытую сверху террасу, защищенную внешними стенами с прорезанными в них бойницами (они сохранились), и что поднимались на него по приставным лестницам. Эта гипотеза представлена на воспроизведенной здесь реконструкции (рис. 73). Но такая круговая оборона не вяжется с более декоративной, чем подлинной фортификацией замка — ложным стилюбатом и широким, практически незащищенным входом.

Исследователи считают вероятным, что среднее помещение с колодцем, игравшее роль распределительного холла, не было перекрыто и представляло собой внутренний дворик, — это тоже представлено на опубликованной реконструкции. Мне такой вариант кажется сомнительным: он создал бы источник сырости в центре дома, сделал бы бессмысленными продухи в его наружных стенах и заметно снизил бы комфортность; устройство же колодцев в помещениях было в Средней Азии старой долговременной традицией.

Своеобразный вариант замка 1 типа представлен в Хорезме усадьбой "с" в окрестностях крепости Аяз-кала II.¹⁵⁵ Квадратный двор со сторонами 29 м, ориентированный точно по сторонам света, окружен стенами и только с двух сторон — западной и северной — охвачен цепочкой удлиненных комнат, которые на

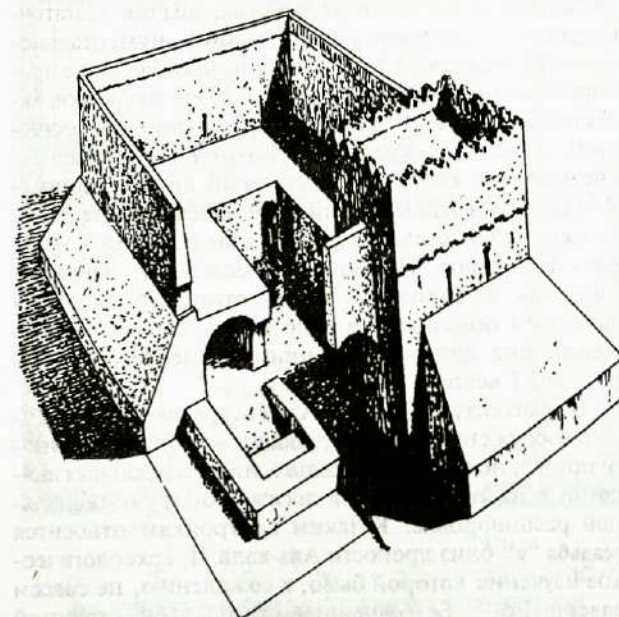

Рис. 73. Замок 92 в оазисе Беркут-кала. Реконструкция. По Е.Неразиков.

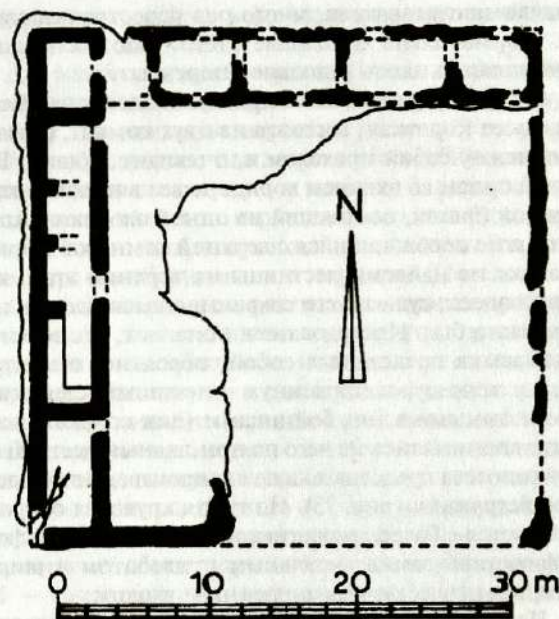

Рис. 74. Хорезм. Усадьба "с" близ Аяз-калы 2. План. По Е.Неразик.

каждой стороне по древней традиции сомкнуты торцами. Комнаты разной длины (есть и одинаковые), но образуют ряды совершенно равнозначных элементов, без выделения (впоследствии обычного и почти обязательного) помещений на осях двора. Вход, тоже никак не отмеченный, прорезал узкий северный фронт комнат у СЗ угла; у некоторых помещений имелся, как будто, выход во двор, другие — на западной стороне — образовывали что-то вроде анфилады (рис. 74).

Назвать это сооружение замком можно очень условно. Оно, конечно, не было жилищем землевладельца с его дифференциацией помещений, репрезентативными приемами устройства, обычно достаточно сложного, и фортификационной монументальностью. Противоречит "замковости" и преобладание пространства двора над узкими полосками застройки, характерное (но не в таком экстремальном соотношении) скорее для крепостей. Возможно, усадьба "с" представляла собой хозяйственный двор с минимумом служебных помещений, принадлежавший одному из окрестных землевладельцев или родовой крестьянской общине. Принцип ее несложной организации, как говорилось, очень стар и восходит к античным образцам, да и по археологическим признакам она датируется ранним временем — 6 или началом 7 веков.

В архитектуре Средней Азии встречаются загадочные сооружения, как бы стоящие вне эволюционного потока, не имеющие сколько-нибудь реальных аналогий и не поддающиеся логической функциональной расшифровке. К таким постройкам относится усадьба "а" близ крепости Аяз-кала II, археологическое изучение которой было, к сожалению, не совсем завершено.¹⁵⁶ Безбашенные стены этой странной усадьбы, полуметровой толщины, охватывают квадрат размером 36×36 м, ориентированный не совсем точно

по сторонам света. Южная сторона квадрата как бы разомкнута, — за ней лежит двор глубиной 16 м, который занимал ровно половину внутреннего пространства усадьбы; вдоль восточной стены во всю ее длину тянется помещение-коридор шириной 3,5 м, вначале единое, а позже разделенное тонкими сырцовыми перегородками на три части (рис. 75).

Середину северной части занимает огромный зал размерами 10×11,5 м, с задней северной стороны к нему примыкает айван глубиной 4 и шириной 3 м, открытый в зал и лежащий точно на его оси. По сторонам айвана расположены помещения той же ширины и конфигурации, что вдоль северной стены; в них ведут входы, симметрично прорезанные в боковых стенах айвана сразу за его фасадной стеной. Глубина айвана равна ширине лежащих по его сторонам длинных помещений, с которыми он соединен симметричными проходами, — удлиненное пространство айвана как бы выделено из сплошного широкого коридора, протянувшегося вдоль северной стены усадьбы. Вдоль стен айвана шли суфы, низкие боковые и высокая сзади, в торце.

Любопытно, что общая ось зала и айвана совпадает с геометрической осью Ю-С всего квадратного плана сооружения, — их строго осевому расположению мешает восточный "коридор", из-за которого помещения по сторонам большого зала оказались различной длины: два западных помещения заметно длиннее двух восточных. С этими группами обширных боковых комнат зал был связан проходами, расположенными заподлицо с его северной и южной стенами.

Расположение проходов подчеркивало и без того ясно ошутимую парадность, торжественность композиционной идеи, свойственную скорее дворцу, чем рядовой сельской усадьбе. Огромный зал площадью 115 м² с осевым айваном, составляющие парадный центр этого необычного здания — едва ли не самый эффектный и своеобразный образец дворово-айванной системы (в ее "камерном" варианте) не только в Хорезме, но и во всей Средней Азии доисламской поры. О местной хорезмийской традиции здесь, пожалуй, напоминает только устройство изнутри, вдоль наружных стен длинных коридорообразных помещений, иногда разделенных поперечными стенками. Может быть, этот прием можно поставить в связь с двойными наружными стенами укрепленных замков, подобными укреплениям Якке-Парсан.

Усадьба "а" не была раскопана целиком. Стены большого зала были только оскребены, археологи не добрались до его пола, и важный вопрос о способе его перекрытия остался нерешенным. Исследователь справедливо предполагает здесь внутренние опоры-колонны, поддерживавшие деревянный потолок. Между тем сама форма зала (исследователь назвал его "почти квадратным") позволяет, как будто, подойти к решению этой проблемы.

Пропорции зала со сторонами 11,5 и 10 м с большой точностью отвечают отношению стороны и высоты равностороннего треугольника — 1:√3:2 или 1:0,866. В прямоугольнике таких пропорций вписывается правильный секстагон, а это, как говорилось, косвенный признак того, что помещение этой фор-

мы могло быть перекрыто шестиугольной балочной конструкцией "рузан" (подробнее об этом — ниже, в описании замка Урта Кургана). Так можно объяснить некоторое смещение с оси зала двери, ведущей в зал из южного двора: одним из косяков двери мог быть столб, подпиравший южный угол нижнего шестиугольного венца.

Все же вызывает сомнение слишком большая длина балок — граней этого предполагаемого венца, достигающая почти 6 метров. При такой длине высота деревянных балок в сечении должна была составлять около 1 м, а вся конструкция быть неимоверно тяжелой и едва ли устойчивой. Мне кажется возможным другое решение.

В доисламской и раннеисламской архитектуре Средней Азии есть образцы зданий и помещений, пропорции которых в плане повторены в пропорциях внутреннего пространства, выделенного системой опор. Так в пятничной мечети Данданакана (Южный Туркменистан, 9–10 вв.) общие пропорции здания — 1:√3 — повторены в прямоугольнике внутренних аркад и даже в форме сделанного посередине бассейна.¹⁵⁷ Еще более близкая (даже и по времени) аналогия — зал 41 в "объекте" 6 Пенджикента¹⁵⁸: его общим пропорциям, таким же, как у зала в усадьбе "а" — 1:(√3:2) — в точности отвечают пропорции прямоугольника, углы которого в плане образовывали четыре колонны. Именно на этих колоннах, а не на стенах зала лежали здесь нижние балки-обвязки шестиугольного "рузан". Обычные квадратные "рузан" часто опираются, полностью или частично, на деревянные столбы; что до древних шестиугольных "рузан", опорой для которых служили колонны, — есть веские основания считать, что таким способом были перекрыты средние части большого зала в замке Урта Кургана и в зале 14 дворца Варахши.

Я думаю, что этот принцип был использован для перекрытия зала в усадьбе "а". Простой расчет показывает, что если пары внутренних колонн стояли здесь (в направлении С-Ю) на осях боковых стен айвана, а направление 3-В определялось осью стены между соседними с залом западными комнатами, то у образованного этими осями прямоугольника были бы те же искомые пропорции — 1:(√3:2), — в него вписывается правильный секстагон. При этом длина нижних балок брусчатого венца не превышала бы 2,5 м, что для такой конструкции совсем не предел. Жаль, что эти спекулятивные расчеты не могут быть проверены натурными исследованиями.

Еще одна загадочная постройка доисламского Хорезма известна как замок 2 в оазисе Якке-Парсан. Его единственная известная мне публикация посвящена, к сожалению, не самому замку, а замурованному в его остатках небольшому купольному помещению, которое исследователь справедливо считает культовым.¹⁵⁹ Замок же, судя по публикации, был в плане квадратным (18×18 м)¹⁶⁰, и стоял в северной части большого прямоугольного двора; стена, делившая эту сохранившуюся часть двора на западную и восточную половины, как бы продолжалась внутри замка. Вдоль стен в восточной половине двора тянутся удлиненные, сомкнутые торцами комнаты, характерные для архаических замков I типа (рис. 76).

Квадратный "замок" был возведен вокруг более раннего купольного святилища и, значит, не был замком в обычном смысле этого слова. В его плановом устройстве усматриваются, как будто, три параллельных помещения, вытянутых по направлению С-Ю и открытые в поперечную северную комнату — древняя универсальная схема, представленная ядром замка Чиль Худжра и многими другими средневековыми постройками. Здесь она искажена перестройками и почти не усматривается. Более верной кажется догадка исследователя, усмотревшего в помещениях, окружающих купольную камеру, признаки обходного коридора, обычного для святилищ такого рода.

К сожалению, многие предположения, связанные с замком 2 Якке Парсана, остаются без доказательств, а вопросы — без ответов. Было бы важно понять строительную историю комплекса, функциональную связь его частей, изначальное устройство "замка", и не в последнюю очередь — назначение толстостенного двухкамерного павильона южнее "замка", о котором в публикации ничего не сказано. Внести в эти вопросы некоторую ясность могла бы только археология.

На юге Средней Азии значительным центром культуры была в 5–8 вв. область Тохаристан, включавшая в себя несколько владений. Среди них населенностью и концентрацией архитектурных руин выделяется Чаганиан — владение в нижнем течении Сурхандарьи, вдоль берегов которой поныне высятся многочисленные холмы-тепе, — остатки монументальных раннесредневековых зданий. Каталог археологических памятников этого небольшого региона состоит из 220 названий.¹⁶¹ Некоторые из них были археологически исследованы.

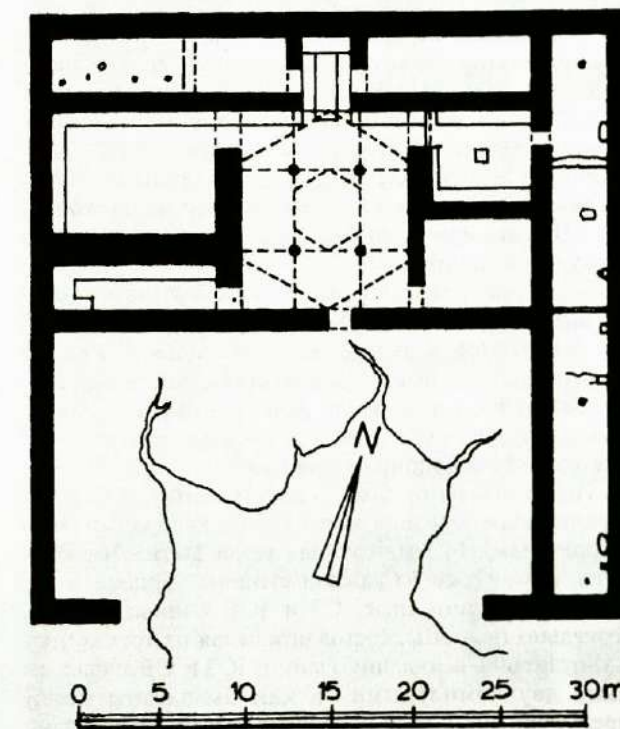

Рис. 75. Хорезм. Усадьба "а" близ Аяз-калы 2. План по Е.Неразик с частичной реконструкцией.

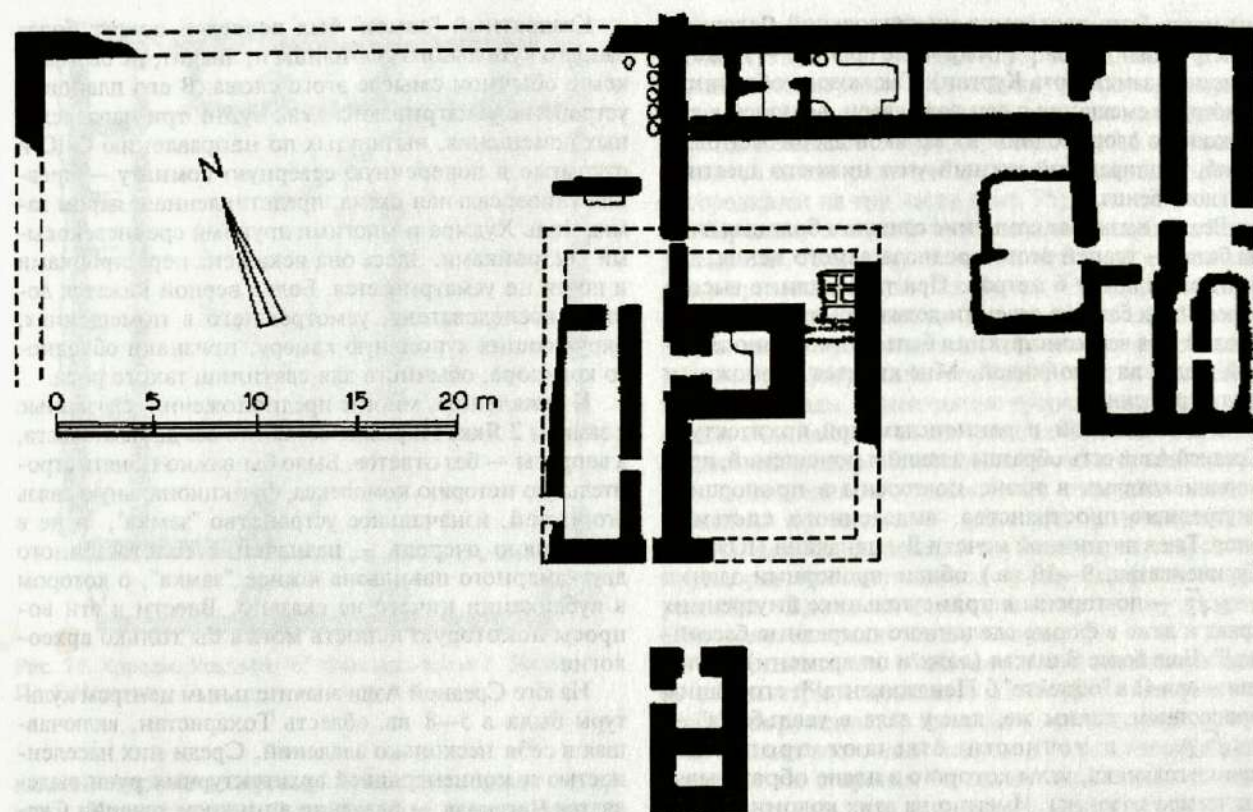

Рис. 76. Хорезм. Замок 2 в оазисе Якке-Парсан. План. По Е.Неразик.

Самый известный (по причине посвященной ему монографии) из найденных здесь доисламских замков — **Балалык-тепе**, расположенный в 13 км к северу от средневекового Термеза.¹⁶² Этот небольшой замок был построен сравнительно рано, в 5–6 вв., но позже радикально перестроен вплоть до изменения его классификационного типа. Поднятый на пахсовый пьедестал-стилобат 6-метровой высоты, он стоял одиноко, — по соседству нет следов ни внешних оборонительных стен, ни сельского поселения. Единственный небольшой холм рядом с руинами замка заключал в себе остатки "входной" башни, с которой, как в Тешик-кале, перебрасывался съемный мост ко входу в здание (рис. 77).

Замок, ориентированный углами по сторонам света, был построен из сырца размером 45-50×25-30×10 см, обычного для раннего средневековья. Его стены сохранились не всюду: разрушены северный и восточный углы, где, судя по рельефу, был оформленный выступом вход. Эти и некоторые другие места исследователи реконструировали.

Первоначальное здание, датированное 5 в., было характерным образцом замка 1 типа: квадратный двор со сторонами 14,5 м окружали узкие вытянутые комнаты, сомкнутые на каждой стороне торцами и анфиладно соединенные. СЗ и ЮВ анфилады были зеркально подобны, состояли каждая из трех комнат и тянулись во всю длину здания; ЮЗ и СВ анфилады были двухкомнатными и как бы зажаты между предыдущими. Связи между соседними анфиладами не было, но каждая комната имела выход во двор. Судя по сохранившимся наружным стенам, они были

прорезаны узкими бойницами, по две бойницы в комнате, с горизонтальным венчанием и наклоненным наружу основанием.

Эта элементарная плановая структура, прямые аналогии которой представлены античными зданиями ("квадратный дом" Нисы и Кызыл-кыр), отвечала, вероятно, требованиям обороны, но едва ли была удобна для знатной семьи, ее слуг и посетителей. Узкие и высокие сводчатые комнаты не были дифференцированы по назначению (хотя и отличались размерами), в здании отсутствовали приемные и парадные помещения, необходимые для сословно-ритуальных и религиозных церемоний. Вероятно, эти явные функциональные недостатки вызвали радикальную перестройку замка, — исследователи полагают, что это произошло в конце 5 или начале 6 в.

Следствием модернизации была полная застройка квадратного двора и соответственные изменения в каре первоначальных помещений. В северной части двора, отделенный от СВ анфилады узким коридором, появился большой удлиненный зал для официальных приемов, с суфами вдоль стен и "тронной" нишей в ЮВ торцевой стене. Западный угол двора занял квадратный пиршественный зал, тоже с пристенными суфами и стенами, которые были покрыты сюжетными росписями с изображением пирующих. Оставшаяся часть двора была превращена в Г-образный кулуар, соединенный с обоими залами и отделенный от ЮЗ анфилады узким коридором, таким же, как коридор у СВ анфилады.

Так на месте двора возникла группа больших украшенных помещений, чьи плоские кровли подни-

мались, может быть, над кровлями сводчатой постройки. Расположение приемного зала в углу и примыкающий к нему Г-образный кулуар определили новые типологические признаки здания — из замка 1 типа он превратился в замок 4 типа с характерными, однозначно присущими этому типу чертами. При этом форма парадных помещений была подчинена здесь определенному пропорциональному строю: размеры приемного зала — 9,3×5,3 м — отвечают отношению $1:\sqrt{3}$ (популярная в это время и позже пропорция прямоугольника, в который вписываются два равносторонних треугольника), ширина ЮВ ветви кулуара трижды укладывается в ее длине. Суфы вдоль стен и порталный, украшенный парными выступами-лопатками вход из кулуара в зал подчеркивали репрезентативный характер нового замкового центра.

В.Нильсен отметил необычно малую высоту квадратного зала с росписями — всего 2 м от пола, а от суф и того меньше, — и резонно предположил, что над ним располагалось высокое летнее помещение, для которого невысокий зал служил как бы пьедесталом. Предположение исследователей, что низкий квадратный зал был предназначен для культовых трапез, не кажется мне убедительным: ни форма зала, ни его росписи не показывают сакральный характер происходивших здесь пиров. Нельзя, мне кажется, исключить и вероятность того, что вначале квадратного зала не было, и коленчатый кулуар охватывал приемный зал целиком с двух сторон, — лишь позже, может быть, от него была отделена его СЗ часть, а оставшуюся СЗ часть кулуара сузили, отделив от нее

узкий коридор и уравнивая ее ширину с шириной ЮВ части.

Позже квадратный зал, небольшой, темный и едва ли удобный для званых трапез, был заложен сырцом. Замок же, сменивший типологическую принадлежность и этим показавший преимущества типа 4 по сравнению с архаическим типом 1, еще в начале 7 в. был почему-то покинут владельцами.

В отличие от Балалык-тепе соседний с ним замок **Джумалак-тепе** изначально принадлежал 4 типу. Он был построен из кирпича-сырца размером 52-54×26×10 см, некоторые стены возведены из блоков пахсы высотой около 1 м, стены камеры-тайника западнее Г-образного кулуара облицованы поставленными плитами крупного (43×43×4,5 см) жженого кирпича (рис. 78).

Контуры этого большого (около 30×30 м) здания почти не сохранились, с южной и западной сторон оно основательно разрушено, но его общая композиционно-плановая структура просматривается достаточно ясно.¹⁶³ Обширная группа жилых и хозяйственных помещений, разделенных длинным прямым коридором, занимала западную часть замка; шесть узких, параллельно расположенных комнат, обращенных к коридору входными торцами, образуют вместе с ним характерную "коридорно-гребенчатую" систему, свойственную, как говорилось, военным общежитиям и складам. С запада к ней примыкала группа представительных парадных помещений, состоявшая из большого приемного зала и Г-образного кулуара, обязательного компонента устройства замков 4 типа.

В Джумалак-тепе обе ветви кулуара отчетливо раз-

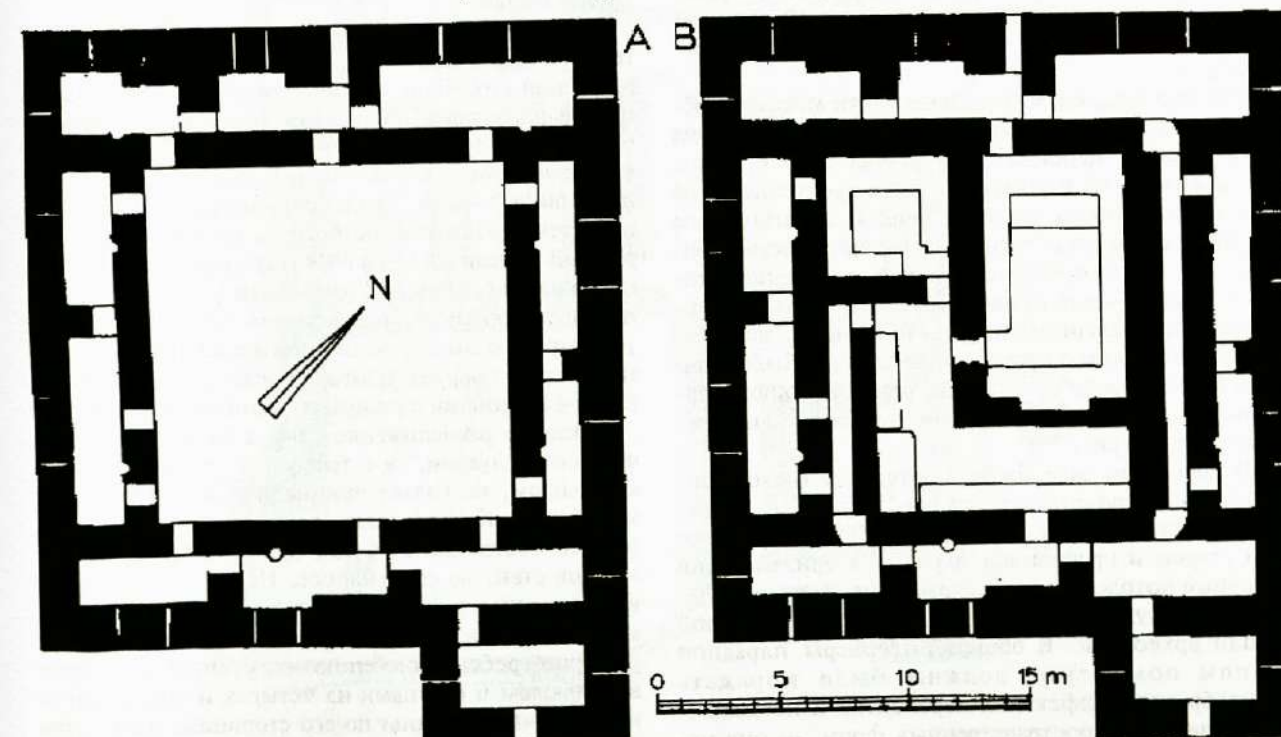

Рис. 77. Замок Балалык-тепе. Планы с частичной реконструкцией. По Л.Альбауму.

А — 1-й строительный период.

В — 2-й строительный период.

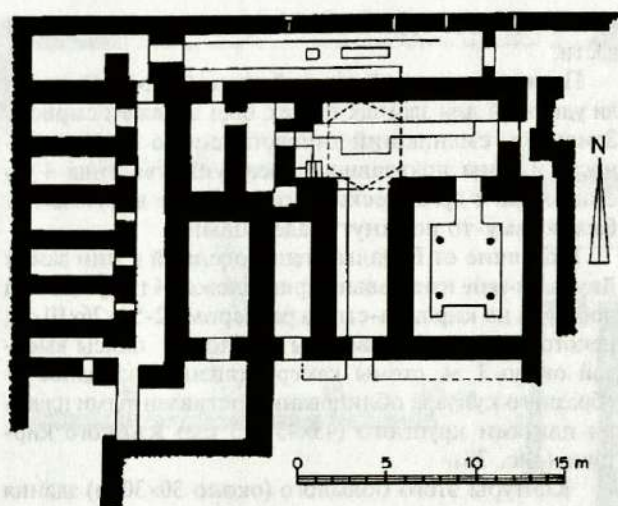

Рис. 78. Замок Джумалак-тепе. План по В.Нильсену с частичной реконструкцией.

личны. Западная — длинная и сравнительно узкая (шириной 3 м), к тому же суженная одной стороной суфой; северная — более широкая и вместительная, с не столь явно "коридорными" пропорциями. Главный вход в кулуар вел с юга, через широкую резную дверь в торце западной ветви; ее противоположный северный торец был целиком раскрыт в широкую часть кулуара, так что западная ветвь представляла собой, по существу, очень глубокий внутренний айван. Фасадные углы западного "айвана", лежащие в плоскости стены широкой северной ветви, были оформлены парой деревянных колонн, вставленных в четвертные угловые выемки, — с севера это выглядело как своеобразный колонный портал, подчеркнутый к тому же лежащей напротив, на оси портала широкой суфой — "эстрадой".

Уже говорилось, что угловые части многих Г-образных кулуаров дают основание предполагать в них особую форму перекрытия (включая даже купол) и большую высоту. В Джумалак-тепе пространство на пересечении обеих ветвей кулуара, ограниченное шириной колонного "портала" и северной ветви, точно соответствует прямоугольнику с отношением сторон 1: ($\sqrt{3}:2$), — в него вписывается правильный секстагон. Это косвенное, но убедительное свидетельство того, что угловое пространство кулуара было увенчано брусчатым сводом "рузан" шестиугольной формы — так, как это представлено на прилагаемой реконструкции (рис. 79).

В приемном зале Джумалак-тепе не было тронной ниши, ее заменяла площадка — "эстрада" напротив входа в зал — расширение суфы, обтекающей зал со всех сторон и прерванной только у двери. Плоский балочный потолок опирался на четыре колонны и был украшен скульптурной резьбой, остатки которой нашли археологи. В общем интерьеры парадной группы помещений должны были поражать разнообразием эффектных перспектив и неожиданных сочетаний пространственных форм, — они наверняка производили сильное, предусмотренное замыслом строителя впечатление. Продуманной выглядит и вся планировка замка со сложной, но четкой

связью помещений, функциональным делением на зоны, сочетанием регулярно организованных и свободно асимметричных групп помещений.

Из набора разнообразных помещений выделяются две большие параллельные комнаты к западу от узкой ветви кулуара: у них одинаковая длина (6,6 м) и такая же общая, вместе с разделяющей их стеной, ширина, — в плане комнаты образуют квадрат, разделенный на две неравные части. Комнаты были перекрыты хорошо сохранившимися эллиптическими сводами, которые начинались прямо от пола, и достигали в высоту 2,55 и 2,05 м, — высота соседних помещений, и не только парадных, была значительно больше.

Исследователь предполагает здесь, как и в Балалык-тепе, большое верхнее помещение, опиравшееся как на фундамент на две сводчатые комнаты и возвышавшееся над прочими помещениями замка.¹⁶⁴ Подтверждением тому служат остатки лестницы, сохранившиеся в ЮЗ углу широкой северной ветви кулуара, — она выводила на уровень, соответствующий высоте сводчатых комнат, и расположена рядом с ними. К этой убедительной гипотезе можно добавить, что верхнее помещение было, видимо, квадратным в плане, и что его размеры — 6,6×6,6 м — предполагают деревянный потолок с опорой на четыре колонны.

В отличие от недолговечного Балалык-тепе Джумалак-тепе был обитаем даже до 16 века. На протяжении своей тысячелетней жизни древний замок многократно перестраивался, все более теряя внушительный облик и эффектный комфорт внутренней архитектуры, что, конечно, не облегчило работу его исследователей.

Еще один замок в окрестностях Термеза — Занг-тепе — возник в 5 в. на руинах крупного укрепленного здания античной эпохи, игравшего роль цитадели небольшого города. Обширное квадратное в плане сооружение с длиной сторон почти 50 м занимало СЗ угол поселения, вновь отстроенного в 5 веке.¹⁶⁵ От постройки 5—6 вв. здесь сохранились фронт западной стены, частично восточная и южная стены, квадратный приемный зал в ЮВ углу, обведенный — тогда же или в 6—7 вв. — Г-образным кулуаром с северной и западной сторон. Квадрат стен, поднятых на 10-метровую высоту наклонного пахсового стилобата, выступал наружу угловыми прямоугольными башнями-бастионами с узкими щелями бойниц (рис. 80).

Угловое расположение зала, с двух сторон охваченного кулуаром, а с третьей — южной — узким коридором, позволяет причислить Занг-тепе к замкам 4 типа. К сожалению, почти ничего из его внутренней обстройки 5—6 вв., кроме некоторых фрагментов стен, не сохранилось. Но в 7 в. в СЗ части внутреннего пространства замка было возведено массивное сооружение несколько усложненного "коридорно-гребенчатого" типа — с осевым коридором-вестибюлем и группами из четырех и трех удлиненных сводчатых комнат по его сторонам. Этот планировочный прием, как говорилось, был по преимуществу свойствен казармам, воинским общежитиям и постройкам складского назначения, что позволяет рассматривать здание в СЗ углу Занг-тепе как место

обитания военной дружины знатного владельца замка. В крайних северных комнатах этого здания сохранились закрома и некоторые другие части хозяйственно-складского оборудования.

От построек, имевшихся, вероятно, южнее и восточнее предполагаемой казармы, не уцелело почти ничего. Нет почти никаких следов (кроме маленьких камер в ЮВ углу) от жилых и прочих помещений, примыкавших к представителю ядру замка — залу с кулуаром — и составлявших вместе с этим ядром его основную часть.

Хотя плановая структура Занг-тепе представлена лишь несколькими крупными фрагментами, замок представляет интерес в ином отношении: здесь сохранилось (едва ли не в единственном образце) своеобразное оформление фасадов, совершенно иное, чем в гофрированных кешках Хорезма. Детали этого оформления вполне приличной (принимая во внимание его возраст) сохранности видны на внешней поверхности западной стены замка.

Оно состояло из трех крупных арочных ниш с уступчатым обрамлением, расположенных на равных расстояниях между выступами угловых бастионов, — одна ниша в центре, две по сторонам. Задняя стена каждой ниши прорезана посередине бойницей, в простенках между нишами на осях расположены ароч-

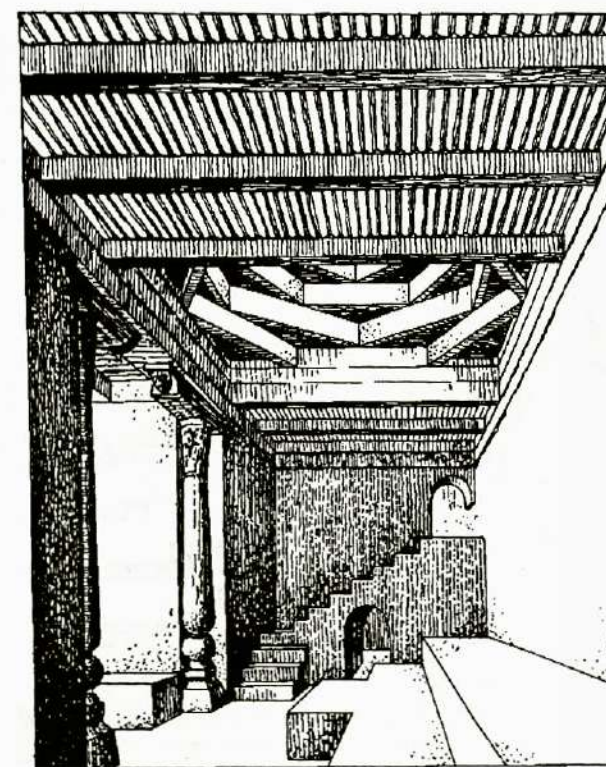

Рис. 79. Замок Джумалак-тепе. Реконструкция интерьера.

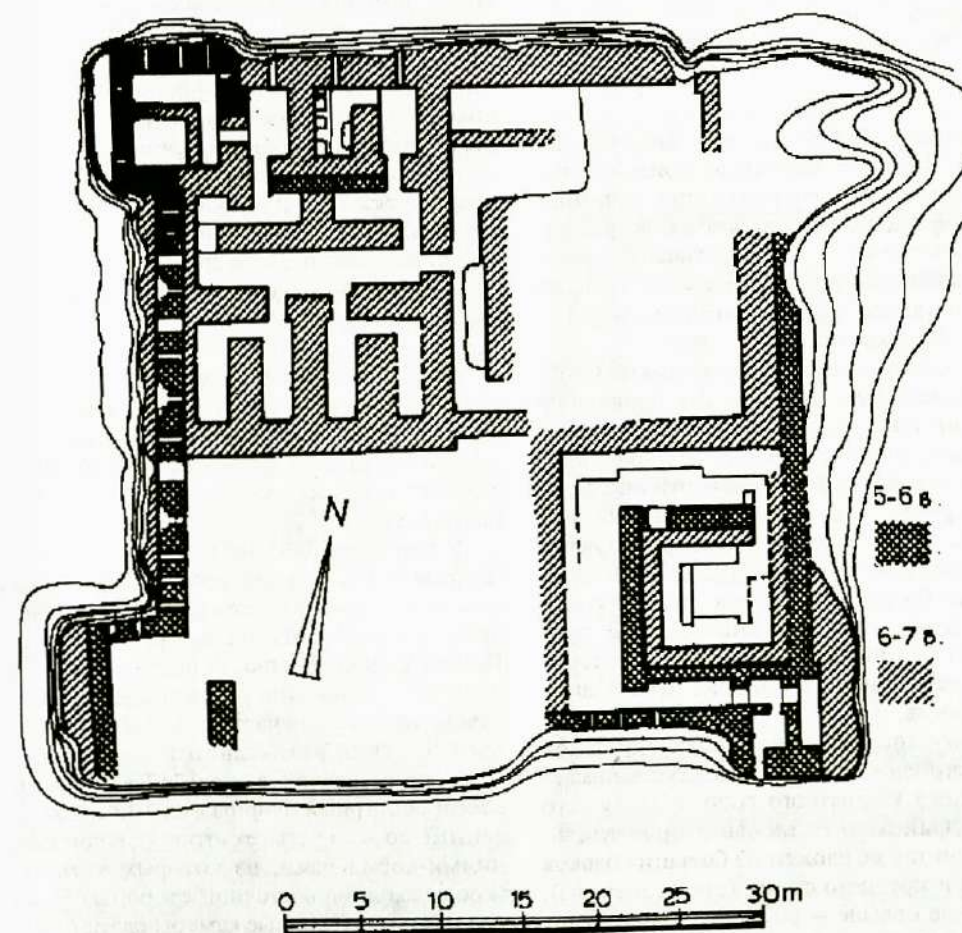

Рис. 80. Замок Занг-тепе. План по В.Нильсену с частичной реконструкцией.

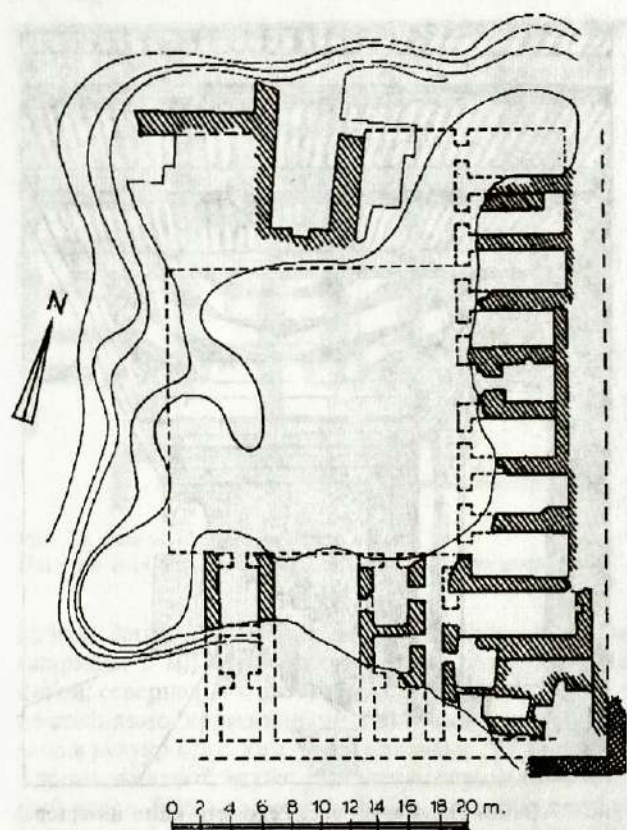

Рис. 81. Замок Хайрабад-тепе.
План. По Л.Альбауму с частичной реконструкцией.

ные проемы, шириной около 1,5 м и высотой несколько меньше ниш. Еще несколько бойниц, симметричных относительно уступчатых ниш, дополняют эту достаточно сложную, горизонтально развернутую систему с четким ритмом пластических деталей. Близких аналогий — ни современных, ни более поздних — у западного фасада Занг-тепе (другие фасады выглядели, вероятно, так же) нет.

Внешняя архитектура доисламских замков Средней Азии, за исключением Хорезма, как правило не сохранилась. Занг-тепе — счастливое исключение, свидетельствующее, что этой архитектуре наряду с суровой замкнутостью, монолитностью наружных форм не были чужды приемы декоративной, пластической выразительности. Высокие фасады замков (по меньшей мере некоторых из них) были наряднее, чем предполагалось прежде; благодаря крупным, ритмично расположенным деталям — декоративным нишам, проемам, лепным обрамлениям и т. п. — им была свойственна четкая масштабность и сильная, хотя и сдержанная пластичность.

Сходен с Занг-тепе стоящий неподалеку замок Кулаглы-тепе, построенный в 5 в.¹⁶⁶ Он тоже занимает СЗ угол небольшого квадратного городища, у него такой же квадратный план с угловыми прямоугольными башнями, он так же сложен из больших блоков пахсы (стилобат) и крупного сырца (стены и своды), но размеры его еще больше — 60×60 м. Замок, видимо, был двухэтажным и, как Занг-тепе, декоративно

украшенным снаружи: окошко одной из его башен сохранило обрамление из лепных вертикальных, полукруглых в сечении жгутов.

5 веком датируется еще один замок, возведенный севернее Термеза на месте угловой цитадели античного городища Хайрабад-тепе.¹⁶⁷ Типологически это плохо сохранившееся здание не поддается определению, хотя некоторые формальные признаки сближают его с замками 1 типа. Исследователь нашел здесь несколько сооружений разного времени (от 3-1 вв. до н. э. до 5-7 вв. н. э.), обширное здание, датированное последним периодом, представляло собой как будто двор размером около 20×20 м, обстроенный помещениями удлиненной формы. На сохранившейся лучше других восточной стороне двора эти единообразные комнаты сомкнуты длинными сторонами и образуют фронт небольших, вероятно сводчатых келий (рис. 81).

С южной стороны во двор, кажется, был обращен широкий (6 м пролетом) осевой айван, фланкированный симметричными группами небольших комнат, подобных пустотелым пилонам. Если айван был перекрыт сырцовым сводом — пролет этого свода для своего времени мог бы считаться рекордным. На плохо сохранившейся северной стороне айвану отвечает продолговатый зал с нишей в торце, — его закрытость со стороны двора (северная сторона не сохранилась) и некоторая перекошенность относительно дворовой оси намекают на какую-то перестройку. Полы разрушенных помещений в СЗ стороне были выстланы жженым кирпичом разного размера.

От замков 1 типа с большим внутренним двором Хайрабад-тепе отличается расположением окружающих двор комнат, сомкнутых не торцами, а продольными стенами, особым устройством южной (может быть, входной) стороны и явным преобладанием продольной оси С-Ю над поперечной, никак по существу не выявленной. По сравнению с обычными замками 1 типа его устройство значительно сложнее и дифференцированнее. Оно ассоциируется с будущими среднеазиатскими медресе, и эта ассоциация имеет здесь, вероятно, отнюдь не внешний, случайный характер, — она, вернее всего, указывает на то, что среди предполагаемых исторических прототипов медресе в Средней Азии были не только сакральные сооружения типа буддийского монастыря Аджина-тепе, но и здания гражданского — жилого и общественного — назначения.

У городища Баба-тепе в окрестностях Шерабада в Чаганиане исследованы два крупных здания доисламского времени, мало схожие между собой, но относящиеся оба к разным типам укрепленного жилища.¹⁶⁸ Первое здание, большое и, видимо, более раннее, именуемое в публикации усадьбой, разделило судьбу Балалык-тепе: ее изначальная плановая структура была впоследствии радикально изменена (рис. 82).

Построенная в 5 в. усадьба Баба-тепе представляла собой обширный двор размерами 38,5×35,5 м, обведенный со всех четырех сторон сводчатыми помещениями-коридорами, из которых в углах и на осях (кроме входной восточной стороны) были выделены квадратные купольные камеры размером около 3×3 м. В краткой ранней публикации¹⁶⁹ упомянуты квадрат-

ные угловые башни, — из этого можно заключить, что угловые камеры были выше других помещений. За нешироким входом посреди восточного фасада различаются как будто следы квадратного (7,5×7,5 м) вестибюля со сквозным проходом внутрь, на запад. Сводчатые длинные комнаты шириной 3 и длиной 15—17 м, по две комнаты на каждой стороне, напоминают своим расположением и формой складские помещения и хлев в будущих караван-сараях Средней Азии 10—11 вв., но оборудование этих комнат — многочисленные очаги, большие сосуды-хумы и суфы вдоль стен — не оставляет сомнения в том, что они были жилыми и предназначались для постоянного пребывания не скота и товаров, а людей, жителей этого необычного дома.

Стены возведены из сырца распространенных в 5—8 вв. размеров — 52×26×8 и 48×24×10 см; двойные ряды кирпичей чередовались со слоями пахсы высотой 20—25 см. Своды, судя по их остаткам, были сложены "поперечными отрезками", а купола квадратных камер опирались на угловые консольные па-руса.

Двор, охваченный словно двойной стеной каре этих узких и длинных помещений, разделенных ритмичными паузами квадратных камер, был либо пуст, либо в нем стояли недолговечные легкие постройки, от которых не осталось следов. Можно предполагать, что по периметру двора имелись легкие навесы на деревянных столбах, без которых двор жарким летом и дождливой зимой был бы просто необитаем. В таком первоначальном виде усадьба представляла собой очень своеобразный вариант замка 1 типа, — настолько своеобразный, что замком это сооружение, совершенно лишенное защитных устройств (выносных башен, стилобата, укрепленного входа и т. п.) едва ли можно назвать. Вероятно, традиционная, хотя и трансформированная схема замка 1 типа была здесь приспособлена к зданию иных функций и иного социального уровня, — может быть, это было нечто вроде общинного дома, населенного связанными родством слугами и челядью землевладельца, жившего в рядом стоящем замке.

Примерно в 6 в. двор усадьбы был застроен множеством плохо сохранившихся помещений разных размеров и форм. Исследователь резонно считает, что эти работы растянулись на два, по меньшей мере, строительных периода. Стены новой застройки были возведены только из сырца, без прослойки пахсы, а кирпич был хотя и того же размера, но не желтовато-серый, как прежде, а главным образом зеленоватый.

Предположение исследователя, что застройка двора "...была подчинена определенной закономерности и ...принципу симметрии", не находят подтверждения в ее раскопанных остатках. Вытянутые параллельные комнаты в ЮВ части образуют "гребенчатую" группу, ничуть не похожую на асимметричную группу больших помещений в СЗ части; в СВ части располагался как будто квадратный (15×15 м) двор, к которому на востоке примыкала небольшая квадратная комната с пристенным алтарем — характерная для доисламского времени домашняя "капелла". Центральное помещение, от которого уцелел только СЗ угол, по-

мешалось, вопреки утверждению исследователя, не на скрещении главных осей, а было заметно сдвинуто в ЮВ сторону. Длинная комната напротив восточного входа лежит не на оси здания, а сдвинута с нее к северу, а единственная "осевая" комната, остатки которой видны у южной стены, не совпадает с осью центральной комнаты. Словом, говорить о "крестовидной основе плана усадьбы" пока, при наличном материале и до окончания раскопок, по меньшей мере преждевременно.

Замок Баба-тепе, стоящий в 70 м севернее усадьбы, был почти квадратным в плане (19×18 м), двухэтажным, и возвышался на пахсовой монолитной платформе с наклонными гранями высотой около 2 м; на эту высоту ко входу, расположенному посреди восточного фасада, вел широкий и пологий, расширяющийся кверху пандус (рис. 83). Раскопками были открыты помещения только нижнего этажа, которые, правда, сохранились почти всюду на их полную высоту — около 3,6 м. Материалом постройки был сырец размерами 46-47×22-23×7-8 см, который, как в первоначальном здании усадьбы, сочетался с прослойками пахсы. Высокие своды помещений, характерной эллиптической формы, были сложены в технике "поперечных отрезков", а почти круглые арки дверных проемов — клинчатой кладкой.

Особенностью внешнего вида замка были глубокие и сравнительно узкие ниши на осях фасадов, — кроме восточного, где ниша заменена входом, уступчато расширяющимся наружу. Задние стены ниш, шириной 1,6 м, были прорезаны парными ложными бойницами; ниши начинались выше стилобата и завершались, судя по лучше сохранившемуся северному фасаду, круглой аркой. Западный фасад по сторо-

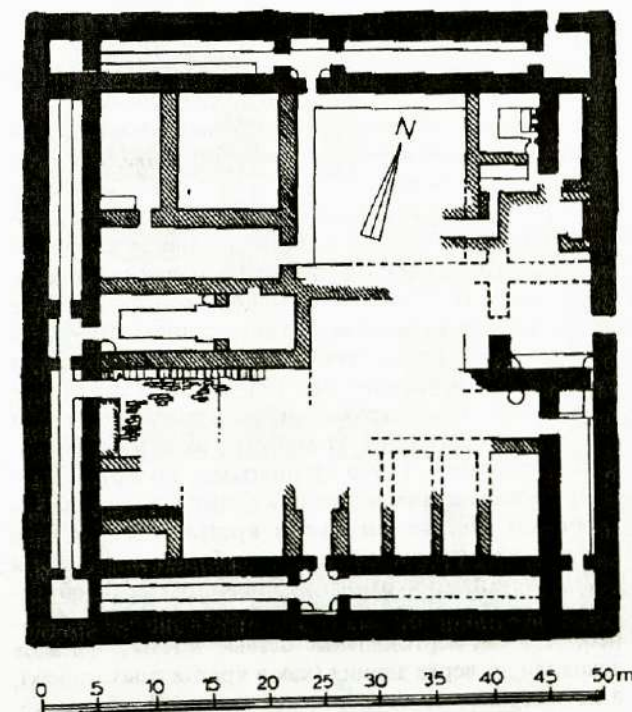

Рис. 82. Усадьба Баба-тепе в Шерабадском районе.
План. По Н.Немцевой.

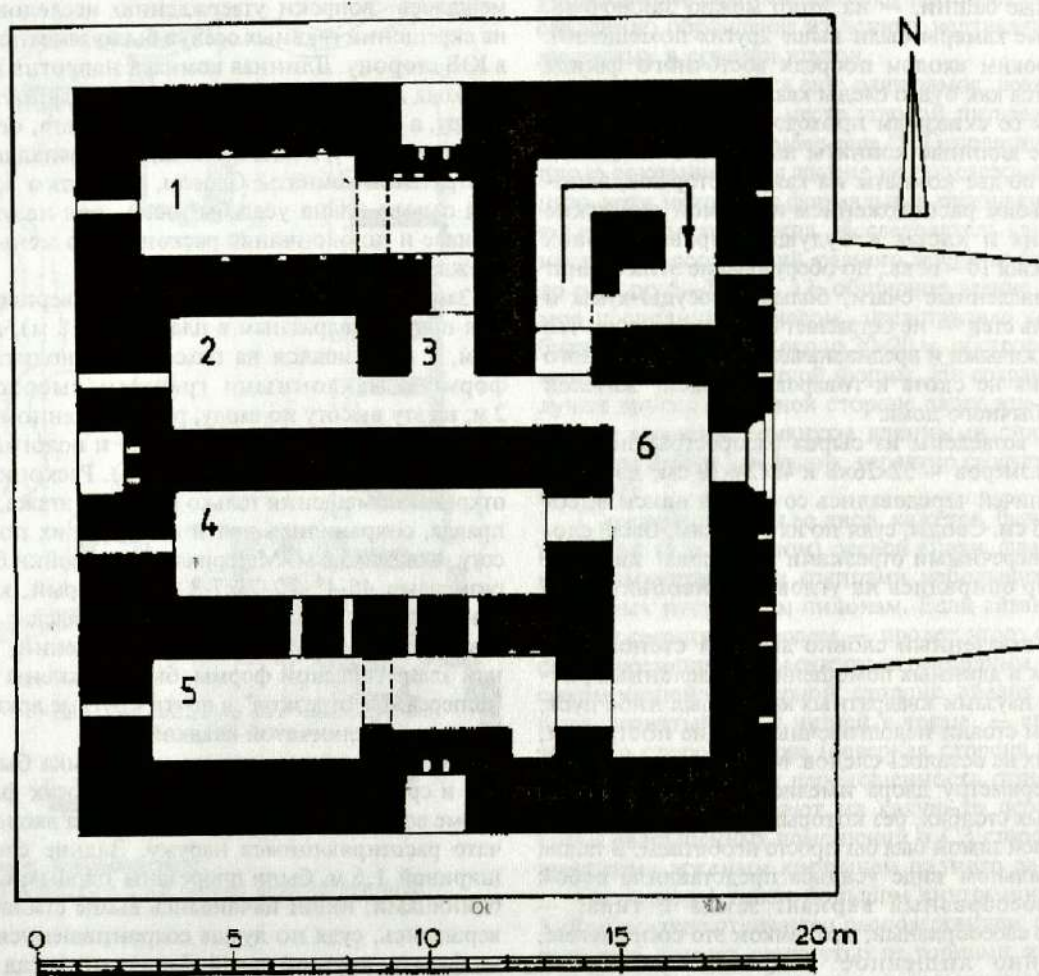

Рис. 83. Замок Баба-тепе. План по Н.Немцевой с частичной реконструкцией.

нам осевой ниши украшали две симметричные пары арочных окошек с уступчатыми обрамлениями, восточный фасад по бокам от входа был оформлен несколькими прорезями ложных бойниц, расположенных в двух уровнях.

Членение глухих фасадов замка Баба-тепе прямоугольными осевыми впадинами находит прямые аналогии в двух зданиях того же назначения и времени: в замке Фильмандар у Пенджикента¹⁷⁰ и замке Каппа-тепе в Северном Таджикистане (см. ниже). Правда, в последних случаях эти членения отражают внутреннюю структуру плана здания, тогда как в Баба-тепе они с этой структурой не связаны. Истоки приема, который придает зданию сходство с четырьмя квадратными, тесно сдвинутыми, но не сомкнутыми башнями, исследователь видит в трансформированном облике античных крепостных стен, в которых прямоугольные выступы башен чередуются с заглубленными куртинами. Эта гипотеза, не объясняющая причины заимствования, была бы убедительней, если бы вертикальные осевые выемки фасадов доходили до верха здания (как в крепостных стенах), а не завершались сводами, как ниши. В общем же, как правильно заметил исследователь, осевые фасадные ниши Баба-тепе имели декоративно-пластичес-

кую функцию, — они создавали ощущение регулярного ритма объемов, которому, казалось бы, должно отвечать внутреннее устройство.

Но такого соответствия в замке нет. Его план на уровне нижнего этажа определяется несложной системой параллельных, удлиненных, ориентированных в направлении З-В комнат; только СВ угол занят квадратной шахтой пандуса с прямоугольным центральным столбом, да от шахты за восточным фасадом, вплоть до ЮВ угла тянется поперечная комната-коридор, играющая роль вестибюля: отсюда сразу или через переходы попадали во все помещения нижнего этажа. Осевые впадины на северном и южном фасадах заставили частично сузить лежащие за ними комнаты 1 и 5, причем места сужения были отмечены подпружными арками, а в комнате 5 — и выступами пристенных лопаток.

В общем плановая структура замка может быть определена как коридорно-гребенчатая, усложненная из-за угловой шахты пандуса, но не потерявшая своих определяющих признаков. Планировка такого рода в жилищах (в том числе в замках) означает хозяйственно-складское, а не жилое назначение помещений, а это в свою очередь значит, что почти не сохранившийся верхний этаж замка Баба-тепе был, вернее все-

го, организован в принципе иначе, чем нижний. Только остатки помещения, лежавшего над комнатой 6, совпали с ее размерами и формой.

Можно предположить, что такому расположению помещений вдоль восточного фасадного фронта отвечало аналогичное устройство северных помещений, то есть, что над комнатой 1 лежала подобная ей комната, и что Г-образная группа из двух удлиненных комнат и угловой пандусной шахты-башни охватывала замок на уровне верхнего этажа по северной и восточной сторонам. Предположение подтверждается тем, что общее пространство комнат 2, 3, 4 и 5 почти без отклонений вписывается в форму квадрата со сторонами 10,5 м, — над ними, очевидно, был расположен квадратный зал соответствующих размеров. Его обширность не оставляет другого варианта перекрытия, кроме плоского балочного потолка на четырех деревянных колоннах.

Представленная здесь гипотетическая реконструкция верхнего этажа замка Баба-тепе основана на этих соображениях (рис. 84). Она непохожа на устройство нижнего этажа, хотя основана на его главных параметрах, и дает повод рассматривать здание как вариант замка 4 типа — с заменой единого Г-образного кулуара системой разъединенных помещений, но с сохранением общего принципа планировки.

Выше по Сурхандарье, близ раннесредневекового городища Бударач исследован замок 6—7 вв. Кулял-тепе.¹⁷¹ Квадратное в плане здание (18×18 м снаружи) стояло на пахсовом цоколе высотой до 10 м и было ориентировано углами по сторонам света. Вход, устроенный с СВ стороны ближе к северному углу, не был как будто архитектурно выделен. Он ведет в короткий коридор, в конце которого расположена прямая, направленная вправо лестница, выводящая, вероятно, на кровлю одноэтажного здания. Справа от входа в северном углу найдена небольшая замурованная комната, первоначально, возможно, служившая караульной (рис. 85).

Кулял-тепе — характерный образец замков 3 типа: в центре его квадратного плана лежит квадратная же комната со сторонами длиной 4,8 м, связанная с окружающими ее помещениями четырьмя проходами, по одному на каждой стороне. Этот распределительный вестибюль традиционно квадратной формы был перекрыт куполом на тропях, который, вероятно, поднимался — как в хорезмийском замке Якке-Парсан — над кровлей замка.

Компактное внутреннее устройство замка выглядит продуманным. Оно состоит из двух больших удлиненных комнат, лежащих к ЮВ и ЮЗ от купольного центра и связанных проходом, просторной комнаты в восточном углу слева от входа (размеры — 22 м², расположение и некоторая изолированность позволяют видеть в ней гостиную) и небольшой комнаты в середине СЗ стороны, связанной только с вестибюлем осевым проходом. Близкое сходство с вестибюлем помещением в замке Тешик-кала дает как будто основание рассматривать эту комнату как замковую "капеллу", хотя она, как и прочие (кроме центральной) комнаты замка, была перекрыта не куполом, а сводом. К сожалению, другие сведения об этой интересной постройке (даже размер сырца, из кото-

рого она возведена) в обеих кратких публикациях отсутствуют.

Замок Куевкурган, стоявший в пригороде городища Зар-тепе, получил известность из-за глиняных скульптур высокого художественного качества, которые украшали его несохранившийся верхний этаж.¹⁷² Статуи изображают персонажей буддийского панте-

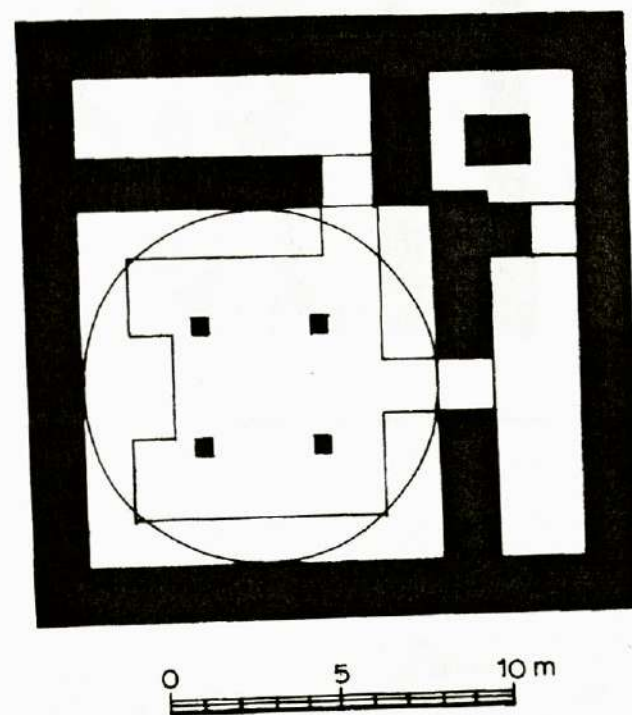

Рис. 84. Замок Баба-тепе. План верхнего этажа. Реконструкция-гипотеза.

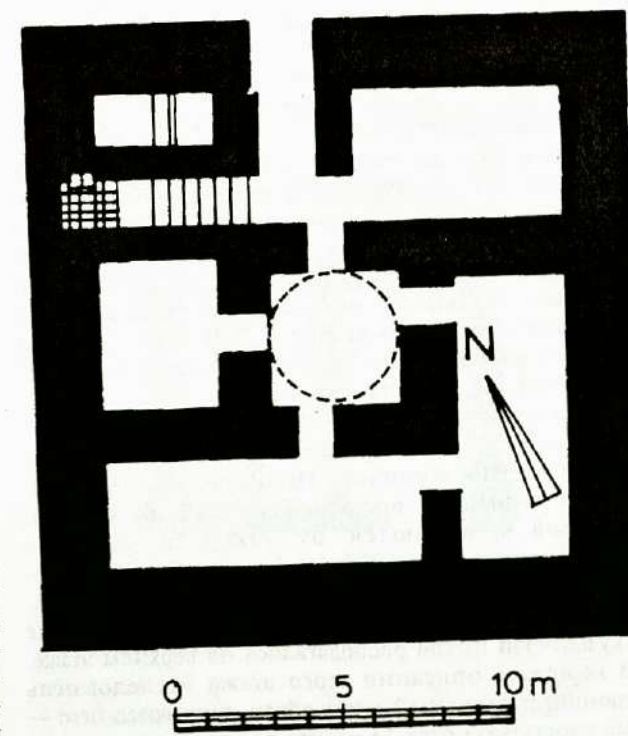

Рис. 85. Замок Кулял-тепе. План. По Э.Ртвеладзе.

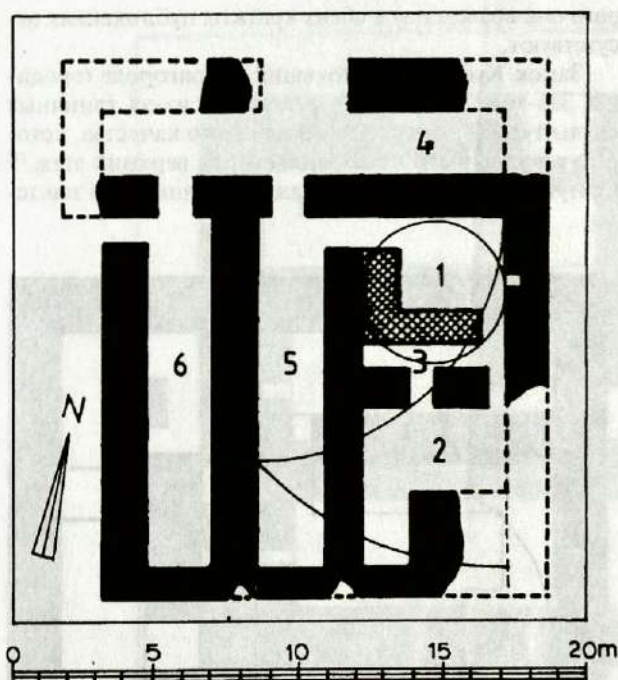

Рис. 86. Замок Кувекурган. План. По Т.Аннаеву.

она и отмечены чертами кушанского стиля, — это дает основание датировать их вместе со зданием, которое они украшали, ранним временем: установлено, что Кувекурган был построен во второй половине 5 в. и обитает до начала 6 в. (рис. 86).

Исследованное здание¹⁷³ стояло на пахсовом квадратном цоколе высотой 4 м и было ориентировано с небольшим отклонением по сторонам света. Его прямоугольный план был нарушен в СЗ углу, где как будто имелся выступ в западную сторону. Широкий вход посередине северного фасада вел в длинный сводчатый вестибюль, протянувшийся вдоль всего фасада; можно предположить, что в его выступающем западном конце (это место разрушено) помещался пандус, связывавший оба этажа и кровлю. Входы из вестибюля вели в две параллельные коридорообразные комнаты, перпендикулярные ему и занимавшие западную часть здания. Восточная часть состояла из двух помещений — северного, квадратного (или почти квадратного) в плане и, может быть, перекрытого куполом, и южного, значительную часть которого занимает массивный выступ у ЮВ угла. Северная комната впоследствии была разделена на две камеры, одна в виде узкого коридора.

Исследователь считает, что все помещения нижнего этажа были хозяйственными и подсобными, что в целом кажется логичным. Некоторое сомнение вызывает назначение восточной группы, обе комнаты которой отличаются от узких и длинных хозяйственных комнат более "жилыми" пропорциями. Все же представляется, что здесь, как в замке Баба-тепе, жилые и представительные, украшенные скульптурой покои располагались на верхнем этаже. В коротком описании этого этажа исследователь упоминает открытый к югу айван, восточнее него — зал площадью более 13 м² (что для помещения, имеющего залом, маловато) и две комнаты по бокам

зала. Это перечисление не помогает, к сожалению, понять устройство верхнего этажа, тем более что неясно, был ли упомянутый айван сводчатым или представлял собой навес на колоннах.

Пользуясь достаточно близкой и едва ли случайной аналогией с Баба-тепе, можно было бы предположить, что и в Кувекургане большой приемный зал верхнего этажа был с двух сторон охвачен Г-образной "обводной" группой помещений, и что в месте стыка обеих ветвей располагалось пандусное устройство, — иначе говоря, что Кувекурган был модификацией замка 4 типа. Место верхнего обвода определяется расположением комнат-коридоров 4 (вестибюль) и 6, соответственно этому место пандуса — выступом СЗ угла. При таком раскладе место и габариты приемного зала определяются суммой нижних комнат 1, 2, 3 и 5, которые в совокупности образуют прямоугольное пространство с конкретными и употребительными пропорциями — $1:\sqrt{2}$, отношение стороны и диагонали квадрата.

Эти соображения не объясняют, увы, некоторые странности устройства замка. Непонятно назначение массивного углового выступа, из-за которого комната 2 стала почти вдвое меньше; неясна конструкция предполагаемого пандусного устройства, для которого как будто нет другого места, кроме СЗ угла; неизвестны архитектурные формы верхнего зала, размеры которого — $12 \times 8,5$ м — предполагают колонные опоры для балочного потолка и традиционное оборудование в виде пристенных суф и тронной площадки "эстрады".

Небольшие размеры замка Кувекурган компенсировались скульптурным и живописным великолепием его верхних приемных помещений. Исследователь полагает, что это была загородная усадьба правителя расположенного поблизости укрепленного города Зартепе.

Замок Кучук-тепе в Термезском районе в продолжении своей долгой жизни несколько раз перестраивался; в опубликованном описании фиксирован первый период его строительной истории, приблизительно датированный 6—7 вв.¹⁷⁴ При разбивке плана строители замка в чем-то ошиблись, и четырехугольный план размерами 26×26 м получил слегка ромбовидные очертания. Вероятно, ошибка была замечена, потому что центральные помещения замка гораздо ближе к прямоугольной форме, чем его общий контур (рис. 87).

Замок, ориентированный углами по сторонам света, стоял на пахсовой платформе высотой около 3 м и был построен из сырца: здесь встречен сырец обычного для этого времени размера — 52×20 – 25×9 – 10 см (из него сложена лестница-пандус на верхний этаж), но и квадратный — 48 – 50×6 – 8 см (суфы в приемном зале) и 30×4 – 5 см, найденный в закладке прохода и, видимо, более поздний. В центре здания расположена компактная группа помещений с общим прямоугольным контуром, СВ половина которой занята продолговатым приемным залом. Центральное расположенным входом зал ориентирован на ЮВ; вдоль всех стен, кроме входной, тянутся широкие суфы, торцевая суфа напротив входа — место владельца — традиционно шире других.

Размеры зала — $9,5 \times 5,5$ м — позволяли перекрыть его балочным потолком без промежуточных опор. Примечательны его явно не случайные пропорции — $1:\sqrt{3}$, уже отмеченные в приемном зале Балалык-тепе (не только пропорции, но и размеры обоих залов практически совпадают) и очень популярные в доисламской, да и более поздней архитектуре Среднего Востока. Другая половина средней группы состояла из трех сводчатых комнат, образующих тоже очень распространенную в жилищах 5–8 вв. комбинацию: две параллельные удлиненные комнаты обращены входами в поперечную комнату, играющую при них как бы роль вестибюля-прихожей. Ориентация этой жилой группы, отделенной от зала глухой стеной, обратна ориентации зала: входы параллельных комнат, как и вход вестибюля, обращены на СЗ.

Сдвоенная средняя группа помещений со всех сторон окружена коридорообразным обводом, разделенным поперечными стенами на несколько взаимосвязанных частей. Длинные комнаты 7 и 8 на СВ и ЮВ сторонах представляют собой Г-образный кулуар, обязательную принадлежность замков 4 типа: их потолки были плоскими, как в зале, а вдоль наружных стен тянулись суфы, разорванные у входных проемов, по одному на каждой стороне. Вход в помещение 8 перекрыт клинчатой аркой, стена по его сторонам прорезана рядом ритмично расположенных узких бойниц стрельчатой и прямоугольной формы.

У комнаты 12 в северном углу был, как у кулуара, плоский балочный потолок, — отсюда круговой обход ведет на ЮЗ, в комнату-коридор 2, состоящую как бы из двух частей, с плоским и сводчатым потолком. В ее плоско перекрытой СВ части был устроен подъем на верхний этаж — лестница-пандус, состоящая из трех наклонных ступеней, пристроенных к ЮВ стене. Противоположный сводчатый ЮЗ торец комнаты 2 прорезан широким проемом входа, который, судя по расположению и размерам, был главным. Сразу за входом два прохода-визави ведут в комнаты 1 и 9, вытянутые вдоль СЗ и ЮЗ наружных стен. Сводчатое помещение 1, параллельное комнате 2 и той же длины, было — судя по его расположению, форме и изолированности — хозяйственным. Помещение 9, тоже сводчатое и узкое, составляло часть кругового обвода и вместе с угловой комнатой 11 образовывало вестибюльную группу перед Г-образным кулуаром: похоже, что в замысел строителей замка входил постепенный анфиладный переход от небольших и скромных к обширным и нарядным помещениям, завершающийся приемным залом. Эта композиционная режиссура необычна, тем более что анфиладный прием связи помещений в Средней Азии употреблялся весьма ограниченно.

Исследователь полагает, что помещения верхнего этажа располагались в ЮЗ части замка — над комнатами 4, 6, 10, 9, 11 и над половиной комнаты 2, куда вела снизу пандусная лестница. Вероятно, высота приемного зала 5 отвечала высоте двух этажей соседних помещений, и у средней высокой части замка была общая плоская кровля. Этих соображений недостаточно для реконструкции плана несохранившегося верхнего этажа, где, судя по аналогиям, располагались жилые и представительные помещения. Компактная группа комнат — 4, 6, 9 и 10 — довольно точно, несмотря на перекося плана, вписывается в квадрат размерами около 9×9 м, — может быть, над ними находился зал соответствующих размеров, место пребывания семьи владельца и устройства "внутренних" приемов, важной стороны ритуализированного быта. Аналогичное устройство верхнего этажа с большим квадратным залом предполагается в замке Баба-тепе, о котором говорилось выше.

По совокупности планово-пространственных признаков замок Кучук-тепе, не имеющий близких аналогий, должен быть отнесен к местной модификации замков 4 типа.

Руины замка Ак-тепе в Тохаристане (это название древних развалин в Средней Азии встречается часто) свидетельствуют о его коридорно-гребенчатой структуре;¹⁷⁵ — это не исключает того, что жилые помещения несохранившегося верхнего этажа были организованы иначе, чем частично уцелевший нижний этаж с комнатами, вероятно, складского и хозяйственного назначения (рис. 88). В восточной стороне здания видны как будто остатки крупных помещений квадратной или близкой квадрату формы, но общая форма плана замка осталась невыясненной, и о назначении этих комнат, их роли в плановой структуре замка можно лишь гадать.

Едва ли не самый "чистый" образец тохаристанского замка с коридорно-гребенчатым устройством — так называемый Курган, чьи хорошо сохранившиеся руины высятся в Термезе, в северной части первого рабада, рядом с городской стеной.¹⁷⁶ Ориентированный по сторонам света замок стоял на монолитной пахсовой платформе высотой около 3 м, с традиционно скошенными гранями, и был построен из сырца размером $33 \times 33 \times 8$ – 9 см: в Термезе, как говорилось, и в 5–8 вв. строили из квадратного сырца, правда, меньшего размера, чем прежде.

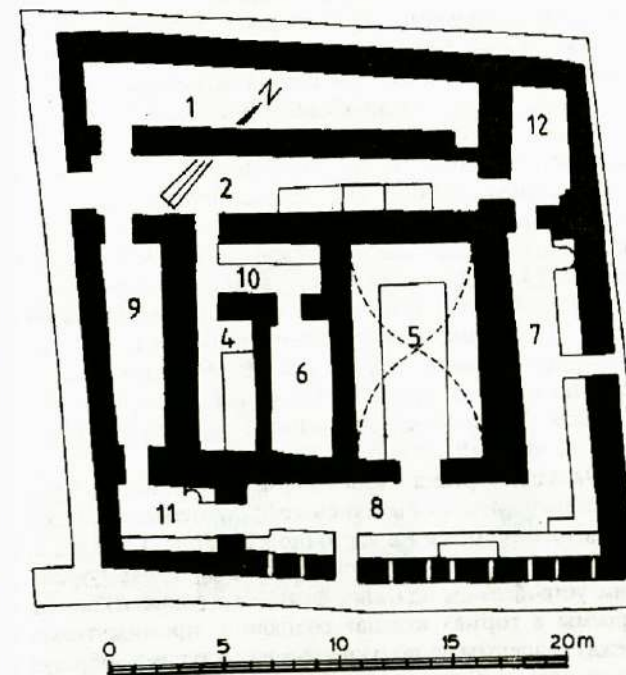

Рис. 87. Замок Кучук-тепе. План. По Т.Аннаеву.

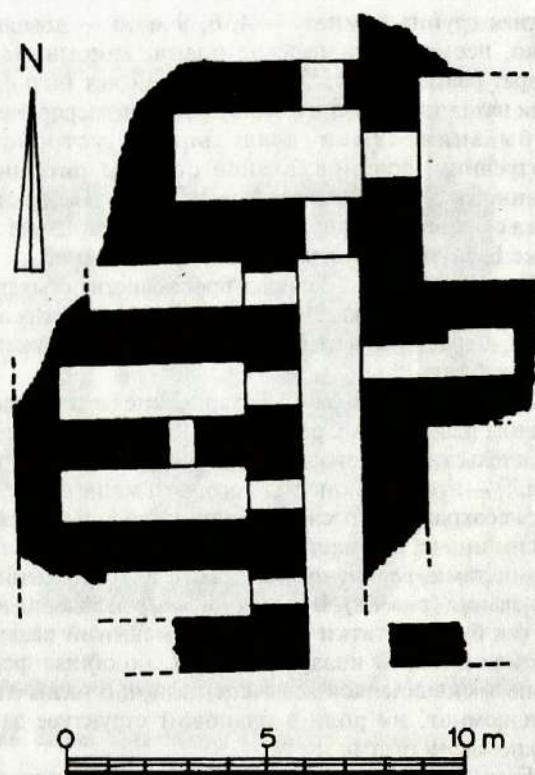

Рис. 88. Замок Ак-тепе (Тохаристан). План. По Т.Аннаеву.

Близкое в плане к квадрату здание (23×21 м) было двухэтажным; почти не сохранившийся верхний этаж повторял, видимо, устройство нижнего. Вход посреди северной стороны вел в осевой коридор, деливший здание на две симметричные части, состоящие каждая из пяти удлиненных сводчатых комнат размером $5,8 \times 2,5$ м; у всех сводов, в том числе и коридора, повышенный эллиптический контур, и они сложены "поперечными" отрезками. Дверные проемы между осевым коридором и комнатами прорезаны почему-то не на оси помещений и не заподлицо с одной из их продольных стен (общераспространенный тогда строительный прием), а почти вплотную к их южной стороне; на противоположных входах торцевых стенах имелись высоко расположенные узкие окошки, как будто (они плохо сохранились) традиционно расширявшиеся внутрь. В северном торце коридора, у СВ угла сохранилась глубокая ниша со сводом стрельчатой формы, сложенным из жженого кирпича, — материал и форма говорят, как будто, о том, что ниша появилась здесь позже. Но разрушенные ступени и следы проема у СЗ угла коридора можно принять за вход на внутрискладную лестницу, которая вела на верхний этаж (рис. 89).

Фасады Кургана были оформлены сплошной чередой полукруглых выступов-гофров, особенно хорошо сохранившихся на восточной стороне. Строитель согласовал размер и количество гофров с внутренним устройством здания — так, что узкие оконные проемы в торцах комнат совпали с промежутками между спаренными полукруглыми выступами, образуя более сложный ритмический ряд. Этот прием пластического оформления фасадов, представленный мно-

жеством монументальных зданий, преимущественно в Хорезме и Мерве 6—12 вв, в доисламской архитектуре Тохаристана больше не встречается, — только в начале 12 в. он неожиданно возродился в уникальном гофрированном минарете в Джаркургане, 75 км севернее Термеза.¹⁷⁷ Среди довольно многочисленных известных ныне замков-кешков доисламского Тохаристана гофрированный массив термезского Кургана остается пока исключением.

Исследователь Кургана В.Шишкин датировал здание 6—7 вв. и отметил, что для замка оно недостаточно защищено: перед входом устроена площадка, до окон снаружи добраться легче, чем изнутри. Другой исследователь, наоборот, находит, что Курган — типичный среднеазиатский замок-кешк, а его коридорно-гребенчатая структура воплощает собой какой-то локально тохаристанский архитектурный тип.¹⁷⁸ Последнее сомнительно уже потому, что здания аналогичного, очень близкого устройства известны в других областях Средней Азии, далеких от Тохаристана, а в самом Тохаристане Курган остается единственным образцом постройки с коридорно-гребенчатой планировкой в ее классически "чистом", почти идеальном виде.

Я думаю, что назначение термезского Кургана определяется его близким сходством (иногда почти тождеством) со зданиями того же времени и аналогичного устройства, которые атрибутируются как военные общежития, казармы или сторожевые посты. В свое время я составил список известных тогда построек этого характерного типа и показал, что все они имели, вероятнее всего, именно такое назначение.¹⁷⁹ Эта гипотеза нашла поддержку.¹⁸⁰ О зданиях коридорно-гребенчатой планировки в ее симметричном варианте, таких, как Тирмизак-тепе, "казарма" в Шахристане и Тоштемир-тепе, — все близкие аналогии термезскому Кургану, — будет рассказано ниже. Что касается Кургана, то его неслучайное расположение у городской стены, — такое же, как "казармы" в Шахристане, — позволяло жившим там воинам в случае тревоги быстро занять оборону на городских укреплениях.

Здание прожило долго, вплоть до начала 13 в., и за это время, вероятно, не раз меняло назначение. Может быть, как предполагал его первый исследователь Б.Засыпкин, оно какое-то время использовалось как дервишское общежитие-ханака при воздвигнутой рядом мечети Чор Сутун. Но и в этом случае оно сохраняло функции общежития, хотя и не военного.

Очень редко раскопки доисламских замков в Средней Азии приводят к открытию всего здания хотя бы и на уровне только нижнего этажа, — обычно исследователям приходится довольствоваться более или менее крупным фрагментом, не всегда позволяющим понять несохранившееся целое. Такой фрагмент представлен остатками здания у ворот Сарык-тепе — небольшого укрепленного поселения в долине Кашкадарьи.¹⁸¹ Время строительства здания — конец 7 — начало 8 вв. — определяется находками монет, о том же времени свидетельствует его строительная техника и сохранившаяся архитектура (рис. 90).

Массивные стены замка были сложены в характерной для доисламской эпохи комбинированной тех-

нике: слои пахсы высотой 50—70 см, с вертикальными надрезами, чередуются с прослойками сырца, отформованного из ярко-красной глины, — в контрасте естественного желтоватого цвета пахсы с красными прослойками сырца исследователь видит сознательный декоративный эффект. Размер сырцовых кирпичей — $48 \times 22-24 \times 9-10$ см и $46 \times 23 \times 9-10$ см — типичен для монументальных построек во всех землях Согды и в Уструшане предисламского времени.

В устройстве сохранившейся части замка у ворот Сарык-тепе бросается в глаза Г-образный кулуар — помещение 3 — с характерным выделением его угловой части: здесь вычленено квадратное (3×3 м) пространство с широкими нишами, как бы замыкающими собой торцы обеих ветвей кулуара, помещения 2 и 4. В одной из ниш сохранились следы ее арочного венчания. Такого рода "суставная" структура предполагает, как говорилось, особую форму перекрытия (в этом случае, вероятно, купольную), а сам коленчатый кулуар позволяет отнести здание к замкам 4 типа.

Этому как будто противоречит отсутствие большого приемного зала, непременным спутником и почти составной частью которого в замках 4 типа служит Г-образный кулуар, и без которого он как бы теряет свой композиционный и общественный смысл. Место зала здесь заняли комнаты 1 и 5, расположенные параллельно, узких коридорообразных пропорций, связанные между собой широким арочным, впоследствии суженным проходом. Эти два ординарных помещения не заслуживают, конечно, эффектного окружения в виде двухстороннего холла, да еще, возможно, с угловым куполом.

Затруднение будет снято, если предположить, что стена между комнатами 1 и 5 появилась позже, и что первоначально Г-образный кулуар охватывал со-

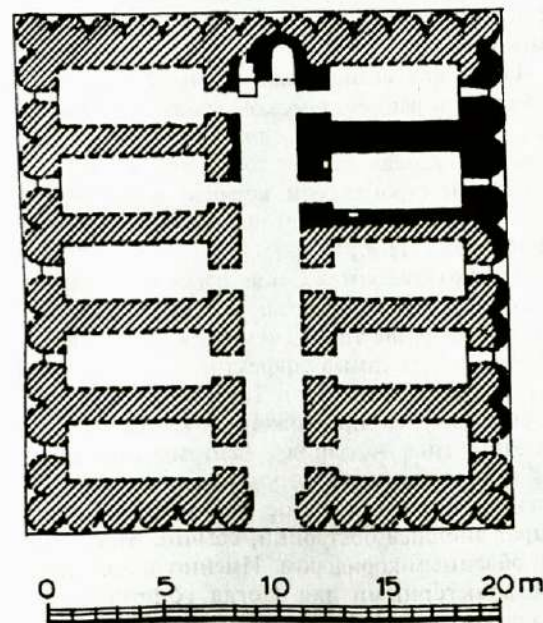

Рис. 89. "Курган" в Термезе. План по В.Шишкину с частичной реконструкцией.

бой традиционный приемный зал размерами $5,8 \times 6,7$ м. Косвенное подтверждение верности такого предположения — в пропорциях реконструируемого зала, которые отвечают часто встречаемому отношению $1:(\sqrt{3}:2)$ и, конечно, не случайны. Стоит напомнить, что в помещение такой формы вписывается равносторонний треугольник или секстагон, — это в свою очередь дает повод думать, что зал был перекрыт брусчатым сводом "рузан" шестиугольной формы с нижними брусками-обвязками длиной меньше 3,5 м.

Раскопанные на Сарык-тепе руины — всего лишь фрагмент, часть неизвестного целого. Замок, конечно, состоял не только из этих нескольких помещений, определивших его типологическую принадлежность, в него наверняка входили комнаты жилого и прочего назначения, составлявшие общую организованную структуру. Неясно даже устройство перестроенного зала, оборудованного — вопреки традиции — двумя входами, лежащими один напротив другого: южный вход, открытый то ли наружу, то ли в какие-то исчезнувшие помещения, сомнителен.

Лишь центральная часть сохранилась и от замка, раскопанного в долине Кашкадарьи у селения Киндык-тепе.¹⁸² Здесь найден почти квадратный ($6,15 \times 6,25$ м) приемный зал характерно канонического устройства: с осевым входом на южной стороне и сплошными пристенными суфами, обегавшими зал и разорванными только у входа. На севере, напротив входа средняя часть суфы расширена и превращена в площадку—"эстраду" — место для хозяина замка. Зал был перекрыт деревянным потолком, который, несмотря на размеры, для деревянных балок близкие к критическим, опирался только на стены. Следы колонн здесь не обнаружены, хотя типологически залы именно такого рода обычно оборудовались четырьмя

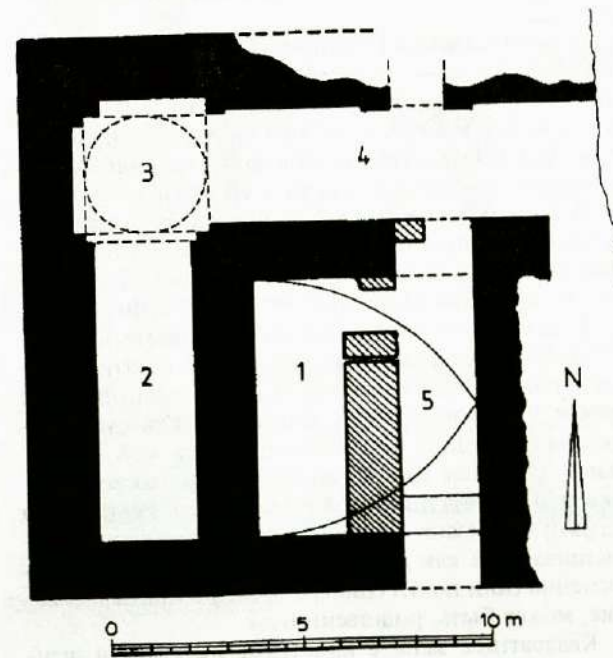

Рис. 90. Здание у ворот Сарык-тепе. План. По С.Луниной.

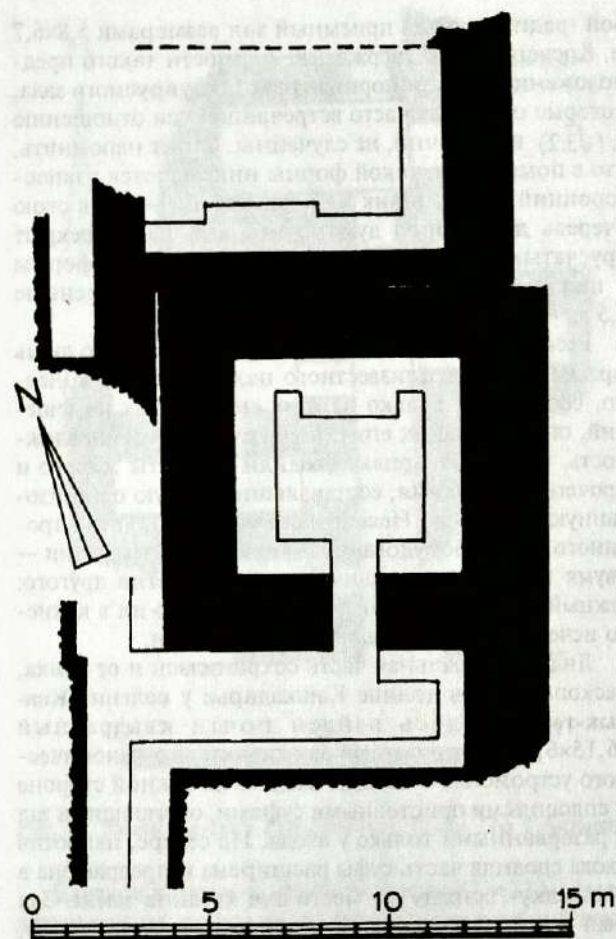

Рис. 91. Замок Киндык-тепе. План. По С.Луниной.

опорами — основаниями для прогонов потолка (рис. 91).

В зал попадали из южного удлиненного вестибюля длиной 8,3 м, — его восточная торцовая стена была продолжением восточной стены зала, западной же стены не было, и вестибюль всей своей шириной (немного более 3 м) открывался на запад, где видны следы поперечного коридора, вытянутого в направлении С-Ю. В южном торце этого коридора предположительно находился вход в здание. Вдоль стен обоих помещений, кроме стены вестибюля слева от входа и западной стены коридора, тянулись суфы.

Здание построено из сырца размером 48-50х25х8 см. С севера к нему примыкают остатки большого помещения с суфами вдоль сохранившихся южной и восточной стен, причем южная суфа расширена посредине аналогичной площадкой — "эстрадой"; западнее виден узкий коридор, заканчивающийся на юге тупиком. Северное здание не было напрямую связано с южным, и исследователь рассматривает их как два жилища, построенные одновременно (или почти одновременно) и принадлежавшие, может быть, родственникам.

Квадратные залы с пристенными суфами, центрально расположенным входом и тронной "эстрадой" напротив входа настолько характерны для реп-

резитантных жилищ Средней Азии 5-8 вв. разного сословного уровня — дома Пенджикента, замки Занг-тепе, Джумалак-тепе, дворец в Варахше и др., — что их форма может считаться канонической. Наблюдение исследователя, отметившего, что этот тип приемного зала сложился в Центральном Согде и отсюда попал в долину Кашкадарьи (где, кроме Киндык-тепе, он пока нигде не встречен) представляется убедительным. Менее доказательным кажется утверждение, что замок Киндык-тепе изначально состоял только из двух помещений — приемного зала и вестибюля, который в публикации почему-то назван хозяйственным помещением, — этому противоречат его размеры, открытость с западной стороны и оборудование суфами, свойственное жилым комнатам. Да и кто бы стал устраивать хозяйственное помещение перед единственным входом в приемный зал?

Не только замок — резиденция землевладельца, но и обычное крестьянское и городское жилище не могли быть ограничены приемным залом и вестибюлем перед ним, — для нормальной жизни были нужны комнаты жилые, хозяйственные, складские, производственные и других, сейчас трудно угадываемых назначений. Не все из них могли быть оторваны от срединной части жилища и составлять отдельную застройку двора. Да руины Киндык-тепе и не вынуждают к такому выводу: небольшие остатки застройки южнее и западнее вестибюля позволяют думать, что здесь располагались какие-то не сохранившиеся помещения, входившие в состав замка.

Геометрический анализ обнаруживает некоторые закономерности в построении плановых форм замка. Толщина стен приемного зала составляет 1/3 от длины его сторон, — предположив, что стены составляют две избранные строителем метрические единицы — два гяза, — и что длина стен зала равна соответственно шести гязам, можно определить размер гяза — 104 см. Ширина и длина вестибюля оказываются при этом равными 3 и 8 гязам, — обе сохранившиеся части здания были, таким образом, пропорционально взаимосвязаны.

Найденная метрическая единица больше принятого в до- и раннеисламском средневековье размера гяза, который редко выходил за пределы 60-80 см, но она не уникальна: гяз такого размера был употреблен строителями караван-сарая Дая-Хатын (9-10 вв.), мечети Талхатан-баба (11 в.) и мавзолея Аламбердара (11 в.)¹⁸³

Доисламские замки Согда, известные сейчас в довольно большом количестве, демонстрируют не меньшее разнообразие типов, чем замки соседнего Тохаристана, но их самые эффектные образцы должны быть отнесены к типу 2, в Тохаристане как будто не встреченному. По предложенной классификации замки этого типа — здания с центральной организацией пространства, в котором выделено центральное, парадное, высоко поднятое ядро и окружающий его квадрат внешней обстройки, обычно отделенный от ядра обводным коридором. Именно такой замок (но с нехарактерными для Согда гофрированными фасадами) запечатлен на эрмитажном Аниковском блюде.

Замок Аул-тепе был возведен в 5 в. на берегу Каш-

кадарьи, в 30 км западнее Шахрисабза, в сравнительно близости от Киндык-тепе.¹⁸⁴ Его стилобат основан на естественном лёссовом останце, наружные стены сложены из пахсовых блоков, внутренние — из пахсы и крупного продолговатого сырца. Замок сохранился не полностью (южная сторона и ЮЗ угол рухнули в пойму реки), но плановая структура его нижнего этажа различается без труда (рис. 92).

Контур нижнего этажа был квадратным, со сторонами длиной около 34 м. В нем видны внутренняя часть — "ядро" размером 17х16 м и охватывающий его квадратный "периметр", отделенный от "ядра" обводным коридором. "Периметр" состоял из чередующихся больших и меньших комнат, по большей части квадратных, связанных с коридором дверями и изолированных; только в двух случаях уцелевшие угловые периметральные комнаты соединялись попарно.¹⁸⁵ Суфы во многих "больших" комнатах указывают на их жилое назначение, а нетрадиционное центральное расположение входов (не у угла, как обычно делалось, а посреди стены) и соответствующее П-образное расположение суф сообщали этим небольшим помещениям (не более чем 4х4 м) неожиданно церемониальный характер. Замкнутое каре помещений, объединенных несколькими прыгающим ритмом, прерывался только входным коридором посреди северной стороны замка, который был выделен снаружи выступами порталных пилонов.

В сложном устройстве квадратного "ядра" выделяются две взаимоперпендикулярные пары стен, которые членят пространство на девять примерно одина-

ковых квадратных ячеек. В натуре ячейки просматриваются не всюду, так как стены местами прерываются, — южная внутренняя стена, например, прервана посредине, а внутренняя восточная — в северной части, где устроен коленчатый пандус, ведущий на верхний этаж. Многие комнаты-ячейки "ядра" разгорожены кирпичными стенками и не похожи на жилые помещения. Но его общая плановая структура позволяет, как будто, воссоздать устройство той средней части верхнего несохранившегося этажа, для которой "ядро" служило конструктивным основанием.

Возможны два варианта реконструкции. По первому — на верхнем этаже над "ядром" возвышался тех же размеров приемный зал с купольными и сводчатыми перекрытиями, опорой которым служили четыре кирпичные колонны, — их расположение определяется пересечением нижних парных стен. Такой зал, с центральным и четырьмя угловыми куполами, нашел бы близкие аналогии и в раннеисламских постройках (мечеть Дегагон 9 в. в селении Хазара¹⁸⁶, замок 11 в. у Мерва, сохранивший облик доисламского кешка¹⁸⁷), и в изображении доисламского пятикупольного здания на блюде Музея исламского искусства в Берлине.¹⁸⁸ Подсобными помещениями, без которых приемный зал не мог обойтись, служили комнаты в нижнем этаже "ядра", соединенные пандусом непосредственно с залом. Осевые входы соединяли зал с широкой круговой галереей — кровлей нижнего этажа, на углах которой, возможно, возвышались купольные павильоны, соединенные колонной галереей с навесами: в этом случае средний

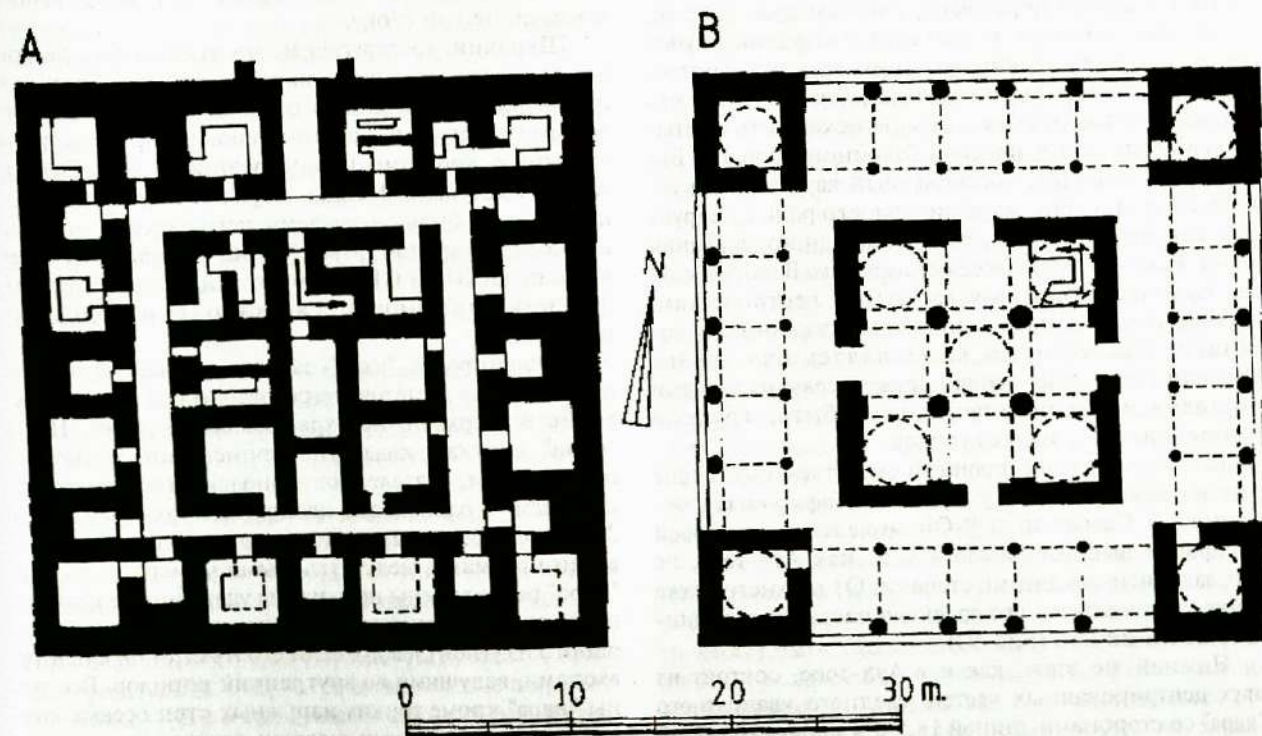

Рис. 92. Замок Аул-тепе.

А — план нижнего этажа. По С.Кабанову.

В — реконструкция плана верхнего этажа.

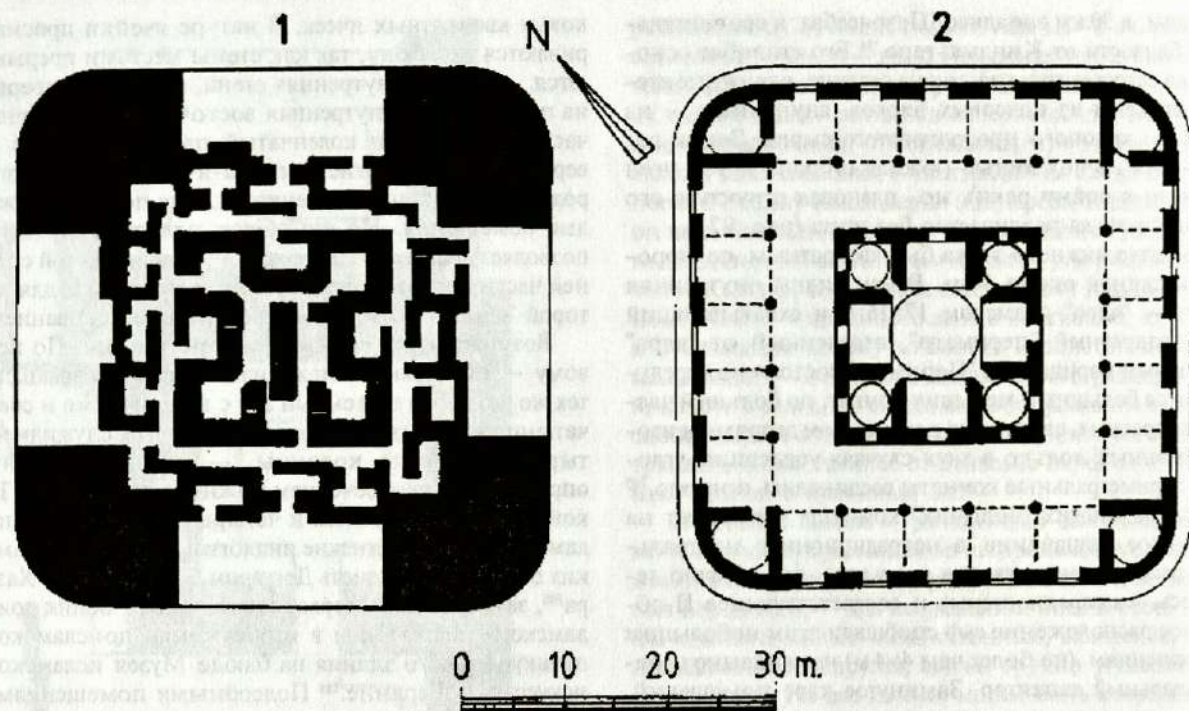

Рис. 93. Замок у Кафыр-калы в окрестностях Самарканда.

1 — план нижнего этажа. По Г.Шишкиной.
2 — реконструкция плана верхнего этажа.

приемный зал был бы окружен сплошными кулуарами, затененными и продуваемыми прохладным ветром.

По второму варианту центральный зал представляется как единое перекрытое куполом пространство, без внутренних опор. В этом случае сырцовый купол (купола из жженого кирпича этого времени неизвестны) должен был бы иметь пролет около 14 м, что выглядит маловероятным. Нельзя исключить и четырехколонный зал с плоской балочной кровлей. Все же первый вариант, обоснованный характерным устройством нижнего "ядра", игравшего роль субструкции для помещений верхнего, парадного венчания замка, кажется мне более достоверным. В любом случае Аул-тепе представляется строго центрическим, двухъярусным зданием с широким массивным основанием, над которым возвышалась надстройка верхнего этажа, раскрытая наружу осевыми нишами порталов и увенчанная, может быть, группой центральных и угловых куполов.

Близким и разносторонним сходством с Аул-тепе отмечен замок 5—6 вв. у городища Кафыр-калы в окрестностях Самарканда.¹⁸⁹ Он возведен на пахсовой платформе высотой около 4 м и, как Аул-тепе, не был защищен внешними стенами. От верхнего этажа замка, занимавшего его среднюю часть, не сохранилось почти ничего (рис. 93).

Нижний же этаж, как и в Аул-тепе, состоит из двух центрированных частей: среднего квадратного "ядра" со сторонами длиной 18,5 м и периметральной обстройки, отделенной от "ядра" замкнутым обводным коридором. Небольшие продолговатые комнаты, образующие окружение "ядра", расположены как

бы вразбежку: их продольные оси, параллельные коридору, не совпадают одна с другой. Как в Аул-тепе, комнаты не связаны между собой проходами, и у каждой есть собственный выход в коридор, прорезанный посередине или сбоку.

Широкий, со скругленными углами цоколь-стилобат образовывал перед каждым фасадом открытую площадку, ограниченную с боков монолитными угловыми выступами, поднимавшимися, вероятно, в уровень с кровлями нижнего этажа. Заглубленные между выступами фасады, обращенные на площадки-террасы, были оформлены неглубокими осевыми нишами с шириной, равной длине лежащих за ними комнат; на ЮЗ и СВ их прорезали осевые проходы, придававшие нишам сходство с небольшими порталами.

В планировке "ядра" заметна четкая структура, позволяющая достаточно достоверно восстановить устройство верхнего несохранившегося этажа. Центр "ядра" занимает квадратное помещение размерами около 8×8 м, разделенное пополам толстой стеной; по углам — одинаковые квадратные комнаты (около 3×3 м), соединенные с центром диагональными угловыми проемами; между угловыми камерами по осям "ядра" расположены небольшие удлиненные помещения с тонкими внешними стенами, прорезанными у одного из углов (левого, если стоять спиной к центру) входами, ведущими во внутренний коридор. Все стены "ядра" кроме тонких наружных стен осевых комнат прорезаны узкими щелями-проходами, которые обеспечивали вентиляцию небольших помещений, как бы вмурованных в пахсово-сырцовую толщу кладки.

Очевидно, что и здесь расположение и форма по-

мещений, образующих нижний этаж "ядра", определяется их назначением субструкции для главного, верхнего этажа, отвечавшего размерами и устройством нижнему квадрату. Соответственно этому посреди верхнего этажа должен был располагаться квадратный купольный зал, на осях которого лежали сводчатые лоджии — айваны, соединенные с залом проемами входов. Угловые проходы связывали зал с угловыми же комнатами, также увенчанными куполами. Парадная, строго симметричная система помещений верхнего этажа была связана с нижним двумя пандусами, помещавшимися в северном и восточном углах нижней периметральной системы комнат.

И здесь, значит, был использован эффектный прием венчающего замок "птиглавие", — даже более эффектный, чем в Аул-тепе, так как купол над центральным залом был здесь значительно крупнее угловых куполов. Правда, приемный зал Аул-тепе представлял собой, если предложенная реконструкция верна, единое внутреннее пространство, а зал замка у Кафыр-калы — крестообразный объем (купольный квадрат с четырьмя сводчатыми внутренними айванами, прямой предтеча широко распространенной позже пространственной формы) с отделенными от него угловыми камерами. И здесь можно предполагать, что сводчато-купольный объем зала не возвышался одиноко на платформе нижнего этажа, а сопровождался павильонами-надстройками, вероятнее всего угловыми. Предложенная на реконструкции сегментная форма угловых павильонов подтверждена реальным архитектурным материалом — таким, как угловые башни замка Чиль Худжра и башня в цитадели Куйрук-тобе.¹⁹⁰

Оба согдийских замка, во многом схожие, демонстрируют стремление их строителей создать выразительный образ монументального центрического жилища, основанный на гармоническом и достаточно сложном сочетании объемных форм. Центральные купольный зал, вероятный в Аул-тепе и безусловно имевшийся в замке у Кафыр-калы, предвещает многие существенные приемы композиции раннеисламской архитектуры 9—10 вв. и значительно более позднего времени. Господствующее значение центрального приемного зала и центрический принцип планировки позволяют рассматривать оба здания как образцы замков 2 типа.

Вероятно, к этому же типу следует причислить небольшой замок у селения Фильмандар, в долине реки Зеравшан, к югу от древнего Пенджикента.¹⁹¹ Здание было построено на холме высотой более 30 м, размеры его компактного плана — около 17×17 м. У некогда двухэтажного замка нет традиционной платформы-стилобата, — ее с успехом заменял холм. От основательно разрушенного здания уцелел — далеко не полностью — только нижний этаж; все же сохранившегося, как будто, достаточно для того, чтобы мысленно восполнить недостающие части постройки и даже представить себе устройство — конечно, в общих чертах — его исчезнувшего верхнего этажа (рис. 94).

Археологические находки датируют строительство замка 5 веком. Посреди каждого из четырех фасадов он был оформлен подобием глубокой прямоу-

гольной ниши шириной около 2,5 м, — из-за этого кубический объем здания выглядел, вероятно, как группа из четырех массивных башен, разделенных неширокими промежутками. Этот необъяснимый с функциональных позиций прием находит ближайшую аналогию в уже описанном тохаристанском замке Баба-тепе, — с той важной разницей, что там он выглядит поверхностно декоративным, здесь же напрямую связан с устройством здания, соответствует его внутренней структуре. Кроме того, наружные углы осевых ниш в фильмандарском замке были вырезаны "в четверть", — в таких угловых выемках обычно стояли декоративные колонки, зрительно держащие фасадную арку ниши. Здесь же вход имелся только в одной, восточной нише, — прочие были глухими, их стены только прорезаны множеством бойниц, расположенных в двух уровнях. Щелевидные бойницы видны и на фасадах по сторонам осевых ниш. Но настоящих бойниц, насквозь прорезающих двухметровую толщу стен замка, здесь было немного: бойницы по большей части — фальшивые, глубиной 70—80 см, и сделаны они для устрашения нападающих (любопытно, что ложные бойницы такого же типа оформляли фасады замка Баба-тепе, в том числе задние стенки его осевых ниш).

Четыре "башни", из которых здание — благодаря осевым нишам — якобы состояло, не совсем одинаковы: две восточные "башни", фланкировавшие вход, были несколько больше двух западных. В СВ башне был устроен пандус, выходящий вокруг квадратного столба, в трех других размещались небольшие сводчатые комнаты. Еще две комнаты занимали среднюю часть здания между южной и северной нишами, а за восточной входной нишей лежал небольшой вестибюль, соединенный с центральными комнатами и восточными "башнями".

Несложный анализ позволяет представить себе устройство несохранившегося верхнего этажа. Оказывается, что общая ширина двух внутренних комнат вместе с разделяющей их толстой стеной равна расстоянию между западными и восточными коридорами-проемами в угловые комнаты, — так определяют размеры и расположение большого квадратного помещения в центре здания, со сторонами около 8×8 м, к углам которого примыкали меньшие комнаты и шахта пандуса в "башнях". Верхний этаж замка Фильмандар оказывается очень похож на замок у Кафыр-калы — вплоть до размеров зала и диагонально-осевого расположения проходов из зала в угловые комнаты. Неслучайность сходства позволяет и здесь предположить возможное в предыдущих случаях каноническое "птиглавие", а все здание классифицировать как модификацию замка типа 2.

Если фасадные ниши не завершались, как в Баба-тепе, арками, а поднимались на всю первоначальную высоту здания, — это можно лишь предполагать, — то, может быть, большой зал верхнего этажа был расширен и раскрыт балконами-лоджиями, помещавшимися в фасадных нишах. Так восстанавливается облик небольшого, но эффектного сооружения, характерный, вероятно, для своего времени и не лишенный противоречий: с одной стороны — неприступность, заявленная массой настоящих и ложных бойниц; с

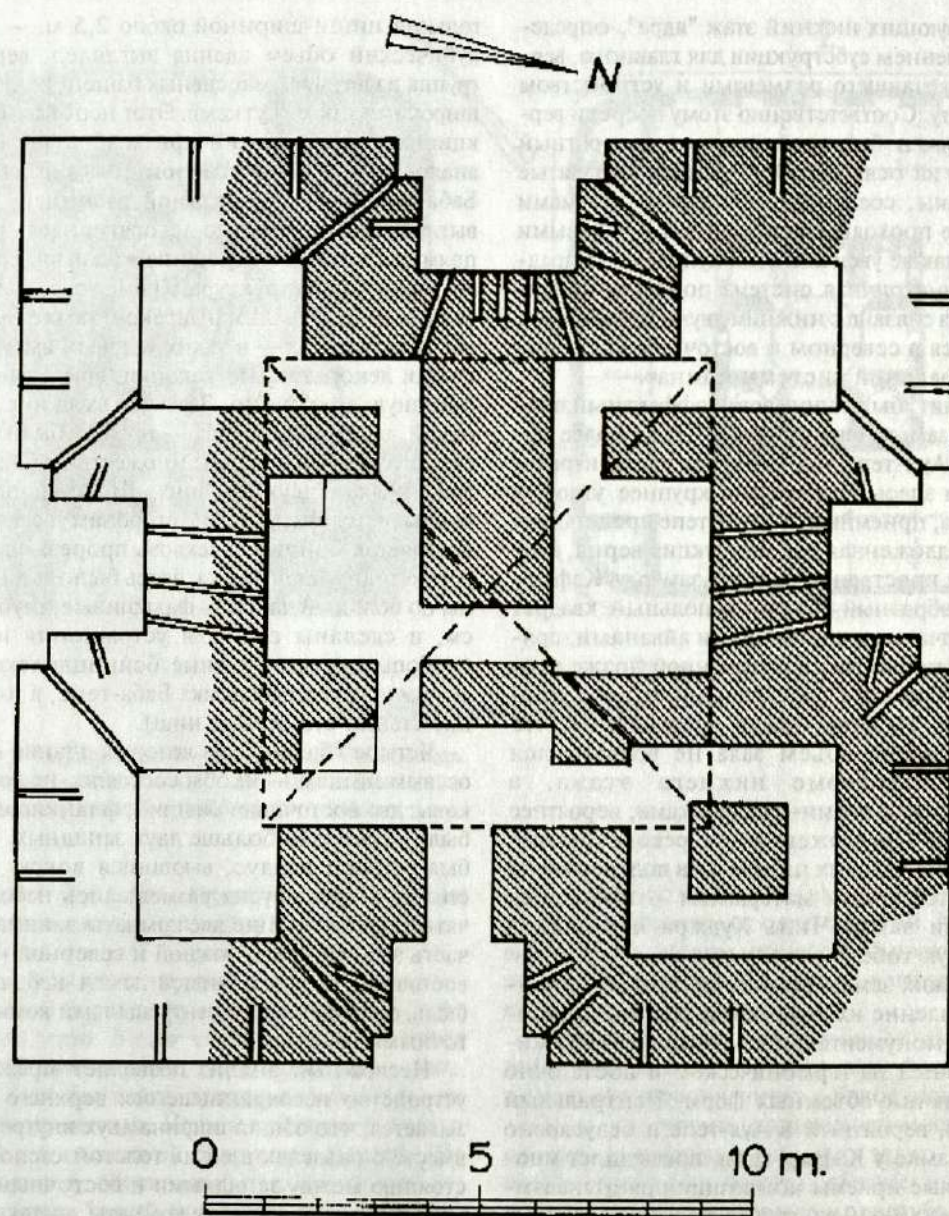

Рис. 94. Замок Фильмандар. План по А.Исакову с частичной реконструкцией.

другой — один настоящий и три декоративных портала, создающие ощущение доступности, всесторонней открытости здания. Эти особенности рядового для своего времени сооружения особенно интересны, принимая во внимание его сравнительно раннюю датировку.

Жаль, что публикации двух доисламских замков, соседних с замком Фильмандар — **Калаи Мирон** и **Куджрах** — кратки, почти лишены графической документации и недостаточны для суждения об их архитектуре.¹⁹² Замок Куджрах археологически датируется 7–8 вв., здесь раскопаны четыре сводчатых помещения, кладовая и пандус. Замок Калаи Мирон, построенный в конце 5 — начале 6 вв. из сырца разных размеров (38×18–19×9–10, 42×20–21×8–9 и 44×22×10–11 см) представлял собой вытянутое в направлении З–В здание размером 28×10–12 м (рис.95). В конце 7 в. здание было радикально перестроено. В

кратком описании упомянуты остатки трех помещений, хранилища-кладовой и пандуса, выводившего, как полагает исследователь, на верхний этаж двухэтажного здания. На аксонометрическом, без масштаба рисунке представлено удлиненное здание со стенами, сложенными из блоков пахсы, прослоенных сырцом, и местами из сырца без пахсы. Продолговатые комнаты были перекрыты сводами, дверные проемы — клинчатыми арочными перемычками как будто круглой формы. Широкая суфа-«эстрада» в большой комнате, изображенной впереди, позволяет признать в этом помещении приемный зал. К сожалению, свободно выполненный рисунок недостаточен для понимания взаимосвязи помещений, общего устройства необычно вытянутого здания и определения его типологической принадлежности.

Сравнительно со сложной и богатой чисто художественными эффектами архитектурой согдийских

замков странно примитивным выглядит здание, укравшееся в горной глуши верхнего Зеравшана, на его скалистом левом берегу, и известное как **Замок на горе Муг**.¹⁹³ Сложенное из камня-плитняка на глиняном растворе здание ориентировано по сторонам света и обращено единственным входом на север, в сторону примыкающего к нему обширного двора. Прямоугольность его плана нарушена перекосом западной стены, из-за которого замок в плане выглядит трапециевидным. Здание состоит из пяти узких, длинных, сводчатых комнат-коридоров (западная короче других и сужена к югу из-за неправильного контура плана), всей шириной раскрытых в поперечный коридор, протянутый вдоль входной северной стороны. Ширина средней комнаты-коридора, на которую ориентирован вход, несколько больше ширины остальных. Поперечный же коридор представляет собой, по существу, анфиладную цепочку сквозных проемов, лежащих на общей оси и связывающих все помещения — сводчатые, без признаков оконных проемов и без следов даже простого декоративного убранства (рис. 96).

Замок на горе Муг можно было бы принять за исходный пункт и, следовательно, первый образец здания коридорно-гребенчатой структуры, еще не нашедшей своих канонических форм. В действительности примитивность устройства здесь объясняется, вероятно, тем, что это суровое здание, возведенное на труднодоступной скале у слияния рек Зеравшан и Кум, было не обычным замком, а сторожевым постом, рассчитанным на неприхотливый быт воинов, — военным общежитием, как большинство «коридорно-гребенчатых» зданий в доисламской Средней Азии.

В сравнительной близости от горы Муг и ее сурового замка-форпоста расположено древнее селение **Гардани Хисор**. Здесь был открыт выдающийся своей архитектурой и размерами замок местного владельца 6–7 вв., а ниже — примыкающее к замку крестьянское поселение, в котором жили подданные этого владельца.¹⁹⁴ Речь о селении пойдет ниже, замок же, который исследователь именует дворцом, заслуживает это название по многим причинам. Все же, чтобы считаться настоящим дворцом, замку Гардани Хисор недостает некоторых качеств общественного здания, да и размеров, и я — не без сомнений — оставляю его в этом разделе.

Замок был построен на вершине предгорного «языка», над склоном, подножие которого охватывала оборонительная стена. Из монолитной, квадратной в плане платформы здания посреди северной стороны выдвинут прямоугольный выступ: здесь возвышалась башня, от которой сохранились три нижних помещения. С южной стороны к замку примыкал двор, куда вели монументальные ворота, оборудованные с наружной и внутренней сторон глубокими айванами с боковыми суфами. По меньшей мере с двух сторон двор был обстроен разнообразными жилыми помещениями, среди которых был и квадратный зал типа приемного. Вход в сам замок, расположенный со стороны двора, был оформлен широкой каменной террасой-лоджией с наружным колонным портиком (следы колонн местами сохранились) и деревянным перекрытием. Отсюда колнчатый проход вел в большой продолговатый зал-кулуар, сообщающийся с помещениями центральной части здания. Главное среди них — квадратный при-

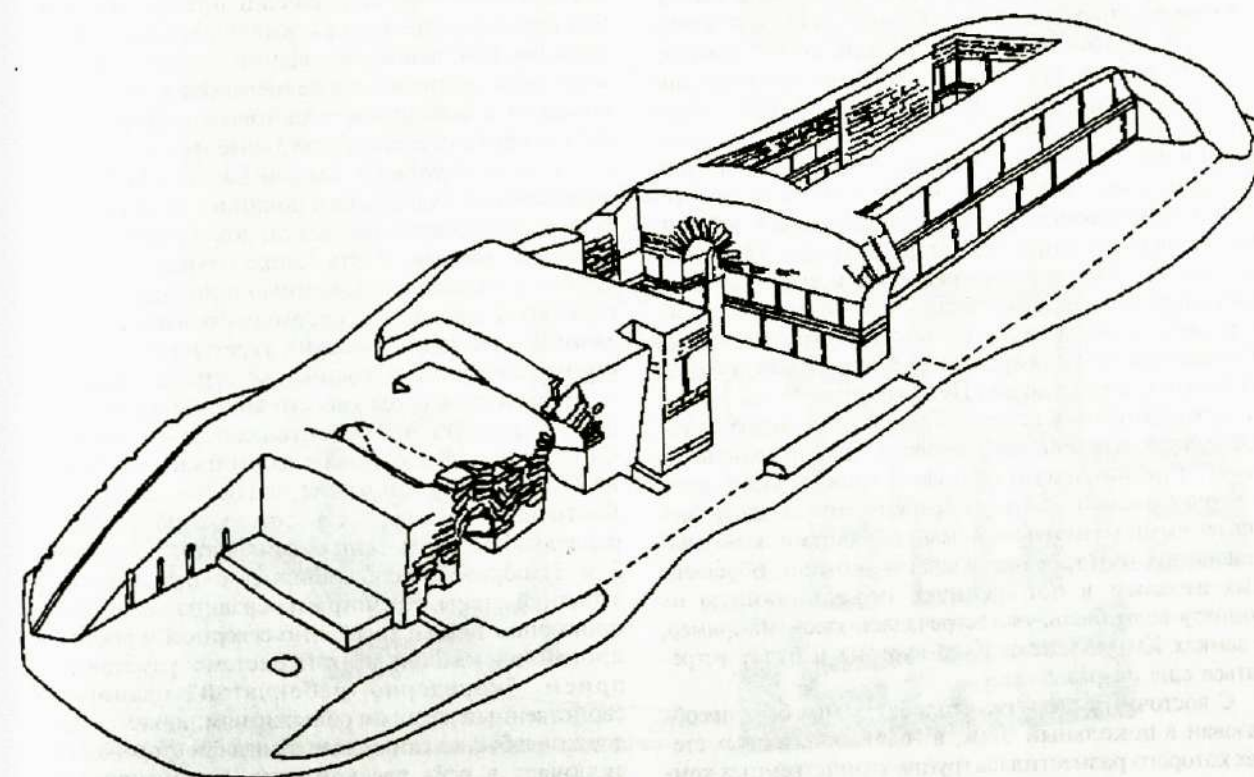

Рис. 95. Замок Калаи Мирон. Аксонометрия. По А.Исаеву с коррективами.

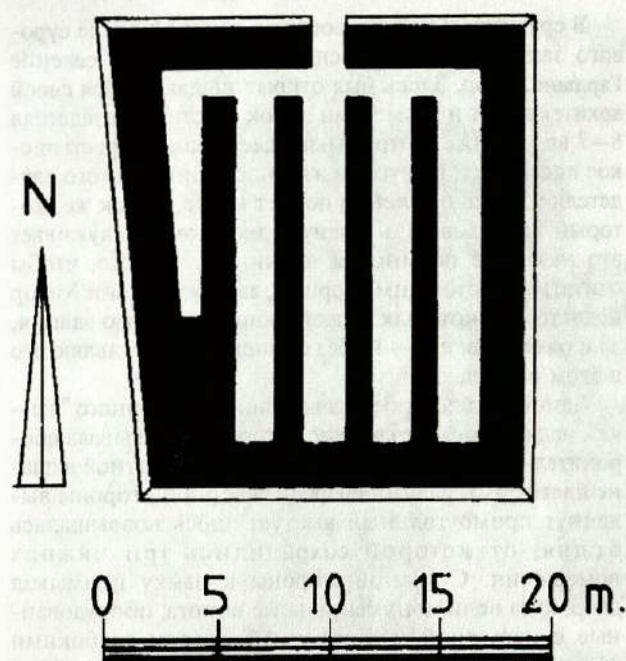

Рис. 96. Замок на горе Мут. План. По В.Ворониной.

емный зал в СЗ углу здания — имело традиционно каноническое устройство: вход оформлял тамбур, как бы преграждавший путь южной суфе, протянутые вдоль стен суфы расширились посреди западной стены "тронной" площадкой, балки деревянного потолка опирались на четыре колонны. Полукруглое возвышение в центре зала служило, вероятно, домашним алтарем (рис. 97).

Комната по другую сторону кулуара была домашним святилищем не совсем обычного для замков типа — не квадратное купольное, а удлиненное помещение с тамбуром при входе и парадно оформленной алтарной нишей на южной продольной стене. Нишу обрамляли два выступа-пилона, по сторонам которых стояли колонки с квадратными, скошенными сверху базами. Вдоль стен, как в приемном зале, тянулась непрерывная суфа, расширяющаяся в "тронную" площадку напротив алтарной ниши. Перед нишей на суфе был устроен трапезиовидный, скругленный изнутри алтарь-жертвенник. Святилище подобного типа, с украшенной колонками алтарной нишей и аналогичной планировкой было найдено в одном из богатых жилых домов Пенджикента.¹⁹⁵

Три комнаты в северном башенном выступе воплощают в простейшем варианте композиционную схему, глубоко традиционную в гражданской архитектуре Средней Азии и представленную здесь бесчисленными разновременными образцами: комбинация из двух или трех параллельных комнат, обращенных входами в поперечную, объединяющую их комнату-вестибюль, уже встречалась здесь (например, в замках Кучук-тепе и Куев-курган) и будет встречаться еще не раз.

С восточной стороны стилобат замка был преобразован в цокольный этаж, в толстых пахсовых стенах которого разместились группа хозяйственных комнат; над ними, вероятно, располагались жилые ком-

наты, которые, как в замке Джумалак-тепе, составляли компактную группу, вытянутую вдоль восточного фронта здания и удаленную от комплекса представительно-сакральных помещений.

Замок был выстроен из пахсы и сырца, причем сочетание обоих материалов подчас так причудливо, что не поддается объяснению. Из трех сохранившихся стен зала две — пахсовые, третья возведена из сырца. Северная стена святилища в восточной части сложена из сырца, а в западной, как и западная стена — из пахсы; оба материала, смыкаясь, образуют заметный вертикальный шов. Объяснить это последовательностью работ или какими-то перестройками нельзя. Непонятно, зачем понадобилось строителям использовать для кирпича-сырца и раствора к нему глину разного оттенка, красноватую и зеленоватую, причем при кладке из красного сырца употреблять зеленый раствор, и наоборот: такой прием, уже известный по зданию у ворот Сарык-тепе — явно декоративный и предполагает, что стены будут оставлены без штукатурки, чего на самом деле как будто не было.

Угловое расположение приемного зала дает основание отнести Гардани Хисор к замкам 4 типа. Но его сложная планово-пространственная структура, отсутствие обязательного для такого рода зданий Г-образного кулуара, открытый характер входа, представляющего собой колонный портик-лоджию, подчеркнуто парадные "пропилеи" дворового входа, городское устройство святилища и другие особенности не позволяют полностью причислить Гардани Хисор к замкам этого типа. Стоит отметить и не совсем обычное для рядовых доисламских замков великолепие резного и скульптурного убранства, остатки которого были здесь найдены. Гардани Хисор был в первую очередь жилищем местного правителя, но это необычное здание, видимо, в большей мере, чем другие раннесредневековые замки-кешки, сочетало в себе рядом с бытовыми административными и парадно-представительными функциями.

Остатки крупного здания на северной окраине Пенджикента, отделенного ложиной от лежащего восточнее дворцового комплекса, получили в литературе название *донжона*.¹⁹⁶ Эта плохо сохранившаяся постройка занимала возвышенную площадку в ЮВ углу городской цитадели и несомненно входила важным звеном в систему городских укреплений. Наружные стены компактного здания, размерами около 18×16 м, сохранились плохо, но его внутреннее устройство реконструируется с достаточной достоверностью. Сводчатый коридор, ориентированный в направлении Ю-С, делил донжон на две не совсем равные части. Восточная, большая часть состояла из четырех параллельно расположенных комнат, три из которых (1, 2 и 3) образовывали анфиладу с проходом вдоль западной стены. Несмотря на сравнительно "жилые" пропорции комнат (особенно северной и реконструированной южной) в этой системе усматривается прием "коридорно-гребенчатой" планировки, свойственный военным общежитиям, каким, видимо, донжон и был на самом деле. Западная сторона здания включала в себя две комнаты, ориентированные параллельно среднему коридору, и пандусное

устройство, выводившее, вероятно, на верхний этаж и на кровлю. Комнату 5 на западной стороне соединяет с коридором 4 входной проем, перекрытый хорошо сохранившейся аркой с широким эллиптическим архивольтом (рис. 98).

Здание было построено из пахсы и сырца в странных комбинациях, заставляющих вспомнить замок Гардани Хисор. Большинство стен, наружных и внутренних, сложено из блоков пахсы размером (обычно) 180×80 см, но стены между комнатами 1, 2 и 3 возведены из кирпича-сырца, а западная стена коридора 4 — из пахсы, прослоенной рядами сырца; в последнем случае это, может быть, следствие ремонта. Пол в комнатах 1 и 2 был выстлан сырцовыми кирпичами (25-30×20-25×12 см), уложенными, как заметил исследователь, по два продольными и поперечными рядами, то есть с расчетом на декоративный эффект. Плохо сохранившийся вход в здание, существовавшее (судя по археологическим находкам) в 7-8 вв, располагался на севере и вел в коридор 4, игравший роль распределительного вестибюля. Расположение в стратегически ответственном месте, замкнутость объемных форм и признаки коридорно-гребенчатого внутреннего устройства определяют назначение пенджикентского донжона: это был опорный пункт цитадели, в котором периодически или постоянно жили воины городской дружины.

Уникальное сочетание двух монументальных замков — одного "настоящего", служившего, по-видимому, официальным жилищем бухар-худатов, правителей Бухары, другого — военного общежития-казармы, построенного в традиционных формах укрепленного кешка и функционально связанного с замком-резиденцией, — дополняет собой известный дворцовый комплекс Варахши. Этот небольшой город, лежащий в 40 км западнее Бухары, известен прежде всего огромным дворцовым комплексом, раскопки которого дали сенсационный материал — исторический, художественный и архитектурный. Дворец доисламской Варахши, речь о котором пойдет ниже, предназначался для парадных церемоний, приемов,

культовых и прочих официально-представительных действий; личная жизнь правителя и его семьи (в той мере, в какой это понятие применимо к ритуализированному быту той эпохи) протекала в жилом земке-кешке, выступавшем из южной стены укрепленного города в ее восточной части.¹⁹⁷

Замок Варахши, часто называемый цитаделью, был квадратной в плане постройкой размером приблизительно 30×30 м. У ЮЗ угла здания имелся башенный выступ, выдвинутый на юг; другой, меньший выступ у ЮВ угла был направлен на восток. Исследователь считает, что оба выступа (в западном найдена продолговатая камера без входа) способствовали обороне здания, выдвинутого за городские укрепления.

Замок стоял на платформе-стилобате со скошен-

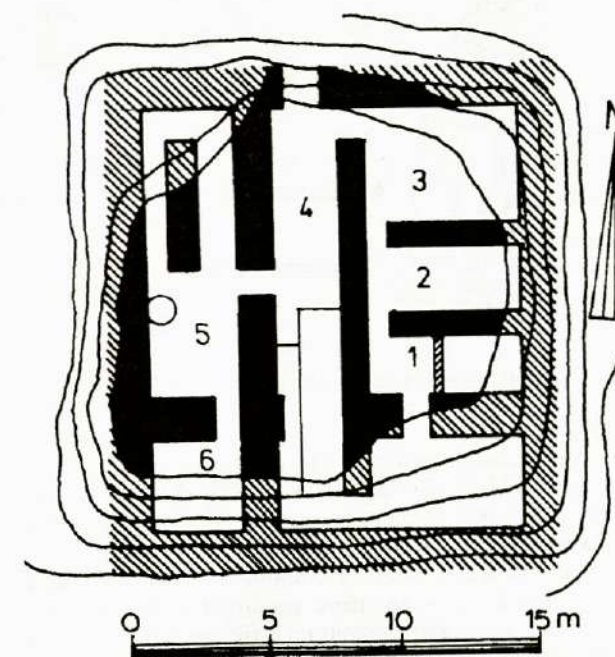

Рис. 98. Пенджикент. "Донжон". План. По А.Исакову.

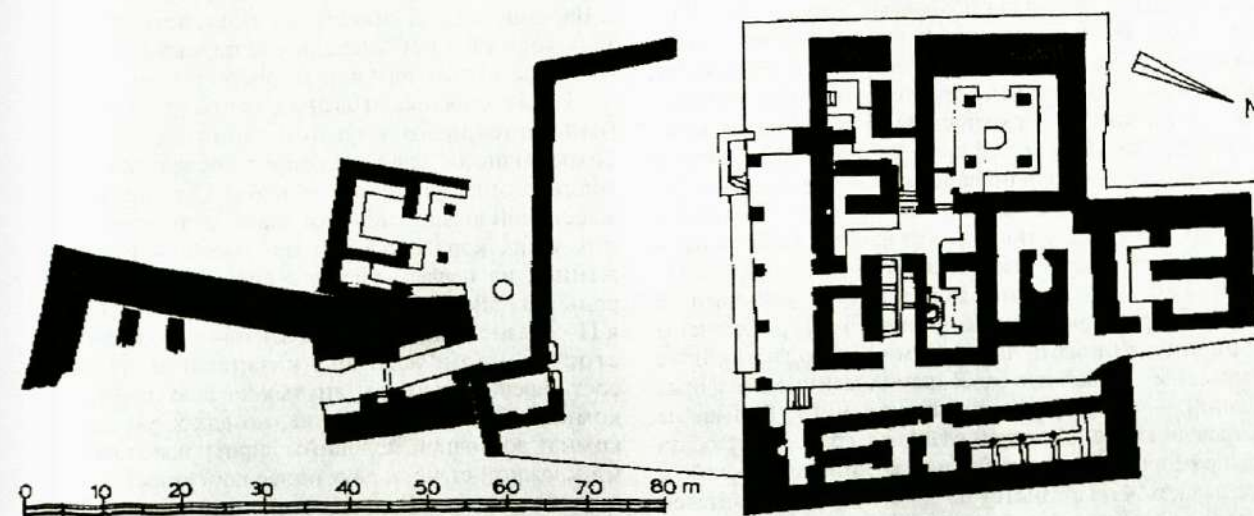

Рис. 97. Замок Гардани Хисор. План. По Ю.Якубову.

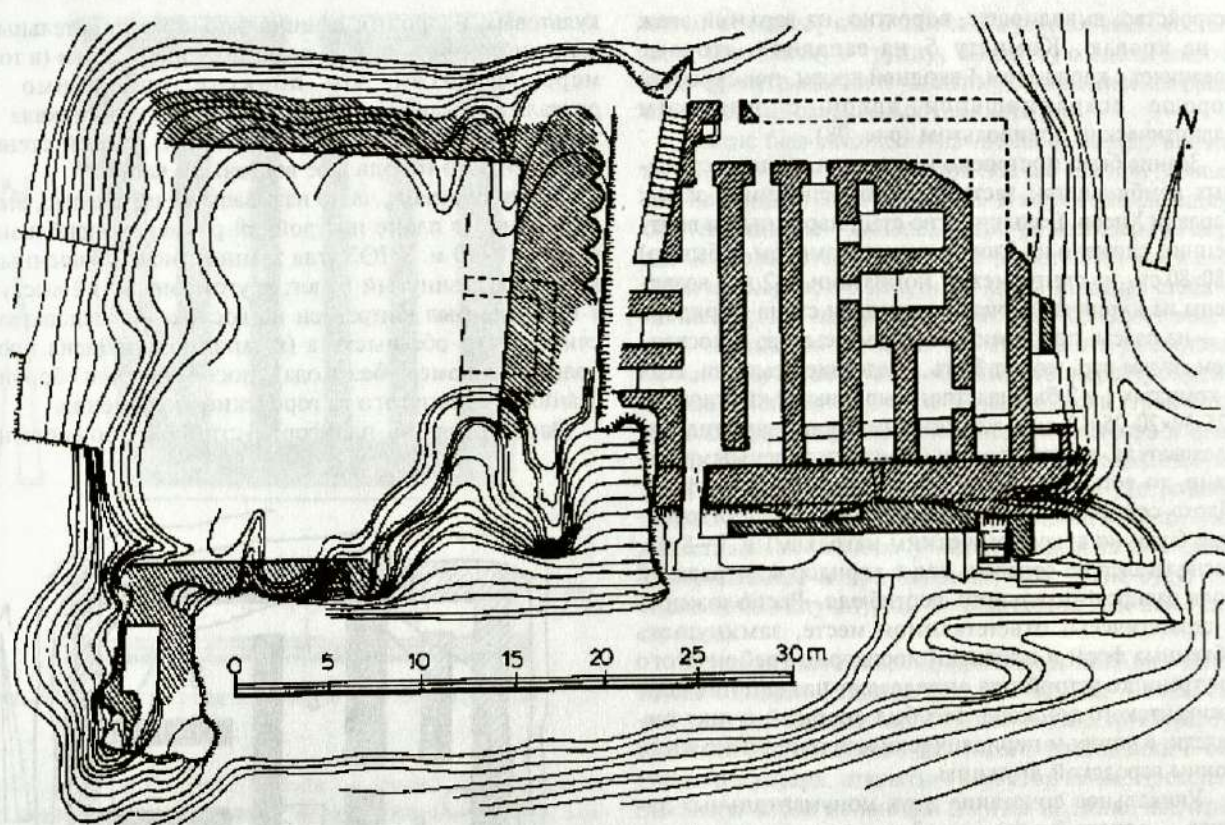

Рис. 99. Варахша. Цитадель. План. По В.Шишкину и В.Нильсену.

ными гранями высотой 15 м, возведенной из кирпича-сырца (37-38×24-25×9-10 см) и облицованной слоем пахсы, которая была расчерчена глубокими прорезами так, что создавалось впечатление кладки из больших каменных блоков. Толщина платформы вверху достигала 5 м, — ее грани расширялись книзу под углом 27°, и, значит, толщина субструкции в основании была не меньше 11 м! (рис. 99).

Само здание замка, стоявшее на этом могучем основании, почти бесследно исчезло, — вернее всего, было сознательно разрушено в 9—10 вв., когда власть бухар-худатов перешла к арабскому наместнику. Уцелела часть восточного фасада внизу с основаниями полукруглых выступов-гофров — всего 50 см высоты, но неожиданно хорошей сохранности. Гофры диаметром 1,6 м стоят на верхней ступени платформы, слегка сдвинутые назад от ее края. Сопоставляя диаметр с пропорциями сохранившихся гофрированных фасадов (например, с замком Нагим-кала большая у Мерва), можно заключить, что высота гофров была около 7 м, а общая высота здания — не меньше 11-12 м. Установлено, что сложенные из монолитной пахсы гофры варахшинского замка были расчерчены горизонтальными прорезами на одинаковые "барабаны", подобные барабанам каменных античных колонн, — этот эффектный прием, нигде больше не встреченный, аналогичен разбивке граней стилобата на прямоугольные, якобы перевязанные "блоки", и указывает, может быть, на знакомство строителей замка с какими-то западными образцами. Он воспроизведен на прилагаемой реконструкции работы

В.Нильсена, внимательно и успешно исследовавшего архитектуру Варахши (рис. 100). Стоит напомнить, что другие доисламские здания с гофрированными фасадами в Бухарском оазисе неизвестны.

В средней части оголенной поверхности платформы найдена часть выстилки из жженого кирпича (35×35×7 и 35×25×7 см) с остатками ступени, примыкавшей с юга к покрытой ганчем стене. Исследователи не исключают (хотя и не совсем уверены), что это — следы кирпичного пола, оставшиеся от внутреннего открытого двора. Если гипотеза верна, то замок в Варахше следует отнести к I типу, хотя пол из жженого кирпича мог выстилать и перекрытое помещение типа купольного или иного зала.

Позже к востоку от замка и почти вплотную к нему было построено крупное, значительно лучше сохранившееся здание, которое исследователи справедливо определили как казарму. Оно примыкает к массивной южной стене города и состоит из нескольких узких коридорообразных помещений, расположенных на первый взгляд в довольно сложном порядке. В действительности порядок прост и сводится к П-образному коридору, охватывавшему здание с трех сторон, кроме южной; к западной половине, состоящей из двух вытянутых во всю длину здания комнат-коридоров, таких же, но вдвое укороченных комнат восточной половины, примыкающих торцами к южной стене, и двух более коротких параллельных комнат в СВ углу, перпендикулярных всем остальным. Эти два помещения, нарушающие монотонную вытянутость прочих комнат в направлении

Ю-С, оживляют коридорное устройство здания (понятие "коридорно-гребенчатая планировка" в этом случае не годится, так как "гребенчатости", то есть симметричного расположения поперечных комнат относительно осевого коридора здесь нет).

Три комнаты-коридора, расположенные перпендикулярно западной ветви П-образного обвода, открыты в него всей их шириной. Это повлекло за собой пересечение высоких эллиптических сводов — ситуацию, которую средневековые строители Средней Азии обычно старались избежать, и из которой строители казармы с честью вышли, "замкнув" своды поперечных коридоров, сложенные отрезками, при их пересечении обычными арками. Над этими сводами была устроена лестница с сырцовыми ступенями, вход на которую вел с площадки у СЗ угла здания, и которая, вероятно, выводила на кровлю.

Постройка возведена из сырца размером 42-43×26×9-10 см, с толстыми горизонтальными и очень узкими вертикальными швами. Из такого же сырца в технике поперечных отрезков сложены своды, сохранившиеся в нескольких местах. В наружных торцевых стенах помещений, ширина которых не достигает 2 м, под сводами прорезаны щелевидные окошки, узкие снаружи и расширяющиеся вовнутрь. Под некоторыми сводами были выведены арки типа подпружных.

Расположение здания рядом с замком-резиденцией, явная функциональная связь обеих построек, его удобное положение в системе городской обороны и характерное "коридорное" устройство подтверждают его назначение: это было жилище-общежитие дружины правителя, казарма элитарного отряда, охранявшего бухар-худата и его двор. Неслучайно в традиционно аскетичных комнатах-коридорах, едва ли достаточно комфортабельным даже по тем временам, исследователи нашли дорогую посуду, стеклянные сосуды тонкой выделки и лепные декоративные детали, предназначенные, вероятно, украшать фасады придворной казармы. Внешний же облик этого здания, примкнувшего к более высокому объему соседнего кешка, едва ли заметно отличался от традиционного облика укрепленного жилого замка.

Замок у селения Сара-тепе на ЮЗ окраине Самарканда входил, вероятно, в группу раннесредневековых укреплений, возведенных в 7 в. вдоль оборонительной стены Девори Киямат для усиления ее обороноспособности.¹⁹⁸ Уже это соображение позволяет предполагать здесь не обычный жилой замок-усадьбу, а сторожевой пост, что подтверждается характерным устройством здания: его помещения образуют две сравнительно симметричные группы по сторонам осевого коридора. Отступления от канонической "гребенчатой" планировки сводятся к тому, что несохранившийся вход располагался не на оси постройки, а, видимо, в западной части северного фасада, и вел не в коридор, как в термезском Кургане, а в вестибюль, протянувшийся во всю ширину здания (12,5 м) в направлении 3—В (рис. 101).

На правой западной стороне коридора расположены три одинаковые сводчатые комнаты размером 4,3×2,3 м с арочными входами, прорезанными заподлицо с южными стенами. Единственная комната вос-

точной стороны — тех же размеров и устройства, вместо двух следующих комнат ЮВ угол здания занимает коленчатый пандусный подъем с массивным внутренним столбом, который должен был связывать нижний этаж с верхним и кровлей. С юга и запада к замку примыкал огражденный двор.

Замок Сара-тепе был возведен на монолитной пахсовой платформе с высотой, равной одному блоку пахсы — 1,2 м. Пахсовые блоки разной длины перемежаются вставками из сырца размером 45-48×25-28×7-10 см. Сохранившееся основание стен тоже сложено из пахсы, но между невысокой платформой и стенами строители проложили несколько рядов сырца того же размера. Общая величина квадратного, слегка перекошенного в плане здания — 18×18 м. Некоторые его стены на опубликованном плане как будто прорезаны щелевидными продухами, схожими с продухами описанных замков — Кучук-тепе, Баба-тепе, замок у Кафыр-калы и пр.¹⁹⁹

Замок не был достроен. После возведения нижнего этажа, даже до перекрытия сводами пандусного подъема, строительство прекратили, а готовые помещения нижнего этажа аккуратно заложили сырцом, превратив их этим в сплошную платформу под новое, выше расположенное здание. Оно, впрочем, сохранило прежнее плановое устройство с минимальными изменениями: осевой коридор стал несколько шире, комнаты по его сторонам — эже, обкладка фасадов пахсовым футляром толщиной 2,6 м увеличила их длину до примерно 25 м. Сохранение типологической принадлежности замка зданиям с коридорно-гребенчатым устройством — свидетельство того, что его изначальное оборонно-караульное назначение (звено в цепи защищающих Самарканд укреплений форпостов) не изменилось.

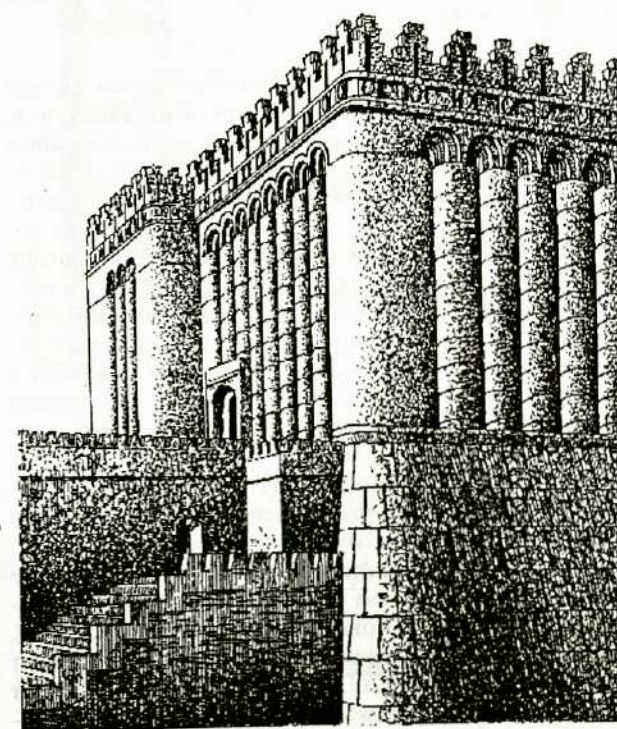

Рис. 100. Варахша. Цитадель. Реконструкция В.Нильсена.

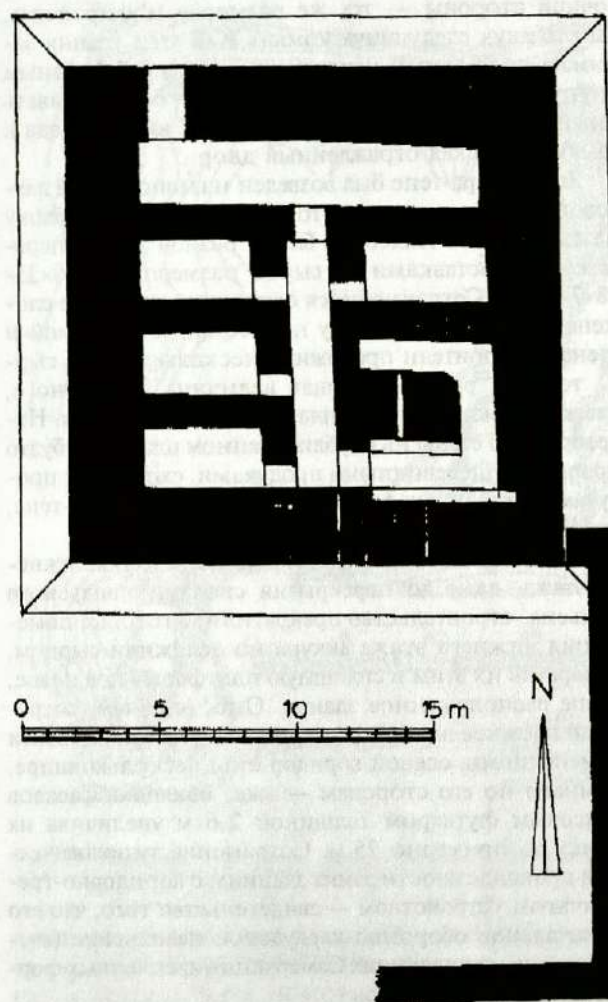

Рис. 101. Замок Сара-тепе. Реконструкция плана 1 периода. По Т.Лебедевой.

Этот вывод исследователя подтверждается сделанным им наблюдением относительно замка **Заргар-тепе**, в полукилометре к СЗ от Сара-тепе. Исследователь отметил, что при почти полной идентичности коридорно-гребенчатого устройства обоих зданий "помещения замка Заргартепе служили жильем для воинов, защищавших замок от завоевателей".²⁰⁰ Обилие хозяйственно-складских, а может быть и жилых построек во дворе перестроенного замка не противоречит тому, что он, вероятно, оставался жилищем военного отряда: и скромный быт воинов нуждался в какой-то хозяйственной организации. Решающей здесь остается "казарменная" специфика коридорно-гребенчатой планировки.

Среди многочисленных доисламских замков в окрестностях Самарканда, раскопки которых только упомянуты в кратких публикациях, есть, несомненно, архитектурно значительные здания. К таким, мне кажется, относятся два замка с общим именем **Кош-тепе** в Ургутском районе, к ЮВ от Самарканда.²⁰¹ К сожалению, в сообщениях об этих постройках нет чертежей и фотографий, что существенно уменьшает научный смысл публикации. Оба здания, ориентированные в направлении ССВ—ЮЮЗ, датируются кон-

цом 5 в. О Кош-тепе 1 сказано, что длина его остатков — более 50 м, наибольшая ширина — 18–20 м, и что это был "...многокомнатный комплекс, сложенный из блоков пахсы. Комнаты сообщаются между собой коридорами, упирающимися в круглый зал диаметром 3,5 м. Одна комната имеет П-образную суфу... Аналогичный дом с обособленной молельней и хумом в углу открыт и на Афрасиабе".

Здесь, конечно, особенно интересно упоминание круглого помещения — формы в архитектуре доисламской Средней Азии исключительно редкой, — смело названного (несмотря на скромные размеры) залом. Упирающиеся в него коридоры позволяют думать, что "зал" был центральной частью плановой структуры здания. Как принадлежность жилища круглые купольные комнаты в 10–12 вв. устраивались в грунте под домами, — в них прятались от летнего зноя; "погреба" этого рода найдены и в Самарканде. Редкие образцы круглых наземных комнат в доисламской архитектуре Средней Азии вызывают сомнения и вопросы, разрешить которые "зал" в Кош-тепе 1, к сожалению, не помогает. Можно лишь надеяться, что раскопки Кош-тепе сопровождались обмерами, которые когда-нибудь станут доступны.

Типологически отдельную группу составляют несколько сравнительно хорошо сохранившихся больших замков доисламского времени в Мерве и рядом с ним. Область Мерва — древняя Маргиана — вплоть до арабского завоевания входила в состав иранского государства Сасанидов, но в здешних постройках этого, да и более раннего времени иранское влияние как будто не заметно.

Несмотря на сравнительную известность замка Мерва и его окрестностей изучены недостаточно и не были объектами целенаправленных архитектурно-археологических исследований. Они, по-моему, даже не раскапывались, и их опубликованные чертежи представляют собой либо обмеры руин (с проникновением в немногие доступные помещения), либо основанные на этих обмерах достаточно свободные реконструкции. Поэтому нынешнее представление о планово-пространственной структуре этих эффектных зданий — очень неполное, поверхностное и во многих отношениях приблизительное. Исследований-монографий, посвященных им как произведениям архитектуры, или нет, или они мне неизвестны, — фактически все публикации опираются на материалы давних исследований, которые — при их несомненных достоинствах — очень неполны и не всегда совпадают.²⁰²

В Мервском оазисе известны четыре замка, которые датируются — более или менее единодушно — 6–7 вв. Два из них — большая и малая Кыз-кала — высятся на западной окраине Мерва, другие два — большая и малая Нагим-кала — у селения Векиль-Базар, севернее города. Все они, подобно замкам Хорезма, оформлены снаружи сплошной чередой гофров. Кроме круглых гофр, здесь знали (большая Кыз-кала) и четырехгранные, обращенные ребром вперед, — с точки зрения сопротивления стенобитным орудиям у гофров такой формы есть преимущества. Высокие пахсово-сырцовые платформы мервских замков не сплошные, а заключают в себе помещения ни-

жнего этажа, хотя снаружи выглядят как традиционные монолитные стилобаты со скошенными гранями.

План **большой Нагим-калы** близок квадрату (рис. 102): ее размеры в основании платформы, маскирующей нижний этаж — около 45×44 м, размеры по основанию гофрированных стен — 39,4×38,2 м, высота цокольного этажа со скошенными под углом 70° гранями — 4 м. Замок построен из сырца квадратной, характерной для этих мест формы — 36×36×8 см; ряды сырца прослоены лентами пахсы толщиной 16 см. Вход посреди СВ фасада, ведущий сразу на верхний (главный) этаж, был выделен высоким арочным порталом с входной нишей и слегка выдвинутыми пилонами-лопатками, к нему подводил прямой наружный пандус (рис. 103). За входом лежал квадратный вестибюль, соединенный с соседними помещениями и, вероятно, с внутренним двором. Предполагается, что в нижний этаж, недоступный исследователям без раскопок, спускались по внутренним лестницам, — одна из них предположительно находилась рядом с вестибюлем, у его западного угла. Среди помещений, изнутри обоегающих гофрированные, слегка наклоненные назад стены большой Нагим-калы, выделяются комнаты, в плане близкие квадрату, расширенные четырьмя неглубокими, но широкими (в ширину помещения) нишами, — они, как и вестибюль, были, вероятно, перекрыты куполами. Неглубокие широкие ниши оформляли здесь и некоторые помещения удлиненной формы. В интерьерах встречаются арки слегка стрельчатой формы (такие арки появились здесь раньше, чем где-либо в Средней Азии), а один из небольших оконных проемов шириной около 90 см, прорезанный в толстой стене, перекрыт своеобразным "ложным" сводом: над несколькими рядами сырцовых кирпичей, уступчато нависающих углами к оси проема. Квадратные промежутки между этими прямоугольными консолями перекрыты кирпичами плашмя, так что проем увенчан плоской перемычкой, украшенной как бы неглубокими квадратными кессонами. Эта необычная форма ложного свода нашла неожиданно близкую — и по времени, и по месту — параллель в мервском замке **Харам-кешк**, который датируется 9 в.²⁰³

По расчетам исследователя высота верхнего этажа большой Нагим-калы доходила почти до 13 м, — это вызывает подозрение, что над покоями главного этажа располагались еще какие-то помещения, и что здание было трехэтажным. Его величественный облик, судя по убедительной реконструкции, должен был производить сильное впечатление.

Средняя часть замка на уровне верхнего этажа разрушена, и ее устройство можно установить только средствами археологии. Г. Пугаченкова не считает возможным здесь (как и в большой Кыз-кале) внутренний двор на том основании, что такой двор имел бы колодеобразные пропорции, и в нем скапливались бы вода и снег. Она предполагает в обоих случаях центральный купольный зал, окруженный помещениями, лишенными прямого света. Мне этот аргумент не кажется бесспорным: вода из замкнутого двора могла удаляться множеством уже тогда извест-

ных способов — поглощающими колодцами-бадрапами, подземными каналами, при помощи керамических труб-кубуров и пр. Альтернативный же центральный зал получается таким большим — не меньше 10 м в стороне, — что применение здесь сырцового купола (купола из жженого кирпича для 5–8 вв. неизвестны, хотя теоретически возможны) кажется очень сомнительным. Самым вероятным представляется мне все-таки внутренний двор, тем более, что, как видно на прилагаемой реконструкции, такой двор имел бы характерные и популярные пропорции 1: ($\sqrt{3}$:2) или 1:0,866. Если эти соображения верны, то большая Нагим-кала должна быть причислена к своеобразной модификации замков 1 типа.

О замке **малая Нагим-кала**, стоящем в двухстах метрах севернее, известно, что размеры его основания — около 12×12 м, строительный материал — квадратный сырец со стороной 33–34 и толщиной 7–8 см, и что кладку ее стен пронизывает множество деревянных связей: по два деревянных стержня запереваны вкось в основание всех полукруглых выступов гофров. Здание сильно разрушено, сохранился только его ЮВ угол с высокой расширяющейся книзу платформой и слегка наклонными фасадами, офор-

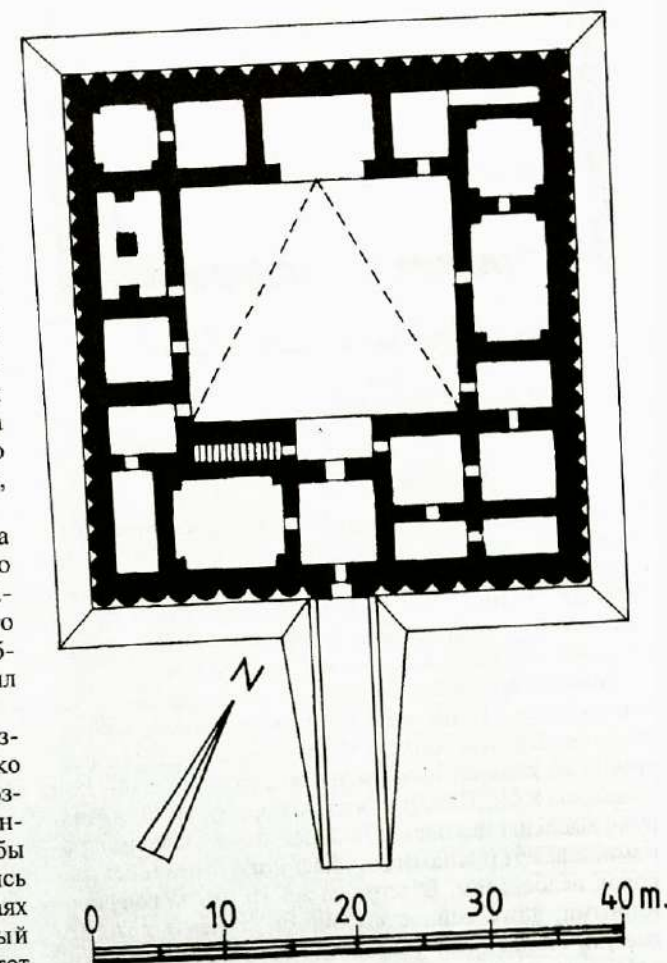

Рис. 102. Мерв. Замок Нагим-кала большая. Реконструкция плана. По Г.Пугаченковой.

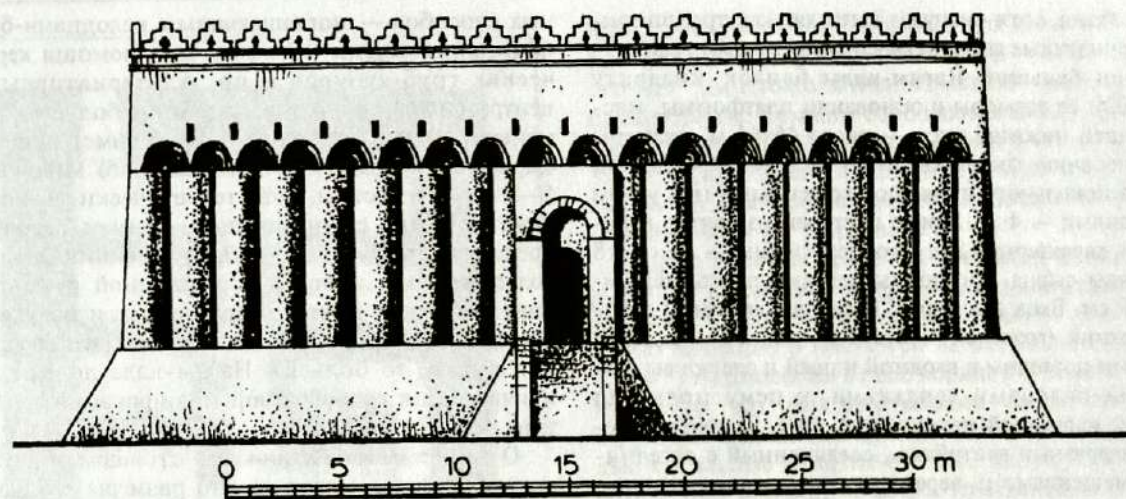

Рис. 103. Мерв. Замок Нагим-кала большая. Реконструкция фасада. По Г.Пугаченковой.

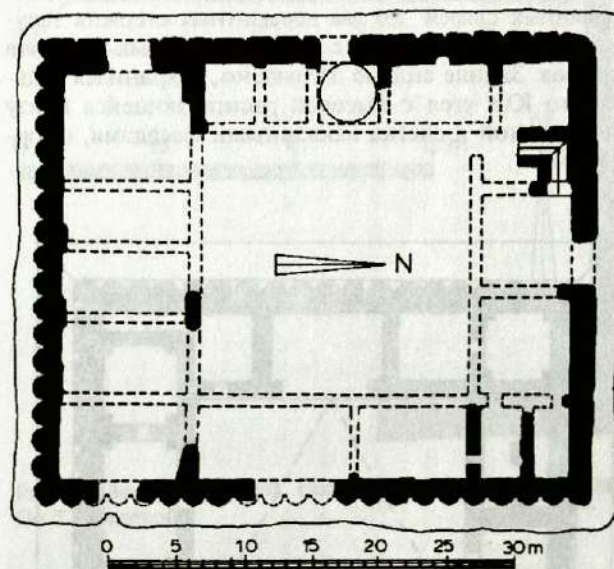

Рис. 104. Мерв. Замок Кыз-кала большая. План. По В.Пиливскому.

мленными круглыми гофрами (рис. 23). Внутреннее устройство здания неизвестно, но, судя по его небольшим размерам, в центре здесь был не двор, а, вероятно, купольный тамбур-вестибюль или приемный зал, — в соответствии с этим малая Нагим-кала классифицируется как замок 2 или 3 типа.

Большая Кыз-кала, несколько меньших размеров, чем большая Нагим-кала (ее величина на уровне основания гофрированных стен — $42,2 \times 37,2$ м), построена из квадратного сырца со стороной 34—35 и толщиной 8 см. Нижний этаж, который выглядит снаружи высоким цоколем со скошенными гладкими гранями, завален руинами разрушенного верха и без раскопок недостижим. В верхнем же этаже, за гофрированными, даже сейчас высокими стенами которого пастухи столетиями устраивали загон для скота, сохранились лишь небольшие остатки помещений, примыкавших к этим наружным стенам (рис. 104). Судя

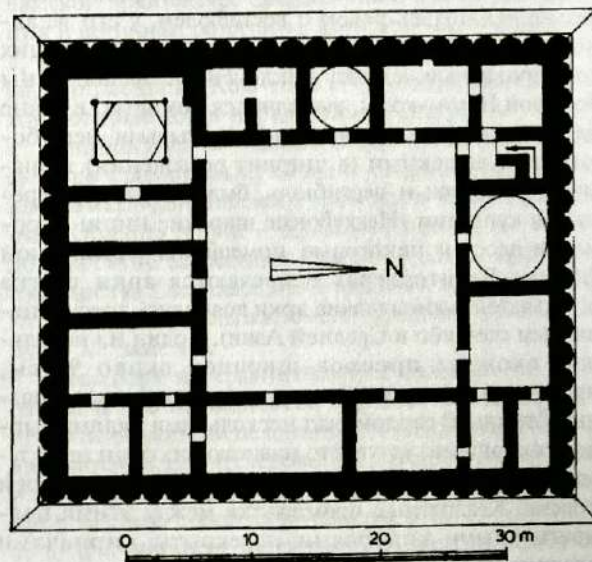

Рис. 105. Мерв. Кыз-кала большая. Реконструкция плана. По Г.Пугаченковой.

по небольшим следам внутреннего ограждения (они видны в северной стороне на обмерном плане, сделанном В.Пиливским), средняя часть замка представляла собой квадратный двор со сторонами длиной около 20 м; южная обстройка двора состояла из больших комнат, расположенных торцами к фасадной и дворовой стенам, в самом большом СЗ помещении можно предполагать приемный четырехколонный зал, представленный на прилагаемой реконструкции плана (рис. 105). Среди комнат западной обстройки двора, глубина которых — 4,5 м — вдвое меньше глубины южных комнат, выделяется квадратное помещение, предположительно увенчанное куполом и, возможно, бывшее замковой капеллой: этим может быть объяснено его расположение на оси двора. Стены капеллы завершались широкой полкой.

Рядом с купольной комнатой видны остатки крупного продолговатого помещения со следами перекры-

тия в виде сомкнутого свода — прием, редкий в архитектуре Средней Азии и в более поздние времена. Стены здесь были увенчаны такой же полкой-фризом и на той же высоте, что у купольной комнаты, а внутреннее основание свода над полкой украшено уникальным декоративным приемом — рельефной аркатурой, состоящей из своеобразных трехлопастных арок, у которых средней "лопасти" придана необычная остроконечная форма. Этот вариант декоративной венчающей аркатуры не имеет аналогий (рис. 106).

Еще две плохо сохранившиеся квадратные комнаты — в СЗ углу верхнего этажа — и посредине северной обстройки двора (эта более крупная, размером около 7×7 м) — могли быть купольными. Между ними в глубине небольшой прихожей сохранилось начало коленчатого пандуса, по которому спускались в ныне недоступный нижний этаж. Его помещения были распространены на все пространство замка, — двора на уровне нижнего этажа здесь не могло быть, потому что выходы из комнат верхнего этажа во двор не обрывались, конечно, в пустоту. Правда, двор на уровне верхнего этажа могла окружать галерея на опорах, но эта гипотеза немногого стоит без археологического подтверждения.

Одна из загадок замка Большая Кыз-кала — отсутствие явного входа в него. Беспрерывный ряд четырехгранных, повернутых углом вперед гофров нигде не прорезан даже скромным порталом — ни на южной и восточной сторонах, где гофры хорошо сохранились, ни на подветренных северной и западной,

где они почти не видны. Нет, как будто, признаков входа и на уровне нижнего "цокольного" этажа.

И эту проблему можно было бы решить посредством раскопок. Пока же, как будто, нужно признать, что среднюю часть замка (по крайней мере его верхнего этажа) занимал не зал, а двор, со всех сторон окруженный обстройкой, и на этом основании причислить большую Кыз-калу, как и большую Нагим-калу, к замкам 1 типа.

Хотя малая Кыз-кала сохранилась лучше и изучена полнее других замков Мерва и его окружи, в ее архитектуре остается немало загадок. Нижний этаж этого сравнительно небольшого, почти квадратного в плане здания ($22,5 \times 22,1$ м) оформлен как традиционный цоколь-стилобат с наклонными назад гранями. Судя по обмерному чертежу, сделанному В.Пиливским в 1937 г., внутри он состоял из сводчатых, расположенных по периметру комнат, ориентированных длинными сторонами вдоль фасадных стен — так, как было принято в традиционных замках 1 типа и их античных прототипах (рис. 107). ЮЗ-угол занят хорошо сохранившимся пандусным устройством: при помощи П-образного в плане наклонного коридора оно связывало уровень входного нижнего этажа с уровнем верхнего. Отлично сохранившийся свод пандуса, сложенный поперечными отрезками, состоит из уступов, подъем которых отвечает наклону коридора (рис. 31). Необыкновенно и интересно устроено перекрытие верхней площадки пандуса: при помощи больших сырцовых кирпичей здесь

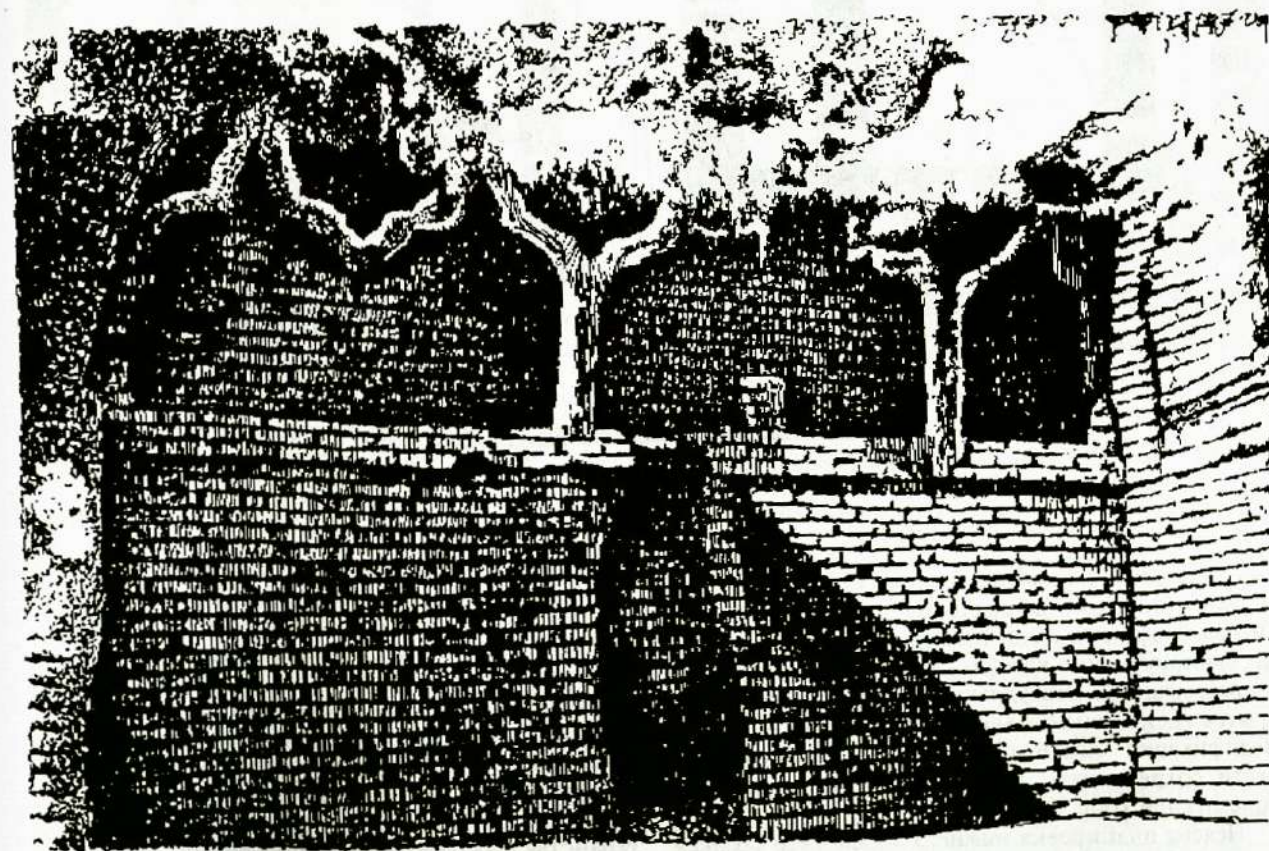

Рис. 106. Мерв. Кыз-кала большая. Оформление основания свода в комнате севернее капеллы.

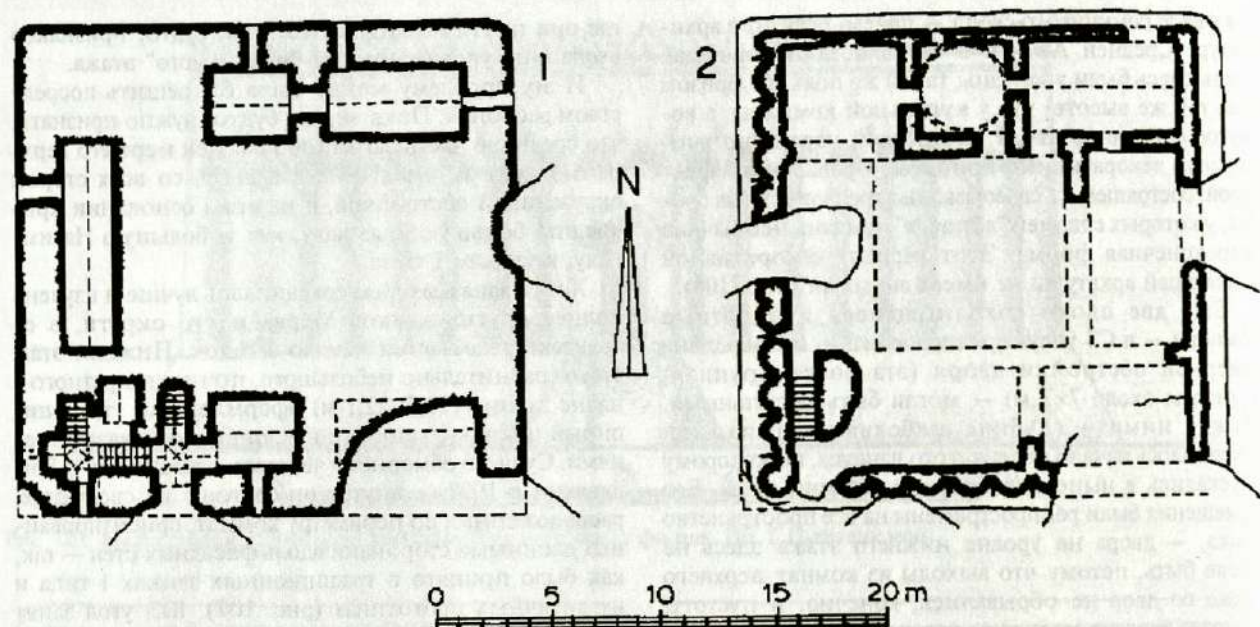

Рис. 107. Мерв. Замок Кыз-кала малая.
1 — план нижнего этажа.
2 — план верхнего этажа. По В.Пилявскому.

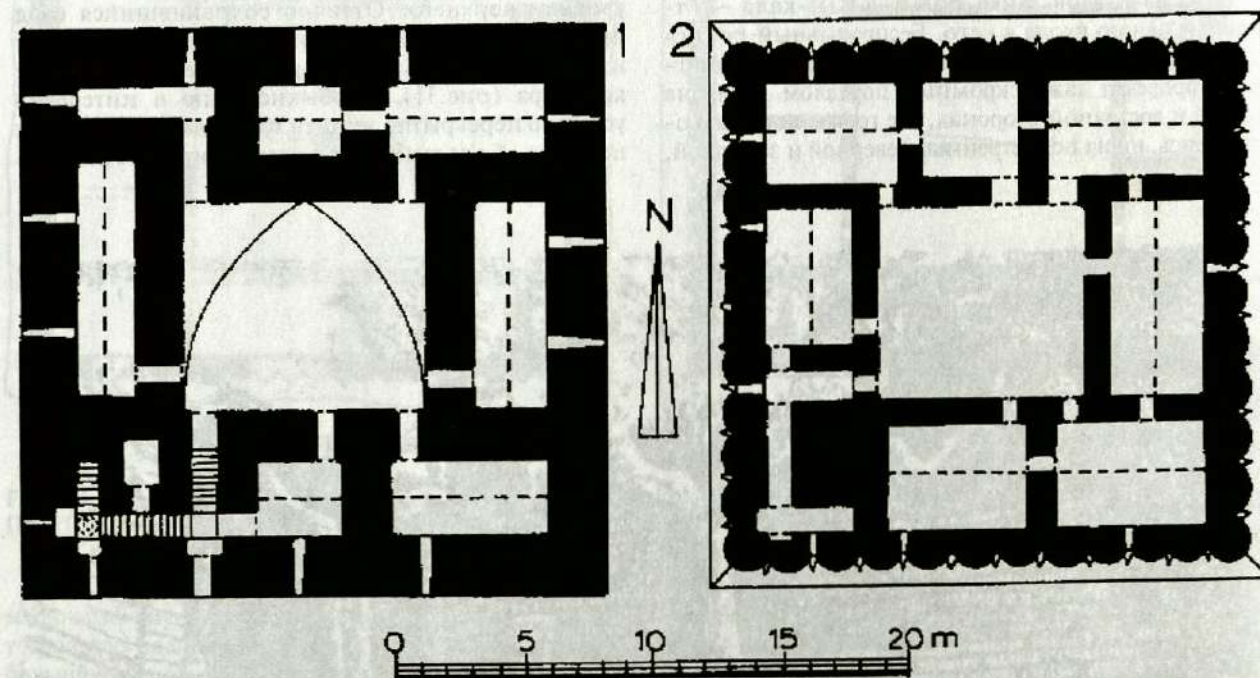

Рис. 108. Мерв. Кыз-кала малая. Реконструкция плана.
1 — нижний этаж.
2 — верхний этаж. По Г.Пугаченковой.

воспроизведена форма деревянного брусчатого свода "рузан", которая образована последовательно уменьшающимися квадратными выемками-кессонами, повернутыми в каждом следующем ряду под 45° к предыдущему. Это удивительное маленькое перекрытие (немногом больше 1 м в стороне) — редкая модификация "ложного" купола — в значительной части сохранилось, несмотря на рискованность конструкции (рис. 32).

Неясна планировка нижнего этажа в его средней части. Судя по обмерному чертежу, прямой доступ

сюда был невозможен, но реконструкция плана по уровню верхнего этажа предполагает здесь квадратное пространство со сторонами длиной 8,3 м — это слишком много для зала с сырцовым куполом и отвечает либо открытому сверху дворику, либо залу с плоским балочным перекрытием на колоннах. Г.Пугаченкова пишет о центральном квадратном помещении (может быть, на высоту двух этажей)²⁰⁴, но на ее реконструкции у среднего прямоугольного пространства нижнего этажа — пропорции не квадрата, а 1:($\sqrt{3}$:2); реконструированное центральное поме-

щение верхнего этажа тоже — и пропорциями, и размерами (8х7,2 м) неудобно для купольного, тем более сырцового перекрытия (рис. 108).

И здесь центральное внутреннее пространство — будь то зал или дворик — не могло объединять собой оба уровня помещений без обводной галереи: выходы из комнат верхнего этажа (некоторые из них сохранились) не могли обрываться в пустоту. Возможно, что и здесь, как в некоторых согдийских замках, средний зал или дворик опирался на многокамерную субструкцию, вход в которую вел с уровня земли, — вероятно, с восточной стороны. Но до нижнего "ядра" малой Кыз-калы исследователи, кажется, еще не добрались.

Замок построен из сырца размером 35х35х7,5-8 см, фасады верхнего этажа оформлены сплошной чередой полукруглых гофров, сохранившиеся своды сложены по большей части "отрезками" вертикально-эллиптического очертания, иногда с осями, направленными вверху. Стены сводчатых комнат, окружающих среднее пространство верхнего этажа — сравнительно тонкие, а размеры помещений (их расположение в общем повторяло, как будто, планировку нижнего этажа) — соответственно более крупные, чем внизу: пролеты сводов превышали здесь 4 м. На северной стороне между двумя сводчатыми комнатами имелась квадратная купольная "капелла" размером 4х4 м, — ее расположение то же, что в большой Кыз-кале. Здесь частично сохранилось основание купола с угловым тропом; этот единственный уцелевший троп — по конструкции уступчато-перспективный и состоит из шести арок, вставленных одна в другую и соответственно уменьшающихся к углу. Арочки здесь — не обычной для этого времени эллиптической формы, а стрельчатые, сама же уступчатая воронка тропы вставлена в прямоугольное углубление, на верхнюю перемычку которого опирается купол.²⁰⁵

Некоторые комнаты верхнего этажа, как и нижнего, освещались редко расположенными щелевидными окнами, которые снаружи прятались в углублениях между гофрами. Для того, чтобы эти окошки пропускали больше света, они расширены вовнутрь, а их верхние перемычки скошены вниз, в направлении помещений.

Несмотря на множество неясностей и противоречия в публикациях принадлежности малой Кыз-калы (как и других замков Мерва) к зданиям с центральной организацией кажется бесспорной. Упомянутое расположение помещений длинными сторонами вдоль внешних стен указывает на менее формальное, чем в других замках Мерва, родство замка с древними зданиями 1 типа — такими, к примеру, как бактрийский Кызылча-6.²⁰⁶ По разным причинам (некоторые из которых, возможно, отпадут после раскопок) нельзя представить себе центральную часть малой Кыз-калы в виде купольного зала, — здесь был, вернее всего, открытый сверху дворик с соответствующими, уже тогда известными устройствами для отвода атмосферной влаги наружу. Это определяет принадлежность малой Кыз-калы к замкам 1 типа. Классификация не изменится, если дворик был перекрыт и представлял собой колонный зал: в архитектуре Среднего Востока, как говорилось, разница

между двором и перекрытым пространством не была принципиально существенной.

Пример некоторых рядовых сельских усадеб 6—7 вв. в Мервском оазисе, площадь которых не ограничивалась компактным прямоугольником укрепленного здания, показывает, что и в этих случаях центром, как правило, был внутренний двор.²⁰⁷ Причем назначение двора как открытого зала, предназначенного для ритуально-торжественных церемоний, подчеркивалось в известных случаях тем, что на его оси располагался глубокий, раскрытый во двор айван, фланкированный симметричными комнатами, входы которых обращены также во двор, — классическая дворово-айванная структура, свойственная крупным дворцовым комплексам, а в камерном варианте — некоторым замкам. Характерный пример — усадьба с двумя дворами (или две соседние усадьбы) на городище Кара-тепе, архитектурно организованная как модель большого дворцового ансамбля со всеми его каноническими признаками (рис. 109).

Сравнительно невелико количество известных сейчас раннесредневековых замков восточного Мавераннахра (области Фергана и Чач), и не всегда ясна их классификационная принадлежность — по причине перестроек, плохой сохранности или просто необычности. Самый значительный из них — по размерам, сложности и длительности исследовательских работ — замок Ак-тепе Юнусабадское, построенный в 6 в. на окраине нынешнего Ташкента и позже радикально перестроенный. Это здание изучается с 1940 г., и ему посвящены подробные публикации.²⁰⁸

Квадратный в плане (около 52х52 м) замок был ориентирован по сторонам света и венчал собой верхнюю южную площадку возвышенности, которая севернее, за замком была наклонно изогнута на СВ, — с этой стороны к замку примыкал обширный двор. Здание существовало долго и не однажды перестраивалось, почти полностью меняя при этом свою внутреннюю структуру (рис. 110).

Вначале замок представлял собой квадрат толстых пахсовых стен с проложенным внутри них сводчатым коридором и угловыми квадратными башнями с круглыми купольными камерами внутри башенных массивов. Угловые части внутрискладного коридора, где находились входы в башенные камеры, были плавно изогнуты под углом 90° — уже встречавшийся способ избежать технически сложного и рискованного пересечения сводов, сложенных поперечными отрезками. Свод коридора, сложенный поперечными (наклонными) отрезками возвышенного эллиптического очертания, был сделан "ползучим": его основание со стороны внутреннего двора заметно выше, чем противоположное, со стороны фасадов, и сводчатая конструкция, таким образом, "работала" как сплошной ленточный контрфорс, сопротивляющийся внутреннему распору. Это могло быть важным в случае, когда к коридору изнутри примыкали массивные сводчатые помещения, создающие противоположную силу распора.

Обходная сводчатая галерея разомкнута только посреди северной стороны, — здесь был вход, выступавший из фасада двумя массивными пахсовыми пилонами, слегка расширенными к основанию и поэ-

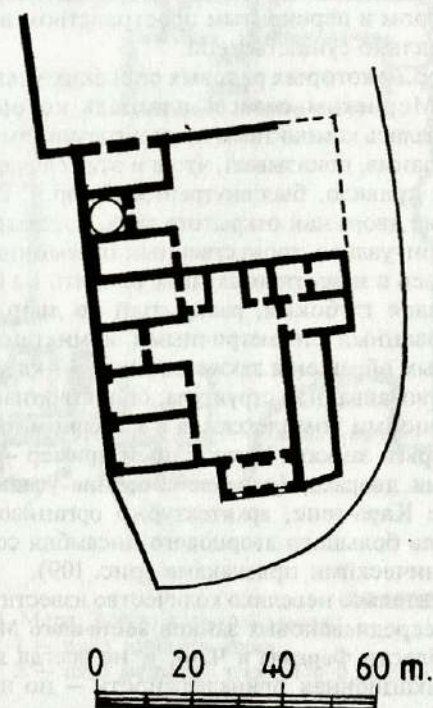

Рис. 109. Сельский дом в оазисе Мерва. План. По Г.Пугаченковой.

тому трапециевидными в плане. Со стороны двора ко входу вел пологий пандус. Неширокий проход между пилонами перерезал галерею и вел во внутренний двор, изначальное устройство которого не сохранилось: исследователь считает, что двор был со всех сторон обстроен длинными казематными помещениями. Если это так, то Ак-тепе, видимо, был задуман не как замок-резиденция (каким он, несомненно, впоследствии стал), а как очень большое сооружение казарменно-складского назначения, как крепость — место пребывания довольно большого гарнизона. К этому раннему периоду жизни замка относятся и остатки входной постройки в западной стене его заднего (северного) двора, — частично сохранилось квадратное помещение типа чортка величиной около $4,5 \times 4,5$ м, раскрытое на все стороны осевыми проходами и, вероятно, купольное; с севера к нему примыкает небольшая комната (4×3 м) для стражи. Стены здесь, как и в обходном коридоре, сложены из двух слоев пахсы с прорезанными в них четкими, идеально вертикальными глубокими швами, которые придают поверхностям — там, где они не пострадали — сходство с полированными каменными блоками. Выше лежат четыре слегка нависающих ряда сырца, на которые опирается четкая кладка наклонных отрезков свода.

На восточной, северной и частично западной стороне открыты фасады первоначального здания — пахсовые, гладкие, расширяющиеся книзу под углом 30° к вертикали — наклон, особенно частый у фасадных поверхностей нижних цокольных частей доисламских замков. Эта ясная и знакомая картина усложняется на южной и западной стороне, где к наружным стенам примыкали массивы сырцовой кладки неустановленной толщины (но не меньше 13 м), в толще

которой обнаружены части еще одного, внешнего обходного коридора, отстоящего от южной галереи на 8, а от западной — на 6 м.

В общем же по совокупности признаков первоначальное устройство Ак-тепе Юнусабадского позволяет отнести его к замкам I типа. Его близкой аналогией — и по плановой структуре, и по дальнейшей строительной судьбе — можно, пожалуй, считать усадьбу Баба-тепе близ Шерабада.

После радикальной перестройки, уничтожившей регулярную застройку внутреннего двора, от первоначального здания сохранился только квадрат наружных стен с обходным коридором и угловыми башнями, северный портал и некоторые постройки заднего двора, в их числе — входное устройство с "чортком" и караульной. Круглые купольные камеры башен были заложены сырцом, в обходном коридоре появились пристенные пилоны, разделившие прежде единое пространство галереи на отдельные отсеки, а к северному portalу был пристроен новый пандус, более длинный и крутой, который выводил на новый уровень пола, поднятый на 4 с лишним метра относительно прежнего. Он целиком сложен из сырца размером 46×23 – 24×10 –12 и $50 \times 24 \times 8$ –10 см. Что до новой застройки внутреннего пространства замка, то ее зафиксированное раскопками состояние есть, вернее всего, результат множества разновременных и едва ли всегда согласованных строительных работ.

Восточная половина этого пространства застроена в два этажа группами узких коридорообразных помещений; некоторые из них были складами, где в корчагах-"хумах" хранились масло, вино, мука и пр., в других, может быть, жила стража. Имелась специальная постройка для винодавили, а небольшой дворик был оборудован хлебными печами и кухонными очагами.

ЮЗ часть внутреннего пространства замка занята массивной пахсовой, квадратной в плане платформой со сторонами длиной 20–22 м, высотой около 21 м и скошенными гранями. В толще кладки замурованы отрезок коридора, параллельный западной стене, и три узкие коридорообразные комнаты, перпендикулярные коридору и соединенные с ним входами — может быть, случайно уцелевшая часть первоначальной обстройки двора. Входы в эти комнаты со стороны коридора перекрыты широкими арками красивой эллиптической формы, которые слегка заглублены в стену и выглядят эффектными конструктивными архивольтами. Собственно говоря, именно эта платформа — то, что осталось от замка-кешка в узком смысле этого слова, по определению исследователя — донжона. Сочетание большого квадрата укрепленной усадьбы и вписанного в него малого углового квадрата замка — в доисламской архитектуре Средней Азии вполне традиционное, представленное множеством достаточно близких образцов. В этих случаях двор, с двух сторон Г-образно охватывающий здание, был обычно разнообразно и густо застроен жилыми и хозяйственными сооружениями.

К сожалению, сохранившиеся на платформе актепинского донжона остатки бывших здесь помещений недостаточно для их реконструкции, но именно

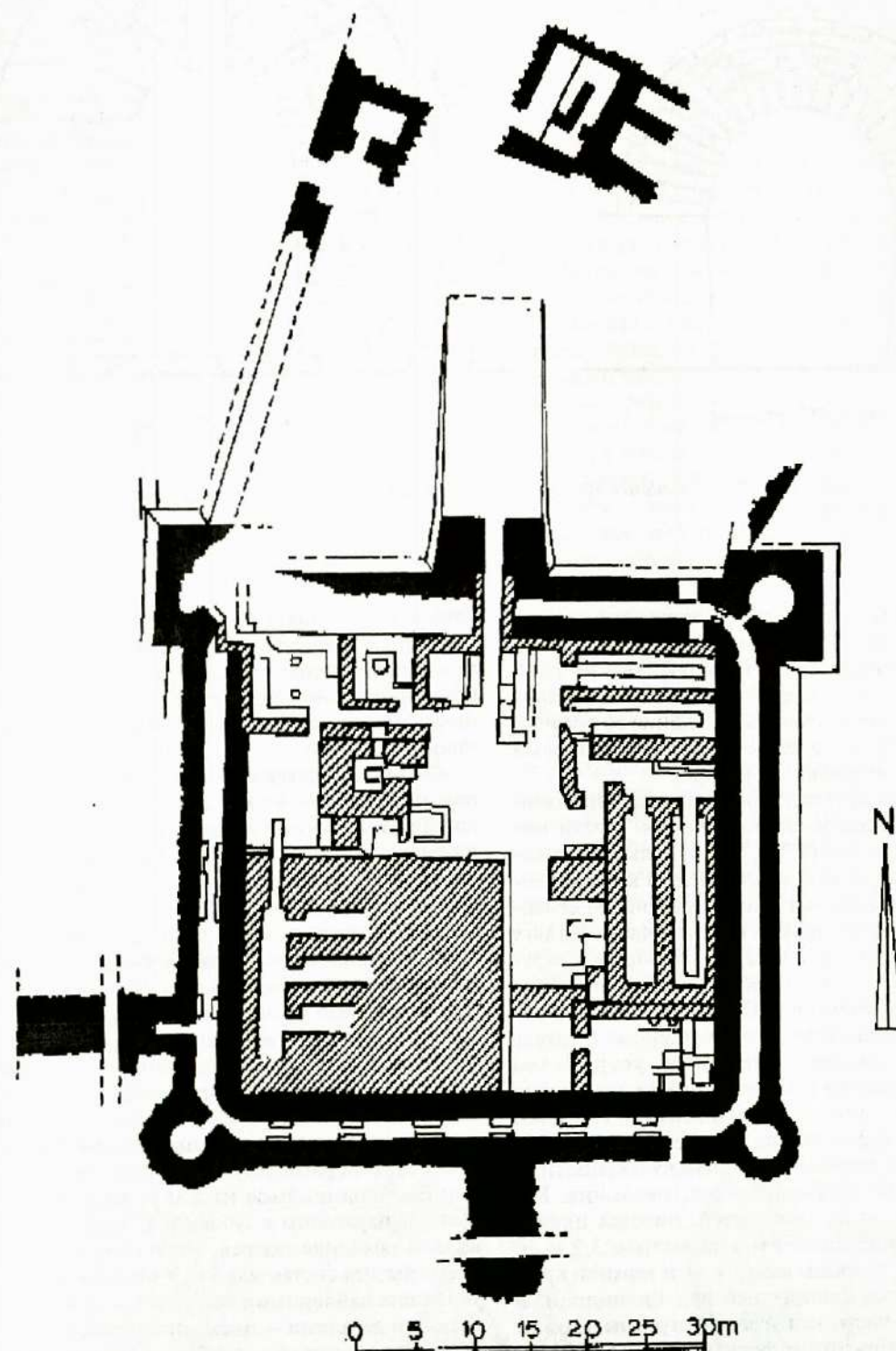

Рис. 110. Замок Ак-тепе Юнусабадское. План. По М.Филанович.

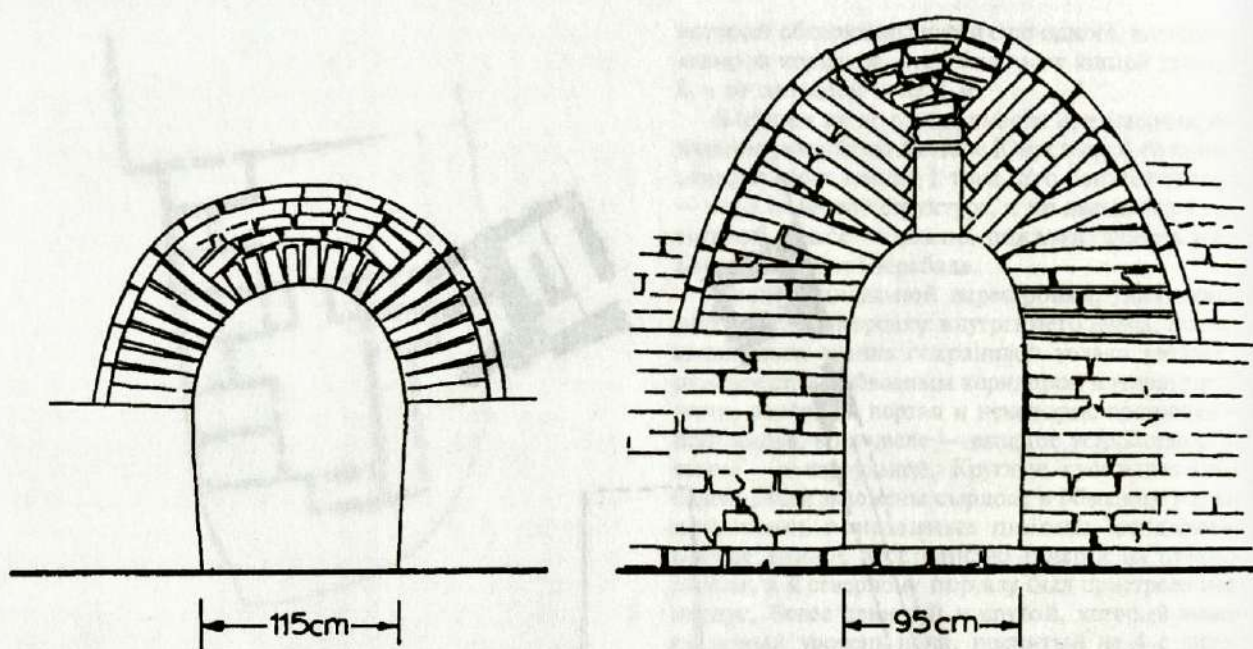

Рис. 111. Ак-тепе Юнусабадское. Типы входных арок. Слева — в камеру 1 строительного периода, справа — в купольную комнату. По В.Ворониной.

об их парадно-представительном характере говорят найденные здесь следы настенных росписей, едва ли украшавших обычные жилые комнаты. Можно только предполагать, что квадратному плану основания отвечал центрический план самого здания со средним залом или холлом в качестве "ядра" и регулярным расположением окружающих комнат.

СЗ часть замка занимала группа помещений (вернее, построек) сакрального назначения. Среди них выделяется маленькая (2,7×2,7 м) купольная комната с очень толстыми (2,4 м) стенами, в которой исследователь видит наус-мавзолей для хранения семейных оссуариев, и святилище огня, состоявшее из двух помещений — комнаты с алтарем, П-образно окруженным суфами, и небольшого двухколонного зала для религиозных церемоний. Святилище со стенкой-ширмой, прикрывающей торец обращенной ко входу суфы, воспроизводит типичное устройство небольшого приемного зала, соседний же зал с двумя колоннами на оси и диагонально-угловым расположением суф и входов вполне оригинален.

Форма купола, венчавшего маленькую купольную камеру и частично сохранившегося, необычна. Купол состоял как бы из двух частей: нижней цилиндрической, высотой около 1 м и диаметром 3,2 м, то есть больше, чем стороны камеры, — и верхней круглой скупы, слегка нависающей над цилиндром. В цилиндрической части над углами устроены тропы необычной конструкции и формы — с плоско срезанными вершинами и гладким коническим заполнением, сложенные "ложным сводом" из консольно нависающих горизонтальных кирпичей. В свое время В.Воронина увидела в этой конструкции "вполне развитой пояс тропов"²⁰⁹, что, по-моему, неверно: пояс тропов — более прогрессивная конструкция

близкого будущего — определяется подкупольным октагоном с тропами в диагональных гранях; в актепинском куполке тропы традиционно врезаны в оболочку основания купола, которой здесь придана цилиндрическая форма, не меняющая конструкцию принципиально.

Очень эффектно арочное обрамление входа в купольную камеру — широкое, изящной эллиптической формы, с обрамлением толщиной в один кирпич и конструктивным заполнением, сложенным из групп параллельно уложенных кирпичей. Большой вертикальный кирпич над верхом входной арки увенчан несколькими рядами плашмя уложенных кирпичей, заполняющих веерообразный контур, — характерно (и встречается не только здесь), что эллиптический очерк высокой арочной перемычки мало похож на контур небольшой арки входа (рис. 111).

Археологические исследования позволяют теперь до некоторой степени представить себе облик этого большого и сложного сооружения, уступчатым объемом схожего, наверно, с зиккуратами древнего Двуречья. Его первый уступ на восточной стороне должен был подниматься на 5 м и венчался, вероятно, боевым парапетом с зубцами. Второй уступ образовывала обходная галерея, опоясывавшая весь замок, — его высота составляла 3 м, а венчающая часть была украшена найденными здесь декоративными керамическими деталями — дисками с резным изображением креста, уступчатыми зубцами-"кунгра" и фигурами в виде перевернутой буквы У (рис. 112). Такие детали, впоследствии найденные и в других местах, украшают верхние части замка, изображенного на "Аниковском" блюде Эрмитажа. Выше поднимались кровли двухъярусных хранилищ на восточной стороне, которые образовывали ступень 6-метровой высоты, и еще

на 4—5 м выше — плоская кровля-терраса "внутреннего замка", донжона, вздымавшаяся в ЮЗ части огороженного пространства. Вероятно, каждая из этих уступов-террас венчалась парапетом и фризами с керамическими декоративными вставками, — но не теми, образцы которых найдены, а более крупными.

Все изложенное в совокупности очень затрудняет определение классификационной принадлежности Ак-тепе Юнусабадского в его окончательном виде. Нелегко определить, что в этом конгломерате разновременных построек может быть названо замком, то есть укрепленным аристократическим жилищем, а что представляет собой — в широком смысле слова — усадьбу или даже крепость, средоточием которой был замок. Все же угловое расположение главного жилого здания, соответствующее традиционной для Средней Азии комбинации "город — цитадель" и "цитадель — замок" дает, как будто, основание (условное и оставляющее место для сомнений) рассматривать общую плановую структуру комплекса как родственную замкам 4 типа. Родственная взаимосвязь больших и малых архитектурно-планировочных форм хорошо известна, и древняя архитектура Средней Азии дает тому немало примеров.

Ханабад-тепе, раннесредневековое поселение в пределах современного Ташкента у берега Чирчика, включало в себя огромное укрепленное здание, занимавшее его восточную угловую часть. Единственная короткая публикация не содержит, к сожалению, достаточно полные сведения об этом необычном сооружении.²¹⁰ Прямоугольная в плане постройка впечатляющих размеров (85×68 м) с круглыми угловыми выступами и удлиненным внутренним двором служила, по справедливому определению исследователя, крепостью-казармой для многочисленного гарнизона (рис. 113). В наружных стенах 9-10-метровой толщины проложен обходящий здание обходной коридор, — он, видимо, служил стрелковой галереей и соединялся одним проходом с двором и несколькими — с узкими комнатами-казематами, окружающими двор. Густая полоса этих камер, общей глубиной около 10 м, пристроена изнутри к наружным стенам и представляет собой как бы второй, внутренний слой

обстройки двора. Однообразная дробная череда узких, вероятно сводчатых камер с щелевидными входами, прорезанными заподлицо с одной из стен, не оживлена ни одним помещением какого-либо другого типа. Только в северном углу вынужденное соединение трех камер образовало нечто вроде трехкомнатной квартиры, в которой, может быть, жил начальник.

У крепости-казармы Ханабад-тепе в современной ей архитектуре нет сколько-нибудь близких аналогий. Типологически она представляет собой редкий вариант здания с коридорно-гребенчатым устройством (что вполне отвечает ее назначению), с осевым коридором, расширенным до размеров большого двора, и соответственно — появлением третьего поперечного ряда комнат на СВ стороне. Вместе с тем просторный внутренний двор в окружении единообразных комнат-келий вызывает ассоциацию не столько с замками 1 типа (в этом случае такая ассоциация кажется формальной), сколько с будущими среднеазиатскими медресе — тоже, в конечном счете, общезнаниями специального типа.

От замка Чаш-тепе, стоявшего в 1,5 км к северу от Ак-тепе, а теперь окруженного домами нового городского квартала Ташкента, сохранилась лишь небольшая часть — два продолговатых параллельных помещения (одно из них похоже на коридор) одинаковой ширины — около 3 м — и часть поперечного коридора с выходом в огражденный двор или на айван.²¹¹ Здание, возведенное на естественном холме, возвышалось на 6 м над его окружением. Оно пережило три перестройки и погибло в огне одновременно с Ак-тепе, — в 8 в. — вероятно, по той же причине, которой было арабское завоевание (рис. 114).

Хотя у сохранившихся помещений замка коридоробразные пропорции, их характер и взаимное расположение не дают основания видеть здесь приемы коридорно-гребенчатой или аналогичной "казарменной" планировки. Исследователь прав, отмечая, что "центральное помещение с двумя проходами в коридор и одним в помещение 3 создает впечатление открытости и коммуникабельности, свойственных жилым комплексам". Предполагается, что эта постройка, возведенная из пахсы и сырца и монументальная

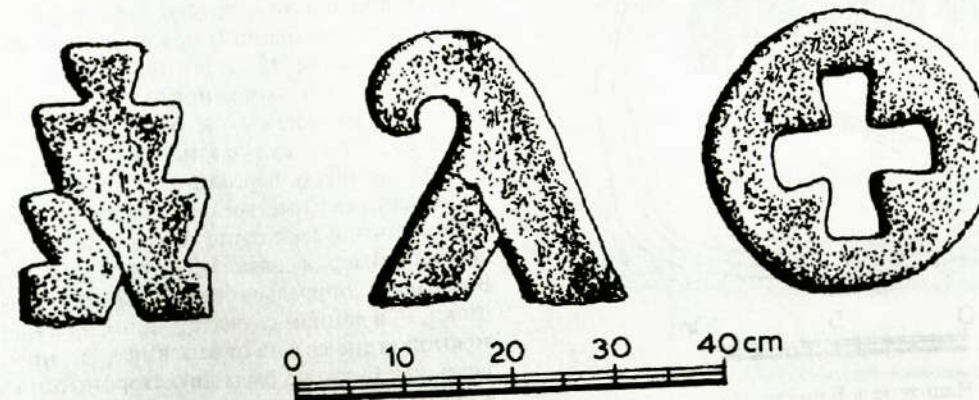

Рис. 112. Ак-тепе Юнусабадское. Детали терракотового архитектурного убранства. По В.Нильсену.

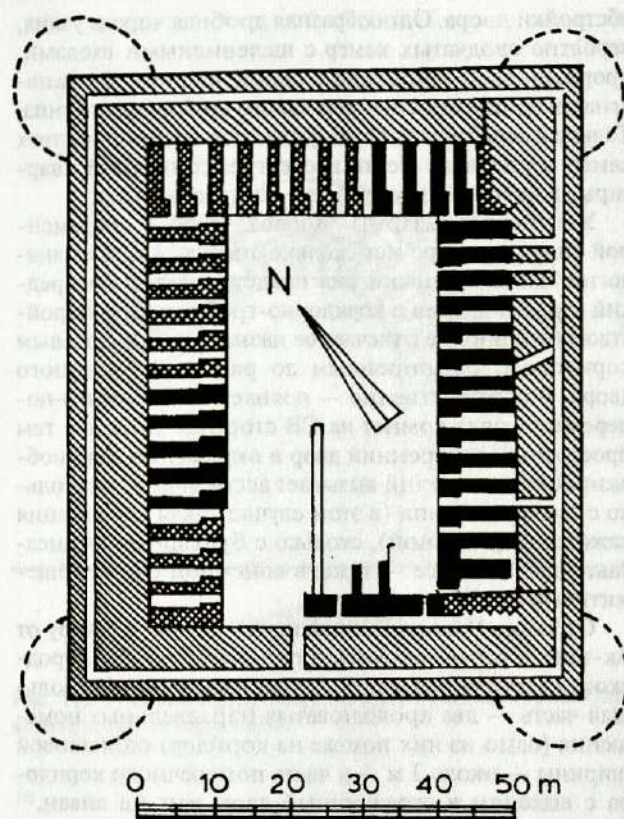

Рис. 113. Ханабад-тепе. План. По М.Филанович.

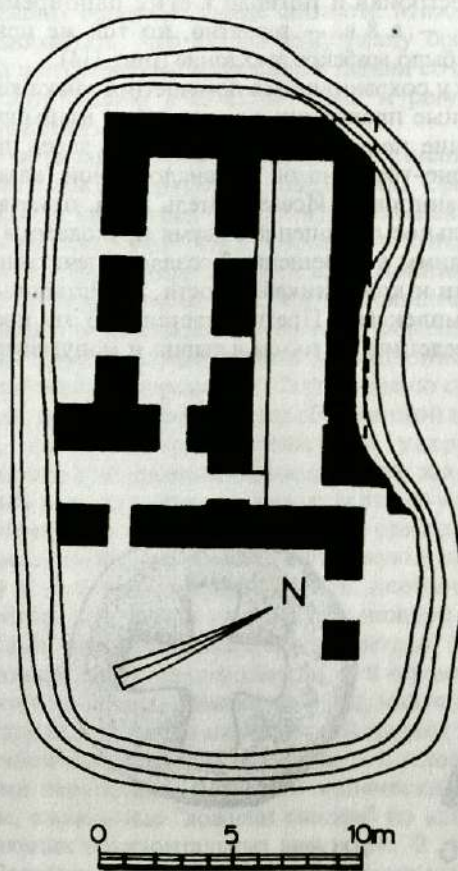

Рис. 114. Замок Чаш-тепе в Бинкете. План. По М.Филанович.

даже в своих остатках, была двухъярусной, и что ее план был квадратным, со сторонами около 15 м и обводным коридором по периметру. Большого, к сожалению, об этом любопытном здании, за изучение которого взялись слишком поздно, сказать нельзя.

Еще один доисламский замок в пределах Ташкента — Кулак-тепе — его исследователем только упомянут, даже без публикации чертежей²¹². Здание было двухэтажным и стояло на платформе традиционной пирамидальной формы; оборудованный пандусом вход был прорезан в ее западной грани. Нижний цокольный этаж состоял из системы коридорообразных помещений, параллельных и перпендикулярных, — это напоминает устройство казармы в Варахше, хотя здесь помещения были, вероятно, хозяйственными. В широком коридоре севернее входа был устроен пандус, который вел на верхний этаж. Позже весь нижний этаж был, как в первоначальном замке Ак-тепе, сплошь заложено сырцом, но от возведенных на этой основе помещений почему-то не осталось следов. Массив замка отделялся ложбиной от соседнего поселения и, по словам исследователя, "...четкой четырехгранной пирамидой возвышался над окрестными полями."

Один из самых необычных по устройству доисламских замков был найден в шахристане Канки-Харашкета — древнего города, который давно и основательно изучается.²¹³ Замок стоял в мало застроенной ЮЗ части шахристана и был, вместе с примыкающим к нему двором, поднят на общую с ним платформу высотой около 2,5 м. Здание размером 28×16 м, ориентированное углами по сторонам света, сохранилось не все, — разрушен и не поддается доказательной реконструкции южный угол, отделявшийся как будто Г-образным проходом, — здесь, вернее всего, был коленчатый пандус, выводивший на верхний этаж; восточный угол, показанный на обмерном плане скругленным, первоначально был, вероятно, прямым. Нижние части стен сложены из слоев пахсы высотой 1 м, верхние — вместе со сводами — из сырца (42-43×18-20×8-10 и 46-48×24×8 см) (рис. 115).

Среднюю часть замка занимают два вытянутых в линию и связанных широким проходом помещения 1 и 7, ориентированные в направлении ЮВ—СЗ. Вход на ЮВ стороне вел в вестибюль — комнату 7, и далее в комнату 1, служившую кулуаром при почти квадратном приемном зале 3. Традиционное устройство зала состояло из пристенных суф, сохранившийся след от деревянной колонны предполагает плоское балочное перекрытие (хотя величина зала — 7,1×6,5 м — не исключает и возможность купола). Входная стена зала построена из сырца, остальные — из пахсы.

В ЮЗ стену кулуара напротив входа в зал были вставлены шесть деревянных стоек, — от них остались вертикальные гнезда с деревянной трухой. На такие стойки, известные и в других постройках 5—8 вв. (например, в святилище буддийского храма в Ак-Бешиме²¹⁴), опиралась балка-обвязка деревянного потолка, — в данном случае странно, что на противоположной стене следов от стоек нет, и, значит, обвязка здесь как будто не была двухсторонней. Осевой вход в зал из кулуара был перекрыт аркой, клинчатая конструкция которой в рельефном обрамлении из ряда

"лежащих" кирпичей выглядела как широкий архиволт, — этот характерный, позже исчезнувший прием уже встречался в замке Ак-тепе Юнусабадское, но был употребителен и далеко за пределами Чача. По какой-то причине арка просела, и после неудачной попытки ее починить вход в зал был заложен, а функции приемного зала перенесены на продолговатый кулуар: вероятно, в этой связи в СЗ торце кулуара была устроена широкая суфа со ступенью у основания.

Восточная угловая часть замка занята круглым в плане помещением 5 диаметром 6,2-6,6 м, которое проходом 6 было соединено с вестибюлем. Размеры зала и, конечно, его форма не исключают здесь купольного перекрытия, тем более что возведение купола на круглом основании существенно проще, чем на квадратном, которое требует особых промежуточных подкупольных конструкций.

Крупные помещения с круглым планом в древней и средневековой архитектуре Средней Азии настолько редки, что зал 5 харашкетского замка почти не с чем сравнить. Как ближайшая аналогия вспоминается круглый зал дворца Кафыр-кала в Таджикистане²¹⁵, расположенный в СЗ углу обширного квадратного комплекса. Диаметр (около 8 м) несколько больше зала в Канке, он был возведен из сырца, перекрыт куполом (в этом у исследователей нет сомнений) и заключен в квадратный пахсовый футляр — так же, как зал 5. Прямоугольная выемка со следами огня на полу и некоторые другие признаки привели исследователей к выводу о сакральном назначении круглого зала Кафыр-калы, — есть основание подозревать такое же назначение у круглого зала в Канке, изолированного от прочих помещений замка и резко выделяющегося из них.

Две небольшие комнаты 2 и 4 в западной стороне здания представляли собой вначале одно сводчатое помещение типа галереи, сообщавшееся с кулуаром 1. Перекрывавший галерею свод был "ползучим", то есть его внутреннее основание было выше внешнего, и перекрытие работало как контрфорс, противостоявший давлению извне, — это давление могло исходить только от массы верхнего этажа над СВ частью здания. Позже галерея была разделена на две части, изолирована от кулуара и оборудована единственным входом снаружи, у западного угла.

Очевидно, что типологическая принадлежность замка определяется в первую очередь устройством его верхнего жилого этажа, от которого в замке Канки не сохранились даже следы. Залы приемно-репрезентантного и культового назначения, не связанные (или мало связанные) с повседневными бытовыми функциями жилища, было разумно расположить в нижнем этаже, вблизи от входа. Что до жилых покоев верхнего этажа, то они, по-видимому, были ограничены СВ частью здания (за вычетом галереи и пандуса) и Г-образно группировались вокруг углового зала 3, поднятого на высоту обоих этажей. Такой наиболее вероятный вариант позволяет рассматривать замок в шахристане Канки как разновидность замков 4 типа.

В 6—7 вв. на ЮЗ Ферганской долины, в 4 км южнее города Исфара, на искусственной платформе высо-

той 8—9 м был возведен замок-крепость, носящий имя Калаи Боло.²¹⁶ Жизнь в этом монументальном здании со своеобразным продолговатым планом, протянувшимся с направления С-Ю на 65—68 м, не прерывалась до 19 в., но его устройство несколько раз менялось из-за радикальных перестроек: на старом месте возводилось фактически новое здание, мало похожее на прежнее (рис. 116). При необычно большой длине замок был скромной ширины — всего около 16 м. Всю северную часть его искусственной платформы занимал обнесенный стенами двор, к которому вел длинный сводчатый подъем-пандус, проложенный в толще стены. Для жилой части замка была отведена южная часть платформы с собственным пандусным подъемом прямоугольно-коленчатой формы и прямоугольным (хотя все же вытянутым) очертанием. Перестройки 11—12 вв. и более поздние уничтожили сооружения 6—7 вв. почти бесследно: сохранились лишь небольшие части стен, недостаточные для реконструкции этого странного "линейного" замка, служившего, как полагают его исследователи, укрепленной резиденцией владельца области.²¹⁷

Одним из значительных владений раннесредневековой Средней Азии была Уструшана (Истаравшан) — территория к СВ от Согды, сейчас входящая в состав северного Таджикистана (Ходжент) и Узбекистана (район Заамина). Многолетние археологические работы в таджикской части Уструшаны открыли множество монументальных зданий 5—8 вв., в том числе укрепленных замков разных типов. Самые значительные находки были сделаны у селения Шахристан, где, как говорилось, предполагается столичный центр доисламской Уструшаны — Бунджикат (см. стр. 32—37).

Единую систему обороны города образовывали в его окрестностях укрепленные замки, возведенные на вершинах холмов и выступах предгорий. Самые зна-

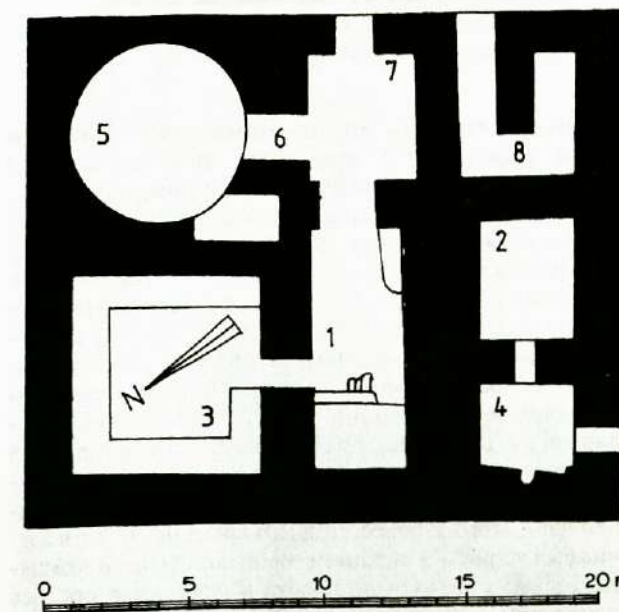

Рис. 115. Канка-Харашкет. Замок в шахристане. План. По Ю.Бурякову с частичной реконструкцией.

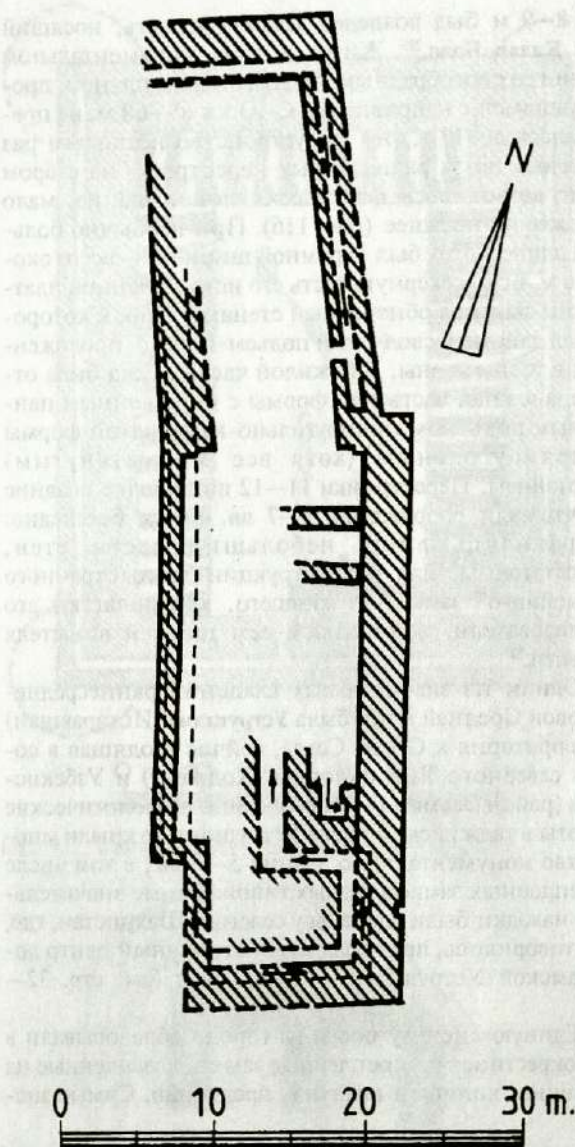

Рис. 116. Замок Калаи Боло. План.
По Б.Литвинскому и Е.Давидович.

чительные из них — два неподалеку расположенные замок Чильхуджра и Уртакурган, построенные в 2,5 км к ЮЗ от города, на холмистом мысе, образованном двумя сливающимися руслами реки.

Чильхуджра — замок со сложной строительной историей, растянувшейся с 5 по 7-8 вв.²¹⁸ Вначале на высокой оконечности предгорного "языка" было возведено небольшое квадратное (около 12,5×12,5 м) здание с простым внутренним устройством. Оно состояло из четырех сводчатых комнат — трех расположенных параллельно, длиной 6,5 м, и одной перпендикулярной им, вытянутой во всю южную сторону, длиной около 10 м. Эта несложная структура была, как говорилось, традиционной в жилищной архитектуре Средней Азии этого и более позднего времени. Вход в здание был устроен в западном торце поперечной комнаты, отсюда можно было пройти в западное и среднее помещение северной группы. Восточная комната, связанная со средней, собственного выхода в южный вестибюль не имела (рис. 117).

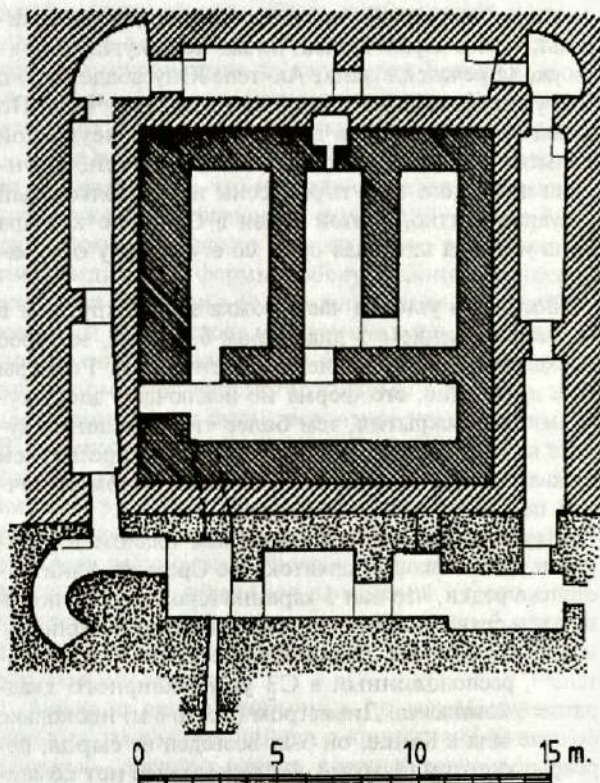

Рис. 117. Замок Чильхуджра. План нижнего этажа.

Здание было построено из крупного продолговатого сырца с толстыми прослойками глины. Комнаты с высокими эллиптическими сводами освещались прорезанными в торцах узкими окнами, расширяющимися внутрь и книзу, по направлению солнечных лучей. В торцевой стене среднего северного помещения имелся небольшой проход, которому снаружи отвечала прямоугольная ниша.

Едва ли это скромное одноэтажное здание служило резиденцией аристократу-землевладельцу, жилищем его семьи и челяди. Планировка одностороннего "коридорно-гребенчатого" типа, недифференцированность назначения помещений, сам их характер — мрачных, лишенных малейшего комфорта (они не были даже оштукатурены), — все говорит за то, что первоначальная Чильхуджра была не жилым замком, а зданием оборонно-казарменного назначения, местом пребывания отряда, защищавшего южные подступы к городу и контролировавшего с этой стороны течение реки.

В следующий период здание было переоборудовано в жилой замок. Над ним возвели верхний этаж, — для этого наружные стены вдвое утолстили с помощью пахсового "футляра", внешним стенам которого придали традиционную форму скошенного внутрь цоколя-стилобата. Напротив северной наружной ниши в цоколе была оставлена прямоугольная выемка, благодаря чему здесь образовалась внутренняя камера-тайник, к моменту ее находки, к сожалению, пустая. Несохранившийся верхний этаж состоял, вероятно, из жилых помещений.

Третья, основная перестройка замка привела к его радикальной реконструкции. Большинство помещений нижнего этажа было заложено, со всех сторон

здание окружила замкнутая система взаимосвязанных сводчатых помещений. Западное, северное и восточное звенья этой системы состояли каждое из двух коридорообразных комнат с высокими эллиптическими сводами, их внутренние основания были врублены в наклонные грани цоколя-стилобата (рис. 118). Между ними на углах поднялись башни необычной формы, в виде четверти окружности в плане. Их купола опирались на три угловых перспективно-уступчатых трюма и край выгнутой стены, средний сохранившийся трюм СВ башни был прорезан арочным оконным проемом (рис. 119).

Необычным был и пандус, воздвигнутый в ЮЗ углу: он представлял собой круглую в плане башню, внутри которой бесступенчатый сводчатый подъем спирально обвивался вокруг круглого (а не прямоугольного как обычно) центрального столба. Пандусная башня, предвещающая облик будущих минаретов, освещалась небольшими арочными окнами и поднималась на всю высоту здания. Средний пахсовый столб утолщен пахсовой же винтообразной облицовкой, на верхний срез которого опирается спиральный сырцовый свод, сложенный из поперечных отрезков, которые подобно вееру расходятся от столба. Арочный проем в основании пандуса, ведущий в западную анфиладу, сохранил конструктивную перемычку-архивольт классического типа — красивой эллиптической формы, с узким рельефным обрамлением из "лежащих" кирпичей и относительно клинчатым расположением кирпичей в арке, — все почти "дословно" воспроизводит эффектный вход в купольную камеру Ак-тепе и вызывает, вопреки совершенной неукрасенности, ощущение изысканной художественности (рис. 120).

Южный фронт обстройки составляли сводчатые комнаты, более короткие и широкие, чем на других сторонах, — они заметно отличаются от прочей обстройки и, может быть, появились здесь в другое (более позднее?) время.

Верхний этаж Чильхуджры, сохранившийся более чем наполовину, был воздвигнут на четырех заложённых комнатах раннего "ядра" и состоял из помещений репрезентантного, сакрального и жилого назначения. Всю его СВ часть занимает обширный приемный зал размером 12,8×11,3 м с балочным перекрытием, которое опиралось на четыре колонны.²¹⁹ Вдоль длинных стен зала, западной и восточной, располагались суфы. На поперечной оси зала у западной стены — там, где выдвинутая вперед суфа расширяется тронной площадкой-"эстрадой", — стена прорезана широким проемом. Он связывает зал с комнатой сложной конфигурации, оборудованной широкой П-образной суфой, — отсюда во время торжественных приемов выходил в зал владетель замка. Этот проем, расширенный к тому же снаружи угловыми впадинами (в них, возможно, стояли декоративные колонны), представлял собой портал "тронной" ниши-айвана, здесь расширенной и почему-то усложненного плана (рис. 121).

Вход в зал вел с юга, ближе к его ЮЗ углу. Широкий входной проем с деревянной, резной, скульптурно обработанной рамой соединял зал с квадратным вестибюлем, на стенах которого замечены следы ро-

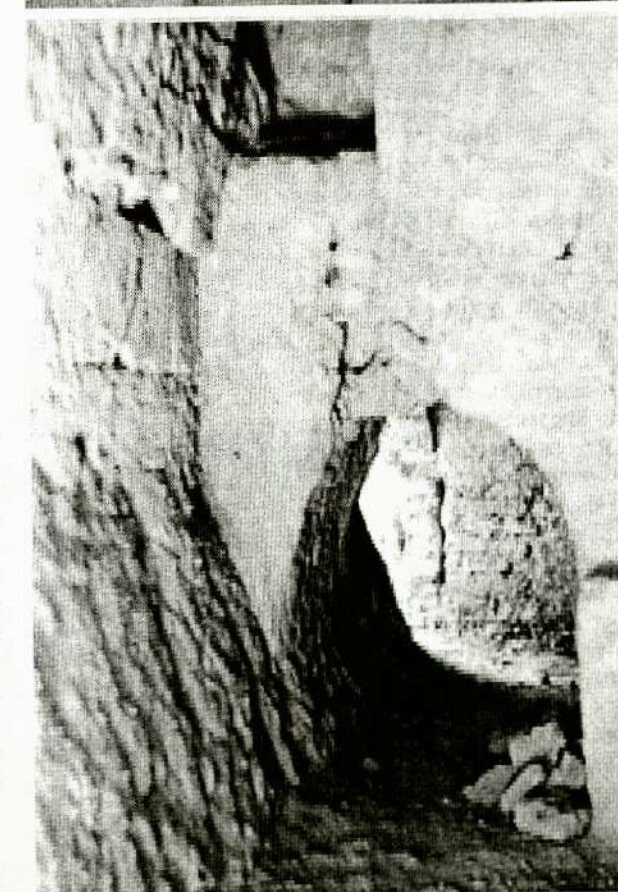
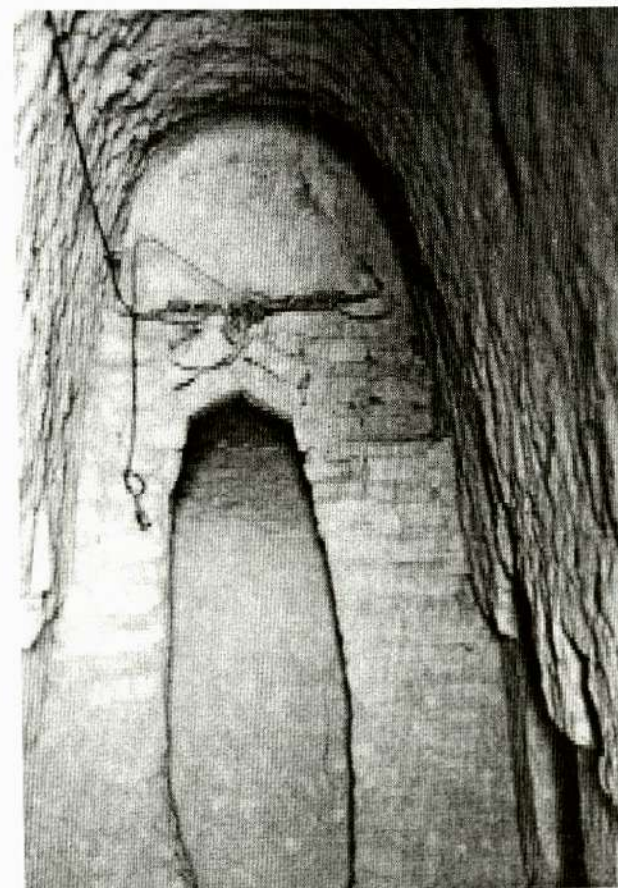

Рис. 118. Чильхуджра. Коридоры нижнего этажа.

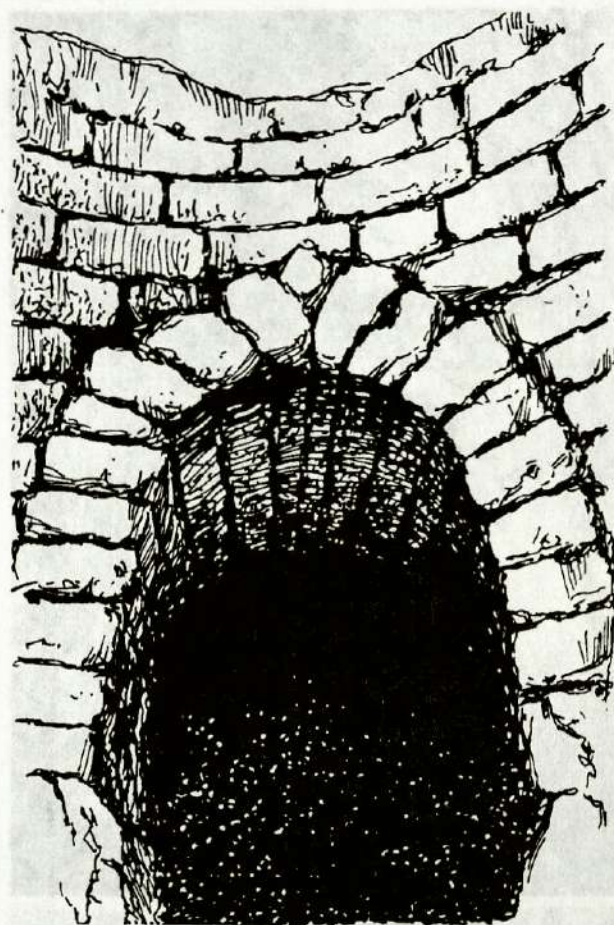

Рис. 119. Чильхуджра. Тромп-окно в угловой башне.

списи. Его форма и размеры (около $4,1 \times 4,1$ м) допускают здесь возможность купольного перекрытия. Отсюда два арочных входа вели на восток, в несохранившееся ЮВ помещение, и на запад, к пандусной башне; пандусный подъем на уровне верхнего этажа превращался в короткий коридор, направленный на север и ведущий в комнату (тоже квадратную и, вероятно, купольную, размерами $3,1 \times 3,1$ м), смежную с "тронным" помещением при зале. Небольшая купольная комната не совсем правильной квадратной формы между вестибюлем и пандусом служила замковой "капеллой", — ее обращенный в коридор вход прорезан заподлицо с западной стеной, купол опирался на частично уцелевшие уступчато-перспективные тромпы, в южной стене прорезано окошко, узкое снаружи и расширяющееся вовнутрь.

Для полного представления о верхнем этаже Чильхуджры недостает разрушенного помещения в СЗ углу, — графическая реконструкция подсказывает, что оно было квадратным и точно тех же размеров, что комната к югу от "тронной" лоджии большого зала, — если это так, то лоджия, по-видимому, была фланкирована двумя одинаковыми купольными камерами, которым — для полного сходства с классической дворово-айванной системой — не хватало только обращенных в зал симметричных входов.

Плановая структура верхнего этажа Чильхуджры сводится к обширному прямоугольному пространству

зала, которое с южной и западной сторон охватывала группа помещений общей Г-образной конфигурации. Этот принцип планировки, известный по множеству образцов (например, замок Джумалак-тепе), позволяет отнести Чильхуджру к замкам 4 типа. Но в Джумалак-тепе сравнительно небольшой зал был охвачен сквозным Г-образным кулуаром, и эта группа парадных помещений составляла лишь часть здания; в Чильхуджре кулуара нет, Г-образная обстройка зала включает в себя помещения, различные по размерам и назначению, и вместе с явно господствующим залом составляет цельный, строго продуманный, рационально и эффектно разработанный комплекс, который занимает весь верхний этаж.

Среди уникальных архитектурных форм замка — таких, как спиральный пандус вокруг круглого столба, угловые "сегментные" башни и др., особенно интересны остатки открытого наружного обхода, сохранившиеся на западной стороне на уровне верхнего этажа. В этом месте ширина обхода, огражденного паховым парапетом — 1,5 м; обходя вокруг угловой пандусной башни, он сужается до 50 см. Малая толщина внешней южной стены указывает, может быть, на то, что на этой стороне наружная галерея была шире, чем на других; в любом случае она обегала все здание по периметру, образуя на уровне верхнего этажа сплошную узкую террасу.

Тем самым находят фактическое подтверждение и реальность изображения замка на Аниковском блюде, и косвенные предположения, что подобные галереи имелись у некоторых замков 2 типа (Аул-тепе, замок у Кафыр-калы). Внешние обходные галереи, образованные за счет периметральной обстройки нижнего этажа, защищенные массивным парапетом и оборудованные выносными деревянными балконами,²²⁰ в немалой мере определяли, наверно, облик двухэтажных замков Согда и Уструшаны.

У Чильхуджры, возведенной на небольшом, но высоком предгорном уступе, не было далеко вынесенных вперед укреплений. Но ее южная, самая доступная сторона была защищена укрепленным двором, а перед СЗ углом имелся бастион — криволинейная в плане площадка, выровненная на склоне и облицованная пахсой. Может быть, подобным бастионом был укреплен симметричный СВ угол.

Редкая сохранность (уцелели почти все своды нижнего этажа), изобилие необычных строительных, планировочных и композиционно-художественных приемов, множественность параллелей-связей определяют особое значение Чильхуджры. Ее исследования, хотя и не совсем завершенные, открыли много неизвестных прежде сторон замковой доисламской архитектуры Средней Азии.

Замок Уртакурган стоит к ЮВ от Чильхуджры, на холме, плоская вершина которого в 7 в. была превращена в укрепленный двор, обнесенный стенами с башнями. В отличие от Чильхуджры Уртакурган был построен в один прием и позже почти не перестраивался. Здание, поднятое на монолитную паховую платформу, занимало СВ часть двора. Его стены возведены из блоков пахсы, прослоенной крупным продолговатым сырцом ($49 \times 24 \times 10$ — $54 \times 25 \times 10$ см), прямоугольник внешних стен замыкает собой систему по-

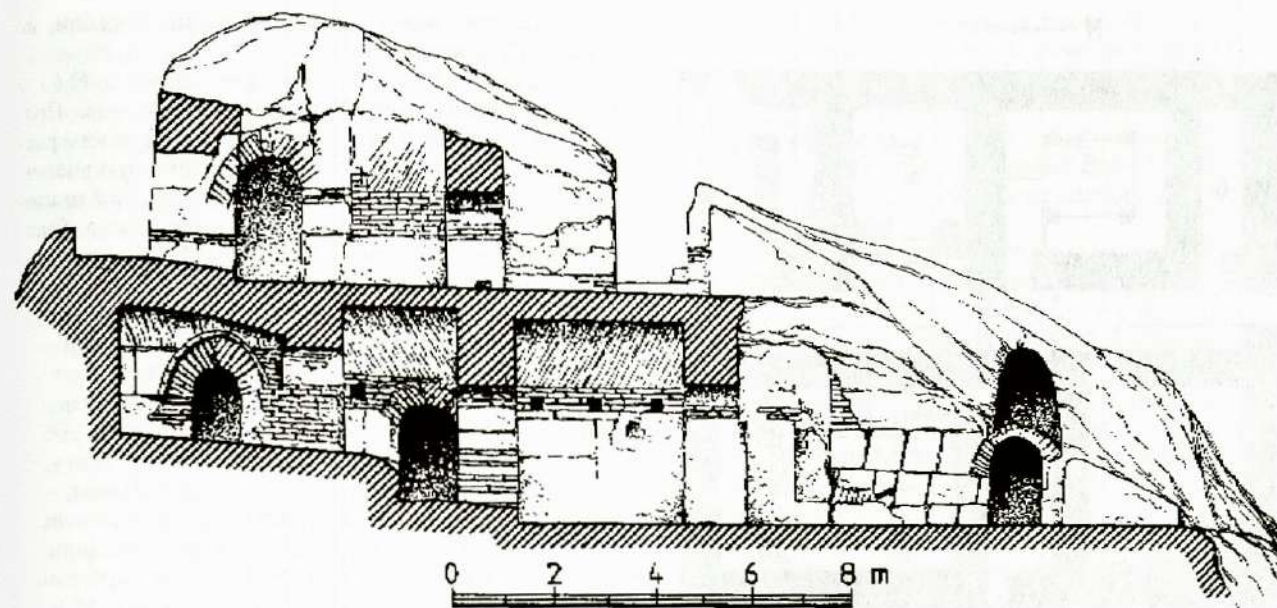

Рис. 120. Чильхуджра. Разрез по южной анфиладе.

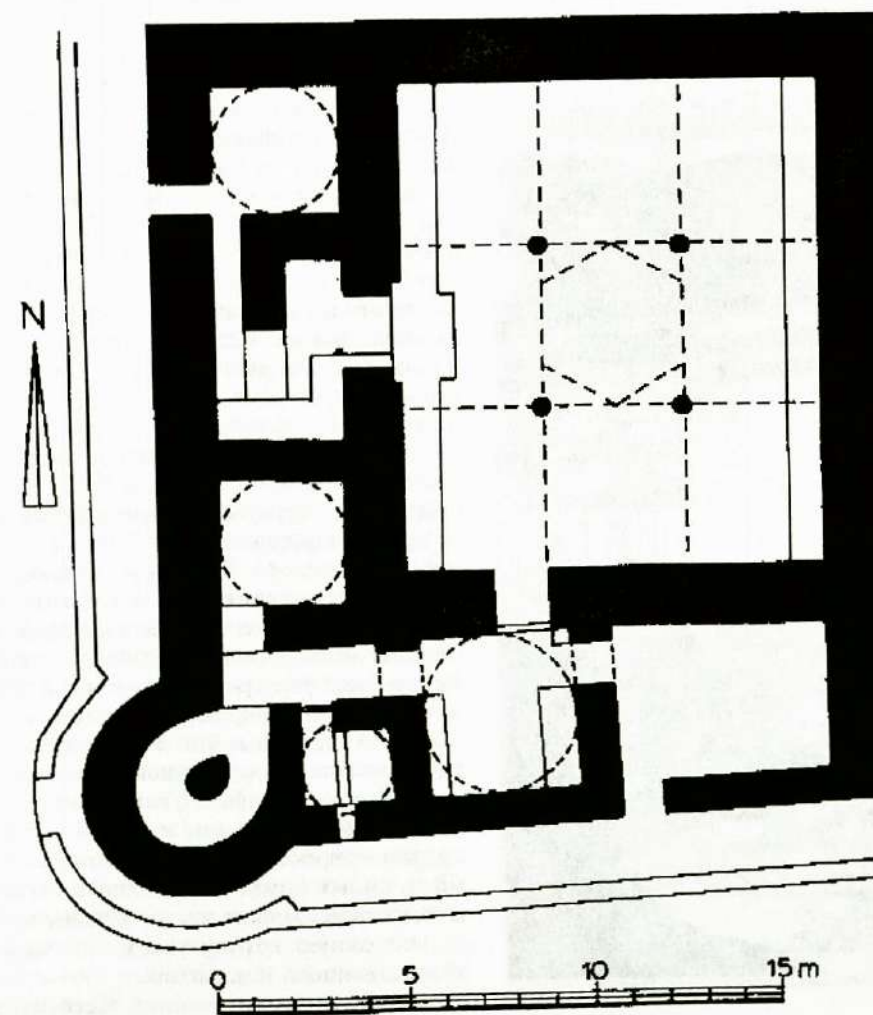

Рис. 121. Чильхуджра. План верхнего этажа с частичной реконструкцией.

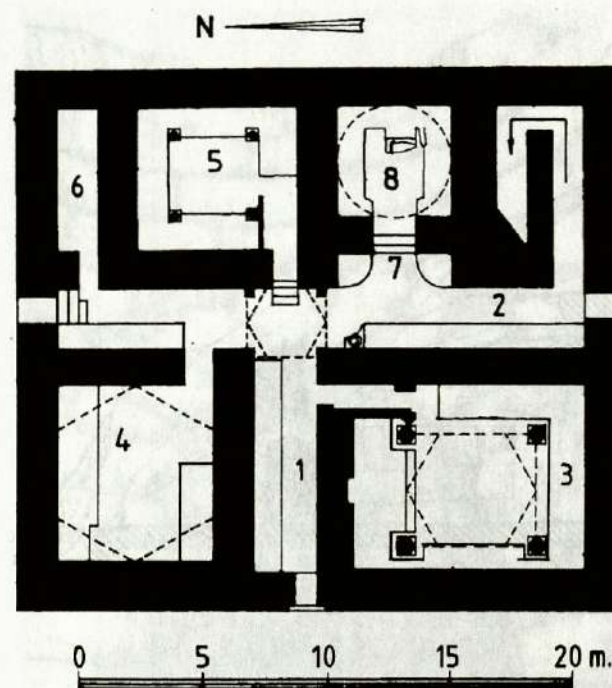

Рис. 122. Замок Уртакурган.
План с частичной реконструкцией.

Рис. 123. Уртакурган. 1 — большой зал с тронной площадкой; 2 — продольный коридор.

мещений, расположенных в довольно сложном, но четком порядке (рис. 122).

Основу плана составляют два широких (2,65 м шириной) взаимно перпендикулярных коридора. Продольный коридор делит здание на две не совсем равные части — большую западную и меньшую восточную. Широкие суфы, устроенные вдоль одной из сторон обоих коридоров, сужают их почти вдвое. Главный, ведущий со двора вход в замок был расположен в южном торце продольного коридора; в противоположном торце, как и в торце поперечного коридора, прорезаны большие окна, к которым подводят несколько сырцовых ступеней (рис. 123/2).

Восточная часть здания состоит из четырех помещений разной величины, не связанных между собой и ориентированных входами в коридор. Сразу за южным входом — коленчатый пандусный подъем, выведший на кровлю; три звена пандуса обходили здесь не столб, как обычно, а перпендикулярную коридору стену. Далее следует квадратная купольная комната 8, несмотря на небольшие размеры (4,65×4,65 м) выглядевшая весьма парадно: ей предшествует обращенная в коридор прямоугольная ниша 7 почти той же ширины, что комната, со входом, устроенным не сбоку (как все остальные входные проемы замка), а на общей оси помещения и входной ниши, к тому же снабженной высоким уступчатым порогом. Углы входной ниши по сторонам входа заполнены округлыми возвышениями типа суф, широкие суфы обтекают и стены комнаты, оставляя посреди лишь небольшую площадку. По сторонам входа сохранились остатки глиняного орнаментального рельефа.

Все вместе — квадратный план, перекрытие куполом, центральное устройство входа, его торжественное обрамление при помощи широкой декорированной ниши — позволяют видеть в этом небольшом помещении уже знакомую домашнюю "капеллу", замковый храм. Сочетание же квадратной комнаты и фасадной входной ниши предвосхищает пространственные формы порталных среднеазиатских мавзолеев 10-12 вв. и более позднего времени.

За "капеллой" следует почти квадратное помещение 5 типа приемного зала (6,5×5,75 м), вход в который отмечен четырьмя ступенями (пол зала выше полов других помещений) и лежит точно на оси поперечного коридора. Балочный потолок зала опирался на четыре деревянные колонны — их следы сохранились, — стены обегали широкие низкие суфы, входная часть отделялась тонкой стенкой-ширмой, украшенной изнутри — там, где к ней примыкала суфа — рельефным бордюром в виде стилизованной лавровой гирлянды. Этот декоративный мотив, хорошо известный в деревянной резьбе, впервые встречен здесь в "глиняном" исполнении. Этот зал мог служить и для приемов, и для повседневной жизни: подобные просторные помещения служили гостиницами в жилых домах Пенджикента, входили в состав многих доисламских замков Средней Азии. Замыкает восточную группу узкая сводчатая комната 6 хозяйственного назначения.

Западная группа состоит всего из двух больших помещений, разделенных поперечным коридором. Северная комната 4 (6,4×8,5 м) была, вероятно, жи-

лой. Из продольного коридора в нее ведет дверь с деревянной рамой и брусчатой перемычкой, украшенная снаружи лентой лепного бордюра, но неожиданно низкая — ниже 1 м. Стены комнаты были расписаны, к двум стенам примыкали суфы. Эта комната больше зала 5, но колонн в ней не было, возможность свода при пролете более 6 м тоже исключена. Решение, вероятно, кроется в пропорциях помещения: они отвечают отношению 1: ($\sqrt{3}$:2), — это позволяет реконструировать здесь шестиугольный вариант брусчатого свода "рузан". Ниже я покажу, что именно здесь вероятность такого перекрытия особенно обоснована.

Южное, самое обширное помещение 3 (9,55×7,90 м) было главным приемным залом этого продуманно устроенного, комфортабельного замка. Вход в него вел из поперечного коридора 1 и изнутри был отгорожен стенкой-ширмой, украшенной на торце угловой восьмигранной колонкой. Напротив колонки из восточной стены выступает неширокая лопатка, так что входная часть зала выглядит узким тамбуром. Четыре колонны поддерживали деревянный потолок, вдоль стен тянулись суфы, расширяясь у северной стены в тронную площадку, церемониальный характер которой подчеркнут длиной — во всю 3,5-метровую длину площадки — ступенью (рис. 123/1). Здесь стоял "тахт" — трон владельца замка; от его вставленных в стену стоек остались вертикальные впадины. Узкие вертикальные углубления в восточной стене над суфой — вероятно, следы от матерчатого тента-навеса над суфами, крепившегося на стойках: облик такого навеса сохранили росписи Пенджикента. Устройство этого парадного помещения характерно для приемных залов богатых среднеазиатских жилищ 5—8 вв., но здесь отличается обилием композиционных эффектов и чисто архитектурным богатством. Оно хорошо продумано: подчеркнута продольная ось с замыкающей ее тронной ступенчатой "эстрадой", общая симметричная система оживлена асимметричными деталями. Возможно, зал освещался через проем в центре потолка, который — судя по пропорциям пространства между колоннами — и здесь был, как будто, оформлен шестиугольным "рузан". Некоторые детали устройства зала — такие, как граненая колонка и лопатка тамбура, стойки над суфой, — не имеют аналогий.

Оба коридора замка были сводчатыми. Но на их пересечении перед входом в зал 5 возвышалось деревянное перекрытие необычной конструкции и формы: брусчатый уступчатый свод "рузан", украшенный рельефной резьбой, со сложно профилированными деталями. Реконструированный по обгорелым остаткам, найденным там, куда они рухнули, охваченные пламенем, уртакурганский "рузан" имел замечательную особенность: он состоял не из обычных квадратных, а шестиугольных венцов, и соответственно перекрывал площадку с пропорциями 1: ($\sqrt{3}$:2) (рис. 124).²²² Перекрытие такого типа, в этом случае документально доказанное, прежде не было известно. Но встречающиеся в архитектуре Средней Азии, древней и средневековой, помещения с таким соотношением сторон, позволяющим вписать в них правильный шестиугольник, показывают его — некогда

— достаточно широкое распространение.²²³ Вероятно, таким образом была, как говорилось, перекрыта комната 4 и средняя часть зала 3. Что до скульптурно-пластической обработки балок уртакурганского "рузан", то их близкая аналогия обнаруживается в буддийских пещерных храмах Бамиана, где в камне имитировано перекрытие в виде деревянного брусчатого свода.²²⁴

Шестиугольный "рузан" Уртакургана опирался на четыре деревянные колонны. Две из них были вставлены в угловые выемки-"четверти" на пересечении коридоров — точно так, как в замке Джумалак-тепе при смыкании узкого и широкого кулуаров. Одну из колонных баз, целиком истлевшую, удалось восстановить по отпечатку, — у нее была типичная для своего времени форма, известная и по другим синхронным образцам: четырехгранная усеченная пирамида, увенчанная скоцией и полкой с боковыми горизонтальными прорезами (рис. 43/D).

Общий принцип планировки — маленький холл, условно (только формой перекрытия) выделенный на пересечении коридоров — позволяет отнести Уртакурган к замкам 3 типа. Но необычайно своеобразная, индивидуальная, строго организованная система внутреннего устройства ограничивает такую классификацию по формальным признакам, а впервые встреченные здесь формы и приемы сообщают этой небольшой постройке особое, выдающееся значение, — как, впрочем, и некоторым другим зданиям раннесредневекового Шахристана.

Среди них самое своеобразное, лишенное сколь-

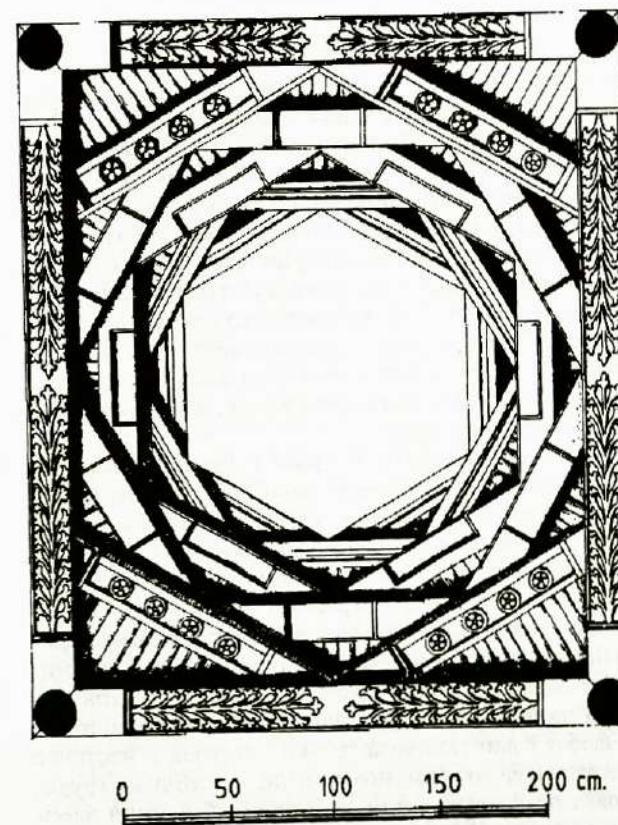

Рис. 124. Перекрытие "рузан" на стыке коридоров.
Реконструкция плана.

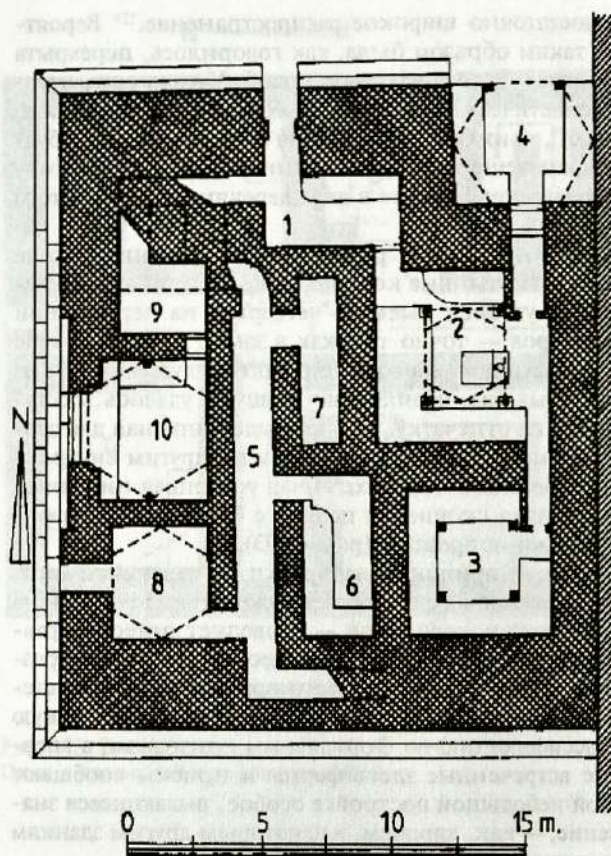

Рис. 125. "Замок" в Шахристане.
План по трем совмещенным уровням.

ко-нибудь близких аналогий среди современных ему построек — отдельно стоящее здание на городище Кахкаха 2, датируемое 7–8 вв. и называемое "малый дворец" или "замок".²²⁵ Эта небольшая (20×25 м) постройка стояла в глубине обширного незастроенного двора, примыкая к его восточной стене, возведенной над рекой. Еще две стены ограждали двор с севера и запада; южнее видна низкая искусственная платформа размерами 80×30 м, вытянутая во всю длину двора, с впадиной посередине. Предполагается, что эта глинобитная субструкция предназначалась для так и не построенного большого сооружения, административного или дворцового.

"Замком" здание на Кахкаха 2 может быть названо условно: оно сохраняло некоторые внешние черты укрепленного жилища, но предназначалось прежде всего для парадных, ритуально-праздничных церемоний, — эти особые функции определили его наружный и особенно внутренний облик (рис. 125).

Сходство с традиционной внешностью замка-кешка придавали зданию высокий пахсовый цоколь-стилобат со скошенными гранями и наклон внутрь стоящих на нем стен (рис. 126). В действительности на стилобат были подняты только западная и частично центральная группы помещений: восточная группа стояла на уровне земли, и "стилобат" служил здесь, как в замках Мерва, декоративным оформлением фасадов.

Помещения "замка" располагались в трех уровнях,

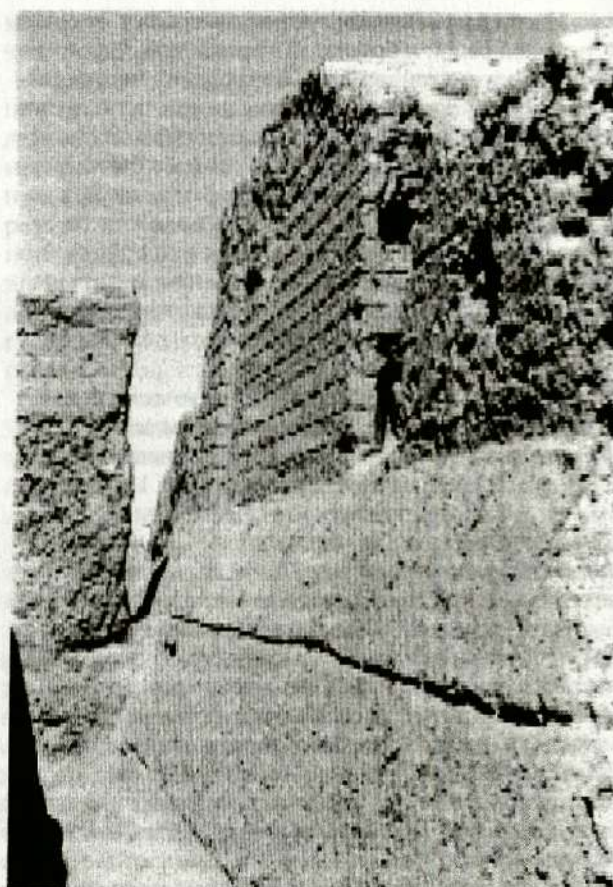

Рис. 126. "Замок" в Шахристане.
Современный вид с запада.

которые последовательно поднимались от востока к западу, по направлению к главному, обращенному во двор фасаду. Нижний, восточный ярус состоял из двух квадратных залов, южного зала 3 (около 5,5×5,5 м) и северного 2 (около 6,5×6,5 м), соединенного с глубоким прямоугольным айваном 4 — по существу, третьим залом, целиком раскрытым на север. Эти три больших парадных помещения были оборудованы пристенными суфами, разорванными только у входов; их балочные потолки (вероятно, со световыми люками посередине) опирались на четыре колонны, входы (все залы соединены между собой угловыми проходами) отделены тамбурами. Самый большой средний зал, с тронной площадкой на западной стороне и большим культовым очагом посередине, соединен со сводчатым вестибюлем 1, чьи размеры — 5,3×2,65 м — точно отвечают отношению 1:2. С севера в вестибюль вел сводчатый проход, прорезанный в стене 4-метровой толщины и оформленный на фасаде широким заглубленным архивольтом.

Вестибюль соединен с пандусом, занимавшим СЗ угол здания. Наклонный сводчатый коридор пандуса тремя маршами поднимался на уровень среднего яруса, который состоял из двух продолговатых сводчатых комнат 6 и 7 хозяйственного назначения, куда попадали из сводчатого коридора 5, идущего от пандуса в южном направлении, — здесь коридор превращался во внутростенный подъем, ведущий на кровлю. Еще один вход в конце коридора вел в комнату 8 с

пропорциями 1: ($\sqrt{3}$:2), раскрытую на западный фасад большим прямоугольным, низко посаженным окном с брусчатой деревянной перемычкой. На фасаде это окно было как бы вставлено в вертикальную выемку-нишу, стоящую на пахсовом цоколе-стилобате.

Три следующих марша пандусного подъема выводили на уровень верхнего яруса, вначале состоявшего всего из двух помещений: небольшой комнаты 9 типа прихожей и связанного с ней помещения 10, размерами 4,4×4,25 м, раскрытого на западный фасад широким (2,6 м), некогда арочным проемом. Это широкое окно, расположенное почти посередине западного фасада и придающее комнате характер лоджии, оборудовано подоконником, выдвинутым внутрь подобно суфе, и деревянным обрамлением, от которого сохранились нижний горизонтальный брус и гнезда вертикальных стоек во внутренних углах.

Позже пол комнаты 8 был поднят на 2,5 м, ее проход в коридор заложен, но пробит новый проход в соседнюю комнату-лоджию, отчего верхний ярус расширился до трех анфиладно соединенных помещений с лоджией посередине. Особый церемониальный смысл обращенной во двор лоджии был подчеркнут не только ее господствующим местом в сложной пространственной структуре здания, но и декоративным убранством, остатки которого были найдены — части скульптурных деревянных фриз, резные детали потолка и другие деревянные части декора.

Пропорции лоджии 10, также как комнаты 8, средней части зала 2 и нижней лоджии 4, позволяют и здесь подозревать перекрытие в форме шестиугольного "рузан". Предполагается, что подкрепляется остатками колонн, стоявших вплотную к боковым стенам лоджии 10, — там, где углы нижнего секстагона упирались в стены, — и шириной лоджии, отвечающей длине нижнего венца секстагона. Такие совпадения с предполагаемой конструкцией едва ли можно объяснить случаем.

Строители "замка" на Кахкаха 2 сделали удачную попытку (едва ли не единственную для того времени) превратить сам способ кладки сырцовых стен в источник художественного эффекта. Стены здесь сложены в технике комбинированной кладки: сырцовые кирпичи (48–52×25–26×8–10 см) уложены с чередованием рядов ложков и тычков, с широкими промежутками между кирпичами и с прослойками пахсы (12–15 см толщиной) между рядами. На фасадах и внутри нижние ребра лицевых кирпичей аккуратно срезаны под 45°, — потом, когда плоскости стен были оштукатурены, эти прорезы образовали на них как бы узор из затененных "пунктирных" строчек (рис. 127). Чередование коротких и длинных прорезов в соседних рядах придает этому своеобразному убранству ритмичность, ясно воспринимаемую масштабность, пластичность, и вместе с тем выражает собой реальную строительную структуру.

Значение этого уникального приема велико: нужно помнить, что в монументальных зданиях предисламского времени конструктивная строительная основа и ее декоративная обработка были, как правило, разобщены, и это правило имело определенно принципиальный характер. Использованный в Кахкаха

2 прием предвещает новое отношение к убранству как к функции строительных конструкций, получившее повсеместное распространение в следующую эпоху.

Не совсем обычное назначение "замка" на Кахкаха 2 отвечает его необычному устройству: здесь происходили парадные церемонии и приемы с разным социальным составом участников (рис. 128). Для внутренних приемов с участием местного дикханского рыцарства служила, очевидно, группа нижних залов: судя по множеству примеров, приемные залы именно такого вида и устройства служили тогда для общественно-культовых церемоний. Из-за особого назначения здания здесь таких залов было три, и один из них трансформирован в лоджию-айван. Верхняя же комната-лоджия, богато украшенная и раскрытая широкой аркой во двор, служила местному правителю для официального общения с подданными, которые заполняли двор во время массовых приемов: на широкой суфе под аркой стоял, вероятно, его трон-"тахт". Служебные помещения среднего уровня, равно связанные с нижней и верхней анфиладами, обслуживали, по-видимому, приемы обоого типа.

Связь здания и двора через тронную лоджию — высоко поднятый композиционный центр главного фасада — позволяет видеть здесь своеобразный вариант дворцово-айванной пространственной системы, самого характерного признака дворцовых зданий и комплексов еще со времен древности (рис. 129).

"Замок" на Кахкаха 2 был не замком, а дворцовым зданием специального назначения, лишенным совсем или почти бытовых функций. Знакомство с ним заметно расширило представления о композиционных, строительных и художественных приемах среднеазиатской архитектуры 5–8 вв. Оно, как говорилось, помогло позитивно решить вопрос о применении окон в постройках этого времени: еще недавно считалось, что настоящих оконных проемов, кроме щелевидных прорезов в стенах, архитектура доисламского времени не знала.²²⁶ Оно, кроме того, интересно продуманным единством всех его конструктивных, пространственных и художественных элементов, подчиненных общему замыслу ясной социально-сословной ориентации.

Канонически традиционное коридорно-гребенчатое устройство имела казарма в Шахристане, стоявшая в ЮЗ углу городища Кахкаха 1, рядом с городской стеной и ее угловой башней. Ее единственный обращенный на восток вход вел в длинный сводчатый коридор, — он делил здание на две почти симметричные части, состоящие из узких параллельных комнат коридорных пропорций с высокими эллиптическими сводами (рис. 130). Южная половина состояла из семи комнат, северная — за счет большей ширины помещений и очень толстых стен — из пяти. В большинстве комнаты изолированы одна от другой и сообщаются только с коридором; лишь в южной половине крайние пары помещений взаимно связаны, причем с коридором в этих случаях соединена одна из комнат. Последняя комната в северной половине разделена пополам и выглядит как два коротких помещения различной ширины.²²⁷

Шахристанская казарма была построена из пах-

Рис. 127. "Замок" в Шахристане. "Пунктирная" кладка на западном фасаде.

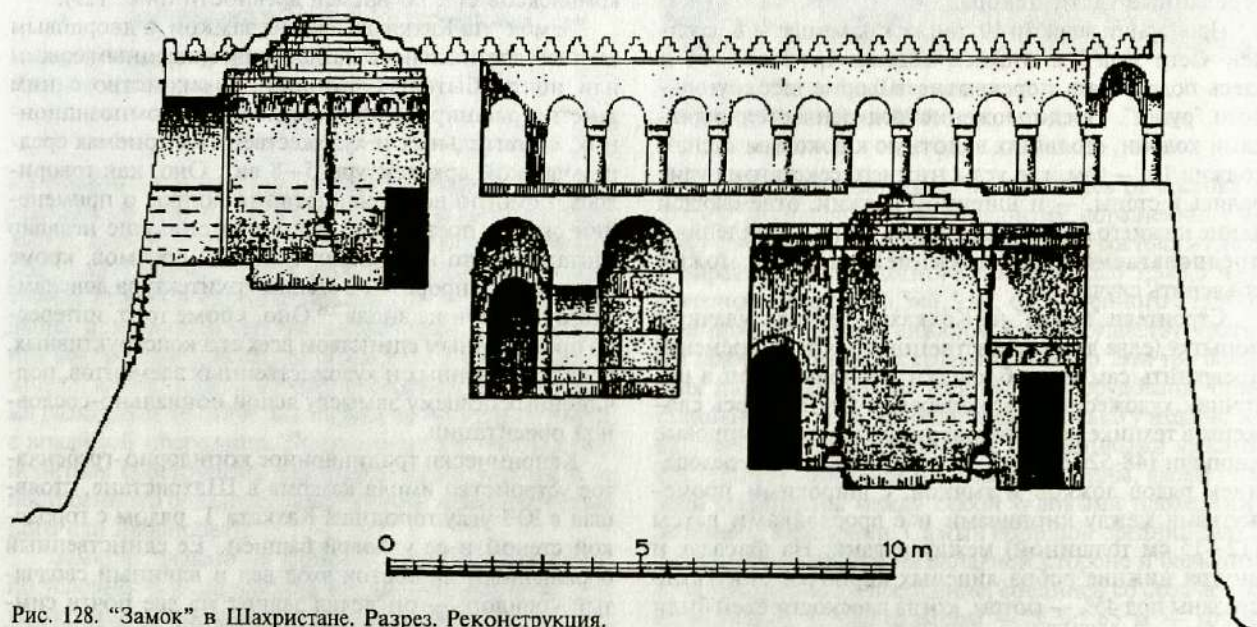

Рис. 128. "Замок" в Шахристане. Разрез. Реконструкция.

сы, нарезанной небольшими блоками (так сложены наружные стены преимущественно в их нижних частях) и сырца размерами $50 \times 25 \times 10$ и $48 \times 26 \times 9$ см. У свода среднего коридора, сложенного поперечными отрезками — неожиданно низкое очертание с формой, приближающейся к "лучковой". Все входные проемы — арочные, клинчатые, но кирпичные "клинья" не образуют здесь правильную веерную форму: арки кажутся вытесанными в кладке, образованной симметричными группами наклонно расположенных кирпичей.

О том, что это компактное, квадратное в плане

здание было действительно казармой для отряда дворцовой стражи, свидетельствует и его характерное, сугубо функциональное устройство, и единообразие узких аскетически простых помещений, и расположение у городской стены, удобное для обороны.

Еще одно монументальное здание типа отдельно стоящего замка — Тирмизак-тепе — было возведено в 7 в. на одном из холмов, цепочка которых тянется к северу от Шахристана.²²⁸ Постройка, тоже квадратная в плане, не имела внешних укреплений, но была надежно защищена крутыми каменистыми склонами холма, вершину которого венчала. Ее стены возведе-

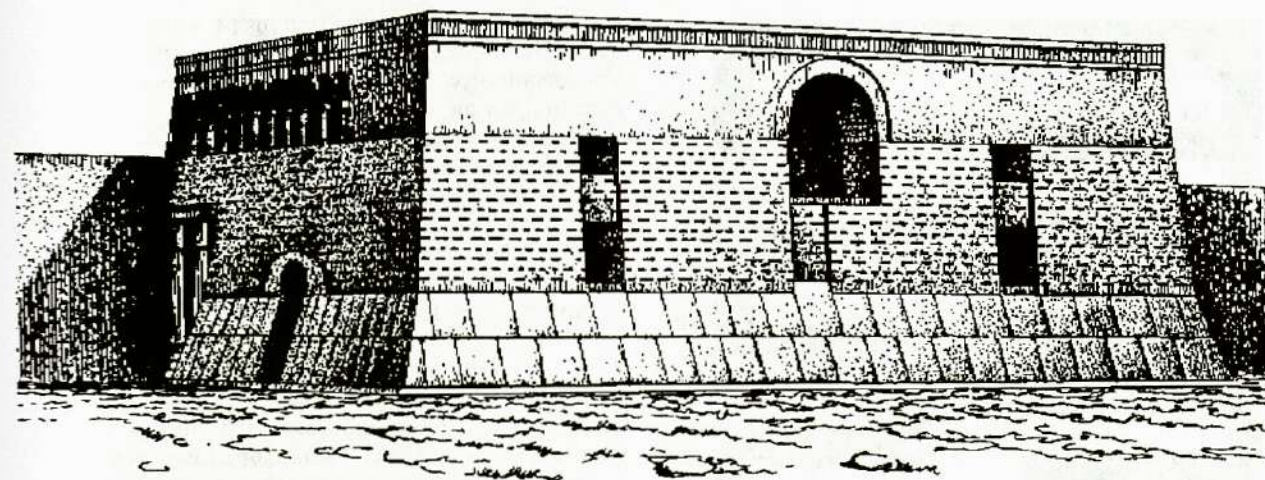

Рис. 129. "Замок" в Шахристане. Реконструкция внешнего облика.

ны из крупных пахсовых блоков с прослойками сырца.

Своей планировкой Тирмизак-тепе близка шахристанской казарме и принадлежит тому же коридорно-гребенчатому типу с характерными местными признаками. Вход посреди южного фасада вел здесь в сравнительно широкий (2 м) сводчатый коридор, по сторонам которого располагались поперечные коридору продолговатые сводчатые комнаты — 4 слева, 3 справа. Узкий коридор справа от входа представляет собой, видимо, остатки пандуса, выводившего на кровлю или на исчезнувший верхний этаж. Две средние комнаты левой стороны соединены между собой: у меньшей из них нет выхода в коридор, зато другая раскрыта в него во всю свою двухметровую ширину. Всей шириной открыта в коридор и первая комната по левой стороне, пролетом немногим более 1 м (рис. 131).

Арочный проход посреди задней, торцевой стены среднего коридора ведет в большое сводчатое помещение, протянувшееся во всю длину здания — более чем на 15 м — вдоль его задней северной стороны. Судя по остаткам 15 вкопанных в пол вместительных гончарных сосудов — "хумов", здесь был склад разных припасов. В остальных комнатах жили воины небольшого отряда, защищавшие это важное укрепление на ближних подступах к столице Уструшаны. Сдвоенные комнаты предназначались, видимо, для начальника отряда. Любопытно, что именно отсюда шел лестничный спуск в небольшое подземное помещение Г-образной формы, перекрытое сводом из поперечных отрезков. Здесь сохранился небольшой тропик распространенной тогда перспективно-уступчатой формы, на который опирается свес свода над внутренним западающим углом. Маленькая подземная камера, входившая в состав "квартиры" начальника, могла служить кладовой или прохладным убежищем от летнего зноя — комфорт, которого прочие комнаты Тирмизак-тепе были лишены.

Подобных укрепленных сторожевых постов вокруг столицы Уструшаны было, вероятно, немало. В 7 км к ССЗ от Шахристана раскопано крупное здание аналогичного устройства и назначения — Топтемир-тепе.²²⁹ В отличие от Тирмизак-тепе оно стояло в квадрат-

ном дворе (100×100 м), защищенном стенами с четырьмя угловыми башнями и предвратным выступом-лабиринтом с выдвинутой далеко вперед прямоугольной башней. Массивные наружные стены были построены из блоков пахсы, внутренние стены — преимущественно сырцовые, с основаниями и верхними прослойками из пахсы, арочные перемычки и своды — сырцовые (рис. 132).

Типологическое родство Топтемир-тепе с предыдущими зданиями определяется их общей коридорно-гребенчатой планировкой: здесь по сторонам осевого (входного) коридора расположены с каждой стороны четыре очень высокие сводчатые комнаты, обращенные в коридор входами и верхними проемами. Каждая комната делилась брусчатым настилом на два яруса, и здание было как бы двухэтажным, хотя общего пандуса или лестницы здесь как будто не было.

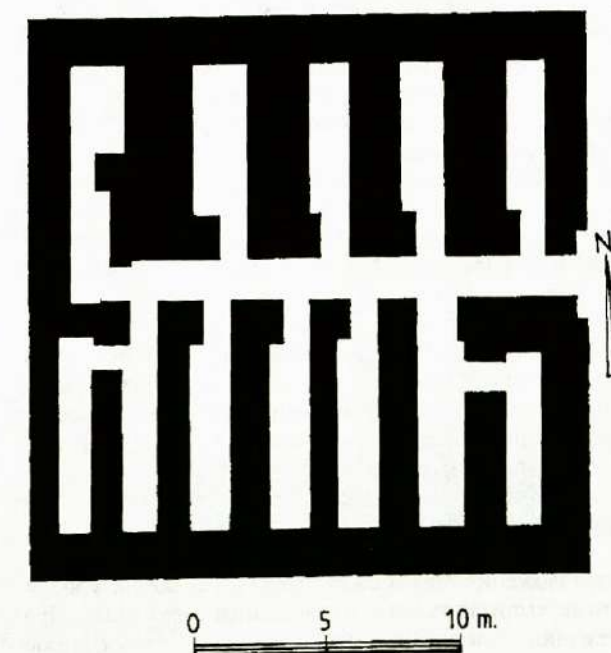

Рис. 130. "Казарма" в Шахристане. План.

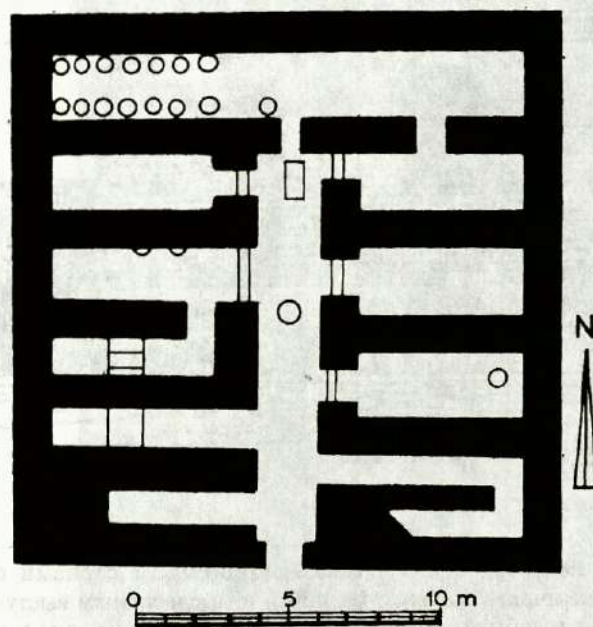

Рис. 131. Замок Тирмизак-тепе.
План с частичной реконструкцией.

Наклонные поперечные отрезки, из которых сложены своды комнат, в соседних помещениях направлены в противоположные стороны — разумный способ равномерного распределения давления от сводов на поперечные стены. В комнате 7 расчищены щелевидные окошки, одно в северной торцевой стене и два в западной, — наверно, подобные окошки имелись и в других помещениях.

Редкая особенность Тоштемир-тепе — в том, что ее главный западный вход вел, при помощи пристроенной к фасаду лестницы, сразу на верхний этаж, — это несомненно означает, что осевой коридор, как и боковые комнаты, был разделен балочным перекрытием на два уровня: попавшие в комнаты верхнего этажа могли спуститься на нижний уровень по приставным лестницам, имевшимся, вероятно, в каждой двухъярусной комнате.

Последние комнаты на восточной стороне (3 и 6) были отделены от прочих и снабжены отдельным входом, обращенным на юг. У этих комнат на верхнем уровне входов нет, — они сообщались, каждая отдельно, только со своими нижними частями, разделенными камерой 4, которая представляет собой отгороженную восточную часть осевого коридора. И здесь можно предполагать, что пятикомнатная "квартира" в восточной части здания предназначалась для командира расквартированного здесь отряда, но причина ее полной изоляции от остальных помещений казармы-замка, практически едва ли удобной, остается непонятной.

Еще одна странность этого необычного здания — расположение "вразбежку" дверей на обоих уровнях его двухъярусных комнат: двери нижнего уровня, прорезанной заподлицо с левой стеной, вверху отвечает дверь, прорезанная у правой стены. Исключение — комнаты 3 и 6, вообще лишенные входов на верхнем

уровне, и комната 2, нижняя дверь которой — в нарушение общего правила — расположена посередине. Убеждение исследователя, что таким образом усиливалась прочность стен, ошибочно.

К постройкам коридорно-гребенчатого типа в Уструшане принадлежит и здание на городище **Ширин**, которому посвящена плохо написанная публикация (не всегда позволяющая понять, о каких помещениях и деталях идет речь в тексте), снабженная примитивно нарисованным планом и схематичными, без масштаба разрезами.²³⁰

Здание стояло в северной части укрепленного городища, вытянутого в направлении Ю—С, и состояло в своей сохранившейся части из двух групп удлиненных сводчатых комнат, симметрично расположенных по сторонам осевого коридора, направленного с востока (эта сторона не сохранилась) на запад (рис. 133). Ширина комнат была, с небольшими отклонениями, стандартной — 2,7–2,8 м, первоначальная ширина коридора — 2,5 м; впоследствии он был сужен более чем вдвое. Западный торец коридора оформлен глубокой прямоугольной нишей; не исключено, что это не ниша, а часть заложенного коридора, шедшего дальше в западном направлении.

В отличие от предыдущих образцов устройство здания не ограничивалось этой почти каноничной коридорно-гребенчатой системой: к югу от нее в толще очень массивных пахсово-сырцовых стен (их толщина местами достигает 4,5 м) имелась комната с пристенными суфами, сейчас (вероятно, из-за разрушения восточного торца) открытая на восток всей своей трехметровой шириной. Другая сводчатая комната в ЮЗ стороне раскопанного здания, длиной 8,55 и шириной 1,77 м²³¹ и ориентированная в направлении Ю—С, первоначально открывалась на юг, в сторону лежащего здесь двора. Позже этот вход был заложен, и комната (не имевшая, как и предыдущая, связи с другими помещениями) оказалась замурованной. Узкий, тоже заложенный впоследствии проход соединял сведенные комнаты в ЮЗ углу "гребенчатой" группы с южным двором.

Стены здания были возведены из пахсы и сырцовых кирпичей (46×23×10, 48×24×10, 52×25×10 см) в разных сочетаниях. В некоторых случаях пахсовые блоки лежат на сырцовой кладке, — это не совсем обычно (чаще бывало наоборот) и находит близкие аналогии в конструкциях шахристанского "замка".

Опубликованный материал не позволяет, к сожалению, судить ни об общем планировочном замысле строителей, ни о форме и границах постройки, ни даже о ее этажности. Можно только предполагать, что остатки здания в цитадели городища **Ширин** входили в состав большой укрепленной усадьбы или даже дворца и представляют собой его фрагментарно сохранившуюся нижнюю, служебную часть.

Раскопки замка **Каппа-тепе** в Илаке (Северный Таджикистан) не были, как обычно, завершены, — почти не раскрыты фасадные поверхности стен, и контуры многих помещений, несмотря на высоту сохранившихся стен — до 4,5 м — недостаточно ясны.²³² Представленный здесь план здания — реконструкция, не лишенная, может быть, ошибок несмотря на точность обмеров (рис. 134).

Каппа-тепе был компактным зданием размерами около 19×21 м, стоявшим на естественной галечно-лессовой платформе внутри двора и построенным из сырца единообразного размера — 30×21×9–10 см. Общий принцип устройства роднит Каппа-тепе с двумя замками, речь о которых шла выше, — это Фильмандар в окрестностях Пенджикента и Баба-тепе в Тохаристане. Всех их объединяют, конечно, осевые фасадные ниши, благодаря которым объем здания в какой-то мере воспринимается как группа четырех массивных, тесно сдвинутых башен. Причем вертикальные выемки на осях фасадов выглядят в Каппа-тепе, как и в Фильмандаре, более органичными, чем в Баба-тепе, где они не отражают внутреннего устройства здания и даже отчасти противоречат ему. Любопытно, что при объединяющем их признаке все три замка принадлежат как будто разным типологическим группам: реконструкция верхнего этажа Баба-тепе сближает его с замками 4 типа, в Фильмандаре — тоже по реконструкции верхнего этажа — усматривается замок 2 типа, а маленькая камера в центре Каппа-тепе позволяет отнести его к замкам 3 типа.

Вопрос о каком-то ином устройстве верхнего этажа по сравнению с нижним здесь не возникает: высокие стены сохранили в нескольких местах гнезда от балок деревянного настила, которые — точно так, как в Тоштемир-тепе, — делили помещения на два яруса-этажа, схожие по планировке. Для связи между этажами в ЮВ углу был устроен пандус, соединенный с деревянной лестницей. Задние стены южной и восточной осевых ниш прорезаны узкими про-

емами типа бойниц, слегка расширяющимися вовнутрь, что настоящим бойницам не свойственно: они по понятным причинам расширяются наружу. К каждой из них сбоку подходит узкий сводчатый коридор, в плане несколько скошенный, — не очень понятное устройство, отвечающее, вероятно, требованиям обороны. Еще одна сохранившаяся бойница (их, вероятно, было немало) прорезает наружную восточную стену ближе к СВ углу.

Едва ли можно сомневаться в том, что Каппа-тепе был жилым замком. Но его внутренняя центрическая организация выглядит странной и для жилища, даже раннесредневекового, неудобной. Сравнительно большое внутреннее пространство здания расчленено на угловые камеры, плохо изолированные от соединяющих их коридоров, а центр занят не залом и даже не распределительным холлом-тамбуром, а подобием темной кладовой со следами обложенного камнями колодца. Более же всего странно, что в замке не было входа — не только архитектурно оформленного, но вообще никакого. С.Шетухина, занимавшаяся архитектурными исследованиями и обмерами Каппа-тепе, считает, что жители и посетители замка проникали в него с помощью приставной или даже веревочной лестницы, с северной стороны и прямо на верхний уровень — ситуация, которую мне трудно вообразить, и для которой должны были иметься очень специальные условия. Но с фактами нельзя не считаться.

Точные обмеры сделали возможным геометрический анализ плана. Установлено, что размер метрической единицы, которой кратны основные члене-

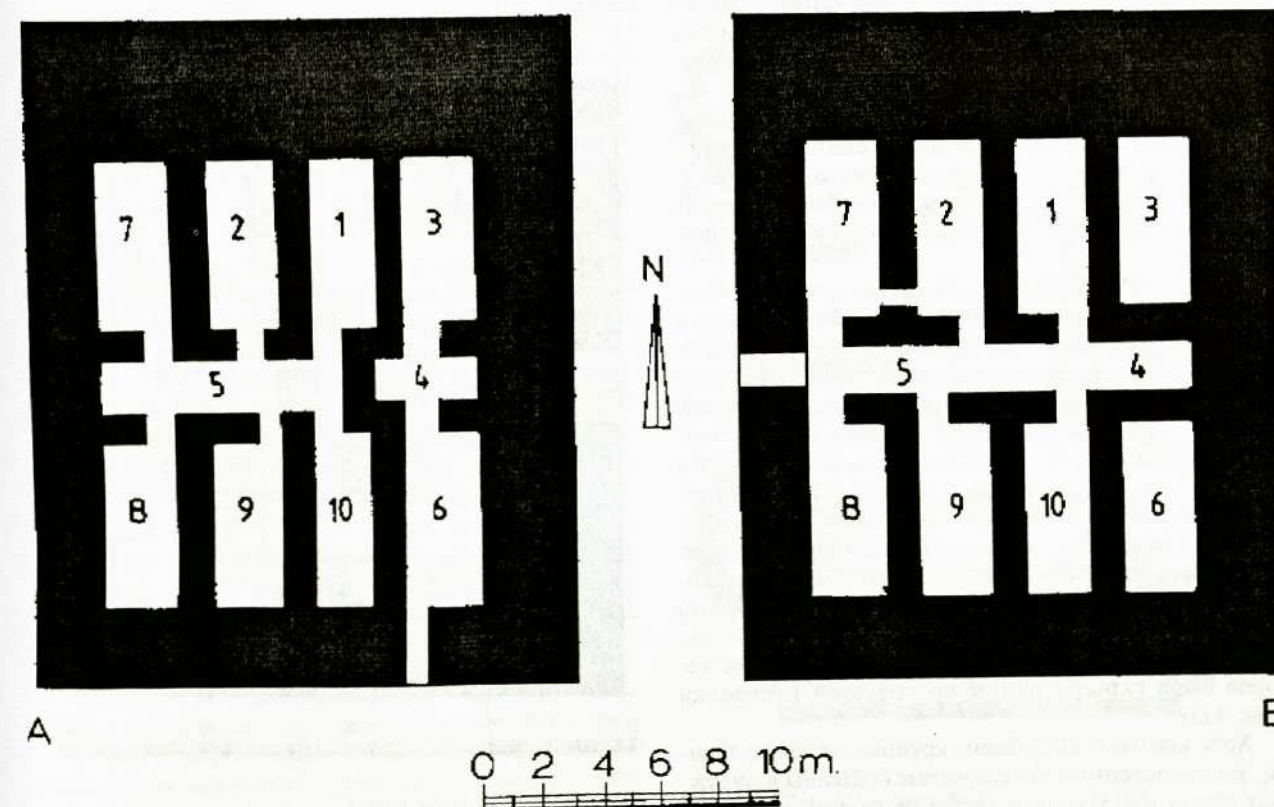

Рис. 132. Замок Тоштемир-тепе. По У.Пулотову.

А — план по нижнему уровню. В — план по верхнему уровню.

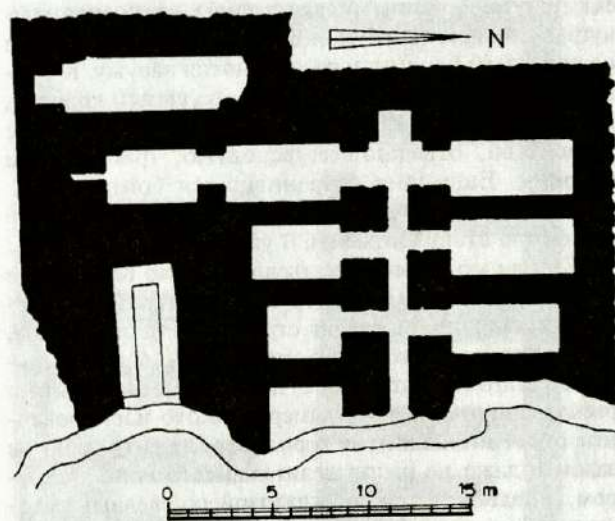

Рис. 133. Замок на городище Ширин. План.
По Н.Негматову, А.Мирбабаеву, М.Абдурасулову.

ния плана — 198 см; внутреннюю площадь здания составляют в длину 8 этих единиц, в ширину — 7: практически отношение 8:7 отвечает отношению сторон в прямоугольнике с пропорциями 1:($\sqrt{3}$:2). Предположительно избранная строителями метрическая единица составляла три гяза, каждый длиной 66 см, — в архитектуре 9—11 вв. гязы такого и близкого размера, отвечающие среднему расстоянию от плеча до конца пальцев, встречаются сравнительно часто, — например, в хорезмийском дворце Кават-кала, во дворце Шахриар-арка в Мерве и в мавзолее Ходжа Нахшран восточном (Таджикистан). Толщина внешних стен не вписывается в эту метрическую сетку, но представляет собой ее прямую функцию, так как равна диагонали квадратной метрической единицы; эта же диагональ определяет собой, как будто, глубину и ширину осевых фасадных ниш. Зависимость других членений плана от метрической сетки видна на прилагаемом чертеже.

Остатки двух зданий, построенных один на развалинах другого, хранил холм Тиркаш-тепе — там же в древнем Илаке, недалеко от Каппа-тепе.²³³ Верхнее здание, ориентированное не совсем точно по сторонам света, построено из сырца (преимущественный размер — 42-45×28-30×9-11 см), местами с прослойками ленточной пахсы. Его близкий к квадрату план — 21,5×20,5 м — усложнен крупными угловыми, овальной формы башнями с устроенными изнутри входами в них. Судя по сохранившейся лучше других СЗ башне, ее пролет составлял около 5,5 м, а наклоненные внутрь стены постепенно смыкались, образуя купол. Основанием зданию, построенному в 6—7 вв., служила платформа высотой около 15 м, внутри которой были скрыты руины предыдущей постройки (рис. 135).

Хотя компактный объем, крупные угловые башни, многочисленные двухъярусные бойницы в наружных стенах и некоторые другие признаки говорят о том, что Тиркаш-тепе был монументальным

укрепленным жилищем, то есть замком, его внутреннее устройство не находит среди современных ему замков Средней Азии сколько-нибудь близких аналогий, а некоторые его детали остаются нерасшифрованными. Плановая структура здания определяется системой периферийных помещений, со всех сторон охватывающих несколько сдвинутый к востоку центр.

Западная сторона состоит из трех больших, расположенных в ряд комнат 1, 2 и 5. Общая для них западная фасадная стена, прорезанная бойницами, так сильно наклонилась наружу, что ее пришлось укрепить контрфорсом. Комната 1 в ЮЗ углу — практически квадратная (5,5×5,6 м) и была, может быть, перекрыта куполом. Пол выстлан несколькими рядами сырца разных оттенков — оранжево-красного, кремового и серого. Севернее лежат несколько меньшие комнаты 2 и 5, соединенные между собой проемом заподлицо с их общей восточной стеной.

Проходы из угловых комнат 1 и 5 ведут в П-образную группу продолговатых помещений 4, 6 и 7, расположенных соответственно за южным, восточным и северным фасадами здания. При ширине около 3 м (так на чертеже) здесь можно предполагать перекрытия сводами, а суфы, устроенные вдоль стен нешироких помещений, указывают на их бытовое, жилое назначение. Место смыкания комнат 6 и 7 вместе со стоявшей здесь СВ башней разрушено, но есть основание думать, что комната 6 продолжалась до угла и, значит, была длиной около 13,5 м, а сравнительно короткая комната 7 (7,5 м) лежала между комнатами 5 и 6, соединяясь с ними "скользящими" проемами вдоль северной стены. В этом случае взаимное расположение периферийных комнат восточ-

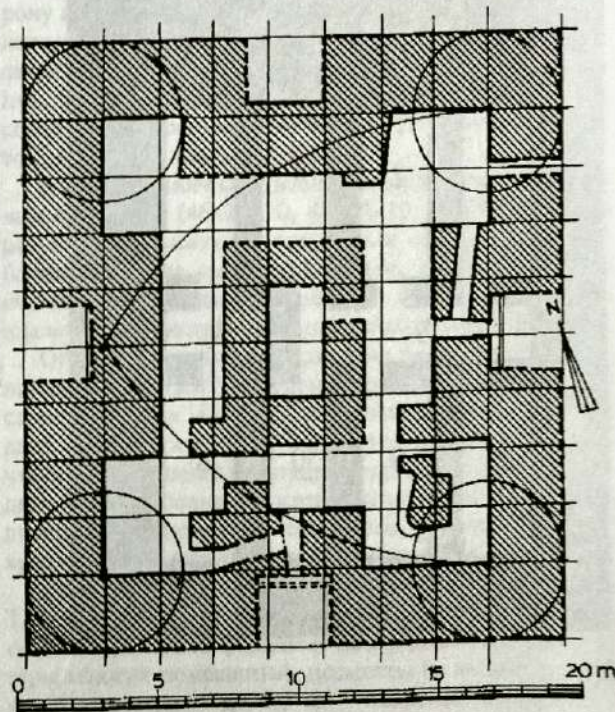

Рис. 134. Замок Каппа-тепе.
План по С.Шетукиной с реконструкцией и геометрическим анализом.

ной стороны должно было образовывать характерную фигуру "вертуна", свойственную ранним постройкам 1 типа. Восточная комната 6 с широким, но архитектурно не выделенным входом посреди восточной стены играла роль вестибюля: отсюда проходили во все помещения замка, а через комнаты 4 и 7 — в его внутреннюю часть необычного и непонятного устройства.

Это обширное пространство размерами 9×7,3 м заключало в себе монолитную платформу, сложенную из сырца (42-45×28-30×9-10 см), со сторонами длиной 7,5 и 3,75 м и высотой 2,5 м — на такую же высоту сохранились стены, окружающие это внутреннее пространство. Боковые поверхности платформы оштукатурены глиной. Узкие коридоры между стенами и платформой были сводчатыми: части свода в виде сырцовых трапецевидных (то есть сделанных специально для свода) кирпичей размером 55×32-26×9-10 см найдены здесь в нескольких местах. Что до самой платформы с характерным отношением сторон 1:2, то ее назначение непонятно. Можно лишь предполагать, что вместе с опоясывающим ее сводчатым обходом она служила основанием для большого зального помещения, расположенного метра на 4 (высота стен с платформой и стоящих на них сводов) выше. В этом случае Тиркаш-тепе мог бы рассматриваться как своеобразная разновидность замков 2 типа.

Впоследствии хозяева замка усилили его оборонноспособность, вынеся на южную сторону, между ЮЗ и ЮВ башнями, дополнительную стену с множеством бойниц; таким же укреплением была, как будто, снабжена ЮЗ башня.

Иное устройство было у здания, замурованного в платформу замка 6—7 вв.²³⁴ Исследователи датируют его 3—4 вв. н.э., то есть временем, пограничным между поздней (кушанской) античностью и ранним средневековьем, строительные-технические признаки которого в этой постройке достаточно ясно видны.

Первоначальное здание Тиркаш-тепе 1, на котором стояла более поздняя постройка, было квадратным в плане (21×21 м) и состояло из среднего квадратного зала размером 6,2×6,2 м, окруженного со всех сторон четырьмя однотипными коридорообразными комнатами (средние размеры — около 11,20×2,25 м), которые были расположены "вертуном" — так, как это было принято в древних зданиях 1 типа, "квадратном доме" парфянской Нисы и Кызыл-кыр (рис. 136). Проемом в одной торцевой стене каждая комната соединялась с предыдущей, а другим проемом, справа у противоположного торца — со следующей, устроенной аналогично. Стены южной комнаты 1, кроме того, были прорезаны двумя проходами в средний зал и главным входом в южной фасадной стене. Вход в зал, расположенный заподлицо с его западной стеной, выделяется большой высотой и шириной, и еще тем, что единственный вход в здание располагался на южном фасаде точно напротив него. Второй, восточный вход в зал своим случайным расположением и размерами похож на прорубленный позже, когда внутренняя стена разделила зал на две узкие камеры: помещение площадью 38,5 м² едва ли нуждалось в двух соседних входах. Но этим сообра-

жениям как будто противоречит одинаковость арочных венчаний и размеров входов в комнаты 4 и 3, причем изначальность последнего входа не вызывает сомнений.

Массивные стены здания были возведены снизу на высоту немногим более 1 м из пахсы, а выше — из квадратного кирпича-сырца с длиной сторон 39—41 см и толщиной 9—12 см. Ряды сырца разделялись толстыми слоями глиняного раствора. Продольные стены узких комнат (средние размеры — 11,20×2,25 м) завершались горизонтальным уступом глубиной 10 см, направленным внутрь — так, что пролет свода, опирающегося на этот уступ, был на 20 см больше расстояния между стенами. Это устройство противоположно правилу, принятому в строительстве доисламского (да и более позднего) времени, по которому свод опирался на выдвинутую из стен полочку, что несколько уменьшало его пролет. Расширение основания свода можно было бы объяснить употреблением сплошной деревянной опалубки (обычный прием строительной техники древнего Рима), которой требовалась опора на стены, но своды Тиркаш-тепе 1 сложены наклонными поперечными отрезками, которые, по всеобщему убеждению, были хороши именно тем, что возводились без опалубки.

Своды здания в отличие от стен сложены не из квадратного, а из продолговатого сырца с размерами 53-55×29-33×9-10 см; встречаются и трапецевидные кирпичи, специально предназначенные для кладки сводов. Форма сводов — не обычная для 5—8 вв. эллиптическая: они невысоки, с круглыми краями и

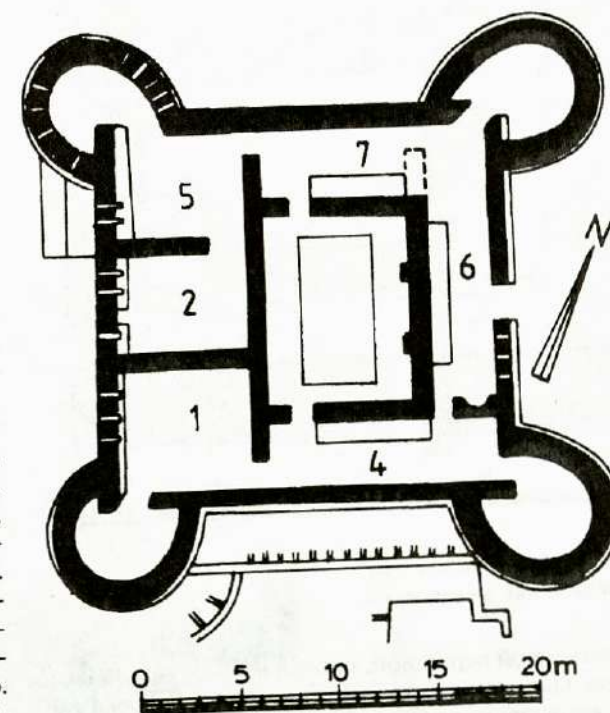

Рис. 135. Замок Тиркаш-тепе. 6—7 вв. План.
По Е.Салтовской и У. Пулатову.

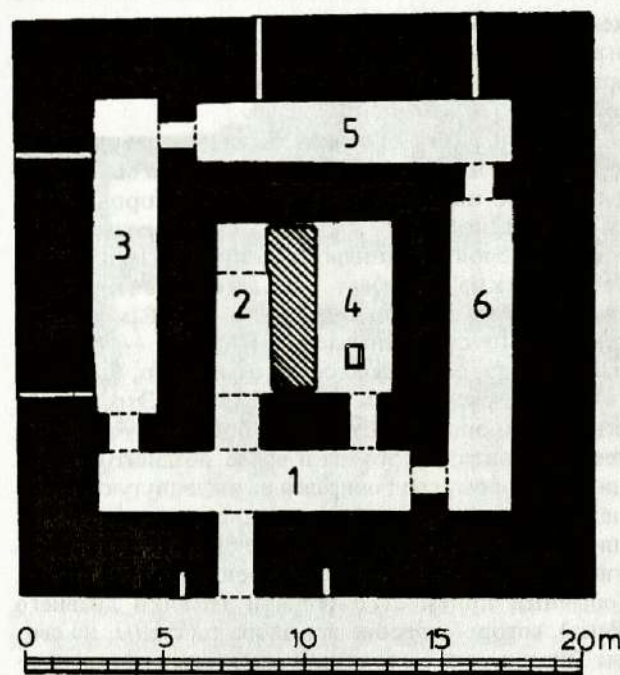

Рис. 136. Замок Тиркаш-тепе 1. План.
По Е.Салтовской и У.Пулатову.

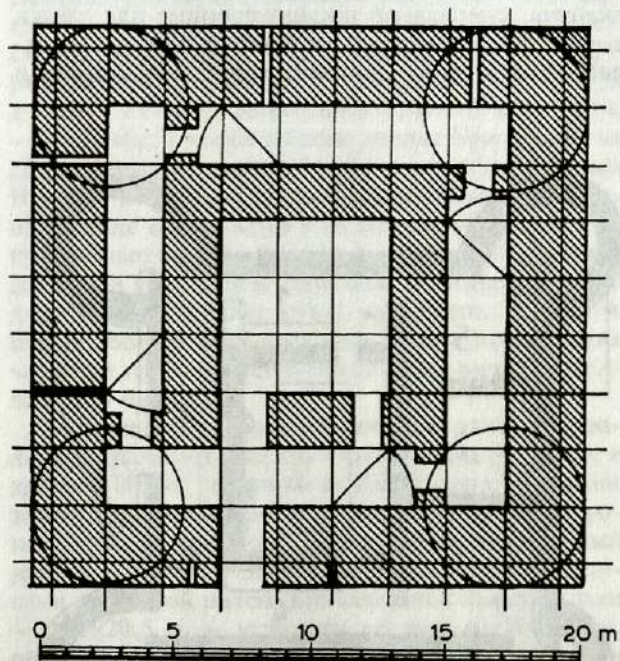

Рис. 137. Замок Тиркаш-тепе 1.
Геометрический анализ плана.

приплюснутой вершиной, похожи на лучковые и, возможно, построены из трех центров. Аналогичная форма у сохранившихся арок входных проемов, но они сложены из квадратных кирпичей в технике клинчатой кладки и ооконтурены снаружи рядом кирпичей, уложенных плашмя по наружному контуру арочной

перемычки — уже вполне раннесредневековый прием.

Употребление в одной постройке квадратных (античного типа) и удлиненных кирпичей, типичных для 5—8 вв., находит неожиданную близкую параллель в караван-сараях Чалдывар (Киргизстан)²³⁵ и, возможно, фиксирует собой переломный момент в эволюции строительной техники между поздней античностью и ранним средневековьем. Высота сводчатых комнат от пола до верха свода составляет около 4 м.

На южном фасаде по сторонам входа частично сохранились две бойницы, использованные по их прежнему назначению в верхнем здании, ставшем на заложенные руины Тиркаш-тепе 1. Исследователи полагают, что эти бойницы остались от сплошного защитного парапета, обегавшего раннее здание по периметру и поднятого над его кровлей.

Противоположные основания сводов в комнатах, окружающих квадратный центр, лежат на разных уровнях, — разница между ними достигает 20 см. На взгляд исследователей, которые называют такие своды "ползучими", это было сделано сознательно — для того, чтобы ползучие своды, работая как контрфорсы, уравнивали давление соседних сводов и масс. Это неверно уже потому, что разница в уровне основания сводов не только мала, но и бессистемна: в комнате 3 пять внешней стороны свода ниже, чем пять внутренней стены — здесь свод мог бы работать как контрфорс, — но в комнате 1 соотношение уровней пят свода противоположно, и сила "контрфорса" направлена на внешнюю стену, которая в таком противодействии не нуждается.²³⁶

В комнатах 3 и 5, в верхних частях наружных стен (то есть под основанием свода) сохранились по два щелевидных световых проема, служившие, вероятно, не столько для освещения (они расположены слишком высоко и при ширине 10–20 см прорезают стены толщиной около 3 м), сколько для вентиляции. Подобные продухи были, возможно, и в других фасадных стенах. Что до центрального помещения, то его форма и величина позволяют предполагать здесь перекрытие куполом, а все здание представляет собой почти канонический образец замка 1 типа, но — из-за небольших размеров — с заменой внутреннего двора центральным купольным залом. Предположение исследователей, что Тиркаш-тепе 1 вначале представлял собой "...типично культовое, храмовое сооружение", и что колодец в комнате 4 доказывает, будто этот храм был посвящен богине Анахите, ошибочно: храмов такого рода, даже нетипичных, нет, устройство колодца в укрепленном замке разумно, а типологическая принадлежность здания замкам не вызывает сомнений. С Тиркаш-тепе 1, который перестал удовлетворять требованиям жизни, случилось то же, что с похожим на него ранним зданием Балалык-тепе, — с той разницей, что Балалык-тепе был перестроен и приспособлен, а Тиркаш-тепе стал субструкцией совсем другой постройки.

Несложным геометрическим анализом плана устанавливается метрическая единица, принятая за основу плановой структуры — отрезок длиной около 2,2 м, равный ширине сводчатых комнат, толщине

внутренних стен и трижды укладываемый в длину стен центрального зала (рис. 137). Предположительно этот размер составляет три избранных строителем гяза длиной 73,3 см, — такого и близкого размера гязы употреблялись в постройках 11–12 вв. — в мавзолеях Аламбердара и Ходжа Нахшран западном, мечети Талхатан-баба, комплексе Хакими Тирмизи. Толщина наружных стен, не вписывающаяся в метрическую сетку, все же есть ее функция: она равна диагонали квадратной метрической единицы, то есть определялась тем же способом, что в соседнем замке Каппа-тепе. Совпадение двух узких окон на западной стороне с линиями метрической сетки выглядит как будто тоже не случайным.

Архитектура замка Дунгача-тепе в ЮВ Уструшане, несмотря на несколько кратких публикаций,²³⁷ остается во многом неясной. Верхняя поздняя часть этого двухслойного здания, названная замком и датированная 6–7 вв., известна только из описаний: планы и другие чертежи этого, по словам исследователя, полностью раскопанного здания не публиковались. Судя же по не всегда ясным описаниям, замок был построен из сырца размером 37–40×23–27×8–10 см и стоял на высокой искусственной платформе; главным его помещением был "...крупный, парадного облика, прямоугольный в плане зал" размерами 11×4,8 м, с суфами вдоль стен и входным "вестибюлем" — это слово почему-то взято в кавычки. Своей северной стеной зал примыкал к внешней крепостной стене со щелевидными бойницами и обводным коридором, с южной и восточной сторон к залу примыкали жилые и хозяйственные комнаты, связанные с ним входами; их сложенные из сырца стены стояли на основании из крупных пахсовых блоков.

Эти краткие, явно неполные сведения не позволяют, к сожалению, определить даже приблизительно особенности плановой структуры замка и его классификационную принадлежность.

Здание стояло на руинах более ранней постройки,

которую исследователь датирует довольно широко (3—начало 5 вв.), и план которой — в пределах ее раскопанной части — опубликован (рис. 138). К сожалению, и этого мало для того, чтобы составить достаточно полное суждение обо всем здании, принципах его устройства и заложенной в нем строителями архитектурно-планировочной идее.

Помещения 1, 2 и 3, разделенные довольно тонкими стенами и примыкавшие с севера к крепостной стене, построены из сырца характерного формата — 47×25×9–10, 45–47×30–32×8–9, 52–53×37×9 см, — он свойствен постройкам 5–7 вв. и вызывает сомнение в слишком ранней датировке. В западной стене комнаты 1, ближе к СЗ углу, сохранилось окно шириной около 1 м — необычно большая по тем временам ширина, — позже закрытое ремонтной прикладкой. Южнее ту же стену прорезали два отверстия треугольной формы, перекрытые парами поставленных "домиком" кирпичей. Перекрытия этих комнат явно бытового назначения были, вероятно, плоскими.

Раскопанная южная часть коридора 4 связана глубоким сводчатым проемом с комнатой 5 — тоже, очевидно, началом коридора, направленного перпендикулярно — в направлении С–Ю — и перекрытого сохранившимся сводом, сложенным поперечными отрезками. Исследователь предполагает, что главные представительные помещения замка располагались южнее коридора 4. Это не исключено и, может быть, последние археологические исследования, еще не опубликованные, уже позволили снять проблему, для полного решения которой мне не хватает материалов.

Известные мне публикации недостаточны для реконструкции общего плана здания и определения его классификации. В любом случае, нельзя согласиться с исследователем, который видит в этой постройке "...почти классический образец коридорно-гребенчатой системы": для такого утверждения раскопанные части не дают решительно никакого основания, тем

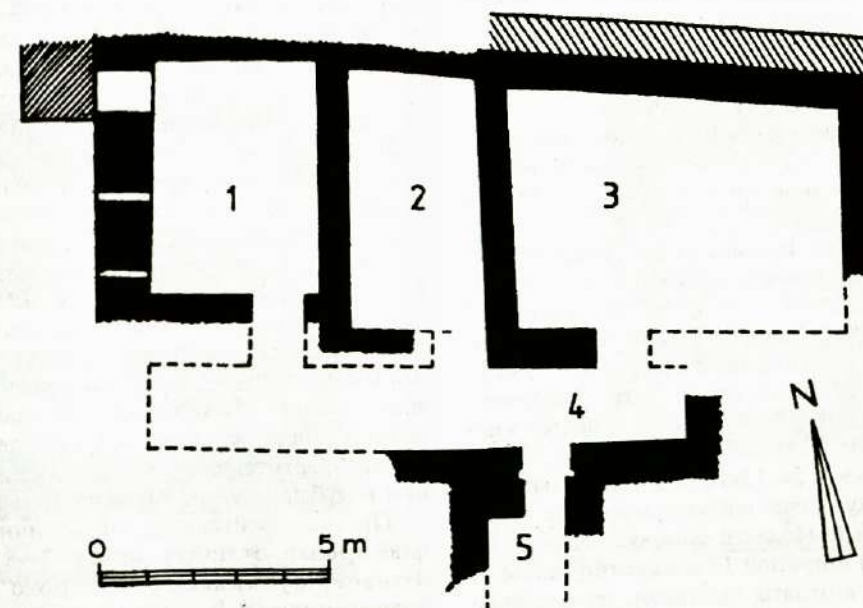

Рис. 138. Замок Дунгача-тепе. План ранней постройки. По Е.Салтовской с коррективами.

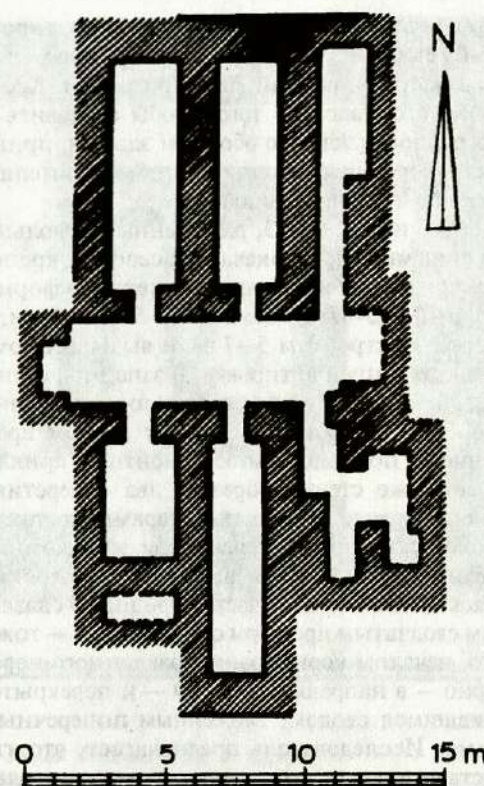

Рис. 139. Дом на городище Красная речка. План. По А.Бернштаму.

более, что действительно "классических образцов" зданий этой характерной системы в Уструшане достаточно, — стоит вспомнить "казарму" в Шахристане, Тирмизак-тепе, Тоштем-тепе и дом на городище Ширин. У открытых частей Дунгача-тепе с этими зданиями явно нет ничего общего.

По сравнению с Мавераннахром и Северным Хорасаном земли СВ Средней Азии (Киргизстан и Южный Казахстан) сохранили сравнительно мало остатков замков-кешков доисламского времени, — это, правда, может быть следствием недостаточной археолого-архитектурной изученности региона, где возможны еще существенные открытия. Пока же известные здесь замковые сооружения 5–8 вв. немногочисленны, а посвященные им публикации могли бы быть полнее и подробнее.

Замок на городище Красная речка (предполагаемый город Сарыг или Невакет) в Чуйской долине был раскопан еще в 1939 г., но, как будто, не до конца.²³⁸ Датированное 5–8 вв., здание было построено из блоков пахсы, прослоенных сырцом, и перекрыто сырцовыми сводами обычного типа, то есть поперечными отрезками. Употребленный здесь сырцовый кирпич был квадратным (22×22×6 и 25×25×8 см) и продолговатым (26×10×8 и 28×13×10 см); наружные стены утолщались кверху за счет небольшого наклона фасадных поверхностей. Нижний этаж освещался щелевидными окнами шириной 10 и высотой около 50 см; свет в верхние комнаты проникал, по предположению исследователя, из центрального осевого помещения (рис. 139).

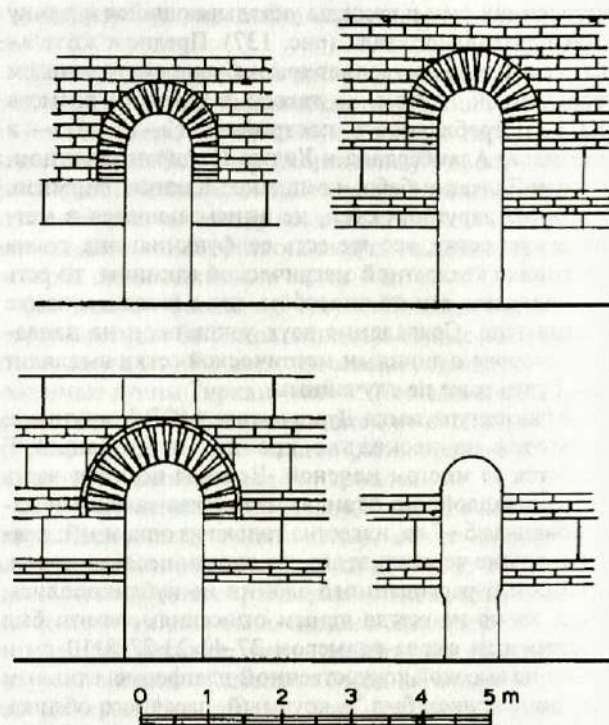

Рис. 140. Замок Луговое А. Типы арочных входов. По К.Байпакову.

Внутреннее перекрытие двухэтажного замка было балочным, деревянным, как в уструшанском Тоштем-тепе и аналогичных постройках, — это предопределило сходство планировки обоих этажей. Общие приемы, характерные для зданий коридорно-гребенчатого устройства, усложнены здесь неполной симметрией обеих половин плана — групп из трех продолговатых комнат, поперечных большому среднему помещению, вытянутому в направлении З–В. Вызывают сомнение слишком сложная конфигурация ЮВ комнаты, отрыв от ЮЗ комнаты ее южной части, очень длинный нераскопанный проход в СВ комнату и отсутствие входа в здание. Все это заставляет либо усомниться в качестве археологических исследований, либо предположить какие-то капитальные, с трудом объяснимые перестройки.

При всем при том принадлежность здания в Сарыге типу замков с коридорно-гребенчатым устройством несомненна. Остается неясным, было ли оно, подобно большинству зданий такого типа, построено для военного отряда местного правителя, или использовалось как обычное укрепленное и, наверно, не очень удобное жилище, — к сожалению, о его ближайшем архитектурно-фортификационном окружении в публикации не говорится.

Предположительно, аналогичная или схожая планировка отличает замок 7–8 вв. в селении Луговое, публикация которого осталась мне недоступной.²³⁹ В известном мне издании²⁴⁰ эта постройка упомянута как аналог замка в Сарыге, правда, без плана, а только с изображением арочных

проемов, которое я здесь с благодарностью воспроизвожу (рис. 140).

Преобладание зданий этого типа среди немногих ныне известных монументальных жилищ 5–8 вв. в Семиречье означает, может быть, местную особенность жилищной архитектуры колонистов-согдийцев, живших в не всегда дружественном окружении кочевников. Очень трудно представить себе, каким нормальным, даже упрощенным жизненным процессам могло отвечать здание, построенное в 7–8 вв. в Сарыге-Невакете (Красная речка), в 200 м к югу от ЮЗ угла городского центра.²⁴¹ Ориентированное по сторонам света, оно представляло собой в плане прямоугольник величиной около 30×25 м, со входом посреди короткой восточной стороны, и состояло из трех параллельных помещений, длиной 21 и шириной 3 м, вытянутых во всю длину постройки. На оси Ю–С комнаты соединялись двойным поперечным проходом (рис. 141).

Помещения были как бы замурованы в сырцовые стены чрезмерной толщины, по большей части толще 4 м, и перекрыты, как было выяснено, ложным сводом предположительно полукруглой формы, сложенным из крупного сырца. Этим, как предполагает исследователь, объясняется массивность стен, превышающая пролет помещений.

Одноэтажная постройка принадлежала, по словам исследователя, к типу крепостной архитектуры, то есть, видимо, рассматривалась им как укрепленный замок. Ее плановое устройство есть предельно упрощенный вариант коридорно-гребенчатой структуры, в котором все внутренние пространства сведены к системе одинаковых коридоров, а центральное осевое помещение трансформировалось в поперечный проход, лишь намеченный двумя осевыми проемами. Нивелировка помещений по их форме и назначению, вообще характерная для зданий с коридорно-гребенчатым устройством, доведена здесь до последней степени простоты. Укрепленным жилищем

это сооружение не могло быть, да и для здания казарменного назначения оно, пожалуй, не слишком удобно. Признаки более поздних перепланировок в виде поперечных стенок указывают на то, что хозяева здания еще при его жизни делали попытки (не очень уверенные) выделить из коридоров более удобные для жизни ячейки.

Замок-усадьба на городище Ак-тобе Таласское хотя и принадлежит тому же типу зданий с коридорно-гребенчатым устройством, все же больше отвечает представлениям о спартански скромном и неприхотливом укрепленном жилище.²⁴²

Здание размерами около 18×18 м²⁴³ стояло в СЗ углу большого обнесенного стенами двора и было, по-видимому, двухэтажным. Две толстые наружные стены, сложенные из пахсы, продолжались на юг и восток как стены двора; восточная внешняя стена, как, вероятно, и несохранившаяся южная, была построена из сырца размером 46×23×12 см. Во всех внутренних стенах нижние части, сложенные на высоту 2 м из пахсы, продолжались выше до сводов в сырцовой кладке. Наружные стены опирались на каменный цоколь высотой 40–70 см (рис. 142).

Вход, оформленный неглубокой нишей, располагался на южной стороне у ЮВ угла. Он вел в длинный (во всю длину здания) коридор-вестибюль, передняя часть которого, отделенная поперечной стеной, была превращена в камеру: отсюда левый проход вел в узкую и длинную комнату, первую из четырех, занимавших основную западную часть здания. Эти одинаковые (10,8×2,4 м) параллельные сводчатые помещения, обращенные узкими входами в поперечный коридор, определяли характерное коридорно-гребенчатое устройство замка, — с поправкой на то, что "гребень" здесь был не двухсторонний, как обычно, а односторонний.

Хорошо сохранившиеся арки входов сложены из крупных сырцовых кирпичей, лежащих плашмя в 4 ряда по контуру кривой высокого (почти параболической)

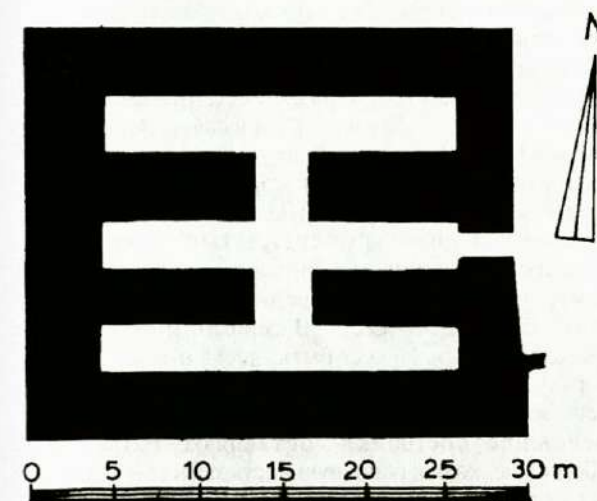

Рис. 141. Замок (объект 7) на Красной речке. План. По П.Кожемяко.

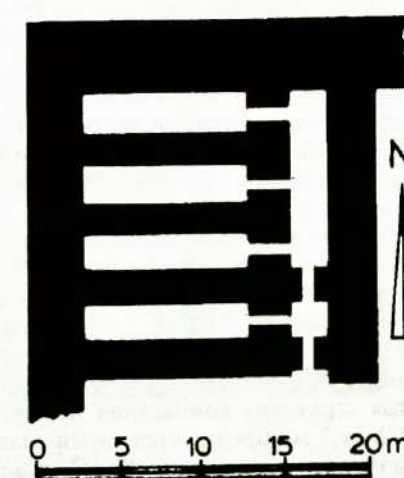

Рис. 142. Замок Ак-тобе Таласское (Текабкет). План. По С. Перегудовой.

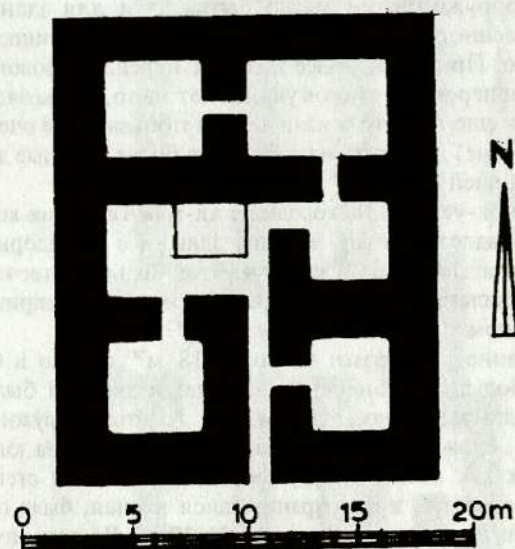

Рис. 143. Дом у Тараза. План.
По С.Перегудовой и В.Горячевой.

ческого) или пологого полуовального очертания, — обе формы находят прямые аналогии в арках Мавераннахры и Ирана. Традиционному "казарменному" аскетизму планировки как будто не отвечают остатки росписей и декоративной резьбы, украшавших некоторые помещения. Фриз, гравированный по сырой штукатурке и раскрашенный в красные, синие и желтые цвета, украшал, как предполагает исследователь, внутреннюю стену колонного навеса восточнее здания.

Вот эта неожиданная репрезентативность, выраженная в употреблении живописного и резного декора, вызывает сомнение в сугубо служебно-оборонном назначении постройки. Здесь, как будто, не исключена возможность иной плановой организации несохранившегося верхнего этажа, более подходящей для укрепленного жилища и основанной, может быть, на центрической, а не на линейной структуре плана, — общие квадратные габариты здания дают для такого предположения косвенные основания.

Прямых аналогий среди знакомого мне материала замок на Ак-тобе Таласском не находит. Исследователь отмечает его идентичность замку на горе Муг (что, по-моему, не совсем верно) и южноказахстанскому замку Чуль-тепе в 35 км от Тараза (Джамбула), мне, к сожалению, неизвестному.

Значительно ближе традиционному устройству замка-кешка дом в 2 км ЮЗ Тараза, который исследователи датируют 8—9 вв., хотя и отмечают его большое сходство с замком 7—8 вв. у городища Кулан и замком Баба-тепе 6—7 вв. (последнее не кажется мне убедительным).²⁴⁴

Плановая структура компактной постройки размерами 12,2×11,7 м определяется двумя рядами комнат в продольном направлении Ю—С, а в поперечном направлении — двумя группами помещений: большой четырехкомнатной в южной и меньшей двухкомнатной в задней северной части (рис. 143). Вход почти в центре южного фасада продолжен внутрь

узким коридором, который делил переднюю группу на две части и заканчивался входом в большую комнату типа приемного зала (судя по устроенной здесь тронной площадке—"эстраде"). Зал сообщался с двумя квадратными комнатами, одна из которых, в ЮЗ углу, величиной немного более 4×4 м (особенно частый размер ранних купольных помещений), была, возможно, замковой "капеллой". Три помещения дальней СВ группы были, очевидно, жилыми, а изолированная комната в ЮВ углу, ближайшая ко входу, предназначалась для стражи. Стены одноэтажного здания — пахсовые на цоколе из каменных блоков и галечника, потолки были деревянными балочными. Его достаточно сложная планировка выглядит продуманной и гармоничной, комнаты — дифференцированными соответственно назначению. Центральное расположение приемного зала позволяет рассматривать дом у Тараза как разновидность замков 2 типа.

Еще два раннесредневековых замка сохранились в узбекской части Уструшаны, в одном из ущелий Мальгузарских гор, в безлюдных окрестностях Замина. Оба замка по имени соседнего селения называются Мык; опубликованные о них сведения по обыкновению кратки и для полноценной архитектурной характеристики недостаточны, хотя вины исследователя в этом нет.²⁴⁵

Чертежи замка Мык I (верхний), к сожалению, не публиковались. Здание было возведено на вершине утеса, на высоте 80 м над дном долины, из пахсы и кирпича-сырца. Археологически оно датируется весьма точно — концом 7- начала 8 вв. Конфигурация скального основания определила необычную треугольную форму плана с башнями на всех углах. Главной башней—"донжоном" исследователь считает южную, прямоугольной формы, с тремя узкими комнатами внутри и хорошо сохранившимся арочным входом. В описании отмечены известная оригинальность его устройства и качество исполнения архитектурного замысла. Шесть из составляющих здание 11 помещений исследователь считает собственно замковыми, прочие пять — башенными, то есть, вероятно, выполнявшими оборонные функции. В отношении первых отмечается следование традициям замковой архитектуры 7—8 вв., которые выражены в устройстве приемного зала с пристенными суфами и почетным местом—"эстрадой", и в святилище с алтарной нишей, оформленной двумя колонками. Зал и святилище связаны общим коридором-вестибюлем, входы в них оборудованы характерными для доисламской жилой архитектуры тамбурами и заслонами изнутри стенками-ширмами — прием, судя по всему, общий тогда для Средней Азии, включая ее самые отдаленные места. В описании упоминается помещение-двор (может быть, частично перекрытый двор) и два помещения-хранилища, от которых жилая часть замка была изолирована. Предполагается, что уцелевшие постройки составляют только одну небольшую, хотя и основную часть замка, — примерно треть его первоначальной величины. Следы пожара говорят о его насильственной гибели, которую исследователь связывает с арабской экспансией в Уструшане.

Замок Мык II (нижний), с которым связаны романтические легенды, стоит в 50 м ниже Мык I. Он был построен на скалистом склоне, круто спускающемся в направлении ЮЗ, на выровненной для этого площадке. Его размеры в плане, судя по обмерному чертежу, который я здесь с благодарностью воспроизвожу, составляют 30×25 м. Основной квадратный объем (25×25 м) был дополнен на северной стороне выступом (две комнаты и угловая круглая башня), а посреди ЮВ стороны — квадратной башней, некогда самой высокой частью замка. Основание еще одной, круглой башни, стоявшей отдельно, заметно у западного угла (рис. 144).

Стены Мык II, сложенные из камня-плитняка (диабаз и известняк) на глиняном растворе, сохранились на высоту до 8 м. Для внутренних частей употреблялся и кирпич-сырец (52-50×27-26×11-13 см), отформованный из темной глины с примесью мелких камней. Как арматура для укрепления кладки применены арчевые балки-связи. Сильный перепад уровня основания побудил строителей устроить в угловой западной части здания две цокольные комнаты "полуподвального" типа, повторяющие в общем форму лежащих над ними комнат 2 и 3, и отделенных от них балочными, отчасти уцелевшими перекрытиями. Ос-

тальные части замка, видимо, были одноэтажными.

Создатели Мык II, строя на невероятно сложном горном рельефе, стремились все-таки придать плановой структуре здания отчетливо центрический характер. Центральная часть замка представляет собой обширное крестообразное пространство — средний квадрат со сторонами длиной 5,5 м и открытые в него со всех четырех сторон внутренние айваны того же 5,5-метрового пролета, оборудованные (кроме ЮЗ стороны) широкими суфами. Здесь было представительное ядро замка, по необходимости слегка сдвинутое с геометрического центра, но находящее ближайшие аналогии в замках Южного Туркменистана — таких, как Харам-кешк и Акуйли-кошук в Мерве.²⁴⁶ Существенная разница между более поздними замками Мерва и замком горной Уструшаны в том, что в Мерве все перекрытия были сводчатые и купольные, тогда как в Мык II — только балочные и деревянные. Что касается перекрытия среднего квадратного пространства Мык II, то здесь можно предположить брусчатый пирамидальный свод "рузан" того типа, который по сей день употребляется в народной архитектуре Памира и некоторых других горных местностей.

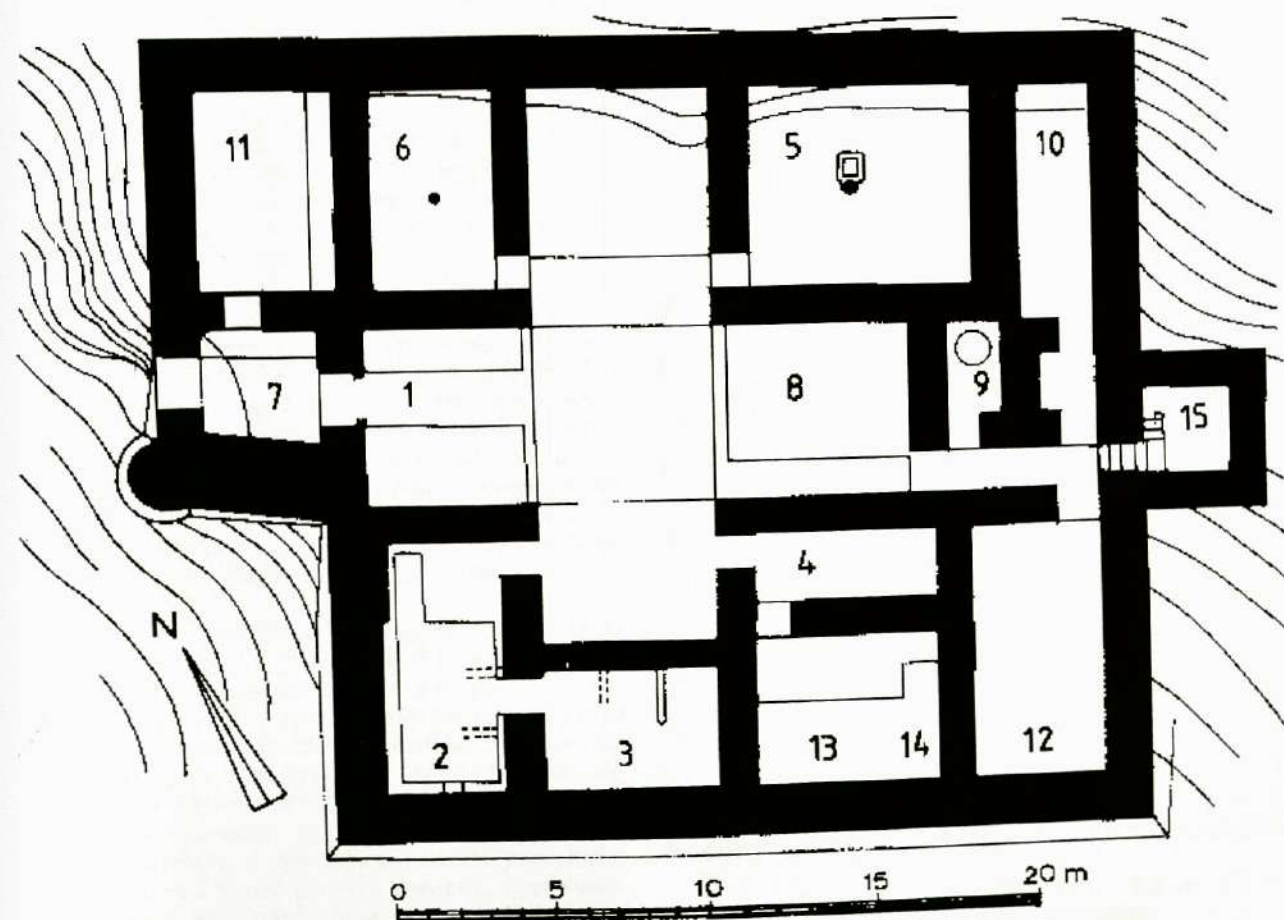

Рис. 144. Замок Мык II. План. По Л.Сверчкову с частичной реконструкцией.

Определяющее центрическое устройство здания свидетельствует о его принадлежности к замкам 2 типа, — конечно, в местном, очень своеобразном варианте. Обращает на себя внимание сочетание рациональной регулярности и почти живописной свободы, с которой разнообразные помещения группируются вокруг импозантного центра; в комнатах 5 (самой большой жилой комнате) и 6 обращает на себя внимание центральное место единственной внутренней опоры — прием, в Средней Азии очень редкий.

Археологический материал позволяет датировать Мык II рубежом 8—9 вв, то есть верхней границей рассматриваемого периода истории: близится исламизация Средней Азии, в том числе и Уструшаны.

Подробный анализ архитектуры обоих замков Мык возможен только после их полной публикации, в которой архитектурно-строительные и художественно-композиционные вопросы заняли бы заслуженное ими место. Хотелось бы, чтобы это когда-нибудь произошло.

КРЕПОСТИ

Это понятие, применительно к архитектурной терминологии доисламской Средней Азии, достаточно неопределенно. Крепостями, строго говоря, можно с известным правом назвать и крупные замки — особенно 1 типа, с открытым внутренним пространством, вроде большой Кыз-калы в Мерве, и защищенные стенами города-шахристаны, и укрепленные усадьбы с замком-кешком внутри, и большие дворцовые комплексы, оснащенные соответствующей фортификацией. Классификация вообще условна и зависит от избранных классификатором признаков, а архитектурная классификация доисламской Средней Азии условна вдвойне. Определяющими признаками крепостей рассматриваемого времени условно считать: достаточно большое пространство (не меньше 75 м в поперечнике) укрепленной территории, развитую систему обороны и ее преобладание над представительными и бытовыми функциями внутренних построек, наличие капитальных зданий казарменного и военно-складского назначения, расположение в стратегически выгодных местах. Выделенная таким несколько искусственным образом небольшая группа среднеазиатских построек 5—8 вв. все-таки очень разнообразна и объединена только этими самыми общими, не всегда заметными признаками.

Несколько крепостей 7—8 в. в Хорезме, пожалуй, более всего отвечают традиционному значению этого термина. Исследователь, впрочем, называет их не крепостями, а усадьбами. Эти крепости к моменту их открытия и изучения были более или менее (чаще более) засыпаны песком, не раскапывались, и в их опубликованных планах зафиксировано лишь то немногое, что возвышалось над землей и было технически доступно. Этим, может быть, объясняется краткость их единственной известной мне публикации.²⁴⁷

Усадьба 4 в оазисе Якке Парсан заключена в квадрат пахсовых стен со сторонами 55 м, высота которых и сейчас местами достигает 4-5 м (рис. 145). Башенных выступов нет, но в угловых утолщениях стен как будто просматриваются удлиненные, Г-образные в плане камеры с обращенными наружу бойницами. Вход посреди восточной стены выдвинут наружу прямоугольным массивом, внутри которого устроен коленчатый коридор — фортификационное устройство античного и еще более раннего времени, усложняющее прорыв в крепость с этой стороны. На расстоянии 15 м от стен (с восточной входной стороны — на расстоянии 20 м) стояла наружная стена, плохо сохранившаяся и, вероятно, менее высокая. С се-

верной стороны в ней сохранилось несколько бойниц, прорезанных на расстоянии 50 см одна от другой, — они имелись, вероятно, по всему прямоугольному периметру наружных стен, которые вместе с внутренними стенами образовывали двойную линию обороны. Это междустенное пространство, судя по следам поперечных стен на южной стороне, было разделено на "отсеки", еще более затруднявшие штурм крепости и прорыв в ее внутренний квадрат.

Руины капитальных построек, которые здесь, конечно, были (иначе не стоило бы так основательно их защищать), засыпаны песком и без раскопок не видны. Можно лишь предполагать, что, в согласии с плановой идеей, основанной на строгой центричности, главное здание крепости стояло посередине его квадратного укрепленного пространства.

У расположенной южнее Айр-калы — почти те же размеры и, видимо, та же плановая структура (ее план не опубликован), что у усадьбы 4. Промежуток между ее двойными стенами был застроен сплошным рядом помещений, отграниченных от внутренней разрушенной застройки, — от нее остались обширные массивы кирпичной кладки, представляю-

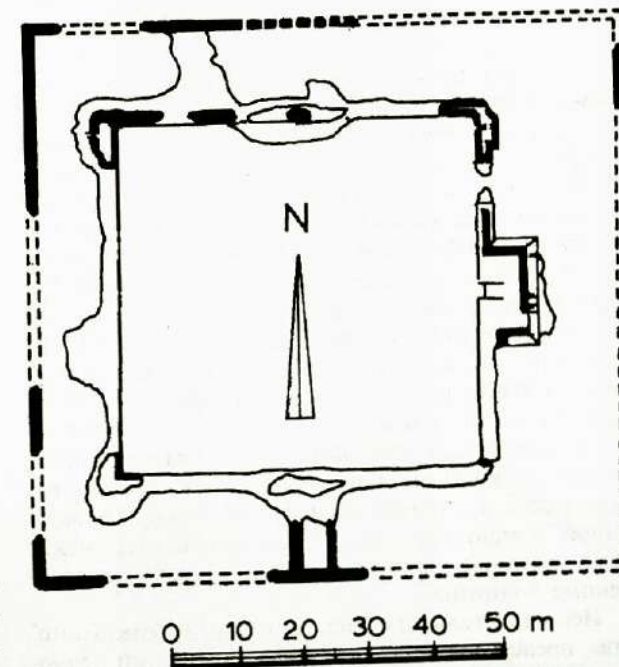

Рис. 145. Хорезм. Усадьба 4 в оазисе Якке Парсан. План. По Е.Неразку.

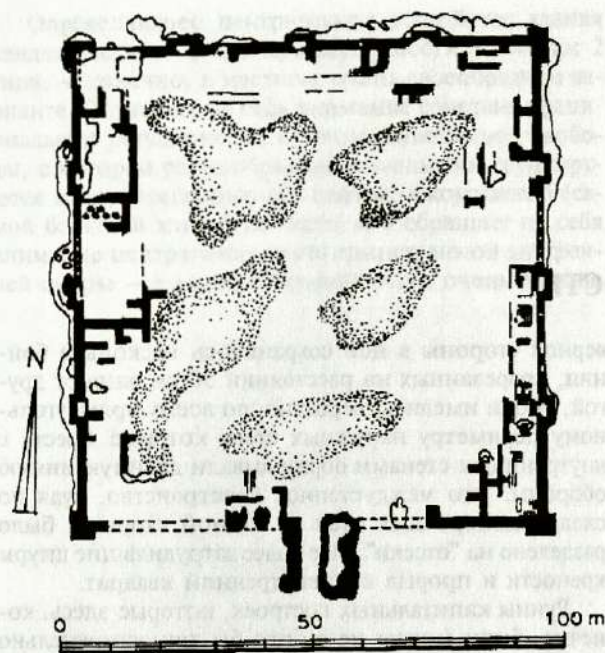

Рис. 146. Хорезм. Усадьба 5 в оазисе Якке Парсан. План. По Е.Неразик.

шие собой, как полагает исследователь, остатки выстилки полов и суф. Донжон посреди южной стены заключал в себе две поднятые на цоколь сводчатые комнаты и, очевидно, входил в систему обороны, — его наружная высота и сейчас не меньше 10 м. Стены прорезаны щелевидными бойницами; как и усадьба 4, Айр-кала была окружена внешней, плохо сохранившейся стеной, отстоявшей на 10 м от внутренней. Углы крепостной стены оформлены имитацией башенных выступов, схожих (судя по не совсем ясному описанию) с пластическим оформлением углов в хорезмийских замках 9—10 вв. Буран-кала и Наиб-кала,²⁴⁸ но степень этого сходства без изображений определить нельзя.

Лежащая далее к югу усадьба 5 — тоже квадратная в плане, но значительно более крупная, — около 90×90 м. Вход посредине южной стены был отмечен массивным пахсовым сооружением типа портала, выступавшим из фасада более чем на 10 м и с проходом-коридором 5-метровой ширины (рис. 146). Линия внешних стен в усадьбе 5 — всего одна, но стены здесь, в отличие от предыдущих случаев, оформлены прямоугольными башенными выступами, — по пять выступов размером 5×2 м на фасад, включая углы. Только на плохо сохранившейся южной стене по сторонам входа этих выступов как будто нет. Башни были открытого типа, то есть без капитальных задних стен и, соответственно, без замкнутых внутренних помещений; некоторые прясла стен между ними сохранили многочисленные, близко расположенные бойницы.

Исследователь отметил, что башни "открытого" типа, представляющие собой односторонний прямоугольный выступ стены, были традиционными в античном Хорезме и соседних с ним земель, хотя по соседству — в крепостях оазиса Беркут-кала 6—8 вв.

— башни возводились всегда овальными в плане и закрытыми. Судя по остаткам сырцовых сооружений внутри крепости, они сплошь примыкали к ее стенам и включали в себя помещения разных форм и размеров, в том числе и крупные — например, зал размерами 11×9 м. Во многих комнатах различимы остатки кирпичных суф и полов. Но определенная система в расположении и чередовании помещений (как в будущих медресе и караван-сараях) не заметна; не было здесь, как будто, и постоянной глубины обстройки внутреннего двора.

Южнее усадьбы 5, почти вплотную к ней и на общей с ней оси видны руины еще одной крепости того же времени, величиной приблизительно 65×110 м. Она почти вся погребена под песком, а ее открытые части сохранились так плохо, что понять ее устройство без раскопок невозможно. Крупных построек типа замка-донжона здесь как будто не было.

Иначе выглядела крепость Беркут-кала, центр одноименного оазиса, исследованиям которой посвящена обстоятельная публикация.²⁴⁹ С крепостями Якке Парсана ее сближает квадратная конфигурация (около 100×100 м), а отличает от них в первую очередь замок со сложной строительной историей, высоко поднятый над ЮВ углом, — о нем говорилось выше. Пахсовые стены крепости, в основании 2,5-метровой толщины, утоняются кверху. Сохранившиеся два ряда пахсы, — нижний высотой 1,3 м, верхний — 70–80 см, — расчерчены наклонными прорезами на декоративные ромбовидные "блоки". Три сохранившиеся стены (кроме южной, на месте которой открыта ранняя, сильно оплывшая сырцовая стена) и сейчас поднимаются на высоту более 10 м. Они укреплены выступающими наружу башнями — по четыре на каждой стороне, включая углы, — которые стояли на пахсовых цоколях-пьедесталах высотой около 2 м и заключали в себе по две камеры, расположенные в два этажа. В овальных снаружи башнях восточной стороны скрыты прямоугольные камеры (3,5×3,2 м) с куполами, которые опирались на трюмпы; круглые камеры западных башен (диаметром 3,25 м) перекрывались "ложными" куполами, то есть постепенным горизонтальным напуском квадратных (24–27 см в стороне) сырцовых кирпичей. Стены камер на обоих уровнях прорезаны узкими бойницами, вверху стрельчатыми, внизу — с плоской перемычкой.

В башенные камеры нет обычных входов, кроме арочных проемов шириной 64 см, — вероятно, сюда проникали при помощи приставных лестниц или с крыш соседних строений (рис. 147).

Эта квадратная крепость, как установлено раскопками, была построена на месте более ранней: ее сырцовые стены с башнями образовывали несколько меньший (со сторонами 93–96 м) квадрат, со входом на южной стороне. Вход был оформлен широким пандусом длиной около 14 м с сырцовой семи-ступенчатой лестницей, — странная открытость для в остальном сильно укрепленной крепости. О каких-либо остатках построек внутри крепостных стен (кроме следов более ранних укреплений) исследователь не сообщает, — видимо, их и не было, или они бесследно исчезли. В общем же квадратная крепость

с замком-кешком в углу — "бродячий сюжет" доисламской архитектуры Средней Азии, не ограниченный Хорезмом, и почти автоматически ассоциирующийся со структурой центральноазиатского "регулярного" города с цитаделью в его стратегически важном углу.

Первоначальная крепость Беркут-калы с замком археологически датируется 6–7 вв., ее капитальная перестройка — 8 веком. К этому времени относится расширение крепости за счет огороженных пространств к югу и востоку от нее. Южная "пристройка" в плане квадратна, со сторонами длиной около 160 м и пахсовыми стенами, ритмично — примерно через каждые 3 м — прорезанными бойницами. В опубликованном и воспроизведенном здесь плане как будто угадываются следы сплошной застройки, примыкавшей изнутри к стенам, и два вытянутых в направлении Ю-С продолговатых двора. В сочетании с прямоугольным контуром это позволяет рассматривать южную территорию как место селения, регулярно (то есть по проекту) спланированного и прикнувшего к крепости, под защиту ее стен и замка.

Территория восточнее крепости была ограждена в 8 в. невысокими, сейчас сильно разрушенными стенами. Ее южная оконечность — неопределенной остроугольной формы, но восточная и северная стены прямые и образуют четкий угол 90°. Вблизи от этого угла стоят руины большого (20×40 м) прямоугольного здания, состоявшего как будто из двух квадратных залов и дополнительных узких комнат, — об этой интересной постройке, гораздо более крупной, чем соседний замок, в публикации, к сожалению, ничего не сказано. Остатки прочих небольших построек вдоль стен восточной территории исследователь считает домами ремесленников, а незастроенное среднее пространство — местом базарной площади.

Видимо, крепость Беркут-калы систематически и планомерно расширялась, ее первоначальные функции усложнялись, и в законченном виде она представляла собой уже явный зародыш города с цитаделью, шахристаном и ремесленными пригородами — рабадами, куда — судя по монументальному зданию в СВ углу — уже, может быть, переносились и официальные постройки.

Большая крепость Урта-Боз 2 в Южном Таджикистане была замечена археологами еще в начале 60-х годов, тогда же Б.Литвинский выполнил ее представленный здесь топографический план (рис. 148). Когда через 15 лет здесь начались раскопки, оказалось, что местные власти и жители успели в значительной мере разрушить, снести и застроить то, что оставалось от крепости, точно датируемой второй половиной 7 — началом 8 вв. Исследования, которые обещали быть сенсационными, добавили лишь несколько деталей к общей картине, достаточно ясной по сохранившемуся выразительному рельефу.

Крепость состоит из двух сомкнутых частей, объединенных осью С—Ю, которые исследователи называли двором и цитаделью. Лежащий на севере двор, величиной приблизительно 120×120 м, ограничен с севера руслом древнего канала; с юга к нему примыкает более высокая цитадель размерами примерно 50×50 м. Западная и восточная стены двора были ук-

реплены башнями, остатки которых еще различимы — по 5 башен с обеих сторон, включая угловые. Середина северной стены отмечена объемом большой прямоугольной башни, выступавшей наружу по меньшей мере на 25 м; исследователи предполагают здесь массив предвратного лабиринта или здание казармы, выдвинутое за фронт стен для удобства обороны. По обеим сторонам от огромной средней башни стояли башни меньшего размера. Вход во двор, судя по рельефу, был устроен у СВ угла, между угловой и стоящей за ней башней северной стороны.

У цитадели, отделенной от двора общей стеной, собственного наружного входа как будто не было: попасть в нее можно было только с северной стороны, миновав пространство двора. Сильный оплыв стен искажал когда-то прямоугольный контур цитадели, но в рельефе просматриваются возвышения угловых башен и — вполне отчетливо — большой прямоугольный массив, выступавший из середины северной стены в сторону двора. В нем, по-видимому, был устроен вход в цитадель.

Раскоп в СВ углу цитадели, в месте смыкания с восточной стеной двора, разъяснил некоторые приемы строительной техники и детали устройства крепости. Стены цитадели, сохранившиеся здесь на высоту более 4 м, были сложены из пахсовых блоков высотой 90 см и длиной 115 см, уложенных вперевязку подобно каменным квадратам, с однорядными прослойками сырца между слоями. Слегка наклонные швы между блоками не сквозные, а глубиной 8–10, — это, видимо, прорезы на поверхности сплошных горизонтальных слоев пахсы. Размер разделяющего их (не всюду) и подстилающего их сырца — 45×22×10 см. Поверхности стен слегка (на 18–20°) наклонены назад — общераспространенное правило строительства из сырой глины.

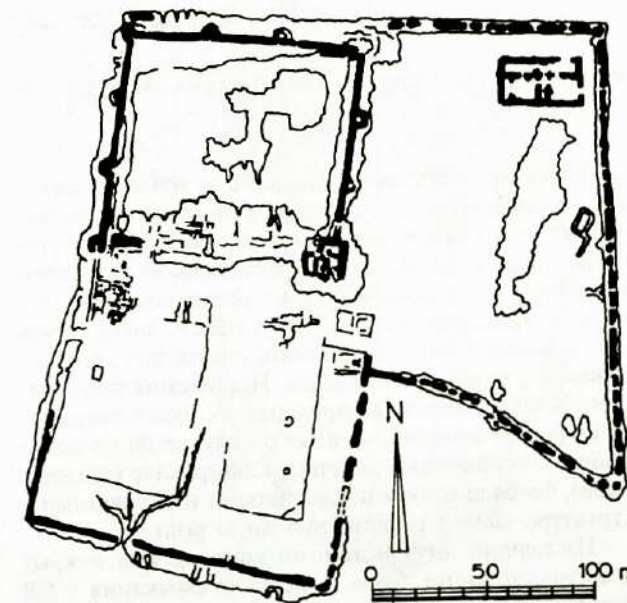

Рис. 147. Хорезм. Крепость Беркут-кала. План. По Е.Неразик.

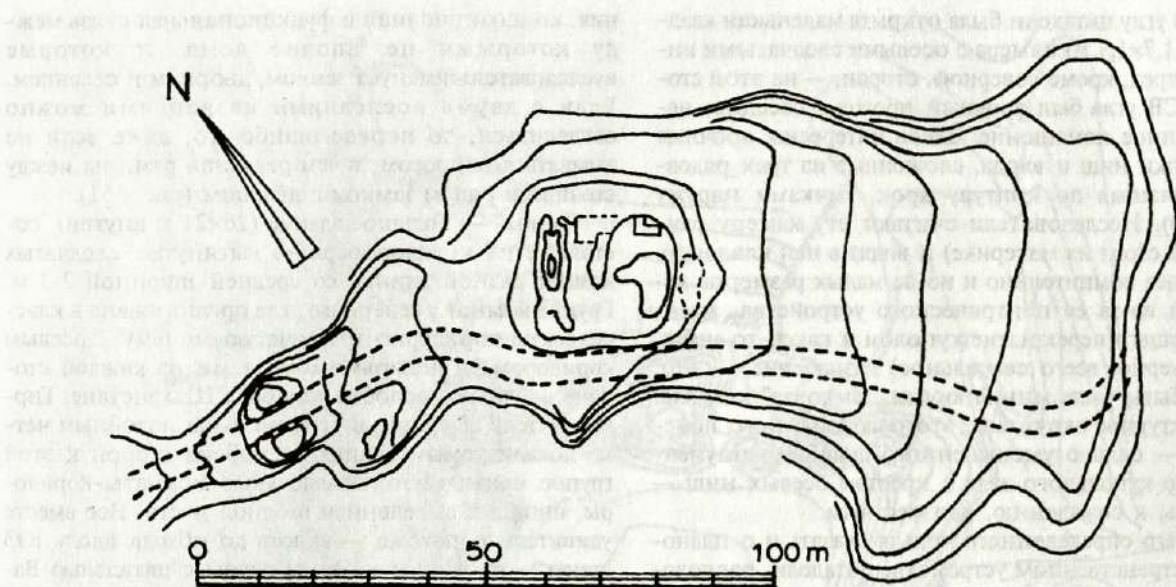

Рис. 150. Крепость Кум. Топографический план. По Ю.Якубову.

хэтажными или двухъярусными: может быть, подразумевались внутренние балочные перекрытия, делившие высокие сводчатые коматы на два яруса.

СЗ стена "замка", она же наружная стена крепости, была более 5 м толщиной и поднималась на высоту не меньше 15 м. В ее угловой части найден сводчатый коридор шириной 90 см и высотой 1 м. Исследователь считает (из-за близости склада "метательных камней"), что этот тесный лаз использовался как арсенал, что, по-моему, сомнительно: камни разумно держать поблизости от места, откуда их мечут, а не перетаскивать их, согнувшись почти пополам, по длинному темному коридору. Коридор продолжался внутри несохранившейся ЮЗ стены, но здесь он был просторнее: шириной 1 м и высотой 2 м. Отсутствие окон или бойниц не позволяет рассматривать эти внутрстенные пазухи как деталь фортификации: подобно коридору в крепости Урта-Боз 2 они были предназначены уменьшить, то есть облегчить тяжелую массу кладки без ущерба для прочности стеновых конструкций.

Стены "замка" сложены из сырца размерами 48-52×25-27×10-12 см; наружные стены опираются на невысокий каменный цоколь. Своды (включая их нижние вертикальные части, выступающие на 3-5 см) сложены из сырца постоянного размера — 40×20×8 см — в технике наклонных отрезков. В комнатах, обращенных торцами к наружной СВ стене, нижние вертикальные части сводов (высотой обычно 4 ряда) перевязаны с кладкой стены, тогда как стены, на которые опираются своды, к ней только примыкают.

Однозначно близкие аналогии убеждают в том, что "замок" был построен и долгое время существовал как большая казарма, достаточно вместительная для крупного гарнизона крепости. Это подтверждается и закромами для различных припасов, которыми оборудованы некоторые комнаты: жившие здесь

воины не были освобождены от повседневных хозяйственных забот. Были здесь, вероятно, и складские помещения без специального устройства, но характерная для казарменных сооружений недифференцированность помещений этого монументального здания — несомненно главного здания крепости — подтверждает его основное назначение.

Соседнее сооружение — "дворец" — едва ли было жилым в обычном смысле этого слова. Оно состояло из трех приемных залов традиционного устройства, но разной величины, сгруппированных вокруг продолговатого холла, двух комнат сакрального назначения (об этом говорят большие пристенные очаги-ниши явно небытового назначения) и разделяющего их помещения, оборудованного хозяйственными отсеками-хранилищами. Пропорции этих помещений, в отличие от комнат-пеналов соседней казармы, ближе обычным пропорциям жилых комнат, хотя строились и использовались они в первую очередь для репрезентативно культовых церемоний.

Два "малых" приемных зала устроены единообразно и традиционно: обтекающие стены суфы разорваны только у входов, оформленных каждый тамбуром с поперечными стенками-ширмами, заслоняющими торцы суфы; западная стена посередине расширяется в тронную "эстраду". В зале 27 на полу тронной площадки сохранились шесть выемок от ножек трона, который стоял здесь постоянно и был, как думает исследователь, двойным, — с большим и малым сиденьями. На стенах обоих залов и в тамбурах замечены следы орнаментальных росписей, качество которых, несмотря на их скромные остатки, исследователь оценивает очень высоко. Скругленное с одной стороны возвышение посреди зала 27 аналогично возвышению в "красном зале" Варахши и в замке Гардани Хисор и служило, вероятно, таким же домашним алтарем.

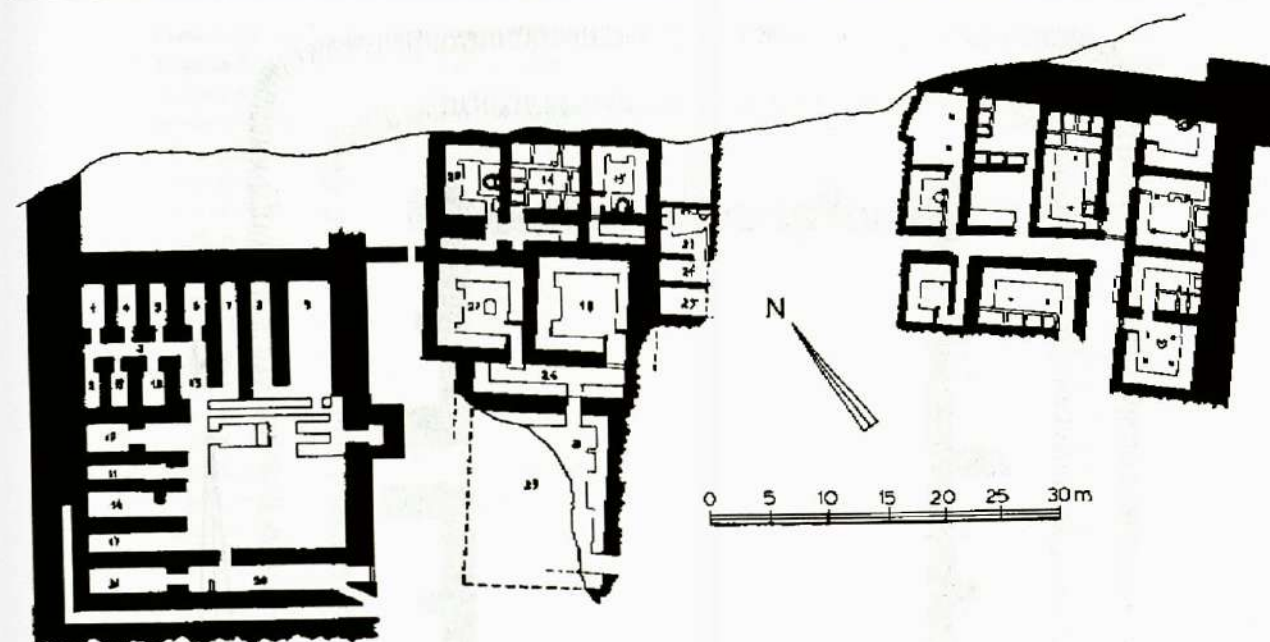

Рис. 151. Крепость Кум. План. По Ю.Якубову.

Несколько странно, что в залах, несмотря на их размеры (7,7×7,7 м и 7×7,2 м) не найдены следы деревянных колонн. Предположение исследователя, что перекрывавшие залы балки были так толсты, что "...не очень нуждались в подпорках-колоннах", не кажется убедительным, — здесь можно, приняв во внимание квадратную форму помещений, предположить брусчатый свод "рузан" с квадратными или восьмиугольными венцами: они позволяют перекрыть пространство таких размеров без промежуточных опор.

Недокопанный зал 29 в ЮЗ части здания должен был, по расчетам исследователя, быть огромных размеров — 14,5×12 м. У его восточного угла найдена деревянная база колонны (50×50 см), — она позволяет рассчитать, что потолок зала опирался на три ряда колонн, по пять колонн в ряду. Если эти расчеты верны, то зал 29 в крепости Кум не имел себе равных среди известных гражданских построек Средней Азии 5-8 вв. В остальном его устройство было обычным, — с той разницей, что тронным расширением суфы здесь была отмечена не СЗ, а ЮВ сторона зала.

Сосредоточение нескольких парадных залов в одном здании вызывает в памяти "замок" или "малый дворец" в Шахристане, предназначенный для ритуальных празднеств и не приспособленный к повседневному быту. Вероятно, таким же в общих чертах было назначение дворца в крепости Кум, где начальство многочисленного гарнизона принимало с соответствующими церемониями почетных гостей. Обширность и богатство этого официально-представительного центра привели исследователя к заключению, что крепостной дворец был резиденцией правителя всей области Буттам. Для такого вывода, подкрепленного реальной исторической ситуацией 8 в. (конфликт Деваштича и арабов), казалось бы, есть основания. Не рискуя вдаваться в далекую от архитектуры область, замечу все-таки, что резиденции

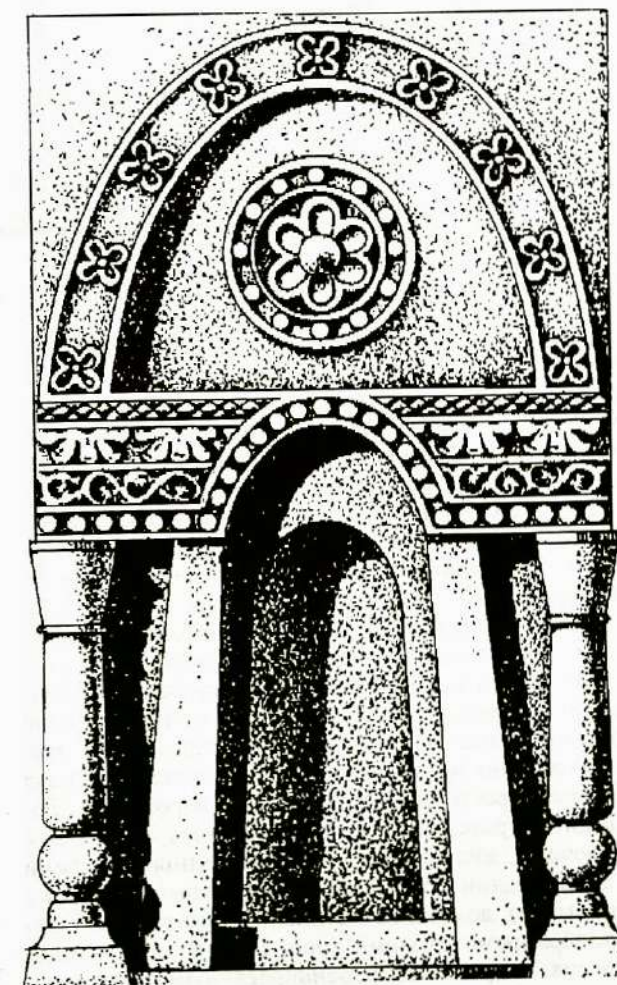

Рис. 152. Крепость Кум. Алтарная ниша. Реконструкция.

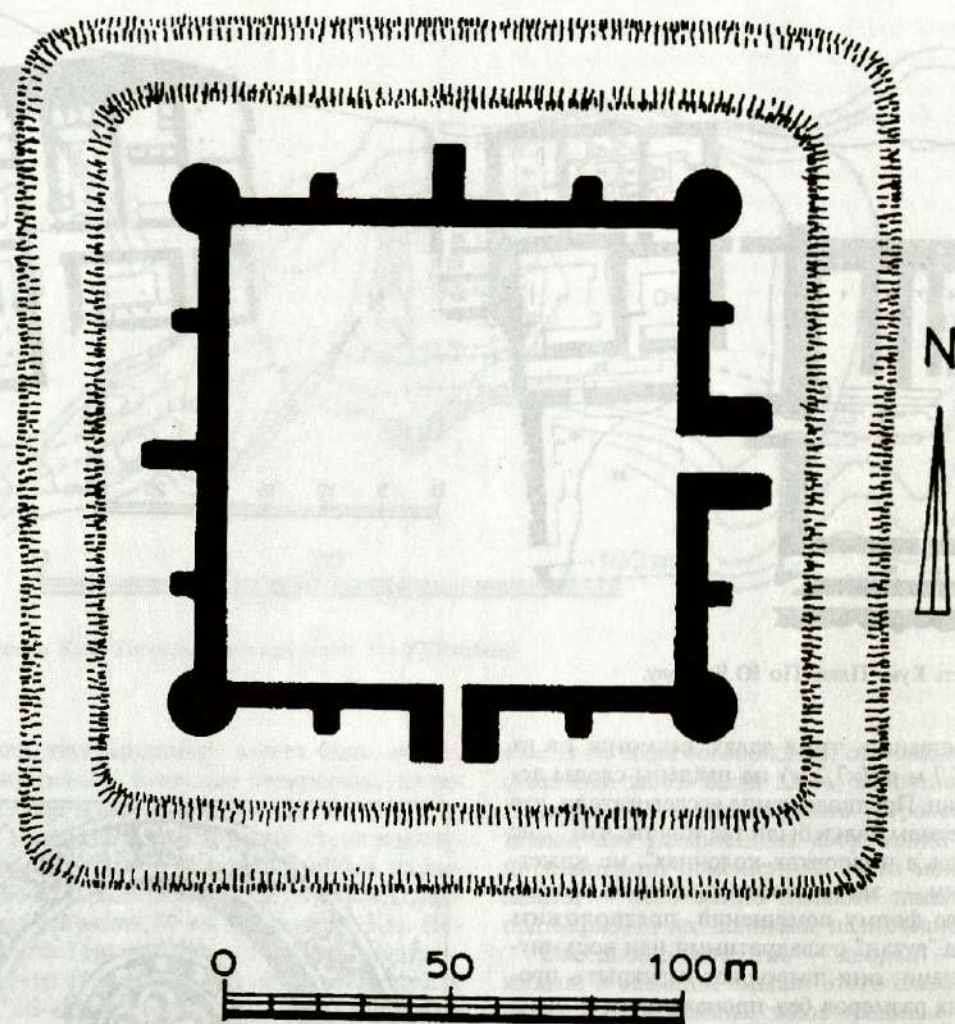

Рис. 153. Крепость Ширдакбек на Тянь-Шане. План. По А.Бернштаму.

правителей государств-владений Центральной Азии были в то время неразрывно связаны со столичным городом, входили в него составной частью: дворцовых резиденций, не связанных напрямую со столицей, типа Версаля или Царского села, древняя и раннесредневековая Средняя Азия не знала. Нынешний кишлак Кум не мог быть такой столицей: связь между ним и крепостью сложна и неудобна, и нет признаков его существования еще в предисламское время. Резиденция же правителя без города или хотя бы большого поселка с ремесленно-торговым населением, обслуживающим власть, обойтись не могла.

Последняя часть крепостной застройки в восточном углу представляет собой небольшой, регулярно организованный квартал жилищ, прорезанный двумя Т-образно расположенными переулками. Среди довольно просторных помещений с хорошими пропорциями различаются хозяйственные комнаты с закромами, жилые комнаты с пристенными суфами и даже следы колонн (некоторые комнаты тоже с закромами), домашние молельни с культовыми порталобразными очагами (рис. 152). В этом жилом "массиве" с четко дифференцированными, для своего времени вполне комфортабельными двух- и од-

нокомнатными домами жили, вероятно, владельцы соседнего дворца и командиры воинов, населявших огромную казарму. Раскопки этого квартала с его явно не стихийно сложившейся структурой не были закончены, — его общие размеры, как и количество составляющих его жилищ были, возможно, много больше.

Крепость Кум включала в себя здания дворцового и жилого назначения, но в первую очередь она была сильно и умело укрепленной крепостью, и этим ее назначением определялся характер всех составляющих ее построек. Все же не нужно забывать, что функции древних построек и нынешние определения этих функций, выражающие современные представления о классификации зданий, совпадают только очень приблизительно. И, значит, несмотря на высказанные выше сомнения по поводу взглядов исследователя, касающихся дворцово-правительственного назначения крепости Кум и составляющих его зданий, нельзя исключать того, что эти взгляды в известной мере верны. В конечном счете решение этих вопросов могут дать только продолженные и завершенные раскопки, на что в нынешних условиях, увы, трудно рассчитывать.

Такие сомнения не возникают при взгляде на крепость Ширдакбек, руины которой сохранились на западе Киргизстана, в долине реки Алабука. Это была именно и только крепость, о чем свидетельствует ее стратегически выгодное расположение и собственное устройство (рис. 153). Почти квадратная в плане постройка (120×117 м) ориентирована по сторонам света и возведена из пахсы. Стены, сейчас высотой около 6 м, первоначально были на треть выше; их толщина у основания составляет 6 м и за счет наклона наружных поверхностей уменьшается вверх до 2—4 м. Круглые угловые башни диаметром 8—9 м некогда были полами, их перекрытые куполами камеры освещались при посредстве небольших бойниц острой треугольной формы; такие бойницы сохранились и на восточной стене. Широкие, до 20 см промежутки-швы между блоками пахсы придают фасадным поверхностям стен характерную пластичность.

Главный вход между двумя выдвинутыми вперед пилонами прорезан посреди восточного фасада. Аналогично устроенный, но более узкий вход имеется на южной стороне. По сторонам пилонных высту-

пов на этих фасадах из стен выдвинуты прямоугольные башни со сторонами 5—5,5 м; такие же башни-контрфорсы оформляют глухие западный и северный фасады, но здесь на осях стен расположены не пилонные входы, а башни шириной 5 м, выдвинутые на 12—15 м вперед и тоже похожие на огромные контрфорсы. Крепость окружал ров шириной около 20 м.

Внутри этого каре усиленных башнями стен нет следов капитальных построек, нет и заметного культурного слоя. Исследователь считает, что крепость Ширдакбек была построена как межплеменная ставка, где периодически собирались знатные номады, тюркские каганы Тянь-Шаня, — здесь под защитой крепостных стен, возведенных оседлыми строителями, они обсуждали свои дела. Жили же они внутри крепости в привычных для них юртах. Это кажется правдоподобным, и тяньшаньская крепость (исследователь датирует ее 6—8 вв.) остается свидетельством мирных (к сожалению, не слишком частых) контактов оседлой и кочевой культур доисламской Средней Азии, точнее — успешного использования кочевниками достижений оседлой строительной культуры.

ЖИЛЫЕ ДОМА

Жилище — первый и самый массовый объект строительного искусства, обобщенный архитектурный портрет общества, выражающий особенности составляющих это общество частей, их самосознание, социальный статус и образ жизни. Жилая архитектура — среда повседневного обитания, функциональная по самой своей природе, — поэтому в ней значительно меньшая роль отводилась устойчивым универсальным стереотипам пространственных и декоративных форм, которые во многом определяли собой облик древней монументальной архитектуры Средней Азии, — в известной мере и архитектуры престижных жилищ — замков. Определяющими здесь были природные условия и устойчивые бытовые традиции, очень медленно изменявшиеся.

Консерватизм массовой жилой архитектуры основан на неизменных потребностях и привычках, на традиционном устройстве внутрисемейной жизни, обеспечении безопасности и возможного удобства. Проверенные, доказавшие разумность формы и приемы закреплялись и сохранялись здесь веками, как бы вне изменений "большой" архитектуры: в среднеазиатских жилищах недавнего прошлого сохранялись рудиментарные (конечно, трансформированные) приемы, исчезнувшие из области монументальной архитектуры столетия назад.

Определенное единство жилой архитектуры Средней Азии доисламского времени имело своей основой патриархальное устройство общества, в котором власть правителя и главы семьи или рода жила на общем моральном обосновании и отличалась лишь шириной и способом проявления. Взаимоотношения власти и подданства на всех уровнях общества были подобными, — в этом причина частого, странного на первый взгляд, совпадения одинаковых планировочных приемов во дворцах и скромных рядовых жилищах. В этом нашла отражение и ритуальность личных и общественных отношений, органически свойственная средневековой и едва ли постижимая до конца в наше время, — ритуальность, пронизывавшая всю жизнь и выходившая далеко за пределы ее чисто культовых институций.

За общими чертами видны и существенные различия, причина которых — особенности природы, климата, традиционного местного уклада, но прежде всего сословное устройство общества, то есть принадлежность жилищ правителям, землевладельцам-аристократам ("дихканам"), горожанам (торговцам, ремесленникам, служилой интеллигенции и пр.), крестьянам и т. п. Чем выше общественный статус сословия, тем заметнее в его жилой архитектуре монументально-репрезентативные формы, воплощаю-

щие официально-властные функции и богатство владельца. В жилищах же средних и низших сословий определяющей оставалась бытовая функциональность, выражавшаяся в свободной асимметрии планировки и уменьшении или даже отсутствии архитектурно-декоративной репрезентативности.

Эти жилища особенно многочисленны и с трудом поддаются классификации. Здесь выделяется — не всегда бесспорно — "фольклорная" архитектура с локальными региональными особенностями, с неизменностью форм и приемов, — это особенно касается сельских жилищ, которые и в наши дни в отдаленных замкнутых районах мало отличаются от жилищ тысячелетней давности. Их примитивно функциональная архитектура не ставила, конечно, перед собой задачи эмоционально-эстетического воздействия, и создавалась она в большинстве случаев, вероятно, не мастерами-строителями, а непрофессионалами: ее остатки обычно представляют собой фрагменты плохой сохранности, с трудом поддающиеся реконструкции, тем более что такие жилища обычно многократно перестраивались.

Победа ислама, изменившая подобно мощному мутационному толчку само направление развития культуры Средней Азии, и архитектуры в том числе, не внесла в эту массовую область строительства почти никаких изменений, — время строительства "фольклорных" зданий до- и раннеисламского времени определяется не анализом композиционных и строительных приемов и тем более не стилем, а археологическими находками — монетами, посудой, предметами быта и т. п.

Жилища, построенные строителями-профессионалами для людей более высоких социальных групп, отличаются от "фольклорных" качеством строительных работ, сравнительной регулярностью планов (параллельность противоположных стен, прямоугольность помещений, равномерная толщина стен) и, соответственно сословному статусу, большим или меньшим выделением престижного "приемного" ядра, устройство которого иногда почти или совсем не отличается от устройства аналогичного "ядра" в замках. Типологическая граница, отделяющая замки от прочих типов жилищ доисламской Средней Азии, вообще далеко не всегда отчетлива: критерием, хотя и несколько формальным, здесь может служить обычная компактность замков, не свойственная городским и сельским жилищам иных, менее высоких сословий.

Как и в замках, парадно-представительные центры таких жилищ создавались в расчете на определенные, режиссерски отработанные церемонии ри-

туального характера, — здесь встречаются камерные варианты дворово-айванных групп и характерные сочетания зала с Г-образным кулуаром — определяющий признак замков 4 типа. Можно думать, что эта архитектура ставила перед собой и чисто эстетические задачи, а в некоторых случаях планы городских и сельских жилищ поддаются геометрическому анализу, — обнаруживаемая с его помощью система пропорций свидетельствует о художественном замысле строителей, воплощенном в проекте.

Массовая жилая архитектура Средней Азии 5—8 вв. представлена сейчас большим количеством образцов, но главным источником сведений о ней (о той ее части, которая была городской) остается давно исследуемый Пенджикент. Хорошо изученная жилая застройка Пенджикента с большой вероятностью может считаться типичной (конечно, в разной степени) и для других раннесредневековых городов Средней Азии. Правда, нужно иметь в виду (об этом говорилось выше), что в течение жизни города — с 5 по 8 вв. — его застройка, стиснутая городскими стенами, постоянно уплотнялась, и, значит, первоначально она была разреженнее. К концу существования Пенджикента его удлиненные кварталы были застроены так плотно, что выглядели сплошными массами как бы слипшихся жилищ, в которых утонули поперечные переулки и с трудом различаются границы отдельных домовладений (рис. 154).²⁵⁴

Дома в Пенджикенте строились двухэтажными; поперечные проходы между параллельными улицами со временем превращались в сводчатые коридоры, перекрытые надстроенными комнатами верхних этажей. На неширокие прямые улицы выходили замкнутые фасады, оживленные входами разного типа — простые проемы дверей чередовались с прямоугольными входными лоджиями, балочный потолок которых опирался либо на парные деревянные колонны, либо на массивные сырцовые столбы.²⁵⁵ Повсюду входные ниши оборудовались суфами, — это позволяет рассматривать их не только как деталь оформления входа, но и как полукрытое, айванного типа помещение, связывающее жилище с внешней уличной средой.

Во многих местах к фасадам жилых домов, даже несомненно богатых, примыкали строения лавок и

мастерских, построенные обычно не так добротно и с более тонкими стенами. С лежащими сзади жилыми помещениями эти пристройки как правило не соединялись — точно так, как это делалось 700 лет до того в Помпеях. В ЮВ части города имелся небольшой базар, состоявший из регулярно расположенных групп лавок и мастерских, которые окружали небольшую прямоугольную, раскрытую на улицу площадь (рис. 155). Фасады расположенных "покоем" базарных строений объединялись деревянной колоннадой с навесом — вполне современный прием пространственной организации. Другой базар имелся у входа в город, перед одними из городских ворот.

Скученность застройки, слияние и дробление владений — причина того, что жилые дома Пенджикента получили в плане поразительно разнообразную, сложную, подчас причудливую и всегда асимметричную форму. Это отличает их от стоящего как правило отдельно замка-кешка, планировке которого старались придать строгую регулярность, а часто и центричность, отвечающие прямоугольной компактности контура. Но, как говорилось, в наборе и форме помещений представительного центра между замками и богатыми жилищами (не только пенджикентскими) наблюдается определенное сходство.

Средоточием зажиточного жилого дома служил квадратный (реже — слегка удлиненный) четырехколонный зал со сплошными пристенными суфами, которые прерывались у единственного осевого входа (рис. 54). Расширение суфы напротив входа образовывало тронную площадку — место хозяина: это устройство, как и сама форма зала, аналогичны приемным залам в замках, главным образом 4 типа. Встречаются залы с широкой тронной нишей разной глубины и без колонн — местная разновидность камерного варианта представительной дворово-айванной системы (рис. 59). Свет в залы проникал через высоко поднятые окна (предполагается, что залы были выше окружающих их помещений), либо через отверстия в уступчатых бревенчатых перекрытиях "рузан", опиравшихся на колонны; пропорции прямоугольного пространства между колоннами в зале 41 "объекта" 6 позволяют предполагать здесь, как в большом зале замка Уртакурган, "рузан" шес-

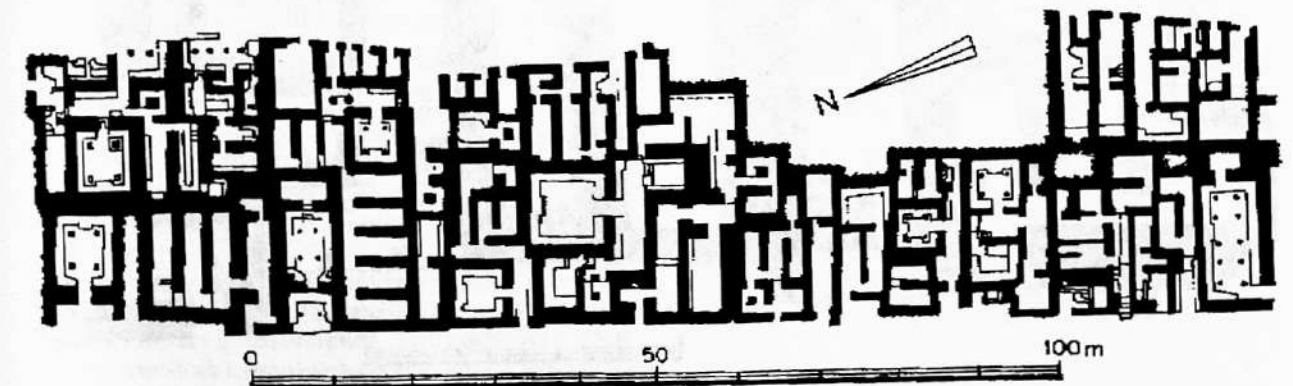

Рис. 154. Пенджикент. Жилой квартал — "объект" 3. План. По В.Ворониной.

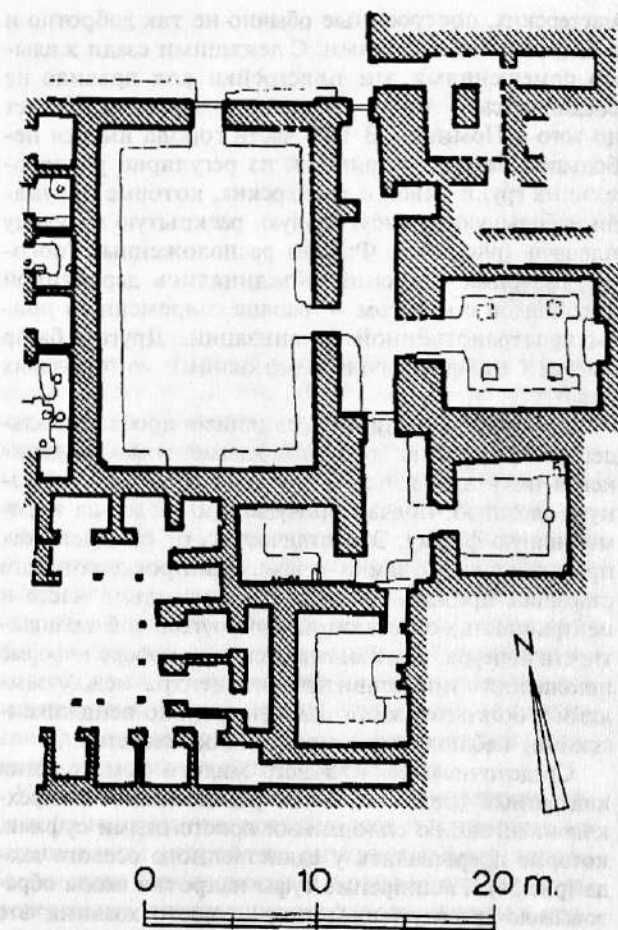

Рис. 155. Пенджикент. Квартал базара. План. По В.Распоповой.

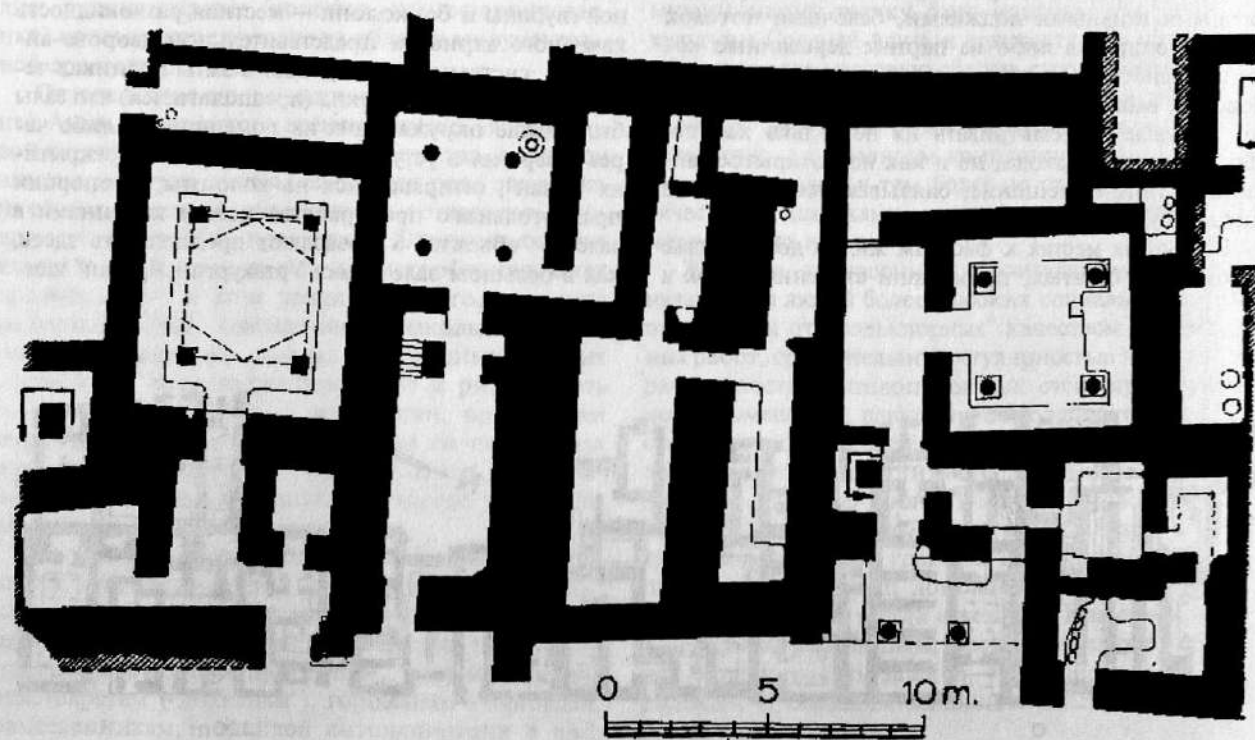

Рис. 156. Пенджикент. Три жилых дома в "объекте" 6 ("квартал знати"). План. По Б.Ставискому.

тиугольной формы (рис. 156).²⁵⁶ Зал одного из богатых домов был украшен декоративным подобием деревянного каркасного купола с обильной рельефной резьбой. Эти приемные залы-гостиные, размером от 25 до 80 м², должны были иметь соответствующую высоту и подниматься над уровнем нижних этажей. От четырехколонных залов в замках 4 типа пенджикентские гостиные отличаются преимущественно квадратной, а не удлиненной формой, и осевым (за очень редким исключением) расположением входа: в замковых залах входы обычно (хотя тоже не всегда) прорезались сбоку и отделялись от внутреннего пространства тамбурной стенкой-ширмой. В Пенджикенте же боковые тамбурные проходы ведут не в залы-гостиные, а в особые домашние капеллы с алтарным очагом у одной из стен.²⁵⁷ Назначение этих комнат, аналогичных по устройству капелле замка Гардани Хисор, требовало, видимо, некоторой психологической изоляции. Любопытно, что капеллы обычного замкового типа — в виде квадратной купольной камеры — в жилищах Пенджикента ни разу не встречены.

Неслучайное сходство с устройством замков 4 типа видно и в том, что к пенджикентским залам-гостиним обычно примыкают просторные вытянутые кулуары, Г-образно охватывающие две стороны зала. Рядом с кулуаром и поблизости от входа устраивалась шахта пандуса (реже лестницы), перекрытого наклонным сводом и несколькими маршами огибающего массивный центральный столб. Прочие помещения нижнего этажа в большинстве случаев продолговаты, сравнительно узки и перекрыты свода-

ми. Судя по их малой комфортности, они служили хозяйственным целям и, может быть, жильем для слуг. Жилые апартаменты хозяев располагались на верхних этажах, — они сохранились настолько плохо, что составить общее представление об их планировке и устройстве не удастся. Установлено, что верхние этажи включали в себя, кроме жилых комнат, помещения типа кладовых с отсеками для хранения припасов.

Встречаются в пенджикентских домах и помещения особого, нестандартного типа, — например, очень большой (81 м²) удлиненный зал с широкой эстрадой, занимающей всю его южную часть, и суфой у боковой восточной стены. В задней северной стене зала два входа: один, у СЗ угла, связывал его с небольшой квадратной комнатой, откуда извилистыми путями можно было пройти в другие помещения; другой, осевой и портално украшенный, вел в поперечно расположенную комнату с трехсторонней суфой. Исследователь рассматривает эту группу как своеобразный концертный зал, устроенный в своем доме зажиточным горожанином, любителем музыки и танцев.²⁵⁸ Эта красивая гипотеза осталась, к сожалению, документально неподтвержденной (рис. 157).

Среди помещений "объекта" 9 выделяется зал размером 6,5×5,7 м, расширенный в торцевой южной стороне квадратной лоджией (около 4×4 м) с двухъярусной суфой (рис. 158). Лоджия была сводчатой (основание свода сохранилось), но на середине высоты ее членила брусчатая перемычка, от которой осталась цепочка гнезд от балок. Осевой проем напротив лоджии ведет в узкую поперечную комнату, длина которой равна ширине зала, — комната выглядит частью зала, отделенной поперечной стеной; с двух сторон зал охвачен Г-образным кулуаром, угол которого, видимо, был отмечен куполом.²⁵⁹ Глубокая сводчатая лоджия на оси зала есть несомненный внутренний айван, поразительно схожий — и формой, и расположением — с тронными айванами дворцов Пенджикента и Бунджиката-Шахристана, речь о которых пойдет ниже. Сходство с тронным дворцовым залом подчеркнуто здесь и суфами вдоль боковых стен, и приподнятым полом лоджии-айвана, и заполняющей ее П-образной суфой, расширенной посередине, и, наконец, строгой линейной симметрией, подчеркнутой парадно оформленным осевым входом в заднюю камеру.

Пропорции зала без лоджии точно отвечают отношению 1:($\sqrt{3}$:2), — это предполагает перекрытие в виде шестиугольного брусчатого свода "рузан". Предположение упрочивается расположением и размером входа в зал — он прорезан у СВ угла, и его ширина равна расстоянию от этого угла до угла предполагаемого шестиугольного нижнего венца, — угол входа был разумно совмещен со стойкой перекрытия, а проход вынесен за пределы тяжелого брусчатого свода.

В этом не очень большом помещении воплощены главные признаки дворово-айванной системы с ее парадностью и симметрией. Его сходство с дворцовыми тронными залами так естественно, что странным кажется его единичность среди множества пенджикентских приемных залов: под сводом внутрен-

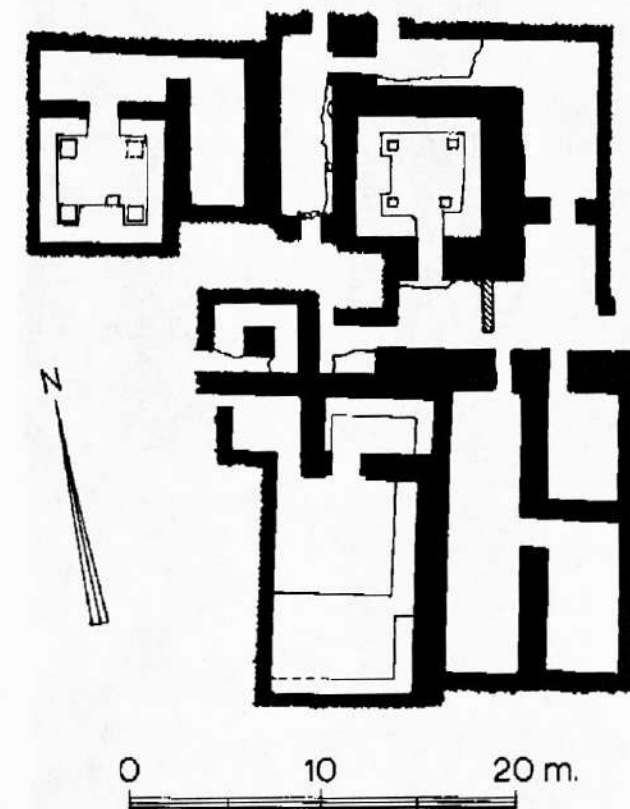

Рис. 157. Пенджикент. "Концертный зал". План. По В.Ворониной.

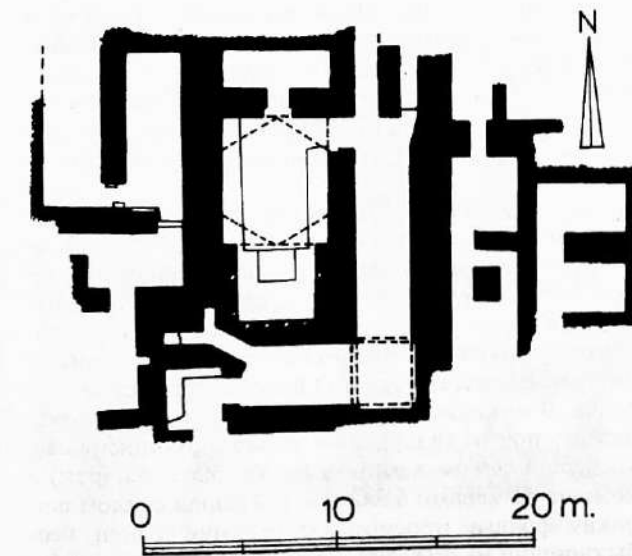

Рис. 158. Пенджикент. Помещение с тронной лоджией в жилом доме. План. По В.Ворониной.

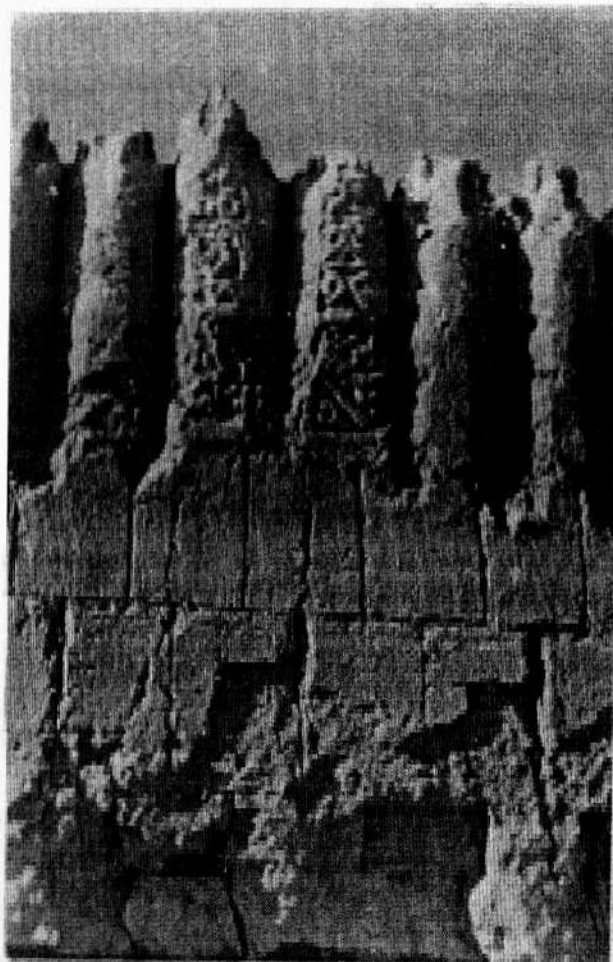

Рис. 159. Хорезм. Кафтархона 70 у замка 3 в оазисе Кавад-кала. Пластическая обработка фасада.

него айвана здесь восседал не сюзерен-правитель, а глава большой семьи, функции которого в пределах данной ему власти были подобны функциям правителя и тоебовали адекватного архитектурного оформления. Идея власти, воплощенная в дворново-айванских комплексах, получала, как говорилось, схожее архитектурное оформление на разных общественных уровнях.

Среди жилищ Пенджикента должен быть отмечен дом, составлявший часть "объекта" 25.²⁶⁰ Возможно, дом был трехэтажным; среди помещений его второго этажа уцелела сводчатая комната, служившая складом зерна, — это необычно, так как у комнат верхних этажей в Пенджикенте были, в отличие от нижних комнат, в основном плоские деревянные потолки. В нижнем этаже имелись три крупных помещения: почти квадратный четырехколонный зал, комната с очагом-камином (может быть, алтарем) и комната размерами 6,5×3,6 м, связанная с залом широким арочным проемом. Оформление ее стен необыкновенно и, пожалуй, даже уникально (рис. 24).

Низ стен сложен из двух рядов пахсовых блоков со срезанными под 45° углами вертикальных швов, — поверхности как бы расчерчены четкими, ритмично чередующимися прорезами. Этот прием, эстети-

зирующий строительную конструкцию, сообщающий ей качества рельефной орнаментики, подобен описанному приему "пунктирных" прорезей-швов в "замке" Шахристана.

На высокий пахсовый цоколь опирается ряд вырезанных в пахсе сомкнутых полуколонн, которые стоят на скошенном основании — точно так, как большие гофры замковых фасадов. Западную стену гофры покрывают сплошь, на прочих стенах они образуют группы из 4—6 полукруглых выступов, разделенные широкими плоскими "лопатками". Этот прием находит неожиданно близкую аналогию в оформлении фасадов некоторых монументальных зданий 11—12 вв. в Хорезме, называемых "кафтархона" (рис. 159).²⁶¹ Вверху это пластическое убранство стен завершалось рядом крупных (55×29×10 см) сырцовых кирпичей, на которые, вероятно, опирался свод. Основания гофров на северной стене почему-то образуют уступ.

Нет сомнений, что это рельефное убранство — перенесенное во внутреннюю архитектуру оформление фасадов сомкнутыми полуцилиндрами-гофрами, хорошо известное по доисламским замкам Хорезма, Мерва и западного Согда (цитадель Варахши). Но как раз в архитектуре восточного Согда, где расположен Пенджикент, здания с гофрированными фасадами неизвестны, — они, может быть, здесь не сохранились. Но если обработка фасадов замков и крепостей крупными полуцилиндрами-гофрами имела, по меньшей мере вначале, оборонное назначение — то перенесение этого приема на внутренние стены городского жилища преследовало, конечно, чисто декоративные цели.²⁶²

Исследователь справедливо отмечает большое разнообразие плановых схем, положенных в основу пенджикентских жилищ. Среди разнообразных сочетаний удлиненных сводчатых помещений, из которых преимущественно состоят рядовые жилые и хозяйственные образования, часто встречается традиционное сочетание нескольких параллельных комнат и одной поперечной, их объединяющей. Эта простая схема, несколько раз уже упоминавшаяся, представлена здесь в различных, но близких один другому вариантах.²⁶³ В общем же сплошная масса комнат, коридоров и пандусных шахт (с редкими паузами в виде дворики, опоясанных навесами на деревянных колоннах), в которой как бы тонут просторные залы с Г-образными кулуарами и без них, препятствует поискам изначальной плановой идеи даже больших и богатых домов. Это тем более относится к домам небогатых горожан: они нередко лишены залов-гостиных, построены менее добротно, у их комнат часто геометрически нечеткие формы и нет (или почти нет) декоративного убранства (рис. 160). Множество мелких помещений с кривыми непараллельными стенами, извилистые коридоры и закутки сближают эти постройки (стоящие, кстати, часто рядом с большими богатыми домами) с объектами "фольклорной" архитектуры.

Те же, в общем, особенности определяют сходство небогатых жилищ Пенджикента с сельскими поселениями доисламского времени, для которых характерными были предельная плотность застройки

(дворов не было, жилища сливались в сплошной массив), часто прямоугольная форма помещений, сложность и даже запутанность планировки. Эти черты свойственны горному селению, возникшему у подножия замка Гардани Хисор на верхнем Зеравшане. Сравнительно с аморфностью внутриквартальной застройки Пенджикента селение, расчлененное двумя улочками на три продолговатых жилых массива, производит даже впечатление большей организованности.²⁶⁴

Оно охватывало подножие замка широкой дугой с запада и юга, приближаясь к его западной стороне почти вплотную, до 5 м, на юге упираясь торцом в выдвинутую далеко вперед стену замковых "пропилеев" и обтекая южный замковый двор (рис. 161). Постройки селения уступами, соответственно рельефу, поднимались к увенчанной замком вершине холма. Расположение и устройство селения определялись задачами обороны: замок оборонял его сверху и сзади, снизу же и спереди его защищала сплошная двойная стена с полукруглым равелином посередине. Да и само селение представляло собой как бы три линии обороны, состоящие из небольших сомкнутых сплошным фронтом одно-, двух-, трех- и четырехкомнатных жилищ. Склон, на котором шло строительство, определил собой террасный характер застройки: цепочки домов одной стороной опираются на насыпной грунт, противоположной — примыкают к вертикально срезанному матерiku.

Селение кажется построенным одновременно, по предварительному замыслу, хотя местами в его ясной строительной структуре заметны переделки и достройки. Достойна удивления тщательность, с какой его строители соблюдали — всюду, где это было возможно — прямоугольность помещений и параллельность стен. Небольшие жилые комнаты обору-

дованы суфами и очагами, с ними обычно соседствуют хозяйственные комнаты с отсеками для хранения припасов, двери — за малым исключением — расположены у углов. Все жилища (кроме одного) были, несомненно, одноэтажными, а найденные в них очаги — бытовыми, без признаков их использования как алтарей. Стены возводились из сырца пространного в предисламское время формата — длиной 46-52 см, шириной 24-26 см, толщиной 8-12 см; наружные стены с низким основанием, легче разрушавшиеся от стекавшей воды, ставились на цоколи из рваного камня. Перекрытия были балочными за единственным, кажется, исключением: четырехкомнатный дом первого наружного "фронта", вход в который лежит точно за полукруглым выступом-равелином оборонительной стены, включал в себя три сводчатые камеры и был, по предположению исследователя, двухэтажным.

Поразительным образом этот населенный крестьянами поселок был совершенно лишен зелени, — здесь не было ни дворики, обычных для будущих кишлаков, ни деревьев: среди плотно примкнувших одного к другому жилищ, разделенных щелями узких проходов, для них не нашлось места. Даже скот, судя по отсутствию хлевов и конюшен (без которых крестьянское хозяйство едва ли могло обойтись), содержался не в селении, а где-то, вероятно, поблизости. Несмотря на очевидные различия городского и крестьянского уклада сельское поселение, заботясь о безопасности, вынуждено было перенять неудобства средневековой городской организации.

Компактность сельских поселений 5—8 вв. была вынужденной мерой, неизбежной во времена политической раздробленности и отсутствия сильной центральной власти. Строя селения под защитой замков, соединяя усадьбы в один массив, сельское на-

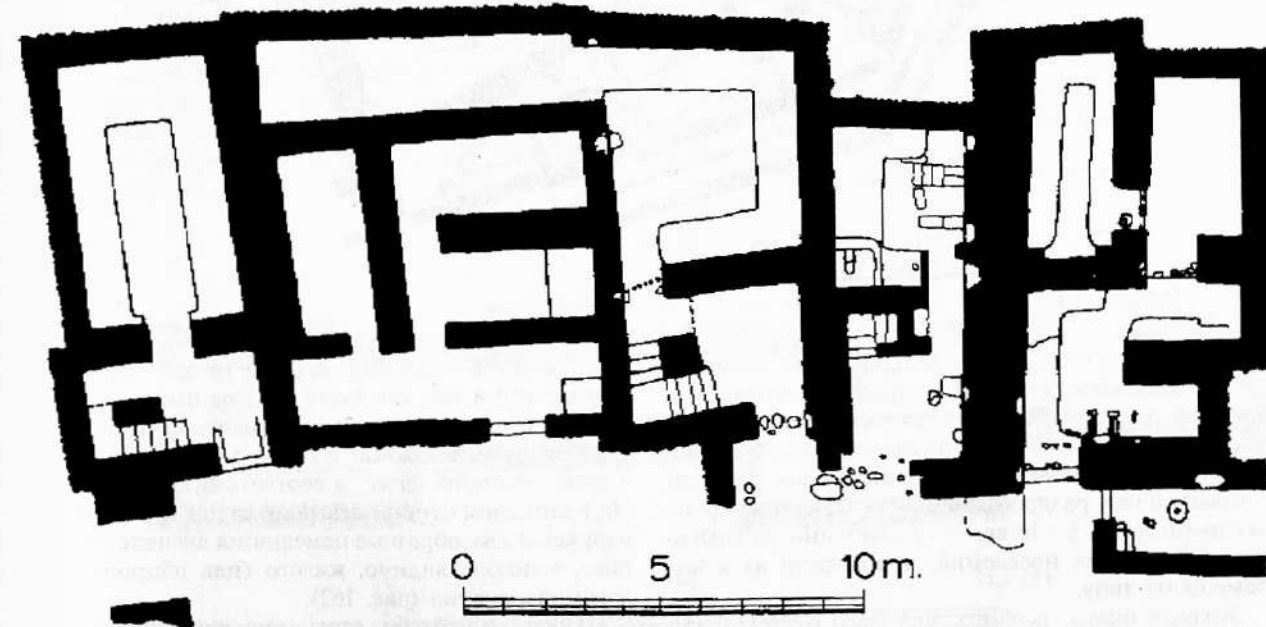

Рис. 160. Пенджикент. Жилища горожан из низших сословий ("объект" 14). План. По А. Беленицкому.

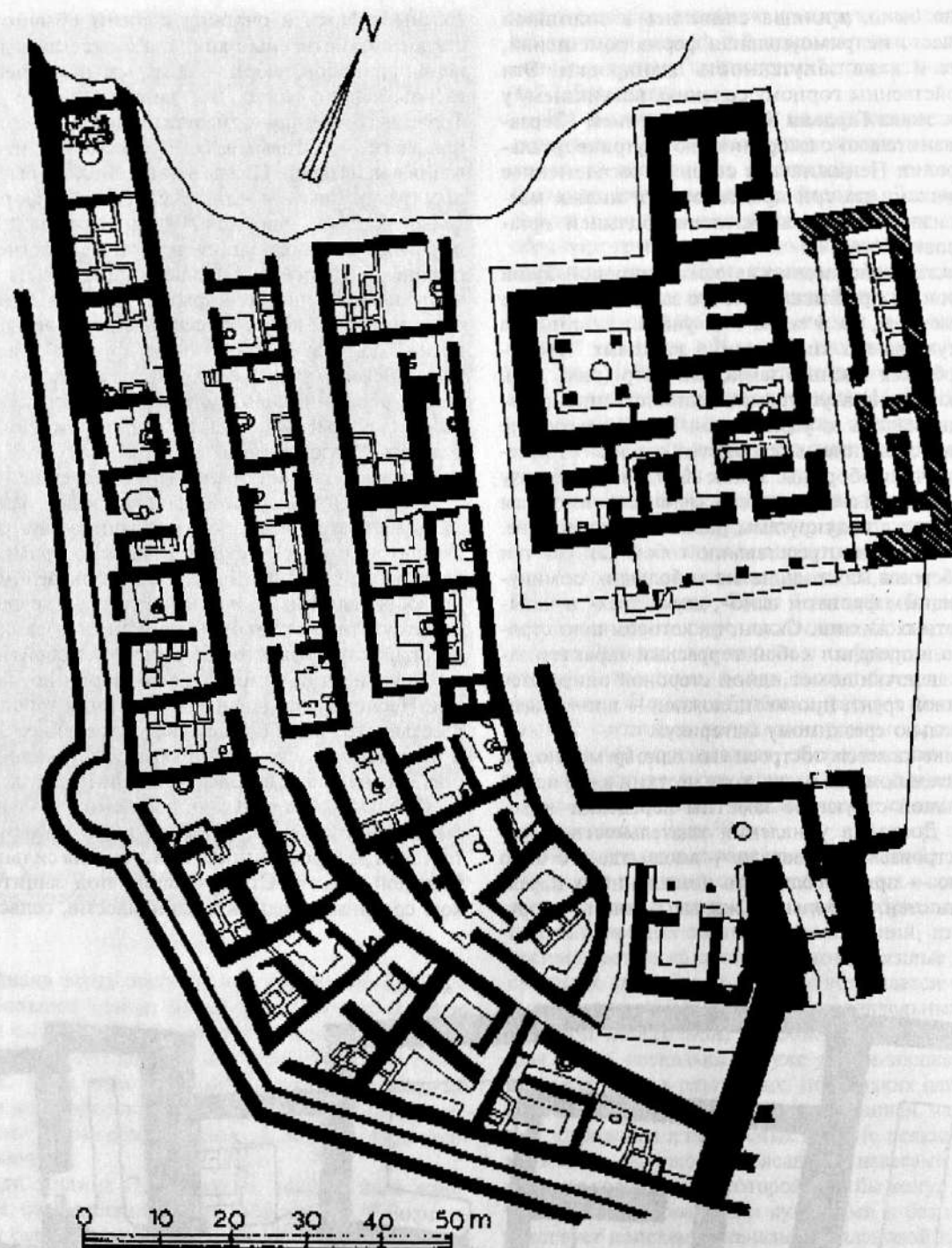

Рис. 161. Гардани Хисор. Замок и сельское поселение. План. По Ю.Якубову.

селение решало в первую очередь проблему безопасности, перед которой все неудобства — отсутствие дворов и зелени, теснота, скученность, дальнейшее содержание скота и т. п. — отступали на второй план. Характерно, что изменение политических условий — преодоление раздробленности и создание крупных государств в 9—10 вв. — существенно изменило характер сельских поселений, приблизило их к современному типу.

Жилище иного, особого типа было открыто при исследованиях городища Наврузшах в 40 км от Пенджикента.²⁶⁵ В южной и средней частях этого сильно

разрушенного городища найдена группа "парадных" помещений и зал, как будто с обходным коридором. План здания, в котором исследователь предполагает храм огня, опубликован и будет рассмотрен в связи с этой гипотезой ниже, в соответствующем разделе. Но в западном отрезке северной стены городища обнаружены своеобразные помещения вначале оборонного, а позже, видимо, жилого (или оборонно-жилого) назначения (рис. 162).

Изначально это был стратегический коридор внутри стены шириной около 1,5 м; в местах, где из стены выступали прямоугольные башни, коридор рас-

ширлся, образуя камеры шириной 2,5 и длиной 3,5—4 м. Приспосабливая эти камеры под жилье, их оборудовали суфами, бытовым очагом (комната 2), а в комнате 4 — алтарем на ступенчатом подиуме, характерной и известной по Пенджикенту формы, с двумя колонками по сторонам ниши. Для большей изоляции внутрибашенных комнат к их внутренним углам по северной стороне были пристроены выступы-пилоны, расчленившие пространство внутри стены на жилые комнаты и промежуточные камеры, тоже (судя по суфам) использовавшиеся под жилье.

Вероятно, жить в этих анфиладно соединенных и темных камерах было не слишком удобно, но стремление рационально использовать даже такие малокомфортные, но защищенные помещения имело тогда, конечно, серьезные основания.

Сходство городской и сельской архитектуры в 5—8 вв. выражено не только в том, что селения защищали себя стенами, — даже скромный крестьянский дом включал в себя, там где это было возможно, большое помещение типа зала-гостиной. Такие залы вполне канонического устройства были найдены, например, в селении Яхшибай-тепе в Тохаристане, в долине Сурхандарьи.²⁶⁶ Небольшая раскопанная часть селения разделена узким переулком на две плотно застроенные части, которые состоят из помещений разного размера и формы, построенных из сырца и пахсы в разных, иногда неожиданных сочетаниях (рис. 163/1). Среди построек правой группы, примыкавших к внешней стене селения, выделяются две комнаты близкой к квадрату формы, с боковыми — у угла — входами и сплошными пристенными суфами. Величина южного зала — 7×5,5 м, северного — около 5×5 м. В обоих залах суфы у дальней (северной) стены расширены в средней части и представляют собой характерную площадку — "эстраду", место хозяина дома, — назвать ее в этом случае "тронной" площадкой у меня не поворачивается язык. В этих небольших залах сельских жилищ не было колонн, их входы не оформлены тамбурными стенками-ширмами, но несомненно их сходство с парадными приемными помещениями городских жилищ, замков и даже дворцов, — сходство, вызванное общим назначением и потому сохраняющееся даже на противоположных уровнях патриархального общественного устройства.

Небольшое селение Чаян-тепе (рис. 163/2), лежавшее невдалеке от Яхшибай-тепе в пойме Сурхандарьи, отмечено противоречивыми особенностями.²⁶⁷ Основанием ему служит монолитная пахсовая платформа пятиметровой высоты, прямоугольной (слегка перекошенной) конфигурации. Это монументальное подножие взято в сырцовый футляр, который, поднимаясь выше платформы, превращается в толстые, тщательно сложенные стены. На таком основании, возведенном, казалось бы, для крупного сооружения типа замка, был построен слитный комплекс небольших, небрежно возведенных помещений, в большинстве случаев коридорного типа. Их взаимное расположение подчинено определенному порядку: узкие комнаты (только у немногих из них — обычные "жилые" пропорции) перпендикулярны еще более узкому сквозному коридору, который на северном конце превращается в еле проходимую щель.

Относительная регулярность плана нарушается неправильной формой помещений, неравномерной толщиной стен, плохим качеством кладки. Только некоторые сравнительно широкие, оборудованные суфами комнаты, почему-то расположенные попарно, можно здесь признать жилыми, — но и среди них нет ни одной, в которой была бы заметна попытка создать парадно-симметричный "гостиный" интерьер.

Разительный контраст между монументальным основанием и стоящими на нем небрежно построенными бедными помещениями вызывает подозрение, что жители (они же строители) Чаян-тепе использовали для своего селения платформу какого-то монументального здания — может быть, недостроенного замка или крепости-форпоста. Это видно и по отсутствию конструктивной связи между массивными наружными стенами селения и примыкающими к ним тонкими стенами жилищ.

Еще один случай использования ранней монументальной субструктуры как основы — "пьедестала" для сельского поселения демонстрирует Таш-тепе, селение, расположенное в пойме Кашкадарьи и открытое раскопками меньше чем наполовину.²⁶⁸ И здесь жилые и хозяйственные постройки, бессистемно расположенные и плохо построенные, были поставлены на высокую прямоугольную платформу, окружен-

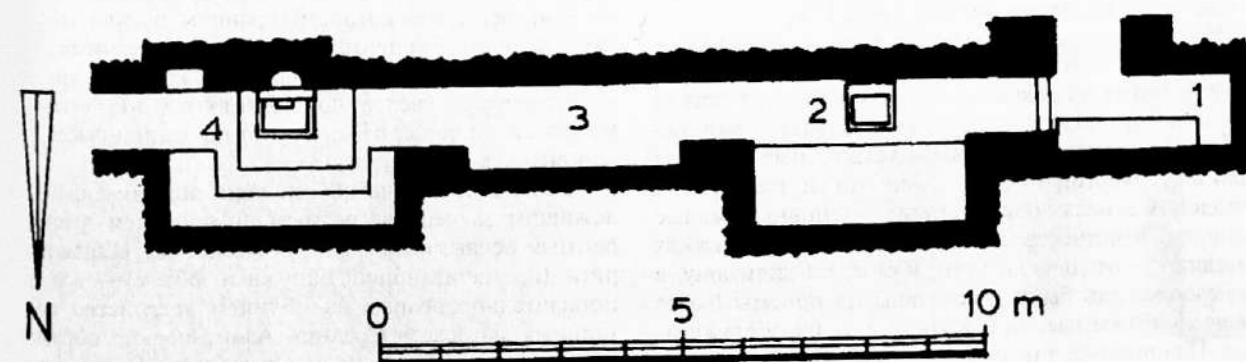

Рис. 162. Городище Наврузшах. Жилые помещения в стене. План. По Ю.Якубову.

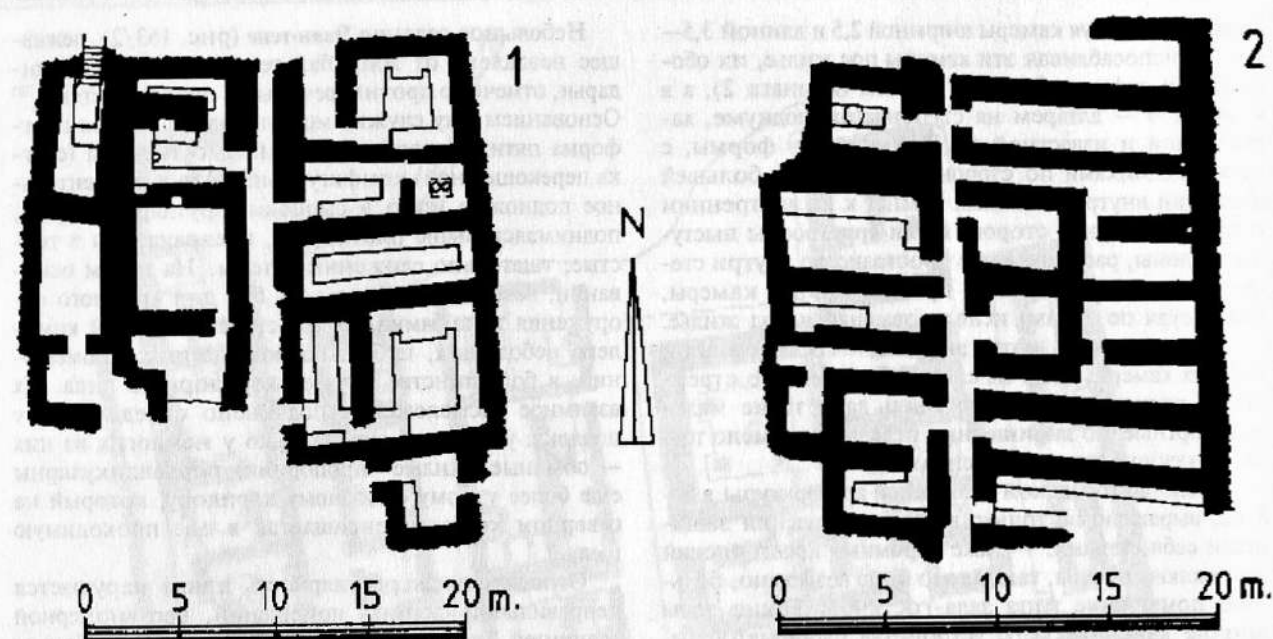

Рис. 163. Селения Яхшибай-тепе (1) и Чаян-тепе (2). Планы. По В.Нильсену.

ную толстыми, добротнo возведенными пахсовыми стенами (рис. 164). Правда, помещения здесь по большей части шире и вместительней, и их стены не примыкают к наружным пахсовым стенам торцами, а образуют как бы внутренний футляр разной толщины. Строители Таш-тепе добились определенной геометрической регулярности — как будто, правда, в пределах отдельных жилых зданий. Сплошная застройка и здесь разделена узким проходом, который замыкался небольшим двором.

Особую группу жилых зданий составляют пригородные постройки — центры загородных усадеб, сопоставимые, возможно, с античными вилами. Несколько этих зданий исследованы в ближайших окрестностях Пенджикента.²⁶⁹ От городских жилищ они отличаются изолированным расположением среди возделанных участков и садов, небольшими размерами, компактностью и сравнительной простотой устройства. От замков же их отличает, кроме скромных размеров, полное отсутствие оборонно-крепостных форм и "раскрытость" архитектуры, выраженная при помощи парадно подчеркнутого входа или вынесенной на фасад лоджии (рис. 165).

Небольшие загородные дома Пенджикента строились добротнo и достаточно монументально. Их стены возведены из пахсы, перекрытия нижних этажей были сводчатыми, а в некоторых случаях, возможно, купольными. Капитально устроенные пандусы вели в несохранившиеся верхние этажи, где, как и в городских домах, располагались основные жилые комнаты. Количество помещений в нижних этажах невелико — от двух до пяти, и они, по-видимому, в первую очередь были рассчитаны на приемы (более узкие и интимные, чем в городе) и их обслуживание. Планировка так разнообразна, что не поддается классификации, — кажется, что строители не сле-

довали здесь какому-то традиционному образцу, канону, но исходили из требований удобства и функциональности. А так как заказчики были, безусловно, не бедняки, то им это вполне удавалось.

В некоторых загородных домах различается деление на жилую (гостевую) и хозяйственную части, границей между которыми служит входной коридор. В одних случаях эти части объединены общей квадратной конфигурацией плана: дом имел форму куба, центрально расположенный вход был оформлен глубокой нишей портала, коридор замыкался вместительной комнатой — может быть, кухней, — а остальную, большую часть хозяйственной половины занимал крупный коленчатый пандус.²⁷⁰ В другом случае удлиненное здание делилось пополам сквозным поперечным коридором, главный вход в который оформлен небольшой порталной нишей, — но не выступающей, как в предыдущем доме, а заглубленной. Прием планировки каждой половины здесь резко различен: хозяйственная часть состояла из двух смежных комнат (в одной из них устроен пандус); другая половина была занята квадратной комнатой (4×4 м), все стены которой украшали очень плоские осевые ниши. Два центрально ориентированных входа вели отсюда: один — в средний коридор, другой — в широкую сводчатую лоджию той же четырехметровой ширины, обращенную на задний фасад, — вероятно, в сторону сада.

Сочетание сводчатой входной лоджии-айвана с лежащим за ней квадратным помещением, расширенным осевыми нишами, их общая ось, общая ширина (и, значит, общий наружный объем) — все это поразительно похоже на облик и устройство порталных мавзолеев Средней Азии, первые образцы которых датируются 10 в. Схожее сочетание квадратной (без внутренних ниш) комнаты с айваным

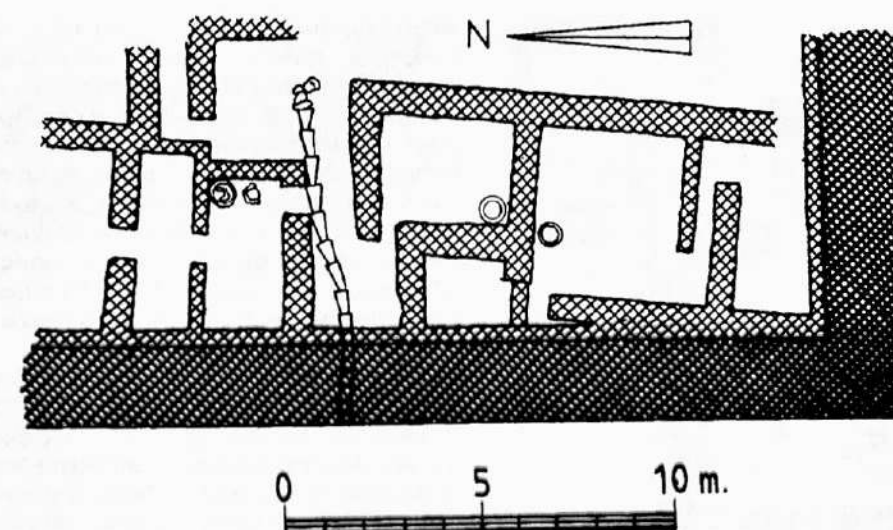

Рис. 164. Селение Тош-тепе. Деталь плана. По В.Нильсену.

входом уже встречалось нам в замке Уртакурган; квадратные помещения с осевыми нишами строились в Мерве еще в античную (парфянскую) эпоху. Но сочетание в одном здании всех этих черт, характерных для мемориально-культовых купольных зданий будущей исламской эпохи, встречено здесь впервые.²⁷¹

Продолговатая комната и лоджия-айван общей ширины, соединенные осевым входом, составляют жилую половину другого загородного дома. Квадратный в плане айван и квадратная же, со сплошными широкими суфами комната в еще одном доме не свя-

заны общей осью: "скользящий", прорезанный у угла помещения вход совпадает с осью айвана, — в этой системе словно воспроизведены в уменьшенном виде взаимное расположение и связь большого зала и айвана в "замке" Шахристана-Бунджиката. В других случаях несложная структура плана основана на сочетании продолговатых параллельных комнат, объединенным поперечным вестибюлем, — прием, как говорилось, в гражданской архитектуре Средней Азии очень древний, долговременный и распространенный.

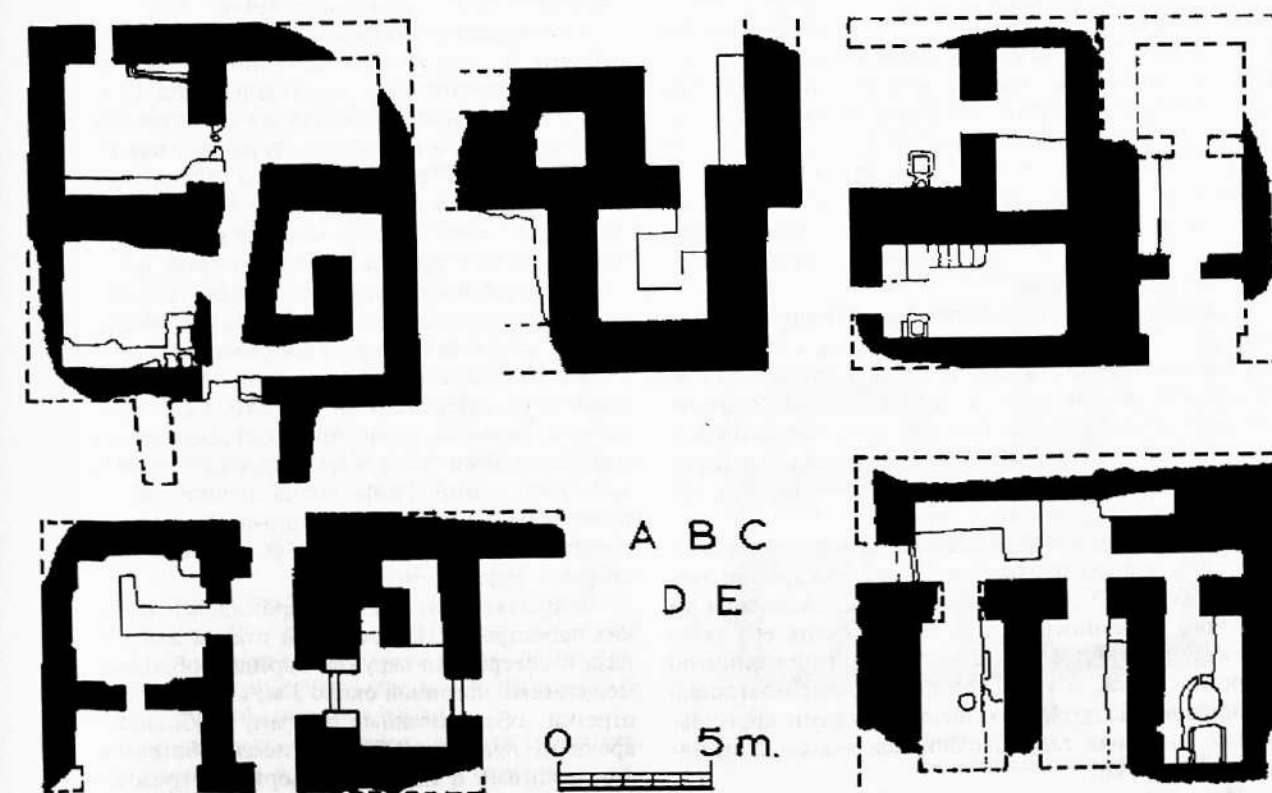

Рис. 165. Загородные дома у Пенджикента. Планы. По В.Ворониной с частичной реконструкцией.

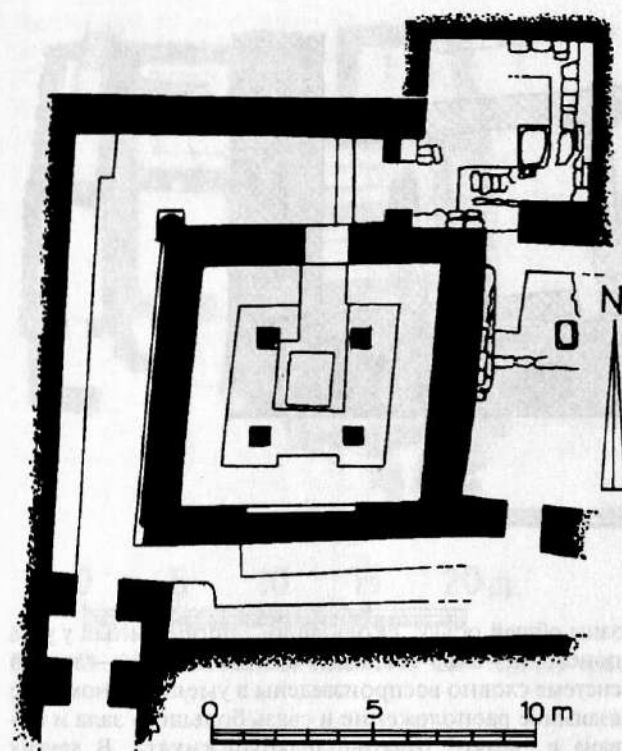

Рис. 166. Дом на городище Калаи Кафирниган. План. По Б.Литвинскому и В.Соловьеву.

В некоторых пригородных домах Пенджикента найдены следы ремесленного производства. Все же представляется, что большинство этих отдельно стоящих и добротных построенных небольших зданий было связано с пригородным земледелием. Неясно, были ли они "филиалами" городских жилищ, хозяйства которых владели угодьями в окрестностях города, или усадьбами зажиточных земледельцев, или, наконец, первыми признаками торгово-ремесленного рабада. Последнее сомнительно, так как рабад не отличался от города-шахристана иным типом жилья, тогда как между городскими и пригородными домами Пенджикента заметна прежде всего типологическая разница.

Городище Калаи Кафирниган в Тохаристане, у кишлака Эсанбай получило известность после обнаружения остатков большого буддийского храма (см. ниже). Найденные здесь жилые постройки соединяют в себе локальные местные приемы с общими среднеазиатскими и в некоторой мере расширяют представления об архитектуре доисламских городских жилищ разного сословного уровня.²⁷²

Дом в южной части городища открыт не весь. Исследована только центральная часть постройки, вероятно большой и многокомнатной, состоящая из крупного приемного зала и окружающих его галерей-кулуаров (рис. 166). Здание, ориентированное по сторонам света, в исследованной части построено из пахсовых блоков, прослоенных рядами кирпичасырца; на стенах зала сохранились два слоя глиняной штукатурки.

План квадратного зала (около 7,5×7,5 м) был при строительстве заметно перекошен и получил ромбо-

видную форму. Арочный вход прорезает посредине северную стену; напротив него в южной стене устроена широкая (3,6 м), но неглубокая ниша. Пристенная суфа, обтекающая по периметру зал и разорванная только у входа, расширена перед нишей небольшим выступом, который образует здесь каноническую "тронную" площадку. К этой верхней суфе примыкает невысокая нижняя, закрывшая большую часть пола: свободным от нее остались только проход у входа и квадрат (2,1×2,1 м) в центре зала, почти целиком занятый прямоугольным постаментом с обожженной поверхностью.

На нижней суфе стояли четыре деревянные колонны, образуя квадрат со стороной 2,5 м. Колонны и лежавшее на них деревянное балочное перекрытие погибли от пожара, уничтожившего здание, но их остатки, в том числе обильно и эффектно украшенные резьбой, были найдены при раскопках. Базы колонн представляли собой, видимо, вариант описанной выше классической формы: квадратный сужающийся кверху цоколь на низком уступчатом основании переходил в скоцию. Сами же колонны, судя по сохранившейся лучше других юго-восточной, состояли из сужающегося кверху круглого в сечении ствола и нижней округлой формы — "кузаги", соединенной со стволом узкой шейкой; диаметр скругленного основания ствола над шейкой, как и "кузаги" — 44 см. Ствол колонны был украшен двумя резными поясами: в самом низу — выющийся побег и кольцо "перлов" в орнаментальном обрамлении, 67 см выше — угловатый обрамленный зигзаг. Общая высота колонны, по расчетам исследователя, должна была достигать 3,75 м, а высота внутреннего пространства зала — не меньше 4,4 м.

Исследователь упоминает резную подбалку, укрепленную над капиталью колонны и в какой-то степени напоминавшую (остатки подбалки не изображены) подбалку колонны из селения Оббурдон. Это упоминание очень интересно, так как подбалки "оббурдонского" типа характерны для деревянной архитектуры 9—10 вв. и позже в Средней Азии почти не встречаются;²⁷³ их доисламская модификация свидетельствует о древности этой местной формы.

Находка в Средней Азии сравнительно хорошо сохранившейся деревянной колонны — большая редкость; здесь она к тому же сопровождалась находками множества конструктивных и декоративных деталей перекрытия. Среди них стоит внимания пано из двух досок, украшенное орнаментированными изображениями птиц в симметричной геральдической композиции. Графичность и неглубокая резьба позволяют думать, что это пано располагалось не слишком высоко, — может быть, над застланными коврами суфами (рис. 167).

Открытая часть здания сохранила следы нескольких перестроек. На последней стадии зал с юга, запада и севера был окружен коридорообразными помещениями шириной около 3 м; южный и западный отрезки, оборудованные суфами, сообщались через арочный проем в ЮЗ углу (исследователь считает его поздним), а короткий северный отрезок открывался на востоке в квадратное (4,9×4,9 м) помещение, тоже по предположению исследователя позднее,

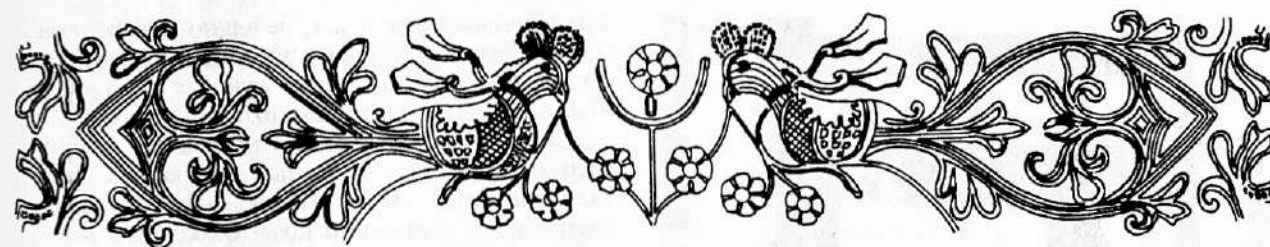

Рис. 167. Дом на городище Калаи Кафирниган. Резное деревянное панно. Реконструкция. По Б.Литвинскому.

уменьшившее первоначальную длину северного коридора. Общий вход был устроен на южной стороне у ЮЗ угла и оформлен двумя парами пилонов с небольшой камерой-тамбуром между ними.

У выступающего угла на стыке западного и северного коридоров найдены отчетливые следы деревянной колонны, диагонально выдвинутой из угла, с сохранившейся *in situ* деревянной базой.

Эта находка позволяет выделить западный и северный коридоры как единое пространство и рассматривать их как Г-образный кулуар при приемном зале, характерную принадлежность замков 4 типа и городских жилых зданий аналогичного устройства. Выше говорилось о том, что угловые части таких кулуаров были обычно несколько выше и перекрывались иначе, чем их основное коридорообразное пространство, — в этом случае оно было сводчатым. Угловой квадрат в здании на Калаи Кафирниган был, возможно, увенчан высоким балочным перекрытием типа "рузан" или каркасным шатром. Соответственно южный и предполагаемый восточный коридоры должны были быть отделены от Г-образного кулуара поперечными стенами со входами, но не сливаться с ним в общее пространство.

Эти соображения делают сомнительным предположение исследователя о едином замкнутом коридоре, со всех сторон изначально охватывавшем центральный зал. Точно так же мне кажется недостаточно доказанной версия о культовом назначении здания, которая, как считает исследователь, подтверждается постаментом-жертвенником в центре зала и окружающими его помещениями, названными "обходным коридором" (который, даже если бы он здесь имелся, не доказывает сакральное назначение здания). Сам исследователь справедливо отметил сходство раскопанной постройки с парадными залами пенджикентских жилищ. Что до заметных здесь признаков отправления религиозного обряда, то в доисламской культуре Средней Азии светское и культовое начала были так неразрешимо слиты, что разделить эти функции в устройстве богатого жилища едва ли возможно. Обычный дающий жизнь огонь в сознании людей того времени вряд ли сильно отличался от священного. В любом случае конечным ответом на эти сомнения могло бы стать только продолжение раскопок и открытие всего здания, а не только его средней парадной части.

К СВ от этого здания, в средней части шахристана была раскопана группа рядовых городских жилищ, резко отличающихся — и устройством, и качеством строительства — от описанного.²⁷⁴ Три

дома общей площадью около 42×35 м плотно прижаты один к другому и образуют слитную группу, которая, как будто, продолжалась в северном и южном направлениях; с востока и, может быть, запада группа ограничена улочками (рис. 168). Самый большой южный дом состоит из цепочки четырех комнат, поочередно больших (жилых) и малых (хозяйственных или производственных), — к ним на севере примыкает коридор со входом в восточном торце, разделенный поперечными стенками на три отсека. Помещения оборудованы суфами, — в жилых комнатах они прерываются только у входов, — очагами и устройствами для плавки металла — домницами. Примитивность планировки была здесь, вероятно, функционально оправдана.

Самый маленький дом в СВ углу раскопанной группы состоял из двух комнат — первой жилой, размерами 12,5×8 м, и меньшей хозяйственной. Широкие суфы в большой комнате оставляли свободным только СВ угол, где был вход. Здесь сохранились врезаемые в края суф деревянные базы двух колонн, которые отделяли квадратную южную часть комнаты от меньшей северной, входной. Третий дом сохранился хуже других, и сказать что-либо конкретное о его устройстве затруднительно, — здесь тоже имелись широкие суфы, а ширина комнат — от 5 до 8 м — предполагает внутренние опоры. Западная и северная стороны этого жилища не сохранились.

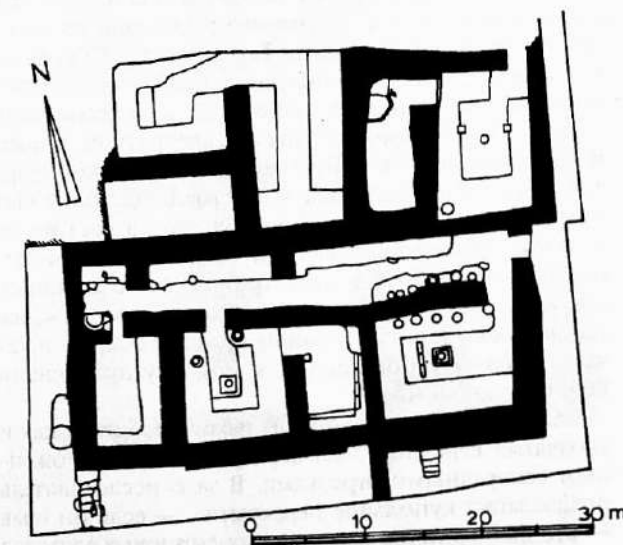

Рис. 168. Три дома на городище Калаи Кафирниган. План. По Б.Литвинскому.

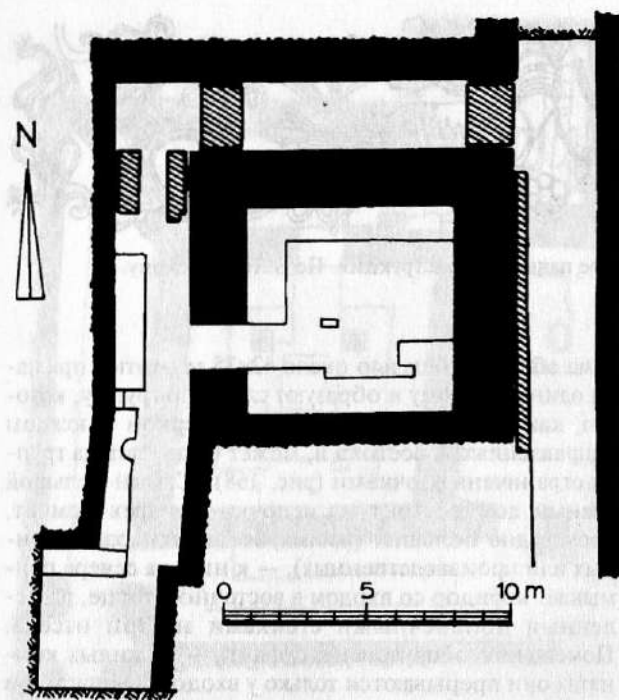

Рис. 169. Дом на городище Кафир-кала. План. По В.Соловьеву.

Небрежная сырцовая кладка, кривизна некоторых стен и их непараллельность скорее свойственны сельской "фольклорной" архитектуре, чем застройке — даже рядовой — городского центра. Правда, соседство богатых (говоря современным языком, престижных) и бедных жилищ было, судя по Пенджикенту, привычным в городах того времени. А застройка сплошными массивами, не оставляющая места для садов и бассейнов и неохотно расступающаяся перед редкими маленькими площадями была, судя по трем раскопанным жилищам, так же характерна для городов Тохаристана, как для Согда.

Ничего специфически тохаристанского нет, как будто, и в доме, часть которого раскопана на городище Кафир-кала в Южном Таджикистане.²⁷⁵ Открытая (вероятно, лишь небольшая) часть этого богатого городского жилища состоит из зала размерами 7,2×7,2 м геометрически точной квадратной формы и примыкающего к нему с запада и севера коридора пролетом 2,5 м, который всей своей шириной был открыт в перекрытый сводом переулочек к востоку от зала (рис. 169). Единственный арочный вход в зал, расположенный у ЮЗ угла, соединял его с западным коленом коридора, который за входом продолжался на юг; своим южным концом коридор открыт в какое-то большое помещение, к моменту публикации еще не докопанное.

Стены здания сложены из пахсы; коридор, как и сводчатый переулочек, был перекрыт сводом, сложенным поперечными отрезками. В зале исследователь предполагает купольное перекрытие, — если он прав — это был один из крупнейших сырцовых куполов доисламской Средней Азии, а зал должен был отличаться редкостной высотой: на его стенах, сохранив-

шихся на высоту до 3,5 м, не видно даже оснований угловых тропов, которые здесь должны были быть, и которые в сохранившихся куполах этого времени обычно расположены невысоко над полом.

Суфа, оббегающая зал по периметру, почему-то прервана у восточной стены, а на южной стороне получила причудливо-ломаную форму с подобием постамента у восточного края. Около "постамент", который был выкрашен сверх побелки в желтый цвет, найдены куски раскрашенной глиняной скульптуры. Суфы аккуратно — с регулярным чередованием тычковых и ложковых рядов — сложены из сырца размером 50×25×8-10 см и оштукатурены. Позже вход в коридор со стороны переулочка был закрыт стеной заподлицо с восточным фасадом зала, а образовавшийся тупик превращен в склад; еще позже две поперечные стенки (одна с проходом) отделили СЗ угол коридора.

Открытого в Кафир-кале фрагмента недостаточно, чтобы представить себе общее устройство этого богатого и, вероятно, большого дома. Нет даже полной уверенности, что его квадратный зал был обычной гостиной-приемной: этому противоречат странная форма и расположение его суф, отсутствие традиционной тронной площадки и предполагаемый купол, залам такого рода совсем не свойственный. Глиняные скульптуры хотя и встречаются изредка в жилищах 5-8 вв. (тохаристанский замок Кувекурган), все же, как и купол, более характерны для зданий сакрального назначения, которое нельзя совсем исключить и здесь.

Небольшой жилой дом 8 в. в местности Минг-тепе (30 км к СЗ от Самарканда) несколько выпадает из общего представления о доисламском жилище Средней Азии как об асимметричной, сугубо функционально организованной структуре.²⁷⁶ Городище Минг-тепе представляет собой скопление более чем 50 отдельных холмов (одно из них — раскопанное здание) без опоясывающих стен, и на обычный город того времени не похоже. Соответственно неясна городская или сельская принадлежность исследованной постройки.

Ориентированное по сторонам света здание размером 11×12 м возведено из пахсовых блоков высотой 1,15 м, с широкими — до 5 см — вертикальными швами (рис. 170). Материал, способ строительства и геометрическая четкость разбивки плана свидетельствуют о высокой сословной принадлежности и богатстве владельца. Сохранившийся нижний этаж состоит всего из двух продолговатых комнат, вытянутых в направлении З-В и соединенных арочным проходом близ восточной стены. Вход в здание расположен на южной стороне, у ЮВ угла, почти напротив внутреннего прохода; другой вход прорезал почти посередине северную стену.

Оба нижних помещения были сводчатыми и опоясанными сплошными пристенными суфами, — в северной комнате суфа не прерывалась даже перед наружным входом. Суфы сложены из сырца (47×25-26×6 см), по сравнению со стенами неожиданно небрежно. В стенах над суфами местами устроены ниши; самая большая ниша, приподнятая над полом, пристроена — при помощи двух пахсовых вы-

ступов-пилонов — к восточной торцевой стене южной комнаты, рядом с ее СВ углом. Ее ширина — 1,15 м — в точности равна ширине пахсовых блоков, из которых сложены стены. В нише горел огонь и, похоже, что она выполняла функцию домашнего алтаря. Соседний с нишей ЮВ угол южной комнаты заполнен пахсовым блоком с вырезанными в нем ступенями лестницы, выводившей на верхний этаж.

Исследователь полагает, что рухнувшее вниз при разрушении здания содержимое верхнего этажа — главным образом хозяйственные сосуды типа котлов и хумов — показывает, что там находилась кухня. Эта гипотеза кажется мне уязвимой: дом был заброшен в 10 в., и за это время назначение его помещений могло измениться. Кроме того, устройство кухни на верхнем этаже, с проходом через жилое и приемное (судя по суфам и алтарной нише) помещение, да еще по крутой и узкой лестнице представляется маловероятным, даже принимая во внимание изменившиеся критерии удобства и комфорта.

Можно предположить, что дом на Минг-тепе был (как, вероятно, другие постройки поблизости от него) загородным "люстхаузом" богатой городской (самаркандской?) семьи, наподобие загородных "вилл" Пенджикента. В таком случае он не мог стоять совсем изолированно: где-то по соседству должны были находиться подсобные и хозяйственные постройки, среди которых была, вероятно, и кухня. Здание интересно компактным объемом, необычным для жилых построек того времени, — это, вероятно, нужно рассматривать как внешнюю миниатюрную имитацию замка-кеша, вплоть до некоторой скошенности его фасадных поверхностей. Оно любопытно еще и отступлением от всеобщего стереотипа приемного зала-гостиной; правда, нельзя исключить, что именно такой зал — квадратный, с четырьмя колоннами под балочным потолком — занимал вначале весь несохранившийся этаж этого здания, которое, как справедливо заметил его исследователь, не имеет прямых аналогий в планировочном отношении.

К сожалению, почти ничего неизвестно о развалинах здания, открытых в Варахше, рядом с дворцом, севернее парадного "тронного" двора.²⁷⁷ Исследователь предположил, что эти, по его выражению, фрагменты помещений неизвестного назначения входили в состав дворца. Это, возможно, принимая во внимание близкое соседство здания с парадным двором (12 м), хотя в самом раскопанном (как обычно, не до конца) доме ничего специфически дворцового как будто нет (рис. 171).

Постройка ориентирована с небольшим перекосом (таким же, как у парадного двора) по сторонам света. Ее восточную часть занимает продолговатый приемный зал характерных пропорций — $1:\sqrt{2}$, отношение стороны и диагонали квадрата. Северный торец зала оформлен широкой нишей, напротив нее на южном торце — вход в небольшую изолированную камеру; все вместе похоже (вплоть до близких размеров залов) на устройство приемной группы в пенджикентском "объекте" 9, с той разницей, что там ниша квадратна в плане, а задняя камера ориентирована поперечно. Зал раскрыт на запад широким (почти 3 м) проходом, — за ним следует коридор той

же ширины, отгороженный вблизи зала односторонней поперечной стенкой; боковые стены образовавшегося отсека-вестибюля прорезаны входами.

Северный вход ведет в изолированную комнату, южный — в группу из четырех небольших комнат (точнее — двух, каждая из которых разделена пополам), связанных у общей южной стены "скользящим"

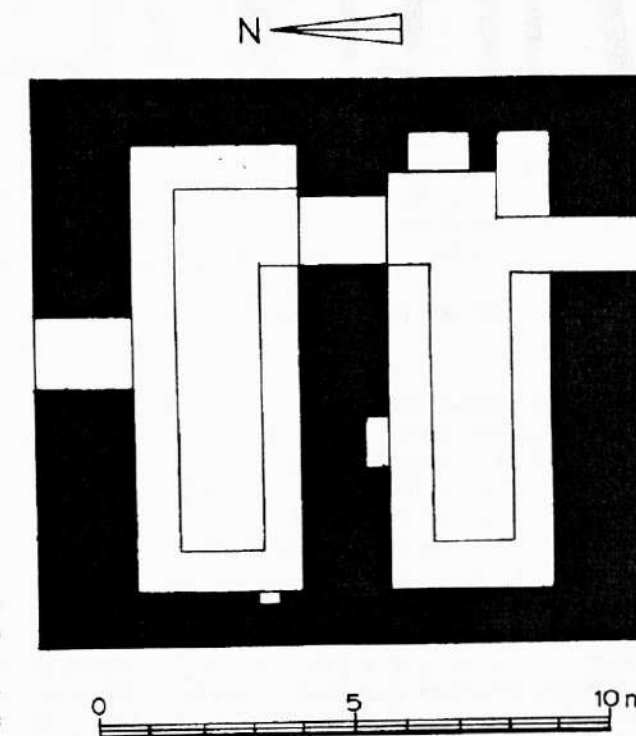

Рис. 170. Дом в Минг-тепе. План. По И.Иваницкому и С.Фонареву.

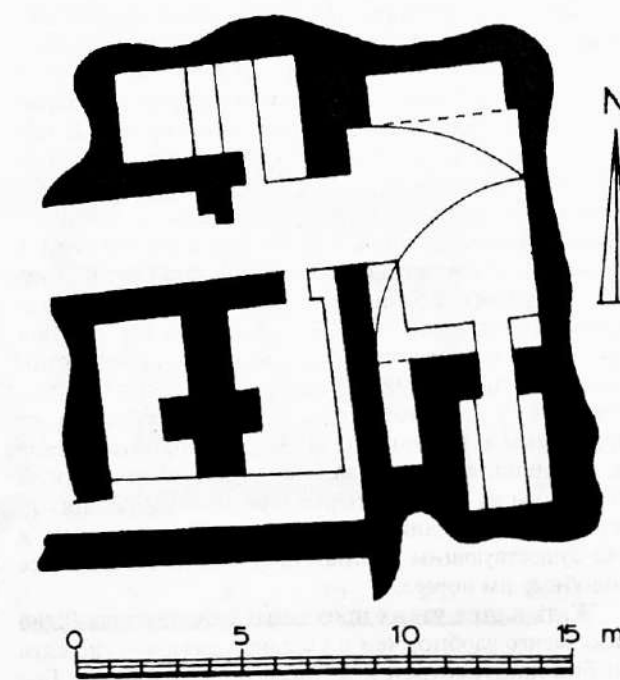

Рис. 171. Варахша. Дом к северу от двора приемов во дворце. План. По В.Шипкину.

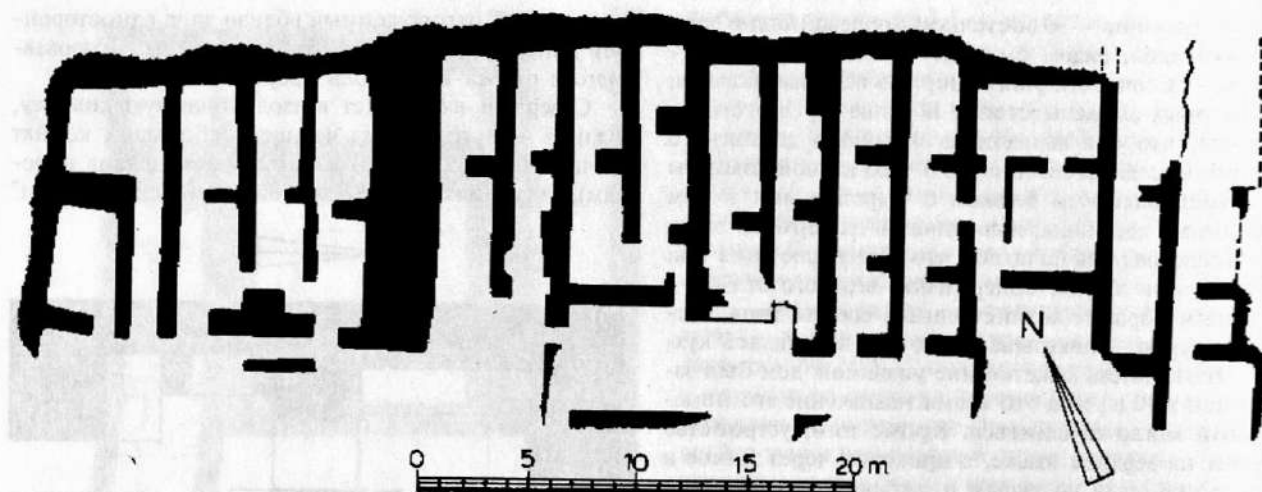

Рис. 172. Шахристан. Городище Какхаха I. Жилища у северной стены. План. По С.Шетухиной.

проходом; второй такой же проход ведет на запад, в нераскопанную часть здания. Исследователь отметил на стенах одного из помещений следы настенных росписей очень плохой сохранности.

Если восточное помещение и само по себе, и по аналогии с Пенджикентом однозначно определяется как приемный зал-гостиная городского жилого дома, то комнаты по сторонам коридора выглядят жилыми и хозяйственными (вероятно, теми и другими одновременно), а само здание — городским жилищем среднего сословного уровня. С расположенным рядом дворцом его связывало не устройство, а назначение, — здесь, может быть, жила семья, связанная с дворцовым хозяйством служебными и сословными отношениями. Большого, увы, об этой интересной постройке уже не узнать.

Кажется странным, что крупнейшая группа жилищ, найденная на городище Какхаха I в Шахристане, предполагаемой столице Уструшаны, рядом с большими и эффектными монументальными зданиями, представляет собой более чем скромный образчик "фольклорной" архитектуры.²⁷⁸ Это — группа единообразных узких (не более 3 м шириной), пристроенных вплотную одна к другой комнат с нерегулярной толщиной стен, примыкающих торцами к возведенной из пахсы северной городской стене (рис. 172). Коридорообразные помещения разделены, для придания им более "жилых" пропорций, на две или три части, которые сообщаются между собой боковыми "скользящими" проходами, прорезанными почти всюду у западной стены. Редкие отступления от этой схемы в западной и восточной боковых частях ее принципиально не меняют. Стены помещений построены из пахсы и сырца в разных сочетаниях и, вероятно, возводились в течение долгого времени: к уже существующим группам постепенно добавлялись подобные им новые.

Жить в этих узких проходных помещениях было даже менее удобно, чем в соседней казарме, где едва ли был предусмотрен и минимальный комфорт. Тем не менее, судя по сделанным здесь находкам — очагам, предметам и продуктам быта — они были по

преимуществу жилыми, совмещая эту основную функцию с хозяйственными и складскими. Можно предположить — исходя из вероятного дворцового и административного назначения всего комплекса Какхаха I, — что в этих "типовых" казематах жили семьи дворцовой прислуги самой низкой категории, а может быть и рабов, и что количество слуг этого уровня со временем росло.

Впрочем, в Бунджикате возводились жилища и другого, более цивилизованного уровня. На противоположной стороне, у южной стены укрепленного дворцового комплекса здесь была найдена компактная группа нескольких жилых домов того же доисламского времени, построенных совершенно иначе. Эти дома образуют небольшой замкнутый квартал, южной стороной примыкающий к городской стене, на востоке — к большому многоколонному залу, речь о котором пойдет ниже, а с севера ограниченный улицей. Каждый дом состоит из входного коридора и двух комнат, одна из которых — обязательный приемный зал традиционного устройства, квадратный, со сторонами длиной около 4 м и сплошными пристенными суфами. Входы в залы по шахристанскому обычаю прорезаны у угла, и в зале западного дома входная площадка ограничена стенкой-ширмой, характерной для таких помещений. Вторые комнаты, жилые, с суфами у трех стен, с гостинными не сообщаются и оборудованы угловыми входами из коридора. Западный дом отделен от прочих сплошной стеной, другие два объединены Г-образным коридором, охватившим их с западной и северной сторон, — в этот коридор, проложенный вдоль городской стены, обращены их входы (рис. 173).

Общая ширина всех домов-квартир, вписанных в правильный геометрический контур — около 12 м, — наводит на мысль, что они были построены одновременно и согласно общему замыслу. Все жилища примерно одной величины и состоят из одного традиционного набора помещений, — и при этом ни одно из них не повторяет устройство других, и в устройстве каждого ясно ощутима, так сказать, планировочная индивидуальность. Это сочетание устой-

чивой традиционности с ее, говоря современным языком, творческим воплощением, исключаящим шаблон — свидетельство зрелого архитектурного мастерства.

Такой геометрической регулярности, мало и только в деталях свойственной городским жилищам Средней Азии, нет в жилом доме, открытом в Канке-Харашкете, на юге его третьего шахристана.²⁷⁹ Здание, построенное из сырца и пахсы в разных сочетаниях (конечно, с применением дерева в перекрытиях и дверных конструкциях) было частью плотной жилой застройки (рис. 174). Среди помещений разной степени сохранности, сгруппированных без ошутимой композиционной идеи, выделяется большая комната 3 трапециевидной формы — по-видимому, приемный зал. Широкие Г-образные суфы на северной и южной сторонах оставляют посередине площадку с овальным очагом в окружении четырех деревянных стоек-колонн: они образуют прямоугольник со сторонами 1 и 1,25 м, в потолке над которым, вероятно, имелось световое и вентиляционное отверстие. Особенности зала — трапециевидная, не вызванная явной необходимостью форма, угловое расположение входа, странное расположение суф, отсутствие тронной площадки, близко сдвинутые колонны — только отчасти могут быть объяснены перестройками, которые этот дом наверняка пережил.

Устройство соседней комнаты 8 более канонично: вход в нее закрыт стенкой-ширмой, образующей тамбур, — обычное устройство в парадных помещениях с угловым входом. Суфа, обтекающая оставшееся (почти квадратное) пространство, одной стороной упирается в стенку-ширму, а другой — в возвышение типа жертвенника. Свидетельство сакрального назначения этой комнаты исследователи видят в алтаре размером 60×70 см, который примыкал к северной суфе: сохранилась вставленная в алтарь кружка, наполненная золой и прокаленной розовой землей — следы жертвоприношений. Функции до-

мового храма-капеллы распространялись, вероятно, и на соседнюю продолговатую комнату 9, связанную входом только с "капеллой" и оборудованную сплошными суфами. Суфа вдоль западной стены, слишком узкая для сиденья, предназначалась, может быть, для небольших скульптур, а суфа в ЮЗ углу была скруглена, чтобы можно было открывать дверь в комнату 8. Угловой выступ около двери оформлен трехчетвертной колонкой — деталь, которой подчеркнута особое, небытовое назначение комнаты.

Вход в здание был на западной стороне, с улицы, пролегавшей вдоль крупного хауза. Во входном вестибюле (помещение 11) на боковых стенах сохранились штрабы от деревянных устоев, на которые были навешены двустворчатые, двухметровой ширины двери — такие же, какие до недавнего времени употреблялись в традиционных городских жилищах Ташкента и других старых городов.

Это многокомнатное, не полностью раскрытое здание, построенное в 6–7 вв. и дожившее до 8 в., составляло часть сплошной квартальной застройки, — открыт был только его западный фасад, обращенный к улице; со всех остальных сторон к нему примыкали соседние домовладения, лишённые, вероятно, как и он, даже небольших дворишков. Стоит напомнить, что не весь Харашкет, и даже не весь его шахристан 3 был так плотно застроен: неподалеку в черта города стояли даже замки (см. рис. 115), которые без дворов и свободных, пусть даже небольших пространств вокруг себя не могли обойтись. Да и скученность рядовой жилой застройки возникла не сразу (это было замечено еще в Пенджикенте): прямая северная стена описанного дома была, очевидно, построена на свободном месте, когда ее прямизне еще ничто не мешало.

Началом раннего средневековья — 4–5 вв. — датирует исследователь два жилых дома в селении Турпак-кала (левобережный Хорезм), стоявшие в окружении разреженной сельской застройки того же времени. Оба дома — большие, со сложным асиммет-

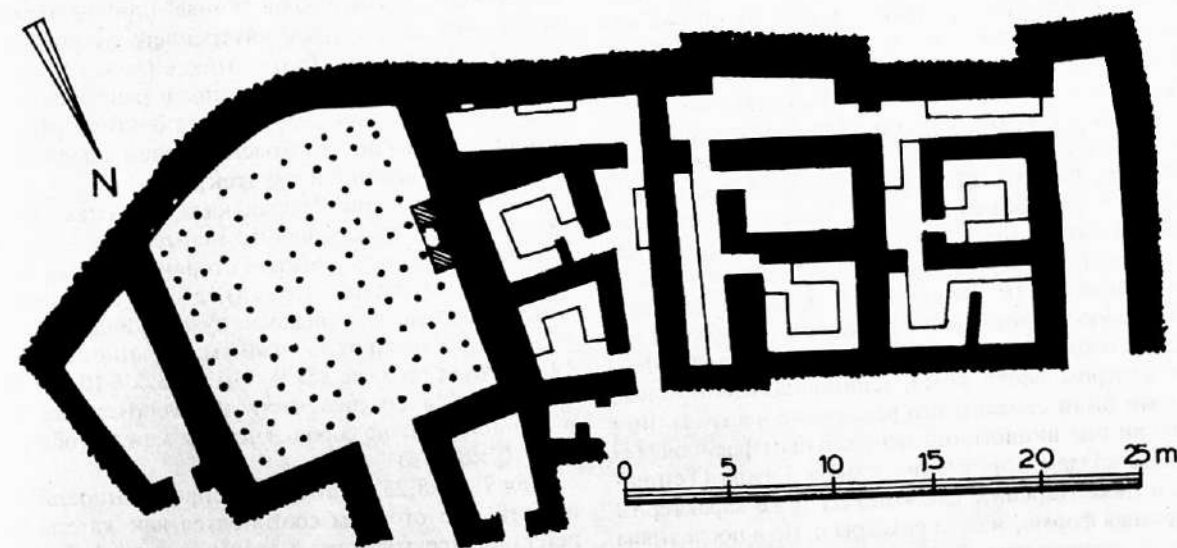

Рис. 173. Шахристан. Городище Какхаха I. Постройки у южной стены. План. По Н. Негматову.

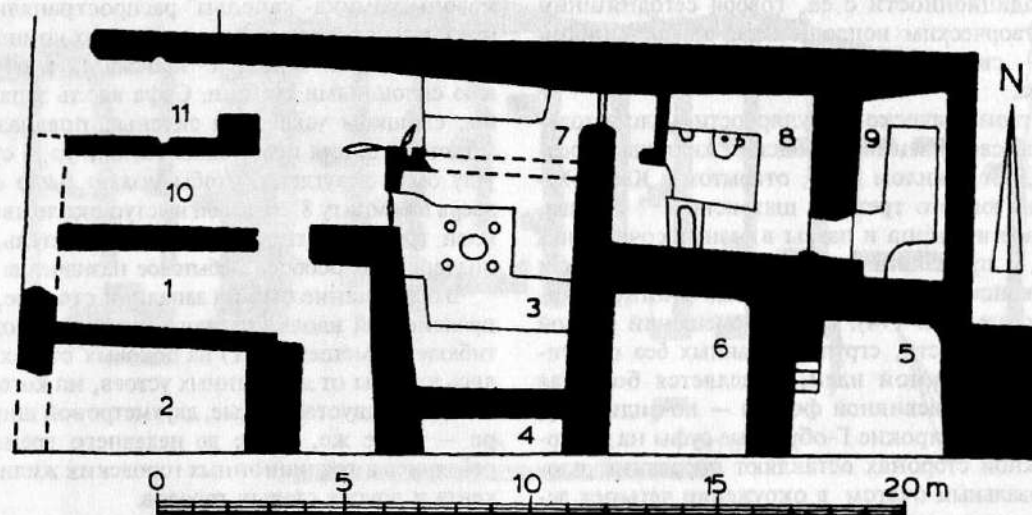

Рис. 174. Канка-Харашкет. Дом в шахристане 3. План. По Ю.Буякову и Г.Богомолу.

ричным устройством, в котором тем не менее ощущается композиционная и функциональная логика. Сохранность развалин неважная, и остатки стен редко возвышаются более чем на 1 м.

Дом 9, ориентированный углами по сторонам света, построен из сырцовых кирпичей двух размеров — $39 \times 39 \times 7-8$ и $42 \times 39 \times 10$ см. Основная, строго прямоугольная часть его плана (около 23×40 м) была позже усложнена пристройкой к СЗ стороне двух больших разновеликих помещений 1 и 4; вход был в центре СВ фасада, на продольной оси первоначального объема (рис. 175). Он, как и весь этот фасад, был разрушен (смыт) и не сохранился. За входом следует осевой коридор 6; примерно в центре дома он поворачивает направо и заканчивается входом в зал 4, причем оси зала, входа и коридора в точности совпадают. Это торжественное устройство входа, свойственное парадно-представительным залам и усиленное двумя боковыми симметричными входами (отголосок классической трехарочности), делает сомнительным предположение о его хозяйственном назначении, основанное на найденных здесь остатках хума. Залы таких размеров ($11 \times 9,5$ м) и такого устройства воздвигались не для хозяйственных нужд.

Проход в южном углу коридора вел в соединенные между собой комнаты 7, 8 и 9, которые, по-моему, составляли собственно жилую часть дома. В комнате 9 с глубокой входной нишей найдены обломки ганчевой штукатурки со следами живописи. Другой проход в том же углу вел в маленькую квадратную комнату 10, а через нее — в зал 14, занимавший южную сторону здания. Камера 10 служила, по верному наблюдению исследователя, композиционным центром всего дома, планировочным узлом, которым были связаны его различные части. В этом значении она аналогична центральным распределительным холлам хорезмских замков 3 типа (Тешик-кала и Якке Парсан), для которых тоже характерны квадратная форма, малые размеры и, не в последнюю очередь, перекрытие куполом, убедительно предполагаемое исследователем и здесь.

Зал 14 ($12 \times 7,5$ м) сохранил следы ганчевой штукатурки на стенах и даже на полу, выстланном сырцовыми кирпичами. Несмотря на отсутствие обычного репрезентантного оборудования (суфы вдоль стен, тронная площадка-«эстрада», необходимые здесь колонны и пр.) это был, несомненно, приемный зал. Отсутствие же перечисленного можно объяснить тем, что расположение представительного центра в дальнем от входа углу было сочтено неудобным (по понятным причинам приемные залы как правило устраивались ближе к входу), и он был перенесен в пристроенный позже зал 4, вход в который соответственно оформили. Новый зал для приемов был удобен еще и тем, что при нем имелись дополнительные помещения 1, 3, 12 и 13; плохо сохранившееся помещение 1, судя по найденным здесь очагам, было хозяйственным двориком или летней кухней при приемном зале.

В доме 9 профессиональная регулярность построенного на прямоугольной «канве» плана естественно сочетается со свободой внутреннего устройства, не подчиненного, как будто, никаким каноническим предписаниям. Вопреки утратам и разрушениям это вызывает ощущение удобства и даже комфорта, сближающее руины полуторатысячелетней давности с образцами современной архитектуры.

Дом 5 в селении Турпак-кала несколько больше предыдущего и разрушен не меньше его, — особенно пострадали ЮЗ и южная стороны (здание ориентировано по сторонам света), где остатки стен почти не видны. Материалом служил квадратный сырец со сторонами от 35 до 40 см, но чаще встречаются кирпичи размера $35 \times 35 \times 9$ и $37 \times 37 \times 9-10$ см. В сохранившейся средней части выделяются два лежащих рядом, но не сообщающихся между собой зала 5 и 7 (рис. 176).

Зал 7 ($11 \times 8,25$ м) интересен определенностью пропорций: его стороны соотносятся как катеты «египетского» треугольника с отношением 3:4. Такие же пропорции у меньшего прямоугольника, образованного следами четырех деревянных колонн, которые

подпирали балочный потолок. Их высота, по расчетам исследователя, была больше 4 м. Кирпичная прямоугольная выкладка посреди зала служила, как полагает исследователь, для возжигания огня: ее поверхность опалена, а углубление в ней заполнено пеплом. Напротив этого алтаря, посреди восточной стены зала в стене устроена ниша шириной 2,52 и глубиной 0,75 м со слегка приподнятым и вымощенным обломками хумов полом. Пол же самого зала выстлан, как в зале 14 дома 9, крупными сырцовыми кирпичами. Вход, расположенный у ЮВ угла за пределами с южной стеной, не выделен ни тамбуром со стенкой-ширмой, ни каким-либо иным образом.

Расположенный рядом зал 5 длиннее и уже — $13,4 \times 7,5$ м. Его пропорции тоже неслучайны и отвечают одному из популярнейших соотношений в архитектуре Востока — $1:\sqrt{3}$. Северная торцевая стена зала 5 — общая с залом 7 (только немного толще), а вход так же прорезает восточную стену в ЮВ углу. Продольные стены зала продолжены далее к югу, до южной наружной стены здания, где оконтуривают комнату 4, узкий проход в которую (12) устроен рядом со входом в зал 5. Стены зала 5 обегали суфы, оставляя только маленькую площадку у входа, — характерный признак приемного зала. Однако установлено, что вначале суф не было, но вдоль продольных стен, отступая от них на 2 м (ширина будущих суф), стояли вертикальные деревянные стойки, — от них сохранились квадратные выемки (20×20 см), по 5 с каждой стороны. Противоположные три пары стоек делили внутреннюю часть зала на три квадрата. Для этих стоек нет сопоставимого материала, и их назначение непонятно. Исследователь предполагает, что на них были основаны деревянные помосты, позже замененные суфами (но такие дощатые суфы или их следы в архитектуре Средней Азии не-

известны), или — как изображено на опубликованной реконструкции²⁸¹ — на них опирались балки деревянного потолка, или, наконец, они несли галерею, оставлявшую посредине зала открытое пространство. Последний вариант, принимая во внимание соседство дворика с навесом и колонного айвана за

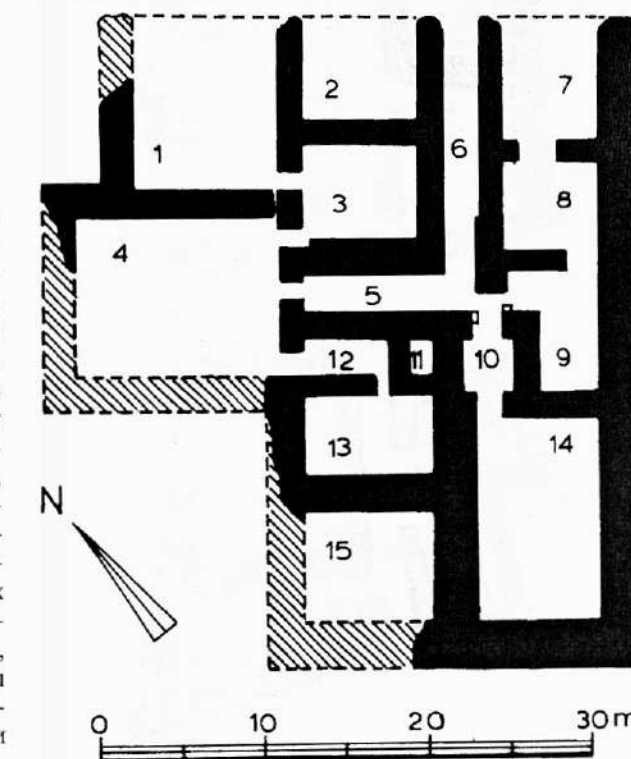

Рис. 175. Хорезм. Дом 9 в селении Турпак-кала. План. По Е.Неразик.

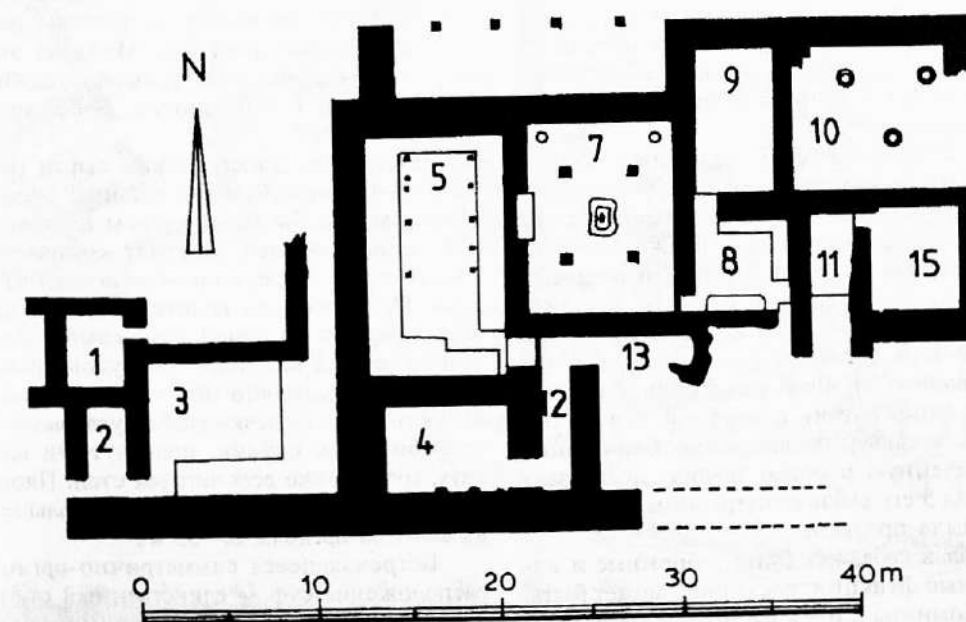

Рис. 176. Хорезм. Дом 5 в селении Турпак-кала. План. По Е.Неразик.

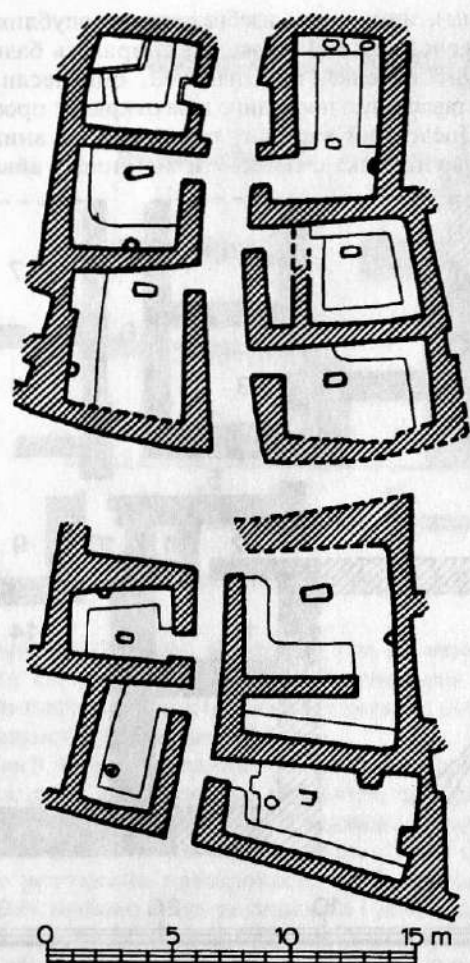

Рис. 177. Городище Кок-Мардан. Жилые дома. Планы. По К. Байпакову.

северной стеной залов, выглядит сомнительным, а для поддержки тяжелого балочного потолка стойки такого небольшого сечения кажутся слабоваты. Может быть, на этих стойках крепился тканый навес вроде того, что изображен на одной из настенных росписей в Пенджикенте²⁸², — пирующие сидят под ним как будто не на суфе, а на коврах и подушках, как в более поздние времена.

Необычное устройство зала 5 не противоречит все же его представительно-приемному назначению, которое видно и в первоначальной изоляции зала от других помещений: единственный, позже заложенный вход в него был в северной стене, и соединял он зал с упомянутым колонным айваном-лоджией, глубиной 4 и длиной 15 м, примкнувшим снаружи к обеим залам. Четыре фасадные колонны айвана (от них сохранились выемки 40×40 см) стояли в плоскости фасада, на одной линии с северной стеной помещений 9 и 10, — айван представлял собой именно лоджию, заглубленную в объем здания; после закладки входа в зал 5 его связь с внутренним пространством здания была прервана.

Зал 7 сочетал в себе, как будто, приемные и какие-то сакральные функции; последние, может быть, преобладали. Комнаты 8 и 9 к востоку от него, комната 4 к югу от зала 5 и несохранившиеся помещения в ЮВ углу были, мне кажется, жилыми. Лежа-

щие на востоке позже пристроенные помещения 10, 11 и 15 имели хозяйственное назначение, — хотя, как говорилось, даже много позже функции комнат в среднеазиатском жилище не отличались конкретностью: жилая комната без затруднений могла превратиться в хозяйственную, и наоборот.

Группа западных помещений (1, 2 и 3) служила, по убедительной версии исследователя, летней, сравнительно открытой частью дома. Большое помещение 3 представляло собой дворик, может быть с неглубоким бассейном посередине и суфами, примыкающими к южной и восточной стенам и прикрытыми навесом на деревянных стойках. Слабая сторона этой гипотезы — неясность, откуда и как попадали в этот тенистый уголок, отгороженный от дома сплошной глухой стеной.

Здесь, как и в предыдущем случае, плановая структура здания создает ощущение гармоничной рациональности, свободных комбинаций пространственных форм, не всегда, к сожалению, объяснимых. Примечательная особенность обоих зданий селения Турпак-кала — сочетание канонических приемов — "знаков" общекультурного свойства (квадратный распределительный холл, четырехколонный приемный зал) с уникальными приемами и формами, которые выглядят плодом личного вкуса и фантазии строителя, с трудом воображимым в средневековом (тем более в раннесредневековом азиатском) искусстве. Из чего следует, что это искусство — в некоторых по меньшей мере случаях — было сложнее и богаче, чем его себе представляют.

Здания Турпак-кала были центрами изолированных усадеб, и их строители могли свободно организовывать их пространства. В худшем положении были строители (возможно, и хозяева) городских жилищ, исследованных на городище Кок-Мардан в Южном Казахстане и датированных 6—7 вв.²⁸³ Неизвестно, весь ли город был застроен жильем невысокого социального уровня, или жилища более престижных сословий случайно не попали в пределы раскопок, но опубликованные дома Кок-Мардана выглядят, по сравнению с рядовой застройкой Пенджикента, принадлежащими как бы другой, более древней эпохе (рис. 177, 178).

Материалом домов служил сырцовый кирпич размером 40×42×20×8–10 см; небольшие жилища с геометрически нечетким, как бы вылепленным планом и переменной толщиной стен образуют компактные группы вокруг узких переулков — ответвлений основных улиц. Пристроенные вплотную один к другому жилища состоят из одной или, самое большее, двух комнат разной величины, оборудованных очагами и каминами различного типа (для обогрева, приготовления пищи и выпечки хлеба), угловыми алтарями и глинобитными суфами, протянутыми вдоль одной, двух, трех и даже всех четырех стен. Площадь домов колеблется от 12 до 45 м², но по большей части не выходит за пределы 20–35 м².

Встречающееся симметрично-организованное расположение суф — единственный отход строителей кокмарданских жилищ от примитивной функциональности, слабая попытка придать внутренней архитектуре дома некоторый признак репрезента-

бельности. Вершина таких попыток — однокомнатное жилище с Г-образным входным коридором и большим (около 6×7 м) помещением, вход в который сделан не возле угла (правило, почти не имевшее исключений), а ближе к середине восточной стены. Западная и южная стены здесь оборудованы суфами, причем западная суфа расширена в средней части площадкой — "эстрадой", лежащей напротив входа, — явная имитация "настоящего" приемного зала, несколько странная при отсутствии других помещений. Потолок комнаты поддерживали три колонны (на месте четвертой ЮВ колонны был позже устроен хозяйственный отсек), стоявшие симметрично по сторонам "тронной" площадки — так, как было принято в больших приемных залах. Все же этот пример — не столько правило, сколько отклонение от него, и представленные здесь собранные исследователем образцы жилищ Кок-Мардана говорят сами за себя: строители "лепили" их из простых материалов в соответствии с простыми потребностями, отвечавшими традиционному быту, семейным отношениям и скромным материальным возможностям заказчиков. Театрализованная представительность, свойственная высокословным городским жилищам, этой программой не предусматривалась.

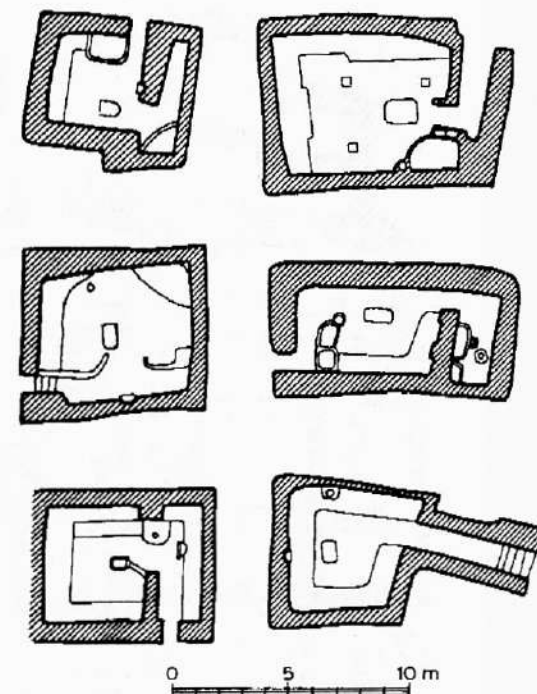

Рис. 178. Городище Кок-Мардан. Жилые дома. Планы. По К. Байпакову.

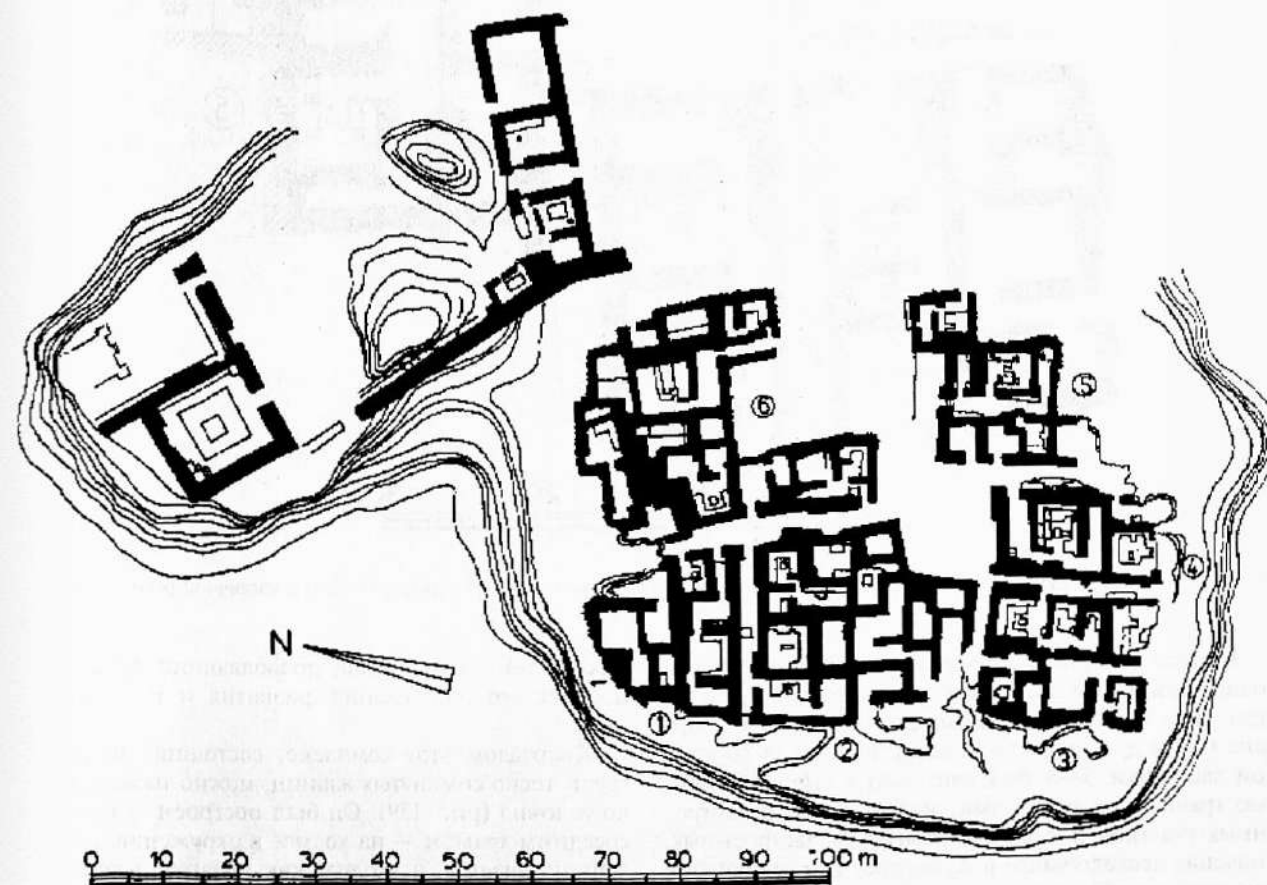

Рис. 179. Кува. Жилой комплекс и храм. План. По В. Булатовой-Левиной.

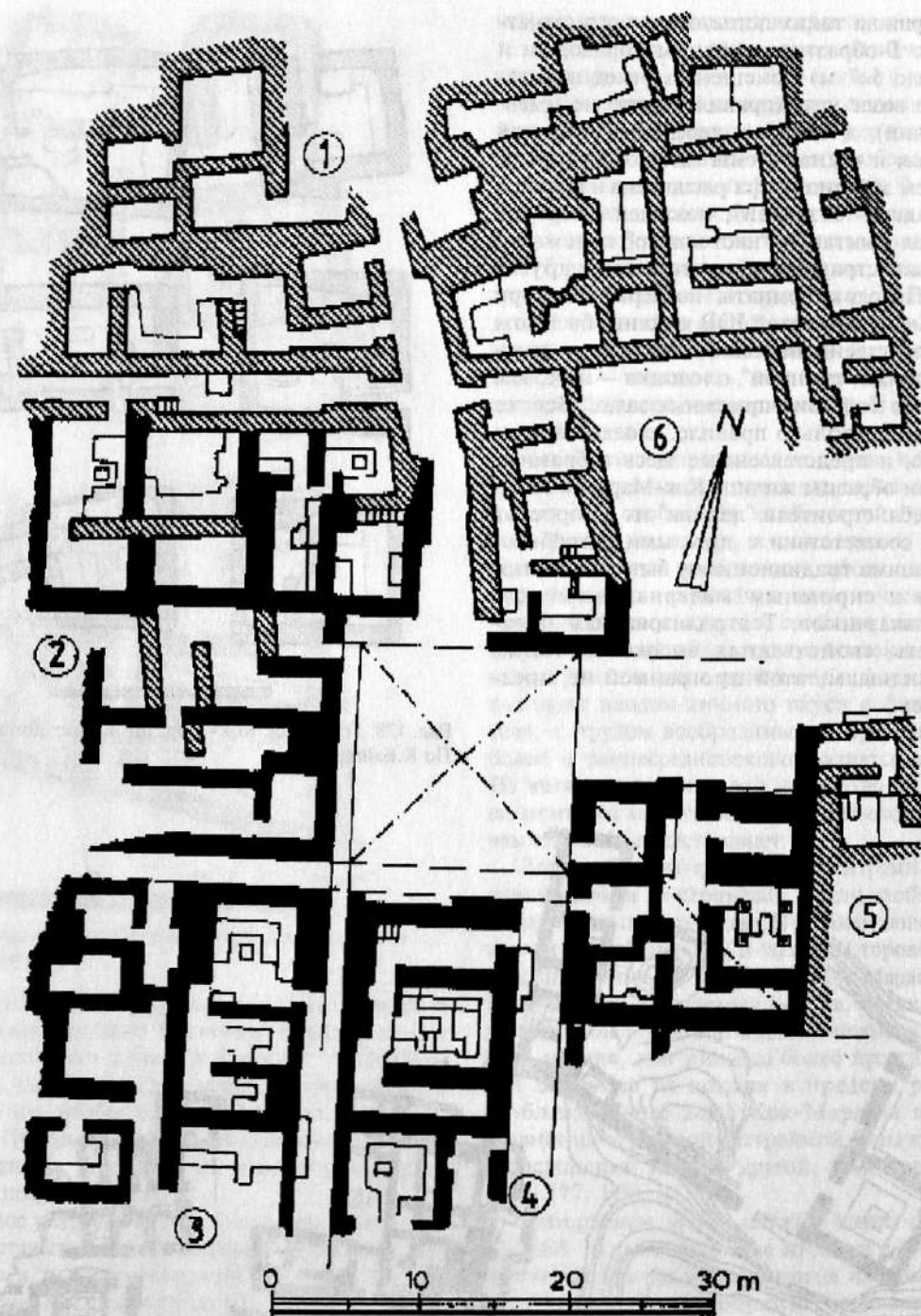

Рис. 180. Кува. Комплекс жилищ у буддийского храма. Анализ геометрической структуры плана с частичной реконструкцией.

Квартал северного городского предместья Кувы, возникший в 7—8 вв. рядом с буддийским святилищем, схож с исследованными кварталами Кок-Мардана (да и другими известными образцами городской застройки 5—8 вв.) слитностью, неощутимостью границ между домами, мизерностью незастроенных участков и сложным контуром застроенных. Значение исследований в Куве особенно велико, так как здесь их объектом стали не отдельные постройки и даже не их небольшие группы, а крупный (около 60×80 м) жилой комплекс с внутренними комму-

никациями и центрами, позволяющий проследить процесс его образования, развития и трансформации.²⁸⁴

Кварталом этот комплекс, состоящий из шести групп тесно сомкнутых жилищ, можно назвать только условно (рис. 179). Он был построен — вместе с соседним храмом — на холме, в окружении заболоченной низины, и входил, как полагает исследователь, в систему городской обороны. С ближайшим окружением поселок был связан дамбами, проложенными через затопляемую низину. Слитные группы

домов разделены узкими (не более 2 м шириной) улочками: две параллельные шли в направлении С—Ю, две выводили на западный склон холма (причем северная, между группами 1 и 2, заканчивалась подпорной стенкой и лестницей, выводившей к дамбе); самая длинная улочка, кривая и уступчатая, шла от центра селения на север. Все улицы, кроме одной, сходились к единственной небольшой площади, сдвинутой на ЮЗ от геометрического центра поселения.

В расположении и устройстве жилищ, составляющих каждую из шести групп, заметна определенная регулярность, — словно структура плана, размеченная вначале по геометрически четкой прямоугольной канве, позже была местами размыта и искажена. Геометрический анализ позволяет выявить, а отчасти и реконструировать эту изначальную структуру, ядром которой как будто была квадратная площадь размером около 15×15 м, с улицами-проходами вдоль западной и южной сторон, которые продолжались далее на запад и на юг (рис. 180). Вторая южная улица, параллельная первой, вливалась в площадь у ее ЮВ угла, разделяя 4 и 5 группы домов. Если реконструкция верна, то обстройка площади имела регулярный характер, дома и их помещения возводились по строго прямоугольной сетке и, видимо, на основе общего планировочного замысла, предполагающего проект. Характерно в этом отношении квадратное здание, составляющее большую часть 5 группы и вначале, вероятно, бывшее одним жилищем. Его обращенный на север осевой вход выделен пилонным порталом, а главная комната представляет собой приемный зал характерно "уструшанского" типа — с четырьмя колоннами, суфами вдоль стен и боковым "скользящим" входом, прикрытым изнутри стенкой-ширмой. Величина квадратного плана и площади с боковыми проходами почти одинакова, а компактный объем, центральное расположение и порталное оформление входа, свойственные не городским жилищам, а замкам, говорят

об особом назначении этого самого крупного здесь здания.

Эффектно и оригинально устройство дома в 4 группе, который выходил боковым фасадом на площадь. Его среднюю часть образует зал с противоположными "скользящими" проходами вдоль западной стены, стены зала П-образно обегает суфы (здесь как будто двойные), северные суфы отгорожены от прохода поперечной стенкой-ширмой, а с юга и севера зал фланкирован продолговатыми сводчатыми комнатами; судя по лестнице в углу, здесь (как, видимо, и в предыдущем доме) имелся и верхний этаж. Эта симметричная группа зала и двух боковых комнат, связанных "скользящими" проходами, встречена здесь впервые и не однажды: она повторена в 1 группе — в доме, примыкающем к улочке, разделяющей 1 и 2 группы.

В домах, сохранившихся от первой (регулярной) плановой структуры и появившихся позже, почти повсюду видны приемные комнаты-"залы" близкой к квадрату формы, с суфами и стенками-ширмами у входа; они входят в состав двух и трехкомнатных домов, а иногда, как в Кок-Мардане, образуют отдельную однокомнатную ячейку. Эти залы, иногда большие (7,5×7 м), но чаще скромных размеров, окружены меньшими сводчатыми комнатами (залы перекрывались плоско), которые, судя по находкам, служили жильем для людей разного сословного уровня (часто, как будто, высокого), но и ремесленными мастерскими.

Жилой комплекс Кувы был раскопан и изучен весь. Построенный при храме, он, конечно, был с ним тесно и многообразно связан. Этим, возможно, объясняется четкая регулярность его плана с центром — квадратной площадью, и вполне городской характер застройки, в которой не ощущается (за исключением явно перестроенных частей) аморфность и примитивная функциональность массовой "фольклорной" архитектуры.

ДВОРЦЫ

Как многие понятия в архитектурно-историческом лексиконе Средней Азии, понятие "дворец" многозначно и не очень определенно. В некоторой мере функции дворца как резиденции правителя присущи любому раннесредневековому жилищу: даже владелец бедного крестьянского дома был, в пределах своей семьи, правителем, и его патриархальная власть хотя и была несоизмерима с властью правителя государства, области, города или замка, но имела ту же абсолютную природу. Провести же четкую классификационную границу между замком — укрепленным жилищем аристократа-землевладельца — и дворцом, административным центром высокого ранга, "средоточием власти", еще сложнее. Типологическая близость этих сооружений определялась условиями политической раздробленности и ее последствиями — в таких условиях дворец, как и замок, нуждался в средствах индивидуальной обороны, — и сходством общественных и бытовых функций: дворец, будучи административно-правительственным центром, включал в себя жилище правителя, но и замок, резиденция мелкого или крупного владельца, был не только монументальным жилищем, а еще и местным "средоточием власти" с определенными административно-представительными функциями. Различия сводились главным образом к разному "удельному весу" обеих функций — жилой и административной, — которые не всегда легко определить.

Внешний облик зданий обоего рода имел в своей основе тип защищенного жилища и тоже, по существу, совпадал. Это было уже видно на примере "замка" в Шахристане-Бунджикате, который — вопреки традиционному "замковому" камуфляжу — был небольшим дворцом, хорошо приспособленным к общественным сборищам и праздничным пиршествам, а бытового назначения, видимо, почти не имел.

Все без исключения здания и комплексы, определяемые как дворцы раннесредневекового времени, представляют собой археологические объекты и исследовались соответственно этому. Обычно раскопки открывают лишь части дворцовых сооружений, которые не всегда позволяют составить общее суждение о целом, а археологическая направленность публикаций, в которых архитектурные вопросы занимают чаще всего не главное место, еще более усложняет дело.

Дворец не входил как правило прямо в структуру раннеисламского города Средней Азии, — он составлял важную и неперемнную часть городской цитадели, традиционно отделенной от собственно города — шахристана и продолжающих его рабадов. Обыч-

ными спутниками дворца в комплексе цитадели были казарма, тюрьма и часто (хотя как будто не всегда) специальные общественно-административные здания, функционально дополнявшие дворец как жилище правителя. Это общее положение воплощалось, конечно, во множестве разнообразных вариантов, зависевших от природных особенностей, структуры города, характера составляющих его частей, местных архитектурных традиций и массы других условий.

Классический местный вариант сочетания города и дворца представлен в Пенджикенте. Его правительственное ядро-цитадель было воздвигнуто на холме к СЗ от города и отделялось от него глубокой долиной, через которую был перекинут мост. На южной стороне цитадель объединялась с городом общей крепостной стеной и составляла вместе с ним единую систему фортификации, прикрывая подступы к главным южным городским воротам.

Комплекс зданий, традиционно называемый цитаделью, в Пенджикенте состоял из двух частей. Высокая западная часть величиной около 46×46 м включала в себя квадратный двор в окружении разных, по большей части как будто служебно-хозяйственных помещений. В ЮВ, еще более возвышенном углу было возведено компактное здание типа замка-кешка, служившее, судя по характерной коридорной планировке, казармой, или включавшее в себя ее функции, — в публикациях оно именуется донжоном²⁸⁵ и описано выше.

У подножья этой укрепленной возвышенности к востоку от нее лежал обширный комплекс дворца правителей Пенджикента, построенный из сырца (23-25×48-52×8-10), из пахсы (в немногих местах) и, конечно, из дерева в виде колонн, балок перекрытий, дверных коробок и многочисленных скульптурных деталей. Его общая конфигурация, включая внешние контуры плана, все еще известны не до конца, но в главных чертах плановая структура (точнее говоря, ее окончательный вариант) достаточно ясна (рис. 181).²⁸⁶

Центральную часть дворца образовывала группа трех взаимосвязанных больших помещений — продолговатого приемного (тронного) зала размером 22,80×12,25 м и двух квадратных залов распространенного четырехколонного типа, с пристенными суфами и осевыми тронными площадками. Приемный зал ориентирован с небольшим отклонением в направлении С—Ю; вдоль его украшенных росписями стен тянулись суфы, пол в южной половине приподнят на 60 см и образует сплошную площадку — "эстраду", на которую вел осевой пандус, и где со-

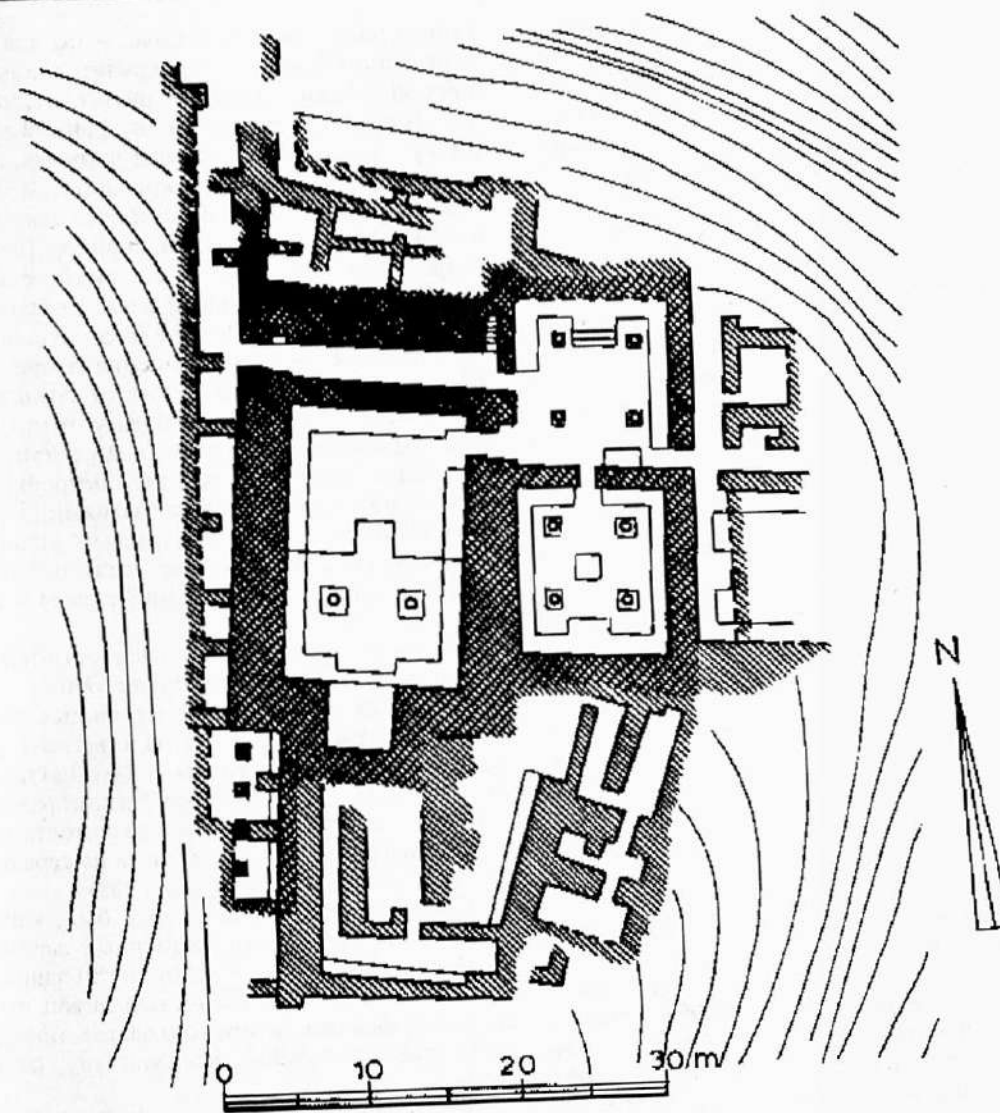

Рис. 181. Дворец в Пенджикенте. План. По А.Исакову.

хранились два широких квадратных основания колонн. Пристенные суфы продолжают и на этой возвышенной части зала, прерываясь у почти квадратной (4,50×4,75 м) тронной лоджии, которая лежит на южной стороне зала, замыкая его продольную ось. Пол лоджии поднят еще на 50 см, в остатках росписей на ее стенах видна позолота — все это подчеркивает особое назначение внутреннего тронного айвана, его центральную роль в величественном и несколько театральном пространстве огромного зала.

Два найденных в тронном зале основания под колонны явно недостаточны для поддержания перекрытия в помещении площадью около 277 м², — этим, вероятно, объясняется получившаяся некоторая распространенная гипотеза, согласно которой на колонны, стены и перекинутые через них балки должны были опираться трапециевидные деревянные "фермы", которые, пересекаясь, образовывали основание для плоского потолка.²⁸⁷ Эта гипотеза не имеет основания в реальном архитектурном материале и не реализуема технически: предполагаемые "фер-

мы" были бы просто балками на наклонных, жестко не связанных опорах, и взгромоздить такую непрочную конструкцию пролетом 5 м (расстояние между колоннами) и 10,6 м (расстояние от колонн до северной стены) на высокие колонны и стены, чтобы там на высоте ее закрепить и связать, невозможно. Кроме того, повторяю, ничего подобного строительное дело этого времени ни на Востоке, ни на Западе не знает.²⁸⁸ Думаю, что в северной части зала, строго на линии начала пандуса имевшая еще одна пара колонн, почему-то не оставившая следов, которая вместе с верхней парой образовывала правильный квадрат, основу для средней части перекрытия.

В тронном зале найдено множество деревянных плах со следами орнаментальной и фигуративной резьбы, доски с изображением человеческих фигур, беседующих сидя со скрещенными ногами, деревянные скульптуры танцовщиц-кариатид (рис. 51). В сочетании со стенными росписями, сюжетными и орнаментальными, это убранство должно было производить сильное впечатление.

Вопреки строгой линейной симметрии тронного зала вход в него расположен не на оси в северной стене, а у СВ угла сбоку. Он вел в северный квадратный зал, который осевым проемом соединялся с южным, лежащим на той же оси, отвечающей направлению тронного зала. Величина обоих залов почти одинакова: северного — $10 \times 10,75$ м, южного — $10 \times 11,25$ м, аналогично и их устройство. Разница сводится к тому, что в северном зале расширенная тронная площадка суфы у северной стены оформлена тремя ступенями (как в замке Урта Курган), а в южном зале у такой же площадки перед южной стеной — на общей оси с северной площадкой и дверью — ступеней нет. Настенные росписи, судя по их остаткам, гораздо обильнее украшали северный зал, чем южный. Кроме того, в северном зале напротив входа в тронный зал был еще один "скользящий" проход на восток, в группу небольших (вероятно, жилых) комнат, — расположение противоположных проемов у углов зала повторяет прием, уже отмеченный в домах на поселении Кува. Это наводит на мысль, что при жизни дворца роль обоих залов в его плановой структуре была не совсем одинакова: южный зал сообщался только с северным, тогда как северный — и с приемным залом, и с коридором, примыкающим к приемному залу с севера, и с группой лежащих восточнее комнат (в их состав входит пандусный подъем, выводивший на верхний этаж, и коридоры вдоль восточных стен обоих квадратных залов).

Группа из двух квадратных четырехколонных залов представлена в "замке" Шахристана-Бунджиката. Там, однако, залы были неравной величины, не нанизаны на общую ось и взаимно изолированы. Залы же Пенджикентского дворца образуют симметричную анфиладную группу, а многообразная связь северного зала с соседними помещениями, и главное — с приемным залом означает, как будто, его особую, более важную роль; на это намекает и парадное ступенчатое оформление его тронной площадки.

Установлено, что городская коммуна доисламского Пенджикента состояла из двух основных сословий — землевладельцев-дехан и городской "буржуазии", то есть купцов и ремесленников. Оба эти сословия, совместно решавшие касающиеся их проблемы, должны были иметь в городе для этой цели общественные центры. Возможно, парные квадратные залы Пенджикентского дворца, имитирующие форму и устройство гостиной в богатом городском жилище и входившие в официально-парадную часть дворца, были "филиалами" городских общественных центров при особе правителя. Здесь собирались представители двух сословных групп горожан, каждая группа в своем зале, после чего общее решение принималось в тронном зале при участии правителя. Некоторые преимущества расположения северного зала и его большая парадность говорят, может быть, о том, что он предназначался для глав первого, аристократического сословия, к которому принадлежал и сам владетель.

Стены приемного зала достигают поразительной толщины — почти 4 м. Такая толщина была бы оправдана, если бы зал был перекрыт сводом, горизон-

тально распирающим стены, — но при несомненно деревянном балочном перекрытии она выглядит чрезмерной. Можно лишь предположить, что в верхних частях стен был проложен внутренний обходный коридор — того типа, который встречался при описании некоторых замков и крепостей, и который сделал необходимой такую толщину. Западнее зала тянулся длинный наружный коридор (исследователи назвали его парадным), — у наружного ЮЗ угла зала он превращался в колонный айван глубиной более 3 м, от которого уцелели четыре базы колонн. Плохо сохранившиеся жилые помещения дворца располагались главным образом к югу от группы парадных залов, отчасти к северу и востоку от них; их устройство различается с трудом из-за ремонтных переделок. Были найдены и ранние постройки, предшествовавшие дворцу и позже заложенные, — группа помещений за южным квадратным залом и остатки такого же зала (сохранились частично суфы с площадкой-"эстрадой" у западной стены) к востоку от южного зала.

В общем же устройству дворца (в том виде, как оно известно) была свойственна общая асимметрия в сочетании с симметрией отдельных частей, свободное соотношение пространственных форм (исключающее обычную для замков компактность), функциональная взаимосвязь помещений различного назначения и величины и слабая развитость оборонно-крепостных функций, — их взяла на себя отдельно и выше стоявшая цитадель (рис. 182).

Смысловым фокусом дворца был, конечно, огромный приемный зал — камерный вариант дворово-айванной системы, в которой стоявший в глубине высоко поднятый сводчатый айван открывался арочным фасадом в продолговатое пространство, представлявшее собой, по существу, перекрытый двор.

Дворец Пенджикента датируется 7—началом 8 вв. В публикациях упомянут более ранний дворец (6 в.), остатки которого найдены к северу от цитадели, у источника Кайнарсу. В предельно кратком упоминании сообщено лишь, что среди нескольких раскопанных помещений есть "капелла" с украшенными живописью стенами и очагом-алтарем в форме арочной ниши с двумя стоящими по ее сторонам колонками.²⁸⁹ На воспроизведенном здесь плане виден как будто зал-гостиная со стенкой-ширмой у входа, отделенная от "капеллы" Г-образным коридором, и часть крепостной стены с бойницами и нишей, похожей на фасадные ниши замка Фильмандар и ему подобных (рис. 183). Многие любопытные детали плана без разъяснений непонятны. Это тем более жаль, что другой исследователь, упоминая, вероятно, то же сооружение, называет его караван-сарай²⁹⁰, — к сожалению, не приводя оснований для такой атрибуции: ни один доисламский караван-сарай в Средней Азии до сего времени не был известен.

Вероятно, общие принципы устройства Пенджикентского дворца (по меньшей мере его репрезентативного ядра) отвечали какой-то канонической схеме, принятой в Согде и соседних с ним землях. Эта схема была принята за основу и строителями дворца уструшанских правителей-"афшинов" в Шахристане-

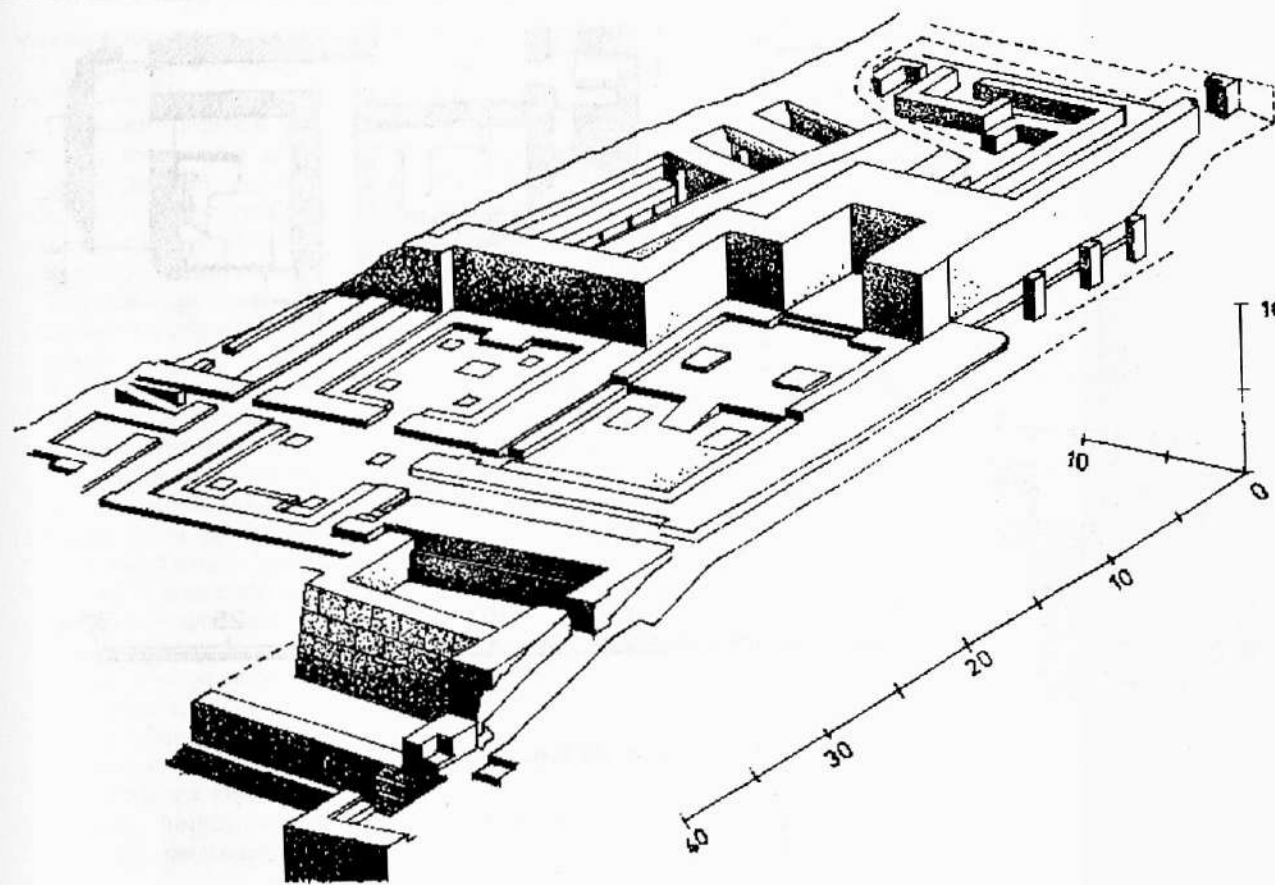

Рис. 182. Дворец в Пенджикенте. Аксонометрия-реконструкция.

Бунджикате, на городище Какхаха 1, сохранившего черты неслучайного сходства с дворцом Пенджикента.²⁹¹

Дворец правителей доисламской Уструшаны был воздвигнут в 6—7 вв. из пахсы и сырца на горном уступе, поднятом над ложем реки Шахристан-сай на высоту 50 м. Вход в него вел с восточной, наименее доступной стороны — за несохранившимся входным сооружением следовал прямой коридор, упиравшийся в поперечный коридор, который тянулся в направлении Ю—С (рис. 184).

Г-образное пересечение коридоров вызывает в памяти неподалеку расположенный замок Уртакуртан; аналогия распространяется на трехчетвертные колонки в углах перекрестья, и на принцип расположения помещений: одну сторону входного коридора занимал большой зал с суфами вдоль стен, по другую сторону находилась группа небольших жилых комнат. Но задний торец входного коридора был здесь отмечен не дверным проемом, как в Уртакуртане, а неглубокой прямоугольной нишей со вставленной в нее площадкой-"эстрадой". В недавнее время на такой площадке в нише непременно поставили бы гипсовый бюст. Коридоры были сводчатыми, но квадратное пространство на пересечении коридоров со сторонами немного длиннее 3 м было, как в Уртакуртане и в замке Джумалак-тепе, увенчано деревянным перекрытием особой формы ("рузан" или каркасный купол) и большей высоты.

По обе стороны от ниши с площадкой вдоль западной стороны поперечного коридора тянулась суфа, разорванная только один раз — у южного торца, при входе в квадратный четырехколонный зал традиционного типа, со сторонами длиной 9,5 м. Опооясывавшая зал лента суфы расширялась посреди западной стены тронной площадкой, лежащей напротив осевого входа. Вход по правую сторону ниши с площадкой вел в вытянутый кулуар коридорного типа (19×3 м), соединенный проходами с несколькими помещениями. Крупнейшее и главное среди них — большой тронный (приемный) зал, устройством и формой очень похожий на приемный зал Пенджикентского дворца (рис. 185).

Размерами — $17,4 \times 11,6$ м — он несколько уступает приемному залу Пенджикента; вход — не сбоку в углу, а почти на продольной оси, напротив глубокой тронной лоджии, фасадная арка которой опиралась на угловые трехчетвертные колонки, придававшие порталному фасаду лоджии еще большее сходство с храмовым алтарем. В остальном же устройство шахристанского зала аналогично пенджикентскому: он так же ориентирован на юг, в южной части его пол поднят наподобие широкой эстрады, вдоль стен в обеих частях, нижней и верхней, устроены сплошные суфы. Совпадают даже расположение и форма коротких осевых пандусов, соединяющих оба уровня пола и рассчитанных, вероятно, на происходившие здесь общественные церемонии. Общность

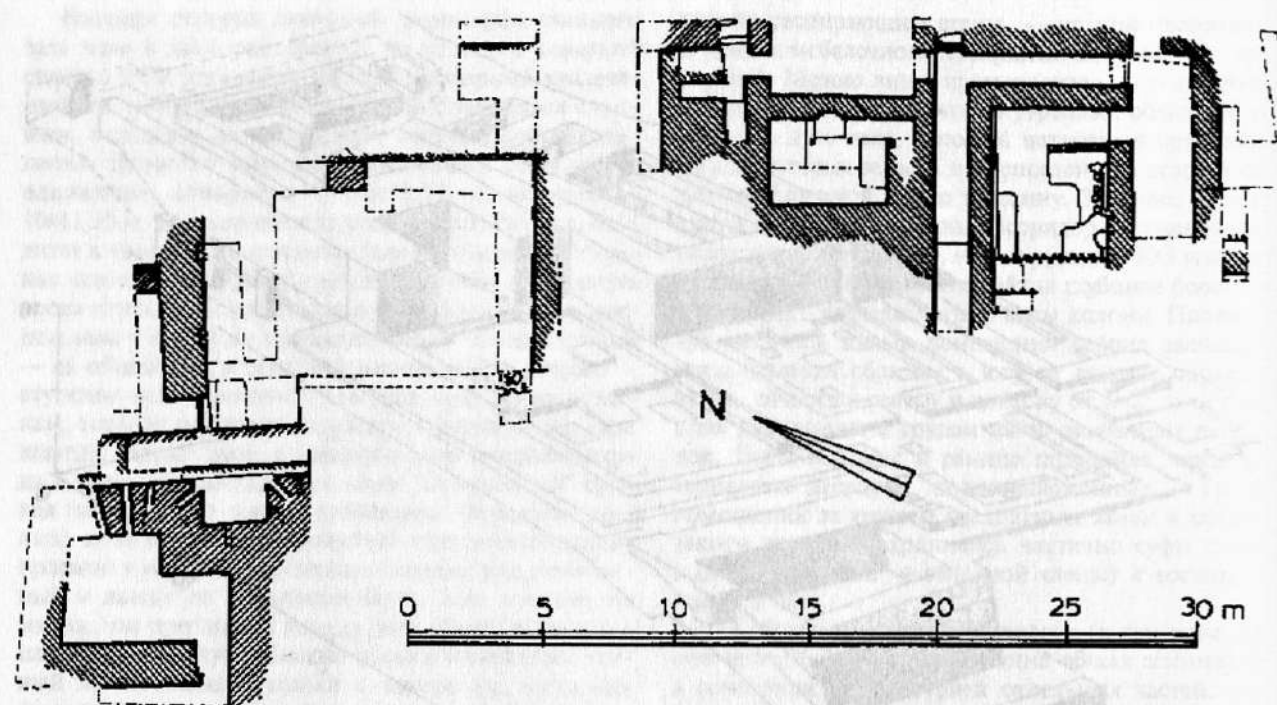

Рис. 183. Пенджикент. Дворец 6 в. у источника Кайнарсу. План. По В.Распоповой.

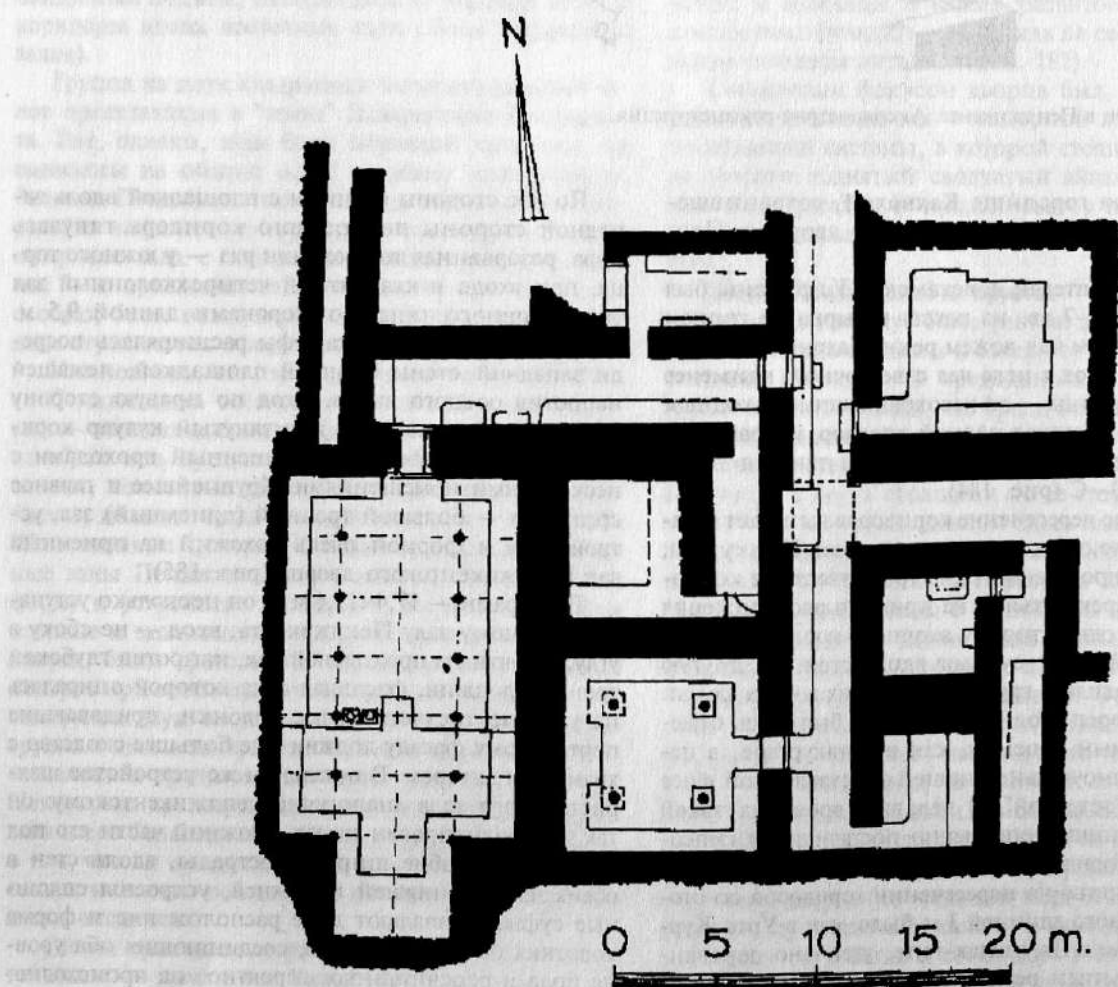

Рис. 184. Дворец в Шахристане (Бунджикате). План (по Н. Негматову) с геометрическим анализом.

принципов планировки обоих дворцов видна и в том, что квадратный зал Бунджикатского дворца расположен, как и южный зал Пенджикентского, к востоку от приемного зала и рядом с ним, и что к северной стене приемного зала примыкает снаружи широкий коридор. В обоих случаях в асимметричной плановой структуре отчетливо просматриваются функционально различные группы помещений — парадных, жилых, хозяйственных и других, разделенные как правило коридорами (но и соединенные ими) и вписанные в регулярную прямоугольную сетку-канву плана.

В Бунджикате, как и в Пенджикенте, приемный зал дворца и сопутствующие ему крупные парадные помещения занимают не геометрический центр здания, а сдвинуты к его ЮЗ углу: в этом, пожалуй, можно усмотреть некоторое генетическое родство с замками 4 типа, распространенного в Согде — Тохаристане, но как будто неизвестного в Маргиане и Хорезме. Это — еще один признак естественного родства замковой и дворцовой архитектуры доисламского времени, здесь воплотившегося в локальный местный тип обширного правительственно-административно-жилого здания.

Дворец Бунджиката был богато украшен. Помимо росписей на стенах и сводах здесь найдены образцы объемной деревянной скульптуры, рельефные деревянные фризы, резные панно и уникальный резной тимпан, венчавший вход в тронный зал, со слож-

ной многофигурной композицией на сюжет из древнеиранского эпоса.

В раскопанном здании много неясного. Не сохранилась его северная сторона, непонятно назначение некоторых помещений, — например, большого зала справа от входного коридора, нуждается в расшифровке сама композиционная идея плана. Но сохранившаяся форма приемного зала зафиксирована обмерами, которые дают материал для геометрического анализа — к сожалению, только плана.

План зала (без квадратной тронной лоджии) точно вписывается в квадратную сетку с ячейками $2,9 \times 2,9$ м. По длине зала укладываются 6 таких ячеек, по ширине — 4, ширина лоджии (и, вероятно, ее несохранившаяся глубина) равны двум ячейкам. Метрическая единица — гяз, употреблявшаяся средневековыми (в том числе доисламскими) строителями в Средней Азии, определялась расстоянием от плеча до кончиков пальцев руки, то есть была равна 70—80 см. Четверть от 290 см составляет 72,5 см, — гяз этого и близкого размера обнаружен в основе многих построек 10—11 вв. — в мавзолеях Аламбердара и Ходжа Нахшран западный, в мечети Талхатан-баба, в караван-сараях Дая-Хатын и др. Есть основание думать, что он употреблялся и раньше, и что именно он был положен пропорциональной основой в план тронного зала Бунджикатского дворца.

Учетверенный же гяз — 290 см — определил собой расположение и количество колонн в зале, вклю-

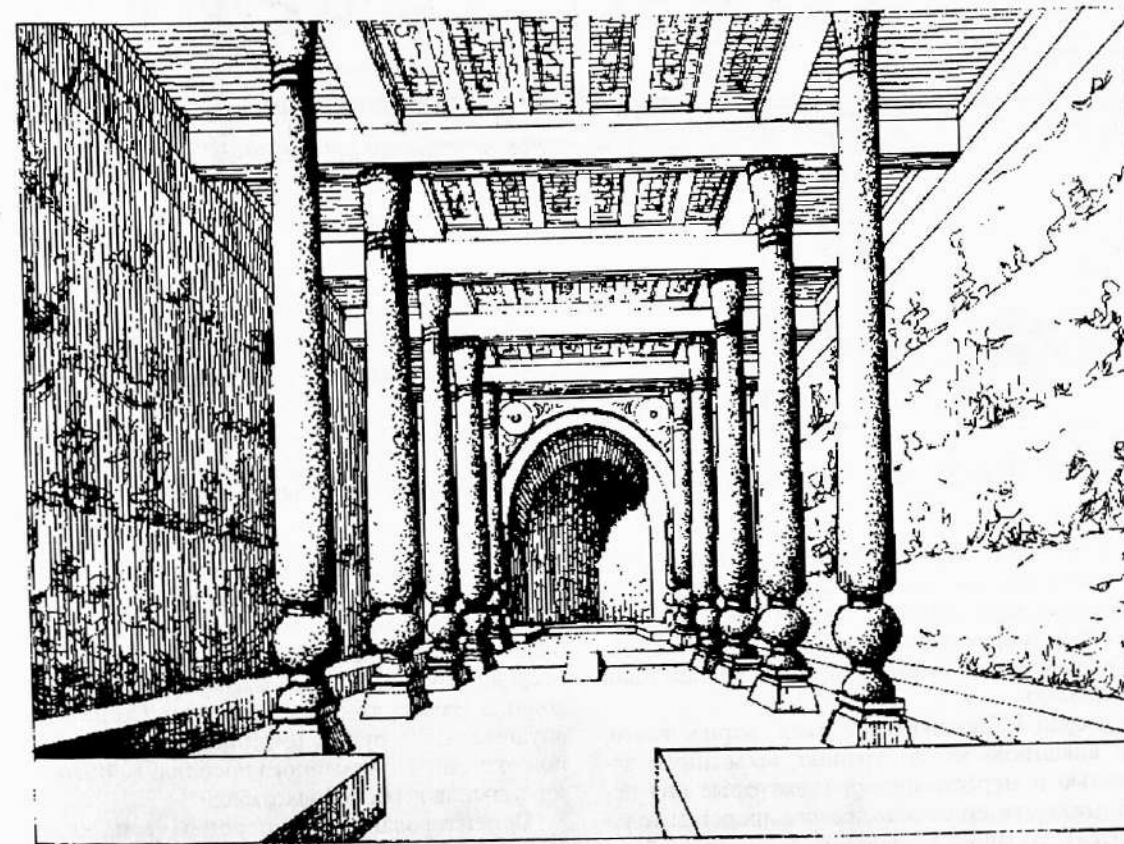

Рис. 185. Шахристан (Бунджикат). Тронный зал дворца. Реконструкция.

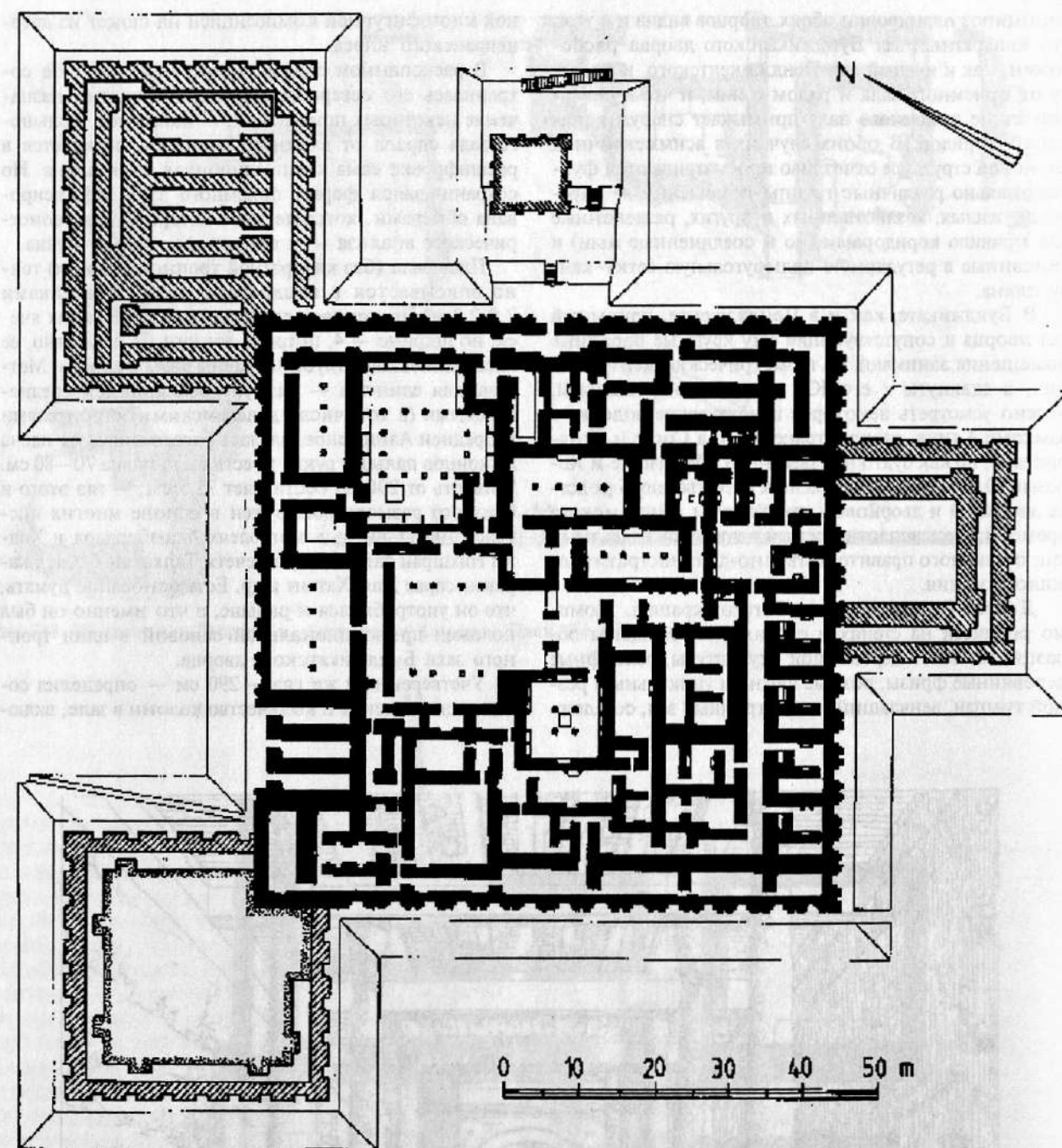

Рис. 186. Хорезм. Дворец Топрак-кала. Реконструкция плана. По Ю. Рапопорту и М. Лапирову-Скобл.

чая трехчетвертные декоративные колонны внутреннего тронного айвана: два ряда резных деревянных опор разделили пространство зала на три нефа, два узких боковых и средний с двойной шириной, сообщив его устройству довольно редкую в Средней Азии базиликальность.

Если дворец в Пенджикенте имел, вернее всего, сложную внешнюю конфигурацию, вызванную застроенностью и перестройками (некоторые его периферийные помещения явно древнее представительного центра), то дворец афшинов Уструшаны был, возможно, замкнут в компактный прямоугольный

футляр, подобно античному хорезмийскому дворцу Топрак-кала (рис. 186).²⁹² Утверждать это, конечно, нельзя, но основание для такого суждения дает еще более близкая аналогия — дворцовый комплекс раннесредневекового города Кафыр-кала в южной части долины Вахша, то есть в Северном Тохаристане. Его внушительные руины (см. рис. 10) лежат на западной окраине современного поселка, в советское время называвшегося Колхозабад.²⁹³

Ориентированный по сторонам света, квадратный (360×360 м) город был, как говорилось, обнесен стенами с прямоугольными выступами башен и окру-

жен рвом. Ворота посреди западной и восточной стен соединялись улицей, которая делила город на две равные части. СВ угол занимала большая (70×70 м) цитадель, отделенная от города рвом. Бросающаяся в глаза "античная" регулярность планировки здесь, вероятно, не случайна: предполагается, что город возник в кушанскую эпоху, в первые века нашей эры. Но раскопанные к нынешнему времени стены цитадели и возведенный под их защитой многокомнатный дворцовый комплекс принадлежат, бесспорно, 6–8 векам, сохранив в своей архитектуре, строительной технике и декоре несомненные черты этого времени.

Стены цитадели Кафыр-кала раскрыты в обе стороны от СВ угла на 60 м, — примерно такова длина сторон лежащего за ними квадратного, сложно устроенного и многократно перестраивавшегося дворца, занимавшего весь этот угол цитадели. Внешний облик дворцовых стен доисламского времени, впервые увиденный здесь, оказался неожиданным и во многом необычным: ощущение неприступности сочеталось в них с тонкой, подчас изощренной пластикой и нарядной декоративностью.

Стены возведены из блоков пахсы, прослоенных рядами крупного сырца. Внешняя поверхность, слегка скошенная назад, расчленена широкими вертикальными прорезами, — они расположены в шахматном порядке и членят стену как бы на крупные блоки — каждый высотой в два слоя пахсы, — уложенные вперевязку. Эти прорезы, неглубокие внизу и сильно углубляющиеся кверху, имитируют бойницы с обычным для них наклонным основанием (рис. 187). Так оформлены и угловые прямоугольные башни, северо-восточная и юго-восточная. Редкая особенность их архитектуры выражена, помимо этого, в том, что выступающие углы башен вырезаны "в четверть", как если бы здесь предполагались трех-

четвертные колонны. Эта изящная и трудоемкая раскреповка, выполненная очень тщательно, придает геометрическим объемам башен изысканную пластичность, но лишена какого-либо практического, функционального смысла (рис. 188). Северо-западная башня — значительно крупнее и более простой формы.

Средние оси северной и восточной стен отмечены вертикальными выступами со скругленными углами — нечто вроде овальных в сечении полуколонн, — тоже украшенных каждая прорезью-"бойницей". В верхней части северного выступа сохранился фрагмент рельефного декора в виде двойной плетенки, оконтуренной парными жгутами — нижняя часть фриза, венчавшего, может быть, всю стену. Между этими выступами и башнями стены оформлены двумя уступчатыми нишами, которые венчались вставленными одна в другую (соответственно двум уступам) арками. Вверху этих эффектно профилированных, стройных ниш расположены ложные бойницы особого типа: широкая, углубляющаяся кверху щель прорезает два ряда пахсовых блоков, как и обычные бойницы, но на уровне арки завершается треугольным стреловидным венчанием, вставленным в клинчатую арочную перемычку (рис. 189).

Выступы башен и полуколонн, впадины ниш, многоярусные вертикальные прорезы и горизонтальные ряды прослоенных сырцом пахсовых блоков сообщают крепостным фасадам дворца выразительный и сложный ритм; редкие декоративные элементы придают им сдержанную нарядность и масштабность, основанную на пластических средствах художественной выразительности. Даже в состоянии руин стены Кафыркалинской цитадели производят впечатление произведения зрелой, своеобразной и сложной культуры. Их облик (для своего времени, наверно, не уникальный) показывает, насколько разнообразными и

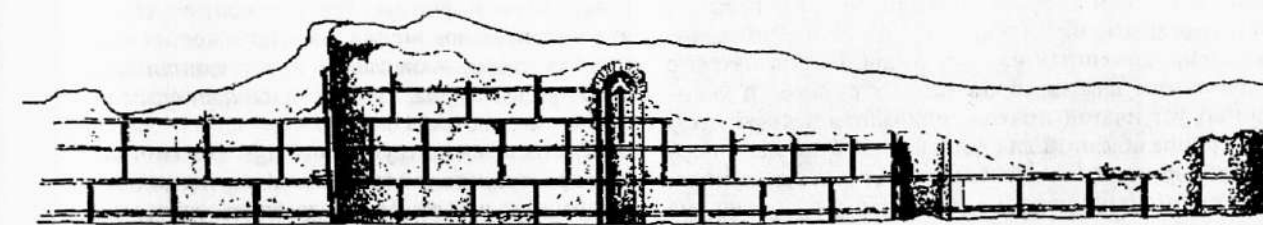
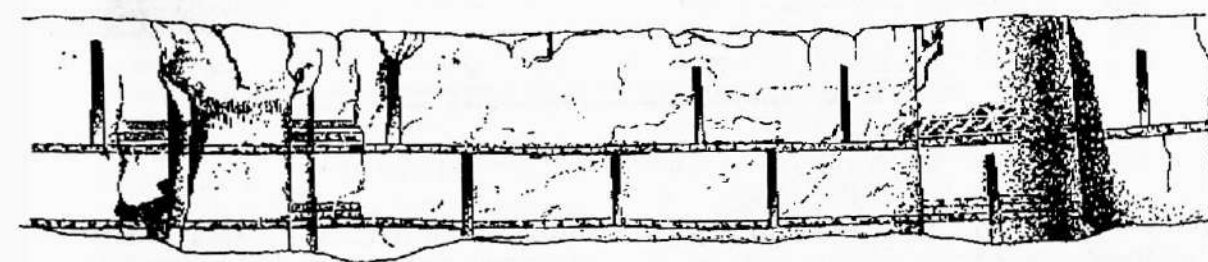

Рис. 187. Городище Кафыр-кала. Внешний вид городских стен.

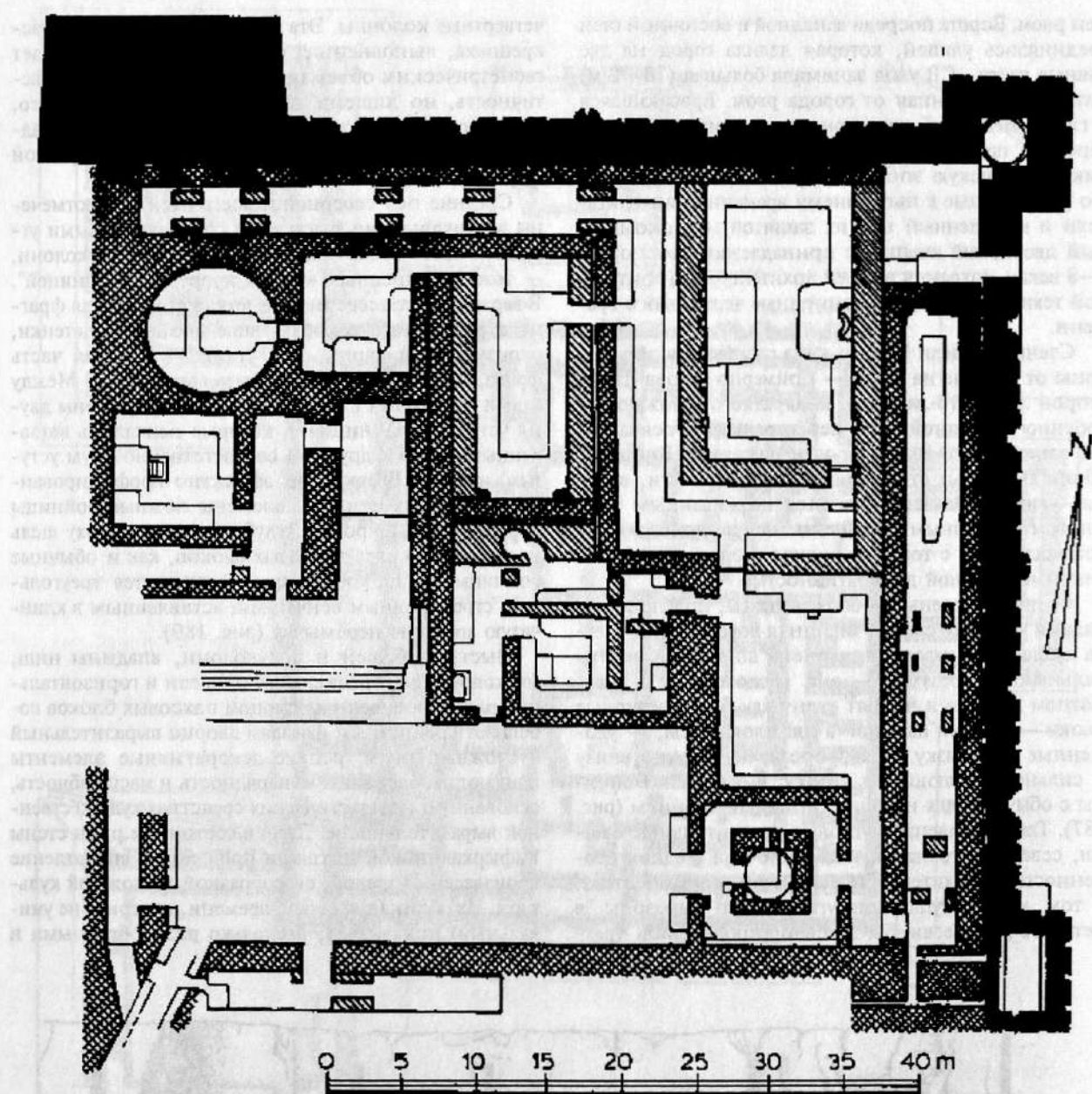

Рис. 188. Городище Кафыр-кала. План дворцового комплекса. По Б.Литвинскому и В.Соловьеву.

далекими от стандарта были художественные приемы, употреблявшиеся в 6–8 вв. в такой, казалось бы, далекой от декоративных фантазий области, как оборонно-крепостная архитектура.

Угловая СВ башня Кафыр-калы включает в себе небольшое квадратное (3,5×3,5 м) помещение, замечательное своим хорошо сохранившимся и необычным перекрытием.²⁹⁴ (рис. 21). На невысокий квадрат стен, сложенных из двух рядов блоков пахсы с наклонными швами, прослоенных сырцом и увенчанных уступчатой полкой, опираются четыре угловых трюма обычной для доисламского времени перспективно-ступенчатой формы. Но вместо купола, сложенного кольцевыми рядами сырца, здесь на трюмы и стены опирается подобие высокого барабана, состоящего из трех сужающихся кверху и на-

висающих один над другим уступов. Основание каждого уступа сложено из сырцовых кирпичей: в нижнем уступе это десять рядов сырца с врезанными в них трюмами, в среднем — три ряда, в верхнем — только один ряд. Верхние же части уступов сложены из кольцевых слоев пахсы, разрезанных на блоки неправильной формы. Третье пахсовое кольцо, почти вертикальное внутри, увенчано невысоким "ложным" куполом, — он сложен из горизонтальных кольцевых рядов сырца, которые нависают один над другим и смыкаются в зените.

Так было сконструировано вертикальное внутреннее пространство, отвечающее вертикальному объему башни: при высоте квадратного основания, равной 2 м, общая высота башенной камеры достигала почти 6 м. Аналогичное перекрытие церкви в Ак-

Бешиме свидетельствует, что подобные "высотные" пахсово-сырцовые конструкции были известны (неясно все же, насколько широко) в строительном искусстве доисламской Средней Азии и при необходимости создать вертикальное внутреннее пространство небольшой площади возводились наравне с обычными куполами.

Дворцовый комплекс Кафыр-калы пережил множество перестроек, но основные черты его изначальной плановой структуры как будто были сохранены (рис. 189). С северной, восточной и южной сторон (а может быть, и с западной) квадратный дворцовый комплекс опоясывали сводчатые коридоры, которые, как в ташкентском замке Ак-тепе, были позже разделены поперечными выступами с проходами и превратились в цепочки небольших анфиладно соединенных комнат. Вопреки квадратной конфигурации плана, обычно отвечающей центрическому внутреннему устройству, парадно-представительный центр здесь, как во дворцах Согда и Уструшаны, занимал один из углов, — на этот раз северо-восточный. Устройство центра доказывает его генетическое родство с замками 4 типа: он состоял из удлиненного приемного зала, вытянутого в направлении С—Ю, и Г-образного кулуара четырехметровой ширины, охватывающего зал с запада и юга. Вход в зал прорезан у его ЮВ угла, заподлицо с восточной стеной, у торцевой стены кулуара — прием, указывающий не столько на официальную парадность, сколько на камерность. Впрочем, аналогично был устроен вход в тронный зал Пенджикентского дворца, что не уменьшило его державной представительности.

Широкий кулуар сужен лентой пристенных суф, разрывающейся у проходов; суфы тянутся и по стенам зала, устройство которого заметно отличается от традиционного. Его продольная ось против обыкновения не выделена ни тронной лоджией, ни площадкой-"эстрадой". Вместо этого сильно подчеркнута обычно незаметная поперечная ось: на западе — площадкой, выдвинутой вперед и приподнятой над суфами, на востоке — другой площадкой, тоже выдвинутой, но пониженной относительно соседних суф; над ней, выступая из стены, возвышался крупный очаг-алтарь. Приемные залы подобного "поперечного" устройства в архитектуре Средней Азии (да, кажется, и других стран Центральной Азии) больше неизвестны. На то же, что этот зал был именно приемным, то есть аудиенц-залом, указывают его размеры — 19,05×10 м — и традиционная связь с Г-образным кулуаром, неперменной принадлежности замков 4 типа.

Еще одна особенность приемного зала дворца в Кафыр-кале — отсутствие в нем колонн. Даже следов от деревянных опор, которые обычно сохраняются на полу, исследователи здесь не нашли. Но в продольных стенах зала сохранились вертикальные выемки от деревянных стоек, вставленных заподлицо со стеной — 6 на "тронной" стене и 5 нерегулярно расположенных — на противоположной. На этих стойках-брусках должна была лежать деревянная обвязка, служившая опорой для балочного перекрытия. Как удалось строителям перекрыть балками 10-метровый пролет зала без промежуточных опор, и

какого сечения были эти балки — осталось их секретом.

Южный проход из кулуара ведет в обширное (14,5×11,2 м) помещение с суфами вдоль стен и тронной площадкой у северной торцевой стены. Здесь тоже нет признаков колонн, — возможно, это был внутренний дворик с навесом вдоль стен на легких деревянных опорах, не оставивших следов. Далее на юг лежит дворцовая "капелла", судя по росписям и некоторым характерным деталям — буддийская: квадратная купольная комната, окруженная сводчатым коридором, со входами, обращенными на восток и запад.

Через западный проход из кулуара попадали в продолговатое помещение (15,2×6,3 м), южный торец которого оформлен широкой и плоской нишей — условным изображением тронной лоджии. На то, что это именно тронная лоджия, сведенная к условному знаку, указывают глиняные трехчетвертные колонны у ее наружных углов, необычной "протодорической" формы (круглый сужающийся кверху ствол без базы, капитель в форме колокола и разделяющий их выступ), и широкая площадка-"эстрада" перед торцевой стеной с аркой.

Огромная толщина стен этого вытянутого зала, местами превышающая 4 м (при ширине 6 м) дает основание предполагать здесь сводчатое перекрытие, свойственное помещениям такой удлиненной фор-

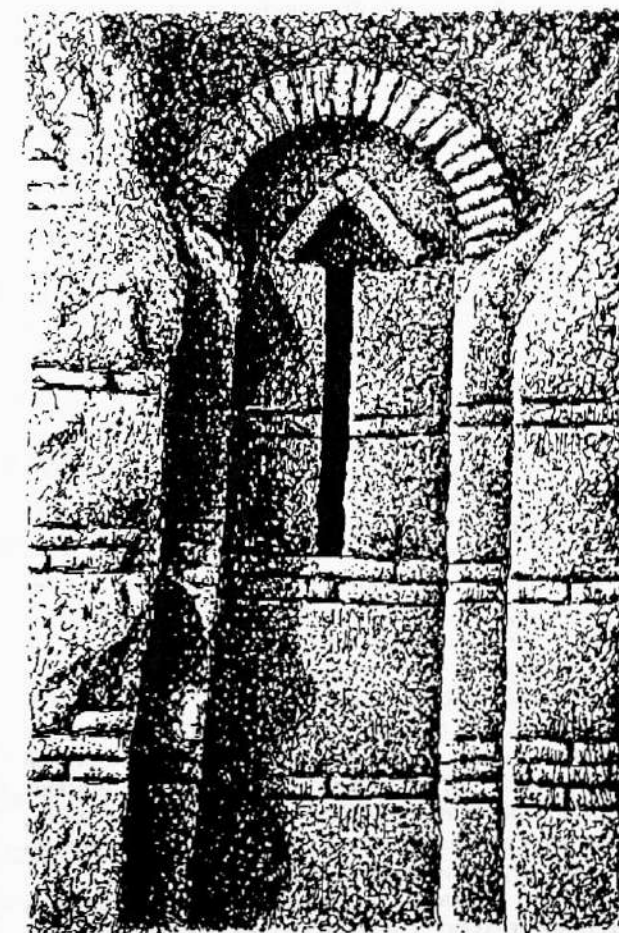

Рис. 189. Городище Кафыр-кала. Ниша стены с бойницей.

мы. Далее на запад лежит помещение почти квадратной формы (7,35×8,15 м) типа зала-гостиной, с периметральными суфами и тронной площадкой посреди южной стороны, но без колонн; еще дальше на западе — упоминавшийся совершенно круглый купольный зал диаметром 8 м. Из всех известных ныне сырцовых куполов доисламского и позднейшего времени этот купол (к сожалению, не уцелевший, но безусловно существовавший) — один из самых крупных. Правда, в этом случае купол, как в римском Пантеоне, опирался на круглое, а не квадратное основание, и не нуждался в угловых тронпах — самом ненадежном элементе конструкции.

Исследования показали, что круглый зал древнее большинства других дворцовых построек. После сооружения соседнего с ним зала единственный вход в него был заложен, и круглый зал перестал функционировать. Его необычная форма и своеобразная конфигурация суф, подчеркивающих ось З—В, указывают на его особое, скорее всего сакральное назначение.

Среди разнообразных по форме и величине помещений Кафыркалинского дворца трудно выявить несомненно жилые, — возможно, они располагались в юго-западной, еще не раскопанной части, и в эту жилую группу входило подобие "квартиры" южнее продолговатого зала, которая состоит из нескольких комнат, П-образно окружающих небольшой квадратный зал традиционного устройства. Общий же планировочный замысел огромного здания не поддается до конца осмыслению — прежде всего из-за многочисленных и не всегда явных перестроек, иногда кардинально менявших его плановую структуру. Все же можно различить черты, сближающие дворец в цитадели Кафыркалы с другими дворцово-замковыми сооружениями доисламского времени: анфилады периметральных комнат, протянутые вдоль наружных стен, находят параллели в замках Ак-тепе и Чильхуджра, где этот прием был вызван задачами обороны; размещение крупных парадно-представительных помещений не в геометрическом центре, а в одном из углов было свойственно, как видно, дворцам Согда и Уструшаны, и шире — строившимся в этих землях замкам 4 типа. Поразительное пластическое убранство фасадных стен дворца с ритмом чередующихся декоративных ниш, круглых выступов и прорезей-"бойниц" близко внешнему облику тохаристанского замка Занг-тепе, стоявшему на расстоянии 130 км западнее. Вместе с тем в архитектуре дворца, внутренней и внешней, есть множество приемов и форм, встреченных здесь впервые и пока не имеющих отчетливых аналогий.

Самый известный из среднеазиатских дворцовых комплексов доисламского времени — дворец Варахши. Он был исследован раньше других и некоторое время оставался единственным образцом дворцовой архитектуры поры раннего средневековья. Дворцу Варахши посвящено несколько капитальных работ, в которых рассматривается его история и реконструируется первоначальное устройство.²⁹⁵

Дворец древних правителей Бухары, носивших титул бухар-худат, располагался на платформе у южной границы города и примыкал к его оборонитель-

ной стене. Дворец и сам представлял собой важную часть городской фортификационной системы, — уже говорилось, что в его состав входили, как в Пенджикенте, цитадель с воинским общежитием и по меньшей мере два выступающих наружу бастиона — все с характерной для подобных сооружений коридорно-гребенчатой или просто коридорной планировкой.

И этот дворец много раз радикально перестраивался: одни помещения закладывались, трансформировались или уничтожались, другие возводились на их месте или рядом, — все в сравнительно недолгое время. Многочисленность перестроек и ремонтов сказались и в необычном разнообразии строительных материалов, отмеченном исследователями — пахсы, сырца разных размеров и типов кладки, жженных кирпичей. Поэтому расшифровать общую планово-пространственную структуру этого обширного комплекса построек можно только в самых общих чертах, и полной гарантии, что такая расшифровка правильна, конечно, нет (рис. 190). Неясно и время основания дворца; окончательный же свой вид, открывшийся исследователям, он получил незадолго до прихода арабов.

О примыкавших к дворцу зданиях цитадели и казармы, представлявших собой модификацию замковых кешков, было рассказано выше. Далее на западе стояла группа основных дворцовых сооружений, примыкавших изнутри к южной городской стене: "восточный зал" 6 (его величина — 19×11,3 м — дает основание подозревать в нем дворик с внутренним навесом или многоколонный зал), "красный зал" 11 с заслуженно известными настенными росписями, помещение с тронной нишей 13 и "западный зал" 15, почти квадратный, с суфами вдоль стен и широкой площадкой-"эстрадой", выдвинутой в центр помещения. Северные стены этих помещений, кроме "западного зала", были еще при жизни дворца разрушены и позже восстановлены — небрежно и, кажется, не всегда на прежнем месте. Установлено, что открытый раскопками дворец занял место другого, более старого, который датируется 6 в. — от него сохранились стены, примыкающие к городским укреплениям, сложенные из сырца размером 37-38×26×90-10 см кладкой "в разбежку", то есть с широкими вертикальными и горизонтальными швами. Кирпич новых построек другой — 42×26×10 см, и уложен с чередованием тычковых и ложковых рядов.

Назначение "красного зала", размерами около 12×8 м, было официально-культовым, с преобладанием, как будто, сакральных функций: кроме обычных пристенных суф в его оборудование входили два отдельных возвышения. Первое, прямоугольное, расположено на продольной оси зала у южной стены и представляет собой тронную площадку-"эстраду", отделенную от суф тесными проходами. Три узкие выемки в задней части этой площадки и следы стоек у ее боковых сторон — следы некогда стоявшего здесь тронного сооружения типа киоска-балдахина, вокруг которого сохранялся свободный обход, — аналогичный тронный киоск, но примыкавший к задней стене, имелся в замке Урта Курган.

Второе возвышение, прямоугольное с одной стороны и овальное с другой, стояло поперек зала, бли-

же к его СВ углу. Судя по обожженной поверхности и низкому бортику, а главное — по нескольким "буквальным" аналогиям, это был священный алтарь, игравший важную роль в происходивших здесь религиозных церемониях.

Большие размеры "красного зала" предполагают балочный деревянный потолок, опиравшийся на колонны. Следов колонн здесь нет, но пропорции помещения (с восстановленной по ее нижним частям северной стеной) отвечают отношению 1:($\sqrt{3}$:2) и, значит, дают основание для реконструкции брусчатого свода "рузан" шестиугольной формы.²⁹⁶

"Восточный зал" был застроен и превратился в анфиладу из четырех небольших, поперечно расположенных комнат, с юга и востока окаймленных узким коридором. Память о его изначальном репрезентативном назначении сохранилась во фрагментах изысканных настенных росписей, когда-то украшавших стены.²⁹⁷ Пропорции зала дают основание предполагать здесь два ряда колонн (по три колонны в ряду), стоявшие на расстоянии 5 м одна от другой и формировавших трехнефное пространство базиликального типа — с широким средним нефом, набранным из квадратных колонных ячеек, и узкими боковыми. Помещение 13 тоже сохранило следы перестроек, настолько основательных, что установить его изначальный облик не удалось. Тронной

ниши здесь вначале не было, — ее образовали два пристроенных к южным углам пилон; одновременно была как будто уменьшена ширина комнаты, а к югу от нее сохранился от раннего дворца "каменный мешок" или "каземат" 12 — камера с сомнительными следами заложенных входов. Впрочем, исследователи не нашли входы ни в "красный зал", ни в комнату 13, интересную сложной системой многоступенчатых суф.

К этой группе парадных (и, вероятно, наиболее ранних) помещений дворца, вытянувшихся сплошным фронтом вдоль южной городской стены, со временем прибавилась вторая, северная группа, отделенная от южной подобием узкого мощеного двора и проходным вестибюлем, открытым на запад. Эта группа, тоже не одновременная, состояла из обширных помещений явно небытового назначения, в том числе огромного (11×11 м) четырехколонного зала 14, со странным образом неодинаковым (7,7 и 6,7 м) расстоянием между колоннами, основания которых сохранились. Остатки еще более крупного зала или двора, разделенного позже на две части (20 и 21), открыты западнее зала 14.

Самое грандиозное помещение дворца, его общественный центр, располагалось в западной части комплекса. Это был двор шириной около 20 и длиной более 40 м, ориентированный продольной осью,

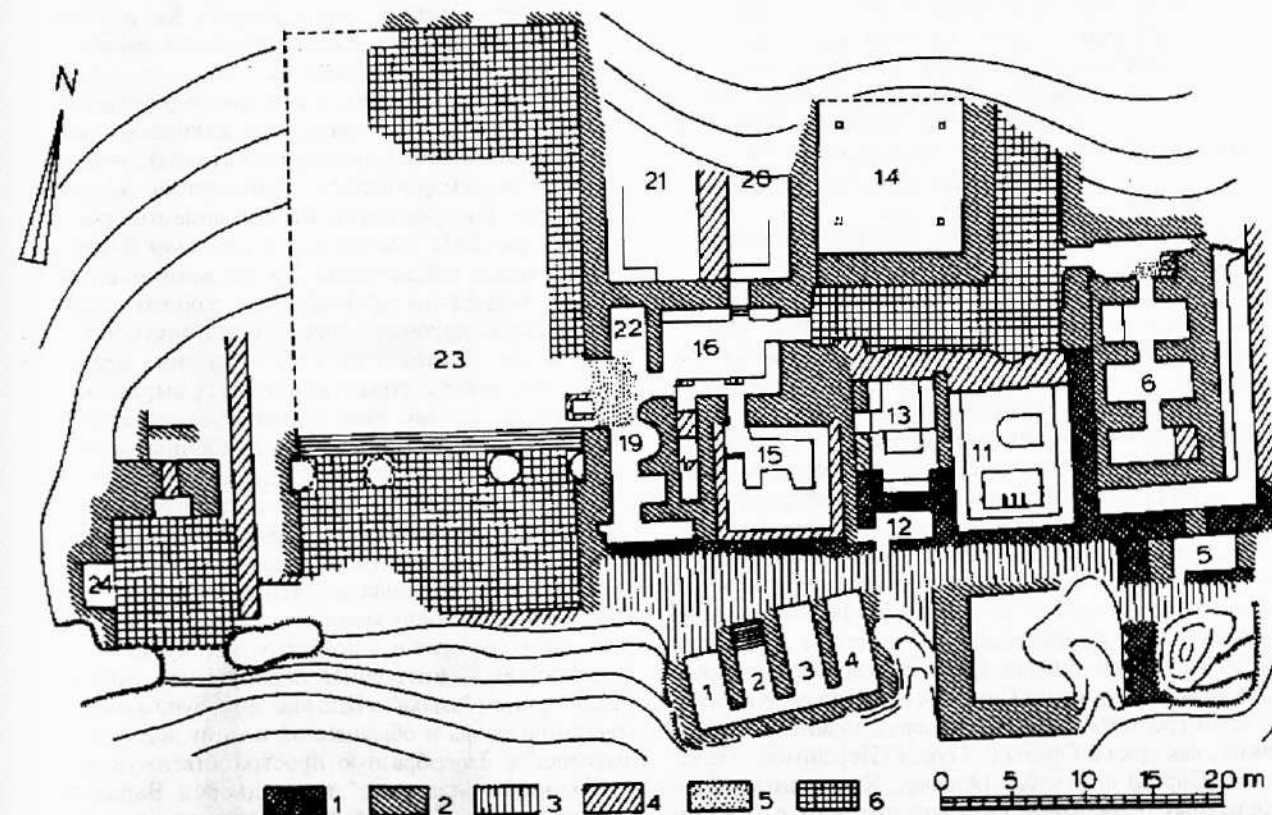

Рис. 190. Дворец Варахши. План раскопанных руин. По В.Шишкину.

- 1 — древние стены, сложенные из сырца "вразбежку".
- 2 — стены последующих периодов.
- 3 — городская стена.

- 4 — поздние ремонтные стены.
- 5 — полы, покрытые ганчем.
- 6 — полы, выстланные жженым кирпичем.

как и все дворцовые залы, в направлении С—Ю, замкнутый в сплошные стены и замощенный жженым кирпичем. Широкий вход в него вел с востока, со стороны вестибюля 16, объединявшего южную и северную группы дворцовых помещений. У самого входа двор, во всю его ширину пересекала лестница из пяти ступеней, общей высотой около 70 см, — по ней поднимались на площадку, занимавшую всю южную часть двора (рис. 191).

Эта широкая эстрада глубиной около 12 м была отделена от остального, нижнего пространства двора монументальной тройной аркадой: на два круглых столба-колонны двухметрового диаметра и две такие же пристенные полуколонны опирались три арки разного пролета, — ширина среднего пролета между столбами составляла 7,75 м, ширина боковых пролетов — 3,25 м. Круглые столбы были возведены из специального жженого кирпича декальной формы на ганчевом растворе, с длиной около 45 см, шириной — с узкой стороны 8 см, с широкой скругленной — 24–30 см и толщиной 6–7 см. Даже крупные здания возводились в 5–8 вв. как правило без фундаментов, но столбы Варахшинского дворца стояли на трехслойных фундаментах двухметровой глубины: вверху — квадратный цоколь из жженого кирпича на ганче, глубиной 30 см, ниже основание из жженого кирпича на глине, глубиной 80 см, еще ниже — кладка из сырца на глине до 90 см глубиной. По всему видно, что столбы и стоявшие на них арки были рассчитаны на основательную нагрузку. Очевидно, что средняя арка, соответственно пролету, была значительно выше боковых, и весь этот грандиозный "сценический" портал (устройство двора действительно похоже на зрительный зал со сценой-эстрадой) был воплощением триумфальной трехарочности, известной по многим образцам античной и раннесредневековой архитектуры.

Исследователи находят аналогии между тройной аркадой дворца и приемами архитектуры Сасанидского Ирана, запечатленными в дворцах Сарвистана, Дамгана и Касри Ширин. Я думаю, что сходство здесь ограничено формой круглых и массивных "сасанидских" столбов. Хотя — судя по достаточно частому применению подобных цилиндрических кирпичных опор в архитектуре Средней Азии 9–12 вв. — они употреблялись здесь и в доисламскую эпоху как хорошо известная местная архитектурная форма. Композиционный же прием если и вызван иранским влиянием, то образная основа его иная, в Иране как будто не встреченная. Трудно не заметить в симметричной группе из трех арок Варахшинского дворца совсем не формальное сходство с римскими триумфальными арками трехпролетного типа, такими как арки Септимия Севера и Константина в Риме. К этим хрестоматийным примерам можно добавить такие, как арки в Оранже, Герасе (Иордания), Пальмире (Сирия) и Тимгаде (Алжир). Культурные связи восточных провинций Римской империи с Ираном хорошо известны, и широко распространенный на Востоке триумфальный образ тройной аркады был здесь, несомненно, знаком.²⁹⁸

Самая же прямая параллель варахшинской аркады и всему эффектному двору приемов, важной час-

тью которого она была, представлена мечетью 8 в. в Каср Мукатил, в 2,5 км к ССЗ от Охейдира (Ирак).²⁹⁹ Прямоугольный план мечети состоит из двора и приподнятой алтарной части, отделенной от двора тремя арками на массивных круглых столбах; средняя арка, как и в Варахше, шире боковых (рис. 192). Боковые полуколонны здесь заменены круглыми столбами, приставленными к прямоугольным выступам, а в задней стене устроена квадратная в плане ниша михраба. Хорошая сохранность "алтарной" части позволила вычислить использованную строителями метрическую единицу — она равна 110 см и укладывается в ширину мечети 10 раз, а в глубину приподнятой "алтарной" части — 3 раза. Величина михраба — 1 квадратная единица. Входная часть мечети разрушена, но есть основание считать длину двора (вместе с аркадой) равной 9 вычисленным единицам, — в таком случае, принимая во внимание более тонкие стены двора, его пропорции отвечали популярному отношению 1: ($\sqrt{3}$:2).

В таком виде мечеть и формой, и пропорциями очень близка двору с "триумфальной" аркадой и отличается от него, главным образом, меньшими размерами. Сходство обеих датируемых 8 веком построек — от общей архитектурной идеи до деталей — так велико, что едва ли может быть случайным. Если эти соображения верны — они означали бы известное влияние раннеисламских (омейядских) архитектурных форм на местные строительные традиции. Хотя стоит заметить, что и мечеть Каср Мукатил среди других построек Омейядского халифата стоит в подозрительном одиночестве.

Найденные во дворе, в том числе рядом с аркадой обломки резного ганчевого декора (он сохранился *in situ* в основании одного столба) — остатки его бывшего декоративного великолепия, которое я попытался воспроизвести на прилагаемой реконструкции (рис. 193). Сам же парадный двор Варахшинского дворца представлял собой великолепный и редкий образец тех официальных дворцово-айванских комплексов, которые известны в монументальной архитектуре Среднего Востока с древних времен, и пространственная структура которых выражала, как говорилось, основу общественных отношений того времени: двору, заполненному подданными, противопоставлен тронный айван или символизирующая его арка, под которой восседает правитель.

В предисламской архитектуре Средней Азии, раздробленной на небольшие владения, эта пространственная идея воплощалась чаще всего в ее "камерном" варианте: двор заменялся залом (тем же двором, но поменьше и с потолком), а глубокий сводчатый айван — внутренней лоджией или нишей. За исключением "замка" в Шахристане-Бунджикате, где сочетание двора и обращенной к нему лоджии складывалось в своеобразную пространственную систему "дворцово-айванного" типа, дворец Варахши — единственное в Средней Азии сооружение, где этот древний прием нашел полное, величественное, воинственную воплощение.

Исследователи полагали, что за монументальным трехарочным порталом не было перекрытия, — пространство тронного айвана было лишь условно от-

делено от двора разницей уровней пола и триумфальной аркадой. В этом случае варахшинский вариант дворцово-айванского комплекса имел бы вполне своеобразный характер: от уходящего вглубь сводчатого зала-айвана сасанидских дворцов здесь был бы сохранен лишь арочный фасад, традиционно фланкированный двумя симметричными арочными проемами. Эта гипотеза (подкрепленная тем, что айван замощен жженым кирпичем — признаком его открытости сверху) не кажется мне убедительной. Кирпичные полы встречаются и в помещениях — конечно, не рядовых — этого времени; главное же — нельзя представить себе, что центральная часть обширного дворца, парадный тронный айван — остался бы незащищенным от солнечных лучей, дождя, а зимой и снега.

Эти соображения находят некоторую опору в пропорциях среднего пространства айвана, которое — в пределах осей — точно отвечает излюбленному тогда, да и позже отношению 1: ($\sqrt{3}$:2), — в такое пространство вписывается правильный шестиугольник, что позволяет предположить здесь перекрытие в виде шестигранного "рузан". В таком случае узкие крылья, фланкировавшие центр, должны были иметь более низкие балочные потолки. Слабое место этой гипотезы — размеры: пролет между фасадными столбами "в свету" составлял около 7 м, а между столбами и задней стеной айвана — даже если столбам сзади отвечали выступы-лопатки — 8,5 м. Для балочной конструкции, даже с балками очень большого сечения, это много. Но пример приемного зала во дворце Кафыр-калы с его 10-метровым пролетом, отсутствием промежуточных опор и несомненной перекрытостью позволяет думать, что строители того времени каким-то образом справлялись и с такого рода задачами.

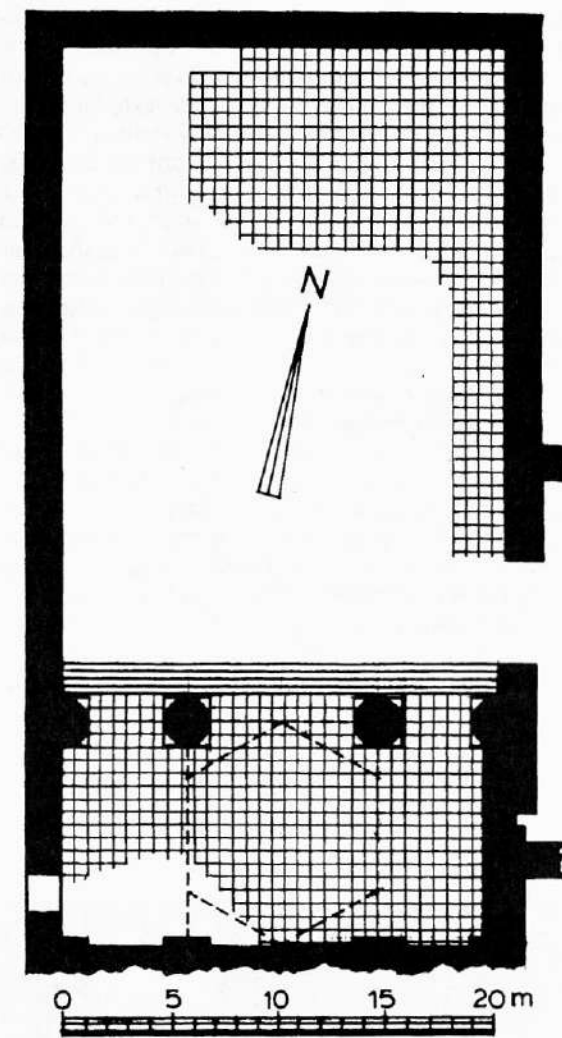

Рис. 191. Дворец Варахши. Двор приемов. План с частичной реконструкцией. По В.Шишкину.

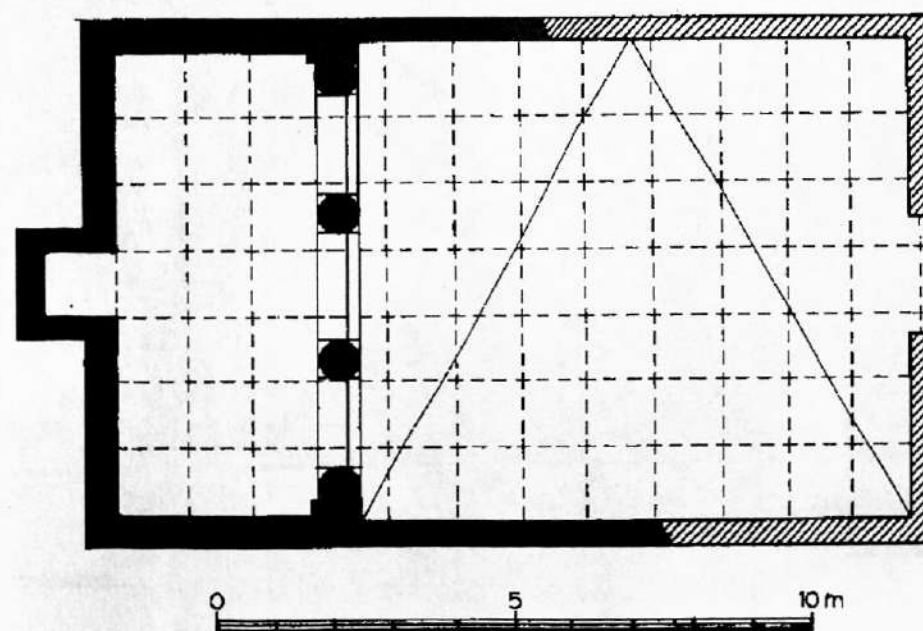

Рис. 192. Мечеть в Каср Мукатил. План. По Финстер и Шмидт с частичной реконструкцией и геометрическим анализом.

Западнее к трехарочному айвану примыкало сооружение типа квадратного зала со сторонами около 9 м, построенное из сырца (44×27×8 см) и плохо сохранившееся. Исследователь называет его двориком — вероятно, из-за выстилки пола жженым кирпичем, — но осевые ниши на сохранившихся западной и северной стенах и большая толщина уцелевшей северной стены — 4 м — удостоверяют, что это был купольный зал с четырьмя сводчатыми осевыми нишами, типологическая основа для будущих мавзолеев, купольных мечетей и ханако. Среди немногих купольных помещений доисламского времени с осевыми нишами (см. рис. 53) это — самое близкое формой и пропорциями купольным залам недалекого исламского будущего.

Сохранились следы прохода из северной ниши зала и его прямой связи (через восточный проход) с трехарочным айваном. Этим, как будто, определяется назначение квадратного зала: он был "служебным" помещением при тронном айване, откуда во время торжественных церемоний являлся правитель, и где, вероятно, устраивались приемы в более узком кругу. Кроме того эта массивная постройка, примыкавшая к восточной башне расположенных здесь городских ворот и к начинающейся от них улице, входила в систему их защиты. Геометрический расчет показывает, что если все стены зала были одной толщины, то его восточная фасадная плоскость в точности совпадала с западной стеной айвана — косвен-

ный довод в пользу предложенной реконструкции (рис. 194).

В "северном зале" 14 сохранились три кирпичных основания из четырех бывших здесь колонн. Колонны образовывали не квадрат, а прямоугольник все тех же знакомых пропорций 1:($\sqrt{3}$:2), предполагающих перекрытие шестиугольным "рузан". Северная стена зала не сохранилась, но расстояние от ЮВ колонны до южной стены, отложенное от северных колонн на север, доказывает, что зал был квадратным, с длиной сторон около 11 м. Продолжением "вычисленной" северной стены на восток обнаруживается и квадратная форма соседнего зала, позже разделенного на комнаты 20 и 21. До расчленения это было помещение с паховыми стенами, размером около 13×13 м и четырьмя колоннами, — их расположение по "девятисклеточной" системе косвенно подтверждается местом сохранившегося южного входа в зал. Оба построенные одновременно зала (восточный был пристроен к западному) объединялись примыкавшим к ним с севера коридором.

Что касается замощенного жженым кирпичем пространства между южными помещениями ("красный зал", комната 13) и "северным залом", которое исследователи называют площадкой, то это была часть канонического Г-образного кулуара, охватывавшего "северный зал" с юга и востока. Это доказывает, кроме достаточно характерной формы плана, угловая квадратная выемка в наружном ЮВ углу

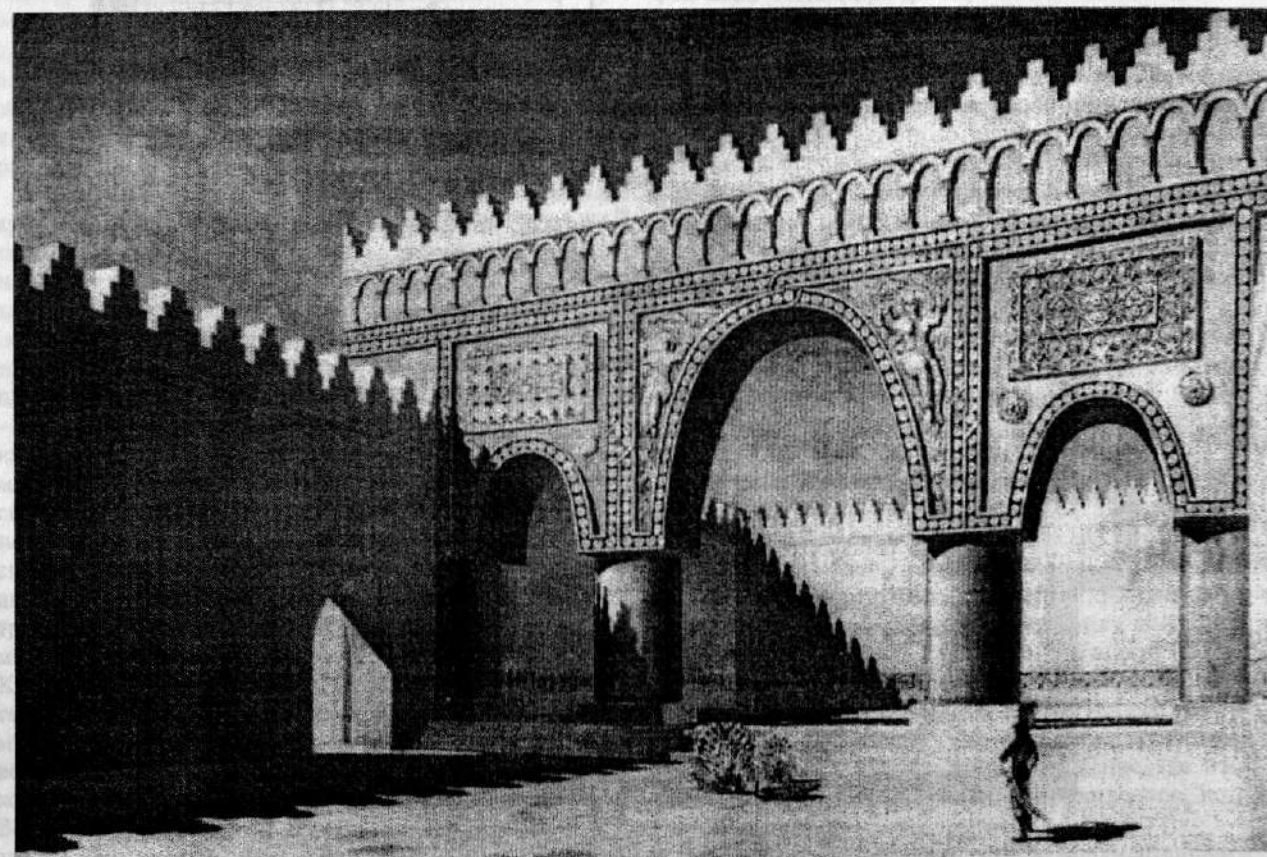

Рис. 193. Двор приемов во дворце Варахши. Реконструкция.

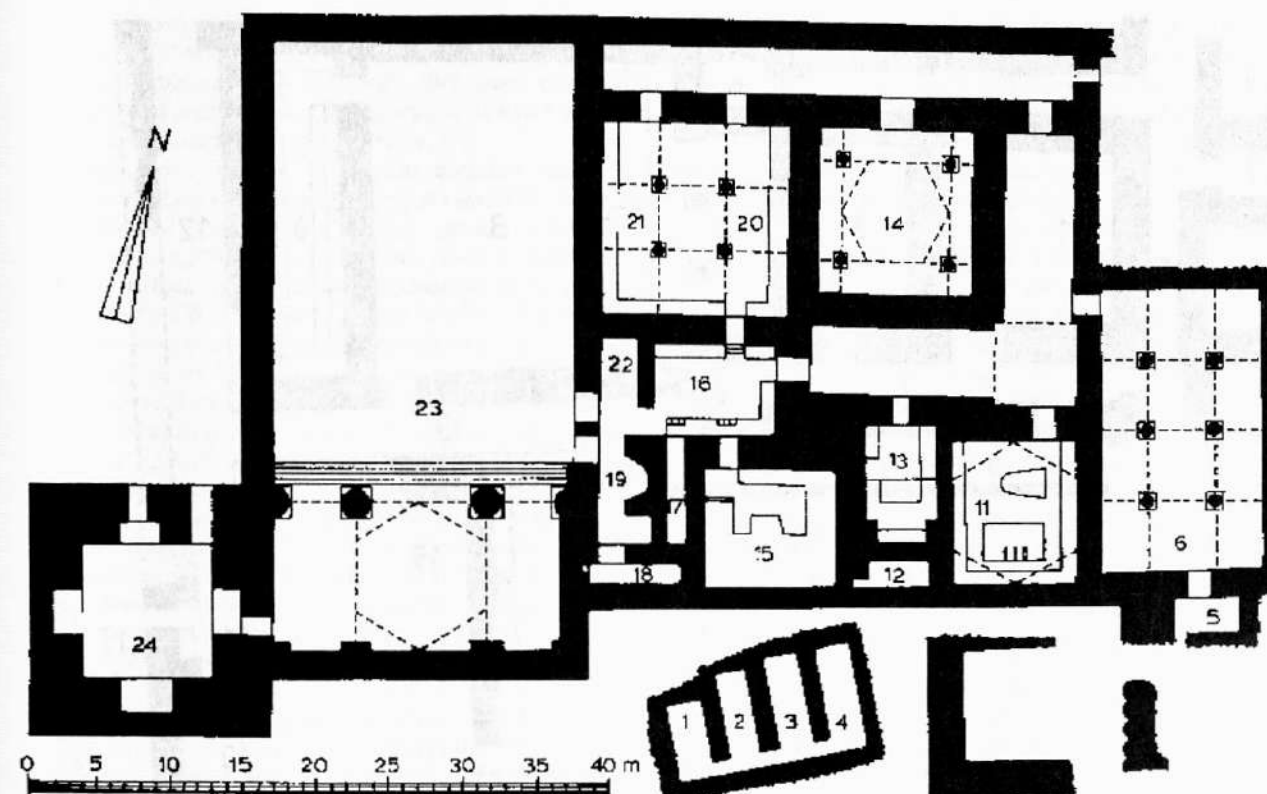

Рис. 194. Дворец Варахши. Реконструкция плана.

зала 14, — она буквально соответствует такой же выемке-четверти в замке у ворот Сарыг-тепе (рис. 56, 90) и означает, что квадратная угловая часть кулуара была слегка расширена, или что здесь по углам стояли деревянные колонны под особым рода перекрытием. Кулуар, игравший роль главного дворцового холла, был связан проходами с "восточным" и "красным" залами, комнатой 13, вестибюлем 16 (а через него с тронным двором) и, наверное, с "северным" залом, вход в который был впоследствии заложен.

Исследователи считают, что северная группа дворцовых помещений возникла позже, когда большая часть южной группы была уничтожена или перестроена. Мне кажется, что для такого суждения нет достаточных оснований, хотя несомненно, что дворец в его окончательной форме — результат разновременных строительных работ, растянувшихся, может быть, на два века. Употребление кирпичей квадратной формы рядом с удлиненными — свидетельство начавшейся перемены в строительной технике, которая будет завершена в исламское время почти по всей Средней Азии, а во дворце Варахши служит датирующим признаком 8 века.

Руины дворца Варахши сблизняют их неразгаданной сложностью. Исследователь древней жилой архитектуры подчас испытывает досаду, близкую к отчаянию, от невозможности сполна ощутить жизнь населявших эту архитектуру людей, понять смысл, заложенный в сочетании помещений, в их форме и устройстве. У создателей этих зданий было свое, давно утерянное нами представление о мире, обществе

и его законах, в существенной мере выражавшееся в архитектуре. Потеря этих представлений делает попытки реконструкции таких сложных архитектурных структур, как дворец Варахши, — попытки, опирающиеся только на логику и ограниченные знания, — в большой степени движением вслепую.

Городище Еркурган — древняя столица Каршинского оазиса в долине Кашкадарьи — существовало как крупный город (около 150 га) с 8 в. до Р.Х. по 6 в. н. э. Здесь в северной части "внутреннего города" в 5—6 вв. стоял дворцовый комплекс, значительная часть которого была изучена.³⁰⁰ Дворец состоял из двух частей — верхней северной, включавшей в себе официальную часть комплекса, и южной, лежавшей на 4—5 м ниже и по назначению, вероятно, более интимной. Эта часть была как будто меньше затронута раскопками; ее план, если и был опубликован, остался мне недоступен (рис. 195).

Репрезентативно-официальная часть дворца в Еркургане состояла из нескольких крупных помещений, организованных общей продольной осью в направлении З—В. Самым большим в этой цепочке был почти квадратный двор (13,5×13,5 м в осях), слегка сужающийся к западу. Почти вся его западная сторона была занята открытой во двор лоджией-айваном шириной около 10 и глубиной 4,5 м; со стороны двора его ширина несколько уменьшалась выступами боковых лопаток-пиластр. Приподнятый пол айвана образует платформу высотой 60 см, выдвинутую почти на 2 м во двор и соединенную с уровнем двора коротким осевым пандусом, как во дворцах Пенджикента и Шахристана. Обращенный во

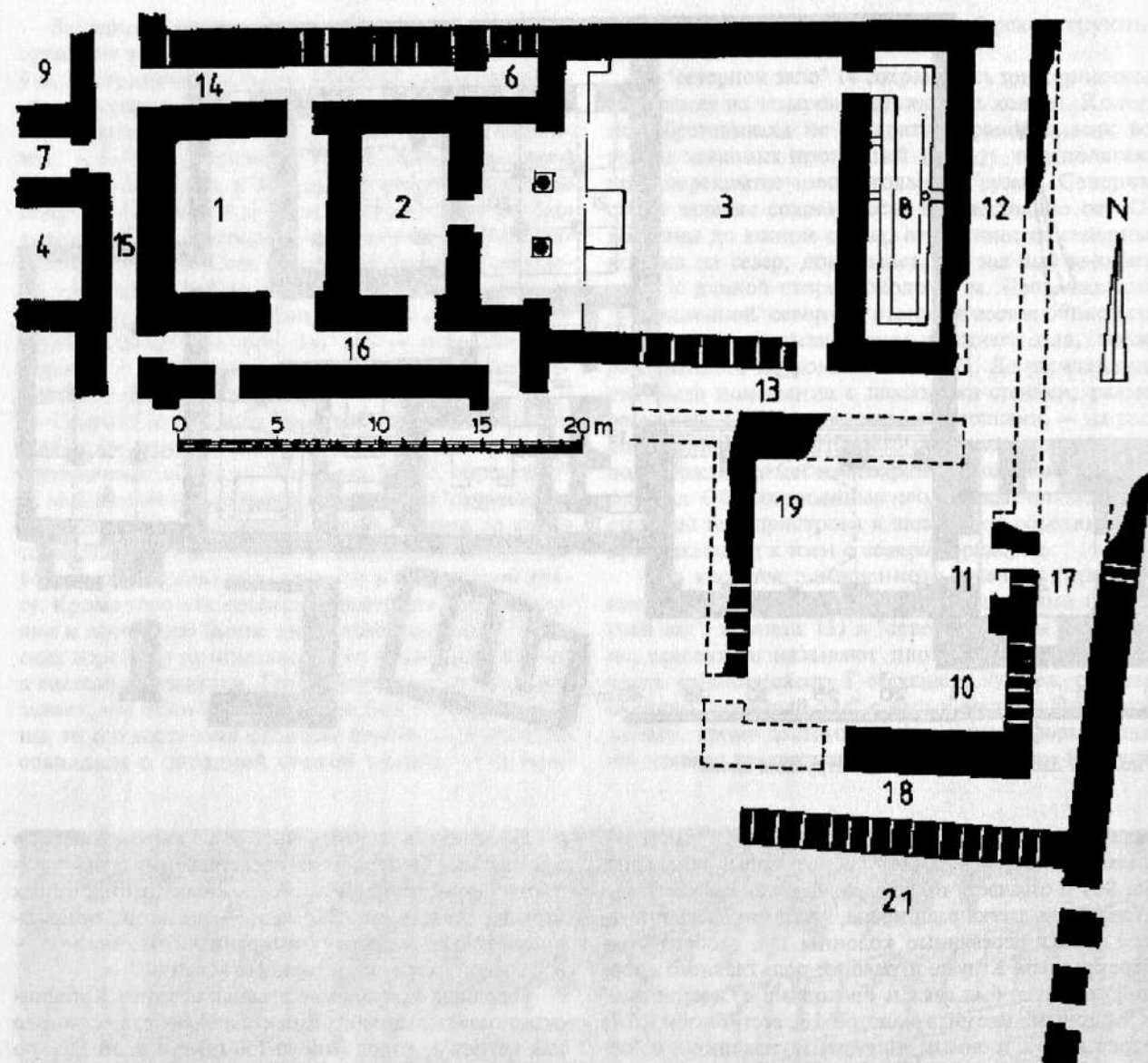

Рис. 195. Городище Еркурган. Дворец. План. По Н.Нефедову с коррективами и частичной реконструкцией.

двор фасад айвана был разделен на три пролета двумя деревянными колоннами, кирпичные основания которых отчасти сохранились и достаточны для того, чтобы определить расположение колонн: расстояние между ними было несколько больше расстояния от колонн до боковых пилястр, образуя средний широкий проход и два боковые поуже.

Это напоминает трехарочный айван в Варахше, но с существенной разницей: на колонны здесь вместо арок опирался деревянный архитрав, и торжественный айванный фасад представлял собой колонный портик, подобный портику "храма в антах" классической греческой архитектуры или хеттского святилища типа "бит-хилани". Сочетание же двора и колонного айвана на его оси представляет собой разновидность дворцово-айванной системы, ту определяющую главную часть дворцовых комплексов, которая позволяет отличить настоящий дворец от крупного замка.

В Еркургане за тронным айваном, как бы продолжая его, лежит комната 2 одной с ним длины, связанная с айваном осевым проемом в заглубленном обрамлении. Второй проход из нее ведет на юг, в коридор 16 — часть коридорной системы, которая П-образно охватывала группу тронного айвана и двух лежащих за ним комнат, ограниченных на юге и севере общими стенами. Комната 1, замыкающая эту группу на западе, не имела прямой связи с комнатой 2 и через нее с айваном и двором: два прохода в боковых стенах соединяли ее с северным и южным коридорами. Ее квадратный план и величина (7,5×7,5 м) не исключают здесь возможность купола. Если комната 2 была, видимо, функционально необходимым помещением при айване, рассчитанным на происходившие здесь ритуальные церемонии, то назначение комнаты 1 неясно: она могла быть внутренним приемным залом, сознательно отделенным от официальной дворцово-айванной группы (хотя

образует с соседней комнатой и айваном единый прямоугольный блок), или дворцовым святилищем, судя по следам горевшего в ней огня. Все-таки странно, что сквозная продольная ось двора и айвана упирается за комнатой 2 в глухую стену.

Правда, и длинная — во всю ширину двора — комната 8, примыкающая к двору на востоке и предназначенная, судя по сплошным двухступенчатым суфам, для пиров, не продолжала осевую анфиладу. Вход в нее был прорезан не напротив айвана на оси, а скромно у СВ угла двора. Восточнее этой комнаты пролегал коридор 12, продолжавшийся на юге (и, вероятно, на севере, где он не сохранился) в западном направлении. Это, как будто, была внешняя система обходных коридоров, П-образно охватывавшая всю группу самых северных построек дворца вместе с внутренними коридорами 14, 15 и 16. Группа продолжалась на запад, но остатки найденных здесь помещений 4, 7 и 9 недостаточны для суждения об их сочетаниях и форме. Точно так же неясно устройство помещений в ЮВ части, которые исследователь обозначил номерами 10, 11 и 19, — остатки их стен реконструируются в геометрически правильный квадрат со сторонами длиной 13 м, — здесь мог быть внутренний двор, окруженный с западной стороны еще не раскопанными постройками, а с трех остальных — обходными коридорами. Вероятно, на западе квадрат тоже был обведен коридором, — на это указывают узкие прорезы в западной стене, шириной 10—12 см и с промежутками около 1 м — точно такие щели в том же ритме прорезают стены некоторых коридоров в северной группе, и только их. Судя по наклону дна прорезки наружу, под 45° — они имитируют бойницы. О назначении этих прорезей, слишком узких для настоящих бойниц, исследователи не говорят; можно думать, что это были — по аналогии с уже встречавшимися примерами такого рода — вентиляционные продухи.

Северная группа дворцовых зданий была воздвигнута на квадратной сырцово-платформе с замурованными в ней руинами более раннего здания, достигающими более 5 м высоты. Южная группа, расположенная соответственно ниже, полностью не открыта. Она "...состояла из сложной системы коридоров со стреловидными бойницами и дворики. Вдоль восточного фаса нижней площадки была обнаружена галерея, видимо, крытая аркадой из сырцового кирпича, от которой сохранились массивные, квадратные в плане основания устоев. В этой части дворца был разбит небольшой перистильный дворик..."³⁰¹ План южной группы не опубликован, и неясно, была ли аркада на сырцовых столбах — архитектурная форма, в Средней Азии несомненно уникальная — частью "перистильного", то есть окруженного колоннадой дворика, или она составляла какую-то иную часть нижнего комплекса.

Едва ли в предисламской архитектуре Средней Азии найдется еще одно сооружение, которое вызывает столько античных (бактрийско-кушанских) ассоциаций, как дворец Еркургана. Его плановая структура, в основе которой лежит сочетание двора, открытого в него широкого колонного айвана, группы комнат за айваном такой же, как он, ширины и ок-

ружающего эту группу П-образного обвода, находит — в таком полном составе или частично — близкие и многочисленные параллели в постройках предыдущей эпохи. Почти полную аналогию центральной части дворца демонстрируют некоторые жилые здания бактрийского города Айханум (Северный Афганистан)³⁰²; во дворце Саксанохура (Южный Таджикистан) двор с большой нишей колонного портика-айвана был П-образно обведен коридором, отделявшим официальное ядро от бытовой обстройки.³⁰³ В доме на Дальверзин-тепе (Северный Афганистан) за портиком-айваном, обращенным во двор, следует продолжающее его глубокое помещение, и далее — отдельная комната: все три звена — одинаковой ширины и обведены, как в Еркургане, П-образным коридором.³⁰⁴ Эти примеры (они могут быть умножены) объединяет строгая осевая симметрия, тронный айван в виде колонного (чаще двухколонного) портика и П-образный обвод айвана с группой лежащих за ним помещений. В основе своей это традиционная дворцово-айванная система, в которой иранский (в широком смысле слова) сводчатый тронный айван заменен эллинистическим колонным портиком-лоджией. Неясно, что побудило строителей дворца в Еркургане вспомнить об этой, для них уже древней архитектурной традиции, но несомненно, что в 5—6 вв. она еще не была забыта и даже находила употребление.

Из всех признаков дворцовых сооружений у комплекса построек, сохранившегося близ крепости Аязкала 2 в Хорезме, есть, пожалуй, только один — его незаурядная величина. Исследователь назвал эти полузанесенные песком руины, распространенные на площади около 100×130 м, огромной усадьбой, "...подобной которой в Беркут-калинском оазисе и вообще на территории раннесредневекового Хорезма еще не выявлено".³⁰⁵ Еще один довод в пользу особого (дворцового?) назначения этого обширного, сложно организованного сооружения, построенного в 7—8 вв. — канал, специально проведенный к нему, — для усадьбы, даже крупной, это слишком большая часть (рис. 196).

Ориентированный по сторонам света комплекс прямоуголен в своей общей форме и ее деталях; в его геометрически четкой застройке различаются три большие группы помещений, каждая из которых представляла собой многокомнатное здание. Дом на восточной стороне рассечен почти во всю свою длину продолговатым залом или двором шириной 10 и длиной около 40 м. Разрушенная, квадратной конфигурации СЗ часть здания заключала в себе, может быть, приемный зал (или тоже двор) размерами около 20×20 м. Две поперечные группы помещений (одна из них входная) примыкают к длинному залу или двору с юга; еще южнее видно маленькое (3×3 м внутри) квадратное здание, обращенное входом наружу, на восток, и похожее на будущие купольные мавзолеи. Группы комнат по сторонам длинного зала-двора организованы по общему принципу, столь же простому, сколь древнему: пространства между параллельными стенами разделены поперечными стенками-перегородками на отсеки различной длины.

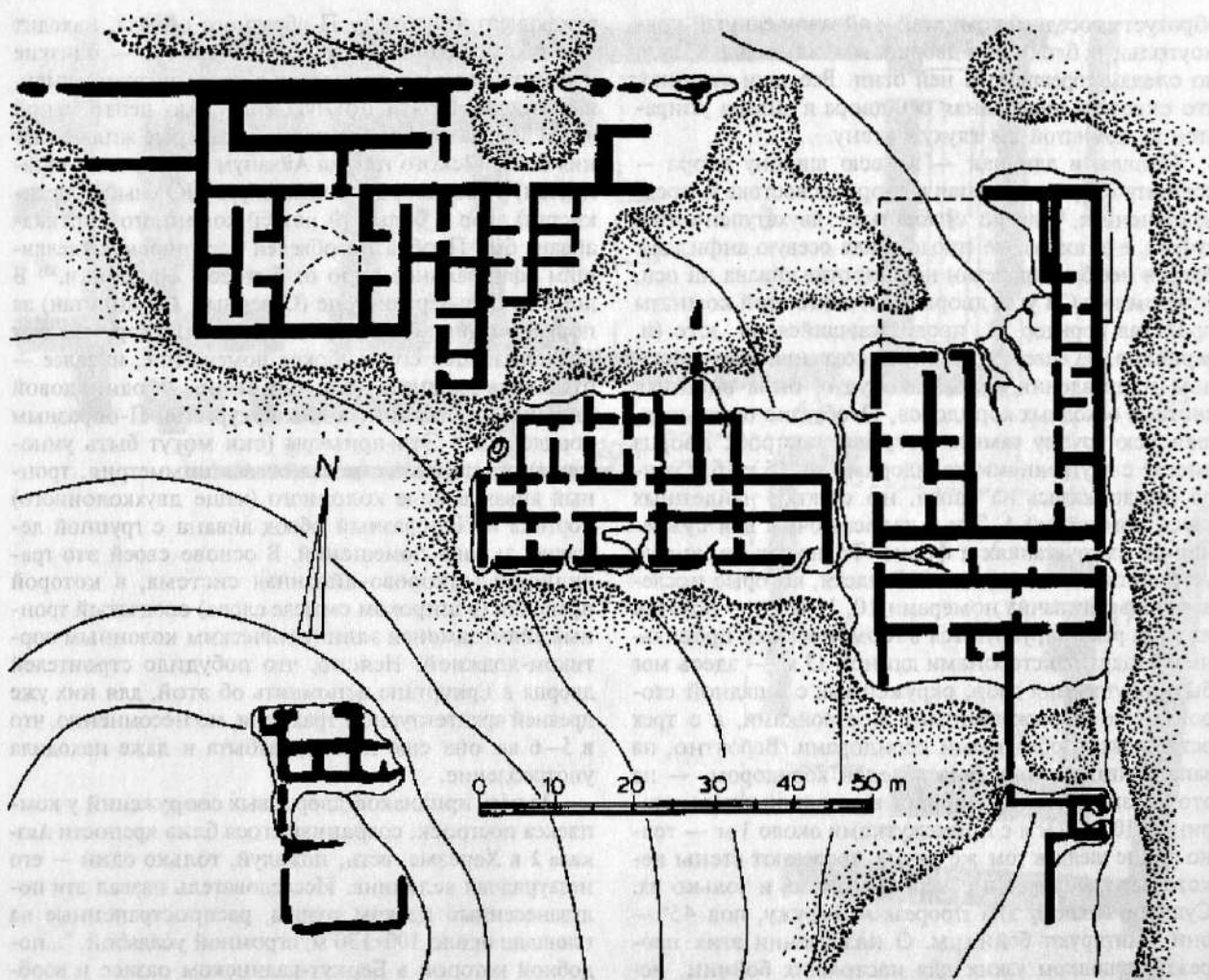

Рис. 196. Хорезм. Дворцовый (?) комплекс близ Аяз-калы 2. План. По Е.Неразик.

Этот же принцип положен в основу планового устройства среднего "дома", — он состоял из множества небольших комнат, которые образовывали регулярную (благодаря сквозным продольным стенам), но механическую структуру. Помещения между параллельными стенами, иногда длиной до 17 м, сформированы в группы от одной до четырех комнат. Они, тем не менее, не производят впечатление общежития или складов; их внутреннее устройство не было, видимо, предметом исследования.

Западный (точнее, СЗ) "дом", примыкающий к среднему, заключал в себе зал необычной формы. Вытянутое в направлении Ю—З помещение величиной 16,5×9,5 м было на поперечной оси расширено двумя нишами-айванами и получило благодаря этому крестообразную конфигурацию.³⁰⁶ Боковые стены айванов прорезаны в глубине, у торцевых стен парными "скользящими" проходами, которые ведут в угловые камеры, — коммуникационный прием, аналогичный тому, который отмечен в жилищах селения при буддийском храме в Куве. Пропорции зала отвечают отношению $1:\sqrt{3}$, популярному и уже

встречавшемуся, — например, в приемном зале замка Балалык-тепе.

Кажется наиболее вероятным, что этот большой зал с его четкими пропорциями, внутренними айванами и примыкающими комнатами, так отчетливо выделяющийся среди единообразной сетчатой планировки, был представительным центром комплекса, — иначе говоря, приемным залом местного владельца. Но его устройство не находит аналогий среди известных официально-приемных помещений и их групп такого рода, — разве что выделение поперечной оси замыкающими ее айванами напоминает приемный зал во дворце Кафыр-калы. В любом случае, зная обычное устройство дворцовых приемных залов — с их осевой продольной ориентацией, тронной нишей или площадкой в торце и суфами вдоль стен, — нельзя представить себе церемонии, которые должны были здесь происходить, и из-за которых зал получил такую необычную форму.

Если это огромное здание было дворцовым комплексом (в чем, конечно, нет полной уверенности), то дворцом какого-то особого, может быть, местно-

го локального типа. Исследователь прав, рассматривая его руины как остаток какого-то важного общественного центра раннесредневекового Хорезма. Жаль, что в свое время оно не было археологически изучено более основательно.

Здание 6—7 вв. в оазисе Якке Парсан исследователь назвал **Безыманным замком**, но, судя по доступному мне его короткому описанию (ни обмерных чертежей, ни фотографий я не нашел), это был дворец.³⁰⁷ Постройка размерами 45×35 м ориентирована по сторонам света, вход посреди южной стороны был оформлен предвратным сооружением из пахсы и сырца с двумя полуовальными, фланкировавшими вход башнями. Внутренние помещения возведены из квадратного сырца со сторонами 36–37 и толщиной 9 см. Коридор шириной 5 м и длиной 19 м вел от входа к крытому двору, расположенному на северной стороне. Большой открытый двор в центре был оборудован узкими суфами—"скамейками" по периметру и навесами вдоль западной и восточной сторон. В ЮЗ углу располагался четырехколонный зал, — здесь найдены три каменные четырехугольные базы колонн (две in situ). Прочую часть западной половины застройки составляли две разобщенные группы жилых помещений. Небольшие комнаты, примыкавшие в наружной стене, отделены от соседних толстой (1,5 м) стеной, — исследователь видит в этом признак имевшегося здесь верхнего этажа. Среди кирпичных суф в жилых комнатах встречены суфы уникальной формы — со спинкой и "подлокотниками" из кирпичей, поставленных на узкую грань. Восточная половина в отличие от западной состояла из залов площадью от 72 до 118 м², потолки которых должны были опираться на колонны. В одном из залов помимо обычных обтекающих стеной суф шириной 1–1,5 м сохранилась суфа-площадка шириной 3,5 м. Из помещения в ЮВ углу был проход в комнату верхнего этажа, расположенную над входом в здание. Анфилада помещений вдоль северной стены включала в себя комнату, оборудование которой — постамент из сырцовых кирпичей, камень с опаленной поверхностью и пр. — позволяет видеть в ней моленной-"капеллу". Косвенным подтверждением принадлежности "Безыманного замка" к сооружениям дворцового назначения может служить его окружение, состоявшее из нескольких замков-усадб того же времени, но значительно меньших размеров.

Дворцовое здание на городище **Минг-Урюк** (в современном Ташкенте) сохранилось, к сожалению, в виде трех фрагментов, практически не связанных между собой.³⁰⁸ Дворец — резиденция правителей Шаша (Чача) — был построен в 7–8 вв. вплотную к городской цитадели, на массиве древней городской стены; его раскопанные остатки расположены на пространстве около 60×30 м, ориентированном в направлении Ю—С (рис. 197). Стены сохранившихся построек сложены из нарезанной блоками (длиной 50 см, высотой 18–20 см) пахсы, прослоенной рядами сырца (47–48×23–24×8–9 см); позже некоторые стены были укреплены прикладками, сложенными из сырца такого же и более крупного размера — 50×26×10 см (рис. 198).

Большое южное помещение 1 — трапециевидной, расширяющейся к северу формы (размеры в осях — 9,5×8,5 м) было оборудовано суфами вдоль трех, кроме южной, стен, а посередине — двумя невысокими глинобитными "столами", вероятно, для хранения и разделки припасов: помещение, вопреки необычно большой величине, видимо, было хозяйственным. Два прохода, устроенные рядом с углами и впоследствии заложённые, вели на юг и на восток, где проходил коридор 2 трехметровой ширины, названный исследователем парадным — вероятно потому, что он был украшен настенными росписями. Ими, правда, было украшено и хозяйственное помещение, в котором, несмотря на его обширность, не обнаружено внутренних опор. Вероятно, поэтому исследователь предположил здесь перекрытие типа "рузан".³⁰⁹ "Парадный" коридор, на его взгляд, имел плоский балочный потолок, хотя при такой его ширине здесь можно предполагать свод, более свойственный помещениям коридорного типа.

С севера к хозяйственной комнате примыкал зал, от которого уцелела южная стена (она же северная стена хозяйственной комнаты) и крайние части западной и южной стен с лежащей между ними во всю длину зала суфой; ее средняя часть расширена традиционной тронной площадкой. Реконструированные размеры зала — 12×8 м — предполагают по меньшей мере две опоры для балочного потолка, но единственная сохранившаяся здесь база деревянной колонны кажется стоящей на случайном месте. Объяснить это иначе как перепланировками, изменившими изначальное устройство зала, я затрудняюсь.

Квадратная комната 4 (5,4×5,35 м), расположенная к СВ от предыдущих, выглядит жилой, но с расчетом на некоторую парадность. Она похожа на небольшой приемный зал (в Пенджикенте были приемные залы-гостиные и меньших размеров) с суфой у западной стены и входом у ЮЗ угла; стенка-ширма, отгораживавшая вход слева, как будто указывает, что вначале суфа примыкала и к южной стене. Почти полное совпадение западной стены комнаты 4 с продолжением стены коридора 2 означает, что коридор продолжался далее на север, и что, вероятно, к югу от комнаты имелся открытый в коридор вестибюль.

Группа сохранившихся построек дворца замыкается на севере настоящим приемным залом 6 традиционного типа — квадратным (7×7 м), с обтекающими все стены суфами, тронной площадкой на восточной стороне и четырьмя колоннами, от которых остались деревянные брусчатые основания. Вход в зал, которому предшествовал короткий Г-образный коридор 5, был сделан в ЮЗ углу, — но не "скользящий": заподлицо с западной стеной: от угла его отделяет небольшой выступ. Исследователь отметил несогласованность в расположении входа и колонн, из-за которой входившие в зал должны были почти наткнуться на ЮЗ колонну, — несмотря на то, что суфа слева от входа была сужена до предела и получила странную уступчатую форму.

И здесь на стенах уцелели следы росписей, а посреди зала найден жертвенник точно такой формы, как в "красном" зале дворца Варахши — прямоу-

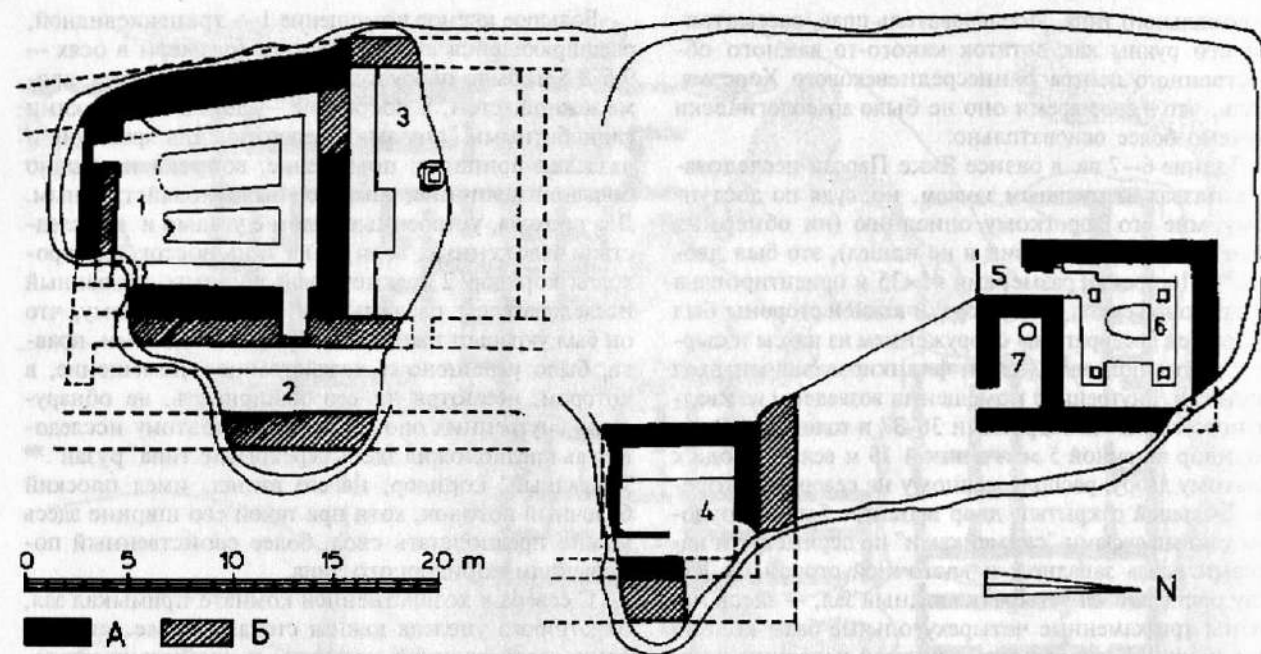

Рис. 197. Минг-Урюк. Раскопанные части дворца. План. По Д.Зильбер.

А — комбинированная пахсово-сырцовая кладка.

Б — кладка из сырцовых кирпичей.

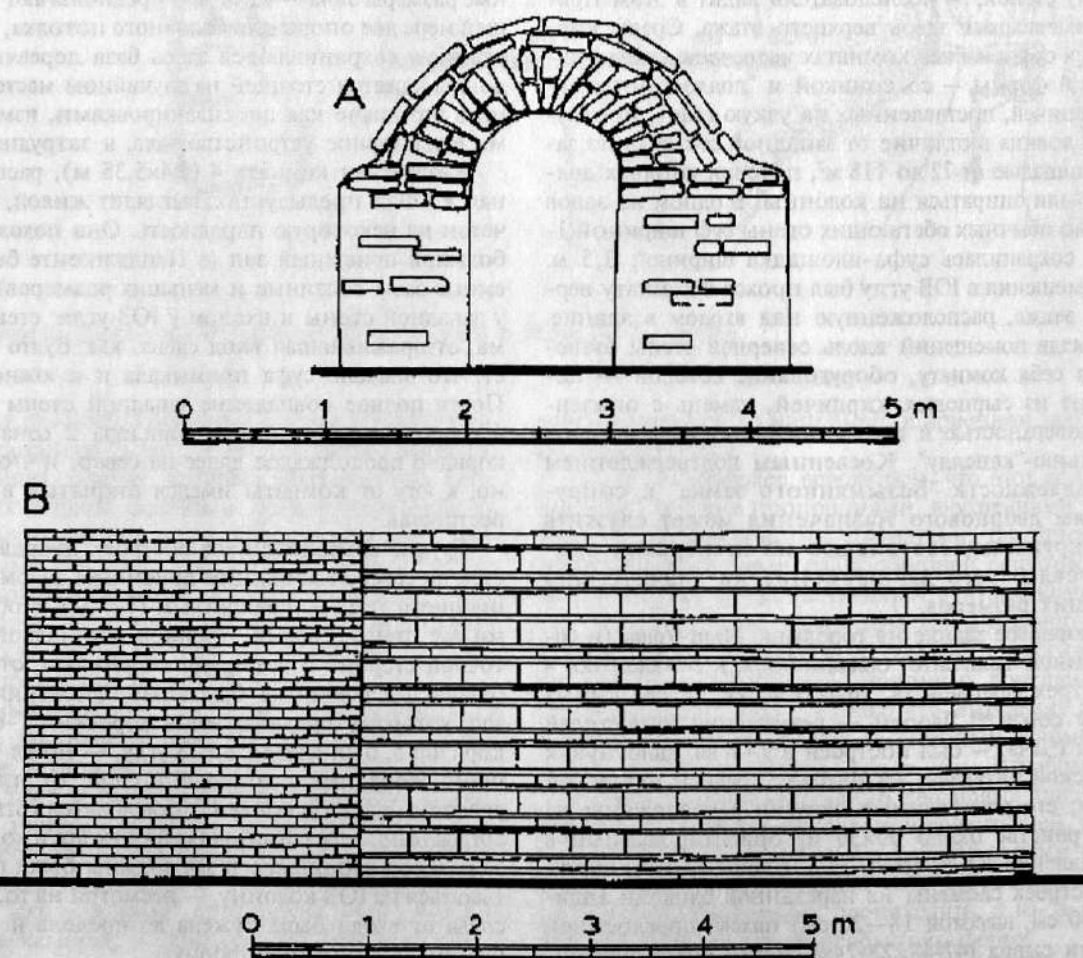

Рис. 198. Минг-Урюк. По Д.Зильбер.

А — кладка северной стены в помещении 1.

Б — арочный вход в помещение 1.

гольный с одной стороны и скругленный с другой. Было даже замечено, что и ориентация жертвенников относительно тронной площадки совпадает, — правда, в Варахше эта площадка отделена от пристенных суф. С юга к залу примыкала небольшая комната 7 со "скользящим" входом у ЮВ угла. В публикации она названа подсобной, хотя неясно, чему она могла подсоблять: связи с залом у нее нет, а вход направлен на продолжение "парадного" коридора 2.

Три разрозненные части, оставшиеся от дворца, не складываются, к сожалению, в убедительное целое. Не сохранился, если он был, обычный для дворцов этого времени центр приемов в виде двора с тронным айваном (как в Варахше) или зала с тронной айванной нишей (как в Пенджикенте и Шахристане), а о прочих зданиях и помещениях дворцового комплекса можно только гадать. Дворец на городище Минг-Урюк, погибший от пожара, был, вероятно, эффектным зданием, богато украшенным и крупным. Но для утверждения, что он был больше дворцов Уструшаны и Пенджикента, равен или мало уступал по размерам дворцу Варахши, и даже что он был самым крупным и роскошным из известных зданий своего времени³¹⁰, все-таки нет, по-моему, достаточных оснований.

Остатки дворца 6—7 вв. на Афраснабе получили известность из-за найденной здесь настенной живописи большого исторического и художественного значения; сама же архитектура раскопанного (далеко не до конца) здания нашла отражение только в кратких описаниях, сопровождавших подробную публикацию росписей.³¹¹ Представленный здесь план (рис. 199) неполон: позже были открыты другие помещения дворца, в том числе квадратный зал размерами около 7×7 м, впоследствии разгороженный на несколько комнат с признаками домашнего святилища.³¹² В другой комнате, тоже не попавшей в прилагаемый план, сохранились следы пристенного алтаря "пенджикентского" типа, вначале принятого за михраб.³¹³

Самаркандский дворец был построен в середине 7 в. в промежутке между так называемыми второй и третьей стеной, вплотную к третьей стене. Материал строительства — нарезанная на блоки пахса и сырец (50×30×10 см), из которого были сложены верхние части стен, своды и арки. Открытые дворцовые помещения на опубликованном плане образуют две разведенные группы — небольшую северную и крупную, сложно организованную южную. Северная группа состоит из двух квадратных залов 1 и 3, первоначально сообщавшихся через лежащий между ними вестибюль 2. Вначале были построены зал 3 (9,6×9,6 м) и вестибюль, целиком открытый на запад и представлявший собой колонный портик-айван перед залом. Позже, после катастрофического пожара, украшенные росписями стены зала утолстили сырцовым кожухом (отчего его размеры сократились), проход между залом и вестибюлем заложили, новый проход в вестибюль пробили на севере, а к вестибюлю с западной стороны пристроили большой (11×11 м) зал 1. Его форма и устройство типичны для доисламских приемных залов во всей Средней Азии: вдоль стен тянутся суфы, прерываясь только

посреди восточной стены у входа, который оформлен снаружи заглубленным "портальным" обрамлением; суфа напротив входа расширена тронной площадкой, а потолок опирался на четыре колонны, — основания трех из них найдены. Застроенные пространства севернее и южнее этой группы помещений к моменту публикации плана раскопаны не были.

Южная группа, в отличие от северной, почти вся построена одновременно и, значит, должна была представлять собой композиционное единство, основанное на некоей плановой идее. В нынешнем фрагментарном состоянии эта идея, мягко говоря, неотчетлива. Центром, вокруг которого группируются помещения, здесь был большой зал, впоследствии разделенный на две длинные комнаты 6 и 7, — размеры первоначального зала были 15×13 м, что с большой точностью отвечает отношению 1:($\sqrt{3}:2$) — сторона и высота равностороннего треугольника. А это, как известно, при не слишком большой величине помещения предполагает перекрытие брусчатым сводом "рузан" шестиугольной формы. Вход в этот зал — вначале один — был с юга; первоначальное его оборудование суфами при разделении было, конечно, уничтожено. Небольшой зал 5 традиционного устройства — с суфами и тронной площадкой напротив входа, размерами 8×7,5 м — примыкал к залу 6-7 с востока. Вход в него был прорезан в северной стене, общей для обоих залов. Он соединял зал с длинным помещением 4, шириной около 4 и длиной 19,8 м, западный торец которого был украшен широкой и плоской двухступенчатой нишей. Второй проход отсюда, расположенный у наружного СВ угла зала 5, вел в неисследованное пространство. Это помещение, вероятно, было перекрыто сводом.

К западу от большого зала, отделенное от него узким коридором, лежит квадратное помещение 9. Его первоначальные размеры — 7×7 м — были позже, как в зале 3, уменьшены внутренним сырцовым "фугляром" — вынужденная мера, вызванная, вероятно, тем же пожаром. Судя по центральному положению обращенного на юг входа, свойственному приемным залам, это был еще один небольшой зал-гостиния с соответствующим оборудованием. В лежащую за ним комнату 10, длиной 9,8 и шириной 3,3 м вел узкий проход между залами 6-7 и 9, — это единственная комната, "скользящий" вход в которую расположен заподлицо с ее восточной торцевой стеной. Несмотря на небольшой пролет потолок комнаты 10 опирался на ряд деревянных колонн, стоявших по длинной оси; в продольных стенах напротив колонн сохранились вертикальные выемки от стоек, на которых лежали торцы поперечных потолочных балок. Непонятно, что заставило строителей разделить неширокое помещение на два нефа, и зачем здесь было устроено такое неоправданно сложное, не вызванное конструктивной необходимостью перекрытие. Непонятно и назначение этой странной комнаты, неудобной как будто ни для повседневного быта, ни для праздничных приемов. В общем же в раскопанном комплексе удивляет изолированность почти всех помещений, чрезмерное количество квадратных залов-гостиниц "пенджикентского" типа (то есть с осевым расположением един-

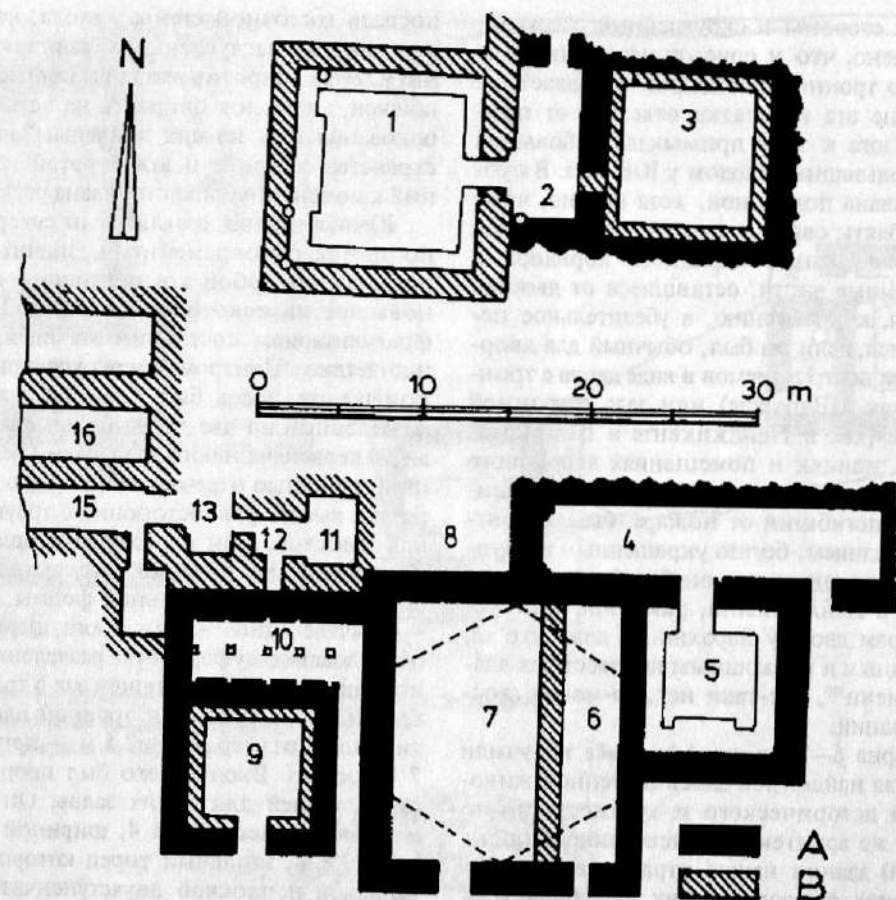

Рис. 199. Дворцовое здание на Афрасиабе. План. По Л.Альбауму.
А — 1 строительный период.
В — 2 строительный период.

ственного входа), практическое отсутствие простых жилых и хозяйственных помещений (ими, вероятно, была появившаяся позже группа западных комнат 11-16, как будто не сообщавшаяся с обоими зальными комплексами). Станным, как и в предыдущем случае, кажется отсутствие такой важной части дворцового здания, как дворово-айванная группа, даже в ее камерном варианте. Правда, приемный двор с айваном или заменяющие их зал с тронной нишей были, может быть, вне исследованной части дворца. В опубликованном и представленном здесь виде дворец на Афрасиабе вызывает больше вопросов, чем ответов на них. Нет даже уверенности, что раскопанные постройки были действительно дворцом-резиденцией, а не богатым городским домом: судя по Пенджикенту, Шахристану и другим местам, в 5—8 вв. прекрасными настенными росписями и другими видами сложного декора украшались не только дворцовые здания, но и жилища высших и даже средних сословий.

Еще меньше и случайней сведения о дворце Канки-Харашкета, стоявшем в цитадели, в северном углу города (рис. 200). Это было квадратное в плане здание с паховыми стенами и сырцовыми (50-52×25×10-12 см) сводами; его величина внизу составляла около 50×50 м, а пятью метрами выше из-за наклоненных назад стен — 40×40 м. Углы постройки, ориен-

тированные по сторонам света, были отмечены квадратными башенными выступами. С трех сторон цитадель охватывал глубокий ров, а вдоль СВ фасадной стены был устроен пандусный подъем, который вел ко входу посреди СВ фасада. Судя по остаткам, вход начинался нишей порталного типа и имел — по крайней мере вначале — сложное коленчатое устройство. Относительно неплохо сохранился северный угол сооружения. К сожалению, только этот угол и помещения в нем, далеко не главные в большом дворцовом здании и не определяющие принципы его устройства, стали по необходимости объектом исследований. Квадратный башенный выступ сложен из паховых блоков (высота 95 см, длина 110 см), уложенных вперевязку как каменные квадраты. По низу башни, огибая ее северный угол, проходил сводчатый коридор, продолжавшийся далее вдоль СЗ и СВ фасадов и, вероятно, окружавший все здание. Внутри башня состояла из двух параллельных сводчатых комнат, соединенных у ЮЗ стены "скользящим" проходом; уровень их пола был на 5 м выше уровня коридора-галереи. Далее, у внутреннего южного угла башни имелся проход в квадратную, размерами 5×5 м комнату с описанным выше (рис. 40) уникальным декоративным перекрытием в виде деревянного шатра. Комнату обегали суфы; внутри, на небольшой площадке не занятой суфами пола сохранилось воз-

вышение алтаря знакомой "варахшинской" формы, с сужающимся круглым торцом. "Скользкий" проход вдоль СВ стены оформлен боковой стенкой-ширмой, обычной для залов с угловым входом, но редкой в небольших помещениях. Исследователи вполне справедливо считают эту комнату молельней-капеллой, подобной тем квадратным купольным камерам, которые были обычны в крупных замках. Пройти в дворцовую капеллу Канки можно было через коридор, который шел вдоль СЗ стены здания и, вероятно, где-то в южном и ЮЗ направлении был связан с центральными нераскопанными помещениями дворца. Позже дворец подвергся основательной перестройке — с уничтожением обходной галереи, облицовкой фасадов сырцом плохого качества в сочетании с пахсой, устройством по сторонам северной башни комнат без входов; но квадратная капелла почти не пострадала и продолжала использоваться по назначению.

К сожалению, ничего больше об архитектуре дворца в цитадели Канки, буквально лишь одним углом затронутого раскопками, сказать нельзя. Квадратная конфигурация плана как будто предполагает центрическое внутреннее устройство, но исходить только из этого нельзя: квадратными были и древний дворец Топрак-калы, и дворцовый комплекс в Кафыр-кале, сложная планировка которых не следовала механически внешней геометрии плана.

Несколько большее, хотя опять далеко не полное представление можно составить о дворце, стоявшем — тоже в цитадели — в ЮЗ части городища Куйрук-тобе, в Южном Казахстане. Это городище отождествляется со средневековым городом Кедер —

центром Отрарского оазиса в раннесредневековое время.³¹⁵

Здание, построенное во второй половине 7 в., ориентировано по сторонам света с заметным отклонением, которым ниже — при его описании — можно пренебречь (рис. 201). Поставленное на платформе высотой 10 или 14 м (в разных местах публикации приведены обе цифры) здание было вытянуто длинной осью в направлении Ю—С. Платформа не была монолитной: она состояла из продольных рядов, сложенных из паховых блоков, и поперечных стенок, возведенных из сырцовых кирпичей обычной для этого времени продолговатой формы. Ячейки образованной таким образом прямоугольной решетки были заполнены строительным мусором с глиной и утрамбованы. Стоявшее на этом пьедестале сооружение, построенное из пахсы (блоки высотой до 1 м) и сырца разных размеров (38-40×20×9-10 см, 42-44×20×8-10 см, 48-50×24-25×8-10 см) плохо сохранилось, и не все подробности его устройства удалось высчитать. Вход в него был, видимо, устроен у ЮВ угла и продолжался вдоль восточной стороны в виде сводчатого коридора, сохранившегося в длину на 35 м; стены коридора, сложенные из двух рядов паховых блоков вперевязку, выше были доложены сырцом и увенчаны опирающимися на полку сводом.

Исследователи называют коридор обходной галереей и полагают, что она охватывала все внутренние помещения дворца. Это неверно: на южной стороне галереи не было, что видно и на реконструкции первоначального плана дворца, здесь в точности воспроизведенного (рис. 202).³¹⁶ Проход из коридора вел в угловую ЮВ башню, единственную со-

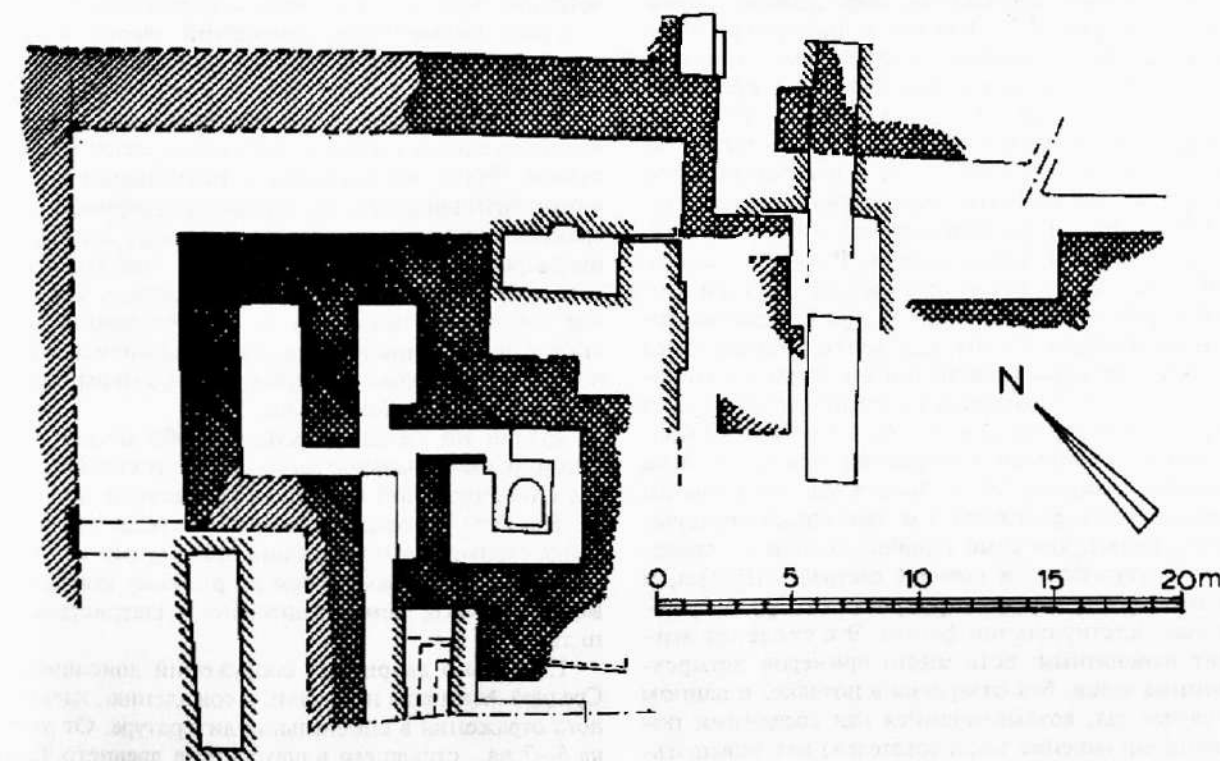

Рис. 200. Канка Харашкет. Раскопанная часть цитадели. План. По Ю. Бурякову.

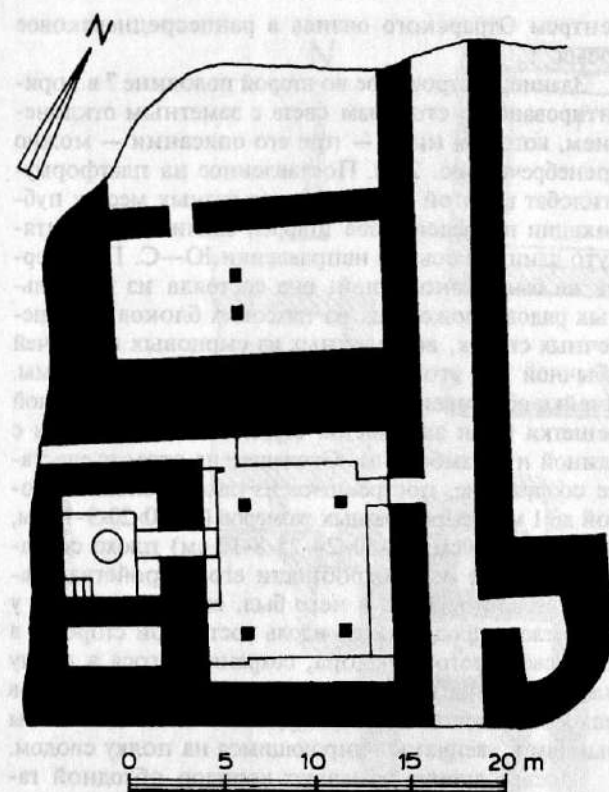

Рис. 201. Куйрук-тобе. Остатки дворца в цитадели. План. По К.Байпакову и З.Шарденовой

хранившуюся из предполагаемых четырех. Странная скругленная форма башни — четверть круга — вызывает в памяти две башни, тоже угловые, замка Чильхуждра (рис. 117). Правда, в Чильхуждре такая форма башен диктовалась скругленными углами, а сами башни замыкают собой анфилады кругового обвода нижнего этажа, тогда как в Куйрук-тобе они, по версии исследователей, изначально выступали из боковых фасадов: только позже к ЮВ башне были пристроены две комнаты, параллельные коридору.

Другой проход из коридора вел в большой зал, занимавший ЮВ часть здания. Размеры зала — $15 \times 10,5$ м — очень точно отвечают отношению стороны и диагонали квадрата, — $1 : \sqrt{2}$. Его стены сложены из пахсовых блоков, вдоль стен располагались разрозненные суфы (сделанные как будто не одновременно), в полу сохранились четыре углубления от баз колонн со сторонами 70—80 и 60—76 см. Образованный колоннами внутренний прямоугольник составлял примерно 7×5 м. Высота зала, по расчетам исследователей, достигала 5 м. Исследователи почему-то считают, что само наличие колонн — свидетельство устройства в потолке светового проема, и что этот проем был сконструирован как "рузан", может быть шестиугольной формы. Это суждение выглядит непонятным: есть много примеров четырехколонных залов без отверстия в потолке, в данном же случае зал, возвышавшийся над соседними помещениями (мнение исследователей) мог освещаться обычными высоко расположенными окнами. Что до "рузан", то обычный тип такого перекрытия, квад-

ратный или восьмиугольный, требует квадратного основания, которого здесь нет; нет здесь и основания с пропорциями $1 : (\sqrt{3}:2)$, нужного для шестиугольного "рузан".

Несколько странно, что это помещение, размерами и общим устройством схожее с парадными приемными залами, лишено тронной площадки или ниши, что вход в него расположен случайно и даже, как будто, менял место. Необычен для приемных залов и узкий внутренний коридор, шедший от СЗ угла в западном направлении.

Две комнаты между этим коридором и залом были вначале одним помещением, позже поделенным на южную маленькую, даже без входа камеру, и северную почти квадратную ($5,5 \times 5,2$ м) комнату, которая осевым входом в восточной стене сообщалась с залом. Ее оборудование состояло из суф у северной и восточной стен, уступчатого возвышения в ЮЗ углу и круглого, диаметром 2 м низкого подиума посредине. Подиум похож на алтарь, а комната (вероятно, купольная) — на замковую капеллу, прямо соединенную с приемным залом.

Помещения к северу от этой группы, отделенные от нее очень толстой (4,5 м) стеной, сохранились плохо и только в пределах наружных стен. На опубликованном плане представлены два больших помещения, предположительно во всю ширину здания без обходных галерей; в южном видны следы двух колонн, деливших помещение на две неравные части. Предполагается, что эта часть здания (она составляла больше половины его площади) представляла собой жилую часть дворца и была разделена на несколько комнат. Реальное устройство этой жилой группы и ее связь с сохранившейся частью не установлены.

Стены большинства помещений дворца покрывала штукатурка, но в большом зале были найдены следы богатого и разнообразного резного убранства: резбой были украшены колонны, балки, дощатое покрытие потолка и фриз, венчавший стены под потолком. Фриз, выполненный в традиционных формах венчающей аркатуры, украшен рельефными изображениями человеческих фигур (может быть, сцены дворцовой жизни или эпические сюжеты) высокого художественного качества.³¹⁷ В начале 9 в. здание погибло от пожара, и на его потерявших престиж руинах возник квартал скромных жилищ, в расположении которых усматриваются контуры некогда бывших здесь помещений.³¹⁸

Здание на цитадели Куйрук-Тобе может быть только условно названо дворцом: этому соответствовал его социальный статус как резиденции правителя. Но, судя по сохранившимся остаткам, эта постройка своими архитектурными признаками все-таки ближе крупному замку, чем дворцовому комплексу варахшинского, пенджикентского и шахристанского типа.

Несколько дворцовых сооружений доисламской Средней Азии еще не нашли, к сожалению, адекватного отражения в специальной литературе. От дворца 6—7 вв., стоявшего в шахристане древнего Тараза, сохранилось несколько сотен фрагментов облицовочных керамических плит, — в их числе очень

широко, видимо, распространенных тогда уступчатых зубцов-"кунгра", рельефов в виде перевернутой буквы У и дисков с рельефным крестом, — эти декоративные детали венчающих частей зданий известны и по изображению на "Аниковском" блюде, и по реальным археологическим находкам (рис. 112).³¹⁹ Об упомянутом по другому поводу дворцовом ансамбле в Пайкенде, расположенном в СВ части города рядом с цитаделью, сказано только, что в нем был обширный двор.³²⁰ Правда, в подробном описании археологических работ именно в этой части Пайкенда о дворце ничего не говорится.³²¹

Стоит еще раз напомнить об условности, а иногда и сомнительности классификационной терминологии среднеазиатской архитектуры, особенно доисламского времени. Понятие "дворец" близко понятию "замок", и размытость границ между ними создает простор для толкований, подчас слишком свободных. Неопределенность усугубляется и характером реального археологического материала, в большой мере ограниченного и случайного и, конечно, его качеством: чаще всего вскрываются и изучаются фрагменты, не дающие более или менее полное представление о целом. Раскопанных и изученных до конца дворцовых сооружений доисламской Средней Азии ничтожно мало, а сподобившихся стать объектом архитектурного исследования — еще меньше.

Дело усложняется еще и тем, что дворцы принадлежат, хотя и не полностью, к разряду жилищ, а жилые постройки в Средней Азии во все времена часто и капитально перестраивались, теряя при этом — частично или совсем — свои изначальные облик и устройство.

Наконец, едва ли не главная трудность изучения древней дворцовой архитектуры Средней Азии (как

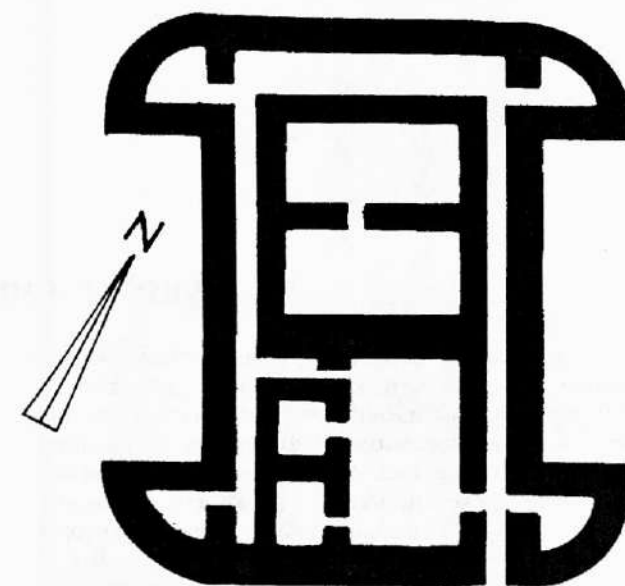

Рис. 202. Дворец в Куйрук-тобе. Реконструкция плана. По К.Байпакову и З.Шарденовой.

и всякой древней жилой архитектуры) — в том, что современные люди не в состоянии сколько-нибудь глубоко постичь те процессы, бытовые, повседневные, официально-представительные и культовые, которые происходили в этих стенах, и которые определяли собой коренные качества, особенности этой архитектуры. Архитектурно-исторической психологии, увы, не существует, а без нее решить загадки, связанные с изучением древней жилой, и дворцовой в том числе архитектуры, едва ли возможно.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ЗДАНИЯ

За прошедшие столетия функции общественных сооружений, в том числе и в Азии, подверглись таким радикальным изменениям, что когда речь идет о рассматриваемой эпохе само понятие "общественное здание" кажется мало применимым. Оно, во всяком случае, даже еще менее содержательно, чем другие архитектурно-типологические понятия, которыми приходится пользоваться исследователю. Все же и в доисламское время, как и позже, возводились здания специального назначения, отвечающие нуждам общественного устройства и административного управления, которые отличались от дворцов и замков, тоже воплощавших властные функции, отсутствием (или очень малым присутствием) функций жилища. Сакральные функции, обычно ощущаемые в общественных зданиях 5–8 вв. и объясняющиеся нерасторжимостью культового и светского начал в социально-духовной жизни того времени, подчинены в этих постройках их главному общественному назначению. Следуя этому критерию, можно, несмотря на его известную неопределенность и вызываемые ею сомнения, выделить несколько сооружений, которые в той или иной мере отвечают отмеченным функциональным признакам.

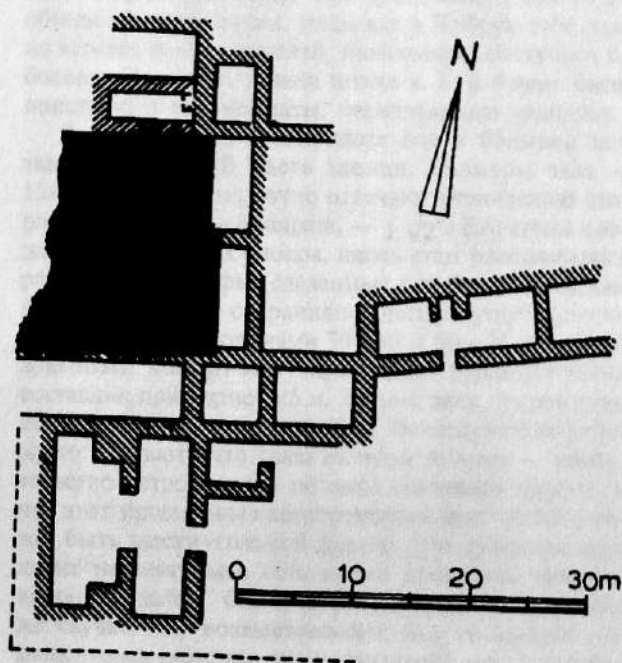

Рис. 203. Мерв. Остатки административного здания в Эр-кале. План. По Г.Путаченковой.

Наименее сомнительной следует, видимо, считать обширную постройку на вершине Эрк-калы в Мерве, датируемую 6 в.³²² Здание было построено из квадратного сырца со сторонами 39–40 и толщиной 10 см; оно примкнуло к остаткам дворца правителей Мерва парфянского времени (1 в. до Р.Х. — 3 в. н. э.), которые к этому времени были забутованы и превращены в монолитную платформу (рис. 203). Назначение здания исследователь определяет как правительственно-административное, но не дворцовое. Его устройство было открыто не полностью, на опубликованном и здесь воспроизведенном плане не всюду ясна взаимная связь помещений. Исследованная часть здания состоит из групп удлиненных и квадратных комнат разной конфигурации и небольших "встрочку" трех восточных помещений они образуют прямоугольную структуру без какой-либо композиционной характеристики: кажется, что группы комнат наращивались постепенно. "Деловой" характер подчеркнут простотой внутреннего оформления: стены и полы оштукатурены глиной, без признаков обычного резного или живописного убранства. Характер заполнения комнат и их пролеты позволяют предполагать здесь сводчатые перекрытия. Исследователь отметил отсутствие репрезентативной парадности "...внутри этого сооружения, откуда вершились дела обширной области: это лишь группа однотипных комнат, вмещавших чиновно-административный аппарат Дома правления. Однако наружный силуэт его, господствовавший над всей Эрк-калой, несомненно, создавал впечатление величия и мощи".³²³

Есть основания подозревать общественно-административное назначение в крупном здании ("объект 5"), стоявшем в центральной части городища Кахкаха 1 в Шахристане. Сведения об этой монументальной постройке очень скудны и малодостоверны: единственный план, опубликованный задолго до конца раскопок, выполнен непрофессионально (здесь он представлен исправленным), а в сопровождавшем его тексте говорится о помещениях, на плане не показанных.³²⁴ На более позднем общем плане городища "объект 5" изображен полнее, но в очень мелком масштабе, затрудняющем пользование им.³²⁵ В публикациях здание названо административным центром или, несколько загадочно, — комплексом общественных построек. Оно, действительно, не могло быть ни дворцом (несомненный дворец стоял в 70 м восточнее), ни обычным жилым зданием (жилища разного социального уровня располагались в

отдалении к югу и северу от него), ни храмом (рис. 204). Вместе с тем его расположение в самом центре столичного кухендиза, солидные размеры и близость к дворцу свидетельствуют, как будто, о его официально-административном назначении. Вопрос атрибуции осложняется тем, что характерные признаки устройства и облика тогдашних "административных центров", в отличие от храмов, замков, дворцов и простых жилищ того времени, нам совершенно неизвестны, — как, правда, и характер той деятельности, которая кипела в их стенах. Всем знакомые канцелярии нашего времени наверняка мало похожи на административный центр при дворе уструшанского правителя 7 века.

Здание построено из пахсы, нарезанной блоками размером 1х1 и 1х1,5 м и ориентировано, как соседний дворец, с небольшим отклонением по сторонам света. Его среднюю часть занимал зал 3 с широкими суфами, обтекающими стены по периметру и разорванными только посреди северной торцевой стены, где расположен вход. Размеры зала — 8,6х7,5 м — отвечают отношению 1:($\sqrt{3}:2$), но в этом случае часто употреблявшаяся пропорция не была связана с конструкцией и формой перекрытия: на полу зала сохранились следы девяти колонн, расставленных по регулярной прямоугольной сетке — так, что в продольном направлении пространство помещения делилось на четыре равнопролетных нефа, в поперечном — на два узких боковых и два широких средних.

Многоколонные залы такого рода в доисламской архитектуре Средней Азии неизвестны, и сравнивать этот зал не с чем. Непонятно несовпадение в расстановке колонн и осевом расположении единственного входа, из-за которого входящий должен был наталкиваться на первую колонну среднего ряда, а сидевший напротив входа на почетном месте (не выделенном здесь площадкой, но подразумеваемом) главный участник церемонии видел прямо перед лицом третью колонну этого ряда. Необходимости в трех продольных рядах опор здесь вообще не было: расстояние между ними не достигало 2 м, и технически строители могли обойтись двумя продольными рядами колонн или даже одним. Характерные пропорции означают, может быть, радикальную перестройку зала, в результате которой изменилось его перекрытие и появились тесные ряды колонн. При всех этих необъяснимых особенностях представительный характер зала, рассчитанного на многолюдные собрания, не вызывает сомнений.

Кроме зала, центральную группу помещений составляют лежащий к северу от него продолговатый вестибюль и сообщающаяся с ним анфилада из трех комнат западнее зала. Большая угловая комната 2 (6,5х6,5 м) оборудована как приемный зал сплошными суфами, которые расступаются только перед входом у СВ угла. Судя по размерам и форме, здесь должны были быть обычные четыре колонны, следы которых исследователи, может быть, проглядели. В общем же замкнутая система взаимосвязанных помещений, Г-образно охватывавших зал, ассоциируется с плановой структурой замков 4 типа; вход в нее, по-видимому, располагался в южной комнате западной анфилады: отсюда начинался путь через ряд

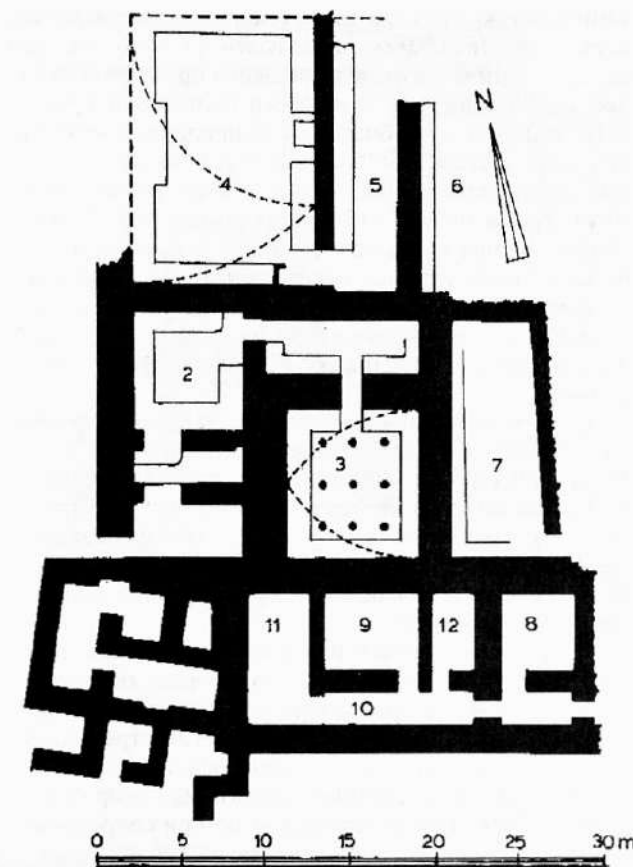

Рис. 204. Шахристан. Кахкаха 1. Общественно-административное здание. План. По Н.Негматову с коррективками и частичной реконструкцией.

служебных помещений, завершавшийся девятиколонным залом.

В плохо сохранившейся северной группе различается обширное прямоугольное пространство 4 размерами около 16х11 м, — с пропорциями, отвечающими отношению 1: $\sqrt{2}$ (сторона и диагональ квадрата). Вдоль его стен устроены суфы, которые на продольной западной стороне расширялись в площадку-"эстраду" пятиметровой, необычной для таких площадок длины: похоже, что здесь восседал не один правитель, а группа чиновников или судей, облаченных общественно-административными функциями. Это мог быть двор с пристенной галереей на столбах или зал, — в таком случае он, конечно, должен был иметь внутренние опоры. Последней версии отвечает и вход в ЮВ углу, оформленный фронтальной стенкой-ширмой, обычной для залов и как будто не употреблявшейся при входе во двор. Этот зал, рассчитанный на большое количество посетителей — свидетельство общественного назначения здания, как и большой вестибюль 5 перед залом, примыкающий к нему с восточной стороны, вытянутый во всю его длину и оборудованный длинной суфой — вероятно, для ожидающих приема.

Южная группа состоит из комнат 8, 9, 11 и 12, образующих один ряд комнат, разных по ширине, но — кроме торцевой комнаты 11 — одинаковой

длины и открытых входами в коридор 10, который служил для них общим вестибюлем. Если согласиться, что это были деловые помещения правительственной канцелярии, где чиновники принимали просителей или в чем-то обязанных — придется признать, что за прошедшие 1500 лет вид и устройство "казенных" канцелярских помещений не очень изменились. Что касается группы небольших комнат в ЮЗ части здания, то мне пришлось делать их выкопировку из очень мелкого чертежа, и я не уверен, что на прилагаемом рисунке эта часть плана изображена вполне правильно, — в источнике, которым пришлось пользоваться, не виден даже вход в эту группу помещений.

Судя по величине и расположению комнат, группа была жилой, а судя по несколько иному, чем в остальной постройке, направлению стен, она появилась здесь позже, в качестве капитальной пристройки, — тут, вероятно, жил персонал, обслуживавший общественно-административный центр с его разнообразными функциями и поддерживавший в нем необходимый порядок.

Открытые раскопки руины представляют если не все здание, то, вероятно, его главные, определяющие части. Отчетливо видно деление на несколько функционально разных групп, заметно стремление к представительной симметрии в официальных помещениях (девятиколонный зал, зал или двор 4) и к геометрической регулярности — но при сохранении общей свободы, не регламентированной приемами формальной симметрии, в сочетаниях частей. Это стоит отметить как особенность времени и свойственных ему художественных принципов: позже, после победы ислама, в архитектуре общественных и государственных зданий Средней Азии воцарится почти безраздельно репрезентативная симметрия.

Уже давно установлено, что некоторые города Средней Азии времени раннего доисламского средневековья были не феодалными владениями в обычном смысле этого слова, а представляли собой организованные общества (типа городских коммун средневековой Европы) с сословным самоуправлением и правителем, власть которого была ограничена. Таким был "город купцов" Пайкент, в котором вообще не было правителя. В Пенджикенте правитель хотя и имелся, но городскими доходами распоряжался не он, а "пенджикентский народ", — конечно, не весь, а в лице представителей двух городских сословий — аристократов-землевладельцев и торгово-ремесленной "буржуазии".³²⁶ Организованные формы двухсословного городского самоуправления нуждались в зданиях общественного назначения, архитектура которых должна была соответствовать их социальному статусу — быть более демократичной, чем в дворцовых резиденциях, но столь же официально-представительной и эффектной.

Таковыми общественными сооружениями были два крупных здания, стоявшие рядом в центре Пенджикента, которые вот уже 50 лет их исследователи ошибочно считают храмами некоей неизвестной, по сей день неопределимой религии.³²⁷ Здания, обращенные торжественными входными фасадами на восток, близки по облику и устройству (рис. 205). (Далее

южное здание будет условно называться зданием 1, восточное — зданием 2.) Их главные внутренние части состоят из четырехколонного зала-айвана, целиком раскрытого на восток, небольшого заднего помещения удлиненной формы, соединенного с залом осевым входом, и широкого портика-айвана с двумя рядами колонн между боковыми стенами-антами, примыкающего к залу-айвану спереди и образующего вместе с ним единое пространство. Форма залов в обоих зданиях несколько различна: первоначальные пропорции зала-айвана здания 1 отвечали отношению $1:(\sqrt{3}:2)$, позже эти примечательные пропорции были изменены утолщением задней стены широкого айвана, в здании 2 форма зала-айвана ближе к квадратной. В обоих залах-айванах вход в заднюю комнату фланкирован небольшими арочными нишами с уступчатым эллиптическим контуром, — в них помещались раскрашенные глиняные скульптуры.

Зал и задняя комната здания 1 были обведены с трех сторон системой узких сводчатых комнат, симметричные входы в них прорезали заднюю стену портика-айвана по сторонам зала-айвана между крайними парами колонн. По бокам располагались по две комнаты — передняя узкая и длинная, задняя короче и шире, повторяя контурами уступчатую линию стен зала и задней комнаты меньшей, чем зал, ширины. В одну из перестроек (их было немало) две северные комнаты были спрямлены и превращены в коридор, соединенный с узким длинным помещением заднего (западного) обвода; задняя южная комната с нишей в торцевой стене осталась от этого коридора отделенной. В отличие от П-образного обходного коридора во дворце Минг-Урюка эта система не была, таким образом, сквозной: обойти ее, войдя в южный проход и выйдя из северного (или наоборот) было невозможно (рис. 206).

В здании 2, которое отличалось большими размерами колонного зала-айвана (8,1х10,3 м против первоначальных 8,08х7,04 м в 1 здании), но передним портиком меньшей длины и ширины (соответственно 22 и 5 м против 24,4 и 7 м), системы периферийных помещений не было, — их заменяла терраса-платформа, может быть, перекрывавшаяся навесом на деревянных колоннах.

Некоторая усложненность архитектуры здания 1 объясняется, вероятно, тем, что оно подвергалось большему числу перестроек и достроек, чем здание 2. Это нашло отражение, среди прочего, в необычном разнообразии размеров сырца, из которого построено здание 1: в стенах зала-айвана и лежащей за ним комнаты употреблен кирпич 44-45х23-26х8-9 см, прикладка к задней стене портика-айвана возведена из сырца 48х24х8-10 см, анты-пилоны по сторонам портика сложены из крупного сырца 60х30х10 см, а помещения к югу от средней группы построены из сырца 48-50х26х8 см. Не меньше разнообразия в помещениях, окружающих двор. Но, несмотря на некоторые различия, типологическое единство обоих сооружений несомненно.

Здание 1 замыкало своим широким раскрытым фасадом сравнительно небольшой (35х26 м) двор, вход в который, имевший вид колонного антового

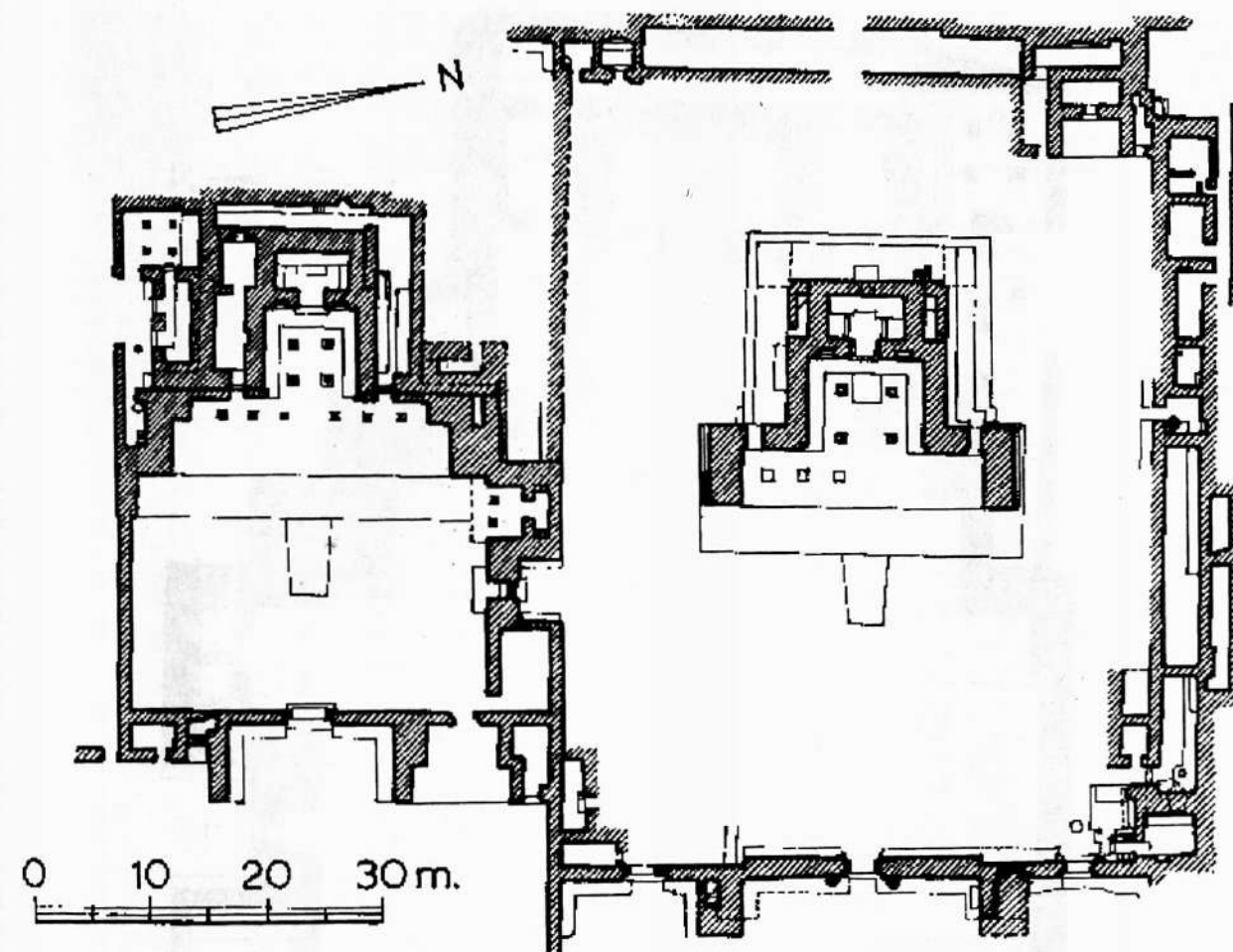

Рис. 205. Общественные здания в Пенджикенте. План. По В.Ворониной с коррективами.

портика, лежал на общей со зданием оси В—3. Второе здание стояло посреди двора существенно больших размеров, окруженного множеством построек и помещений разной формы и, вероятно, различного назначения. Парадный восточный вход во двор также лежал на оси здания и также состоял из двух массивных пилонов-антов и крытой колоннады между ними. Но его ширина много больше ширины входа во двор здания 1, — она в точности равне ширине фасада здания 2, который возвышался 30 метрами глубже, так что пилоны входа выглядят как бы продолжением антов фасадной колоннады. Возможно, некогда пилоны и анты были соединены параллельными стенами, ограничивавшими двор меньшей величины, и плановые структуры обоих сооружений были еще ближе одна другой. Перед воротами обоих зданий простирались обширные наружные дворы; вход в наружный двор перед 1 зданием был оформлен широкими пропилями — лоджией с двумя рядами колонн и фланкирующими колонными залами.

Пенджикентские здания представляют собой своеобразное воплощение дворово-айванной планировочной идеи, приспособленное к потребностям общественной организации горожан. Здесь эта идея реализована в последовательной раскрытости и четкой симметрии архитектуры, широких пространствах

дворов, как бы нанизанных на общую ось, и в центральном месте, которое они занимали в городской застройке. Гражданское назначение пенджикентских зданий подтверждают и их ближайшие параллели: фасад в виде широкого колонного портика с глухими торцами, зал с лежащим за ним небольшим помещением и боковые группы комнат сближают их с приемно-дворцовой постройкой начала н. э. в Халчае³²⁸ и группой приемных помещений во дворце Термезских правителей (11—12 вв.)³²⁹, причем во втором случае архитектура фасадов (принимая во внимание разницу материалов и конструкций) совпадает почти полностью (рис. 207).

Убежденность исследователей Пенджикента в культовом назначении обоих зданий основывается на отсутствии в них бытовых предметов, на религиозных сюжетах найденной здесь настенной живописи и на особенностях планового устройства, в первую очередь — на якобы имевшихся здесь обходных галереях. Эти аргументы неубедительны и в большей своей части есть следствие недоразумений.

1. В здании 1 сделано много бытовых находок, причем большинство — в помещениях, входивших, по убеждению исследователей, в состав культовой обходной галереи. Здесь найдены кости домашних животных и птиц, зерна ячменя, бытовая глиняная

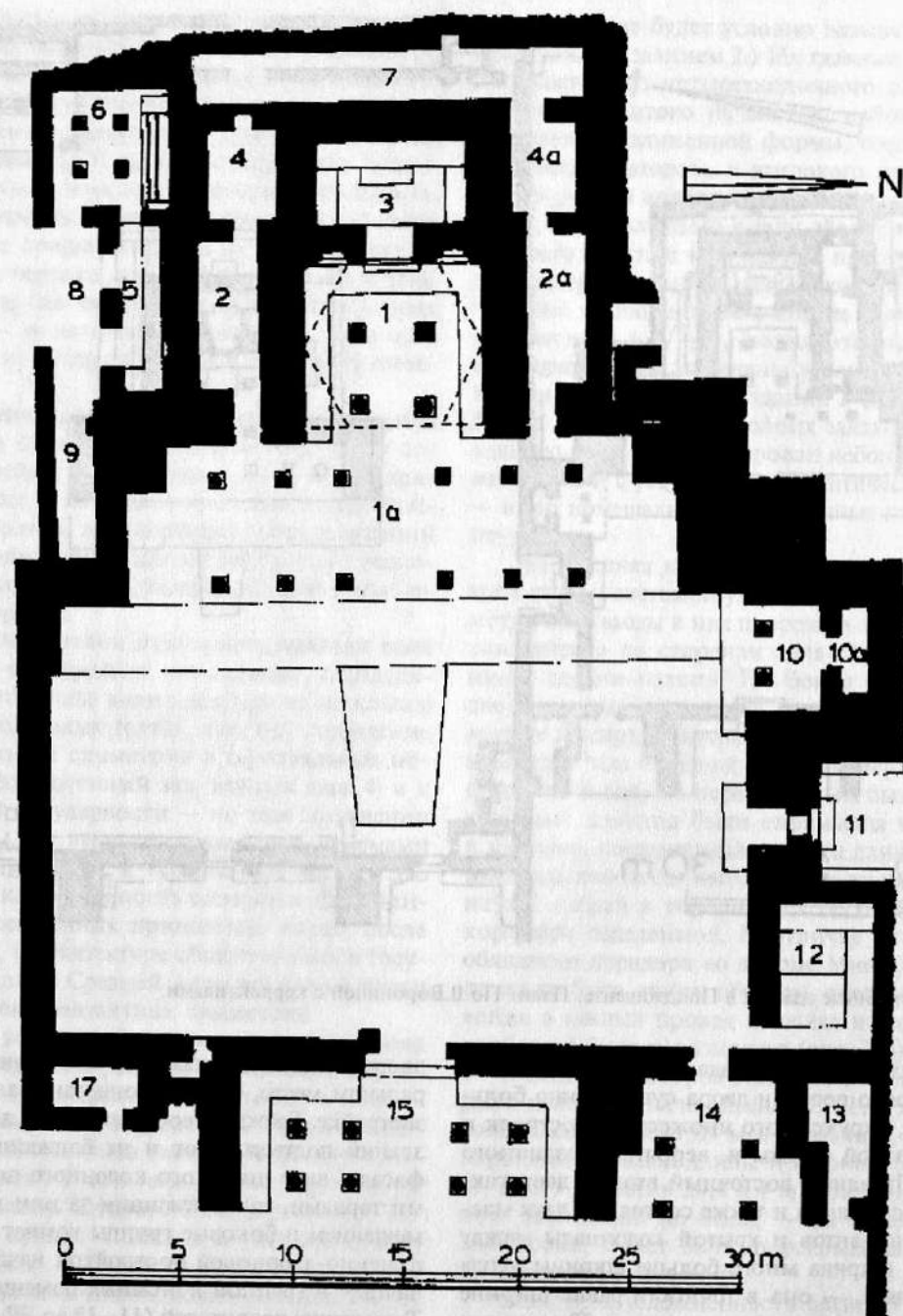

Рис. 206. Пенджикент. Общественное здание 1. Реконструкция плана.

посуда, бронзовые зеркала, ювелирные украшения и бусы — все явно бытовые вещи. Предположение, что бусы украшали "идолов", а не людей — бездоказательно и произвольно. В здании 2 на месте предполагаемой культовой галереи был вкопан в пол большой хозяйственный сосуд — хум, в нем хранилось масло или вино.

Ни одна из находок, сделанных в обоих зданиях, не имеет несомненно культового назначения, — это предметы и продукты быта, присутствие которых в центральных помещениях храма невозможно. Характер находок не только не подтверждает сакральное назначение зданий, но противоречит этой гипотезе: именно те помещения, в которых исследователи ви-

дят ритуальный круговой обход, не имевший бытовых функций, сохранили следы изначального бытового обживания.

2. Украшение стен здания росписями на религиозные сюжеты само по себе не доказывает его культового назначения. Средневековая культура, и восточная и западная, была религиозной в самой своей основе, и культовые сюжеты на стенах гражданских построек были тогда естественным и распространенным явлением. К тому же в росписях обоих зданий нет сюжетов, которые могли бы быть доказательно расшифрованы как культовые и связаны с какой-либо из известных религий.³³⁰ Большинство сюжетов с наименьшим (если не большим) основа-

нием расшифровывается как сцены из эпических сказаний, а редкие сцены сакрального содержания (к примеру, коленопреклоненная фигура перед жертвенником) повторяются, как на грех, в зданиях явно жилого, гражданского назначения, доказывая этим неразделимость согдийского искусства на "культовое" и "светское".

Конечно, в росписях зданий 1 и 2 отразились верования согдийцев 5—8 вв. Но они нашли не меньшее отражение и в других зданиях Пенджикента, тех, которые сами исследователи определяют как безусловно "светские". Изображениями божеств украшались главным образом залы-гостиные жилых домов, приемы в которых сопровождались, возможно, какими-то культовыми церемониями. Содержание и стиль

настенных росписей в зданиях 1 и 2 не дают оснований для того, чтобы считать эти постройки храмами.

3. Главный признак сакрального назначения здания 1 исследователи видят в группе комнат, П-образно охватывавших два центральных помещения и названных обходной галереей. В здании 2 таких комнат нет, но здесь, как говорилось, по аналогии предполагается первоначальная колонная галерея в виде трехстороннего портика. Действительно, ритуальный обходной коридор, окружающий (целиком или с трех сторон) ядро доисламских храмов Центральной Азии, был для этих зданий характерным, объединяющим их признаком: важной частью культовой практики буддизма, зороастризма и, возможно, других местных религий был обход процессий верующих вокруг

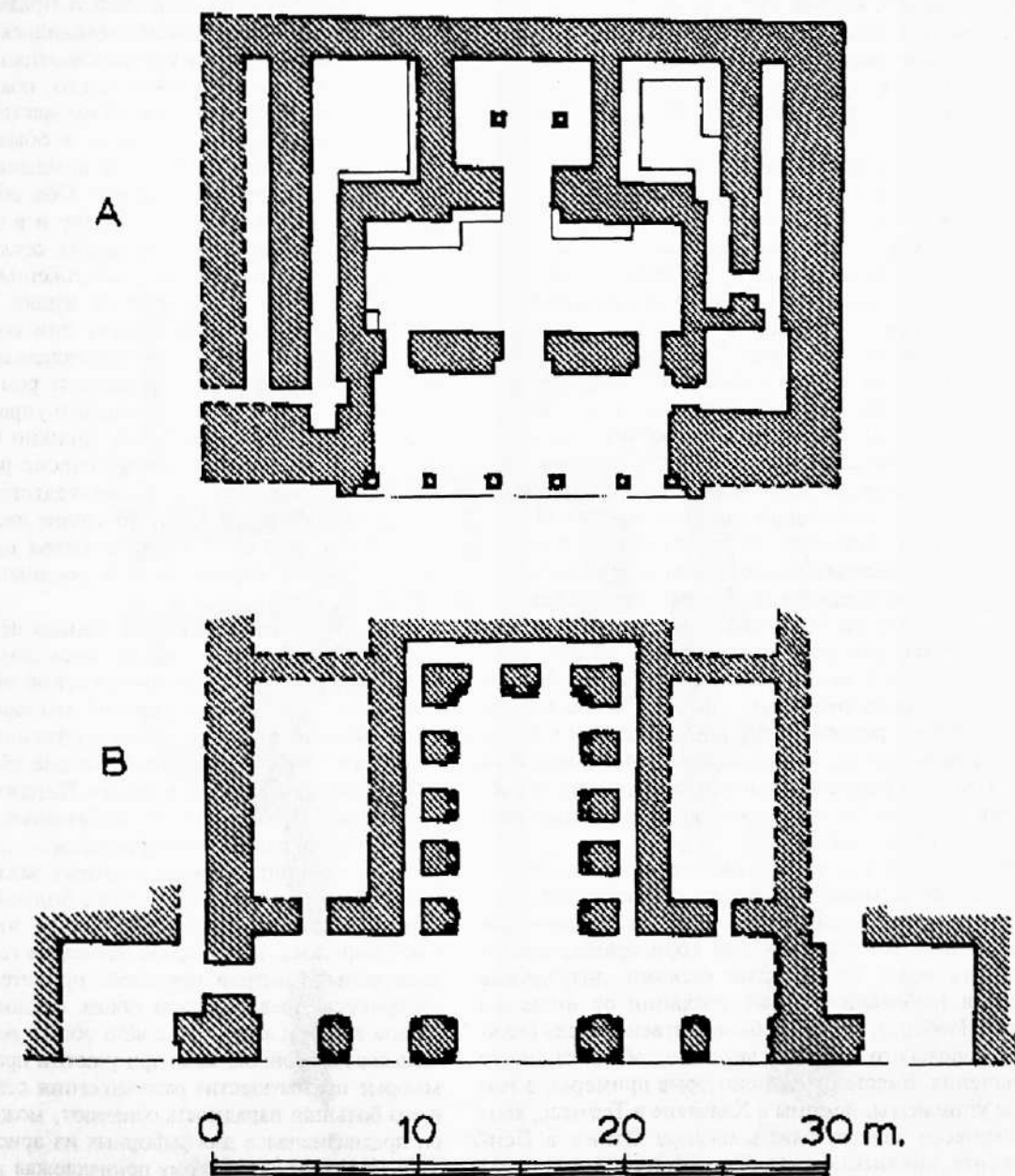

Рис. 207. Планы дворцовых зданий. А — в Халчае. По Г.Пугаченковой. В — в Термезе. По В.Жукову.

святилища. Но давно доказано, что сакральная архитектура не была монополистом этого планировочного приема, и что он употреблялся не только в храмах, но и во дворцах (и вообще в престижных жилищах) по меньшей мере с кушанского времени; один из примеров этого — уже знакомый дворец в Минг-Урюке. Есть основание считать, что возник этот прием именно в сфере архитектуры жилища, и лишь позже стал употребляться в культовой.³³¹

Но даже если бы "обходные галереи" были атрибутом только культовой архитектуры, это не доказало бы храмовое назначение пенджикентских зданий, потому что таких галерей у них нет. Вместо галереи в здании 1, как говорилось, имелись параллельные пары небольших комнат и задний коридор, сообщавшийся с северной, позже перестроенной парой, который на юге заканчивался тупиком: между ним и задней комнатой южной пары была изначально глухая стена. Эту неудобную для "культовой" идеи реальность исследователи исправляют утверждениями, что вначале вся система было проходной и сплошной, и только позже ее разделили на отдельные части.

Но стены между помещениями 2, 4 и 7 — не "тонкие перегородки" и не "поздние пристройки". Их толщина нормальна — примерно 1 и 1,2 м — и превышает, например, толщину стены между помещениями 10 и 10а, первоначальность которой не вызвала у исследователей сомнения. Кирпич и характер кладки "перегородок" — такие же, как у прочих стен, а отсутствие перевязки их с соседними стенами — не доказательство их вторичности, так как кладка соседних стен здесь повсюду оставлена без перевязки.³³² Любопытно, что уменьшенное подобие центральному зданию сохранилось — с потерями — в СЗ углу двора здания 2. Здесь тоже есть передняя комната-айван, меньшая задняя комната, связанная с передней осевым проемом, и группа боковых П-образно расположенных камер. Из-за малых размеров количество "периферийных" комнат здесь было сведено к трем (две по сторонам, одна сзади), а задняя камера сообщалась не с правой, как в здании 1, а с левой комнатой. Изначальность системы периферийных комнат здесь очевидна, никакой "обходной галереи" нельзя предположить, а несомненная и близкая аналогия зданию 1 показывает, что и в нем система комнат, П-образно охватывавших центр и раскрывавшихся на фасаде двумя симметричными входами, была изначально.

Что до здания 2, то его трехсторонняя колоннада, если и существовала, не имела отношения к культовым галереям, которые во всех без исключения случаев были изолированными коридорами, продолженными между сплошными стенами: ритуальные шествия требовали полной изоляции от внешней среды. Наоборот, она была бы естественной для большого городского здания светского, общественного назначения. Вместе с тем некоторые примеры, в том числе упомянутые дворцы в Халчяне и Термезе, хронологически как бы охватывающие здания в Пенджикенте, показывают, что симметричные плановые схемы такого рода были известны и употребительны в гражданской архитектуре Средней Азии.

Аргументацию против "храмовой" атрибуции пенджикентских зданий и соображения об их действительном назначении я изложил в статье,³³³ на которую исследователи Пенджикента не ответили; они продолжают периодически публиковать материалы о "храмах", не прибавляющие ничего к своим прежним доводам.

Как говорилось, Пенджикент в 5–8 вв. хотя и имел правителя на жалованьи, но представлял собой городскую коммуну и был, видимо, похож на Новгород 11–15 вв. с его конфликтами между боярами-землеуладельцами и торгово-ремесленным населением, с ограниченным в правах правлением князем. Социальная структура города с двумя сословными органами самоуправления предполагает два общественных центра, схожих функциями и устройством, рассчитанных на массы населения, участвующие в общественных собраниях и празднествах. Такая сословная организация нуждалась в каких-то выборных органах, для которых в этих центрах должно было отводиться особое место, подобное месту правителя во дворце, — там таким местом был тронный айван, раскрытый во двор, и обычно лежащее за айваном и связанное с ним помещение. Все это есть в пенджикентских зданиях. Оба общественных центра располагались по соседству и в центре города: этому отвечали и соображения сословного престижа, и функциональные соображения: возможно, многие вопросы общественной жизни и политики требовали совместного решения или консультаций.

Вероятно, аристократов-землеуладельцев в городе было меньше, чем торговцев и ремесленников. Соответственно и центр сословного управления пенджикентского "боярства" был, должно быть, меньше, более замкнутым, чем купеческо-ремесленный центр. Но документально засвидетельственный "благородный" образ жизни обеих групп населения, богатство пенджикентского купечества предполагают равно пышное убранство этих сословных представительств.

Потребность в двух общественных центрах естественно вытекает из открытого исследователями социального устройства пенджикентской городской общины, из сплоченности сословий для защиты их прав и привилегий и для решения внутренних проблем. Всем этим требованиям отвечают два обширных архитектурных комплекса в центре Пенджикента. Они объясняют, кроме того, и особенность устройства дворца пенджикентского правителя — два однотипных, но не одинаковых квадратных зала в его официально-парадной части, рядом с большим тронным залом. Изложенное позволяет думать, что это было, как говорилось, нечто вроде филиалов городских общественных центров при особе правителя, — здесь собирались представители обоих сословий, каждая группа в своем зале, после чего общее решение принималось в тронном зале, при участии правителя. Некоторые преимущества расположения северного зала и его большая парадность означают, может быть, что он предназначался для выборных из аристократического сословия, к которому принадлежал и правитель.

Если как "храмы" пенджикентские здания не имеют аналогий и остаются необъяснимым исключени-

ем в своде архитектурно-исторического материала, то как общественные здания они расшифровывают свое композиционно-художественное содержание с убедительной полнотой и находят себе предшественников, современников и потомков.

Определенные черты сходства с пенджикентскими зданиями обнаруживают руины крупной постройки, исследованные у кишлака Джерттепа в окрестностях Самарканда.³³⁴ Исследователи, отметившие это сходство, называют раскопанное здание храмом, — я, по причине того же сходства, не исключаю его общественного и светского (в той мере, в какой это было тогда возможно) назначения, хотя полной уверенности для такого заключения небольшой опубликованный материал не дает (рис. 208).

Материалом постройки, воздвигнутой в 8 в. (как обычно, на остатках более раннего здания), были пахсовые блоки с добавлением сырца размерами 50–52×24–25×8–9 см. На фрагментарно сохранившемся плане с признаками многочислен-

ных перестроек различается прямоугольный зал-айван размерами 10,3×7,3 м, обращенный широкой открытой стороной на ЮЗЗ, со следами двух квадратных (около 1×1 м) колонных баз почти на продольной оси помещения. Три проема в задней стене айвана ведут в три камеры не совсем правильной формы, — в глубине средней почти квадратной (3,44×3,34 м) камеры на суфе-подиуме стоит пристенный алтарь из сырца, а на стенах уцелели фрагменты живописи с изображениями человеческих фигур и орнаментами. Эта комната-целла передним скользящим проходом была соединена с продолговатой левой камерой; правая камера сообщалась только с айваном.

Короткий пандус на оси айвана соединял его с лежащим впереди и на 1,4 м ниже огражденным пространством, которое исследователи называют вестибюлем, и которое, судя по ширине — около 15 м — было двором. Сохранилась только северная, замкнутая айваном часть двора, но и в пределах этой части

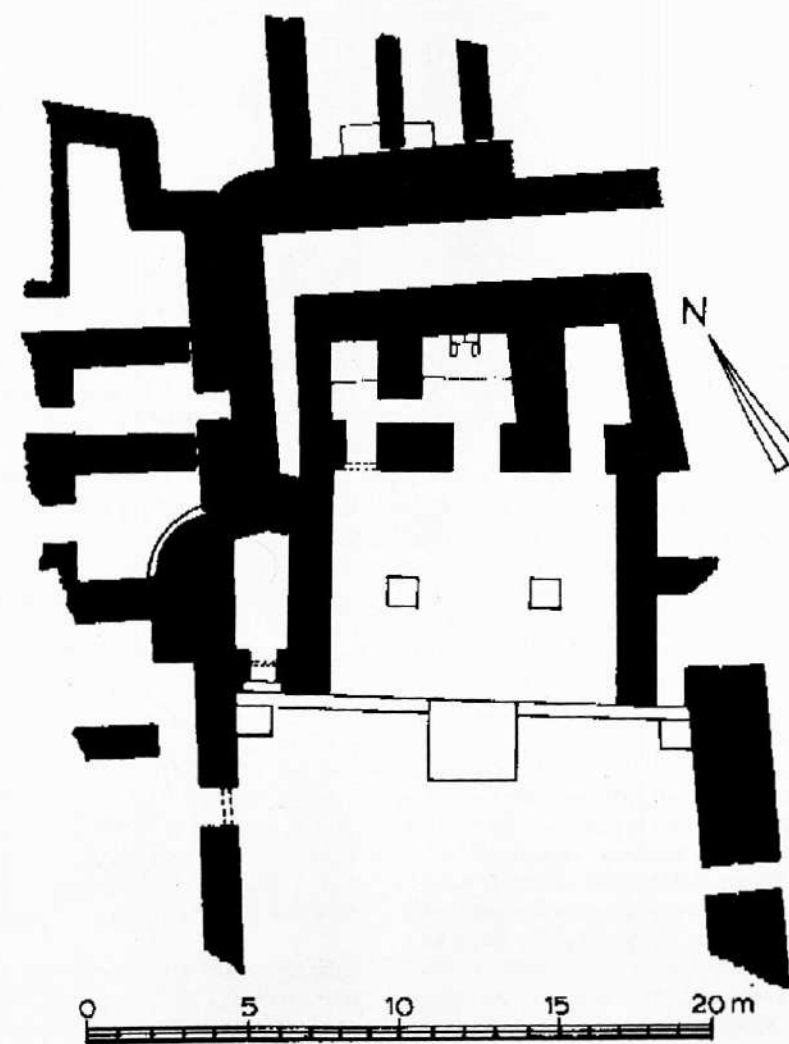

Рис. 208. Здание на Джерттепе. План. По А.Бердимуратову и М.Самибаеву.

заметно некоторое несовпадение продольных осей двора и айвана, словно строители недостаточно точно разметили план на площадке. Подобная же нерегулярность видна в сводчатом коридоре, который с трех сторон охватывал айван и его трехкамерную "целлу", — сохранились его левое (западное) и заднее колена вместе с обоими входами, расположенными у СЗ и СВ углов двора.

Левый вход, оформленный выемчатым обрамлением, вел в отделенную от остального коридора продолговатую камеру, которой, вероятно, отвечала такая же камера на правой стороне. Отсюда угловой, слегка скошенный и позже заложенный проход вел в узкое западное колено коридора, — поворачивая на запад, коридор расширялся от 0,8—1 м до более чем 2 м. Снаружи к уцелевшим частям коридора примыкали разнообразные и по большей части плохо сохранившиеся помещения, которые производят впечатление (может быть, неверное) пристроенных позже.

В этом сооружении удивляет и странная нерегулярность плана, редкая в капитальных постройках, и расположение двух колонн в айване, при котором айван должен был быть перекрыт только наполови-

ну, а его передняя сторона оставалась без потолка, — ситуация, не имеющая аналогий и едва ли представляемая.

Исследователи, сопоставляя здание на Джертепе с "храмами" Пенджикента, отметили черты явного сходства в их устройстве и соответственно этому признали исследуемую постройку храмом. Но они и отметили, вполне справедливо, что сочетание колонного айвана, лежащей за ним комнаты-"целлы" и охватывающего эту группу коридора характерно не только для культовых, но и для светских построек. К этому стоит добавить, что археологически определенное время строительства здания — первая половина 8 в. — было меньше всего удобно для строительства языческого (зороастрийского) храма: Согд был в это время уже во власти мусульман-арабов, и исследователям пришлось хитроумными умозаключениями доказывать возможность учреждения именно тогда храма ненавистного завоевателям культа. Эти соображения кажутся не очень убедительными, но и полной уверенности в том, что здание на Джертепе, стоявшее в небольшом, удаленном от столицы селении, было дворцом или общественным сооружением подобно зданиям Пенджикента, все-таки нет.

МЕМОРИАЛЬНЫЕ ЗДАНИЯ

Изучение мемориальных (надгробных) сооружений домсламской Средней Азии — задача немалой сложности, и не только потому, что такие здания открыты и изучены в сравнительно небольшом количестве. Архитектура мемориальных зданий, как и культовая архитектура, напрямую связана с представлениями людей и всего общества о мировом устройстве, его вечных законах, о высших силах, господствующих в мире и определяющих судьбы людей. Она отражает и воплощает религиозные убеждения общества и его отдельных частей.

Монументальные надгробные здания-мавзолеи начали строиться в Средней Азии с 9 века, то есть уже в исламскую эпоху, а время их особенно широкого распространения наступило в 11—12 вв. — оно было вызвано популярностью мистического направления в исламе — суфизма, в котором культ почитаемых могил играл большую роль.

Ранний ортодоксальный ислам не одобрял увечивание памяти о человеке при помощи надгробного сооружения, видя в этом греховную гордыню и справедливо усматривая в подобных постройках языческий, враждебный исламу обычай. Но стремление воплотить в здании-монументе память о выдающейся личности лежит, вероятно, в человеческой природе, и уже в первые века господства в Средней Азии ислама стало обычным, вопреки запрету, строительство надгробных зданий над могилами известных людей — правителей, воинов и людей святой, праведной жизни.

Архитектура этих зданий, начиная с их самых ранних образцов, отмечена явным типологическим единством. Оно выражено, например, в квадратном или квадратно-крестообразном (с четырьмя осевыми нишами или сквозными проемами) плане и обязательном купольном венчании, — купол стал настолько неперемнной частью исламского мавзолея, что само понятие надгробного здания определяется в Средней Азии термином "гумбаз", то есть купол. Такое типологическое единство не могло, конечно, возникнуть сразу из ничего, и его источник естественно искать в доисламском раннесредневековом времени. Но в рамках какой из довольно многочисленных религиозных систем, распространенных тогда в Средней Азии, могли практиковаться постройки такого назначения и вида?

Буддизму, который вообще не придает значения сохранению человеческого праха, надгробные здания уже поэтому чужды. Среднеазиатские христиане тоже, как будто, их не строили: погребения при церкви в Ак-Бешиме (см. ниже) представляют собой

простые грунтовые могилы. Ничего не известно об отношении к этой проблеме манихейства — религии, в которой вообще много неясного. Что касается зороастризма или его местной разновидности маздеизма, то здесь традиция возведения монументальных надгробных сооружений восходит к античной эпохе и подчинена погребальной обрядности этой древней религии.

В ее основе лежит представление о том, что труп человека нечист и своим соприкосновением с природой оскверняет ее. Соответственно этому зороастрийское погребение состояло из трех стадий, предписанных в священной книге Авесте. Вначале труп помещался в специальном здании-павильоне, носившем название "кед" — дом. Здесь он оставался некоторое время, нужное для обряда прощания. Затем тело переносили в "дахму" — насыпное возвышение или специальное сооружение, — и оставляли там на съедение хищным животным и птицам. Спустя год очищенные от плоти кости помещали в керамический гробик-сосуд — "оссуарий" или "астодон", который ставился навечно в особое погребальное здание. Оно называлось "наус" — искаженное греческое слово "наос", обозначавшее главное помещение храма. Для знатных семей строились фамильные наусы, которые образовывали подчас обширные некрополи, люди попроще зарывали сосуды с костями умерших родственников в землю.

Об облике и устройстве кедев практически ничего не известно, нет и их достоверных остатков, — облик этих построек реконструируется только предположительно. Изображение кеда усматривается в одном из самых загадочных сюжетов настенных росписей Пенджикента, который традиционно именуется "плач по Сиявушу".³³⁵ Здесь изображен купольный павильон, вероятно, квадратный в плане (иначе он не был бы купольным), внутри которого лежит юный покойник — или, как мне кажется, покойница. Вместо стен у павильона — широкие сквозные арки (три из них сохранились), под ними виден ряд круглых арочных ниш меньшей величины; у правого угла — непонятная вертикальная форма с диском-"колесом" наверху, в которой исследователь видит угловую башенку с куполом. Аркаду венчают фигурные фестоны трехлопастной формы — древнейший образец распространенного в будущем орнаментального знака "даурипая", купол оформлен круглыми складками-гофрами, которые придают ему рубчатую форму. Внизу просматривается гладкое, без проемов основание постройки (рис. 209).

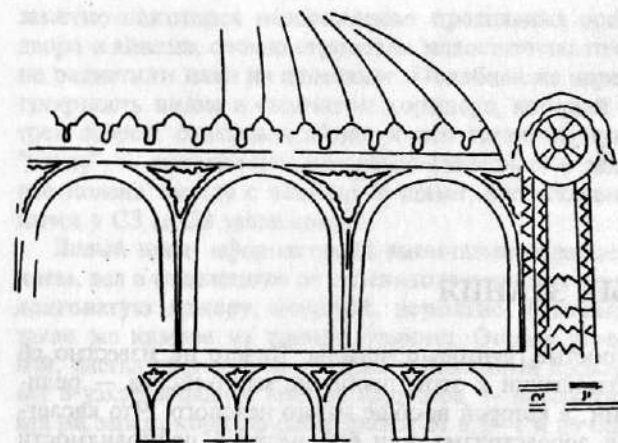

Рис. 209. Пенджикент. Изображение поминального кеда в настенной росписи (здание 2).

Исследователь этого изображения (которое выглядит вполне достоверно, даже без обычного искажения пропорций) Г.Пугаченкова убедительно доказывает его назначение как погребального кеда маздеистов.³³⁶ Но предложенная ею реконструкция кажется мне не вполне убедительной: здание выглядит не кирпичным, а деревянно-каркасным, хотя и воспроизводит формы кирпичной, арочно-купольной архитектуры, но угловая форма лишь с большой натяжкой может быть принята за купольную башенку (рис. 210). Главное же сомнение вызвано тем, что больших фасадных арок здесь должно было быть не три, а четыре, — это видно по расположению складок на куполе: предполагаемая средняя складка (над средней из трех сохранившихся арок) — не вертикальна, а отчетливо изогнута влево. Но это в конечном счете детали, и с поправками на них предложенная исследователем реконструкция представляется убедительной: "пенджикентский" кед был квадратным купольным павильоном, построенным из дерева и сырца, с фасадами, оформленными двухъярусной аркатурой; сквозь большие верхние арки, по четыре с каждой стороны, можно было видеть лежащего внутри, на смертном ложе усопшего. Общий же облик павильона, увенчанного аркадой и скупой купола, ассоциируется с замками 2 и 3 типов, чьим миниатюрным подобием, освобожденным от повседневных бытовых черт земной жизни он, вероятно, и представлялся. В этом отношении естественно сопоставление реконструируемого кеда с мавзолеем Саманидов, тоже кубическим и тоже увенчанным аркадой и куполом — сходство, конечно, не случайное, а генетическое (рис. 211).

Гораздо менее убедительной мне представляется реконструкция "пенджикентского" павильона, предложенная Л.Ремпелем.³³⁷ Здесь изображенная в "оплакивании" аркада (тоже состоящая из трех больших арок и тоже почему-то завершенная не наличествующими "даурипая", а придуманными ступенчатыми зубцами "кунгра") представлена как верхняя часть портала-"пештака" будущей исламской архитектуры, трактованного весьма свободно, но узнаваемого. При этом купол, который в росписи венчает аркаду, неизбежно оказался оторванным от нее и

отодвинутым вглубь, а сама аркада из сквозной стала, вопреки изображению, глухой, — взаимоотношение деталей изображения неоправданно и бессмысленно изменилось, отчего представление о маздеистском кеде как о прямом прототипе порталных исламских мавзолеев не стало убедительней (рис. 212).

Достаточно обосновано предположение Г.Пугаченковой, что здание, изображенное на бронзовом блюде Музея исламского искусства в Берлине, представляет собой поминальный павильон-кед, в известной мере подобный пенджикентскому.³³⁸ Большинство исследователей изображение датируется сасанидским временем. Сравнительно небольшое, судя по деталям, здание изображено на фоне густой растительной орнаментики. Его кубический объем увенчан аркадой на тонких колонках под высоким фризом, украшенным цепочкой дисков, и венчанием из уступчатых "кунгра"; высокий средний купол, трактованный неожиданно плоско — в аркообразной раме, с цветком внутри — окружен угловыми куполами меньшей высоты, как бы покрытыми черепицей. Посреди фасада с основанием в виде невысокого цоколя изображен арочный проем двери: стрельчатая арка опирается на тонкие колонки, внутри на уступчатом основании стоит средняя колонна, слегка расширяющаяся кверху; на ней лежит подбалка, поддерживающая перемычку входа. Две тонкие и высокие колонны по сторонам фасада с вазообразными базами поддерживают антаблемент боковых портиков, изображенных сбоку, как бы в профиль (рис. 213).

При некоторой загадочности деталей это редкостное изображение кажется звеном между "пенджикентским" наусом и мавзолеем Саманидов, — многообразное сходство с ним побудило одного из исследователей даже датировать его 9–10 вв. Едва ли

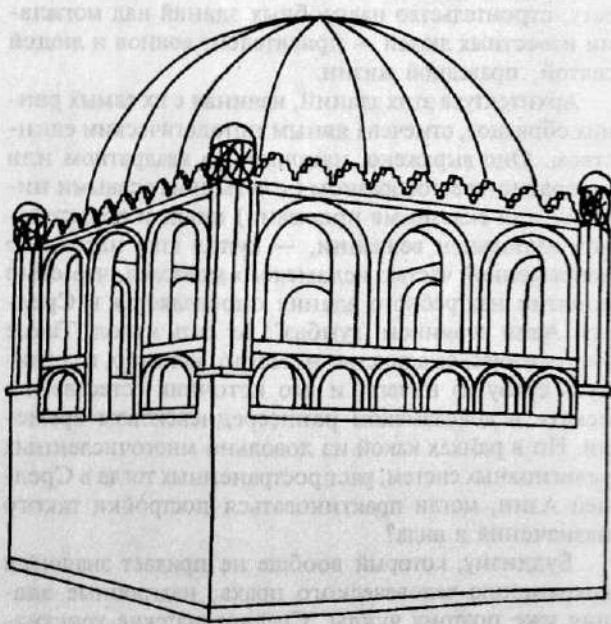

Рис. 210. Реконструкция кеда Пенджикентской росписи. Версия Г.Пугаченковой.

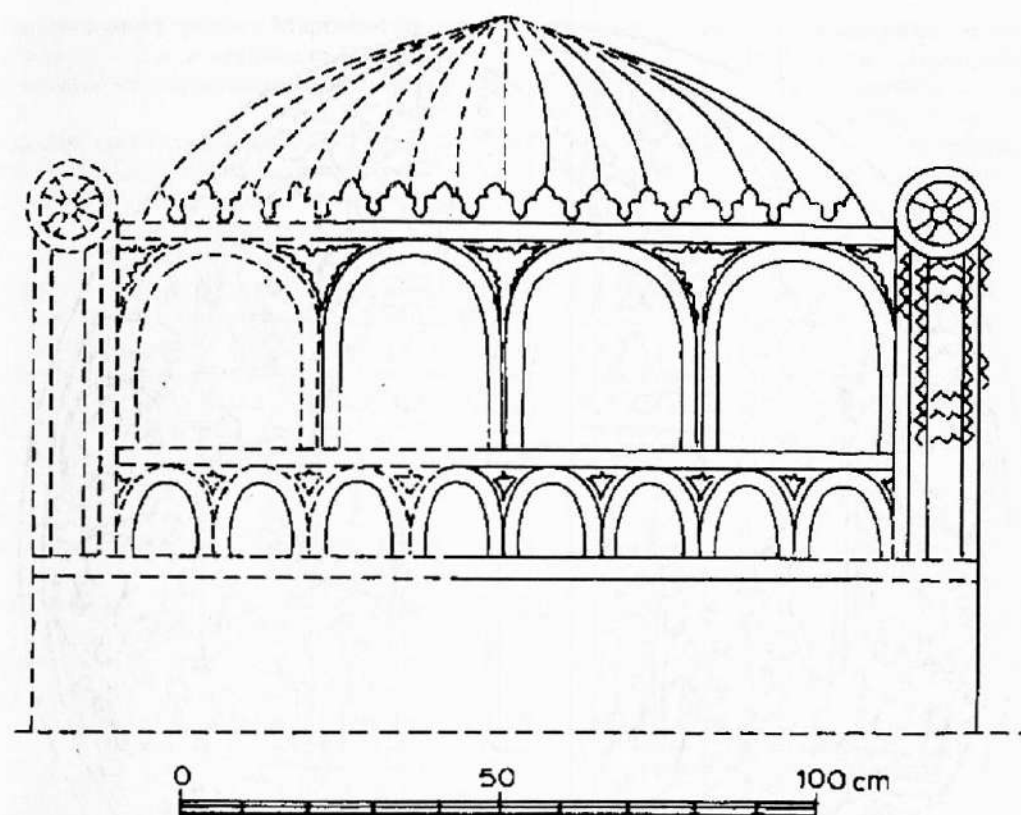

Рис. 211. Реконструкция кеда Пенджикентской росписи. Версия С.Хмельницкого.

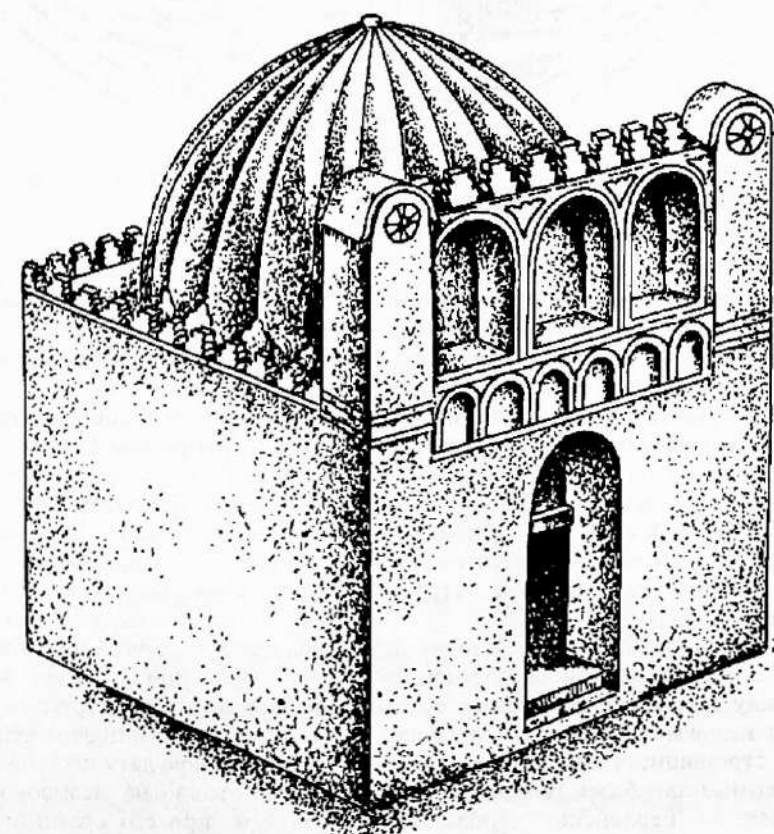

Рис. 212. Реконструкция кеда Пенджикентской росписи. Версия Л.Ремпеля.

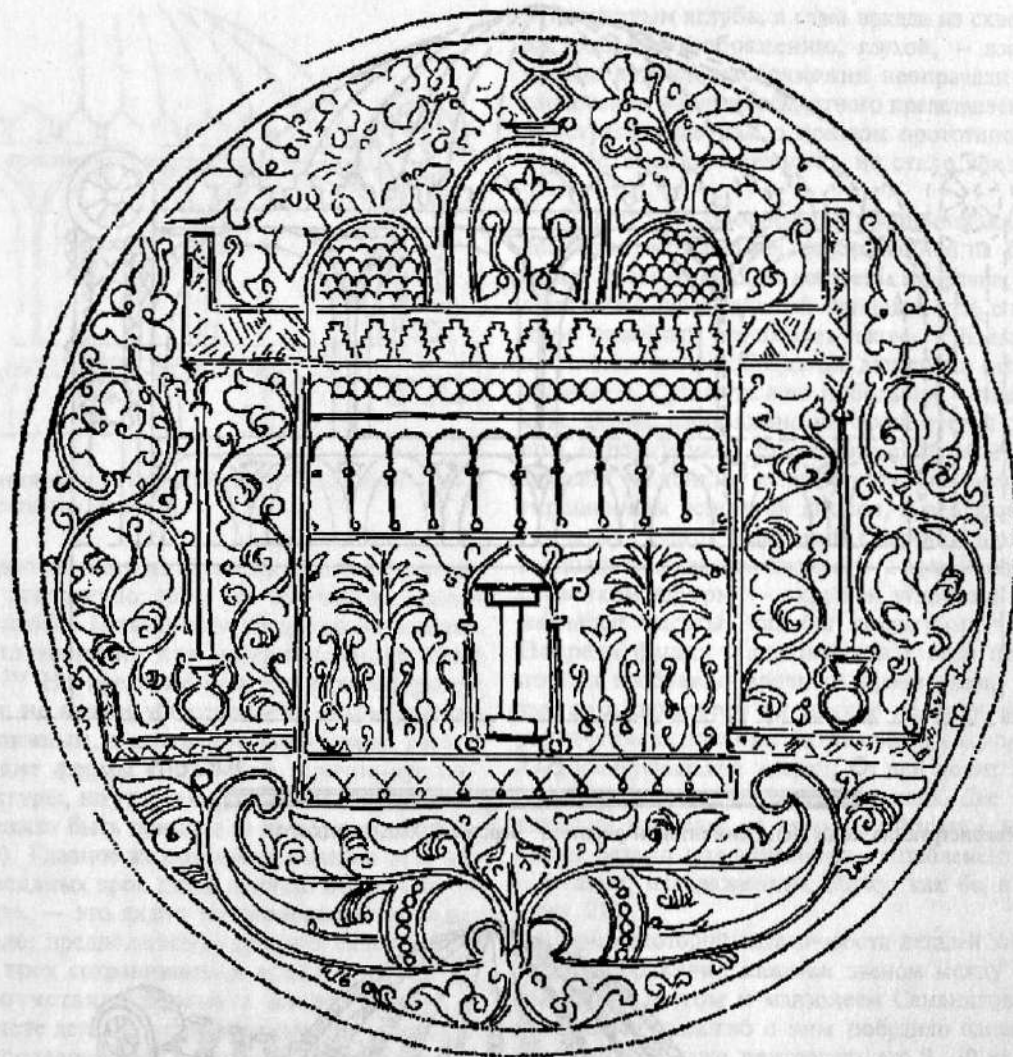

Рис. 213. Изображение здания на блюде Музея исламского искусства в Берлине.

такая передатировка верна: за раннюю дату говорят не только явные аналогии "пенджикентскому" наусу, но и такая деталь, как осевая, по-микенски расширяющаяся кверху колонна — точно такая изображена на росписи в Пенджикенте (рис. 64). На этой же росписи входная арка украшена завитками, которые расположением и отчасти формой аналогичны украшениям арки входа на "берлинском" блюде. Наконец, характерно сасанидские сакрально-символические атрибуты "берлинского" изображения — полумесяц в навершии среднего купола и мотив "распахнутых крыльев" внизу — исключают как будто его появление в исламское время.

Возможно, что для прощания с покойными не всегда возводились специальные здания, обреченные в промежутках между грустными событиями стоять пустыми: в качестве кедов могли использоваться парковые павильоны, строившиеся при замках и дворцах, и предназначенные для более веселых обстоятельств. Быть может, на "берлинском" блюде запечатлена такого рода постройка, сочетавшая в себе функции паркового павильона-люстхауза (растительную орнаментику вокруг здания и на нем мож-

но трактовать как садовые заросли) и — периодически — погребального кед.

Что касается наусов, то сведения о них основаны на более конкретном и менее дискуссионном материале.

Одно из древнейших ныне известных надгробных зданий, датированное 1—2 вв. н. э., найдено в Мерве, в некрополе к западу от Султан-калы. Оно удивляет сходством с будущими — тысячами годами позже — исламскими мавзолеями: почти квадратное (9×9,5 м) помещение с большими арочными нишами посреди каждой стены (северная сквозная ниша служила входом) со слегка выдвинутым порталом — арочный вход между выступами пилонов — было, видимо, перекрыто сводом, а может быть и куполом, как на прилагаемой реконструкции (рис. 214). В этом случае величина сырцового купола, принимая во внимание раннюю дату постройки, достойна удивления. Здание стояло на невысокой искусственной платформе и, при его сравнительно небольших размерах, выглядело величественно. Наусом это сооружение в точном смысле слова назвать нельзя: оно было построено в парфянское время, когда зороастризм

еще не был господствующим в Маргиане (он распространился здесь с 3 в. в правление Сасанидов), и в нем хоронились не очищенные кости в оссуариях, а трупы.

С бульшим основанием может быть названо наусом крупное сооружение на западной окраине Мерва, на земле древнего кладбища, — оно хотя и было построено в "дозороастрийское" время, — вероятно, во 2 в. — но использовалось как место погребения до 7 в., причем маздеистские погребения в оссуариях странным образом соседствуют здесь с иными, видимо, христианскими.³⁴⁰ Квадратное в плане (примерно 40×40 м) сырцовое здание с толстыми внешними стенами заключало внутри квадратный же дворик (около 15×15 м) или зал, окруженный 24 узкими камерами с обращенными во двор входными торцами. "Скользкие" входные проемы прорезаны всюду (с одним лишь исключением) заподлицо с одной из стен, камеры перекрывались сводами (рис. 215).

Замкнутость, изолированность от внешнего мира этого "общезития мертвых" подчеркнуты отсутствием отчетливо обозначенного входа, — может быть, постоянного входа здесь и не было, и его каждый раз пробивали и закладывали заново, хотя толщина наружных стен — 4 м — делает такой способ проникновения сомнительным. Этот коллективный наус служил местным жителям несколько веков, и его единообразные, узкие, темные камеры были заполнены погребениями и костями в оссуариях и сосудах-хумах. Его центрическая организация наподобие будущих медресе и караван-сарая не находит параллелей в погребальной архитектуре доисламского времени, но исследователь отметил некоторое сходство в его устройстве с парфянскими погребальными постройками Дура-Европас, эллинистической Александрии и в Ипогее Пальмиры.³⁴¹

Костехранилища-оссуарии довольно часто украшались архитектурными мотивами, обычно — изображениями аркад со стоящими под арками фигурами, но только в редких случаях в их формах воспроизводился какой-либо конкретный тип здания. Эти редкие случаи представлены находками, сделанными в мервском наусе: некоторые стоявшие здесь ос-

суарии достоверно изображают облик не сохранившихся до нашего времени погребальных построек — квадратных в плане, с куполом и широким, порталобразным арочным входом. В одном из оссуариев входная, фасадная сторона приподнята над другими высокими парапетом, который увенчан тремя уступчатыми зубцами — это уже настоящий портал, явно предвосхищающий ту каноническую форму монументальных порталов, которая позже утвердится в Средней Азии и надолго сохранится здесь. Несмотря на некоторую неизбежную обобщенность вряд ли можно сомневаться в том, что в этих оссуариях сохранился реальный облик погребальных построек того времени, — облик, некоторыми своими чертами неожиданно знакомый по будущим сооружениям (рис. 216).

Некрополь Пенджикента, располагавшийся к югу от города, на расстоянии меньше полукилометра от городской стены, состоял из примерно 150 мемориальных построек, — это слишком мало даже для такого небольшого города, каким был Пенджикент, и предполагает другое, более демократическое кладбище где-нибудь поблизости. Раскопками открыты 30 наземных склепов-наусов, в одном из которых (наус 2) предполагается постройка несколько иного назначения.³⁴² Найденные в наусах в большом количестве обломки оссуариев вместе с человеческими костями свидетельствуют о зороастрийском обряде погребения. По большей части наусы ставились один рядом с другим, разделенные промежутками, образуя несколько разрозненных цепочек.

Материалом строительства наусов были пахса и сырца. Некоторые построены целиком из пахсы (конечно, кроме сырцовых сводов и входных арок), некоторые — только из сырца, но чаще всего обе техники сочетаются: нижние части стен сложены из пахсовых блоков, верхние — из сырца размером 50-52×24-27×10-12 см. Их устройство, за некоторыми исключениями, единообразно и сводится к единственному помещению квадратной или слегка удлиненной формы с низким (около 1 м в высоту) сводчатым входом. Входы, как и сами наусы, ориентированы различно и прорезают обычно посередине одну из стен, если камера удлиненная — всегда торцовую.

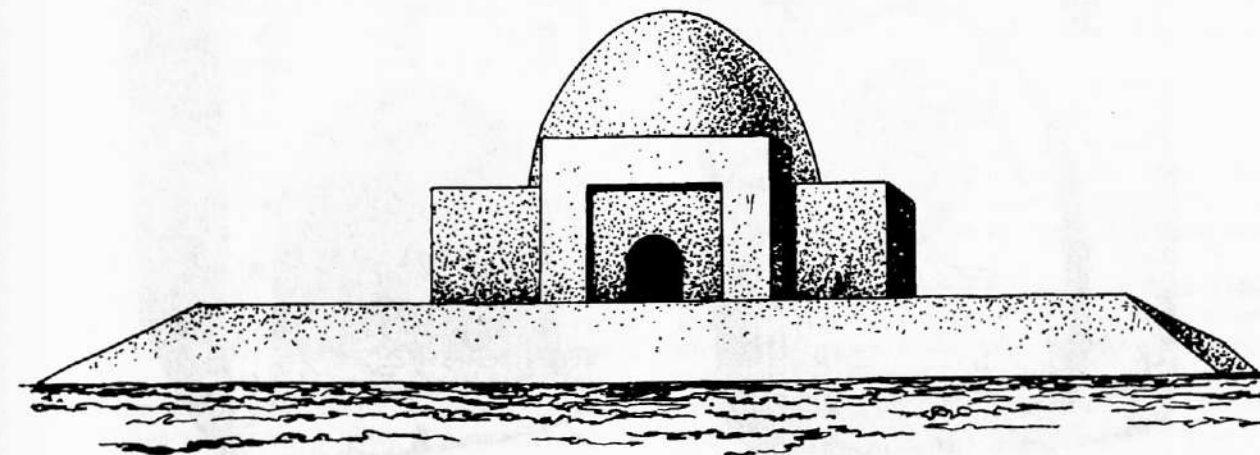

Рис. 214. Здание в некрополе Мерва. 1—2 вв. н.э. Реконструкция. По Г. Кошеленко.

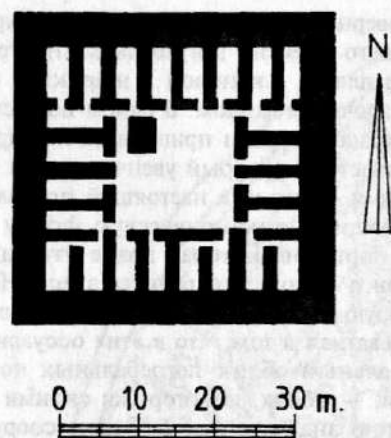

Рис. 215. Наус в Мерве. План. По С.Ершову.

Размеры камер разнообразны — от 4 до 10 м². Внутри под невысоким сводом вдоль стен на сырцовых возвышениях — суфах стояли оссуарии. Суфы занимали почти все помещение, оставляя для вошедшего только небольшую продолговатую площадку перед входом. Низкий арочный вход (скорее лаз) закрывался деревянной дверцей или замуровывался, стены камер обмазывались глиной (рис. 217).

Исключений из этого стандарта немного. В наусе 6 вход прорезан не посередине, а заподлицо со стеной камеры, суф нет совсем, а в левой от входа очень толстой стене устроена трехступенчатая ниша, с человеческим черепом на верхней ступени и обломками оссуария под ней. Входы некоторых других наусов с камерами продолговатой формы прорезаны заподлицо с одной из длинных стен (наусы 7, 8, 15), а небольшие суфы примыкают к простенку ря-

дом со входом и — иногда — к боковой и задней стенам. Суфы у входов оформлены ступенями.

Стоявшее на краю некрополя сооружение 2, с квадратной камерой (3,8×3,45 м), с осевым входом на северной стороне и длиной фасадов около 5 м, вначале было принято исследователями за крупный наус обычного типа. Позже было замечено, что оно возведено на специальной паховой платформе (у других наусов ее нет) и отличается особенностями устройства. К северной стороне камеры, за вычетом СВ угла, здесь примыкала суфа, поверхность которой совпадала с уровнем площадки перед входом — так, что входящий сразу попадал на суфу. На западной стороне эту суфу продолжала другая суфа, сложенная из крупных булыжников и ооконтуренная сырцовыми кирпичами, стоящими вертикально. Посреди камеры была вырыта большая яма овальной формы, глубиной около 70 см.

Исследователи сопоставляют "наус 2" со странной купольной пристройкой к замку 36 в оазисе Беркут-кала в Хорезме (рис. 71). Пристройка вплотную примыкает к двухэтажному замку, но совершенно с ним не связана, более того — у нее вообще как будто не было нормального входа. Купольное помещение размерами у основания стен около 3,5×3,5 м и высотой примерно 5 м, со слегка расходящимися кверху стенами (отчего его площадь по верху стен была несколько больше, чем внизу) возведена из чередующихся слоев пахсы и рядов кирпича-сырца, а нижняя часть его плохо сохранившегося купола высотой 75 см была конической формы, — на эту высоту поднимались угловые перспективно-ступенчатые тромпы, врезанные в коническое основание купола. Постройка долгое время считалась одним из древнейших купольных помещений Средней Азии (рис. 218).

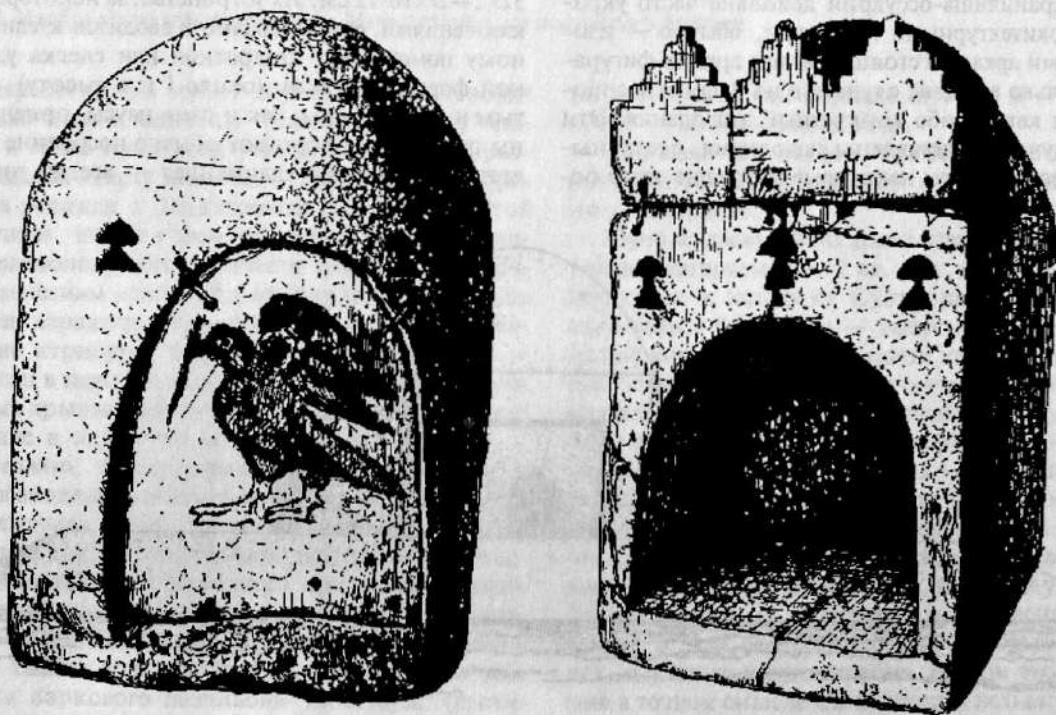

Рис. 216. Оссуарии из науса в Мерве.

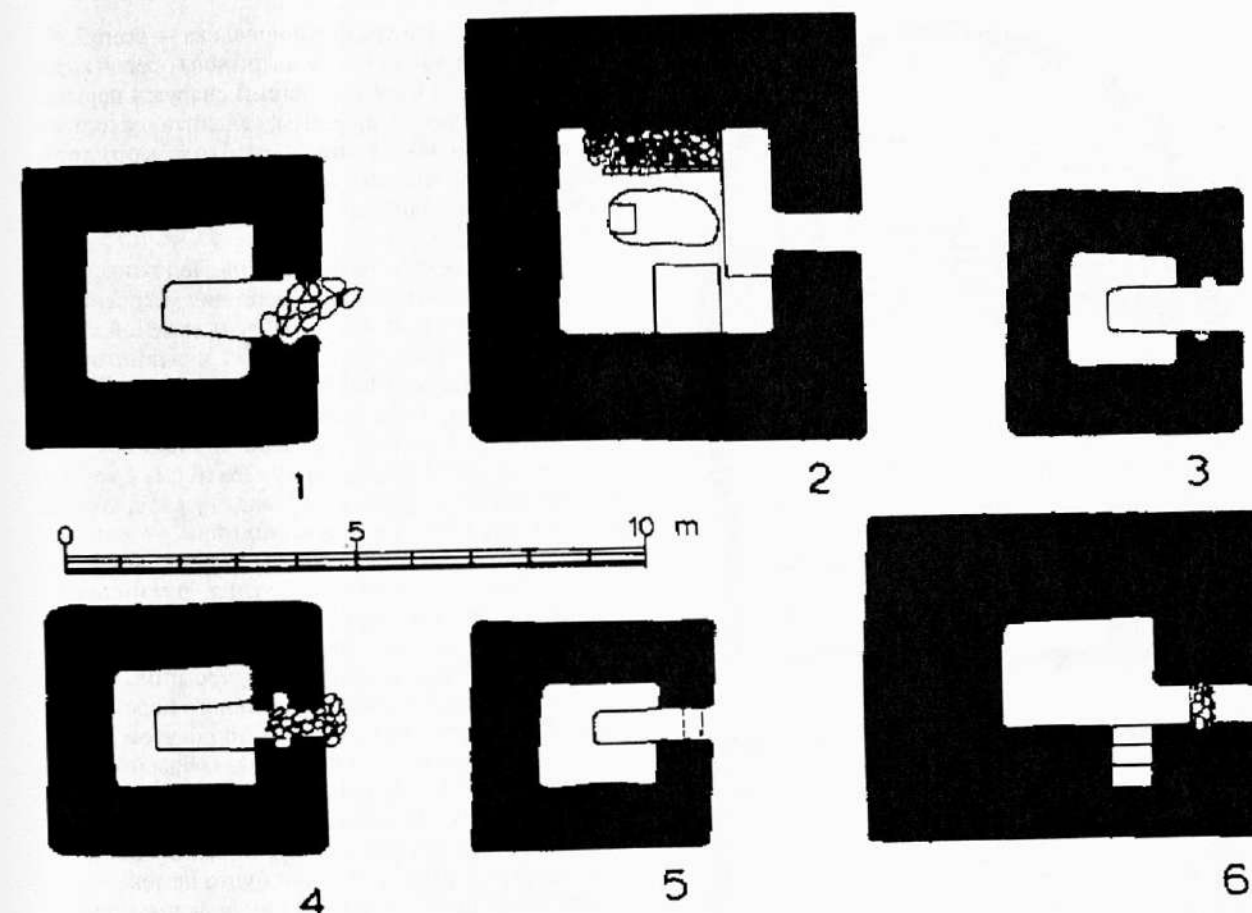

Рис. 217. Пенджикент. Планы наусов городского некрополя. По Б.Ставискому, О.Большакову и Е.Мончадской.

Вместо обычного дверного проема исследователи нашли здесь многократно возобновлявшийся пролом в ЮЗ стене, рядом с южным углом, — он вел на узкую и высокую лежанку-суфу. Среднюю часть помещения занимала глубокая овальная яма длиной около 2 м. Предполагается, что эта изолированная пристройка была ритуальным помещением для трупов, которые по каким-то причинам не могли быть перенесены в дахму для очищения от плоти: трупы лежали в яме, изолированные от священной стихии земли слоем кирпичей, золы, навоза и камней, а принесшие их стояли на суфе, чтобы не касаться пола, на котором лежали трупы (правда, в таком случае непонятна необходимость ямы).

Эта гипотеза, требующая, по словам исследователя, проверки на других памятниках,³⁴³ такой проверкой как будто не подтвердилась. Да и трудно представить себе обстоятельства, при которых приверженцы маздеизма были бы не в состоянии своевременно поместить умершего в дахму и сохраняли бы истлевающие трупы на складе такого рода. Это, конечно, не исключает вероятности (другой, более правдоподобной, нет), что купольная пристройка к замку 36 исполняла роль семейного науса при замке.

Исследователи некрополя в Пенджикенте усматривают сходство между "наусом 2" и пристройкой к хорезмийскому замку (яма посередине, ведущий на суфу вход и пр.), и на этом основании считают, что

"наус 2" тоже был временным хранилищем трупов, либо местом, где отделенные от плоти кости укладывались в оссуарии. Рискованно оспаривать специалистов, но мне все-таки кажется, что различия между "наусом 2" и прочими несомненными наусами при вполне очевидном сходстве слишком незначительны, чтобы видеть в нем какое-то особое назначение.

Все пенджикентские наусы были сводчатыми, но их кровли не сохранились. Исследователи предлагают два варианта наружного венчания наусов: плоской, перекрывающей свод кровли, нерациональной в дождливом климате предгорий,³⁴⁴ и в виде четырехгранной призмы, более рациональной, но не находящей аналогий в строительном искусстве Средней Азии.³⁴⁵ Возможен и другой вариант, представленный здесь в реконструкции: свод науса, защищенный кирпичной обкладкой-футляром, мог возвышаться над маленькой постройкой и быть виден снаружи (рис. 219).

Плохо сохранившиеся наусы у городища Кафыркалы (в Узбекистане) аналогичны пенджикентским: они были прямоугольными, с суфами по сторонам небольшой камеры.³⁴⁶ У крупнее наусов Пенджикента были некоторые наусы на кладбище у Пайкенда; часть пайкендских наусов была возведена на квадратных в плане платформах-стилобатах, — они должны были выглядеть как миниатюр-

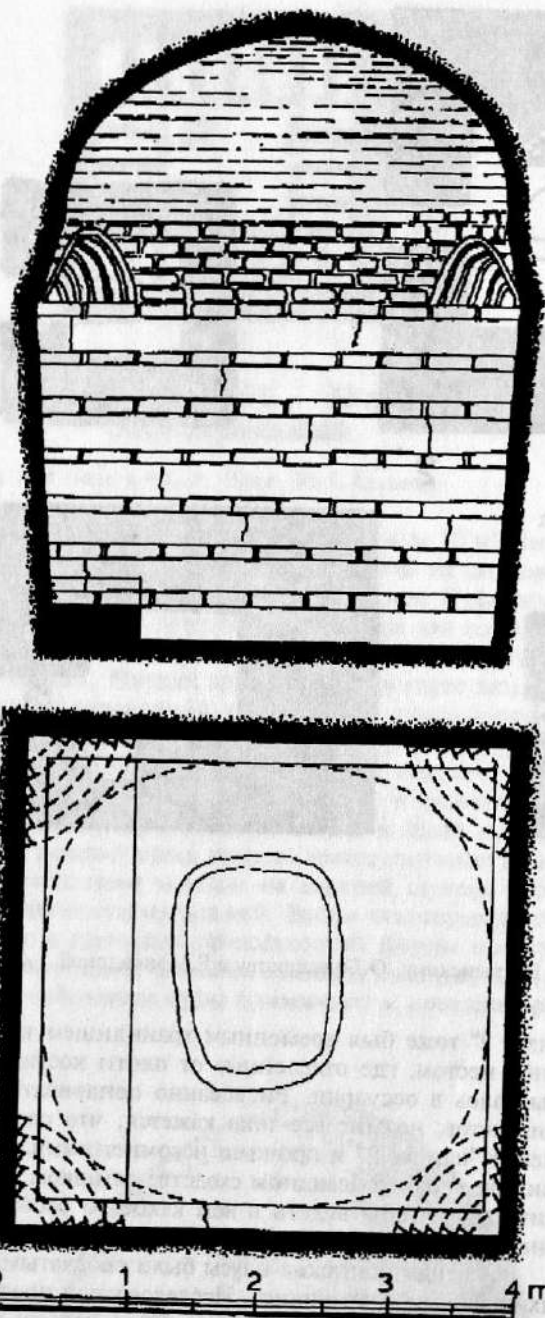

Рис. 218. Хорезм. Купольная камера замка 36 в оазисе Беркут-кала. Реконструкция плана и разреза. По В.Ворониной с коррективами.

ные подобию замков-кешков. Их устройство неизвестно: уцелели только платформы, сами же здания, как и наусы Кафыр-калы, были, как предполагает исследователь, сознательно разрушены.³⁴⁷

В долине реки Ангрен, на СВ от городища Киндык-тепе был найден относящийся к городу большой некрополь, состоящий из наусов иного единообразного типа. Сохранившийся лучше других наус был поставлен на глинобитную площадку и представлял собой в плане правильный круг диаметром 8,3 м; нижние уцелевшие части наружных стен наклонены внутрь и слегка изогнуты, — это предполагает наружную куполообразную форму. При крупных вне-

шних размерах камера науса невелика — всего 2,95×2,3 м. В нее ведет узкий (40 см шириной) осевой коридор длиной около 4 м, выступавший снаружи порталобразным объемом с арочным, эллиптического очертания входным проемом. Пол коридора и погребальной камеры приподнят на 45–50 см над поверхностью площадки, на которой стоит здание (рис. 220).

В камере, в отличие от наусов Пенджикента, нет суф. Вместо них на осях помещения устроены сводчатые ниши той же ширины, что входной коридор (который заменяет одну из них) и эллиптической, как входной проем, формы. В нишах стояли оссуарии.

Внутренние части науса — стены камеры, ниши, входной коридор, своды камеры и коридора — построены из сырца размером 40×26×10 см. Свод камеры сложен наклонными отрезками; свод коридора, слишком узкого для такой техники — клинчатой кладкой. Все это устройство было взято в наружный куполообразный пахсовый футляр, ритмично сложенный рядами сырца. В другом наусе, худшей сохранности, в углах квадратной камеры уцелели остатки конических уступчатых тропов — свидетельство имевшегося здесь купольного перекрытия.³⁴⁸

Исследователь отметил сходство наусов Киндык-тепе с будущими мавзолеями "ульеобразной" формы, позже распространенными в местностях с кочевым населением. Такое сходство несомненно, но объяснить его влиянием главного объекта кочевой архитектуры — юрты (на что как будто намекает текст) — нет оснований: куполообразные формы органичны для построек из кирпича и камня, да и купол полукруглой или параболической (как в данном случае) формы мало похож на каноническую, веками неизменную форму юрты, диктуемую каркасной конструкцией.

Группа погребальных построек, похожих на наусы Ангрен, была исследована к ЮВ от Ташкента, близ города Алмалык. Это были круглые в плане сооружения с нижним диаметром 6,7–8 м, стоявшие на субструкции из пахсы и сырца. Стены толщиной до 2 м тоже сложены из слоев пахсы и сырца размерами 50–52×28–30×10–11 см, местами комбинированной кладкой. Прямоугольные камеры с суфами вдоль стен перекрыты сводами; входы, иногда оформленные небольшими порталными выступами, обращены на ЮВ. На суфах лежали трупы — значит, строители наусов Алмалыка не были зороастрийцами.³⁴⁹

Большой доисламский некрополь в 350 м западнее городища Красная речка в Киргизстане (которое отождествляется с городом Сарыг/Сарыт или Навекат) состоит из погребальных построек зороастрийского (их большинство) и другого культа, характерного погребением не очищенных костей, а трупов.³⁵⁰ В центре застроенного склепами естественного всхолмления была найдена круглая монолитная башня конической формы, сложенная из сырца разных размеров и пахсы; ее верхний диаметр — 8 м. В основании сохранились остатки обводной галереи со сводом, сложенным поперечными отрезками. Исследователи рассматривают это сооружение как храм-башню для возжигания и хранения священного огня местной зороастрийской общины.

Некрополь у подножия башни состоял из плотной массы наземных склепов, построенных из сырца, пахсы и объединяющей оба эти материала комбинированной кладки (рис. 221). Склепы невелики: их площадь редко превышает 4 м², а высота немногим больше человеческого роста. Суф в камерах как правило нет, — оссуарии и сосуды с костями ставились на пол, туда же укладывались и трупы. Камеры продолговатой в плане формы перекрыты сводами, квадратные — куполами, которые в нависающих над углами частях были вырезаны в виде конических уступчатых тропов традиционного типа. Все они построены из сырца размерами 40–42×20–22×8–9 см, основание стен обычно сложено из пахсы, в некоторых помещениях сохранилась толстая глиняная обмазка стен и полов. Квадратные купольные камеры определяются в своем большинстве как зороастрийские наусы, удлиненные сводчатые — как склепы, может быть — судя по находке нательных крестов из бронзы и нефрита — христианские.

Наус 4, сохранившийся лучше других, состоит из квадратной камеры (около 2×2 м) со сводчатым входом-лазом на южной стороне. Высота от пола до верха купола — 1,7 м, высота входа — 85 см; снаружи купольное перекрытие было, видимо, взято в прямоугольный объем. Из-за малого размера тропов — две миниатюрные, вставленные одна в другую арочки, сложенные из трех и четырех кирпичей — основание купола здесь не правильной круглой формы, а как бы слегка сплющено по осям. При сугубой утилитарности устройства этого крохотного здания, построенного с единственной целью — быть усыпальницей многим поколениям одной семьи — в нем усматривается скромная репрезентативность: камеру площадью 4 м² можно было перекрыть и менее торжественным способом, например, сводом, как перекрыты все квадратные камеры пенджикентских наусов. Именно необязательный здесь купол делает особенно очевидной генетическую связь этого маздеистского науса с будущими исламскими мавзолеями (рис. 222).

Тем же временем — 7–8 вв. — датируется погребальное здание иного типа, найденное в 700 м к югу от города и названное исследователями многокамерным наусом.³⁵¹ Здание размерами 11,3×12 м построено из блоков пахсы (в основании стен) и сырца, — из него сложены стены над пахсовым основанием и своды поперечными отрезками, которыми перекрыты все помещения. В руинах найдены терракотовые квадратные плитки со сторонами 27 см, украшавшие, вероятно, верхние фасадные части постройки. Центральную часть здания образует широкий (3,5 м) осевой коридор, ориентированный, с заметным отклонением на запад, в направлении Ю—С. Поперечная стена с входным проемом отделяет от него южную часть глубиной несколько больше 1 м с боковыми суфами — вполне сложившаяся форма монументального портала, отличная от ее исламских потомков, может быть, только отсутствием прямоугольного обрамления входной ниши (рис. 223).

По обе стороны осевого коридора, торцом к нему расположены по три камеры приблизительно одной величины — около 2×1,2–1,3 м. Пол камер на вы-

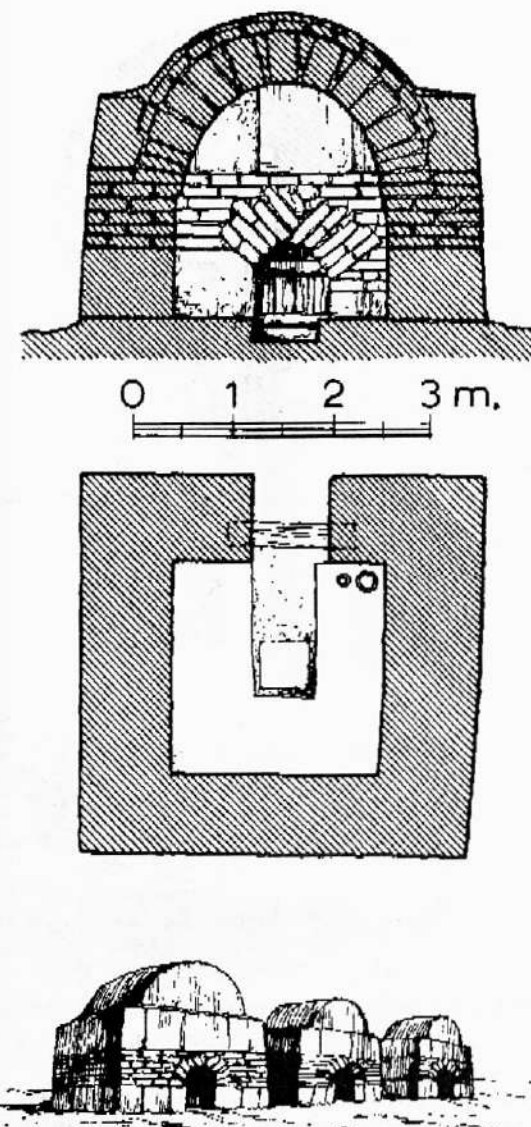

Рис. 219. Наус в Пенджикенте. План, разрез, общий вид группы наусов. Реконструкция.

соту блока пахсы (45 см) выше пола коридора-вестибюля, арочные входы в них (арки полуциркулярной, слегка приплюснутой формы) сложены снаружи, с обеих сторон в технике клинчатой кладки, но внутри — четырьмя поперечными отрезками. На севере здание замыкалось необычно толстой (более 2 м толщиной) глухой стеной, — впрочем, и простенки по сторонам входной ниши, толщина которых немногим меньше 3 м, производят впечатление массивных пилонов (рис. 224). Яма глубиной 2 м в коридоре и здесь вызвала у исследователей аналогию с пристройкой к хорезмийскому замку 36 и, соответственно, предположение об аналогичном использовании постройки.

Погребальное назначение здания подтверждается множеством человеческих костей в камерах и отчасти в центральном коридоре. Оно, как думают исследователи, сочетало в себе функции дахмы и науса — сюда приносили тела, которые оставались

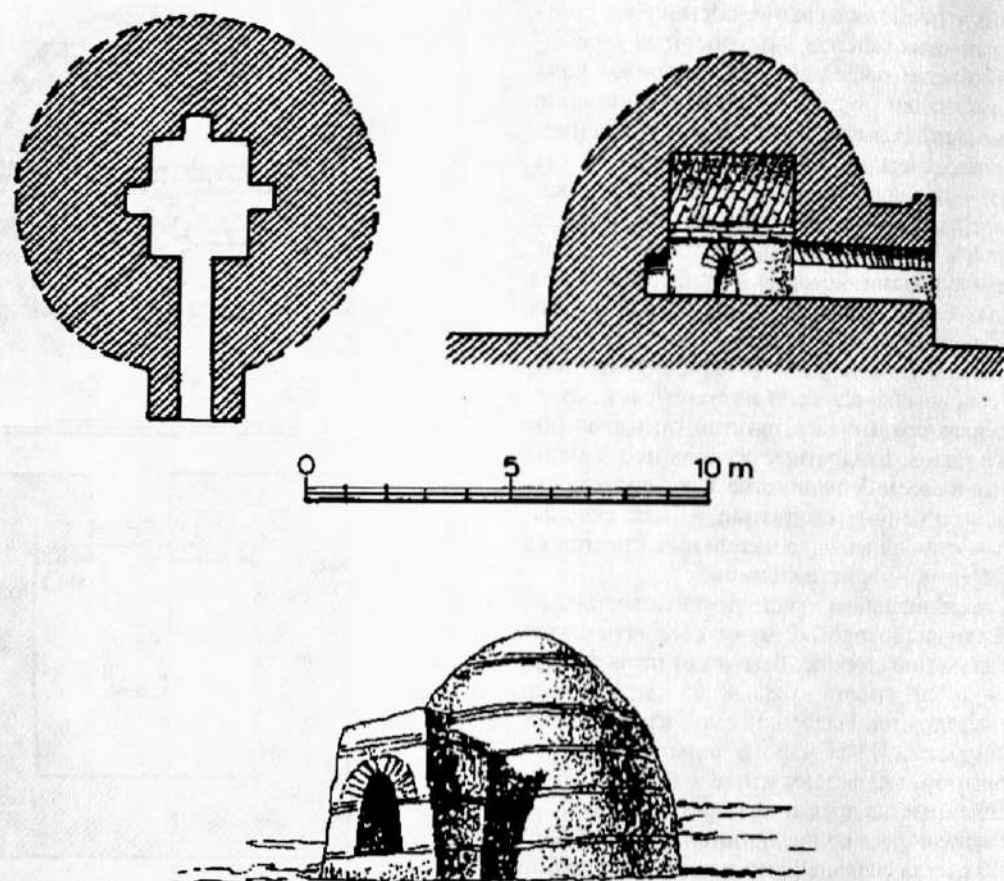

Рис. 220. Наус в долине Ангrena (Киндык-тепе). План, разрез, реконструкция общего вида. По В. Нильсену.

истлевать в центральном коридоре-зале, после чего — уже в виде скелетов — переносились в камеры-наусы.

Как явление архитектурной типологии наус Красной речки принадлежит типу зданий с коридорно-гребенчатым устройством, характерным, как уже говорилось, главным образом для военных общежитий-казарм и построек хозяйственно-складского назначения. От таких сооружений, как "казарма" в Шахристане, замок Тирмизак-тепе и "курган" в Термезе его отличает, собственно говоря, только малый размер камер и низких (не выше 1,5 м) входов в них. Это прямое сходство логически объяснимо: многокамерный наус и представлялся, по сути дела, общежитием мертвых, объединенных, вероятно, принадлежностью к общему роду и одинаковым (наверно, высоким) общественным статусом. Его внешний облик с подчеркнутой, вопреки небольшой величине, монументальной симметрией главного порталного фасада позволяет предполагать какое-то соответствующее окружение, к сожалению, не сохранившееся.

Характерный прием "коридорно-гребенчатой" планировки дает основание подозревать аналогичное погребальное назначение еще одного здания Сарыга/Навеката, остатки которого найдены под руинами буддийского храма 8—9 вв.³⁵² Его забутованные руины были превращены в платформу, на которой построили храм.

Здание, размерами 32,7×30 м, было ориентировано углами по сторонам света и заключено в футляр очень толстых (более 6 м толщиной) наружных стен: северный угол оформлен пятигранным башенным выступом, трехгранные выступы у западного и восточного углов выдвинуты из СЗ и СВ фасадных стен. Материалом для внешних стен была пахса, для внутренних — сырец размерами 48×24×10 см. Осовой коридор шириной 2,1 м и длиной 16,5 м, проложенный в направлении ЮВ—СЗ, делил здание на две одинаковые симметричные части, состоящие каждая из четырех узких (2,1–2,4 м) камер длиной 5,8 м. В стенах, разделяющих камеры, видны заложенные арочные проемы эллиптических очертаний, перекрытые клинчатой кладкой и расположенные значительно выше уровня пола, — кроме них никаких других входных проемов ни в само здание, ни между осевым коридором и камерами, не было найдено (рис. 225).

Исследователь называет здание замком, полагает, что оно было двухэтажным, и что вход в него вел сразу в несохранившийся верхний этаж, откуда каким-то образом спускались в нижний. Не меньше оснований рассматривать эту постройку с классическим гребенчато-коридорным устройством, не свойственным настоящим замкам, как многокамерный наус только что описанного типа: его плоская кровля могла служить дахмой, откуда кости усопших спускались в погребальные камеры. Связь между камерами позволяла заполнять их и после запол-

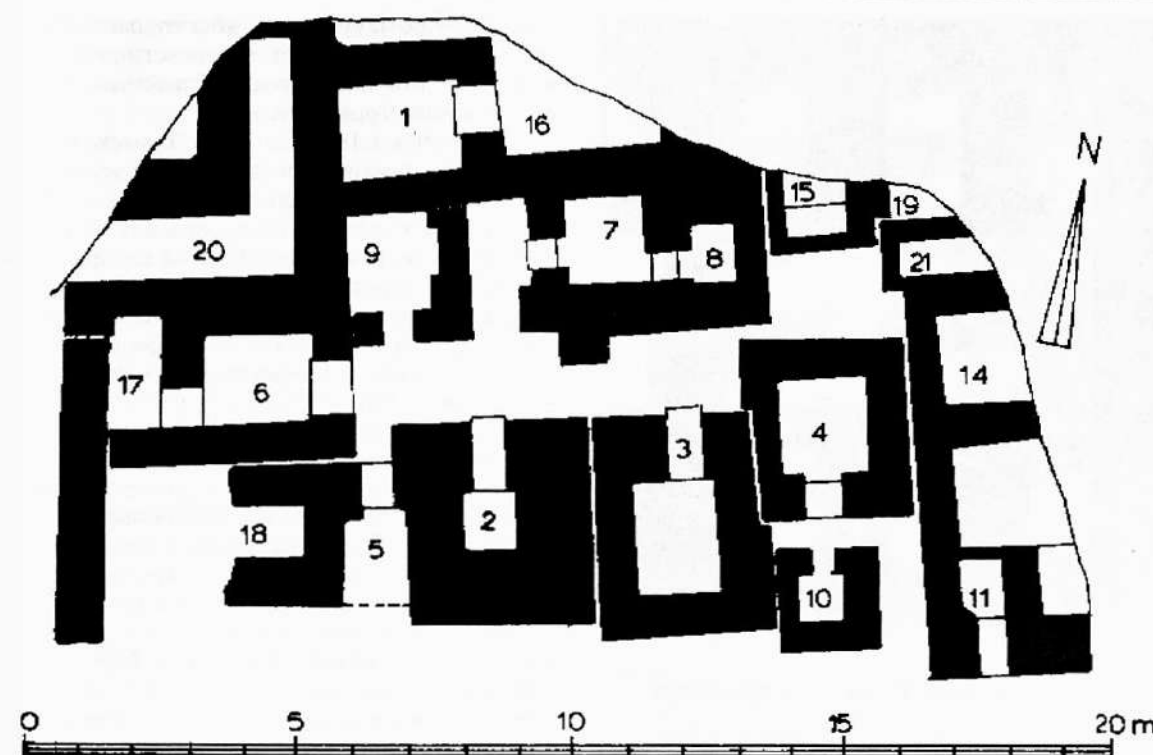

Рис. 221. Городище Красная речка — Сарыг/Навекат. Некрополь. План. По В. Горячевой с частичной реконструкцией.

нения замуровывать одну за другой. К сожалению, опубликованные сведения о "замке" кратки и не всегда ясны, — вопрос был бы решен, если бы здесь на полу были найдены человеческие останки и сопутствующий инвентарь, но здание, как будто, не было докопано до уровня полов, и то, что могло бы на них лежать, осталось неизвестным.

Гребенчатая планировка того же классического симметричного типа, делающая погребальное здание формально неотличимым от аналогичных гражданских построек, определяет устройство большого многокамерного науса, открытого на городище Дальверзин-тепе в Тохаристане.³⁵³ Исследователь датирует здание кушанским временем (2–4 вв.), но поразительное сходство с описанными многокамерными наусами 7–8 вв. и несомненная принадлежность тому же планировочному типу служат достаточным основанием для упоминания о нем здесь.

Здание размерами 13×12,5 м построено, как и наус на Красной речке, из пахсы (два ряда пахсовых блоков общей высотой 65 см в основании стен) и квадратных сырцевых кирпичей (длина сторон 40–42, толщина 12 см). По длинной оси, ориентированной не совсем точно на Ю—С, оно рассечено коридором шириной 2,3 м; вначале коридор был открыт с обеих сторон, но позже заложен с северной стороны прикладной стенкой, которая несколько увеличила длину постройки в этом направлении (рис. 226). По обе стороны коридора расположены — по четыре с каждой стороны — сводчатые камеры размерами 2,7×1,25 м, открытые в коридор арочными, один напротив другого лежащими входами, позже заложенными. Входы в камеры — арочные, с конструктивными клинчатыми архивольтами слегка эллиптической, как

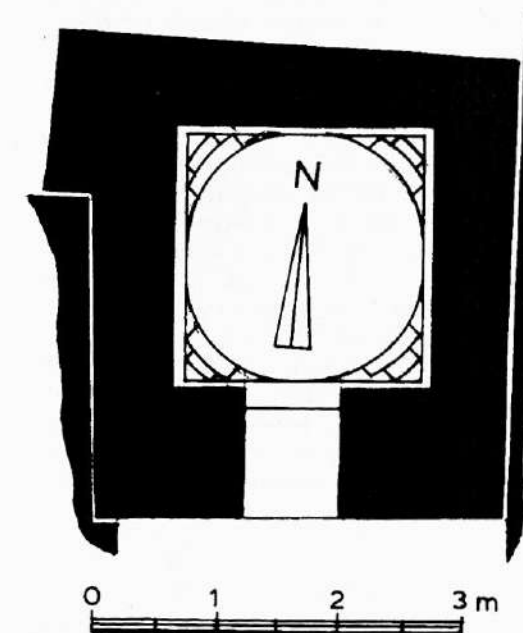

Рис. 222. Городище Красная речка — Сарыг/Навекат. Наус 4. План. По В. Горячевой с коррективами.

сами арки, формы. Своды камер сложены наклонными поперечными отрезками, причем их наклон в противоположащих камерах, как в наусе на Красной речке, был направлен в противоположные от оси стороны; только в шельги сводов были вставлены по два клинчатых кирпича (рис. 227).

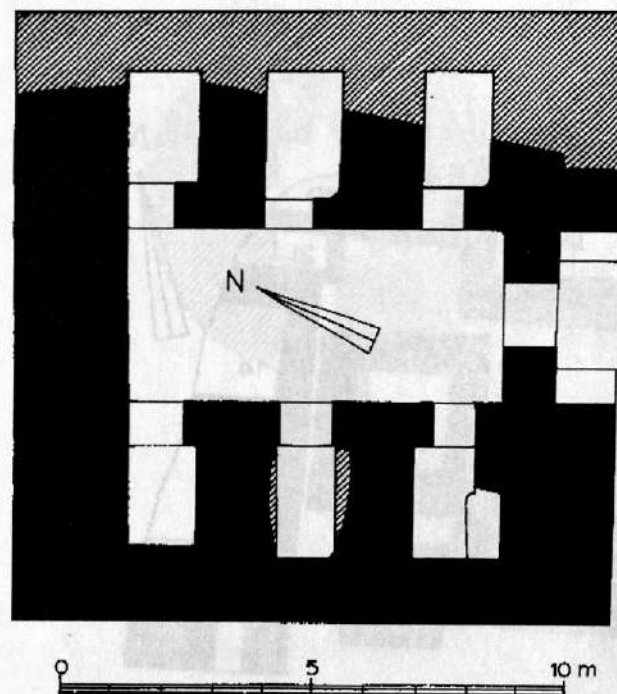

Рис. 223. Городище Красная речка — Сарыг/Навекат. Многокамерный наус. План. По В. Горячевой.

Свод осевого широкого коридора должен был высоко подниматься над плоской кровлей, перекрывавшей своды келий, — на главном фасаде открытый торец коридора в виде арки с уходящим в глубину сводом был фланкирован глухими крыльями. Такой облик фасада в определенной мере ассоциируется с будущими порталами-«пештаками», хотя в наусе на Красной речке, во многом близком дальверзинскому, это сходство — благодаря отделению от коридора входной порталной ниши — более явное и прямое (рис. 228). И здесь, конечно, удивляет (хотя и доступно объяснению) сходство устройства «общежития мертвых» с распространенным в доисламское время специфическим, коридорно-гребенчатым устройством воинских общежитий.

Расстояние между городищами Дальверзин-тепе и Красная речка по прямой — около 900 км; очевидное сходство погребальных зданий, разделенных этим

немалым промежутком — убедительное свидетельство широкого, едва ли не повсеместного распространения именно такого рода «общежитий мертвых» в доисламской Средней Азии.

Постройку в 18 км севернее Термеза ее исследователи датировали позднекушанским временем и определили как маздеистский склеп-наус.³⁵⁴ Здание представляло собой в плане квадрат со сторонами длиной около 16 м и центральной квадратной камерой (6×6 м), вероятно, купольной, от которой расходились четыре узких (1,4 м шириной) осевых коридора. Найденные в камере кости были здесь погребены как будто в соответствии с маздеистским обрядом (рис. 229).

Термезский наус — близкая параллель иранским «чортакам» — купольным святилищам на четырех массивных столбах с горящим посредине, на алтаре священным огнем. Правда, есть основания считать, что сасанидские чортаки бывали и надгробными, мемориальными сооружениями, — группа средневековых чортаков классической формы возвышается над могилами кладбища (почему-то еврейского) в Бахrame около Исфахана.³⁵⁵ Здание у Термеза и было, собственно говоря, настоящим чортаком, но с необычно узкими осевыми входами и очень массивными стенами. Пример надгробных чортаков и генетически связанных с ними центральных мавзолеев исламского времени (типа мавзолея Саманидов и Кыз-биби в Мерве) показывает, что четыре сквозных входа были свойственны и погребальным зданиям и их назначению не противоречили; представление, что такие входы не могли быть в надгробной постройке, выглядит ошибочным.³⁵⁶

В любом случае здание у Термеза, несмотря на некоторые отклонения от канона, — древнейший образец чортака в Средней Азии, и я думаю, что его исследователи правы, видя в нем надгробное сооружение типа науса, а не буддийский ступа или храм.

Некрополь Бит-тепе, расположенный на левом берегу Сурхандарьи напротив городища Будрач (древний город Чаганиан), состоит из искусственных пещер-склепов, вырубленных в вертикальном склоне котловины, в 15–20 м выше ее подножия.³⁵⁷ Семь исследованных склепов состоят из относительно прямоугольной камеры (чаще продолговатой, иногда квадратной) со сводчатым потолком и коридорооб-

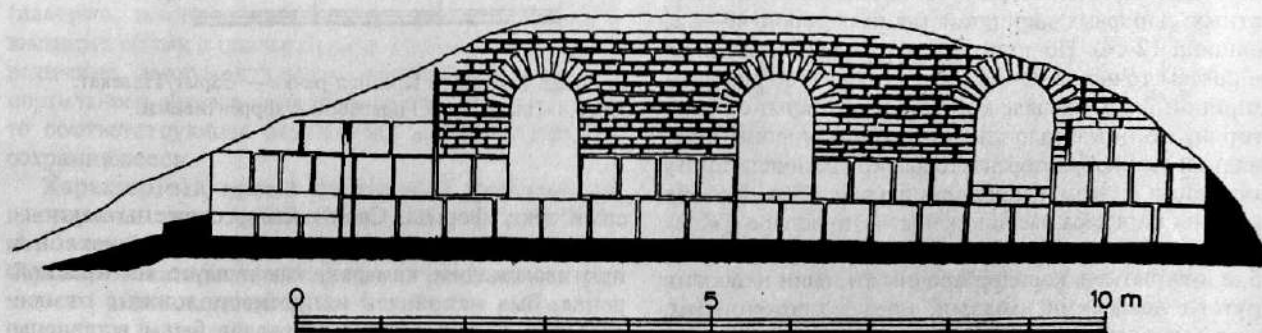

Рис. 224. Городище Красная речка — Сарыг/Навекат. Многокамерный наус. Продольный разрез. По В. Горячевой.

разного сводчатого входа, ориентированного повсюду (как и сами камеры) на ЮЗ, — как считает исследователь, в направлении на заходящее солнце. Некоторые камеры расширены сводчатыми нишами в задней и боковых сторонах. Погребенные здесь не были зороастрийцами: хоронились не кости, а тела, которые укладывали на полу вдоль стен; после очередного погребения небольшие (высотой 1–1,2 м) входы закладывались сырцом размером 48×24×10 и 52×26×10 см.

Склеп 5, в плане удлиненной, слегка и плавно сужающейся ко входу формы (2,75×2,2 м), в заднем торце оформлен широкой нишей красивой эллиптической формы, приподнятой над полом и «перекрытой» (все перекрытия здесь высечены в камне) подобием полукупола-конхи (рис. 230). Осевое расположение ниши (с шириной, лишь немного меньшей, чем ширина помещения) напротив входа, тоже лежащего на оси, характерно для устройства приемных залов с тронной нишей в глубине, — это устройство, здесь как будто неуместное, было вызвано, вероятно, какими-то особенностями ритуально-погребальных церемоний. Неглубокий (1,3 м) входной коридор был разделен массивной дверью, о которой напоминают поперечный брус порога и симметричные выемки в стенах со следами истлевшего дерева дверной рамы. Свод помещения, изящной эллиптической формы, начинается сразу от пола, но на высоте 1,6 м превращается в горизонтальную поверхность, уступом понижающуюся в сторону входа. Представительная симметрия погребального склепа странным образом контрастна его миниатюрным размерам.

Склеп 6 отличен от других формой и устройством. Он тоже, как склеп 5, замкнут на СВ торце широкой нишей вогнутой в вертикальном сечении формой; здесь ниша начиналась прямо от пола. Склеп, размерами (в осях) 3,8×2,6 м, был перекрыт сводом, от которого сохранилась небольшая часть перед СВ нишей; две другие ниши шириной несколько более 2 м и глубиной 70 см были врезаны в его продольные СЗ и ЮВ стены. Перекрывающие их своды, судя

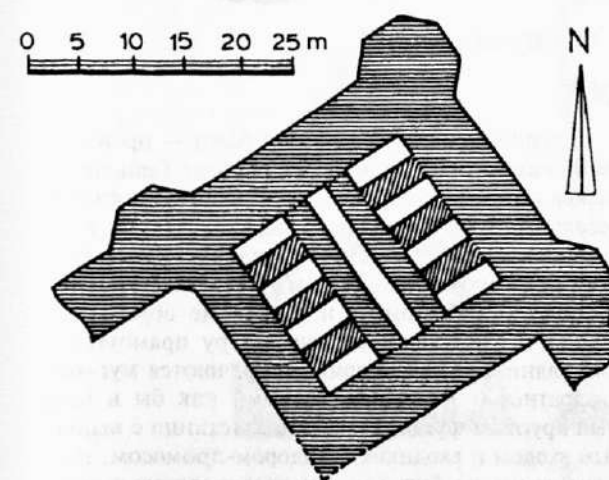

Рис. 225. Городище Красная речка — Сарыг/Навекат. Замок (?) или наус. План. По П. Кожемяко.

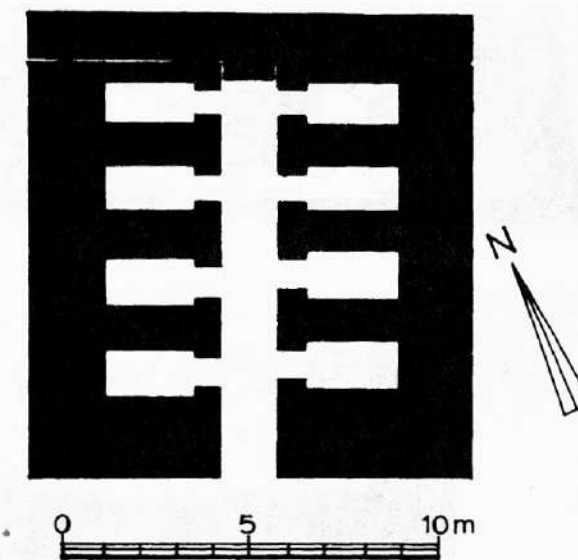

Рис. 226. Дальверзин-тепе. Наус. План. По Э. Ртвеладзе.

по их остаткам, были слегка приплюснутой коробовой формы и врезались в центральный свод, образуя несвойственные архитектуре Средней Азии расщепки. Осевой вход на ЮЗ стороне заметно расширяется в наружном направлении, в боковых стенах видны выемки от массивной дверной рамы; пол входной части слегка приподнят над полом камеры и дугообразно выступает внутрь нее (рис. 231). Снаружи арочного входа в камеру сохранились следы прямоугольного П-образного обрамления, высеченного в песчанике, — исследователь полагает, что аналогичными выемчатыми рамами были украшены входы и в другие склепы. Эта интересная деталь еще раз подтверждает, что истоки форм исламской архитектуры Средней Азии по большей части — доисламского происхождения: прямоугольное обрамление арочных проемов и ниш начиная с 9 в. станет повсеместным приемом среднеазиатской (да и всей центральноазиатской) архитектуры. Склепы Бит-тепе, датируемые 7—началом 8 вв., сохранили древнейший образец этого — даже не приема, а характерного признака монументальных зданий будущего.

Три широкие ниши придают помещению склепа крестообразную форму, — она, несмотря на нехватку четвертой, ЮЗ ниши, ассоциируется с традиционной позже формой квадратного купольного зала, чье крестообразное внутреннее пространство образовано четырьмя сводчатыми нишами вокруг центрального квадрата. Назначение залов этого рода было различным, но среди их ранних исламских образцов есть и мавзолеи так называемого центрального типа. Это дало повод исследователю сопоставить склеп 6 с купольными залами будущих мавзолеев, видя в нем «...одно из звеньев в цепи генезиса этих сооружений».³⁵⁸

Это сопоставление представляется мне сомнительным. Склеп 6 не мог быть одним из прототипов крестообразного в плане купольного зала (подобно упомянутой исследователем купольной камере в хра-

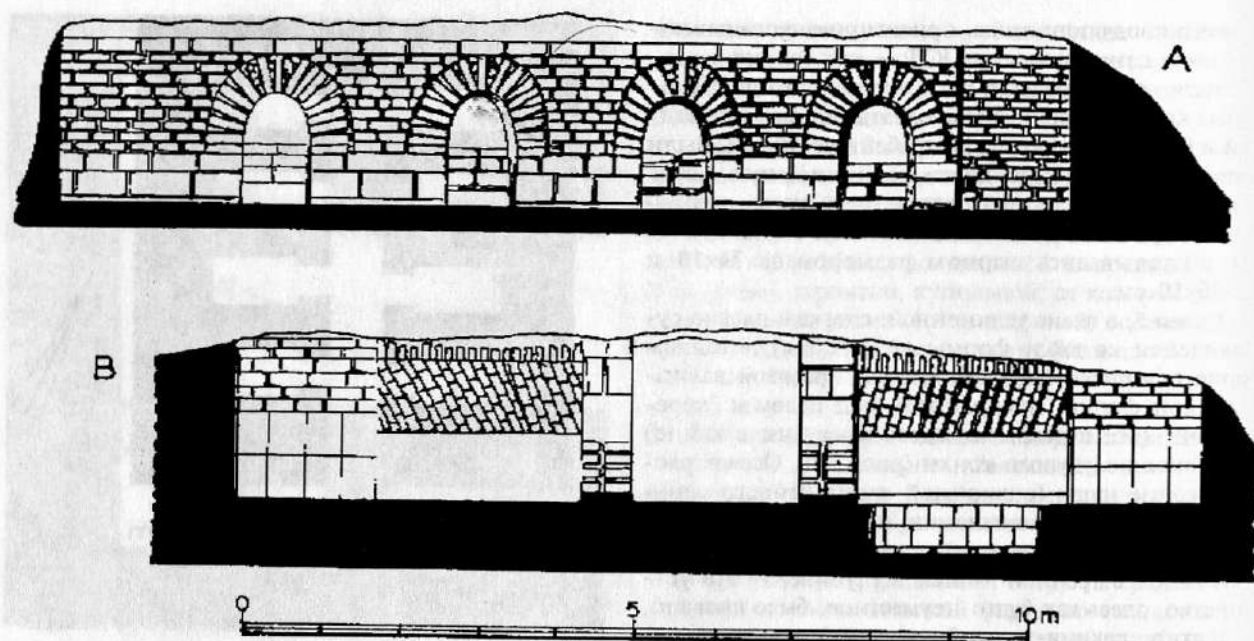

Рис. 227. Дальверзин-тепе. Наус. А — разрез Ю—С; В — разрез В—З. По Э.Ртвеладзе.

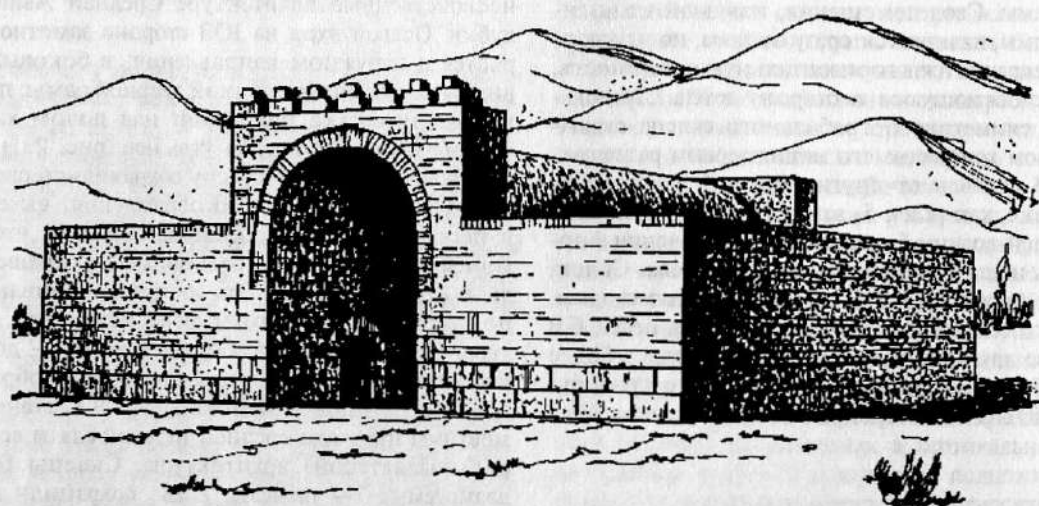

Рис. 228. Дальверзин-тепе. Наус. Реконструкция внешнего вида. По Г.Пугаченковой.

ме Калаи Кафирнигана), потому что он не квадратен в плане, и его продолговатый объем был изначально рассчитан на свод, исключаяющий возможность тропов и надобность в них. К тому же купольные залы с крестом осевых ниш в это время уже существовали (наус в Мерве, огромный сасанидский дворец в Бишапуре), их сложение как архитектурного типа уже состоялось. Может быть, представление о залах такого рода, известных строителям некрополя, побудило их создать редкий симбиоз сводчатого удлиненного пространства с неполной крестовиной широкими и мелкими нишами, — симбиоз, ставший причиной вынужденного пересечения сводов — распадубок, которых строители Средней Азии всегда старались избегать.

В горных областях Средней Азии — преимущественно в северной Фергане, на востоке Ташкентского оазиса и в Карамазарских горах — сохранились погребальные сооружения 5—6 вв. (ест, правда, и более древние), которые местное население называет "курум" или "муг-хона" ("дом мага"). Они возводились из грубо обработанных и совсем не обработанных камней и заключали внутри камеру прямоугольной или эллиптической формы. Встречаются муг-хона с квадратными камерами, взятыми как бы в наружный круглый футляр, — это, в сочетании с выдвинутым входом и входным коридором-дромосом, так похоже на наусы Ангрена, что исследователь предположил общую этническую принадлежность их создателей (рис. 232).³⁵⁹

Внутренние и внешние поверхности стен муг-хона обычно складывались из крупных, слегка обработанных камней, которые старались подогнать один к другому; пазухи этого двойного футляра засыпали мелкими камнями и землей. Перекрытие возводилось в технике "ложного свода", то есть постепенным напуском внутрь специально подобранных крупных, но невысоких камней, — при этом стремились сделать внутреннюю поверхность свода по возможности гладкой. Основание ложного свода делалось скругленным, поэтому для его совмещения с прямоугольной камерой кладку свода начинали с низко расположенных угловых выступов, которые постепенно расширялись кверху — своего рода сферические паруса. Из-за этого перекрытия некоторые муг-хона выглядят как четырехгранный сомкнутый свод или даже как шатер с четырьмя вогнутыми внутренними гранями. Иногда углы в основании свода перекрывались диагонально уложенными каменными плитами, на которые, как на "ложные" балочные паруса, опирался свод. Такими плитами, наряду с ложным сводом, перекрывались входные коридоры-дромосы, нередко довольно длинные — до 2,5 м.

Различаются наземные и подземные муг-хона, — в последнем случае каменные стены возводились в заранее отрытом котловане, а над землей оставался конический холм с высоким ложным сводом внутри.³⁶⁰ Совершенно лишены украшений, муг-хона производят впечатление мощью своей "циклопической" кладки, монументальностью нерасчлененных форм и архаической живописностью, вызывающей в памяти греческие сооружения Микенской эпохи.

Этим как будто ограничено небольшое количество мемориально-надгробных сооружений в Средней Азии, доказательно датированных доисламским

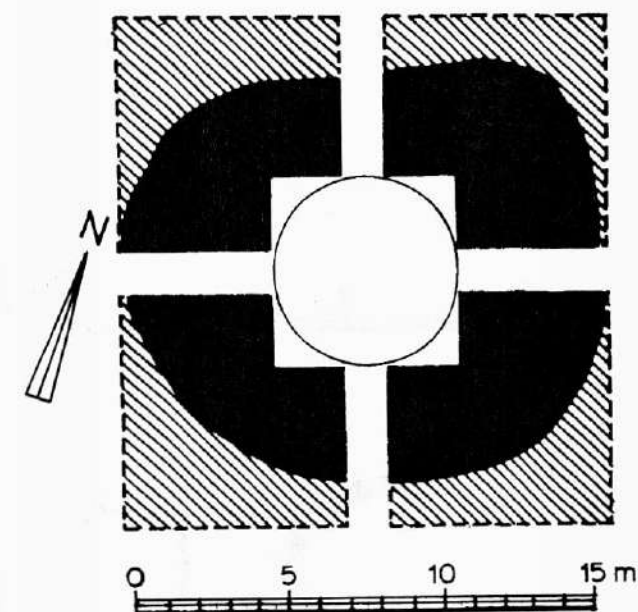

Рис. 229. Погребальная постройка 2—3 вв. у Термеза. План. По Л. Альбауму и Т. Агзамходжаеву.

временем. Существует несколько сомнительных построек, которым традиционно приписывается глубочайшая древность, но которые своей архитектурой эту древность не подтверждают. Таков, например, мавзолей Хазрати Бурх на западном Памире, в долине реки Обихингоу, — ему приписывается баснословная древность, но, судя по его остаткам, он был капитально "обновлен" в сравнительно недавнее время — как полагает исследователь, в 17 или даже в начале 19 в.³⁶¹

"Золотой век" мемориально-надгробной архитектуры в Средней Азии наступит позже и достигнет

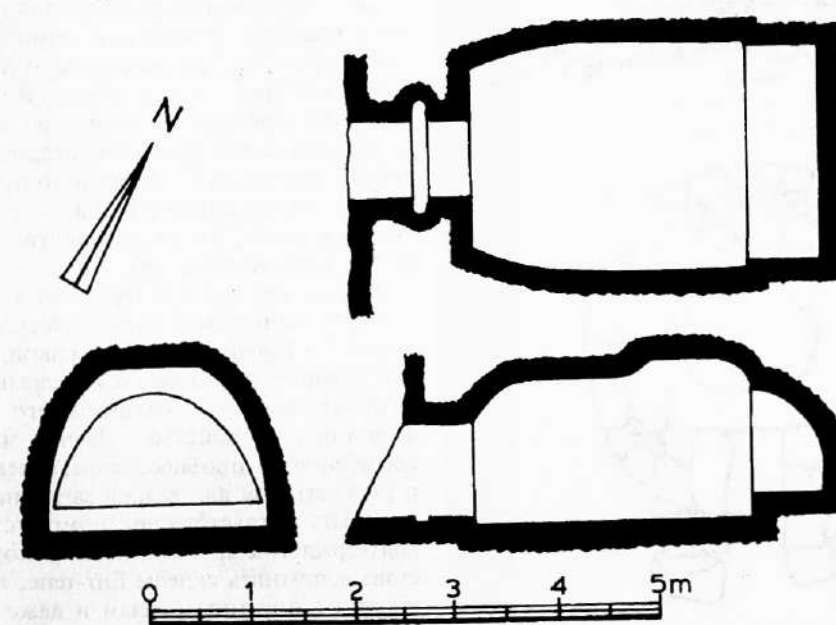

Рис. 230. Бит-тепе. Склеп 5. План и разрез. По Э. Ртвеладзе.

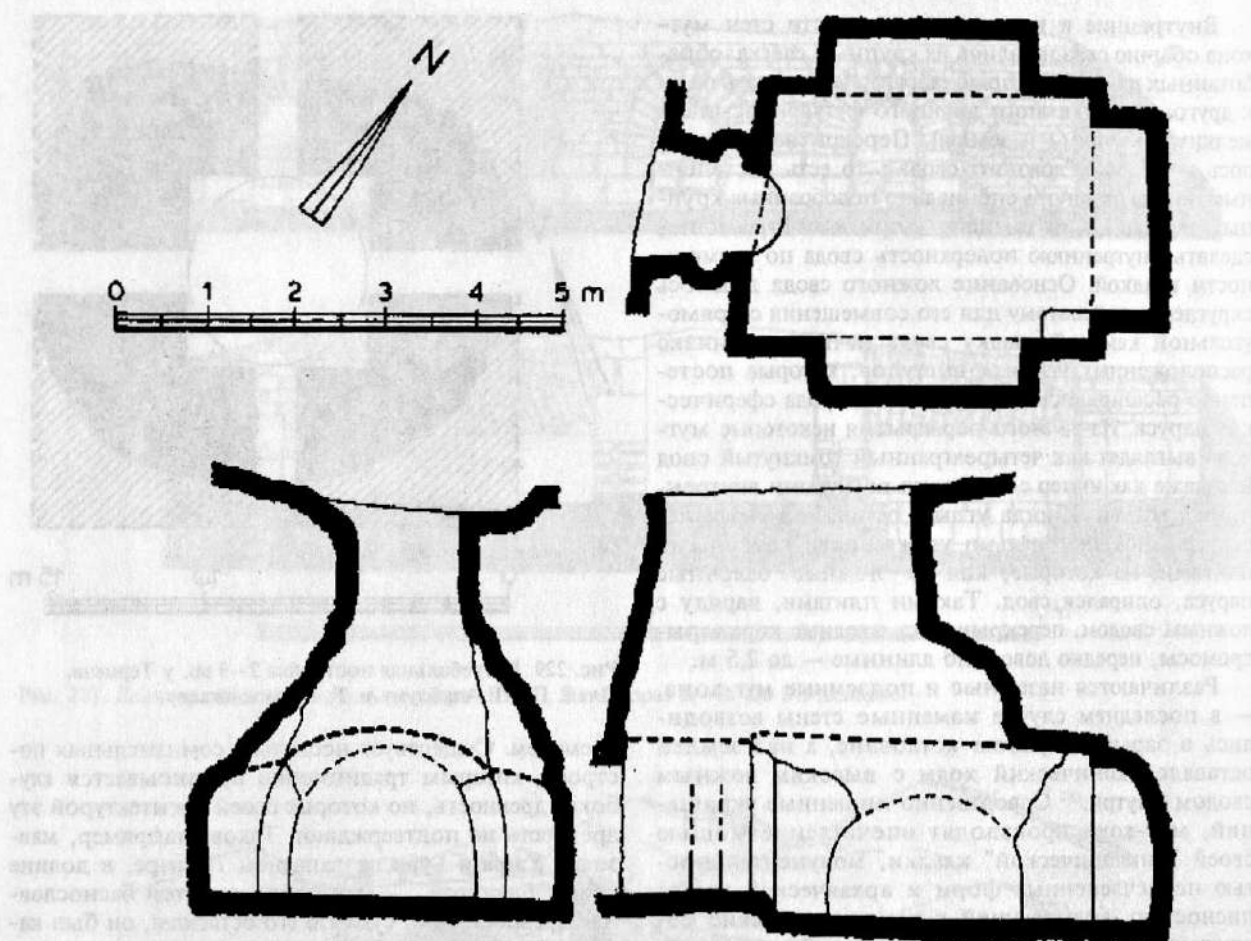

Рис. 231. Бит-тепе. Склеп 6. План и разрезы. По Э. Ртвеладзе с коррективами.

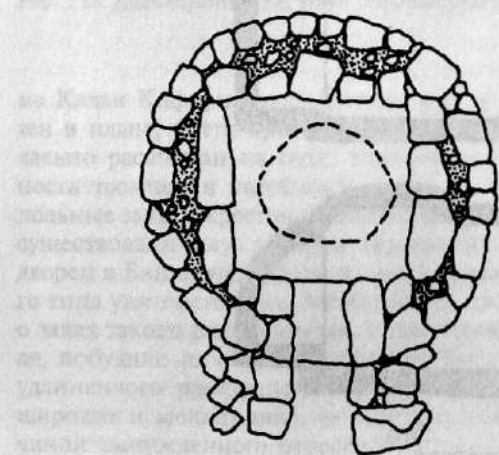

Рис. 232. Муг-хона. Общий вид и план. По В.Нильсену (обмер Б.Литвинского).

своей высшей точки в 11—12 вв., когда в городах и малых селениях, оазисах, долинах рек, в пустынях и горах поднимутся купола многочисленных мавзолеев-"мазаров" над реальными и мнимыми могилами суфийских праведников, деятелей и персонажей истории. Надгробные постройки доисламского времени в массе своей более утилитарны и предназначались не столько для религиозного почитания, сколько просто для сохранения праха, — этим определяется обычная простота их устройства и декоративная скромность архитектуры.

Определяющей в материальных и образных формах этих зданий была не космическая символика "солнечных" и прочих условных знаков, якобы заложенных в основу плановых схем, а связь — иногда вполне отчетливая — с жилищем, его традиционными формами и устройством. Давняя мысль о том, что погребение (надгробное здание, склеп, саркофаг, урна и т.п.) есть дом для вечной загробной жизни и должно быть соответственно этому устроено, находит подтверждение и в среднеазиатском материале, — стоит вспомнить склепы Бит-тепе, подобные миниатюрным приемным залам и даже оборудованные "тронной" нишей, или наусы-"общезития" с тем же, в общем, коридорно-гребенчатым устройством, что

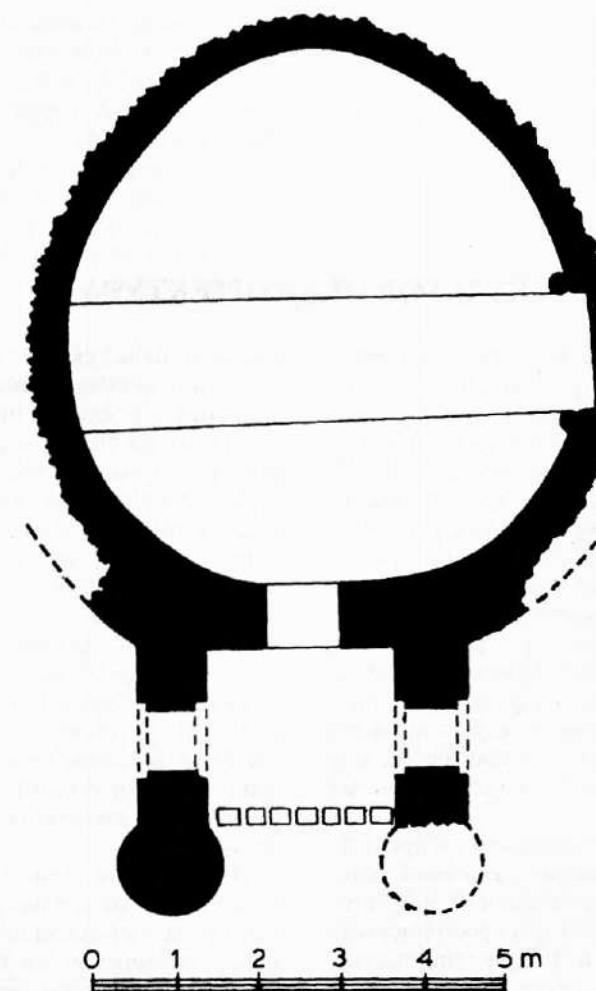

Рис. 233. Мавзолей Хазрати Бурх. План. По Ю. Якубову.

и общежития живых воинов. Перед этой универсальной идеей отступают как будто и религиозные различия, выразившиеся в заупокойных ритуалах: в мемориальных постройках доисламской Средней Азии они не всегда заметны и воплощены обычно не в самих формах архитектуры, а в особенностях обряда.

Наконец, материал доисламской мемориальной архитектуры подтверждает мысль (тоже далеко не новую) о том, что множество композиционных приемов и пространственных форм будущей архитектуры исламского времени имеют своими источниками идеи и формы гораздо более древнего происхождения.

КУЛЬТОВАЯ АРХИТЕКТУРА

Определяющее место религиозных представлений, верований, ритуалов в культуре раннего средневековья на Востоке, как и на Западе, не требует доказательств. Средняя Азия не была исключением из этого общего положения, хотя воздействие разных утвердившихся здесь религий и их организаций на общественную, государственную и духовную жизнь существенно отличалось от положения в Европе и в соседнем Иране. Зороастризм в централизованной империи Сасанидов стал государственной религией и монопольной духовной силой, а в расчлененной Европе после гибели Западной Римской империи господствующее христианство, вопреки внутренним распрям, было символом духовного единства людей и тоже не имело соперников, — свою власть оно ставило выше политической власти земных правителей.

В это же время в Средней Азии были распространены и как будто мирно уживались различные религии и культы мирового и регионального значения. Среди них преобладали буддизм (распространенный как будто главным образом в Тохаристане, Северном Хорасане и Семиречье), христианство (представленное еретическими, изгнанными с их византийской родины сектами несториан и якобитов), манихейство и местные маздеистские культы. Некоторые сюжеты и образы настенных росписей Пенджикента указывают как будто о проникших сюда разновидностях индийского брахманизма в сочетании с какими-то формами местного "язычества". Был, видимо, известен и культ предков, но представлял он собой самостоятельное религиозное направление, или сочетался с местными формами зороастризма-маздеизма — неясно.

Любопытно, что до арабского завоевания и вызванной им исламизации новая религия не делала попыток мирного проникновения в Среднюю Азию. Нет никаких свидетельств, что до вторжения войск Халифата здесь имела хотя бы одна мусульманская община, или побывал какой-либо проповедник ислама.

Очень возможно, что параллельное существование множества религий приводило к их диффузии, взаимному проникновению философских систем, идей и обрядов и, следовательно, к возникновению новых синкретичных религиозных концепций.³⁶²

В трудах историков времени раннего средневековья — арабских, китайских и иранских — довольно часто встречаются упоминания о храмах огня, храмах "идолов" и династических храмах предков. Рассказывается в них и о широком распростране-

нии сакральных скульптурных изображений, которые в русских переводах обозначаются словом "идолы", и которые были разнообразны — от крупных, сделанных из золота и серебра, до небольших деревянных, во множестве продававшихся на базарах. Редкое доисламское жилище — из тех, что стали материалом археологических исследований — обходилось без очага-алтаря явно небытового назначения, в сравнительно богатых жилых домах устраивались специальные "капеллы" с алтарями, на которых пылал священный огонь, а в замках и дворцах для религиозных церемоний-обрядов отводились специально оборудованные, подчас большие помещения. И, конечно, духовными потребностями людей было вызвано строительство монументальных культовых сооружений, известных сейчас в довольно большом количестве — храмов, монастырей и часовен.

Несмотря на атеистический характер советской идеологии (а может быть, именно поэтому) в советской среднеазиатской археологии сложилась тенденция преувеличивать значение и распространение сакральной архитектуры доисламского времени, — при том, что эти значение и распространение были на самом деле очень велики и в преувеличении не нуждались. На практике это приводило к тому, что почти любое раскопанное здание, назначение которого вызывало сомнения, объявлялось храмом или святилищем, с последующим "подтягиванием" соответствующих аргументов или даже без них. Характерный, но совсем не единственный пример — "храмы" Пенджикента, о которых шла речь. Чем древнее эпоха, тем сильнее было искушение объявить то или иное сооружение сакральным, священным, отказать ему в праве на гражданские "светские" функции.³⁶³ Достаточно было обнаружить в одной половине здания колодец, а в другой — отсутствие колодца, чтобы признать первую половину посвященной божеству воды, другую — божеству огня, а все здание целиком — храмом и по совместительству династическим мавзолеем.³⁶⁴ Этот случай, к сожалению, не исключительный: попытки превратить дворцовые покои, укрепленное жилище, крепость и т. п. в святилища неизвестных подчас религий предпринимались в среднеазиатской археологии многократно, и некоторые из них как бы закреплялись в научной литературе. Поэтому определение того или иного древнего здания как храм или святилище, при нехватке или отсутствии бесспорных признаков его сакральной атрибуции, требует большой осторожности, тщательной аргументации и, конечно, добросовестности.

Все открытые по нынешний день в Средней Азии достоверно культовые сооружения делятся, по их религиозной принадлежности, на три группы. Первые две из них — храмы и монастыри буддизма и христианства, принадлежность которых определяется как правило достаточно очевидными признаками. Третья группа, большая, расплывчатая и в известной мере условная, объединяет постройки и устройства, обозначаемые как храмы огня, маздеистские святилища, храмы предков, храмы идолов, языческие храмы и пр. — то есть здания, сакральная принадлежность которых неясна их исследователям, а в некоторых случаях сомнительна и вызывает более или менее обоснованные предположения. В доисламской архитектуре Средней Азии эти постройки количественно преобладают.

На втором месте стоят культовые сооружения, представляющие буддизм. Их найдено довольно много, что не совсем понятно: в 7 в., по свидетельству китайских путешественников (которые сами были буддистами), эта религия переживала в Средней Азии как будто глубокий упадок.³⁶⁵ Это, правда, касается главным образом Согда, где буддийские сооружения 7—8 вв. пока, действительно, не найдены, — области Средней Азии с руинами буддийских храмов и монастырей ограничены пока, как говорилось, Тохаристаном, Северным Хорасаном и Семиречьем. Единственный пока буддийский храм найден и в Ферганской долине, на городище Кува.

Один из самых известных, благодаря превосходной публикации, буддийских монастырей ныне называется *Аджи́на-те́пе*. Он был основан в долине Вахша, в 12,5 км восточнее современного города Курган-тюбе; в 60-е и 70-е годы нашего века его руины были раскопаны и тщательно изучены.³⁶⁶

Комплекс монастыря — компактный, продолговатый в плане (размеры около 100×50 м), вытянутый в направлении ЮВ—СЗ, — состоит из двух почти равных, строго симметричных частей, объединенных общей продольной осью. Помещения ЮВ части окружают квадратный двор со сторонами 18,5 м, на осях которого лежат четыре небольших сводчатых айвана. Осевые проходы из айванов ведут по продольной оси в главное храмовое помещение (квадратное, с суфами-площадками для статуй, слегка выступающее из середины ЮВ фасада) и в проходной квадратный вестибюль перед входом в другую половину монастыря. На поперечной оси двора лежит вестибюль единственного входа, выступавшего пилонным объемом (типа портала-пештака) на СВ фасаде, и напротив него, на ЮЗ стороне — большой четырехколонный, слегка продолговатый в плане зал площадью около 100 м² и "канонических" пропорций — 1: (√3:2). Здесь, полагают исследователи, собирались члены монастырской общины — до тех пор, пока пострадавший от пожара зал не был уменьшен прикладной стенкой, а позже и совсем замурован. И этот зал выступал кубическим объемом из ЮЗ фасада, нарушая геометрическую правильность прямоугольного плана.

Проемы в боковых стенах айванов вели в сводчатые коридоры, которые огибали изнутри углы двора и соединяли айваны между собой, образуя четыре Г-

образных отрезка. Сюда вели прорезанные у углов двора проходы, по два на каждой стороне, которые соединяли двор непосредственно с отсеками-коридорами. Наружная квадратная обстройка двора, лежащая за каре коридоров и осевых айванов, состояла из цепочки квадратных купольных келий монастырского общежития, расположенных по сторонам храма-святилища и вестибюля за входом. По сторонам четырехколонного зала и проходного СЗ вестибюля кельи почему-то были заменены сводчатыми коридорообразными помещениями (рис. 234).

Идея строго центрической симметрии была последовательно выражена здесь в "кресте" расширяющихся двор почти одинаковых осевых айванов и меньших проходов по их сторонам (еще одно воплощение ритуально-триумфальной трехарочности), в двойном "футляре" периметрально окружающих двор помещений и в замыкании осей на всех четырех сторонах помещениями особого назначения и устройства. Эта несколько умозрительная, ничем не нарушаемая симметрия имела, вероятно, своим источником космогонические представления о гармоническом, не допускающем отклонений устройстве буддийской вселенной.

Тот же принцип центрической симметрии лежит в основе планировки второй, СЗ (храмовой) половины монастыря. Ее квадратный двор намного просторнее — 30×30 м, — но его большую часть занимает буддийский реликварий — "ступа": этим несложным словом обозначают куполообразный объем с камерой для священной реликвии внутри, поднятый на ступенчатую платформу, которая здесь сделана в форме уступчатого креста. К верхней несохранившейся полусфере подвели четыре осевых лестницы.

Ступа расположен точно посреди двора и соответственно ориентирован, — его оси совпадают с осями двора, которые, как в первой половине монастыря, замыкаются четырьмя сводчатыми айванами. ЮВ айван, лежащий на общей продольной оси, сообщается с проходным вестибюлем и через него — с первой, ЮВ половиной комплекса. За остальными тремя айванами лежат небольшие квадратные в плане камеры-капеллы с суфами-площадками для статуй на каждой, кроме входной, стороне. Осевые СВ и ЮЗ капеллы подобно входу и четырехколонному залу выступали из фасадных плоскостей; СЗ капелла представляет собой среднее звено в цепочке семи единообразных камер несколько различного устройства: три из них, как осевые капеллы, оборудованы осевыми суфами-площадками, другие три — миниатюрными подобиями ступа в центре. Такой же миниатюрный ступа стоял в СЗ айване.

От жилых келий, которым они близки по величине, эти храмы-капеллы отличает, кроме специфически культового оборудования, еще и осевое расположение входов, — входы в кельи расположены сбоку, заподлицо с одной из сторон, как было принято в комнатах обычного бытового назначения.

И здесь двор был окружен периметральным сводчатым коридором, расчлененным на четыре коленчатых отрезка врезанными в него осевыми айванами, которые сообщались с коридорами боковыми про-

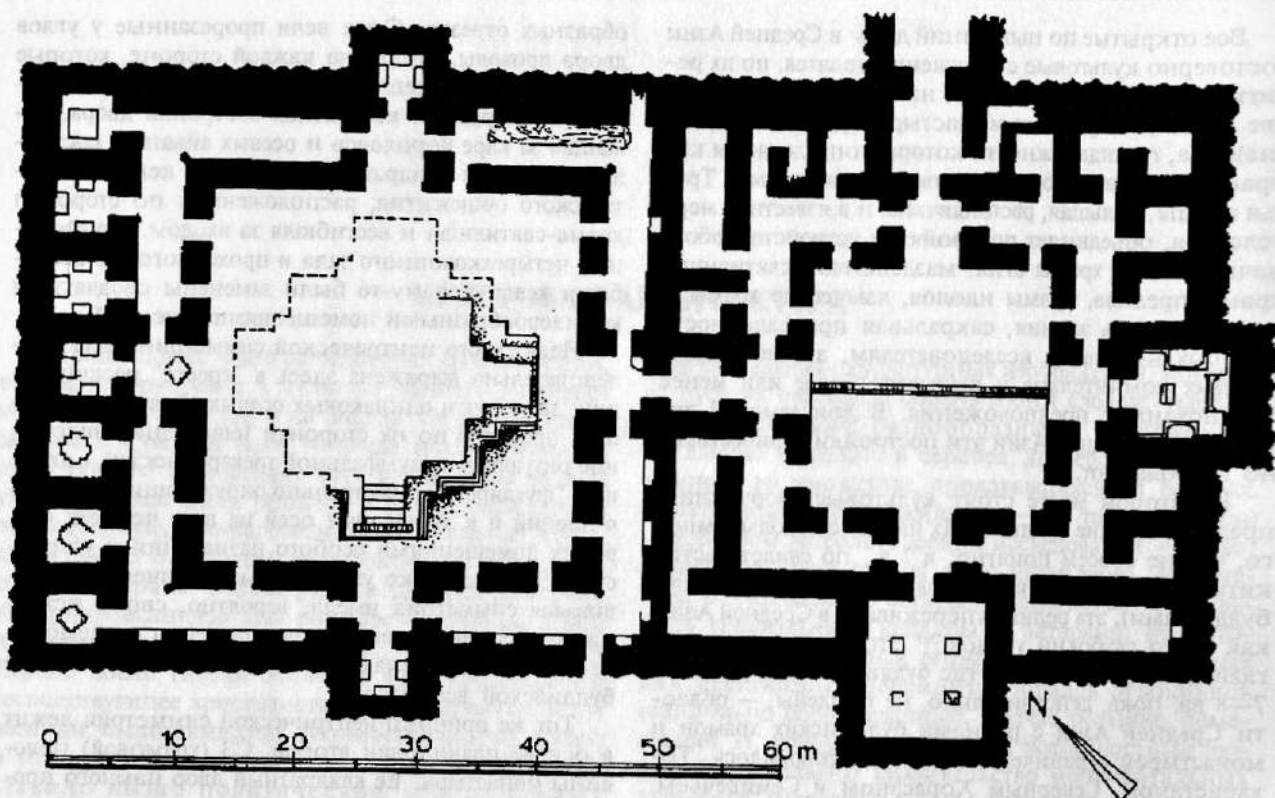

Рис. 234. Буддийский монастырь Аджины-тепе. План. По Б.Литвинскому и Т.Зеймалю.

ходами; и здесь, кроме того, стены двора прорезаны ведущими в коридоры проемами, но количество их в разных местах неодинаково.

Плановые членения обеих частей монастырского комплекса согласованы: продольные отрезки коридоров второй, "храмовой" части представляют собой продолжение наружной обстройки первой, "монастырской" части, — совпадают и направление, и ширина этих помещений. Если бы в "монастырской" части не было внутреннего квадрата прорезанных айванами стен и двери келий выходили бы прямо во двор — этот двор был бы равен, величиной и формой, двору "храмовой" части. Поэтому продольные стороны "храмовой" части были оставлены без обстройки, — для нее здесь, при единой ширине всего комплекса и большом ступе, заполнившем весь двор, не оставалось места.

"Храмовую" часть монастыря украшало множество раскрашенных глиняных статуй — изображения персонажей многоликого буддийского пантеона. Для них в наружных стенах ЮЗ и частично ЮВ коридора были устроены часто расставленные сводчатые ниши (рис. 235); половину СВ коридора занимала огромная — более 12 м длиной — статуя покоящегося в нирване Будды (рис. 236). Скульптура и настенные сюжетные росписи составляли неотъемлемый компонент монастырской внутренней архитектуры.

Стены монастырских построек возведены из пахсовых блоков (высотой до 90 см и длиной до 95 см) и продолговатого сырца "классического" доисламского размера — 50×25×10-12 см. Употребление этих материалов в обеих частях различно: в "монастырской" части основание стен сложено из пахсы, уло-

женной в два или три слоя, которые перекрыты несколькими рядами сырца; в "храмовой" части три ряда пахсовых блоков опираются на сырцовое основание и увенчаны несколькими рядами сырца, выше которых начинаются своды. Продолговатые помещения, проемы и ниши были перекрыты сводами, сложенными, судя по сохранившимся частям, в технике наклонных поперечных отрезков. Своды над некоторыми помещениями были возведены из специальных сырцовых кирпичей трапецевидной формы — длиной 50 см и шириной коротких сторон 28-29 и 21-22 см. Продольная ось во дворе "монастырской" части отмечена полосой жженных кирпичей разных размеров — от 26×40 до 31×54,5 см.

Капеллы и кельи квадратной в плане формы перекрывались куполами, основанными, вероятно, на угловых перспективно-ступенчатых тромпах; сопряжение сводчатых коридоров под прямым углом предполагает и здесь в западающих углах тромпы такого же типа — способ, позволяющий избежать технически сложного стыка сводов на углах. Четырехколонный зал "монастырской" части (11×9,5 м) имел, несомненно, балочное перекрытие, — исследователи предполагают здесь, как обычно, опиравшийся на колонны брусчатый купол "рузан" со световым люком в зените.

Любопытная конструктивная особенность Аджины-тепе — найденные здесь сводчатые пустоты, подобие замурованных сводчатых коридоров, устроенные над и между параллельными сводами помещений (или между сводами и куполами). Это разгрузочное устройство предназначалось для облегчения массы сплошной земляной забивки, которая запол-

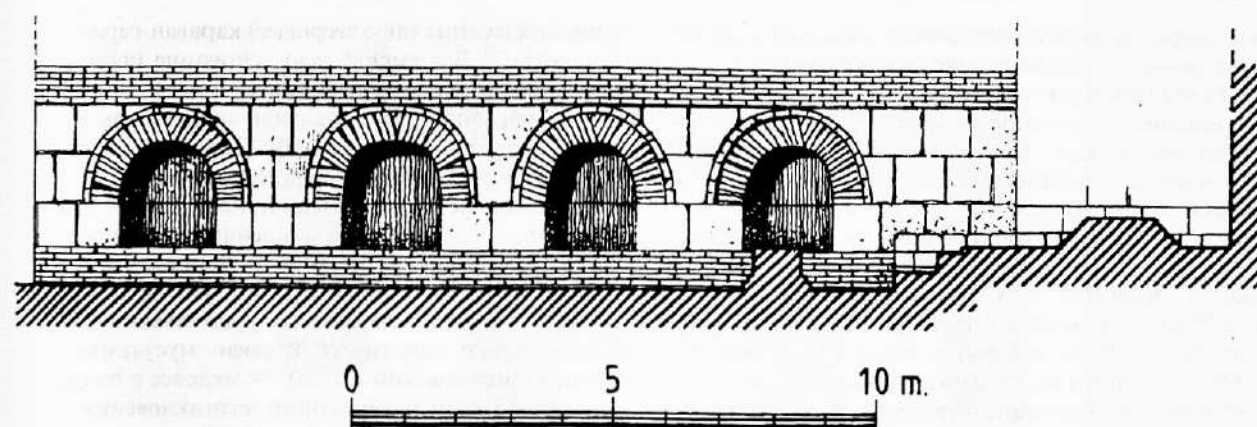

Рис. 235. Буддийский монастырь Аджины-тепе. Разрез ЮЗ коридора в храмовой группе.

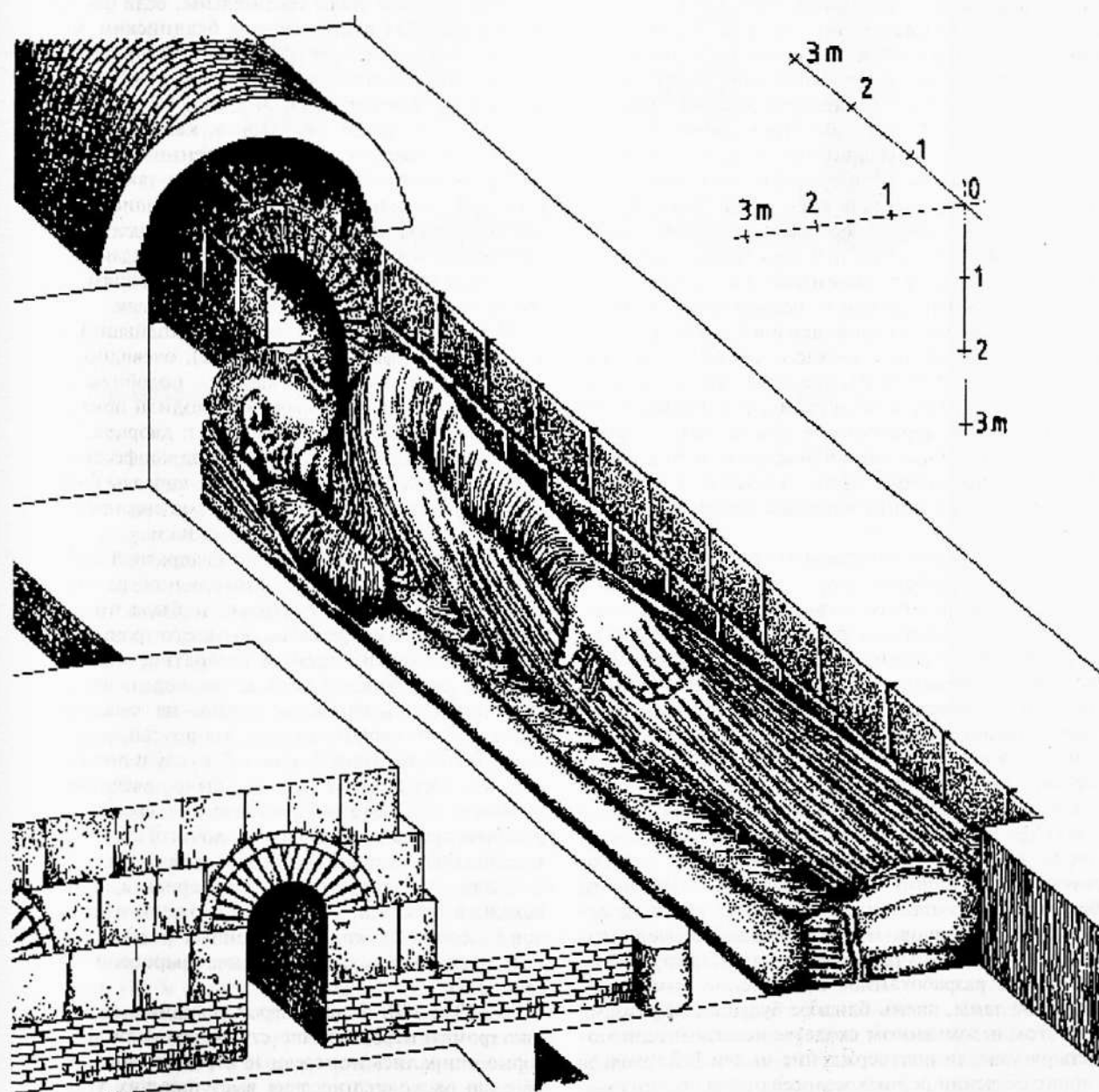

Рис. 236. Аджины-тепе. Статуя Будды в нирване. Реконструкция С.Неумывакина.

няла сверху выемки-пазухи между сводами и, конечно, основательно (иногда даже опасно) давила на них, — забивка нужна была для образования горизонтальной внешней поверхности кровли. Высота разгрузочных сводов около 1 м, ширина — 1,2–1,4 м. Этот разумный функциональный прием встречен здесь впервые в истории средне- и ближневосточной архитектуры: лет через 100 он будет повторен в раннеаббасидском замке-дворце Охейдир.³⁶⁷ Следующее (и, кажется, последнее) его употребление отмечено через 800 лет — в мечети Абдуллатифа ("Кок-гумбаз") в городе Ура-Тюбе, которая датируется 15–16 вв.

Общий принцип планово-пространственной структуры Аджины-тепе определяется квадратным двором (здесь удвоенным), окруженным кельями монастырского общежития и капеллами. Эта плановая схема буддийского монастыря-"вихара" была воплощена в пещерных и наземных сооружениях Центральной Азии начиная с 3–1 вв. до Р.Х., и уже с раннего времени в центре двора нередко помещался ступа. Тому же принципу организации внутреннего пространства следуют раннесредневековые буддийские монастыри Афганистана. Что касается деления монастыря на две функционально различные, но близкие по размерам и внутренней организации части, то этот прием был воплощен еще в Фаяз-тепе — буддийском монастыре, построенном в начале н. э. под Термезом.³⁶⁹ В 3–5 вв. н. э. двухчастные буддийские монастыри, разделенные на собственно монастырскую и храмовую (с воздвигнутым в центре двора ступа) части строились и в Северном Афганистане — в Багх-Гаи, Сан-Хао и Кундузе.³⁷⁰ Все же, несмотря на общие черты сходства Аджины-тепе с этими сакральными комплексами, она превосходит их строгой соразмерностью и взаимосвязанностью всех частей, рациональной ясностью решения очень четкой планировочной идеи и мастерской разработкой некоторых принципиально новых приемов и форм.

Едва ли не самые интересные среди них — четырехайванное устройство двора, употребленное здесь дважды, но по-разному. Строго говоря, это не открытые двор с четырьмя айванами на осях известен и в гораздо более ранних постройках Среднего Востока, хотя встречается здесь редко. Четырьмя широкими, но неглубокими айванами был как будто расширен северный двор во дворце Калалы-гыр (Хорезм), в котором подозревают недостроенную резиденцию наместника Ахеменидов (5–4 вв. до Р.Х.).³⁷¹ Четырехайванную систему избрали для внутреннего двора строители парфянского дворца в Ашшуре (1–2 вв. н. э.).³⁷² Позже прямоугольный двор с четырьмя осевыми айванами станет традиционным, почти обязательным компонентом в структуре крупных сооружений — дворцов, медресе, караван-сараяв, дворов мечетей, — Аджины-тепе демонстрирует первое вполне разработанное применение этой архитектурной темы, очень близкое будущим образцам.

В этом несомненном сходстве исследователи монастыря увидели подтверждение мысли В.Бартольда о происхождении первых медресе от буддийских монастырей, с сохранением их структурных признаков.³⁷³ В качестве дополнительного аргумента отме-

чены двухчастные (двухдворовые) караван-сарай типа Акча-кала.³⁷⁴ Все вместе дало основание исследователям определить роль Аджины-тепе в эволюции форм и образов монументальной архитектуры Средней Азии следующими словами: "Таким образом, Аджины-Тепе с ее четырехайванно-дворовой композицией может не только рассматриваться как исходный пункт развития этой важнейшей (для последующего более чем тысячелетнего периода) архитектурно-планировочной схемы, но, что не менее, а, может быть, более важно, как существенный аргумент в пользу генетической связи мусульманской высшей богословской школы — медресе с буддийским монастырем и вероятного возникновения медресе на территории Тохаристана".³⁷⁵

Возможно, что эти соображения верны, — ведь, в конечном счете, все в мире взаимосвязано. Но они были бы гораздо более убедительны, если бы Аджины-тепе не был единственным буддийским монастырем с внутренней четырехайванной структурой, и если бы двухчастные караван-сарай 11–12 вв. объединяло с двухчастными вихарами нечто большее, чем просто наличие двух дворов, какового наличия — при совершенно разных внутренних устройствах — для концептуальных выводов все-таки недостаточно. И, наконец, если бы древнейшие образцы дворов с четырьмя айванами не принадлежали сооружениям несомненно светского, гражданского, а не сакрального назначения, — сооружениям, о которых исследователи Аджины-тепе забыли.

Небольшой буддийский храм, входивший в состав дворца Кафыр-кала (на Вахше), очевидно, представлял собой дворцовую капеллу, подобную своим назначением тем капеллам, что входили почти обязательной частью в состав замков и дворцов.³⁷⁶ Это, кажется, единственный случай, когда конфессиональная принадлежность такой часовни-капеллы была однозначно установлена благодаря тематике настенных росписей и особенностям планировки.

Капелла занимала ЮВ угол квадратной территории дворца, состоящего, как говорилось, из множества разновременных построек, и была построена рано, — еще до сооружения большого тронного зала и его кулуаров. Внутреннее квадратное помещение капеллы размерами 3,4×3,4 м возведено из сырца (50×25×10 см) и обращено входом на запад; кроме этого осевого арочного входа был другой, прорезанный в северной стене ближе к СВ углу и после заложения. Перекрытие капеллы было, очевидно, купольным. Это небольшое кубическое здание с внутренними суфами у южной и восточной стен было со всех четырех сторон окружено сводчатым коридором или, как принято говорить среди археологов, обходной галереей, — ее стены сложены из двух рядов паховых блоков, прослоенных рядом сырца, и надстроены несколькими рядами сырьевой кладки (рис. 237).

В ЮЗ и ЮВ углах галереи сохранились небольшие тропы перспективно-ступенчатого типа, на которые опирались поперечные отрезки свода, веерообразно расходившиеся из выступающих углов, — этот характерный прием, упоминавшийся в связи с перекрытиями Аджины-тепе, позволял как бы "пе-

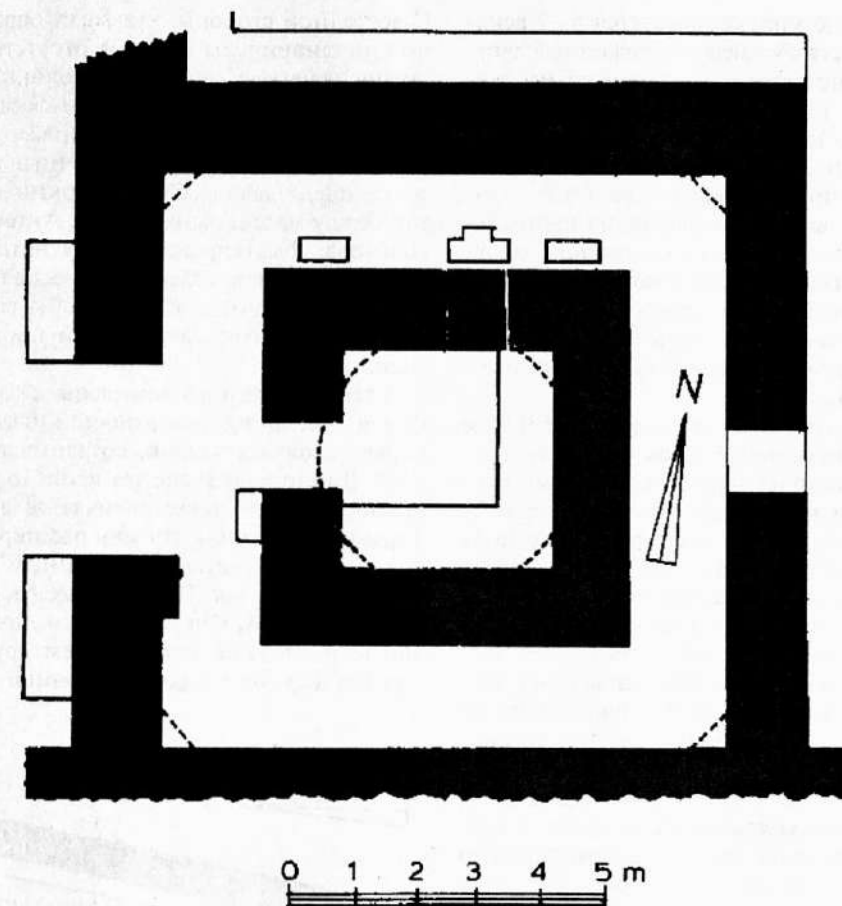

Рис. 237. Буддийская капелла в цитадели Кафыр-кала. План. По Б.Литвинскому и Е.Денисову.

регнуть" свод под 90° и обойтись без распалубок, неизбежных при обычном пересечении сводов и неудобных при конструкции поперечными отрезками. Очень широкий (немногим более 3 м шириной) проход прорезал западную стену галереи напротив входа в среднее помещение, по сторонам прохода снаружи сохранились небольшие суфы — обычное оборудование входов в общественные постройки; другой проход, узкий и, вероятно, запасной, был устроен посреди восточной стены галереи. Предполагается, что перед главным западным входом имелся колонный деревянный айван.

Святыни с обходным коридором, трехсторонним (П-образным) или замкнутым, было характернейшим и распространенным признаком храмовых зданий Средней Азии (да и всей Центральной Азии и Среднего Востока) с давних, еще античных времен. Это каноническое устройство, рассчитанное на ритуальные процессии верующих вокруг святыни, употреблялось в сакральных сооружениях разных религий по меньшей мере с первых веков н. э., — оно есть уже в ахеменидском храме в Сузах, дворцовом храме парфянской Хатры³⁷⁷, сасанидском храме огня в Бишапуре и других сасанидских святынях типа "чортак"; его характерный и ранний образец — храм огня Сурх Котал в Северном Афганистане (1–2 вв. н. э.).³⁷⁸ В Индии храмы этого типа, посвященные местным традиционным религиям,

строились в течение многих веков.³⁷⁹ В эпоху раннего средневековья эта архитектурная тема, долгое время оставшаяся на обширных пространствах Азии межконфессиональной, была, по-видимому, локализована в буддийских культовых сооружениях, где процессии верующих вокруг святыни оставались важнейшим ритуалом богослужения. С этим ритуалом связано, вероятно, и устройство сквозных обходных коридоров вокруг дворов Аджины-тепе: в одном из них роль святыни исполнял ступа, а в другом, может быть, несохранившееся культовое изваяние.

Что касается часовни во дворце Кафыр-кала, то ее буддийская принадлежность доказана, помимо того, сюжетами и стилем настенных росписей, местами сохранившихся в святыне, обходном коридоре и на западном фасаде по сторонам входа, — в святыне, например, уцелело изображение головы Будды с ее обычными аксессуарами. Исследователи находят, что стилистика и живописная манера украшавших часовню росписей прямо аналогичны живописному убранству монастыря Аджины-тепе.

Открытое на юге Таджикистана буддийское святынище Калаи Кафирниган (упоминавшееся в связи с найденным рядом с ним большим жилым домом) сочетает в себе общераспространенные черты зданий этого назначения с примечательными региональными особенностями.³⁸⁰

Этот сакральный комплекс датируется 5–7 веками. Его основную часть составлял огороженный двор, замкнутый на западной стороне зданием храма, стены которого почти целиком возведены из блоков пахсы. Установлено, что свое окончательное устройство и облик храм получил постепенно, пристройкой новых помещений и перестройкой более ранних. В завершенном виде храм состоял из центрального, почти квадратного в плане святилища, окружавшего его сводчатого коридора, который на восточной стороне трансформировался в открытый колонный портик, и западной группы комнат с центром в виде небольшой купольной камеры необычного вида (рис. 238).

Святилище с внутренними размерами 4,65×4,95 м представляло собой купольный киоск, первоначально раскрытый на все стороны четырьмя арочными входами, — это, собственно говоря, было здание типа "чортак" или "аташкед", обычное для ирано-сасанидских храмов огня, но иногда, как говорилось, игравшее роль монументального надгробия.

В Средней Азии постройки этого типа исключительно редки. Иногда они входили составной частью в структуру более сложно организованных зданий, отдельно же стоящий среднеазиатский "чортак" представлен недавно открытым в Самаркандском вилайете зданием Ак-тепе, которое датируется 6–7 вв. и было, может быть, зороастрийским святилищем (рис. 238 а). Это плохо сохранившееся здание устроено так же, как иранские чортаки традиционного вида, включая обязательную внешнюю стену вокруг квадратного ядра и разделяющий ядро и стену обводной коридор. Даже размеры Ак-тепе совпадают с размерами некоторых иранских чортак, — например, с "классическим" чортаком в Саршуре, — Ак-тепе отличается от него лишь более узкими проемами центрального купольного ядра и, соответственно, большей замкнутостью внутреннего пространства.

От классических сасанидских чортак здание на Калаи Кафирниган отличается сравнительно небольшой шириной входов и, соответственно, превращение угловых столбов в широкие массивные простенки. Все же несомненные черты сходства позволяют видеть в нем редкий образец чортока в Средней Азии, представленный здесь в непривычной для него роли буддийского, а не зороастрийского святилища. Более широкий, чем другие, западный вход в святилище исследователь считает изначально главным. Позже северный вход был заложен, южный перегороден тонкой кирпичной стенкой и превращен в две ниши — глубокую внутреннюю и мелкую наружную, — а восточный был оформлен прямоугольными пилонными выступами, что, видимо, означает его превращение в главный вход.

Можно думать, что эти переделки были вызваны новой обстройкой святилища: с трех сторон — севера, запада и юга — его охватило коридорообразное пространство шириной немногим более 2 м с глухими боковыми (северной и южной) стенами. Остатки перекрывавшего этот П-образный кулуар свода оказались сложенными, вопреки повсеместной здешней традиции, не поперечными отрезками, а классической клинчатой, европейско-античного типа кладкой.

С восточной стороны, куда был обращен украшенный пилонами вход, коридор отсутствовал: здесь его заменяли четыре деревянные колонны на каменных базах; между ними и восточным фасадом святилища оставался перекрытый, полутораметровой ширины проход. Таким образом, восточный входной фасад храма представлял собой широкий колонный портик между массивными антами. Антовые концы стен коридора, фланкировавшие эту пятипролетную колоннаду, были впоследствии несколько выдвинуты вперед, — видно, для того, чтобы расширить навес кровли и защитить деревянный портик от дождя и снега.

Стены святилища возведены с заметным наклоном их внешних поверхностей назад — обычный прием пахсовых кладок, сохранившийся до наших дней. В центре возвышался неплохо сохранившийся прямоугольный двухступенчатый алтарь сложной формы: его нижняя ступень расширена выступами, подобными миниатюрным "тронным" площадкам суф в приемных залах. На выступах располагались статуи. Восточный, обращенный ко входу выступ более широк и сложнее украшен, чем другие. В верхней ступени (кроме гладкой восточной стороны) ниж-

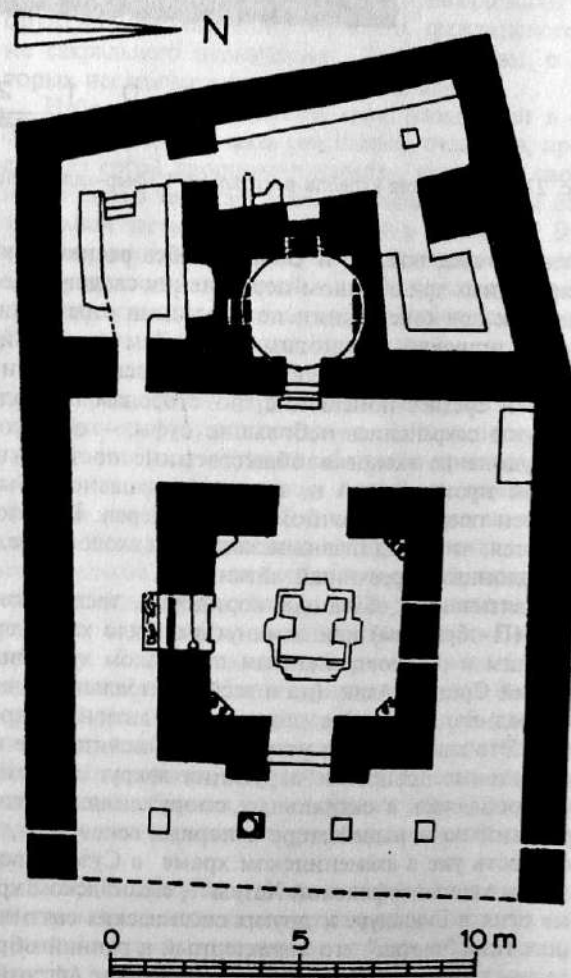

Рис. 238. Калаи Кафирниган. Буддийский храм. План. По Б.Литвинскому.

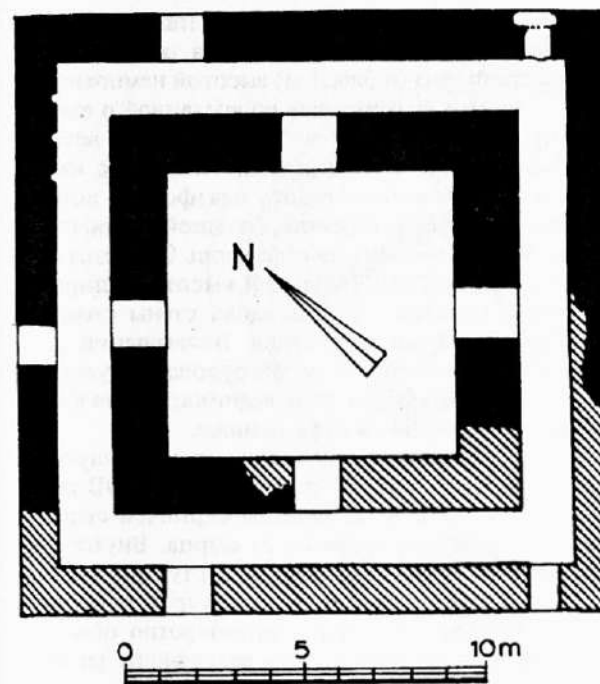

Рис. 238 а. Ак-тепе Самаркандской области. План с элементами реконструкции.

ним выступам отвечают прямоугольные впадины, где тоже стояли — вернее, сидели — изваяния. Вспоминая мое впечатление от этого уступчатого скульптурного "острова" посреди квадратного помещения, я думаю, что это был не столько алтарь для жертвенных подношений, сколько votivное изображение ступа, — схожее с теми, которыми оборудованы капеллы Аджина-тепе. Статуями были украшены и все четыре угла святилища, и ниша, которая образовалась на месте перегороденного южного входа.

Два прохода — у ЮЗ угла и посреди западной стены — соединяли западный отрезок П-образного коридора с группой комнат, которые, как считает исследователь, были пристроены к храму позже. Центральная среди них, и по значению, и по расположению — купольная камера размерами 2,55×2,6 м, изолированная от соседних комнат и сообщающаяся осевым входом только с западным храмовым коридором. Это единственное помещение храмового комплекса, построенное не из пахсы, а из сырцового кирпича. Вход и камера, в которую он ведет, лежат — не совсем точно — на главной оси симметрии храма В-3, точнее говоря — замыкают эту ось на западе. Явная композиционная связь с храмом и купольное — вопреки крохотным размерам — венчание свидетельствуют о небытовом, сакральном назначении камеры: она выглядит вторым святилищем, правда, лишенным традиционного обхода.

В устройстве этой центрической камеры есть важная особенность, позволяющая увидеть здесь зародыш будущих залов с куполом, опирающимся на промежуточный восьмигранный ярус тропов — эволюционное звено между купольно-троповыми конструкциями, известными с 9 в., и ранними куполами с небольшими угловыми вырезами в основании

купольной оболочки, распространенными в 5–8 вв. Здесь низко расположенные — только 70 см над полом — угловые тропы древней перспективно-ступенчатой формы (то есть состоящие из 2–4 арочек, вставленных одна в другую и уменьшающихся к углу) врезаны не в низ оболочки купола, а в криволинейный, слегка изогнутый по сторонам тропов барабан, четко отделенный от круглого основания купола и оформленный на осях помещения глубокими арочными нишами (см. рис. 36). Это, видимо, первая дошедшая до нас попытка создать между квадратом стен ("четвериком") и кольцеобразной основой купола особый пояс конструкций — эмбрион правильного восьмигранника-октагона с угловыми арочными парусами и осевыми промежуточными нишами (рис. 239).

Этот прием здесь еще очень далек от завершенности, не получил окончательной формы: основания осевых ниш, например, расположены ниже тропов, и полного объединения тропов и ниш в единую восьмигранную аркаду здесь еще нет. Но он совершеннее современного ему общераспространенного способа постановки купола прямо на квадрат стен, — способа, который вынуждал делать купол шире, чем пролет помещения, и "вырезать" его нависающее над углами основание при помощи уступчатых конических углублений.

Если устройство купольного храма-"чортока" предвосхищает, по справедливому наблюдению исследователя, центрические мавзолеи раннеисламского времени, раскрытые на все стороны арочными входами (и прежде всего — первый из них, бухарский мавзолей Саманидов³⁸¹), то в конструкциях лежащего сзади, на той же оси маленького помещения усматривается прообраз другой особенности мавзолея Саманидов, его современников и потомков — восьмигранного подкупольного пояса-"октагона" арочных парусов.

Что до трех взаимосоединенных комнат, с трех сторон охвативших маленькую западную капеллу, то их оборудование суфами и пристенными очагами, да и сама удлиненная, геометрически не совсем четкая форма говорят о бытовом назначении: здесь, вероятно, жили служившие в храме священники-монахи. Правда, суфа с небольшой "тронной" площадкой и даже ведущими на нее ступенями в южной комнате, прямо связанной с храмом — свидетельство определенной парадности и общественного статуса этого помещения.³⁸²

Фергана как будто не была в числе земель Средней Азии, в которых буддизм имел преимущественный успех. Здесь пока найден только один буддийский храм — в городе Кува (Куба), который стоял на древнем торговом пути в Кашгар и в доисламское время был вторым (после Ахсикента) городским центром Ферганского владения.³⁸³ Это здание интересно не только своей единичностью, но и особенностями архитектуры, отсутствием характерных и, казалось бы, повсеместных, почти обязательных для буддийских храмов Центральной Азии приемов.

Место для храма, который датируется 7 в., было выбрано на северной окраине города, на всхолмлении, поднятом над заболоченной низиной и состав-

лявшем звено в системе обороны города. Вместе с храмом к ЮЗ от него возник поселок, в плотной застройке которого просматривается предварительный планировочный замысел, — об этом было рассказано на стр. 161, 162 (рис. 179, 180). Храм и примыкавший к нему поселок, населенный членами местной буддийской общины, представляли собой нечто вроде "микрорайона", удовлетворявшего духовным и бытовым потребностям его жителей. В структуре города, центр которого — шахристан — был расположен южнее, этот комплекс (храм и жилой район при нем) обладал, видимо, известной суверенностью.

Храм, ориентированный главной осью в направлении ЮВ—СЗ, стоял на возвышении (неясно, естественном или искусственном) высотой 3,6 м, которому была придана форма уступчатой платформы, и состоял из трех частей. Входная ЮВ часть состояла из поперечного ряда комнат глубиной 5,5—6,5 м и общей длиной 28 м, в котором прорезан сквозной проход; симметричные проемы из проходного помещения вели в соседние комнаты, видимо, служебно-сторожевого и жилого назначения. Самая большая правая комната — может быть, хозяйственный дворик — не была связана с проходной группой и открывалась входом в лежащий сзади двор. СВ сторона обширного двора не сохранилась, но при допущении, что она была продолжением СВ стороны храма, его ширина достигала 27 м (рис. 240).

Почему-то входная группа комнат не была перпендикулярна оси двора и образовывала с его боковыми стенами угол около 20°; длина двора по продольной оси должна была достигать 37 м. Поперечная СЗ сторона двора замыкалась собственно зданием храма, вернее — его главным фасадом, прорезанным входами в два больших, не сообщающихся между собой помещения. Из них, собственно говоря, и состоял храм, построенный из сырца и пахсы. В стенах был употреблен сырец размерами 35×17×7 и 38×17×5 см, в платформах обоих помещений — 48×44×22×6, 52×50×8 и 52×25×7 см (рис. 241).

Левое помещение исследователь условно назвал святилищем. Оно почти квадратное (11,9×11,2 м) в

плане, с осевым входом и плоской нишей в задней стене напротив входа. Середину зала занимает квадратная платформа (6,3×6,38 м) высотой немногим более 1 м, на нее поднимались по врезанной в южную сторону трехступенчатой лестнице. Квадрат величиной 2×2 м, заполненный рыхлой землей и с канавкой для золы отмечал середину платформы, которая представляла собой, вероятно, большой жертвенник-алтарь. Узкая глинобитная суфа вдоль СВ стены упирается в угловую тумбу большей высоты и ширины, с арочной нишкой — здесь вдоль стены стояли и сидели скульптурные изваяния. Возвышение в западном углу, высотой 90 см, оборудовано ступенями и выглядит как кафедра проповедника; справа к нему примыкает небольшая суфа пониже.

Стены "святилища", уцелевшие на небольшую высоту, были построены по-разному: ЮЗ и ЮВ стены сложены из пахсы и облицованы кирпичем-сырцом, СЗ и СВ стены — целиком из сырца. Внутренние поверхности стен, суф, алтарей и ступени лестниц сохранили следы глиняных штукатурок и побелок ганчем, которые, очевидно, многократно обновлялись; местами заметны остатки рельефного декора и росписей, как будто орнаментальных.

Хотя в зале не были найдены следы внутренних опор, они здесь, вероятней всего, были: помещение таких размеров нельзя было бы перекрыть без них, даже если — как предполагает исследователь — это перекрытие было типа брусчатого свода "рузан". Было бы логично предположить, что четыре деревянные колонны, бесследно сгоревшие во время пожара, уничтожившего храм (его признаки заметны здесь повсюду), стояли на углах центрального квадратного возвышения или рядом с ними. На колонны, может быть, опирался "рузан", возвышавшийся над средней частью зала.

Второе помещение, которое исследователь назвал храмом, примыкало к первому с СВ стороны. Это был продолговатый зал размерами 21×14 м со входом на ЮВ стороне, сбитым вправо от продольной оси. В глубине зала, у его СЗ торцевой стены возвышается квадратная (6×6 м) платформа с квадратными угловыми выступами. Платформа, вероятно, слу-

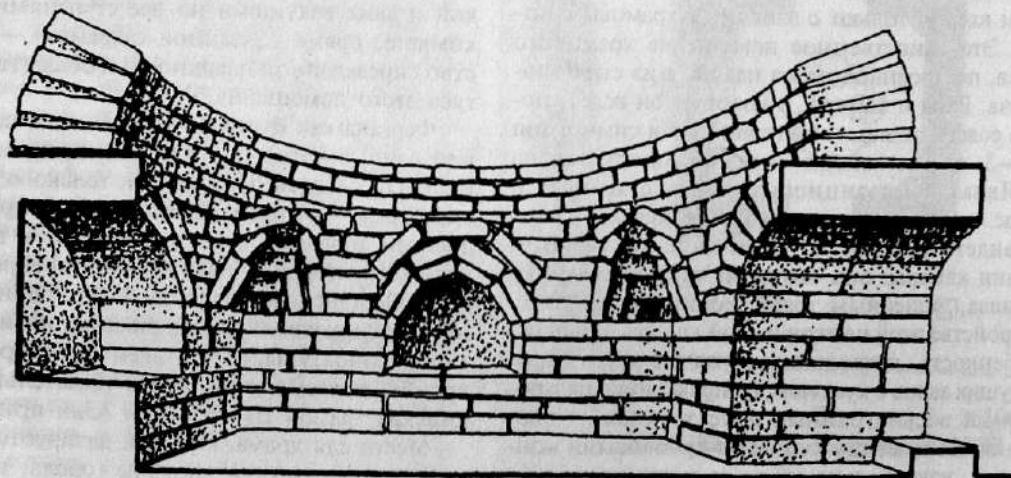

Рис. 239. Калаи Кафирниган. Буддийский храм. Комната с тромпами. Перспектива-разрез. По И. Пичикяну.

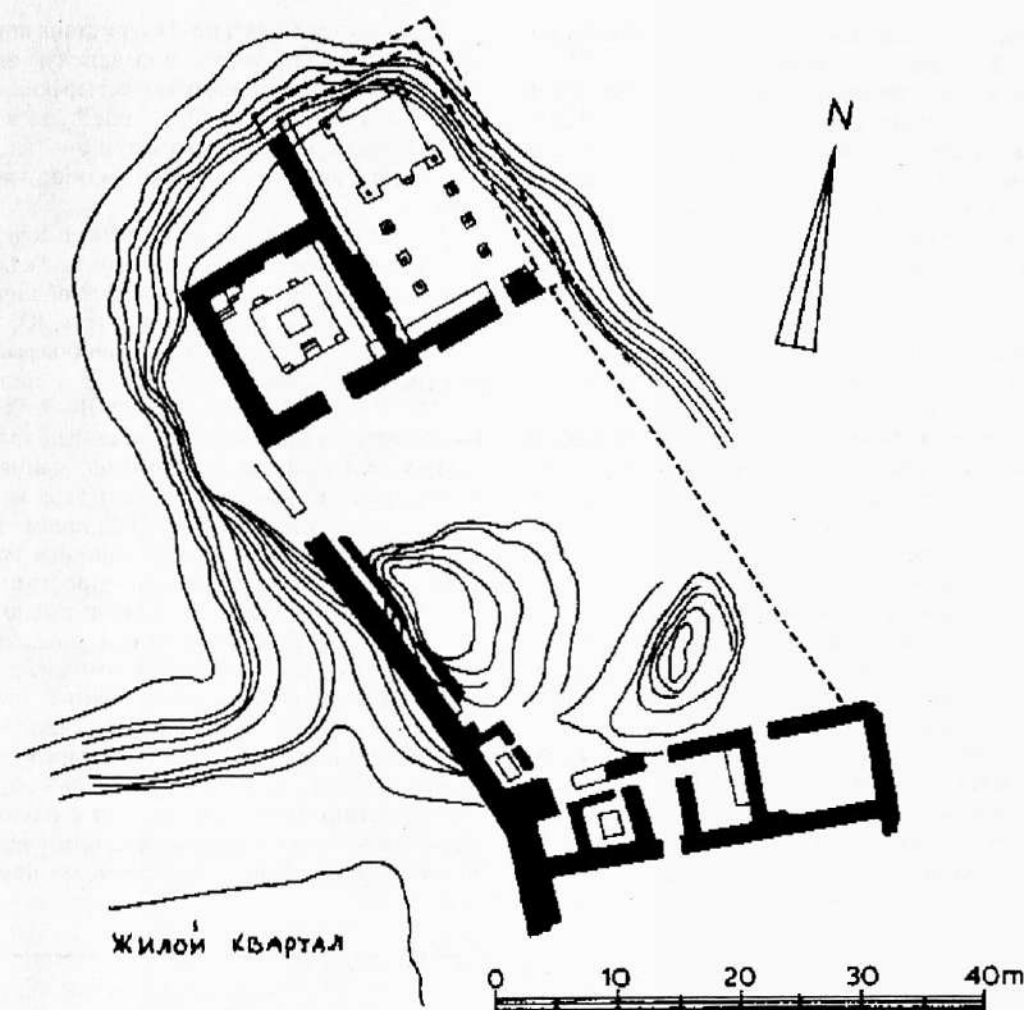

Рис. 240. Буддийский храм в Куве. Общий план. По В. Булатовой-Левиной с частичной реконструкцией.

жила основанием-цоколем для вотивного ступа, — об этом говорят декоративные осевые лесенки, пристроенные к ней с четырех сторон: подобные, так же расположенные лесенки украшают вотивные ступа в монастыре Аджина-тепе и в других буддийских монастырях этого времени. При одной из перестроек ступа, возможно, был заменен большой — в два раза крупнее натуральных размеров — статуей Будды, части которой (голова, плечи и рука) найдены на платформе.

Два ряда деревянных колонн, по пять в каждом ряду, делили храмовый зал на три нефа, — средний неф, шириной равный стороне задней платформы, в соответствии с канонами античной архитектуры, был почти вдвое шире боковых. Две задние пары колонн стояли на угловых выступах платформы и были, соответственно, раздвинуты на ширину среднего нефа, — на них, может быть, крепилось легкое (деревянное или тканое) перекрытие над ступа.

На суфах вдоль ЮВ и ЮЗ стен располагались статуи божеств обширного буддийского пантеона, раскрашенные и покрытые рельефными украшениями; многие из них — добрые демоны "дашкиты" — были вылеплены, судя по их остаткам, с большой экспрессией.³⁸⁴ Необычно выглядят две неглубокие ниши на

ЮЗ стене, у южного угла, разделенные узким выступом-простенком: их задние стены сделаны выпуклыми, как будто в нишу вставлен круглый колоннообразный стержень. Назначение этого странного, вернее всего декоративного приема неясно, но у него есть аналогия: похожие сплюснутые "полуколонны" между узкими выступами оформляли михрабную стену в термезской мечети Чор Сутун, здании 9—10 вв. Там, правда, они замыкали собой ряды круглых кирпичных столбов, обращенные в сторону михраба.³⁸⁵

На ЮВ фасаде храма, точно между входами в оба зала, была сделана ниша, в которой сохранились следы росписи. Судя по массе обугленных балок и жердей, найденных здесь, перед фасадом возвышался колонный портик-айван, — под его кровлей у стены стояли скульптуры, в их числе две конные статуи и пешие воины. Большая статуя буддийского божества, в 2,5 раза крупнее человеческого роста, найдена лежащей ничком у входа в правый зал.

Буддийский храм в Куве остается в большой мере архитектурной загадкой. Его устройство и облик до такой степени непохожи на известные буддийские святилища Средней Азии, что — не будь здесь таких очевидных признаков, как скульптура — в его кон-

фессиональной принадлежности можно было бы сомневаться. Да и сама планировка основного здания, состоящего из двух разобщенных, даже композиционно мало связанных между собой залов не находит сколько-нибудь близких подобий в сакральной архитектуре Средней Азии. Трехнефное устройство большого зала, вообще исключительно редкое в среднеазиатской архитектуре, не отвечает асимметричному расположению входа, ось которого совпадает с правым рядом колонн, — этого в базиликальных зданиях, как на Востоке, так и на западе, всегда старались избегать. Удивляет отказ строителей храма от такого традиционного приема, как сочетание обычно квадратного святилища с П-образным круговым обходом. Процессы верующих предположительно обходили алтарные платформы внутри залов, но для такого новшества должны были иметься серьезные причины. Наконец, странным кажется маскировка двух асимметрично расположенных помещений внешней симметрией фасада (два входа по сторонам средней ниши) — предполагающий сквозную продольную ось "камуфляжный" прием, архитектуре доисламского времени почти неизвестный. Только трехчастность плановой структуры — блок помещений входной группы, уходящий вглубь двор и замыкающий его храм — сближает храм в Куве с эффективным и, вероятно, характерным образцом сакральной архитектуры доисламской Средней Азии — одним из двух буддийских храмов Ак Бешима.

Если области Бактрии-Тохаристана попали в сферу влияния буддизма еще в кушанскую эпоху, о чем свидетельствуют храмово-монастырские комплексы Айртама, Кара-тепе и Фаяз-тепе³⁸⁶, то в Семиречье учение Будды проникло только в 6—7 вв., очевидно, в прямой связи с согдийской колонизацией этих земель.

В 8 км к ЮЗ от города Токмак, в долине реки Чу лежит раннесредневековое городище Ак Бешим — руины большого города, окруженного обширными пригородами. За стенами города, у его ЮЗ угла в 7—начале 8 вв. был построен большой (первый) буддийский храм — сооружение длиной 76 и шириной 22 м, вытянутое точно в направлении В—З. Естественное основание, на которое был поставлен храм, заметно повышается к западу, — это было принято во внимание строителями, сделавшими вход на востоке, а главное храмовое здание поставившим на верхней западной площадке, возвышающейся над входной частью на 3 м. Продолговатое пространство храма (соотношение сторон — 1: 3,5) разделено на три неравные части, связанные общей продольной осью: восточную группу привратных помещений, длинный внутренний двор и западное здание, представляющее собой собственно храм (рис. 242).

Материалом постройки был сырец нескольких размеров (44×22×8, 45×23×9 и 48×24×9 см, — последний особенно часто) в сочетании с пахсой. Она укладывалась горизонтальными слоями высотой 80—90 см и оформлялась вертикальными прорезами че-

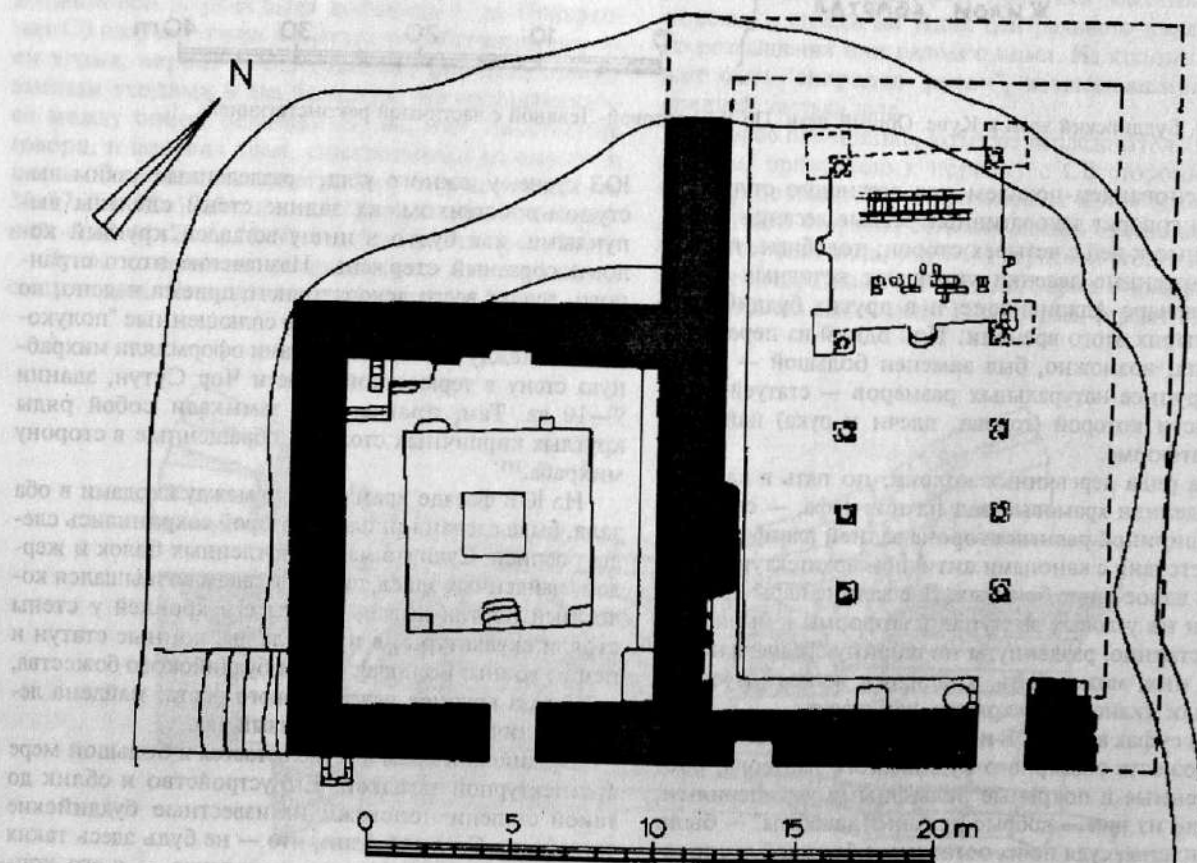

Рис. 241. Буддийский храм в Куве. План. По В.Булатовой-Левиной.

рез 50—60 см, так что поверхность пахсы — гладкая, почти отполированная — выглядела как череда блоков вертикальных пропорций. Иногда в основание стен укладывался ряд пахсовых "блоков", на который опиралась сырцовая кладка, иногда кладка у пола начиналась несколькими рядами сырца, но чаще широкие полосы пахсовых "блоков" и сырцовой кладки (7—8 рядов, поочередно ложков и тычков) примерно одной высоты чередовались.

Главный восточный фасад храма представлял собой массивную стену толщиной более 3 м, слегка наклоненную назад, поднятую — судя по особо большой толщине — над прочими стенами и прорезанную посредине глубокой сводчатой нишей входа. Эта ниша с наклонным полом-пандусом была оборудована пристенными суфами и представляла собой, несомненно, уже далеко не единственный в то время прототип будущих порталов-пештаков, еще сохраняющий глубину, свойственную традиционным айванным залам. Стены порталной ниши покрывал рельефный глиняный декор — растения, собранные в пучки подобно снопам и окрашенные в синий цвет. Широкий (2,15 м), отмеченный порогом вход вел в квадратный вестибюль 7, откуда можно было пройти в храмовый двор и две боковые группы помещений.

Стены вестибюля, размером около 5×5 м, сохранились на высоту до 3 м, но и на этой высоте не видно признаков какого-либо подкупольного устройства, которое при таких габаритах должно было начинаться сравнительно низко, — это видно по рядом расположенной капелле 3. Поэтому я реконструировал вестибюль как открытый сверху дворик, хотя возможность здесь купола, предложенного в недавней реконструкции С.Перегудовой, конечно, исключить нельзя.³⁸⁸ Правая (северная) группа состояла из трех комнат, анфиладно соединенных "скользящими" проходами у южной стены. Две из них — 1 и 2 — были жилыми: здесь обитали обслуживавшие храм монахи. В тщательно оборудованной комнате 1 сохранились стенные ниши разной формы, пристенные лежанки-суфы и даже стенки-

ширмы, отгораживавшие вход от торцов ближайших суф, — по тем временам признак комфорта, характерный для богатых жилищ со склонностью к парадности. Узкая западная комната вначале была вся открыта в сторону двора и представляла собой сводчатую лоджию; после закладки, отделившей ее от двора, она превратилась в хозяйственную камеру.

Точно такой сводчатой лоджией, тех же размеров и формы, было западное помещение 5 левой (южной) группы, тоже впоследствии (но, кажется, довольно скоро) заложено, — обе лоджии были симметричны относительно осевого входа во двор. Восточная входная сторона двора при взгляде на нее изнутри должна была выглядеть очень эффектно: по сторонам среднего арочного входа поднимались широкие арки двух строго симметричных затененных айванов, образуя во всю ширину двора торжественную трехарочную группу. Странно лишь, что эта триумфальная трехарочность не встречала вошедших, как во дворце Варахши, а провожала их.

Из узкого среднего помещения 4 левой группы вели два прохода — на запад, в лоджию, и на восток, в квадратную купольную комнату 3 (около 4×4 м), игравшую в этой жилой части храма роль капеллы: здесь, вероятно, совершались ритуалы "внутреннего пользования", без участия мирян. Пол капеллы был выстлан сырцовыми кирпичами, невысокие — высотой всего 80 см — стены возведены из пахсы, разрезанной на вертикальные блоки, а основание купола над углами было прорезано перспективно-уступчатыми тропками, два из которых сохранились. Они собраны из пяти арок, каждая толщиной в один кирпич, постепенно меняющих форму от эллиптической снаружи до стрельчатой внутри. Дверь в центрическую капеллу расположена на ее оси, в отличие от двери в комнату 5 (бывшую лоджию), прорезанной заподлицо со стеной, как было принято в обычных бытовых помещениях.

Жилые назначения комнат привратной группы, кроме купольной капеллы, определяется не только их бытовым оборудованием (суфы, бытовые очаги, внутрстенные отопительные каналы и пр.), но и

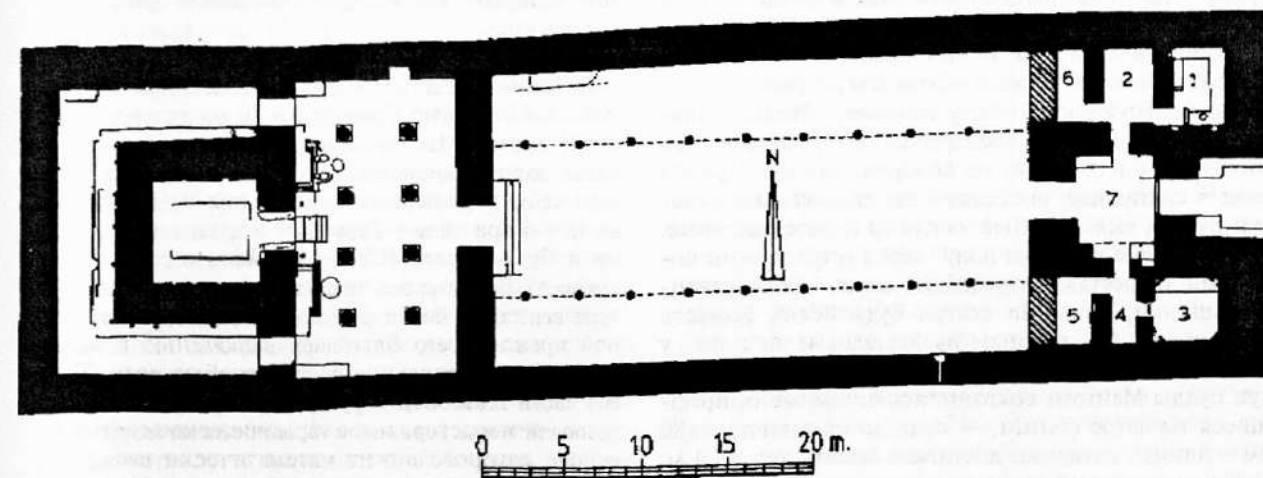

Рис. 242. Ак Бешим. Первый буддийский храм. План с частичной реконструкцией.

самой планировкой. Ее система — принимая во внимание локальные особенности, которые объясняются спецификой места и назначения здания — в своей основе близка планировке замков 3 типа, в которых жилые и хозяйственные комнаты окружают центральный холл. Правда, четырехсторонняя обстройка замкового холла по понятным причинам превратилась здесь в двухстороннюю, а холл стал проходным, но общая композиционно-плановая структура привратной группы достаточно ясно говорит о ее местном среднеазиатском и, прежде всего, гражданском источнике.

Обширный продолговатый двор (32×17,5 м) был оборудован боковыми деревянными колоннадами с навесами, которые перекрывали пространство глубиной около 5 м; глубина этих портиков отвечала ширине двух сводчатых лоджий восточной группы, которые представляли собой как бы их продолжение и завершение. От суф, примыкавших к длинным стенам двора, сохранился небольшой фрагмент на северной стороне. На западе двор замыкала глухая стена с единственным широким входом посредине, к которому, акцентируя его особое значение, вела еще более широкая трехступенчатая лестница. Отсюда начинался собственно храм (рис. 243).

Он состоял из большого переднего зала, вытянутого поперек продольной оси во всю ширину здания, из квадратного святилища и охватывавшего его с трех сторон коридора, открытого в зал двумя симметричными входами по обе стороны от среднего входа в святилище. Зал, длиной 17,6 и шириной 10 м, был разделен на три продольные части двумя рядами деревянных колонн, на которых лежали балки потолка; ширина среднего нефа — 3,7 м между осями колонн — была больше ширины боковых нефов и отвечала, не совсем точно, пролету между колоннами в обоих рядах, так что ячейки колоннады были квадратными в плане. В поперечном направлении четыре пары колонн делили зал на пять равных частей, которым строго соответствовала эффектная композиция задней западной стены зала, прорезающих ее арочных проемов, украшающих ее скульптур и лежащих за ней помещений.

На средней осевой части, против входа в зал открывался арочный вход в святилище, к которому вела узкая лестница. В крайних, боковых частях были расположены два симметричных проема, соединявших зал с П-образным в плане обходным ритуальным коридором. Простенки между входами, объединенными "триумфальной" трехарочностью, замыкались пьедесталами-тронами, на которых, как бы охраняя вход в святилище, восседали две колоссальные статуи Будды, вылепленные из глины и раскрашенные. Алебастровые круги на полу, перед уступчатыми цоколями пьедесталов предназначались для жертвоприношений, меньшие статуи буддийских божеств помещались по сторонам пьедесталов и на суфах у боковых стен. От правой восседавшей на троне статуи Будды Майтреи сохранились огромные опирающиеся на лотос ступни, — судя по их величине (80 см в длину), изваяние достигало высоты около 4 м. Левая статуя такой же высоты сидела на своем троне, поджав ноги (рис. 244).

В зале найдено множество обломков статуй, детали настенных и потолочных росписей, и in situ на северной стене, рядом с нишей, наполненной частями скульптур — глиняный рельеф, изображающий стилизованную пальму на фоне полукруглого выступа. Даже нижние части деревянных колонн были взяты в глиняный "панцирь" с лепными украшениями, окрашенными в синий цвет и местами позолоченными.

Скульптурно-живописное убранство зала продолжалось и в обходном коридоре: здесь череда изваяний стояла на сплошной суфе, примыкавшей к внутренней стене, то есть справа от участников процессии, входивших в галерею, вероятно, через южный вход и выходивших из северного.

Пол квадратного святилища (6,33×6,38 м) приподнят относительно пола зала и галереи на высоту ведущей в него лестницы. Больше половины его площади занято выемкой, ориентированной по главной оси храма, — дно выемки лежит на уровне пола в зале. Ее назначение неизвестно.

В массивные стены святилища, построенные из сырца и прослоенные невысоко от пола одним рядом пахсовых "блоков" (кроме южной, возведенной почти полностью из сырца) были врезаны деревянные стойки, от которых остались вертикальные выемки с деревянной трухой внутри, — четыре на южной и две на северной стороне. На них, может быть, лежала брусчатая обвязка — основа деревянного перекрытия типа "рузан". Правда, перекрытие святилища могло быть и купольным, — его форма, размеры и более чем двухметровая толщина стен это допускают; противоречит же высота сохранившихся стен — 3—3,5 м — без признаков их завершения сверху и начала купольного основания. Уже говорилось, что в доисламских купольных постройках нижний квадрат стен — "четверик" — был, как правило, невысок. Если святилище было все-таки увенчано куполом, то обвязка, опиравшаяся на утопленные в стены стойки, могла быть опорой для внутреннего декоративного перекрытия — наподобие того, что найдено в капелле Канки или в одном из домов Пенджикента. Обходной П-образный коридор шириной около 3,3 м был, по всей видимости, перекрыт сводом, который, как и стены, покрывала орнаментальная роспись.

Как говорилось, квадратные святилища с трехсторонним обходным коридором являлись характерной особенностью буддийских (и не только буддийских) храмов Центральной Азии в продолжении очень долгого времени, — таковы, например, наземный храм в пещерном буддийском комплексе 1—2 вв. н. э. Кара-тепе у Термеза³⁸⁹ и храм того же времени в Сурх-Котале (Северный Афганистан).³⁹⁰ Но в храме Ак Бешима эта традиционная плановая структура выглядит более развитой и усовершенствованной прежде всего благодаря включению в нее колонного зала, играющего здесь особую роль. Теперь все части плановой структуры, старые и новые, образовали нерасторжимое гармоническое единство, в основе которого лежит математически выверенная система размерных отношений и пропорциональная согласованность всех частей. Об этом упоминалось

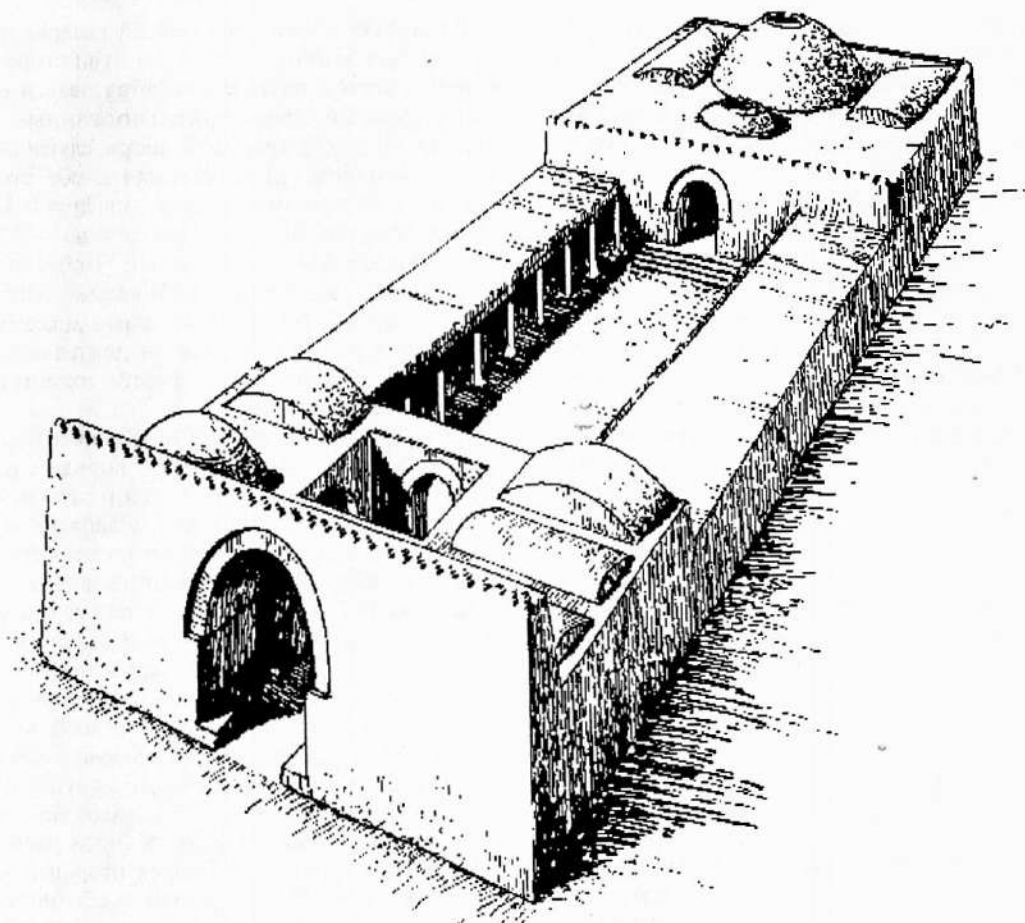

Рис. 243. Ак Бешим. Первый буддийский храм. Реконструкция — перспектива.

на стр. 61 (см. рис. 57, 58), — так, передние (восточные) углы зала и геометрический центр святилища образуют вершины равностороннего треугольника, пропорции зала определяются отношением $1:\sqrt{3}$, края входов в зал и святилище находятся отложением от углов зала его ширины, а плановые членения храмовой группы, как и входной, основаны на прямоугольной "гязовой" сетке, где метрическая единица — гяз составляет 63 см.

Геометрическая выверенность архитектурных форм обнаруживается и в деталях храма. Счастливо сохранившаяся арка входа из вестибюля 7 в комнату 4, например, вписывается в прямоугольник с пропорциями $1:\sqrt{3}$ — теми же, что у колонного зала, — и контур ее широкого, слегка заглубленного архивольты строится из трех центров. Для определения центров нижних частей основание описанного прямоугольника делится на 8 равных частей, — искомые центры находятся на расстоянии трех частей от краев или от одной части от оси. Центр для кривой, образующей верхнюю часть архивольты, лежит на высоте одной четвертой части арки на ее оси. У образованной таким способом арочной кривой — изящный контур слегка эллиптической формы, обычной для арок доисламского времени (рис. 245). Любопытно, что предметом построения был в этом слу-

чае не арочный проем — слегка стрельчатой формы и с относительно случайным расположением центров кривой, — а охватывающий его широкий архивольт, форма которого заметно отличается от формы небольшого проема.

Зал, разделенный колоннами на пять поперечных и три продольных нефа, не имеет в архитектуре Средней Азии 5—8 вв. даже приблизительных аналогов. В храме Ак Бешима эта уникальная внутренняя организация логически исходит из общей структуры сооружения и находит совершенное художественное воплощение: в глубине среднего поперечного нефа, напротив входа в зал — высокая арка входа в "святое святым", украшенная декоративными колоннами и оборудованная боковыми выступами — "скамьями"; два поперечных нефа по сторонам среднего замыкаются колоссальными, восседающими на тронах-цоколях изваяниями; еще дальше по сторонам, в глубине боковых нефов — симметричные, меньшей высоты арочные входы в обходную галерею. Членения западной стены зала с тремя входами точно отвечают членению пространства зала поперечными нефами (рис. 246). Да и весь храмовый комплекс, замкнутый в длинный прямоугольник наружных стен, впечатляет цельностью замысла и исполнения, единством составляющих его частей. Его ис-

торическое значение очевидно, а художественное, по-моему, существенно превосходит обычный уровень примененной в нем традиционной схемы.

Иное воплощение нашла эта схема во втором буддийском храме Ак Бешима, расположенном недалеко от первого и датируемого его исследователем более ранним временем: 6—7 вв.³⁹¹ Если впечатляющая сила архитектуры первого храма выражалась в последовательном разворачивании меняющихся пространств и объемов по длинной продольной оси, то устройство второго храма — отчетливо центрическое и основано на системе трех вписанных один в другой квадратов. Внешний квадрат со сторонами длиной 38 м образовывали паховые стены; на СЗ стороне (здание ориентировано почти точно углами по сторонам света) из стены посередине выдвинуты парные пилоны глубокого порталного входа глубиной около 7 и пролетом около 4 м. По удалению от фасада пилоны сужаются, их наружные углы слегка скруглены, а плоский потолок коридорообразного входа опирался на деревянные стойки, по три с каждой стороны, врезанные в паховые стены, оштукатуренные и украшенные росписями.

Внутренний квадрат плана, размерами 14,5×14,5 м, включал в себя святилище, крестообразное из-за четырех осевых ниш. Установлено, что эти ниши были образованы наращиванием кладки в углах первоначально квадратного помещения; в трех из них — кроме входной СЗ — располагались уступчатые возвышения, на которых стояли статуи, а по их сторонам стояли полукруглые постаменты, украшенные изображением священного для буддистов цветка лотоса. Оборудование трех сторон храмового помещения постаментами для статуй было и в Аджина-тепе, — в буддийской сакральной архитектуре это был повсеместно распространенный прием (рис. 247).

Средний квадрат паховых стен между внешними стенами и святилищем как бы разомкнут, — у него нет СЗ стороны, а толстые боковые стены (ЮЗ и СВ) словно обрываются, достигнув плоскости входного фасада святилища: дальше на СЗ выступают значительно более тонкие стены с угловыми выступами, ориентированными на ось входа.

В результате того, что средний квадрат на СЗ стороне не был замкнут стеной, на этой стороне между входом в храм и святилищем образовался открытый продолговатый двор, ориентированный поперек входной оси. ЮЗ границей двора служила поперечная стена святилища, продолженная в обе стороны до смыкания со стенами среднего квадрата. Благодаря этому с трех сторон вокруг святилища — ЮЗ, ЮВ и СВ — образовался традиционный П-образный в плане коридор, галерея для процессий, обязательная ритуальная часть буддийского храма. Два симметричных входа в него фланкировали центральный вход в святилище, образуя с ним вместе тоже традиционную трехарочную группу.

Особенностью храма 2 в Ак Бешиме было удвоение обходного коридора. Второй коридор, наружный относительно первого, начинался и заканчивался за пределами с внешней СЗ стеной, у западного и северного углов двора, и тянулся по периметру здания вдоль его внешних стен. Кроме главного парадного входа в храм имелись дополнительные входные проемы, — по одному на боковых и заднем фасадах, с их помощью можно было из наружной обходной галереи попасть, минуя двор, во внутреннюю.

В конечном счете, вопреки общей квадратной конфигурации храма, которую можно было бы сравнить с тремя вставленными один в другой ящиками, и несмотря на центральное расположение святилища обходные коридоры и здесь были расположены "покоем" и с трех, а не четырех сторон охватывали священное ядро. К интересным особенностям этого храма нужно отнести не только удвоение процессионных коридоров, но и необычную связь внешнего коридора с двором: он раскрыт во двор не обычным арочным входным проемом, а всей своей трехметровой шириной. Интересно и устройство двора-вестибюля, ширина которого — 10 м — превышает ширину обоих коридоров вместе с разделяющей их стеной, а длина — 25 м — соответствует, как в храме 1, святилищу и фланкирующим его отрезкам внутреннего коридора; общие пропорции двора с большой точностью отвечают отношению $1:\sqrt{5}$. В общем же сочетание святилища, внутреннего П-образного коридора и двора перед ними аналогично западной

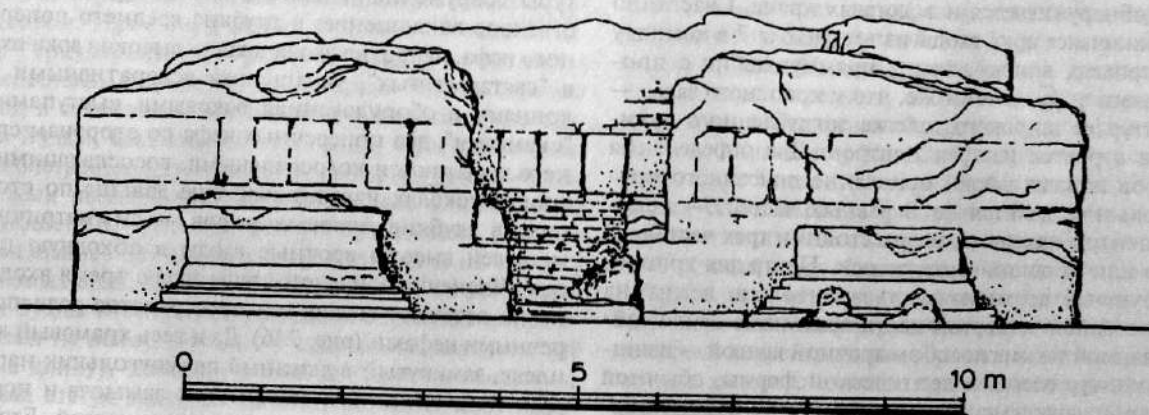

Рис. 244. Ак Бешим. Первый буддийский храм. Западный фасад святилища.

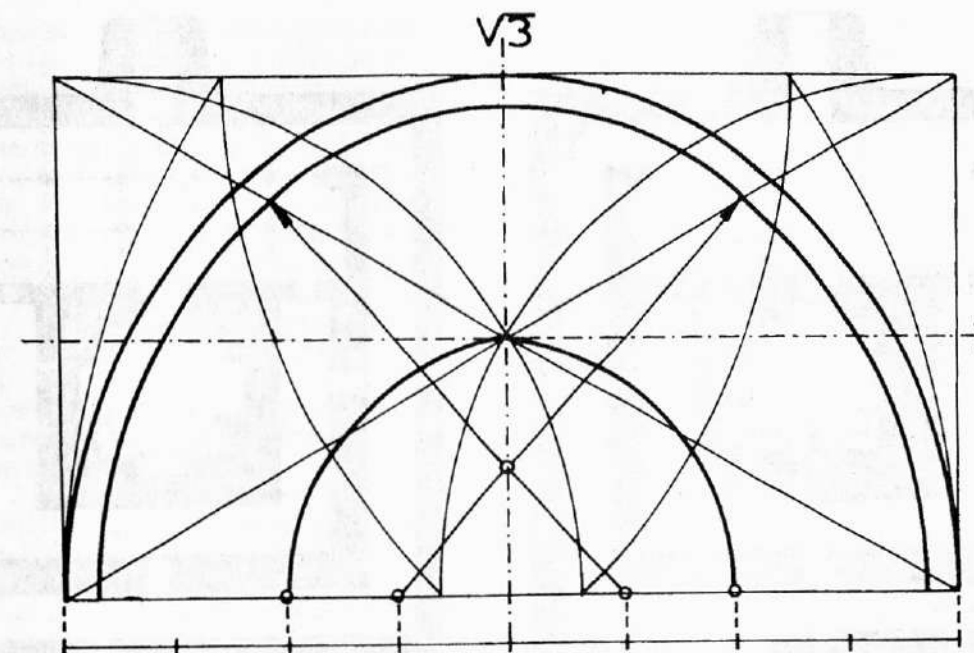

Рис. 245. Ак Бешим. Первый буддийский храм. Арка входа из вестибюля в комнату 4. Способ геометрического построения.

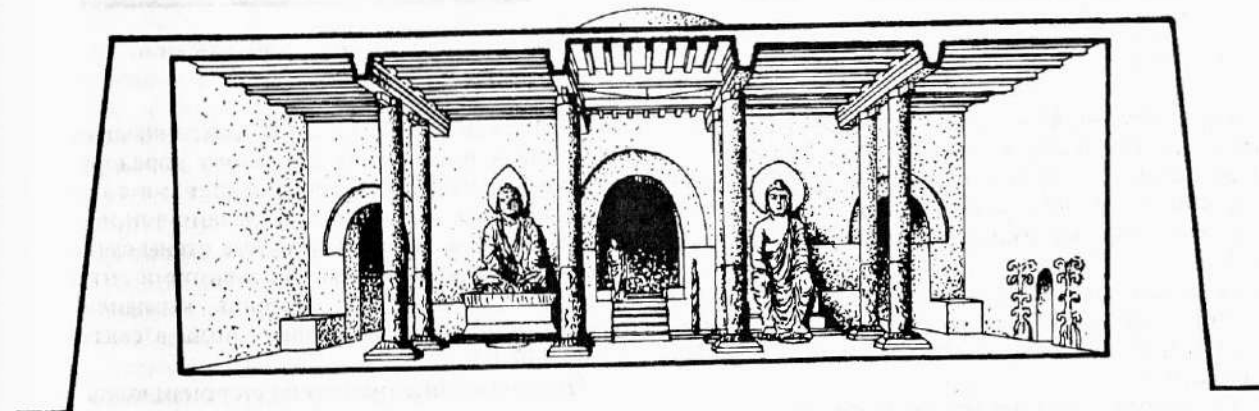

Рис. 246. Ак Бешим. Первый буддийский храм. Разрез — реконструкция зала.

группе помещений храма 1, в котором двору соответствует колонный зал.

Не исключена вероятность, что и в этом случае двор был перекрыт и представлял собой многоколонный зал. При этом расстановка колонн, принимая во внимание их симметричное расположение относительно главных входов, должна была образовывать пять поперечных нефов с пролетами шириной 5 м, и три продольных, с пролетами 3,5 м. Святилище, вероятно, было перекрыто не брусчатым сводом "рузан", как полагает исследователь, а куполом диаметром 8,5 м — в архитектуре Средней Азии четыре осевые ниши квадратного зала всегда были признаком купольного венчания в силу самого смысла приема: пространство купольного зала иным способом расширить нельзя. Эти соображения представлены на прилагаемой реконструкции плана (рис. 248).

Сравнение двух буддийских храмов Ак Бешима наглядно показывает, с какой изобретательностью и

разнообразием употребляли строители канонический прием планировки, достигая каждый раз нового эффекта, отвечающего конкретному замыслу, который зависел от множества неизвестных нам причин.

Ак Бешим, локализуемый сейчас как древний город Суяб или Ордекент, расположен в 50 км к востоку от другого крупного (может быть, крупнейшего) центра доисламского Семиречья — города Невакет, руины которого известны под упоминавшимся здесь именем Красная речка. Это городище заинтересовало историков более 40 лет назад, когда там были случайно найдены бронзовые сосуды 6—7 вв. с изображениями христианских святых и арабскими надписями.

Первый, более ранний буддийский храм Красной речки, датируемый 7 в., был построен за южной стеной шахристана.³⁹² Исследованиями установлены два периода его жизни, разделенные существенной перестройкой. Первоначальное здание, возведенное из

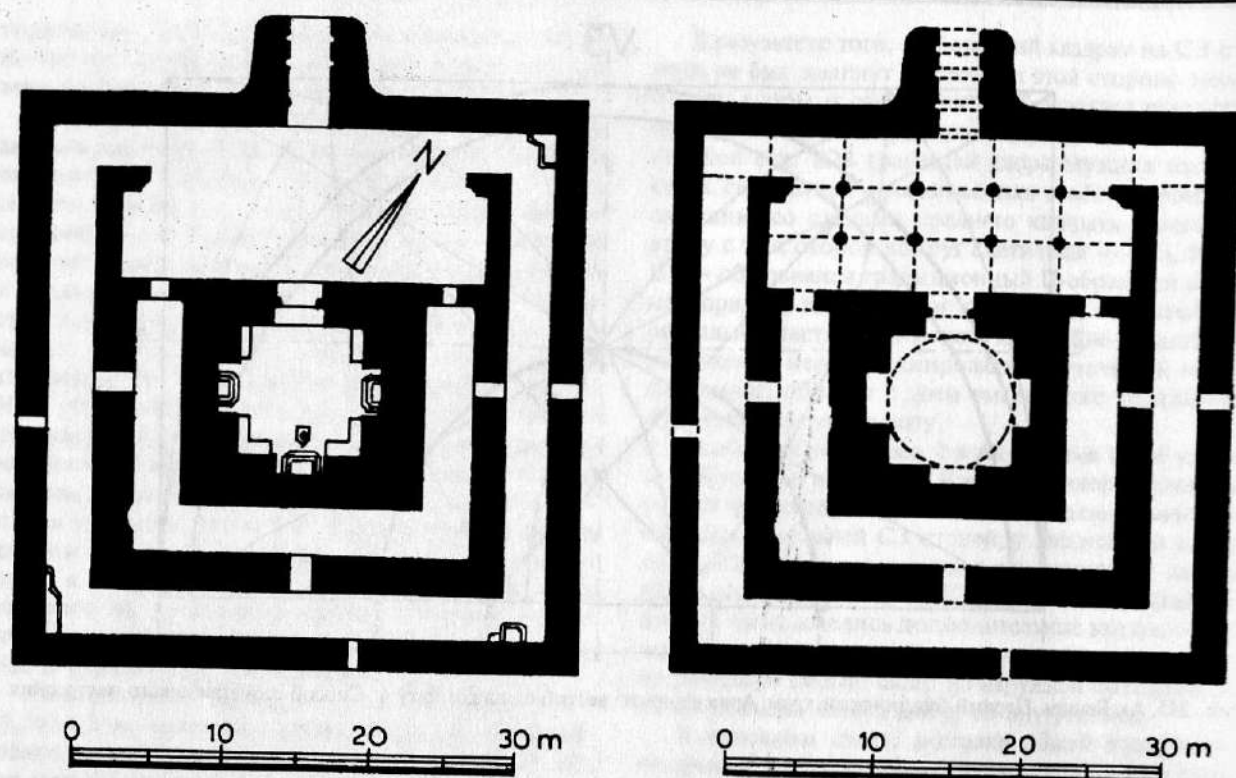

Рис. 247. Ак-Бешим. Второй буддийский храм. План. По Л.Зяблину.

сырца размерами 43-48×23-25×8-10 см и ориентированное осями по сторонам света, состояло из святилища-целлы (6×6 м) и и окружающего его четырехстороннего коридора шириной 2,5-3 м. Оба входа — в святилище, оформленное трапецевидной в плане нишей, и в галерею — лежат на общей оси и обращены на восток. Исследователи предполагают, что к этому ядру примыкали еще какие-то помещения, — их следы как будто заметны у ЮЗ угла коридора (рис. 249/А).

От купола, перекрывавшего святилище, уцелели остатки угловых тропов, полукруглых в плане и с фестончатым очертанием арки,³⁹³ — эта последняя, очень важная для истории архитектуры деталь не получила, к сожалению, ни графического, ни фотографического разъяснения. Купол, сложенный из сырца размерами 45-48×22-24×8 см, был изнутри расписан орнаментальными и геометрическими узорами. В таком первоначальном виде центрическое здание, состоявшее как бы из двух вставленных один в другой квадратов, со слабо выраженной входной осью представляло собой ближайшую аналогию второму храму в Ак-Бешиме, отличаясь от него простотой устройства (только один обходной коридор) и меньшими размерами.

Перестройка, предпринятая в середине 8 в., не только изменила облик храма, но и перевела его, так сказать, в иную типологическую категорию, превратив здание из центрического в линейно-осевое. Была сломана восточная стена коридора со входом, внешние южная и северные стены были продолжены на восток, и перед входом в святилище возникло пространство замкнутого двора, определившее гла-

Рис. 248. Ак-Бешим. Второй буддийский храм. Реконструкция плана.

венство продольной оси З-В. Сохранившаяся П-образная в плане часть обходного коридора была отделена от двора поперечными стенами с осевыми входами в них — так, как это сделано в первом храме Ак-Бешима. Наконец, боковые стены святилища были продолжены на восток пилонами-антами, и перед входом появилась лестница, выводившая на новый, повышенный уровень пола в святилище (рис. 249/В).

Прямоугольные пилоны по сторонам входа были, вероятно, соединены вверху аркой, и восточный фасад святилища представлял собой раннее подобие порталных фасадов, которые позже станут характерным "лицом" так называемых фасадных мавзолеев,³⁹⁴ — сходство должно было подчеркиваться куполом, возвышавшимся над порталной аркой. На приподнятых площадках между пилонами и лестницей стояли крупные статуи, глиняные и раскрашенные, — их обломки были найдены на лестнице.

Самая большая скульптура храма, изображающая Будду в нирване, располагалась на суфе, пристроенной к заднему (западному) фасаду святилища. Длина суфы равнялась длине фасадной стены — больше 11 м, ширина — 2 м, так что в коридоре трехметровой ширины рядом с суфой-пьедесталом оставался только метровый проход. Будда длиной 11 м, лежащий головой на север, и пьедестал под ним были окрашены в красный цвет. Другие, не столь большие статуи стояли в святилище на узких суфах, окаймлявших стены.

Восточная, входная сторона пристроенного к храму двора не была раскопана, и его размеры и форма остались неизвестными. Исследователь, отмечая не-

сомненное сходство перестроенного храма с первым храмом Ак-Бешима и полагая это сходство не случайным, думает, что перед святилищем располагался колонный зал, и что на востоке храму предшествовало какое-то предвратное сооружение, остатки которого просматриваются в нераскопанном микро-рельефе.³⁹⁵ Все это логично, но, конечно, нуждается в практической проверке. Тем не менее типологическое родство первого храма Ак-Бешима и перестроенного храма Красной речки представляется очевидным, — оба здания представляют собой более высокую ступень развития ранних храмов центрического типа.

Второй храм Красной речки был возведен у южной стены шахристана в 8-9 в. на забутованных и превращенных в субструкцию остатках монументального здания 5-7 вв. Об этой постройке, которой посвящена не совсем ясная публикация, говорилось раньше (рис. 225), — исследователь считает ее замком, мне же кажется, что явные аналогии позволяют видеть в ней погребальный наус многокамерного типа. Построенный на этих развалинах храм сохранил их размеры, очертание и ориентацию — углами по сторонам света.³⁹⁶

Храм не был раскопан весь, — предполагается, что он, как и погребенное под ним здание, занимал северную четверть почти квадратного (60,5×57 м) пространства, окруженного стенами с гранеными выступами башен, и что это пространство вначале было крепостью, а позже — буддийским монастырем, в состав которого входил храм.

Здание было встроено в угол, образованный паховыми стенами семиметровой толщины, явно сохранившимися от предыдущей постройки. Материал самого храма — сырец величиной 40-42-45×20-22×8-10 см. Небольшое святилище традиционно квадратной формы (3,2×3,2 м) охвачено с ЮЗ, СЗ и СВ сторон П-образным коридором шириной 2,3-2,7 м; входы в коридор, прорезающие его торцевые стены, расположены симметрично входу в святилище и обращены, как и центральный вход, на ЮВ. Боковые

стены коридора продолжают в этом направлении, образуя перед общим фасадом (святилище и обе ветви коридора) прямоугольное пространство двора шириной около 11 м и неизвестной длины: его передняя, ЮВ часть не сохранилась. Простенки между осевым входом в святилище и входами в обходной коридор оборудованы суфами, длинная суфа примыкает к боковой ЮВ стене двора (она же стена древней постройки семиметровой толщины); другая суфа у ЮЗ стены, толщиной чуть больше 1 м, обрывается у прохода, который соединял двор перед храмом с двумя большими, рядом лежащими помещениями на ЮЗ стороне (рис. 250).

Ширина этих комнат — 9 м; задняя западная комната, длиной около 9,5 м, отделена от соседней стеной, как бы продолжающей фасадную стену храма. Передняя сторона соседней южной комнаты не сохранилась, и ее длина, как и длина соседнего с ней двора перед храмом, неизвестна. Эти комнаты (точнее говоря — залы, где должны были быть внутренние опоры) оборудованы суфами и производят, несмотря на размеры, впечатление жилых.

Стены, членившие описанную группу помещений в продольном и поперечном направлении, образуют перекрестье, едва ли возможное в случае, если этот комплекс строился одновременно: просторные боковые комнаты не были частью храма, но принадлежали храмовому хозяйству, — здесь, может быть, жили члены монашеской общины. Сам же храм, состоящий из маленького святилища, охватившего его "покоем" обходного коридора и переднего двора (или, может быть, зала) представляет собой едва ли не эталонный образец буддийского сакрального комплекса, ту его общую основу, которая в каждом отдельном случае позволяла себя разнообразно трансформировать, всегда, однако, сохраняясь как основа.

Ориентация углами по сторонам света не была исключением из правил, которое здесь можно было бы объяснить ориентацией раннего здания-субструкции под храмом: аналогично ориентированы буддийские храмы в Куве и в Ак-Бешиме (второй). Стро-

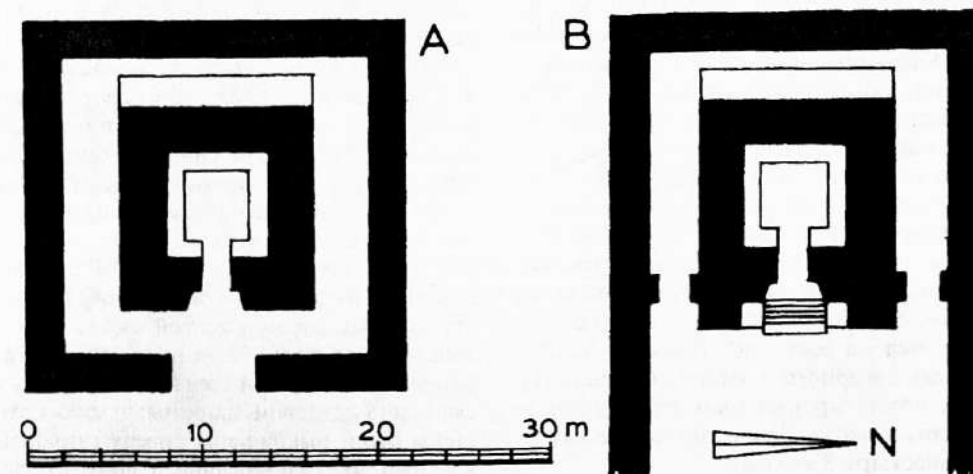

Рис. 249. Красная речка. Первый буддийский храм. Планы.
А — 1 период (7 — середина 8 в.)
В — 2 период (вторая половина 8 в.)
По С.Перегудовой и В.Горячевой.

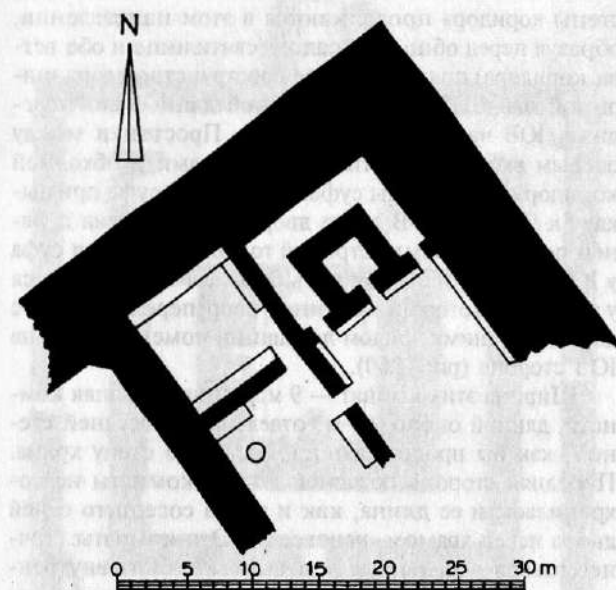

Рис. 250. Красная речка. Второй буддийский храм. План. По П. Кожемяко.

ители буддийских храмов и монастырей в Центральной Азии не придерживались, как будто, фиксированной ориентации своих построек. Поэтому нельзя согласиться с неожиданным выводом исследователей о том, что второй храм на Красной речке был не буддийским, а манихейским, — выводом, сделанным на основе сомнительных и неверных предпосылок.³⁹⁷ К ним относятся малые размеры, отсутствие скульптуры (якобы свойственное манихейским храмам), иная ориентация (неясно, какая ориентация — не иная) и необъясненная аналогия с одним манихейским храмом, правда — более поздним. Этих доводов недостаточно, и любой из них может быть опровергнут; не может их поддержать и почти полная неизвестность в области культовой манихейской архитектуры.

Сведения о других культовых постройках буддизма в Киргизстане доисламского времени отрывочны. Исследователи упоминают буддийские монастыри 8–9 вв. в городах Пакап (Новопокровское городище) и Джуль (Ключевское или Новопавловское городище). Последний, обнесенный стеной, был почти квадратным в плане — 67×68 м. В раскопанных помещениях здесь найдены обломки глиняных культовых изваяний и остатки настенных росписей, техникой и стилем схожие со скульптурно-живописным убранством храмов Средней Азии и Восточного Туркестана. Остатки буддийского монастыря у городища Новопокровское заключены в квадратном холме с размерами 120×120 м, ориентированном по сторонам света. Вход был на восточной стороне, из стен по углам и на осях северного и южного фасадов выступали башни, монастырский храм стоял у западной стены напротив входа. Археологические находки датируют монастырь 8 веком.³⁹⁸

Буддийский монастырь и ступа в местности Уштур Мулло (Южный Таджикистан, район Кабадиана) возник в кушанскую эпоху (3–4 в. н. э.), но существовал и перестраивался много позже, вплоть до 7

века. Поэтому включение этих построек Северного Тохаристана в корпус архитектурного материала доисламского времени представляется оправданным.³⁹⁹

Группа сооружений, ориентированная общей продольной осью в направлении Ю—С, состоит из ступа на южной стороне и почти примыкающего к нему с севера монастыря с храмом, внутренним двором и окружающими двор жилыми кельями.

От ступа уцелело трехступенчатое квадратное основание с длиной сторон 16,5–17,5 м; массив квадратного сырца "кушанского" типа — со сторонами 32–34 и толщиной 11–13 см — был облицован плитами мергелистого известняка с профилированными тягами и членениями. Некоторые части этого каменного декора сохранились *in situ*, многие были найдены при раскопках монастыря. Облицовочный блок с изображением двух пилястр на уступчатых базах находит аналогии в кушанских ступах Гулдара около Кабула⁴⁰⁰.

На высокую нижнюю ступень уступчатого цоколя ступа вела с южной стороны лестница (или пандус) шириной 6,6 м. Подъем на вторую ступень был уже, — около 4 м; выше, очевидно, начинался круглый барабан, тоже облицованный камнем (сохранился кусок криволинейной плиты), увенчанный традиционной полусферой. Много позже монумент стал крестообразным в плане: с трех сторон — западной, северной и восточной — к ступа были пристроены лестницы или пандусы таких же размеров и формы, как с южной стороны, и ступа получил классически завершенную форму, известную по множеству сохранившихся монументальных образцов⁴⁰¹ и еще большему количеству votивных моделей, в том числе из Аджина-тепе. Но эти новые широкие подьемы были возведены уже не из квадратных кирпичей, а из сырца размерами 52–56×25–27×9–10 см — удлиненного ранне-средневекового формата (рис. 251).

Монастырь, почти примыкающий к ступе с севера, был основан рано, — об этом свидетельствует кладка южной стены его двора, выполненная из квадратного "кушанского" сырца с длиной сторон 32–34 и толщиной 10–12 см, — но в 6–7 вв. он капитально восстанавливался и достраивался, и его открытое раскопками устройство — преимущественного этого времени.⁴⁰² Среднюю часть монастыря занимал почти квадратный (20,5×21,5 м) двор, в который попадали с юга, — здесь, примерно на оси двора, имелся вход, оформленный снаружи сводчатым айваном шириной 3,7 м. Напротив входа, на северной стороне располагался храм канонического устройства: святилище-целла размерами 6,3×6,37 м, обращенное осевым входом на юг, во двор. Вход был оформлен неглубокой нишей пятиметровой длины и отмечен ступенью-порогом высотой около 1 м, определившей уровень пола, более высокий, чем в прочих помещениях. К задней стене целлы примыкала низкая суфа двухметровой ширины; плохо сохранившиеся стены были выкрашены поверх ганчевой обмазки в красный цвет, посередине в полу имелось прямоугольное углубление алтаря, заполненное золой и угольками. Где-то здесь стояли скульптуры (ганчевые, а не глиняные, как в предыдущих случаях), обломки которых найдены перед входом.

Традиционный П-образный коридор, охватывавший святилище с запада, севера и востока, имел здесь странную особенность: у него был только один вход в южном торце левого (западного) колена 6; из симметричного восточного колена 4 выхода во двор не было, и коридор, значит, не был обходным, то есть был лишен своего основного сакрального назначения. Так как смысла в таком тупиковом коридоре, сохраняющем видимость обходного, в структуре буддийского и зороастрийского святилища безусловно нет, я осмеливаюсь предположить, что проход во двор из восточного колена 4 первоначально все-таки имелся, — впоследствии, когда функция постройки изменилась (раньше это едва ли было возможно) его заложили, и закладка осталась исследователем незамеченной.

Судя по сохранившимся кое-где каменным базам от деревянных колонн и остаткам росписей на южной стене двора его окружала перекрытая колоннада — естественный для Среднего Востока и повсеместно распространенный здесь прием оборудования замкнутого дворового пространства. Обстройку двора за этими портиками составляли преимущественно небольшие кельи монастырского общежития, по большей части изолированные (только угловые комнаты по необходимости сообщались с соседними) и с входами, прорезанными заподлицо с одной из стен, как это почти всегда делалось в "непарадных" жилых помещениях доисламского времени. Комнаты 1 и 7 в СВ углу монастыря были, видимо, хозяйственного и складского назначения, — в них проходили из тупикового коридора 2, расположенного параллельно колену П-образного обхода 4 и такой же, как он, длины.

Самым большим помещением монастыря был квадратный зал 25 с длиной сторон 10,35 м, занимавший СЗ угол сооружения. Здесь, вероятно, собирались монахи и посетители монастыря для общих церемоний и, может быть, совместных трапез. Обширность зала предполагает балочный потолок со световым люком посередине и четырьмя внутренними опорами-колоннами. Зал был связан со двором не напрямую, а через соседнюю комнату-вестибюль 26, которая отличалась от соседних келий на западной стороне двора широким (1,7 м) дверным проемом. Плохая сохранность зала (его западная сторона совершенно смыта) не позволила уточнить его внутреннее устройство, вероятно, архитектурно интересное.

Прямоугольный двор в окружении изолированных келий и с айванным ("портальным") входом вызывает почти неминуемые ассоциации с будущими медресе и подозрение генетического родства этих зданий: кажется, что медресе унаследовали устройство, а может быть и облик буддийских монастырей. В действительности это сходство достаточно поверхностно и ограничено общими свойствами человеческой психики: ограждая себя от внешней опасности, коллектив людей замыкается в стенах и устраивает к ним изнутри помещения — жилые, сакральные, общественные и прочие. Искать истоки этого приема бессмысленно, он возникал всюду по многу раз. Что до медресе, то их сложившаяся в Сред-

ней Азии структура отлична некоторыми постоянными признаками, которых в буддийских монастырях (и в Уштур Мулло) нет: это айваны на осях двора (Аджина-тепе — единственное исключение), главные купольные помещения по сторонам порталного входа, а не в одном из дальних углов, центрально расположенные входы в кельи и, конечно, отсутствие П-образного коридора в сочетании с квадратным залом. Сходство же, ограниченное двором в окружении цепочки комнат, можно распространить на весь мир — от островов восточной Сибири до пьюбло Южной Америки.

Станным в комплексе Уштур Мулло выглядит взаимное расположение монастыря и ступа: вначале, когда у ступа была только одна южная лестница, удивляло только некоторое смещение его оси относительно общей оси Ю—С. Позже, когда к ступе были

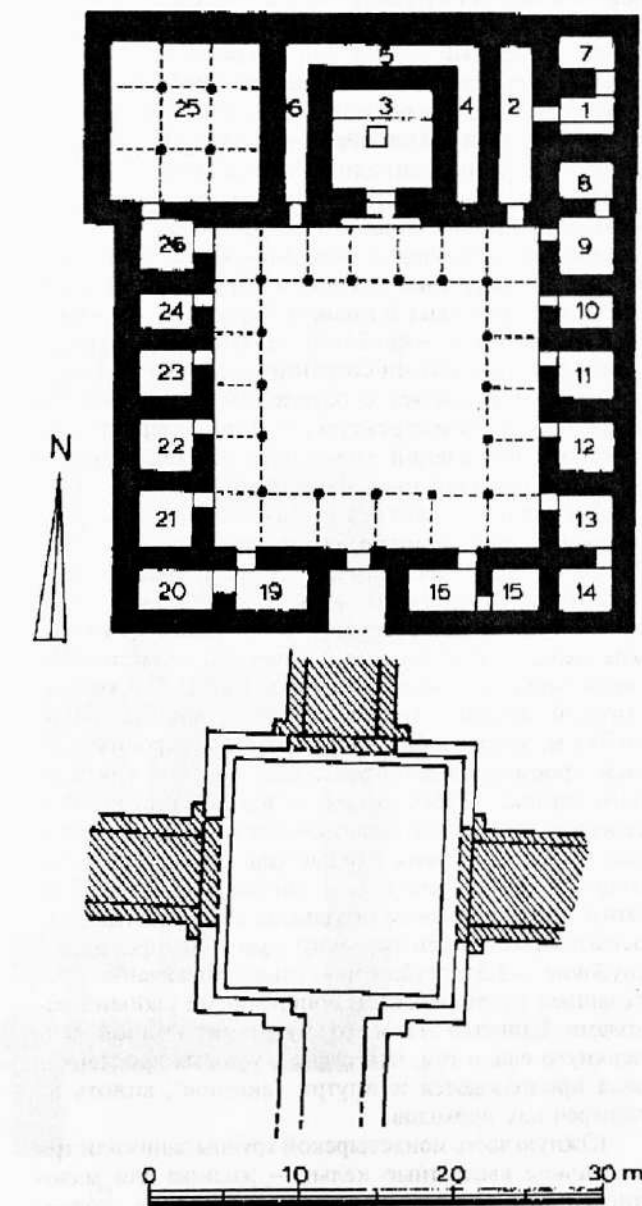

Рис. 251. Уштур Мулло. Буддийский монастырь и ступа. План (по Т.Зеймаль) с реконструкцией.

пристроены еще три широкие осевые лестницы, расстояние между ним и монастырем, и раньше минимальное, сократилось до предела, и северная лестница, фактически упершаяся в южный фасад монастыря, должна была закрыть его единственный вход. Как разрешили владельцы монастыря и ступа это противоречие, как будто не вызванное необходимостью — осталось неизвестным.

Впрочем, буддисты Средней Азии при строительстве своих монастырей были, кажется, свободнее в выборе плановых схем, чем этого можно было бы ожидать в эпоху раннего средневековья. По крайней мере другой буддийский монастырь, найденный в Таджикистане, не только не похож на Уштур Мулло, но принадлежит другой типологической группе.

Это здание, датируемое 6—7 вв., расположено в области Хатлон (Хутталян, Хутталь) и названо, по имени скрывавшего его руины холма, Хишт-тепе. Компактная постройка заключена в не совсем точный прямоугольник плана размерами около 29,5×25 м, ориентированный осями почти правильно по сторонам света. Из восточного фасада, приблизительно в его середине, выступают два пилон портального входа; в задней стене образованной ими глубокой ниши-айвана прорезан единственный широкий входной проем. Обширный прямоугольный выступ на противоположном западном фасаде обозначает расположение святилища с обходным коридором, выдвинутого квадратным массивом наружу. Здание построено из пахсовых блоков и сырца популярных в 5—8 вв. размеров — 48×24×10 см. И здесь, к сожалению, скромная высота сохранившихся стен — от 0,6 до 1,8 м — позволяет с определенностью говорить только о плановой структуре, — о типах перекрытий и высоте помещений монастыря можно только с большим или меньшим основанием гадать.

Внутреннее устройство здания геометрически упорядоченно, но для описания достаточно сложно (рис. 252). Оно объединено общей продольной осью, идущей от портального входа в направлении В—З, и разделено поперечной стеной на две неравные и несхожие между собой группы помещений — восточную монастырскую и западную храмовую. Центр монастырской группы — квадратный зал 1, размерами около 7×7 м, который благодаря четырем широким осевым проемам представлял собой подобие внутреннего чортка. С трех сторон — южной, восточной и северной — зал охватывает система коридоров, причем напротив осевых входов коридоры расширены нишами той же, что входы, ширины — около 3 м. Этим тонким приемом создавалось впечатление, что осевые проходы центрального зала — не проходы, а глубокие — 3,5 м глубиной — ниши или айваны, прорезанные у торцевых стен поперечными узкими проходами. Единство зала и его внутренних айванов подчеркнуто еще и тем, что суфы в угловых простенках зала продолжают и внутри "айванов", вплоть до поперечных проходов.

Южную часть монастырской группы занимали три маленькие квадратные кельи — жилища для малочисленного, видимо, населения монастыря, соединенные входами с левым коридором, который в ЮВ углу был расширен до небольшой проходной комна-

ты 16, а на западе заканчивался тупилом. Кельи оборудованы пристенными очагами и суфами разной конфигурации в зависимости от расположения входа: при боковом "скользящем" входе суфы примыкают к двум соседним стенам и образуют угол; в келье 18 они П-образно охватывают три стены, кроме входной.

На северной стороне, симметрично трем вместе взятым худжрам, расположена самая большая продолговатая комната монастыря — 22, размерами около 5×11 м. "Скользкий" вход в нее у восточной торцевой стены — продолжение коридора 15, вдоль длинных стен тянутся суфы, в полу посередине и восточнее устроены квадратные обогревательные очаги-"сандали". Комната, вопреки ее размерам, выглядит уединенной, — отчасти, может быть, из-за периферийного расположения относительно главной оси. Исследователь, вероятно, прав, предполагая, что здесь происходили беседы и диспуты на религиозно-философские темы, а может быть и общие трапезы. В формально-композиционном плане этот длинный зал уравнивает левое крыло, состоящее из трех келий, общие габариты которых близки размерам зала.

Центральную и большую часть западной храмовой группы занимает святилище 12, со всех сторон охваченное обходным коридором и, как говорилось, выдвинутое на запад прямоугольным объемом. Почти квадратное (около 3,5×4 м), слегка вытянутое по линии В—З святилище замыкает собой сквозную входную ось, и само замыкается эффектным алтарем, расположенным у задней стены. Алтарь — сырцовая платформа размерами 2,5×0,8 м и сохранившейся высотой 55 см; его фасад оформлен широкой нишей с угловыми колонками, сохранившимися в нижних частях. Колонки опираются на круглые, слегка сплюснутые "кузаги", покрытые орнаментальной резьбой, и на невысокие прямоугольно-пирамидальные базы (рис. 253). Простенки по сторонам ниши украшены рельефной трехчастной аркатурой: посередине трехлопастная арочная ниша на тонких колонках, по ее сторонам — узкие ниши с венчанием прямоугольного или, как будто, трапециевидного очертания (аркады со схожим венчанием изображены в "сасанидских" настенных росписях Духтари Ноширван в Афганистане⁴⁰⁴). Фасад алтаря был красным, в средней нише заметны следы росписи. Четыре глубокие ямки у углов помещения остались, очевидно, от деревянных стоек, державших навес или матерчатый балдахин над алтарем.

Из бокового (южного) коридора 8 вход, оформленный выемчатым обрамлением, вел в комнату 20 — квадратную в плане (около 4×4 м — особенно часто встречающаяся величина доисламских купольных "капелл"). Комната 20, очевидно, и была такой капеллой при центральном святилище: большую часть ее площади занимает вотивный ступа — крестообразной в плане формы, с лесенками на осях, барабаном и даже сохранившимся основанием венчающей полусферы. В свободных от ступа углах комнаты уцелели полукруглые пьедесталы статуй, аналогичные угловым пьедесталам в святилище Калаи Кафирниган. Камеры такой же формы и фактически

ки той же величины, с таким же осевым входом и вотивным ступа в центре составляют целое крыло в СЗ обстройке "храмовой" группы монастыря Аджина-тепе.

Северное крыло "храмовой" группы занято двумя смежными комнатами 5 и 6, разместившимися в СЗ углу здания. Попадали сюда через узкий коридор 4, косое расположение которого несколько нарушает геометрическую регулярность плана. Обе комнаты, судя по их оборудованию (суфа и бытовые нишки-"точка"), были жилыми и, по резонному предположению исследователя, служили "квартирой" главы-настоятеля монастыря. В структуре плана они симметричны капелле со ступа, с которой образуют два крыла по сторонам святилища; симметрия нарушена их общей величиной, большей, чем величина капеллы, — из-за этого части западного фасада по сторонам среднего выступа не сливаются в одну линию.

Хотя стены монастыря сохранились на небольшую высоту, их солидная толщина, форма и размеры помещений позволяют предполагать здесь купольные и сводчатые перекрытия. Детали устройства здания вызывают в памяти различные параллели (четырехсторонний обходной коридор вокруг целлы —

как во втором храме Ак Бешима, фронт квадратных келий — как в Аджина-тепе, и т. д.), но сама сложно организованная структура компактного здания с четкой главной осью и двумя нанизанными на нее центрами — принципиально отлична от дворовой организации буддийских монастырей типа Аджина-тепе или Уштур Мулло и не находит сколько-нибудь близких аналогий. Усмотреть в этой структуре генетический источник будущих медресе и караван-сараяв невозможно.

Пожалуй, известная (хотя и очень опосредованная) генетическая связь усматривается между монастырем Хишт-тепе и укрепленными жилищами — "кешиками". Средней Азии до- и раннеисламского времени, центрический принцип планировки которых был основан на сочетании купольного зального ядра и подчиненного ему окружения, — таких, как замки Сулу-кошук, Акуйли-кошук, дома в квартале керамистов, к востоку от Гяур-калы и к западу от Султан-калы в Мерве.⁴⁰⁵ Можно предположить, что традиционные способы устройства зданий такого рода легли в основу планировки буддийского монастыря, значительно более изощренной, но сохранившей представление о монашеской обители как о

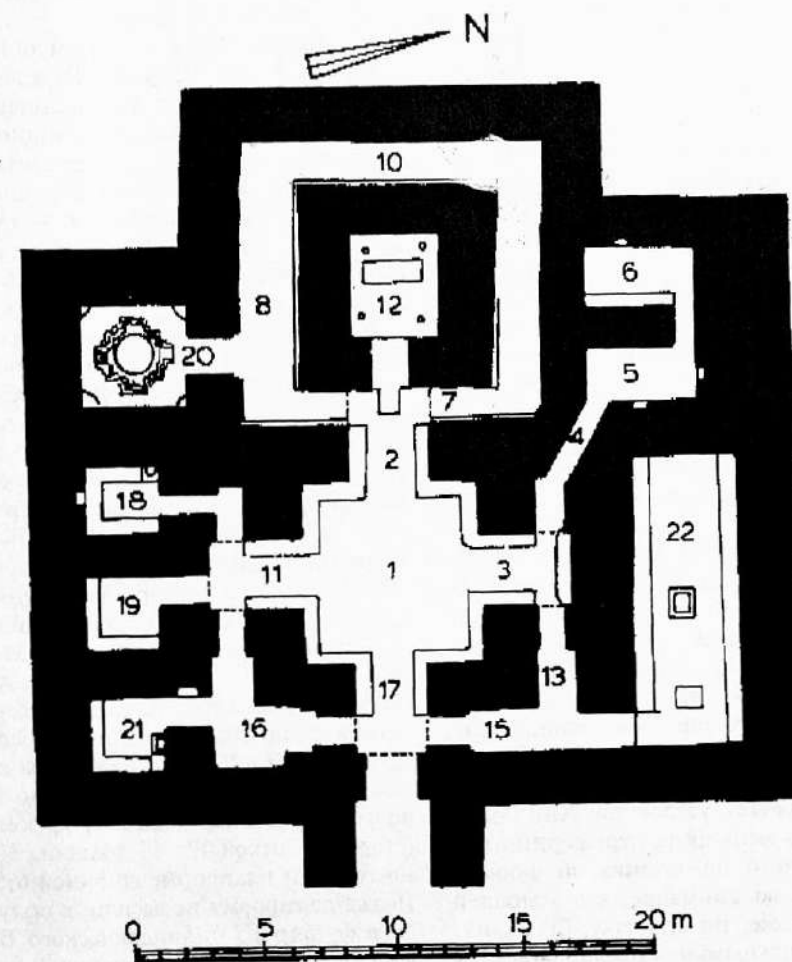

Рис. 252. Буддийский монастырь Хишт-тепе. План. По М. Муллоканову.

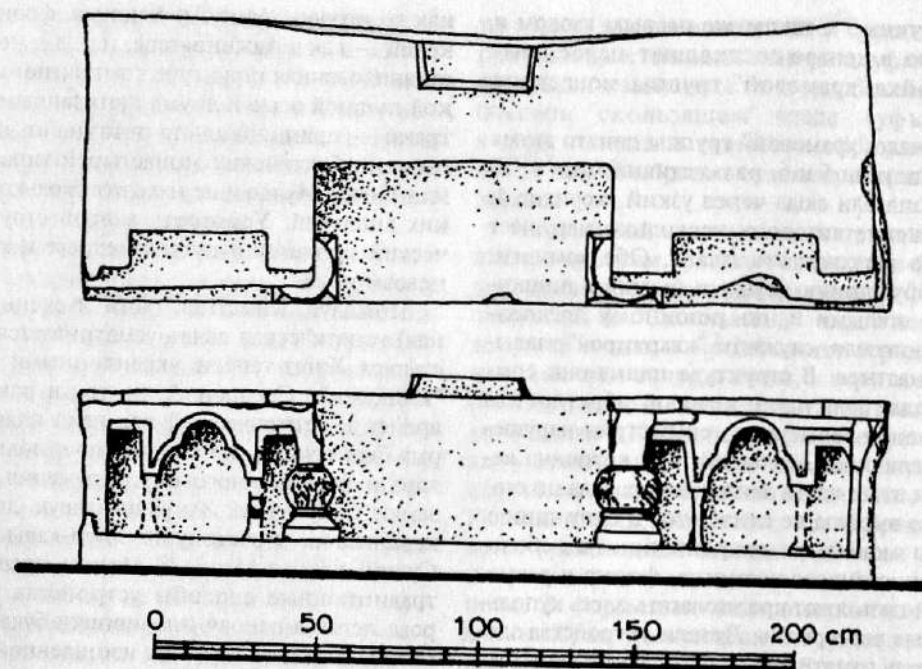

Рис. 253. Буддийский монастырь Хишт-тепе. Алтарь в святилище. Вид сверху и фасад. По З.Гарифуллиной.

монументальном жилище с группами парадных (здесь культовых) и бытовых помещений. Форма же входа в доисламское здание в виде вполне классического портала-пештака, считавшегося прежде изобретением 11 в., уже едва ли кого-нибудь удивит.

Общие приемы планировки (компактность, порталность, главенство продольной оси, деление поперечной стеной на переднюю жилую и заднюю культовую группы, расположение главного зала в глубине и даже ориентация) сближают Хишт-тепе с загадочной постройкой Таш Рабат в Киргизстане.⁴⁰⁶ Исследователь убедительно датирует это здание 10—началом 11 вв. и видит в нем "... тип стационарного жилища с общественным, возможно, обрядовым залом...", я же думаю, что Таш Рабат был построен как ханако — странноприимный дом исламских "монахов"-суфиев, своими функциями близкий буддийским монастырям. Сходство плановых структур объясняется здесь функциональной близостью, опирающейся на традицию.

Более отдаленные параллели приводят к огромному зданию 14 в. — мавзолею Ходжи Ахмеда Ясави в Туркестане (Казахстан), одной из грандиознейших построек Тимура.⁴⁰⁷ Мавзолеем она называется условно: это был мемориально-сакральный комплекс с функциями ханако, — его гигантский купольный зал расположен в центре здания, на главной оси, между порталным входом и расположенным зади надгробным мавзолеем. Эта комбинация главных осевых помещений отвечает устройству Хишт-тепе и, как и там, окружена меньшими периферийными помещениями различного назначения и формы. Сходство — принимая во внимание, что мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави тоже, по существу, был ханако, — кажется не формальным: оно предполагает генетическую цепочку типа "замок (вариант — двор-

цовое здание) — буддийский монастырь компактного типа — исламское ханако".

Геометрическим анализом обнаруживается, что членения плана основаны на изящном пропорциональном расчете, который предшествовал строительству (рис. 254). За основу был принят квадрат зала I с длиной сторон 6,8 м, — диагональ этого квадрата определяет расположение торцевых стен глубоких осевых ниш и одновременно — габариты большого квадрата с залом и окружающими его коридорами; в свою очередь диагонали нового большого квадрата фиксируют расположение боковых стен здания. Этот прием, известный как метод "динамических квадратов", сочетается здесь с более простыми геометрическими построениями: пролет портала, например, есть удвоенная ширина его пилонов, и эти членения точно проецируются на западную стену зала. Некоторые другие геометрические закономерности, выявленные анализом, видны на прилагаемом чертеже, — в совокупности они выявляют работу проектировщика, владеющего специальными, достаточно сложными и хорошо разработанными приемами и свободно, творчески их реализующего.

"Золотым веком" буддизма в Мерве были, видимо, 2—3 вв. н. э. — время до вторжения Сасанидов, стремившихся укоренить здесь за счет других конфессий свою государственную религию — зороастризм. Тогда в ЮВ углу Гяур-калы сложился культовый комплекс с монастырем-сангарамом и ступа — полусферическим массивом из квадратного сырца (стороны длиной 42—45, толщина 10—12 см) на прямоугольной платформе шириной 6,5 и высотой 3,1 м. Позже платформу повысили, а полушарие заключили в футляр из цилиндрического барабана и более высокого купольного венчания; с северной стороны к ступа была пристроена ритуальная лестница с мел-

кими ступенями.⁴⁰⁸ Далее наступил вызванный политическими причинами упадок, и буддийский сакральный центр простоял заброшенным до второй половины 4 в., после чего был вновь восстановлен и заселен. Ступа по обеим сторонам лестницы украсили симметричные айваны, каждый с колонной по середине, и две колонны на платформе, — они, вероятно, несли легкое перекрытие над лестницей и огромной глиняной статуей Будды, воздвигнутой перед лестницей на постаменте. Колонны покрывал резной ганчевый декор, айваны были расписаны, а от статуи сохранилась голова.⁴⁰⁹

В конце 4 в. был восстановлен монастырь, возникший ранее рядом со ступа к югу от него, — к этому времени ЮВ часть Гяур-калы обезлюдела, и развивающийся буддийский центр был здесь фактически единственным средоточием жизни. Кирпичная стена с изломанным контуром (сырец размеров 38×38×10 и 40×40×10 см) охватила постройки монастыря и, может быть, примыкающий к нему ступа.

Еще одно разрушение и последнее восстановление буддийского центра в мервской Гяур-кале дати-

руются концом 5 — началом 6 вв. В плохо сохранившихся руинах монастыря этого времени можно разглядеть квадратное в плане святилище (около 10,5×10,5 м), обращенное осевым входом на север, в сторону ступа, охватывавший его с трех сторон обходной коридор и контуры обширного продолговатого двора перед главным северным фасадом (рис. 255). Сохранившиеся остатки обстройки восточной стороны двора необычны своей глубиной — до 13 м — и устройством: помещения заключены, по большей части, между толстыми параллельными стенами, перпендикулярными двору, и хотя геометрически упорядочены, но как будто лишены какой-либо планировочной идеи. Правда, в представленном здесь плане зафиксирован монастырь (вернее, его руины) времени упадка, с необратимыми предсмертными изменениями, когда культовые помещения замуровывались, а священные реликвии и изображения прятались от чужих враждебных глаз. Буддийская община, обосновавшаяся в ЮВ части Гяур-калы, была вынуждена покинуть это обжитое место и перебраться за пределы города, на 600 м к востоку от Гяур-

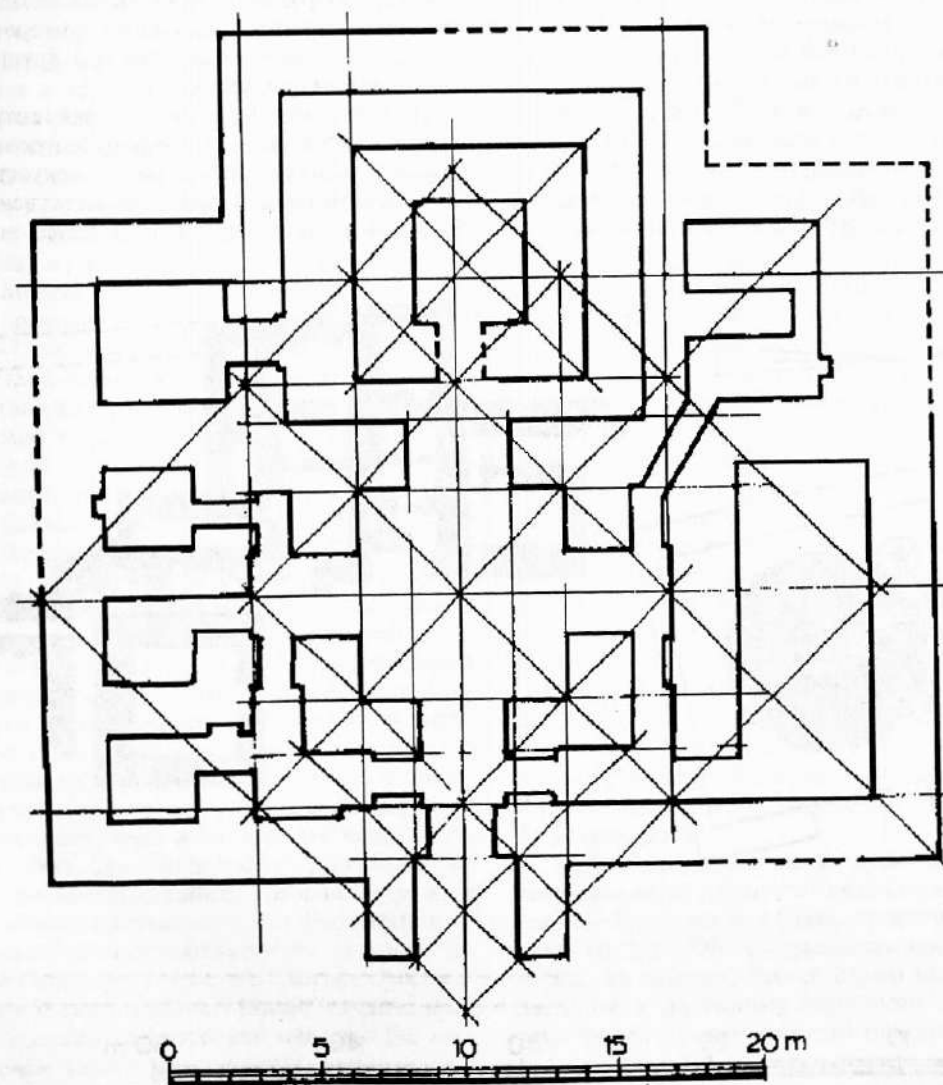

Рис. 254. Буддийский монастырь Хишт-тепе. Геометрический анализ плана.

калы: здесь найдены остатки ступа, датированного — по монетным находкам — 6 веком.⁴¹⁰

Новый ступа был того же типа, что и ранний: его основание представляло собой монолитную платформу, ориентированную строго по сторонам света, размерами 15,6×15,4 м и сложенную — довольно небрежно — из квадратного сырца (длина сторон 40, толщина 12 см). С западной стороны к платформе примыкала какая-то пристройка, сложенная из такого же сырца, но аккуратнее (рис. 256).

На этом квадратном пьедестале возвышался сырцовый цилиндр диаметром 11—11,2 м, реконструированный исследователем по сохранившейся части его круглого контура. Вокруг цилиндрического основания ступа оставался, значит, круговой обход шириной (в самых узких осевых частях) от 2 до 2,7 м; исследователь полагает, что проход внутрь ступа, где хранился реликварий, был расположен с северной стороны.

Китайский путешественник Сюань-Цзянь, проехавший в 7 в. через Среднюю Азию и побывавший в области Чаганиан, нашел здесь семь буддийских монастырей. Возможно, остатки одного из них сохранились на расстоянии около 3 км к СЗ от городища Бударч под названием Чор-Дингак.⁴¹¹ Здесь найдены руины монолитной, цилиндрической формы башни, построенной из сырца размерами 48×24×10 см и сохранившейся на высоту 11,5 м; первоначально диаметр сооружения был равен 14,5—15,5 м, и оно, судя по некоторым признакам, стояло на квадратной платформе. На южной стороне усматриваются следы ступенчатого входа. Хотя никаких куль-

товых признаков буддизма исследователь этого сооружения при раскопках не обнаружил, его атрибуция как ступа, основанная на множестве близких (даже совпадающих) аналогий, представляется бесспорной, — Чор-Дингак, очевидно, представляет собой остатки крупного ступа обычной местной формы (квадратная платформа, цилиндрический невысокий корпус и полусферическое венчание), входившего в состав построек буддийского монастыря. У местного населения Чор-Дингак поныне считается святыней, посещение которой исцеляет от бесплодия, а взятая отсюда глина — лекарством от ревматизма.

Бесформенные руины ступа 6—7 вв. найдены в Северном Тохаристане в окрестностях Денау, у канала Хазарбаг. Постройка, возведенная из крупного удлиненного сырца, была монолитной и стояла на постаменте прямоугольной (квадратной) или крестовидной в плане формы. Более подробным исследованием помешало сильное разрушение ступа, вызванное, видимо, отсутствием у него целебных свойств.⁴¹²

Архитектурная характеристика буддийских храмов у городища Джуль (8—9 вв, Киргизстан)⁴¹³ и в долине Санзара⁴¹⁴ затруднена нечеткостью их описаний и отсутствием профессиональных обмеров; в последнем случае нет уверенности и в датировке здания доисламским временем.

Доисламская буддийская архитектура Средней Азии существовала и эволюционировала в общих рамках местного строительного искусства — технических, композиционных и художественных. Ее особенности нашли выражение в более широком, чем

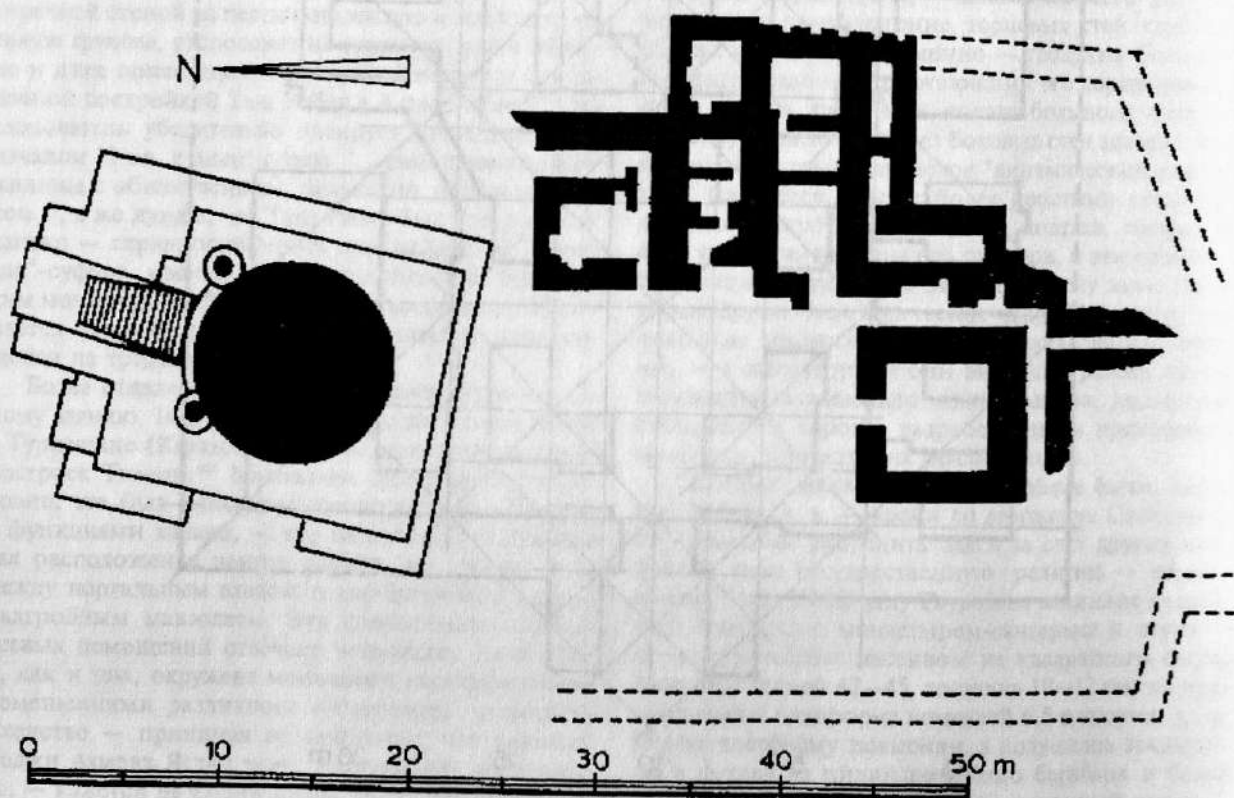

Рис. 255. Мерв. Буддийский монастырь и ступа в Гаур-кале. План. По М.Филанович.

обычно, употреблении скульптуры и в распространении некоторых общих для всего буддизма образов — таких, как ступа (который, впрочем, и здесь приобрел некоторые локальные признаки). Я думаю, что представленный материал не подтверждает гипотезу об особом значении культовой буддийской архитектуры в сложении традиционных форм и образов средневековой архитектуры Средней Азии, — таких, как медресе и центрический купольный зал (мавзолей). Скорее наоборот: утвердившись в Средней Азии, буддизм в его строительной деятельности опирался, конечно, на местные традиции, архитектурные и художественные, восходящие ко времени более раннему, чем появление этой великой мировой религии и ее распространение в Центральной Азии. Что, очевидно, не отрицает несомненное своеобразие международной художественной культуры буддизма.

Культовая христианская архитектура доисламской Средней Азии уступает буддийской количеством сохранившихся и исследованных построек, но не их историческим и художественным значением. Здесь, как говорилось, были распространены "сектантские" варианты византийского православия — несторианство и якобитство, изгнанные со своей родины и пришедшие сюда через Сирию и Иран. Ранний ислам относился к христианству сравнительно терпимо, видя в нем близкое вероучение, восходящее к общим библейским корням, — епископская кафедра в Мерве благополучно существовала, как известно, вплоть до 13 в. Поэтому несколько странной кажется редкость уцелевших в Средней Азии церквей и монастырей, и, так сказать, случайность (за исключением Мерва) мест их находок.

Одна из древнейших церквей Средней Азии, датированная 5—7 вв., именуется Хароба-кошук и расположена в 15 км севернее Мерва, у поселения и замка Дие-чакын того же времени. Она была исследована Г.Пугаченковой;⁴¹⁵ позже появилась статья А.Высоцкого, в которой была подвергнута сомнению правильность ранее опубликованного плана Хароба-кошук и предлагался, на основании раскопок и теоретических выкладок, его новый вариант.⁴¹⁶

Эта статья на общем фоне историко-археологических публикаций выглядит необычно. Читатель, с трудом осиливший громоздкие периоды-перечисления, остается в неведении относительно бесцельной эрудиции автора, — масса именований, мест, ссылок и нечетко сформулированных признаков свалены в общую груду неизвестно зачем: обещанные в заглавии новые интерпретация и датировка не отличаются от прежних, а реконструкция к лавине перечислений построек, мест и авторов не имеет никакого касательства. Сама же реконструкция представляет план странной постройки, которая нигде и ни при каких обстоятельствах не могла быть христианской церковью, так как противоречит ее самым основным всеобщим функциям: внутреннее пространство, всегда в церкви господствующее, сведено здесь к среднему проходу трехметровой ширины (по масштабу, впрочем тоже неправильному, как неверна и ориентация на СВ) (рис. 257). Пространства по сторонам прохода разделены на отсеки с хаотично ме-

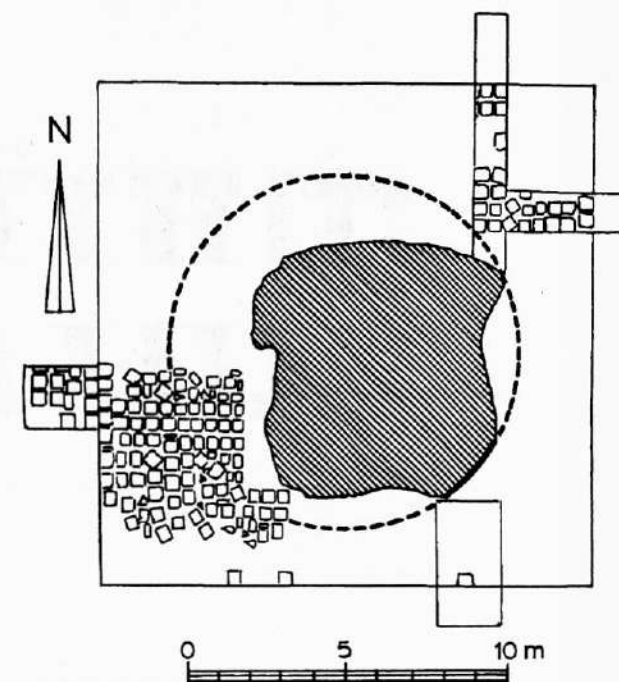

Рис. 256. Ступа в рабаде Мерва. План. По Э.Ртвеладзе.

няющейся шириной, — у самых узких она, по тому же масштабу, чуть больше 1 метра, у самых широких около 2,5 м. В задних стенах этих похожих на стойла камер имеются входы, тоже различной ширины, отчего план изображенного здания напоминает купированный вагон старинного образца, — правда, без регулярности членений. Неправдоподобно изображена и алтарная часть — крестообразная, с квадратным купольным ядром (хотя в тексте утверждается, с нарушением правил русского языка, что этот центр — прямоугольник, "и никак не квадрат"): ниши за боковыми частями креста сбиты с поперечной оси, чего строители этого, да и более позднего времени никогда не делали.

Этот сумбурный план, сопровождаемый не менее сумбурным текстом, не находит ни малейшей аналогии среди церковных построек любой эпохи и страны, — он не вызывает доверия, и я думаю, что, говоря далее о Хароба-кошук, им можно пренебречь. Поиски его хотя бы отдаленных подобий среди сакральных зданий раннего христианства на востоке или на западе заведомо безнадежны. Сведения Г.Пугаченковой о Хароба-кошук, более ранние и, конечно, не исчерпывающие, все-таки предпочтительнее, так как основаны на знании и понимании архитектуры (рис. 258).

Сильно вытянутое здание размерами 51×13 м, построенное из квадратного "мервского" сырца (стороны 40—41, толщина 11 см), ориентировано главной осью на СЗ—ЮВ. Сохранность постройки плохая, — все же заметно, что ее стены были возведены в два слоя: к наружному сырцовому футляру 70-сантиметровой толщины изнутри пристроены несколько более толстые (90 см) отрезки стен, разделенные промежутками и ограниченные поперечными выступами, которые членили внутреннее пространство на

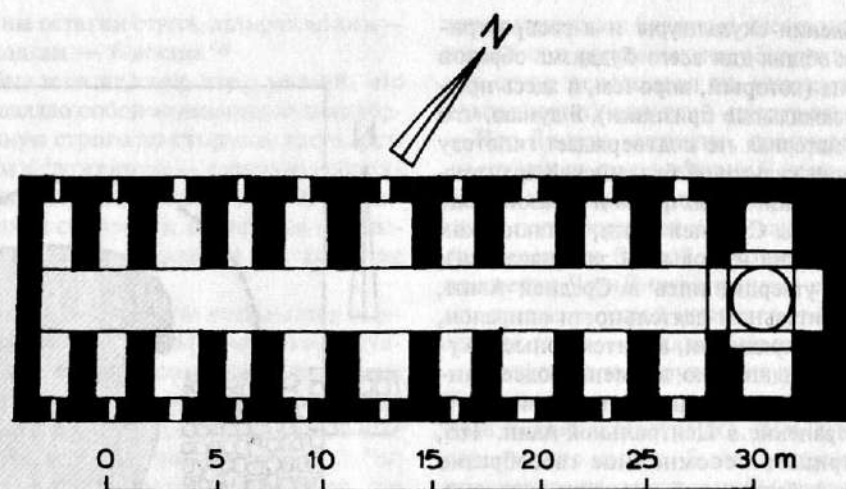

Рис. 257. Мерв. Церковь Хароба-кошук. Реконструкция плана. По А.Высоцкому.

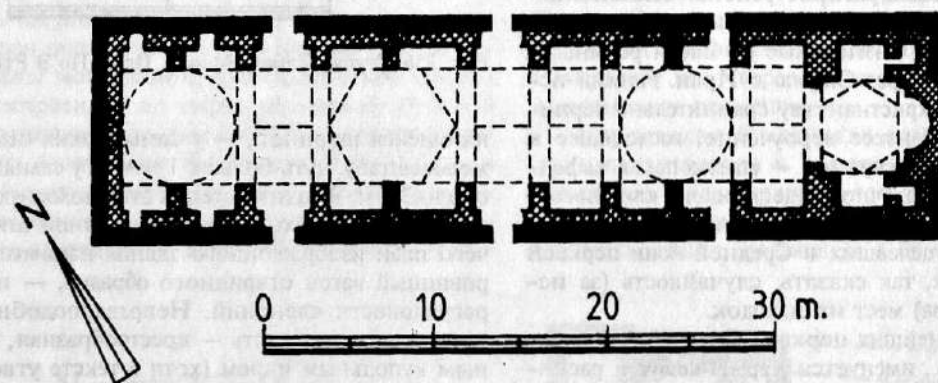

Рис. 258. Мерв. Церковь Хароба-кошук. План. По Г.Пугаченковой с реконструкцией перекрытий.

несколько анфиладно расположенных частей. Торцевой СЗ фасад, судя по результатам раскопок, был глухим, входы же — в количестве минимум трех на каждой стороне — прорезали боковые фасады в промежутках между поперечными выступами. В торцевой ЮВ части, которая и сейчас заметно выше остального здания, внутри сохранилась часть полукруглой осевой ниши-абсиды с остатками почти квадратного в плане алтарного помещения перед ней, расширенного боковыми нишами. Маленькой камере в южном углу отвечала, вероятно, подобная ей камера в разрушенном восточном углу. Проход из сохранившейся камеры не найден, — если его не было, то обе они, возможно, играли роль разгрузочных пустот, уменьшавших массу сырцовый кладки в угловых пилонках; вообще же такого рода симметричные камеры (но, конечно, размером побольше) по сторонам алтаря в ранних церквях византийско-сирийско-иранского круга использовались как сакристии — ризницы. В Хароба-кошук эти ризницы, очевидно, слились с помещением алтаря, превратившись в расширяющие его боковые ниши и вместе с округлой алтарной нишей образовав традиционное для

архитектуры Средней Азии крестовидное пространство — триконх.

Торцевые пилоны, выступавшие внутри из продольных стен, были основанием для сводчатых ниш, которые тянулись подобно глухой аркаде по сторонам центрального пространства. Контур этих ниш, пролетом немногим более 3 м — возвышенно-коробовый, близкий к эллиптическому и, как установил исследователь, построен из трех геометрически найденных центров. Конструкция перекрывающих ниши сводов — клинчатая, небольшие арочные перемычки выведены кирпичами плашмя и отличаются, из-за малых пролетов (до 1,5 м), небольшой стрелчатостью. В обоих случаях строители не могли обойтись без кружал (рис. 259).

Вероятно, между пилонами были переброшены поперечные арки пролетом несколько меньше 7 м — конструкция, в сырцовом кирпиче реально выполнимая. Эти арки делили внутреннее пространство здания на несколько разновеликих частей, не нарушавших, впрочем, его единство. Можно предполагать (геометрический анализ это подтверждает), что по меньшей мере две квадратные в плане части

— первая с СЗ и предпоследняя перед алтарем — были перекрыты куполами; третья от СЗ часть и прямоугольное алтарное пространство, пропорции которых точно отвечают отношению 1: ($\sqrt{3}$:2), могли быть перекрыты "рузан" шестиугольной формы, а узкие промежутки между этими широкими частями перекрывались сводами на подпружных арках. Разнообразие форм и конструкций перекрытий в просторном, уходящем вглубь церковном зале должно было быть очень эффектным.

В.Воронина сомневается в возможности сплошных сводчатых перекрытий Хароба-кошук и считает, что здание было открыто сверху и, значит, представляло собой — исключая алтарную часть — двор.⁴¹⁷ Мне это представляется неверным: пролет перекрытий Хароба-кошук составлял не 10, а около 7 м, их подпружные арки опирались не на сравнительно тонкие стены, а на поперечные пилоны, работавшие как контрфорсы. К тому же все реальные параллели связывают мервское здание с церковными сооружениями купольно-сводчатого типа.

Типологически Хароба-кошук в том виде, каким он представляется в реконструкции, представляет собой модификацию церквей так называемого "зального типа", распространенного в средние века на Ближнем Востоке и в Закавказье. Вероятно, "зальные" церкви произошли от обычных трехнефных базилик, эволюционировавших — по разным причинам — в направлении сужения боковых нефов, которые в конечном счете совсем исчезли, а разделявшие нефы столбы "срослись" с боковыми стенами и превратились в выступы-пилоны. Первоисточником "зальных" церквей в Закавказье были так называемые купольные базилики, их центр перекрывал купол, а количество опор, разделяющих нефы, было ограничено четырьмя. Вероятно, поэтому храмы "зального типа" в Армении и Грузии не очень длинные, а количество пилонов, выступающих из их боковых стен, обычно ограничено двумя парами (рис. 260).⁴¹⁸ Правда, есть исключения — например, несторианская церковь в турецкой Армении у города Керкук, датируемая 5 веком.⁴¹⁹ Из стен ее продолговатого сводчатого зала (14×5 м) выступают с каждой стороны по четыре пилонка, образующих череду из пяти арочных, перекрытых конхами ниш. Эти ниши в сочетании с толстыми спаренными полуколоннами (ими оформлены лицевые стороны пилонов) придают залу древней церкви сходство с залами сасанидского дворца 5 в. в Сарвистане.

Исследователь сопоставляет плановое устройство Хароба-кошук с "длинными церквями" в Эфесе-Сельджуке (Малая Азия) и церковью сасанидского времени в Ктесифоне. К этому можно добавить, пожалуй, еще более близкие аналогии — раннехристианские (4—5 вв.) храмы южной Сирии (область Хауран) в Умм иди-Джимал и Луббен (рис. 261).⁴²⁰ Их представленные здесь образцы схожи с Хароба-кошук не только единым однонефным пространством и пристенными, разделенными пилонами нишами, но и пропорциями, а в одном случае — даже количеством выступов-пилонов. Хароба-кошук как церковь находит себе достаточно много несомненных, близких и современных ему родственников.

Вероятно, недоразумение, связанное с изучением и публикациями Хароба-кошук, связано с перестройками здания, которое было в "эксплуатации" еще в 11—12 вв. — наверняка уже не как христианский храм. Может быть, в связи с изменением функций были удлинены пристенные выступы, превратившиеся в поперечные стены, и между ними в прежде глухих простенках были пробиты новые двери, — на рисунке южного фасада, опубликованного Г.Дресвянской, ясно видны различия в их высоте и форме.⁴²¹

Церковь в Ак Бешиме, расположенная в СЗ части рабада, неподалеку от обоих буддийских храмов, была, вероятно, построена в конце 7—8 вв.⁴²² Ее самая большая часть представляла собой обнесенный паховыми стенами двор с наружными размерами 15×30 м (то есть с отношением сторон 1:2), ориентированный по христианскому, не всегда исполнявшемуся канону строго на восток. С этой стороны осевой проход с порталным нишеобразным расширением впереди вел в помещение алтаря — квадратное, размерами 4×4 м, построенное из пахсы, заключенное во внешний кубический объем 8×8 м (рис. 262).

Как говорилось, в купольных "капеллах" доисламского времени эта величина — 4×4 м — была самой распространенной, почти стандартной. В нашем случае помещение было слегка расширено тремя осевыми нишами — на северной, восточной и южной сторонах. Западную нишу заменял вход, а восточная, алтарная ниша была оборудована крестообразным подиумом из сырцовых кирпичей. Ниши неглубоки — 60–70 см; (ширина северной и южной — 2,1), восточная алтарная немного меньше — 2 м. Небольшие ниши, кроме того, врезаны в задние стены восточной и южной ниш. Над сводчатыми нишами поднималось перекрытие, основание которого местами сохранилось и, судя по этим остаткам, представляло собой округлую в нижних частях, сужающуюся кверху форму, возведенную поочередно из слоев пахсы и нескольких рядов сырца. Единственная, но близкая параллель этой тяжеловесной конструкции — перекрытие угловой башни в Кафыркале (см. рис. 21) — позволяет предполагать, что и здесь сужающийся кверху пахово-сырцовый "шатер" был увенчан небольшим ложным куполом. Главное отличие — в том, что "купол" церкви в Ак Бешиме опирался не на угловые тромпы, а непосредственно на стены, нависая над углами и постепенно скругляясь кверху. И шатер, и стены алтарной комнаты были оштукатурены ганчем и украшены росписями, от которых сохранились мелкие куски.

С юга к алтарному помещению примыкала не общающаяся с ним продолговатая комната со "скользящим" входом у западной стены, обращенным на юг. Ее торцевая восточная стена оформлена осевой нишей — миниатюрным подобием алтаря, рядом заподлицо со стеной устроена еще одна небольшая ниша. Южная стена комнаты продолжает стену двора, но несколько тоньше. Расположение этого помещения и его размеры отвечают обычным признакам сакристии-ризницы и предполагают другую комнату, парную ей, к северу от центрального алтарного

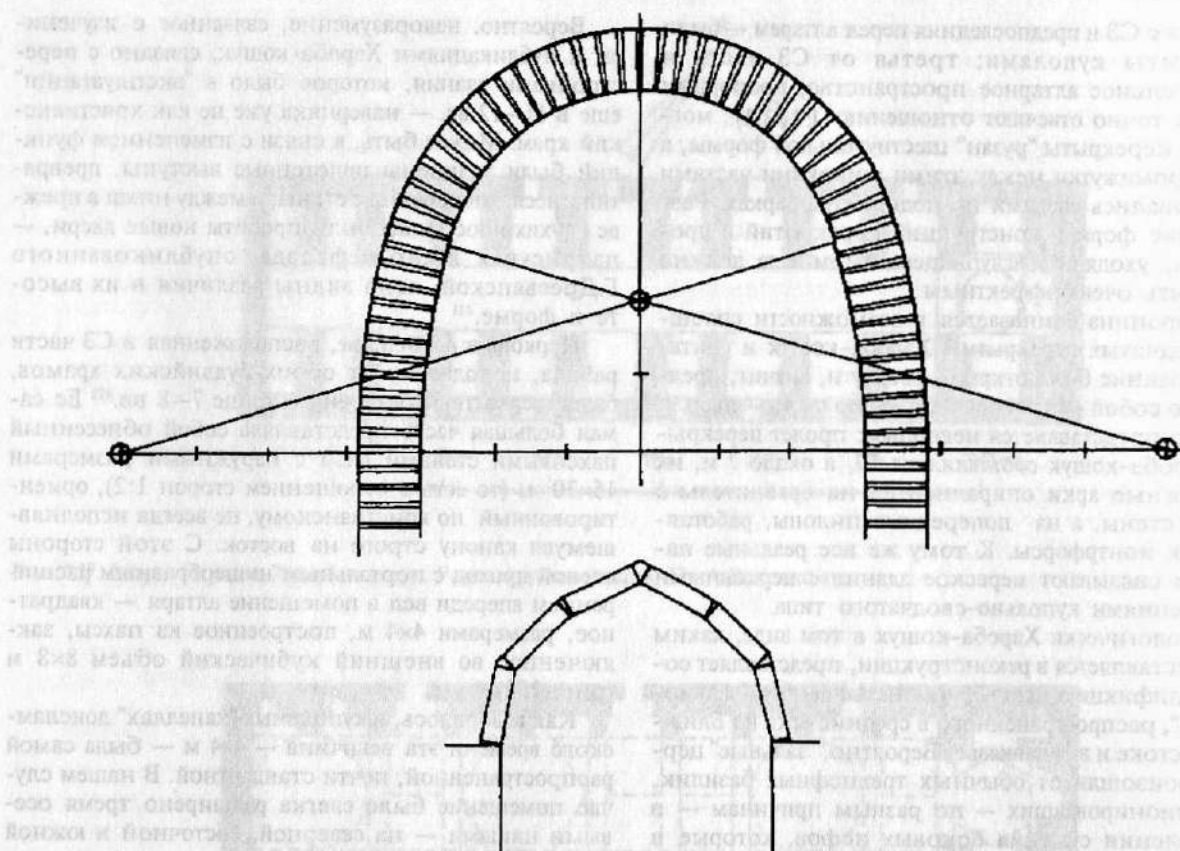

Рис. 259. Церковь Хароба-кошук. Типы арок. По Г.Пугаченковой.

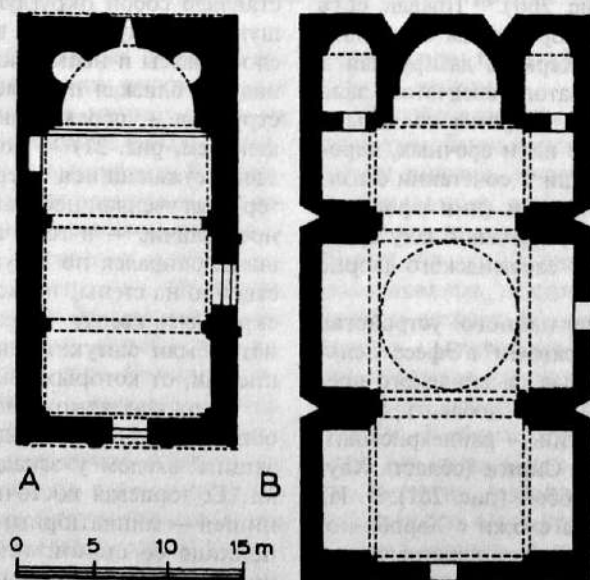

Рис. 260. "Зальные" церкви. Планы.
А — Ламаси-Сакдари (Грузия, 12 в.)
В — Ширикаван (Армения, 9 — начало 10 вв.)
По Р.Меписавили-В.Цинцадзе и Н.Токарскому.

помещения, — такой второй комнаты здесь нет, хотя она, может быть, была: здесь найдено несколько христианских погребений, которые устраивались обычно под полом внутри церкви. Станным выглядит лишь полная изоляция боковой комнаты, в которой исследователь предполагает баптистерий, от алтарного помещения и двора, — как ризницей, да и как баптистерием ей было бы очень неудобно пользоваться.

Двор церкви был полностью открыт только с западной стороны, — здесь он оказался глухим, без единого проема. Боковые стены двора откопаны частично, входов в открытых местах не оказалось, — они должны были располагаться где-то рядом и, по меньшей мере, по два на каждой стороне. Едва ли двор оставался совсем незатененным: его, вероятно, охватывал колонный портик с навесом, — геометрический анализ дает основание думать, что пропорции неперекрытого пространства внутри двора были близки отношению 3:9 при глубине перекрытой галереи, равной 1.

Строго говоря, церковь — вернее, часовня — в этой структуре был не двор, а восточное квадратное помещение с алтарем. Христианская церковь, а впоследствии мечеть отличаются от "языческого" храма тем, что последний был домом, жилищем божества, куда допускались только избранные люди — жрецы, церковь же (мечеть) — место массовых молитвенных собраний, в которой священная алтарная часть и пространство, заполненное верующими, неразделимы. Поэтому двор акбешимской церкви, связанный с ней нешироким проходом, нужно рассматривать не как внутреннюю часть самой церкви, а как ее обширное преддверие — по западной терминологии атриум или нартекс. Что же касается самой церкви-часовни, то ее плановая форма — квадрат с осевыми сводчатыми нишами и купольным венчанием — принадлежит, как уже много раз было отмечено, к древним и коренным приемам среднеазиатской архитектуры — именно к тому приему, который несколько позже воплотится в монументальных формах исламских зданий, сакральных и гражданских. Называть такую форму сирийской, как это делает исследователь, и говорить по этому поводу о проникновении неких христиан-сирийцев на территорию Средней Азии⁴²³ нет оснований.

Большое, сложного устройства здание, раскопанное в 1980 г. на городище Старого Термеза, представлено пока единственной небольшой и не очень подробной публикацией.⁴²⁴ Его строительные характеристики недостаточно ясны, на некоторые вопросы, возникающие при чтении публикации, она не дает ответа, что существенно усложняет даже классификационное определение здания, остающегося в значительной мере архитектурной загадкой (рис. 263).

Прямоугольное компактное сооружение размерами в плане 19×42 м ориентировано длинной стороной не совсем точно в направлении 3—В. Стены сложены из блоков пахсы, иногда в комбинации с квадратными сырцовыми кирпичами (стороны 33, толщина 10 см). Многочисленные, расположенные в сложном порядке помещения были перекрыты несохранившимися сводами и куполами, глинобитные

полы кое-где выстланы жженым кирпичом. Определение здания как христианского и культового автор публикации обосновывает находкой здесь, еще до раскопок, части стены с росписью — изображением креста с кругом в центре и арабской надписью. Это немного, но высокая научная репутация исследователя служат в данном случае известной гарантией того, что он не ошибся.

Здание состоит из 16 помещений разных размеров и форм, и может — несколько условно — рассматриваться как состоящее из двух частей, западной и восточной, слабо связанных между собой, хотя и объединенных общим геометрически четким контуром. Центр западной части — большое крестообразное помещение 1, состоящее из квадратного купольного ядра со сторонами 4,5 м и четырех осевых внутренних айванов несколько меньшей ширины (3,7 м) и разной глубины — от 6,5 до 4,8 м. Попадали сюда и во все помещения западной группы через единственный вход в южном торце короткого южного айвана: два входа в его боковых стенах вели в симметричные (но разной длины) комнаты 3 и 5, проходы в торцах западного и восточного айванов — в камеру 2 (как бы отделенную поперечной стеной с боковым входом от западного айвана) и в круглую проходную комнату 6. Проем в стене северного айвана вел в большое помещение 4, занимающее СЗ угол здания — почти квадратное (5,5×5,75) в плане, с неглубокими осевыми нишами на всех четырех сторонах. Исследователь считает, что это помещение первоначально было квадратным, то есть без ниш, и купольным; вдоль его стен устроены суфы. На стене в комнате 5 сохранилась роспись, подтверждающая христианскую принадлежность постройки: изображения "нехристианского" креста с расширяющимися концами, вписанными в орнаментированный круг и с кругом внутри.

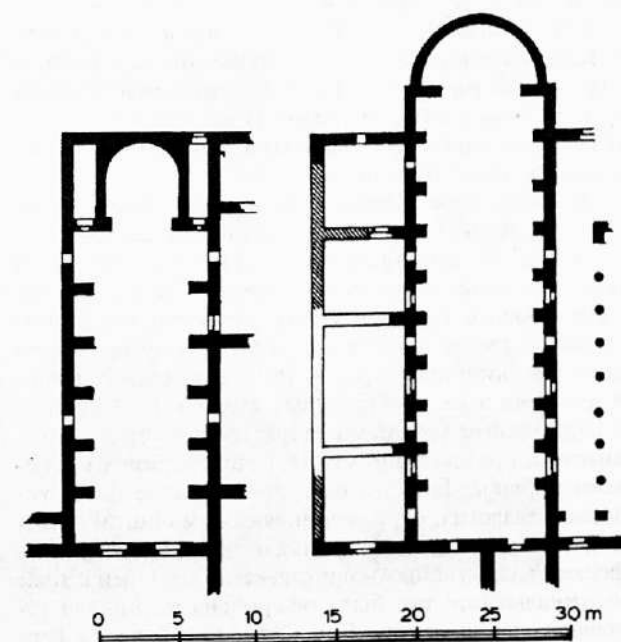

Рис. 261. Южная Сирия. Две церкви 5—6 вв. в Умм-иди Джимад. Планы. По Г.В.Байеру.

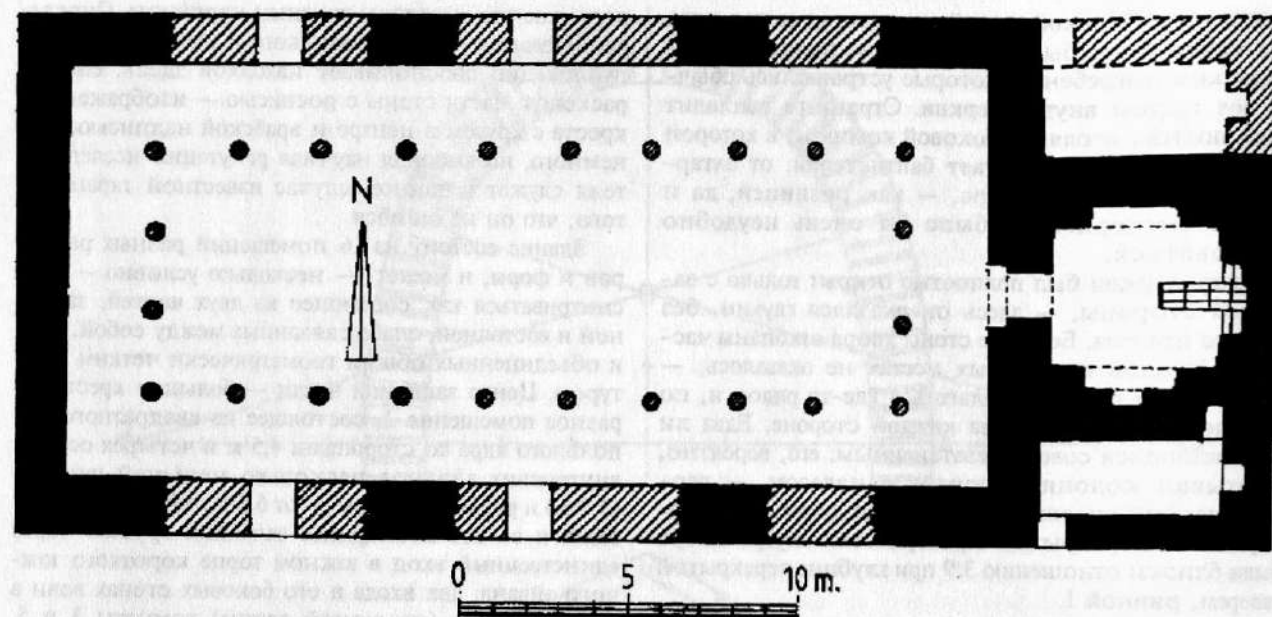

Рис. 262. Церковь в Ак Бешиме. План-реконструкция.

В камере 2 найден круглый колодец, облицованный криволинейными сегментами, — их материал не назван, но едва ли это был сырец или пахса. Колодец сообщался с другим, внешним колодцем, через который, очевидно, и наполнялся. Посреди помещения 1 частично уцелела выстилка пола квадратными жжеными кирпичами, на стенах южного и северного айванов сохранились орнаментальные росписи.

Редкая особенность внутренней архитектуры здания — оформление выступающих углов в квадратных помещениях с нишами тонкими угловыми колонками. Ими украшены все восемь углов центрального квадратного ядра помещения 1 (причем колонки выкрашены в красный и синий цвет) и углы по сторонам западной и восточной ниш в помещении 4. Круглые тонкие стержни колонок (их материал, к сожалению, не назван) были прикреплены к узким граням, образованным срезом углов под 45°, и зрительно поддерживали, вероятно, декоративное обрамление сводчатых ниш.

В архитектуре Средней Азии такой прием чрезвычайно редок. Его единственная известная мне аналогия (где он, правда, употреблен в ином контексте) обнаруживается в мечети 9 — начала 10 в. в Данданакане (Южный Туркменистан). Здесь угловые опоры дворовой аркады имеют в сечении форму продолговатого восьмиугольника, — три вертикальные грани и два угла этих причудливых столбов были оформлены узкими круглыми стержнями, выпиленными вместе с примыкающими частями столбов из жженого кирпича. Есть, правда, другая и еще более условная аналогия, ограниченная самым общим принципом — украшением вертикальной конструктивной формы декоративными приставками, тонкими и тоже вертикальными: так была оформлена массивная угловая колонна мечети Чор Сутун (9—10 вв.) в Термезе, недалеко от интересующего нас здания.⁴²⁵ Здесь к толстому круглому столбу с четырех сторон при-

мыкали тонкие стержни не круглого, а квадратного сечения, — можно думать, что этому отвечала венчавшая колонну плита или капитель квадратной в плане формы. Оба примера — раннеисламского времени, но, вероятно, опираются на более ранние образцы.

Вход в восточную группу, как и в западную, расположен с южной стороны. Он ведет в небольшой вестибюль 10 квадратной в плане формы, расширенный осевыми нишами на всех, кроме входной, сторонах. Центральный квадрат, канонических размеров 4x4 м, был, вероятно, увенчан куполом. И здесь все выступающие углы, образованные смыканием сторон квадрата с осевыми нишами и широким проемом входа, срезаны под 45° и украшены вертикалями тонких круглых колонок. Осевой проход в северном торце ведет в длинное помещение 12, протянутое вплоть до задней северной стены здания и раскрытое в этом направлении широким проемом. Длина помещения — 11 м, ширина, как и у квадратного вестибюля — 4 м, так что продольные стены у обоих помещений общие. Западнее между параллельными стенами лежит группа комнат 13, 14, 15 и 16, анфиладно соединенных боковыми проходами. Вход сюда вел из помещения 12 в комнату 13, которая служила прихожей для комнат 14 и 15, соединенных с ней симметричными, лежащими один напротив другого входами; центральную осевую роль комнаты 13 подчеркивает ниша посреди ее задней стены, напротив входа. ЮВ угол здания разрушен, и отмеченная здесь узкая камера 16 почти не сохранилась; исследователь предполагает здесь особый вход в восточную анфиладу, для чего, по-моему, нет достаточных оснований. Две небольшие арочные ниши в комнате 15 вставлены в прямоугольную раму; этому приему, свойственному исламской архитектуре, но встречающемуся и раньше, отвечает стрельчатая форма арок, вызванная, вероятно, небольшими размерами сложенных из сырца ниш.⁴²⁶

Западный проход из вестибюля 10 ведет в комнату 11, — отсюда идет проход необычной формы, единственный, связывающий обе группы помещений. Он начинается узким, метровой длины, сложенным под тупым углом коридором у СЗ угла комнаты 11. Далее следует круглая камера ба, диаметром всего 1,15 м, перекрытая куполом яйцевидной формы (то есть, видимо, эллиптическим в вертикальном сечении) с квадратным отверстием в зените. Короткий отрезок узкого коридора ведет отсюда в круглую комнату 6 — главное связующее звено обеих частей здания, лежащее на айванной оси 3—В помещения 1.

Комната 6, диаметром 3,7 м, завершалась куполом со слегка нависающим основанием, которое было украшено бордюром из рельефных уступчатых зубцов "кунгра", сложенным из сырцовых кирпичей. Зубцы "кунгра" — традиционная венчающая форма зданий, и, значит, строители давали таким способом понять, что верхнего купола здесь как бы нет, то есть что он — условное изображение небесного свода. Поверхность стен круглой комнаты оформлена двумя кольцевыми рядами квадратных нишек, расположенных вразбивку — еще один странный прием, вызывающий ассоциации с так называемыми кафтархона — постройками неясного назначения, датируемыми преимущественно 11—12 вв.⁴²⁷

Комната 6 вместе с ее "спутником" камерой-тамбуром ба была заключена в кубический массив кладки со сторонами 6 м, расположенный поблизости от геометрического центра плана здания. С севера и востока к нему примыкает самое большое и необычное помещение, обозначенное в опубликованном плане цифрами 8 и 9. Вход в него, ведущий из помещения 12, расположен напротив входа в комнату 13.

Основная часть помещения 8, вытянутая в направлении В—З, замыкается с западной стороны широким полукругом-экседрой, вогнутые стены которой расчленены четырьмя полукруглыми нишами

и осевым проходом, ведущим в лежащую западнее комнату 7. Размеры прямоугольной части помещения 8 — 7,6x5,7 м, — в точности отвечают отношению 4:3 катетов "египетского" треугольника. Простенки между малыми нишами и между нишами и средним проходом украшены на углах и посредине тонкими стержнями, которым придана традиционная форма колонок — со стройной сужающейся кверху базой и круглым шариком "кузаги" между базой и стволом; узкие промежутки между колонками оформлены вертикальными рельефными членениями (рис. 264).

Широкая полукруглая экседра, украшенная нишами и колоннами — характерная и специфическая форма античной римской архитектуры, употреблявшаяся в ее самых репрезентативных постройках, где требовалось создать впечатляющий театрализованный фон.⁴²⁸ По той же модели строились и украшались круглые римские здания, — например, Пантеон и ротонда Рому и Августа в Остии, половины плана которых схожи, вплоть до деталей, с экседрой в Термезе.⁴²⁹ Но в средневековой архитектуре Среднего и Ближнего Востока, унаследовавшей множество приемов и тем римской эпохи, тема экседры почти не встречается, а среднеазиатской архитектуре (тоже впитавшей немало мотивов антично-римского архитектурного наследия) она осталась чуждой. Единственная известная мне параллель термезской экседры, позволяющая предположить возможность реальных культурных контактов — церковь Богоматери 7 в. в Хаке (Турецкая Армения).⁴³⁰ Это церковь типа тетраконха, боковые абсиды которой представляют собой опирающиеся на трюмпы конхи, а центральная алтарная абсида, шириной около 4 м, оформлена пятью полукруглыми арочными нишами и небольшими колоннами в простенках между ними, — на колонки опираются рельефные архивольты арок (рис. 265). Общее сходство обеих форм, несмотря на

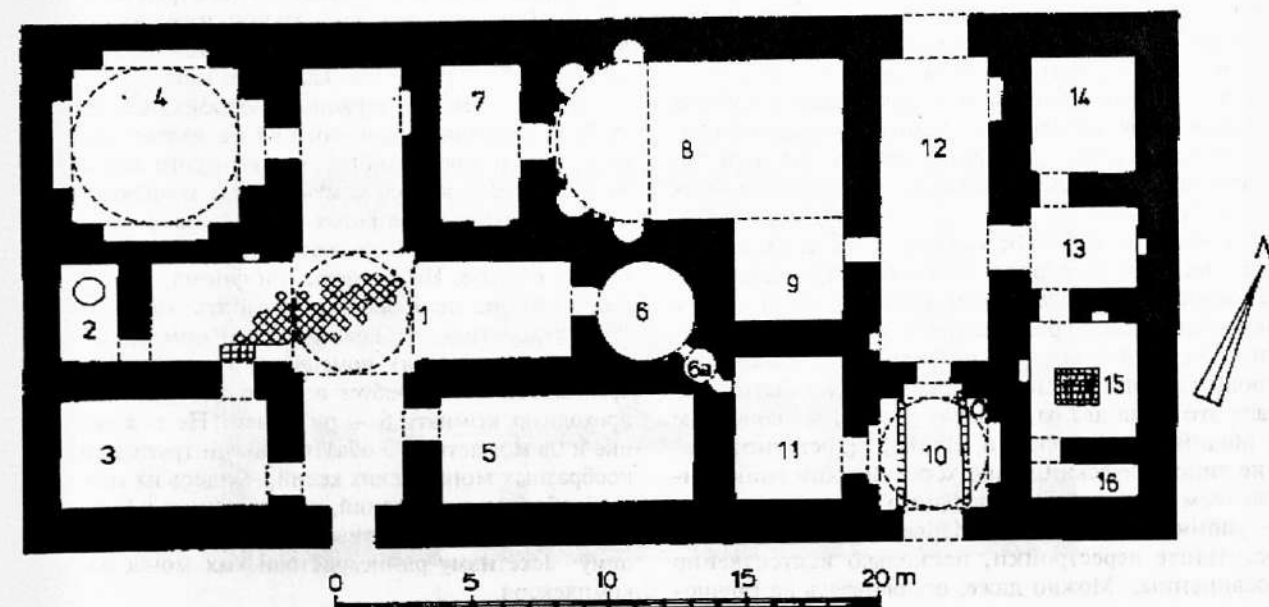

Рис. 263. Христианское здание в Термезе. План. По Л.Альбауму с коррективами.

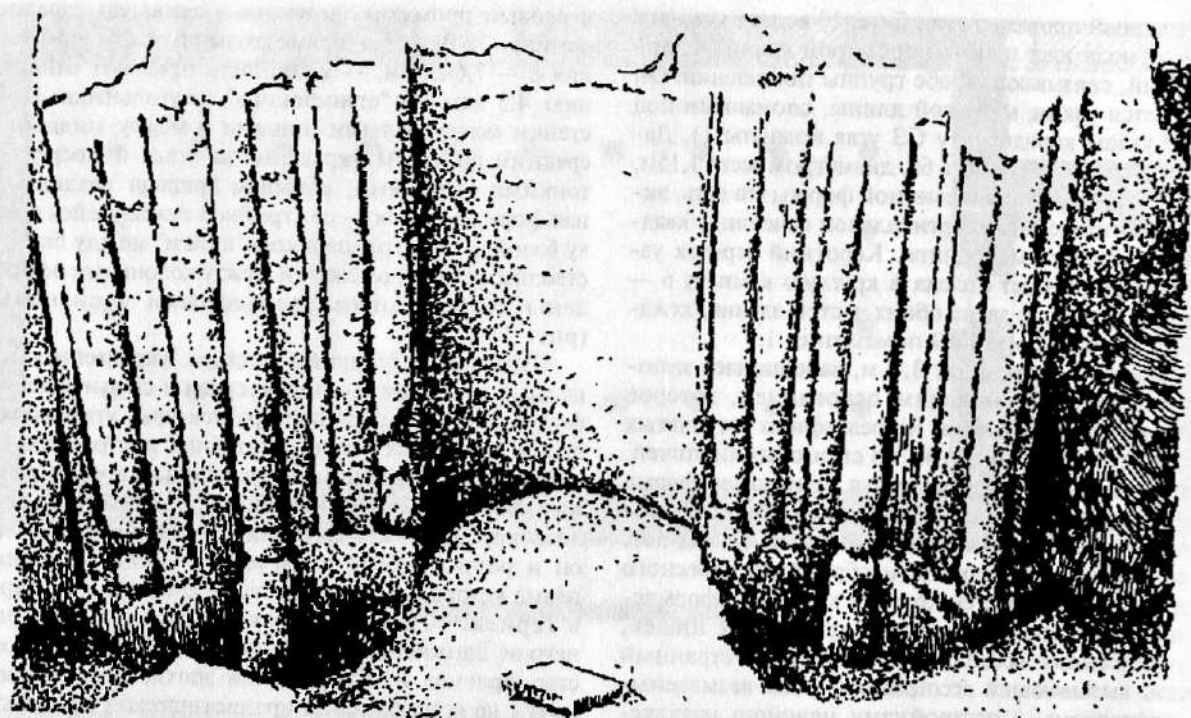

Рис. 264. Христианское здание в Термезе. Малая абсида в помещении 8.

явные "разночтения" (размеры, количество колонок в простенках и т. п.) несомненно, но их места в пространственной структуре зданий совершенно различны: в церкви Богоматери — это композиционный фокус ее внутренней архитектуры, в термезском здании — эффектная, но не главная деталь, значение и место которой в неупорядоченной плановой системе здания непонятны.

Эта параллель, даже если в ней есть некая неформальная основа, все-таки касается не целого, а части. В термезском здании странным образом сочетаются уникальные формы, такие как экседра и круглая купольная комната с, так сказать, общими местами до- и раннеисламской архитектуры Средней Азии — квадратными помещениями, расширенными осевыми нишами и перекрестием глубоких айванов вокруг купольного центра, — последний прием, представленный помещением 1, буквально повторен в раннеисламских замках Мерва Харам-кешк и Акуйли-кошук.⁴³¹

В общем же плановое устройство термезского здания, несмотря на определенную геометрическую регулярность, как говорилось, неупорядочено: в нем нет композиционного центра и отсутствует соподчинение частей, которое позволило бы понять суть происходивших здесь процессов. Может быть, вначале это были два отдельных здания, заключенные в общий прямоугольный "футляр" (восточное здание типологически близко хорезмийским монументальным жилищам "трехдольного" типа, а западное — упомянутым замкам в Мерве) и только позже, в результате перестройки, несколько искусственно соединенные. Можно даже, основываясь на общности диаметра экседры и купола в комнате 4 и на их расположении на общей оси, предположить, что эк-

седра — остаток круглого помещения такого же пролета, что вписанный в комнату 4 круг, и что помещение 8 составлено из двух частей, прежде принадлежавших соседним, но разным зданиям (рис. 266).

Временем строительства здания в публикации назван 10 в.⁴³² Архитектурно-строительные приемы и формы — такие как фриз из уступчатых зубцов, сложенных из сырца, и обращенная в античное прошлое форма экседры — позволяют, по-моему, датировать его доисламским временем. Да и едва ли благочестивые мусульмане-Саманиды, сами превращавшие церкви в мечети, позволили бы строительство в центре Термеза большого здания чуждого исламу культа. Признаков, которые исключали бы датировку здания 7–8 вв., в нем как будто нет.

Вместе с тем эта странная постройка безусловно не была церковью: для этого ей не хватает единого внутреннего пространства, без которого церковное здание нельзя использовать по его назначению, и слишком много различных комнат, явно не имеющих ни прямого, ни косвенного отношения к церковной службе. Ни размеры, ни форма, ни взаиморасположение не позволяют признать, как это делает исследователь, церковным залом помещение 1 (в нем нет даже алтаря), помещение 4 — приделом или крещальней (она требует особого оборудования), а проходную комнату 6 — ризницей. Не похоже здание и на монастырь с обязательными группами единообразных монашеских келий, — здесь их нет, да и разнообразие помещений, рассчитанное на художественный эффект, противоречило бы демонстративному аскетизму раннехристианских монастырских комплексов.

Аналогии с замками маргианского и хорезмийского типа дают, как будто, основание для осторож-

ного предположения, что в Термезе раскопаны остатки двух богатых, впоследствии соединенных жилищ, хозяева которых исповедовали христианство несторианского толка. Это, правда, только гипотеза, лишь в малой степени подкрепленная доказательным материалом.

Гораздо более конкретные сведения, среди них и архитектурные, были получены при исследовании христианского монастыря в Мерве.⁴³³ Легенда говорит, что первый местный проповедник христианства Берешия пришел сюда уже через 200 лет после Христа; во вселенском соборе 334 г. принимал участие епископ Мерва. Крупнейший в Хорасане центр христианства, Мерв и позже, как говорилось, был резиденцией митрополита, которого Бируни называл даже католикосом — титулом того же уровня, что римский папа на Западе. Христианская община Мерва помещалась в СВ части мервской Гяур-калы, как бы напротив буддистов, занимавших ее ЮВ угол.

Монастырский комплекс, возникший в 5 в. и заброшенный, вероятно, в начале 7 в., был возведен на руинах какой-то большой постройки парфянского времени и представлял собой в плане овал неправильной формы, за что был назван исследователем "овальным" домом. Остатки древнего здания, превращенные в платформу, подняли постройку более чем на 3 м над местностью. Здание ориентировано длинной стороной в направлении Ю—С, имело размеры (в осях) 58 и 42 м, и было заключено в неправильной формы футляр необыкновенно толстых сырцовых стен: на севере их толщина составляла 4,5 м, на юге доходила даже до 6 м. К единственному входу, прорезавшему стену в ее самой толстой южной части, вел прямой глинобитный пандус (рис. 267).

Внутреннее устройство "овального" дома состояло из 33 комнат, пристроенных изнутри к стене, по большей части продолговатых, узких и сводчатых (угловые комнаты получили редкую треугольно-сегментную форму). Они окружают двор, который строители хотели, вероятно, сделать прямоугольным, но который — из-за общего округлого и несимметричного контура — получил трапециевидную форму. Эти комнаты-кели почти лишены обычного для жилищ того времени бытового оборудования: очаги имелись

лишь в некоторых из них, редко — только в четырех кельях — встречены суфы. Стены многих комнат, вероятно, для создания покаянного и молитвенного настроения, были окрашены в черный цвет. Установлено, что на протяжении своей относительно недолгой жизни монастырь много раз перестраивался: закрывались старые и прорубались новые входы, двухкомнатные "квартиры" на восточной стороне разделялись, превращаясь в одиночки, а одиночные камеры на западной стороне объединялись, наоборот, сквозными проходами и лишились прямых выходов во двор. Две продолговатые комнаты по сторонам южного входа потеряли обращенные во двор проемы, вместо которых здесь на торцах были сделаны полукруглые абсиды. Почему-то было заложено

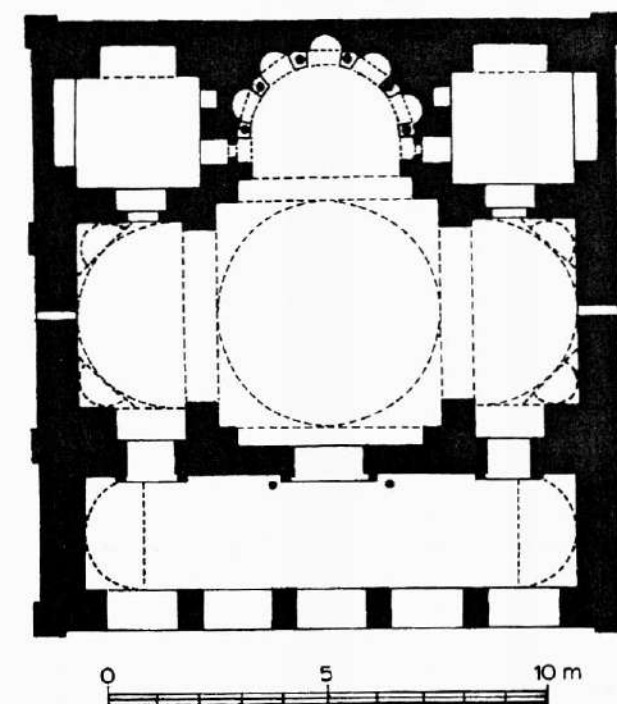

Рис. 265. Церковь 7 в. в селе Хак (турецкая Армения). План. По Моннере де Виллар.

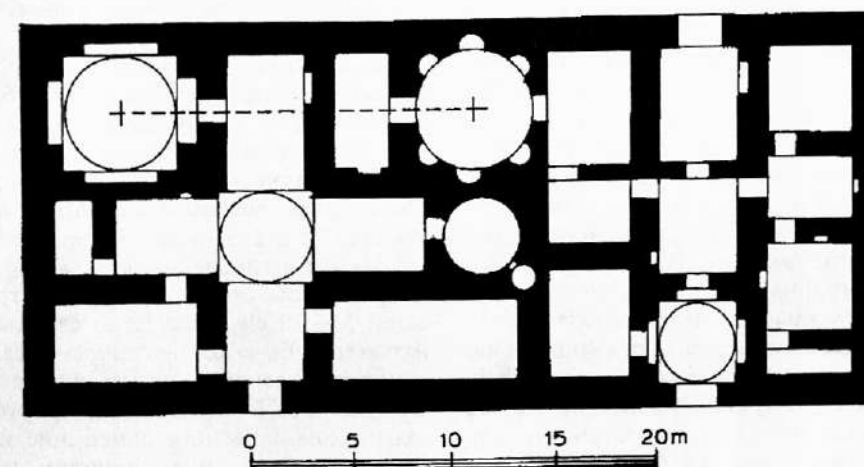

Рис. 266. Христианское здание в Термезе. Реконструкция-гипотеза плана.

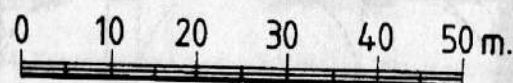
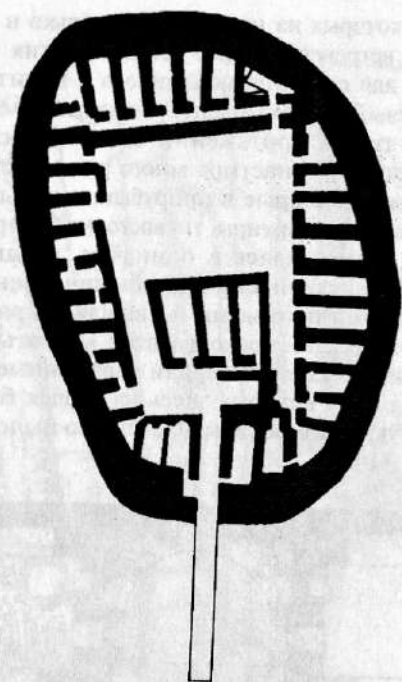

Рис. 267. Христианский монастырь в Мерве. План. По Г.Дресвянской.

но большинство небольших ниш, составлявших едва ли не единственное украшение этих мрачных камер: они удивляют неожиданным разнообразием их ложносводчатых форм (рис. 268).

Комнаты северной группы обращены входами в коридор, отделенный от двора сплошной стеной с единственным угловым выходом. Здесь, вероятно, было всегда темно, так как кельи монастыря окон не имели и освещались только через дверные проемы. Позже южная часть двора близ входа была застроена группой из трех параллельных, сравнительно больших комнат, которая почти вдвое уменьшила его свободное пространство, — до этого самой просторной была комната у СЗ угла двора, разделенная впоследствии на две части.

О том, что это замкнутое, отгороженное от внешнего мира сооружение было построено христианами, свидетельствуют находки: цилиндрическая каменная печать с изображением креста и крест-графитти на оштукатуренной стене одной из келий. Отсутствие минимального — даже по тем временам — комфорта, женской и детской утвари, намеренно мрачная черная окраска стен говорят о суровом, аскетическом характере жившей здесь монашеской общины. Кажется странным, что монастырь состоит из помещений только жилого — в любом случае явно не культового — назначения: среди окружающих двор келий нет ни одной, которая годилась бы для общих собраний, трапез и богослужений, даже две южные комнаты с абсидами, похожими на алтарные, для этого явно малы. "Овальный" дом был монашеским общежитием и, видимо, больше ничем. Объясняет-

ся это, очевидно, тем, что "овальный" дом не был единственной христианской постройкой в СВ части Гяур-калы: в 50 м к ЮЗ от него сохранились остатки церкви 4–6 вв., построенной из сырца того же размера (38×38×9–10 см), того же голубоватого цвета и с такими же клеймами (оттиск правой руки), что и в монастыре; от здания остались два помещения размерами 4×3,5 и 8,6×7 м, — последнее, может быть, служило залом для молитвенных собраний.⁴³⁴

Прямоугольный (если не по исполнению, то по идее) двор, обстроенный кельями, обращенными входами во двор, и с лежащим на оси входом дает повод, при желании, видеть в мервском монастыре прототип будущих медресе, — у "овального" дома есть для этого, во всяком случае, не меньше оснований, чем у буддийских монастырей дворового типа. Правда, как говорилось, сама идея огражденного, как бы изъятая из природного окружения пространства с внутренней периметральной застройкой основана на таких общих качествах человеческой психики, что искать некий единый первоисточник этой планировочной идеи едва ли имеет смысл.

Христианский монастырь примерно того же времени, но другого типа был найден в Южном Таджикистане, в 17 км к ЮЗ от селения Айвадж, на пограничном правом берегу Амударьи. Терраса Амударьи достигает здесь высоты 30 м и состоит из горизонтальных слоев прочного глинистого сланца, поочередно зеленого и темнорозового цвета. Художественный эффект этой геологической особенности был принят во внимание строителями монастыря (рис. 269).⁴³⁵

Айваджский монастырь относится к типу пещерных, известных в сакральной христианской архитектуре (Вардзия и Давид-Гареджа в Грузии, Печеры в Киеве, многочисленные пещерные комплексы в малоазийской Каппадокии), но получивших здесь меньшее распространение, чем в буддийской. Цепочка искусственных пещер, вырубленных в сланцевом массиве, тянется на протяжении полукилометра вдоль берега Амударьи. Пещеры обращены входами на реку, то есть на юг, и состоят каждая из различного количества помещений; тем не менее их плановое устройство следует общему принципу, — каждый пещерный комплекс представляет собой упрощенный или, наоборот, усложненный вариант "типовой" композиционной схемы.

Он начинается входным коридором — дромосом, открытым сверху и постепенно углубляющимся в береговую откос, от крутизны которого зависит длина дромоса: чем круче откос, тем короче дромос. За слегка расширяющимся к концу дромосом расположен поперечный сводчатый вестибюль, несколько более широкий и отделенный от дромоса тонкой стенкой с большим входным проемом. У торцовых стен вестибюля по обе стороны от входа устроены суфы высотой 50–70 см, — судя по следам от посуды, их назначение было хозяйственным; сразу над ними начинается высокий эллиптический свод. В одной из стен дромоса (обычно левой) прорублен вход в отдельное хозяйственное помещение или дворик.

За вестибюлем в большинстве случаев лежит основная комната, ориентированная, как и маленький

вестибюль, поперек входной оси; иногда за ней следует еще одна продольно ориентированная комната (рис. 270).

У помещений, вырубленных в слоистом грунте, не совсем правильная форма: видно, что строители старались придать им прямоугольные очертания, но это им плохо удавалось. Продольные стены больших комнат от самого основания заметно наклонены внутрь, на высоте 2,5–3 м наклон увеличивается и переходит в перекрытие типа плоского свода, основание которого отделено от стен выступающей внутрь широкой скошенной полкой. Так строители стремились создать впечатление, что помещение с поперечным сечением в форме эллиптической, приплюснутой кривой (эта форма вызывалась технической необходимостью) ограничено обычными стенами и потолком. Высота входных проемов, стен — наклонных продольных и вертикальных торцевых — и венчающей их полки повсюду отвечает расположению и чередованию цветных слоев сланца, в котором вырублены пещеры: границы между розовыми и зелеными слоями отвечают архитектурным членениям. Слегка вспарушенные потолки вырубались в слое красноватого сланца, а подпотолочная полка-карниз — из зеленого. Сужающиеся кверху входные проемы (других здесь нет), своей формой как бы повторяющие поперечное сечение комнат, завер-

шаются арками небольшого подъема с коробово-лучковым очертанием; в стенах комнат и дромосов прорезаны нишки эллиптической формы (рис. 271).

Сохранившиеся в больших поперечных комнатах устройства в виде суф, примыкающих к торцевым стенам, позволяет реконструировать их необычное назначение. Эти суфы, симметричные относительно поперечного осевого входа, сохранили детали оборудования в виде различных, не сразу объяснимых отверстий. Одни из них расположены над серединой суф или по краям, 40–50 см выше их поверхности, и уходят в стены не горизонтально, а наклонены вниз и вбок под углом 30–40°. Отверстиям, просверленным в середине, отвечают отверстия в самих суфах, — это как бы короткие каналы, проложенные за вертикальной стенкой суфы и выходящие наружу двумя отверстиями. Отверстия обоих видов — наклонные в стене над суфой и двойные в передней стенке суфы — совпадают по вертикали.

Это, вероятно, гнезда для деревянных стержней-креплений, которыми были укреплены восседавшие на суфах культовые статуи, сделанные из традиционного местного материала — глины. Наклонные стержни надежно прикрепляли статуи к стене, в нижние отверстия продевались шнуры, фиксировавшие положение опущенных ног, — под статуями, сидевшими на суфах со скрещенными ногами, нижних

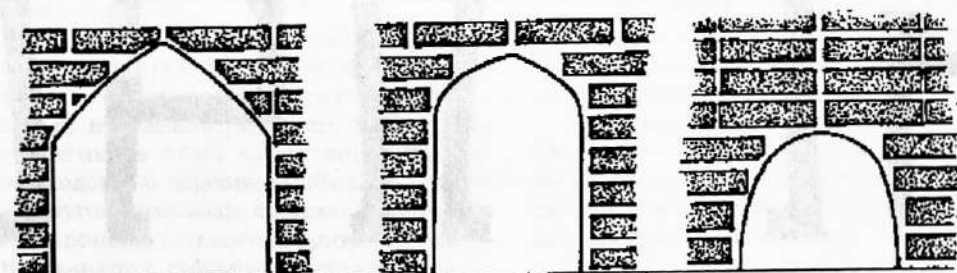
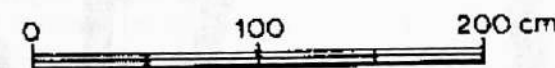
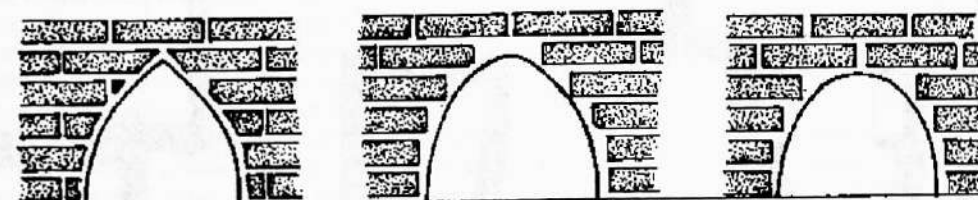
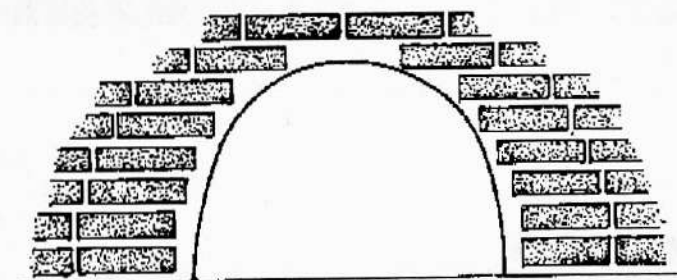

Рис. 268. Христианский монастырь в Мерве. Типы ниш в кельях. По Г.Дресвянской.

Рис. 269. Христианский пещерный монастырь у Айваджа. Общий вид.

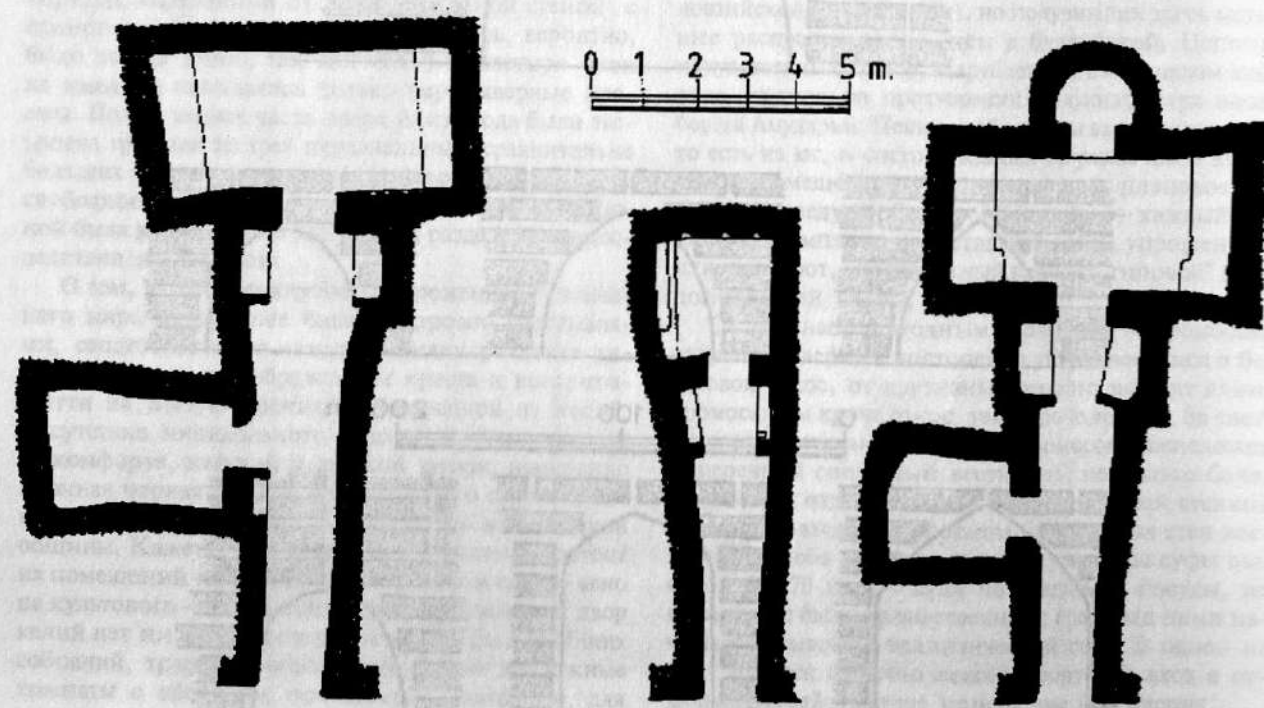
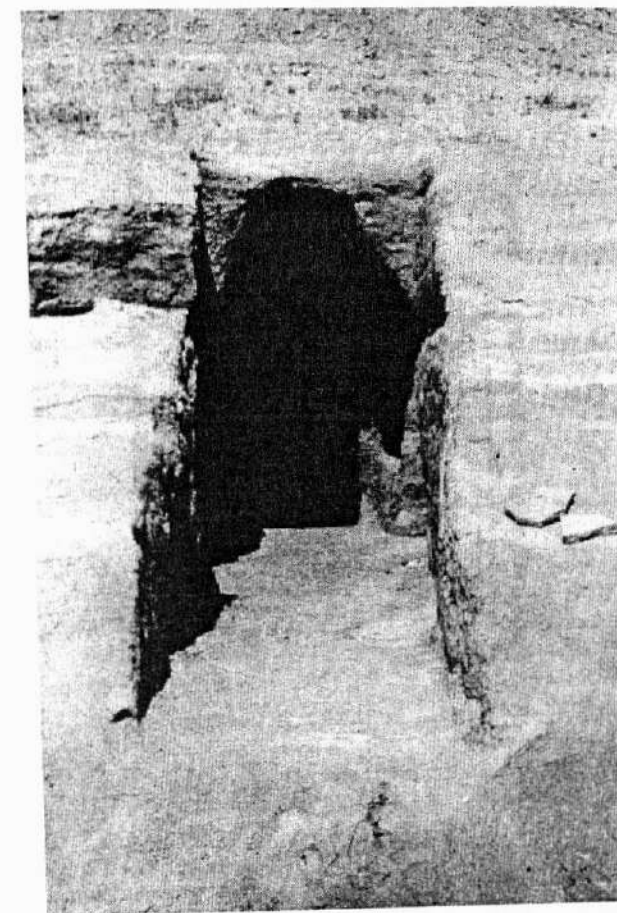

Рис. 270. Христианский монастырь у Айваджа. Планы помещений.

Рис. 271. Христианский монастырь у Айваджа. Входы.

отверстий нет. Эта гипотеза подтверждается еще одной группой парных выемок, расположенных одна напротив другой в продольных стенах, на расстоянии 70—100 см от углов и 2 м от пола, и сделанных только там, где к соответствующей торцевой стене примыкает суфа. Расстояние их от углов несколько больше ширины лежащих ниже суф, — так что, если в эти выемки крепились деревянные штанги — "карнизы", то спускавшиеся с них занавеси должны были свисать перед суфами и сидящими статуями, полностью их закрывая. Кроме того, суфы со священными изображениями закрывались, судя по сохранившимся ниже в продольных стенах следам, деревянными запорами типа горизонтальных шлагбаумов. Найти иное назначение всем этим приспособлениям как будто нельзя, значит, комнаты с торцевыми суфами и восседающими на них статуями, скрытыми занавесями и открывавшимися в особых случаях, едва ли были жилыми.

В одном из комплексов за большой поперечной комнатой напротив входа устроена полукруглая в плане ниша-абсида, суженная боковыми выступами. Она, вопреки ее небольшим размерам, играла здесь особую роль, замыкая собой композиционную ось, — ее явное сходство с церковной абсидой едва ли случайно. В другом комплексе система помещений, состоящая из дромоса, бокового дворика и большой поперечной комнаты с суфами-пьедесталами замыкается небольшой осевой комнатой не совсем пра-

вильной прямоугольной формы (250×215 см) с плоской арочной нишей в задней стене. Именно это маленькое помещение сохранило бесспорное доказательство христианской принадлежности всего растянувшегося вдоль берега пещерного ансамбля (рис. 272).

Здесь слегка наклоненные внутрь стены завершены тремя нависающими ступенями, как бы держащими на себе плоский потолок, средняя часть которого вырублена в виде невысокого купола не совсем правильной в плане округлой формы. Размеры миниатюрного купола в осях — 134 и 121 см, высота — около 50 см. Его поверхность украшена выпуклым изображением креста с расширяющимися лопастями и скругленными краями — крест той характерной формы, похожей на русский "георгиевский" крест, который принято называть несторианским. Именно эта форма доказывает, что здесь изображена не потолочная конструкция в виде пересекающихся арок (как в хорезмийском замке Барак-там — см. рис. 65), а священный символ в его специфической местной трактовке.

Христианской принадлежности пещерных комплексов, казалось бы, не отвечает их украшение статуями, сидящими на суфах-пьедесталах, — считается, что храмы восточного христианства скульптурой как правило не украшались. Объяснение, вероятно, в том, что в доисламской Средней Азии разные религии мирно уживались рядом, оказывая несомнен-

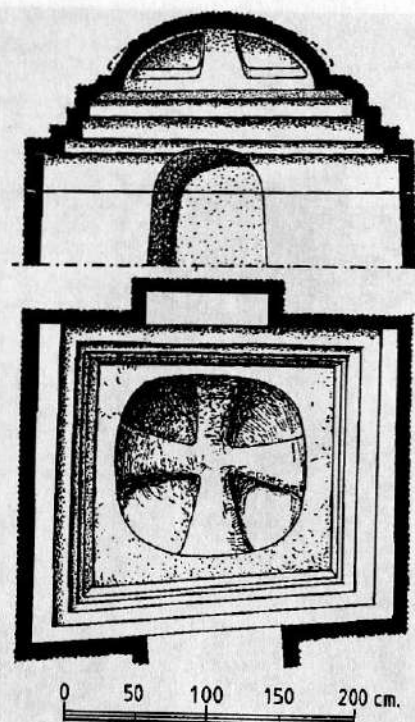

Рис. 272. Христианский монастырь у Айваджа. Камера с крестом на куполе. Разрез и план.

ное влияние друг на друга. Сильное воздействие искусства, используемого одной религией, должно было приниматься во внимание другой. К тому же на пришедшие религиозные учения, такие как буддизм и христианство, на выработанные ими ритуалы должны были оказывать воздействие местные маздеистские традиции, — это нашло отражение в планировочных приемах местной сакральной архитектуры. Да и аскетическая философия отшельничества, бегства из жизни ради духовного спасения в христианском и буддийском вариантах подчас очень близки. Внутреннее сходство, подкрепленное постоянным общением, должно было сказаться и в сходстве аналогичных по назначению сооружений.

Сходство убранства и внутреннего устройства буддийских и христианских святынь в Центральной Азии доисламского, да и более позднего времени было так велико, что подчас приводило к курьезным ошибкам: документально известно, что средневековые путешественники — христиане иногда принимали буддийские культовые здания за христианские.

Датировать монастырь у Айваджа можно только на основании его архитектурных форм: на каменных полах пещер, эксплуатировавшихся веками, мусор не наращивался слоями, а выметался. Раннее, доисламское время создания пещерных комплексов определяется повсеместным употреблением здесь сводов характерных эллиптических очертаний, типичных для 5—8 вв., и отсутствием арок или сводов стрельчатой "исламской" формы. Форма входных проемов в виде коробово-лучковой кривой тоже характерна для доисламской архитектуры, хотя изред-

ка употреблялась и позже. Что до общих архитектурно-планировочных особенностей монастыря у Айваджа — от расположения пещерных комплексов цепочкой вдоль берега реки до общего принципа их устройства и индивидуальных различий, — то сколько-нибудь близких аналогий этим особенностям пока нет, и удивительный, во многом загадочный пещерный ансамбль на берегу Амударьи остается уникальным.

Собранные В.Бартольдом материалы о христианстве в раннесредневековой Средней Азии включают в себя и некоторые сведения о культовых сооружениях пред- и раннеисламского времени.⁴³⁶ Правда, эти сведения, оставленные арабо-иранскими путешественниками 10 в., обычно ограничены временем Саманидов, но среди упомянутых в них зданий наверняка были и старые. Ибн Хаукаль, рассказывая о самаркандских христианах, упомянул их постройки, отдельно — их кельи (вероятно, монастырь) и "сборное место их общины" — видимо, церковь. У него же есть упоминание о христианском селении на границе Ташкентского владения, а у Истахри — о церкви около Герата. Исмаил Саманид, завоевав в 893/4 г. Тараз, превратил его главную церковь в пятничную мечеть; та же участь постигла церковь в городе Мирки (Мерке) и значительно раньше — в 8 в. — храм (как будто не христианский и не буддийский) в согдийском городе Рабинджан.⁴³⁷

Уже говорилось, что культовая атрибуция древних построек в Средней Азии не всегда доказательна: довольно часто исследователи объявляют культовыми здания и отдельные помещения, основываясь не на фактическом материале и бесспорных доказательствах, а на субъективных, подчас чрезвычайно хитроумных рассуждениях. Это касается в первую очередь тех местных религий, о которых мало или почти ничего не известно, и сакральные здания которых принято неопределенно именовать "храмами огня", "храмами предков", "храмами идолов", "династическими храмами" и т. п. Та же трудноразрешимая проблема возникает при атрибуции тех помещений в замках, дворцах и жилых домах, в которых исследователи усматривают признаки особых устройств, позволяющих рассматривать их как культовые, — такие помещения, оборудованные пристенным очагом или подиумом, возвышающимся над полом, принято называть "капеллами", домашними святынями или молельнями. Аргументы в пользу таких атрибуций обычно сложны, косвенны и потому не очень убедительны, хотя подчас их высказывают ученые самого высокого класса.⁴³⁸

Проблема "капелл" в значительной мере искусственна и основана на забвении (или недостаточном к нему внимании) того бесспорного факта, что культура, мировоззрение и быт людей раннего средневековья были религиозными в самой своей основе, жизнь во всех ее проявлениях имела тогда религиозно-ритуальный характер, — и искусственно выделить эту культовую и ритуальную субстанцию из частной, общественной и государственной жизни означало бы ее разрушить. Поэтому бессмысленно гадать, пировали ли в том или ином зале владельцы

замка или городского дома, или поклонялись там огню или загадочным идолам, — скорее всего они занимались тем и другим, не выделяя для каждой части этого неразрывного единства специальных помещений. Точно так же нет оснований объявлять храмом здание, в одной из комнат которого есть возвышения со следами огня, золой и угольками, — это, вероятнее всего, признаки ритуально-культовых действий, но совмещавшихся с процессами светского, бытового и представительного характера.

Гипотезу о культовом назначении "капелл" убедительно опроверг П.Бернар, — все детали их оборудования объяснимы как носители утилитарных функций, а сами "капеллы" были в первую очередь жилыми помещениями для членов семьи, по современной терминологии — "общими" комнатами, "салонами".⁴³⁹ Это справедливое суждение среднеазиатской археологией до сих пор часто игнорируется.

Сказанное, конечно, не означает, что в дворцах, замках и богатых городских жилищах не было особых помещений сакрального назначения — действительных, а не мнимых капелл. Такие помещения составляют характерную деталь устройства большинства исследованных доисламских замков Средней Азии; им свойственны изолированность относительно соседних помещений, небольшая величина, квадратная форма плана (средний размер — около 4×4 м) и купольное перекрытие, которое здесь из-за небольших размеров не вызывало строительной необходимости, а было, вероятно, символическим обозначением небесного свода.⁴⁴⁰ Иногда вход в такие капеллы выделялся особым образом (например, в замке Урта Курган — внутренней порталной нишей), а их устройство включает в себя алтарную или жертвенную площадку.

Домашней капеллой было, очевидно, очень маленькое (2,7×2,7 м) помещение 5 в замке Ак-тепе Юнусабадское, в тропках которого В.Воронина усмотрела (по-моему, ошибочно) даже не зародыш подкупольного октагона, а "... вполне развитой пояс тропов".⁴⁴¹ Миниатюрная капелла, как бы замурованная в толще сырцовых стен, была здесь центром жилой группы комнат, среди которых заметны "общая комната"-салон 2 с П-образной суфой, стенкой-ширмой за входом и напольным очагом распространенной (со скругленным краем) формы; соседняя большая комната 3 с четырехсторонней суфой и двумя колоннами (и тоже, как будто, со следами стенки-ширмы у входа) служила, видимо, залом — гостиной (рис. 273). Исследования выявили любопытную эволюцию этой группы помещений: жилое окружение капеллы как будто менялось, и не раз, тогда как капелла оставалась неизменно на своем месте в изначальном виде.

Похоже, что аналогичная ситуация сложилась в хорезмийском замке 2 оазиса Якке-Парсан (рис. 76), с той только разницей, что здесь замок (если это был замок) сложился вокруг более раннего купольного святилища еще более скромных размеров, чем в предыдущем случае — 3,2×3,2 м. Причем почитаемая святость этой камеры с высоким яйцевидным куполом была такова, что после того, как она по каким-то причинам потеряла, видимо, свое сакральное назна-

чение, ее не разрушили, а замуровали в пахсовый цоколь внутри новых, возникших вокруг нее помещений, сохранив как "оберек". Были сохранены даже остатки купола (рис. 274).

Материал постройки — крупный квадратный сырец с длиной сторон 40-44 см, на высоте 1,7 м от пола над углами выведены тропы — пять кирпичных арок эллиптической, приплюснутой сверху формы, вставленные одна в другую и опирающиеся на слегка нависающую полку. Купол возведен из сырцовых кирпичей трапецевидной формы (42-43×20-23×9 см) кольцевыми горизонтальными рядами, с небольшим (1-2 см) нависанием каждого верхнего ряда над нижним, то есть в технике "ложного" купола; его общая высота должна была быть несколько больше 3 м, но верх купола не сохранился, и как он был сведен к зениту, неизвестно: круто изогнутая скуфья купола могла быть сложена наклонными кольцами, в технике "настоящего" купола, создающего горизонтальный распор. Генетически более древняя и для этого времени уже архаическая техника "ложного" купола странным образом контрастирует здесь с кирпичом особой формы и с тем, что диаметр купола не превышает здесь пролет помещения (как было принято в доисламских купольных постройках), а равен ему (рис. 275).

Вдоль северной и восточной стен маленькой квадратной камеры были устроены суфы, а посредине сохранилось красный прокаленный след от стоявшего здесь круглого, диаметром 50 см, предмета, — исследователь резонно полагает, что этим предметом был сосуд со священным огнем, глиняный пол под которым глубоко прокалился. Менее резонным кажется соображение, что вход в камеру сдвинут с ее оси (это необычно для купольных "капелл") для того, чтобы священный огонь не был виден снаружи: ритуального объяснения такой маскировки нет.

Позже купольную капеллу включили в огороженное пространство в составе возникшего здесь сооружения, примкнув ее изнутри к его западной стене и тем вдвое утолпив эту входную стену; новый вход был, как будто, украшен неглубокой порталной выемкой. Еще позже она была замурована, вместе с почти целым куполом, в цоколь построенного здесь в 8 в. замка. Сама же капелла, построенная, по археологическим признакам, еще в 4 в., сохраняла свое сакральное назначение по меньшей мере до 6 в. Это было, по определению исследователя, святилище огня.

Датировка, в которой нет причин сомневаться, заставляет рассматривать маленькое здание как одну из древнейших сохранившихся купольных капелл Средней Азии, необычную тем, что не она была изначально включена в структуру замка, как большинство других капелл, а сам замок сложился со временем вокруг нее.

Самое большое затруднение, с которым сталкивается исследователь культовой архитектуры доисламской Средней Азии (речь идет о местных культах и автохтонных религиозных системах) — даже не низкое часто качество исходного материала, и не его еще более частая неполнота, а практическое отсутствие каких-либо устойчивых классифицирующих

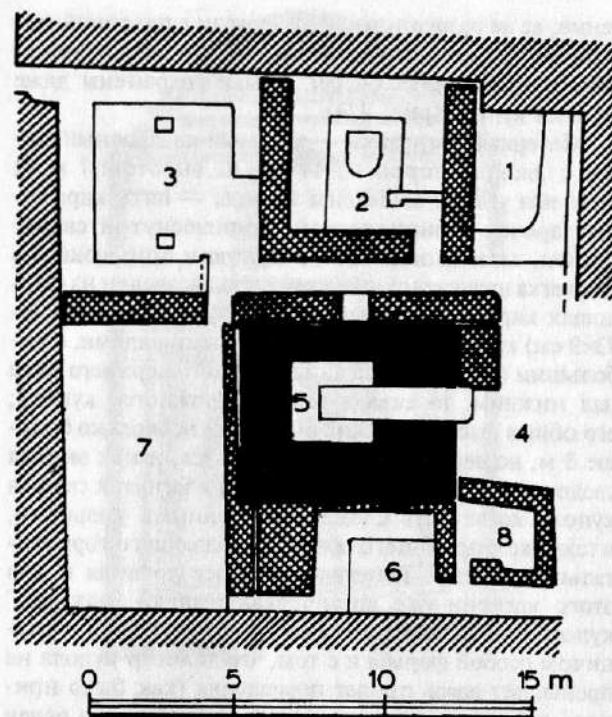

Рис. 273. Замок Ак-тепе Юнусабадское. Культурная группа. План. По М.Филанович.

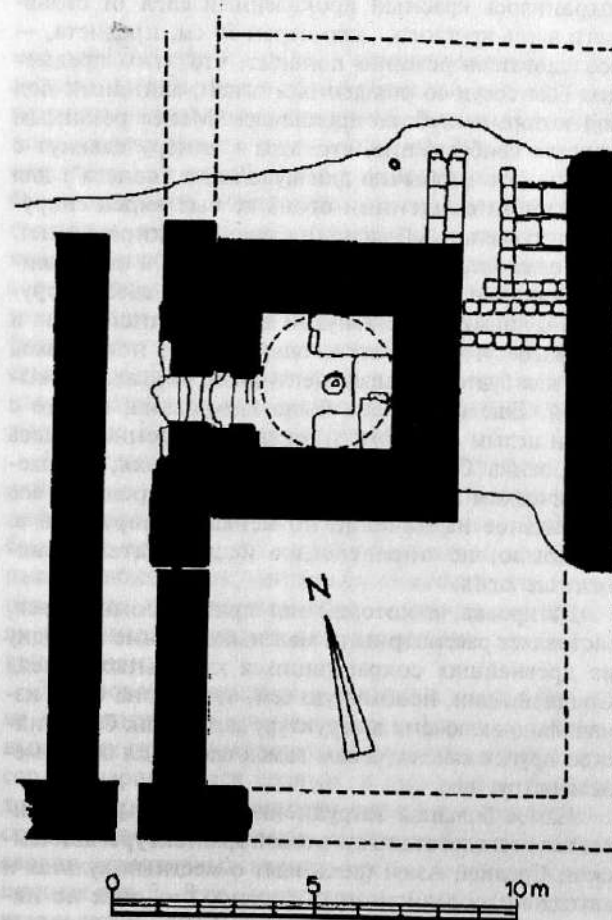

Рис. 274. Хорезм. Купольная постройка в замке 2 оазиса Якке-Парсан. План. По Е. Неразник.

признаков: здания, принятые исследователями с большим или меньшим основанием за храмы региональных малоизвестных конфессий, очень редко находят себе даже приблизительные подобию. Обычно же такие здания просто не с чем сопоставлять, и почти каждое из них остается в списке (довольно ограниченном) вероятных храмовых сооружений как бы само по себе.

Редкое исключение — "дом огня" близ Нау в Таджикистане, который исследователь "по материалам и строительным приемам" датирует 4—6 вв.⁴⁴² Здание, ориентированное осями по сторонам света, состоит из среднего квадратного помещения с осевыми проходами, размерами 3×2,8 м, и окружающего его со всех сторон коридора шириной 1,5—1,6 м. Углы оформлены круглыми трехчетвертными башнями с круглыми же камерами внутри, диаметром меньше 1 м, куда ведут входы в углах обходного коридора. В СЗ башне сохранились два ряда бойниц — десять в нижнем и девять в верхнем ряду. Ко входу посреди восточного фасада поднимались по узкому пандусу пятиметровой длины. В здании не было ни суф, ни иных форм бытового оборудования, обычных для жилых построек, — только сложенное из сырца квадратное возвышение в центре со следами постоянно горевшего здесь огня (рис. 276).

В центрическом устройстве здания заметны определенные черты сходства с храмами предыдущей кушано-парфянской и сасанидской эпох — в Хатре, Сурх Котал и Тахти Сулейман.⁴⁴³ В последнем случае сходство подчеркнуто четырьмя осевыми проходами, которые соединяют центральное помещение с круговым обходом и превращают его в подобие внутреннего чортка — так же, как в буддийском храме Калаи Кафирниган. Четырехсторонний обход вокруг квадратного святилища аналогичен устройству второго храма в Ак Бешиме — при том, что "дом огня" буддийским святилищем, очевидно, не был. Просто, как говорилось, этот древний традиционный тип сакрального здания имел в Центральной Азии межконфессиональное распространение.

Как будто чужды храмовому зданию угловые башни с настоящими бойницами, — они явно предназначались для обороны и вообще, вроде бы, свойственны постройкам не культового, а гражданского назначения. Это противоречие могло быть вызвано представлениями о внутренних связях в политически расщепленном мире: лишив недружественного соседа его "вечного огня", правитель-сосед полагал нанести ему этим тяжелый, даже непоправимый ущерб. "Вечный огонь" нуждался в защите, которая принимала определенные, привычные формы крепостных сооружений.

Возможно, что защитными функциями объясняется и другая особенность "дома огня" близ Нау: в его СЗ башне обнаружена вертикальная шахта глубиной 6,5 м, облицованная сырцом и перекрытая сводом из наклонных отрезков. Проход, перекрытый клинчатым сводом, соединял шахту с проложенными здесь подземными ходами. Шахта, видимо, была предназначена для спасения священного огня в случае, если защита его в храме станет безнадежной, а нетронутость свода над ней — свидетельство

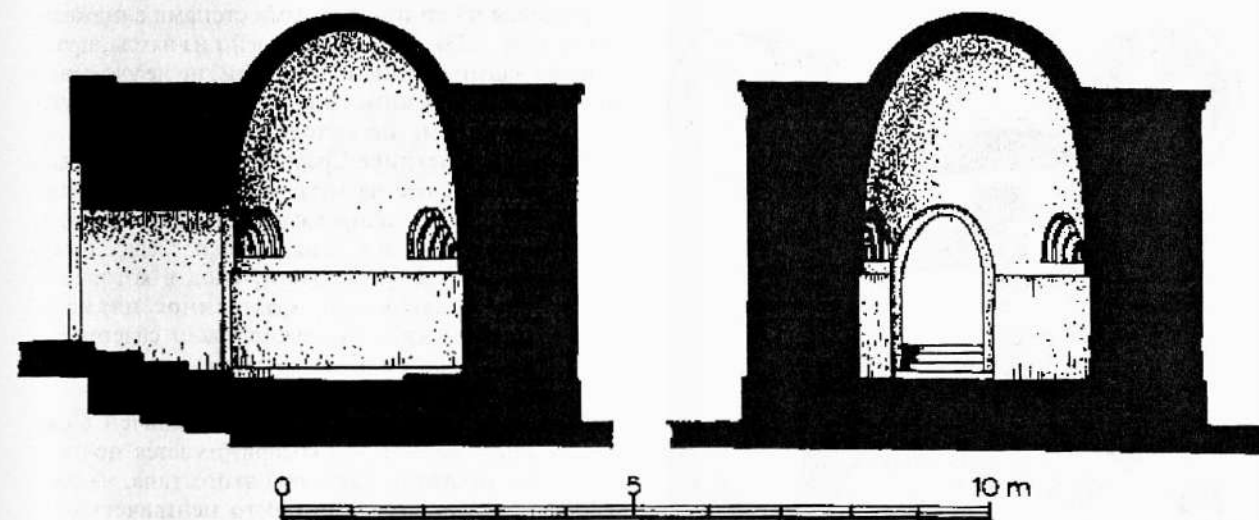

Рис. 275. Купольная постройка в замке 2 оазиса Якке-Парсан. Разрезы-реконструкция. По Е.Неразник.

того, что катастрофической ситуации этого рода так ни разу и не было.

Некоторые черты внешнего сходства с науским "домом огня" дали основание для сопоставления его со зданием 4—5 вв., раскопанным в Ташкенте и получившим название Ак-тепе Чиланзарское. Сходство, собственно говоря, ограничено угловыми округлыми в плане башнями, имеющимися у обеих построек.⁴⁴⁴ В прочем здания различны и по структуре, и, очевидно, по назначению, — лишь незнакомством с графическим изображением "дома огня" можно объяснить слова исследователя ташкентского здания, что обе постройки объединяет "тождественное сходство".

Ак-тепе Чиланзарское — квадратная в плане постройка, ориентированная углами по сторонам света и поставленная на невысокую платформу. Здание размерами около 13×13 м состоит из единственного помещения (5×3 м), обращенного входной торцевой стороной на СВ (вход прорезан у стены, рядом с восточной башней), с ЮЗ и ЮВ сторон охваченного узким Г-образным коридором, который на СЗ стороне завершается небольшой комнатой, как бы этот коридор продолжался. Из всех углов здания выступают крупные (сравнительно с небольшим квадратным ядром) башни округлой, каплевидной в плане формы, заключающие в себе по одной квадратной камере со средними размерами 2,7×2,7 м, — коридорообразные проходы в них ведут из углов коридора. Стены башенных выступов прорезаны бойницами (рис. 277).

Здание сохранилось плохо, но достаточно для того, чтобы убедиться в полном отсутствии у него признаков культового сооружения. Здесь нет ни прокаленного священным огнем центрального алтарного возвышения, ни сопровождающих его обычно скопления пепла и угольков. Это был, вероятнее всего, один из опорных пунктов в системе обороны столицы владения Чач, построенный как уменьшенное подобие замка и соответственно оборудованный. Его устройство, состоявшее из центрального помещения, узкого Г-образного "кулуара" и боковой ком-

наты, представляет собой трансформацию одного из распространенных типов доисламских замков, о котором говорилось выше. Угловые же башни в этом случае — обычная и важная часть индивидуальной оборонной системы здания, находящая действительно тождественное сходство со многими замковыми сооружениями этого времени. Характерный и убедительный пример — замок Тиркаш-тепе в Уструшане

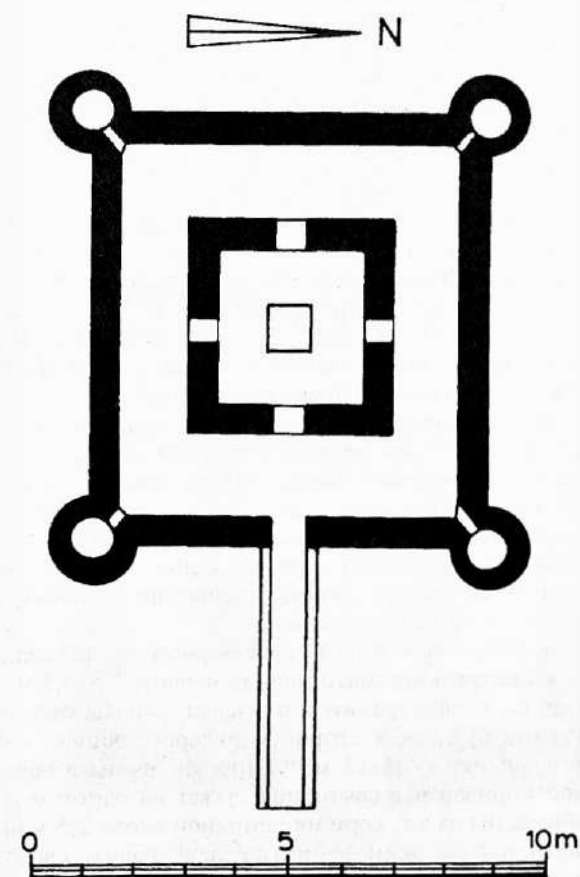

Рис. 276. Ак-тепе у Нау. "Дом огня". План.

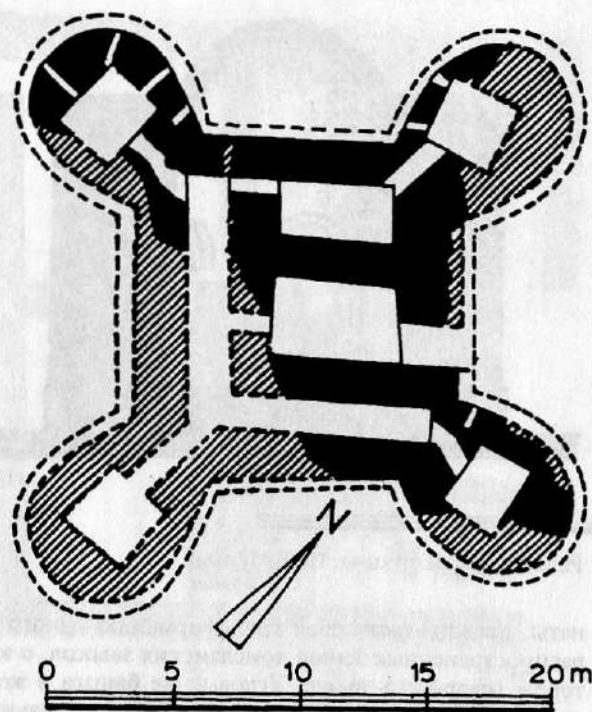

Рис. 277. Ак-тепе Чиланзарское. План. По М.Филанович.

(6—7 вв.), схожий с Ак-тепе Чиланзарским не только общими размерами и внутренней структурой (здесь, правда, заметно более сложной), но и характерной и редко встречающейся каплевидной формой угловых башен (см. рис. 135). Я думаю, что исследователь, вначале признавший Ак-тепе Чиланзарское постройкой гражданского, фортификационно-жилого назначения, был в этом предварительном определении прав.

Прямым же предшественником "дома огня" близ Нау было, вероятно, здание парфянского времени, датируемое 2—1 вв. до Р.Х. и найденное в Южном Туркменистане, в окрестностях Нисы. Оно входило в состав большого архитектурного комплекса Мансур-тепе, общее назначение которого, по убеждению его исследователей, было культовым.⁴⁴⁵

Это здание, стоявшее в СВ углу обширного двора, исследователи называли северным храмом. В отличие от главной постройки оно действительно было храмом того традиционного местного типа, который позже, распространившись на пространствах Центральной Азии, будет в употреблении у общин различных конфессий, отвечая требованиям разных, но в чем-то схожих ритуалов.

Классическое устройство северного храма сводится к квадратному святилищу размерами 3,5×3,5 м, — судя по конфигурации и размерам, купольному, охваченному со всех сторон коридором; общая величина здания — 15×15 м.⁴⁴⁶ Широкие входы в обводной коридор и в святилище лежат на одной оси и обращены на юг, коридор шириной около 2,5 м был перекрыт высоким эллиптической формы сводом, сложенным поперечными отрезками. Позже единое пространство коридора было разделено на три сооб-

щающиеся части поперечными стенами с проходами в них (рис. 278). Здание построено из пахсы, прослоенной рядами сырцовых кирпичей, но не уложенных, как обычно, горизонтально, а поставленных на узкую грань — прием, не находящий себе аналогий в строительной технике Средней Азии. Пол среднего помещения почти на метр выше полов обходного коридора, — это подтверждает его назначение как святилища (вероятно, огня, хотя о следах горения исследователи не упоминают), вход в которое был сознательно затруднен. Священный пламя под центральным куполом можно было созерцать из коридора и даже снаружи, со двора, через необычно широкие — пролетами 3 и 3,2 м — входы.

Храм в Мансур-тепе настолько типичен в своей структурной основе, что воспринимается почти как всеобщий прототип святилищ этого типа, — он сопоставляется и с храмами строго центрического устройства (Хатра), и с храмами с трехсторонним обходом (Сурх-Котал) и, конечно, с их многочисленными потомками предисламского времени. Единственное, с чем, по-моему, у этой плановой схемы нет явных родственных связей — это святилище типа "чортак", купольная сень с четырьмя осевыми входами, генезис которой представляется в своей основе независимым, и признаки которой здесь, вопреки утверждениям,⁴⁴⁷ незаметны.

Храм неизвестной местной религии на городище Еркурган в долине Кашкадарьи был построен, как установил его исследователь, в 3—4 вв. и выполнял свои сакральные функции до 7 в.⁴⁴⁸ За этот долгий срок здание несколько раз перестраивалось, но его общая плановая структура оставалась сравнительно неизменной.

Здание стояло на высокой сырцовой платформе с замурованными в ней остатками древней постройки, и было ориентировано осями по сторонам света. Его единственное помещение, ориентированное длинной осью в направлении З—В, было открыто широким осевым входом в расположенный южнее двор, уровень которого широкими ступенями-террасами понижался к югу. Обращенный во двор фасад храма оформлял деревянный колонный портик, от которого сохранились три квадратные каменные базы, — их расположение позволяет предположить, что входная колоннада состояла из двух рядов колонн, по четыре в каждом ряду. Уровень пола в портике был ниже, чем внутри храма, но выше, чем в верхней северной части двора (рис. 279).

Вдоль фасадной стены в глубине портика тянулась разорванная входом суфа, а слева от входа в двух нишах стояли по паре декоративных колонок — вылепленные из глины, с деревянным стержнем внутри. Ниши и колонки были выкрашены красным. Часть фасада по правую сторону от входа не сохранилась, но общий прием симметрии позволяет думать, что аналогичные ниши с лепными колонками — "обелисками" были и здесь.

Продолговатый зал храма размерами 13,2×7,5 м в плане почти идеально отвечает отношению $1:\sqrt{3}$, — маленькое отклонение должно быть отнесено за счет многочисленных штукатурок. Напротив входа в длинной южной стене, на поперечной оси зала распола-

галась прямоугольная в плане (3,25×1,5 м) ниша; исследователь считает, что в ней стояло культовое изваяние. На продольной оси зала торцовые стены были оформлены несколько меньшими нишами, слегка трапецевидными в плане; наконец, ниши еще меньшего размера, квадратные в плане, шириной и глубиной несколько меньше метра, фланкировали осевые ниши — по две на торцевых стенах, четыре (две и две) — по сторонам большой северной ниши. Такие же две пары ниш фланкировали изнутри входной проем. К стенам примыкали суфы, пережившие столько ремонтов, что их изначальная форма просматривается с трудом.

Балочное перекрытие этого просторного зала поддерживали две массивные круглые колонны диаметром 1 м, сложенные из лекальных жженных кирпичей на прочном ганчевом растворе. Поверх ганчевой обмазки колонны, как и наружные ниши, были окрашены в ярко-красный цвет, они зрительно опирались на ганчевые имитации баз в виде квадратной плиты и круглого тора над ней. Колонны были поставлены не совсем точно на продольной оси зала, несколько ближе к южной входной стороне, на расстоянии 5 м (в осях) одна от другой, расстояние же от центров колонн до северной стены составляет 4,3 м. Прямоугольник с таким отношением сторон отвечает пропорции $1:(\sqrt{3}:2)$, и если оно не случайно — это значит, что центральная часть зала между колоннами и северной стеной была, может быть, увенчана перекрытием "рузан" шестиугольной формы.

Жженный кирпич, как говорилось, был известен строителям в Средней Азии по меньшей мере с 3—2 вв. до н. э., но основным строительным материалом вплоть до 9 в., видимо, не был. Им выстилали полы, из него делались прокладки в сырцовых и пахсовых стенах, фигурные керамические детали употреблялись как украшения фасадов. Только очень редко из жженого кирпича возводились стены, своды и особо ответственные несущие конструкции, такие как круглые или фигурные в сечении столбы. В последнем случае ("квадратный" зал в парфянской Нисе, дворец в Варахше) в дело шли кирпичи особой лекальной формы, специально для этого изготовленные. Оба круглых столба в храме Еркургана были возведены из кирпичей, сделанных именно и только для них.

Многочисленные переделки исказили со временем внутреннюю архитектуру храма. Были заложены малые ниши и осевая ниша на западной стороне, размеры большой северной ниши и осевой ниши на восточной стороне существенно уменьшились. Но, как говорилось, основные приемы внутреннего устройства храма сохранялись в течение всего долгого времени его существования. Красная окраска колонн и ниш, множество обломков скульптурных изображений божеств (предполагается, что при очередной перестройке прежние глиняные изваяния разбивались, а их обломки замуровывались) как будто позволяют видеть в здании Еркургана буддийский храм, но этому противоречит его устройство, не находящее среди известных буддийских святилищ Центральной Азии никаких аналогий.

Нет у храма в Еркургане сколько-нибудь близких параллелей и среди других монументальных построек доисламского и последующего времени. Сам прием — две опоры с проходящей между ними поперечной осью зала — изредка встречается в древней архитектуре разных стран (этрусская "гробница рельефов" 3 в. до Р.Х.⁴⁴⁹, эгейские дворцы Крита 18—16 вв. до Р.Х.), но это, конечно, вполне формальные совпадения без следственно-причинной связи. Единственная известная мне аналогия, в которой такую связь можно предположить — дворцовое здание в Халчае (1 в. до Р.Х. — 1 в. н.э.)⁴⁵⁰, — здесь заднее помещение, замыкающее главную поперечную ось, устроено подобным же образом: две колонны, от которых сохранились каменные базы, делили помещение на два продольных и три поперечных нефа, — при этом средний поперечный неф, как в Еркургане, был шире боковых.

Дворцовое, то есть в первую очередь гражданское назначение здания в Халчае признано большинством историков, и его задний двухколонный зал был, очевидно, не целой храма, а подобием тронной лоджии, более чем обычно отделенной от большого переднего зала. Сходство эффектного приема вызвано здесь, вероятно, внутренним сходством ритуально-представительных функций, при котором торжественная пара колонн могла обрамлять и сидящего на троне правителя, и стоящую в нише статую божества.

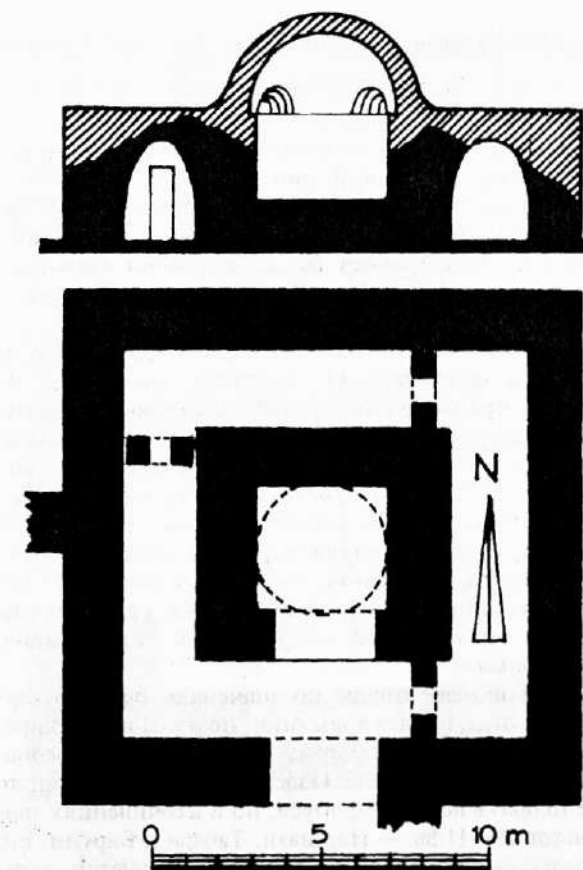

Рис. 278. Мансур-тепе. Северный храм. Разрез и план. По Г.Кошеленко и Л.Лелекову с частичной реконструкцией.

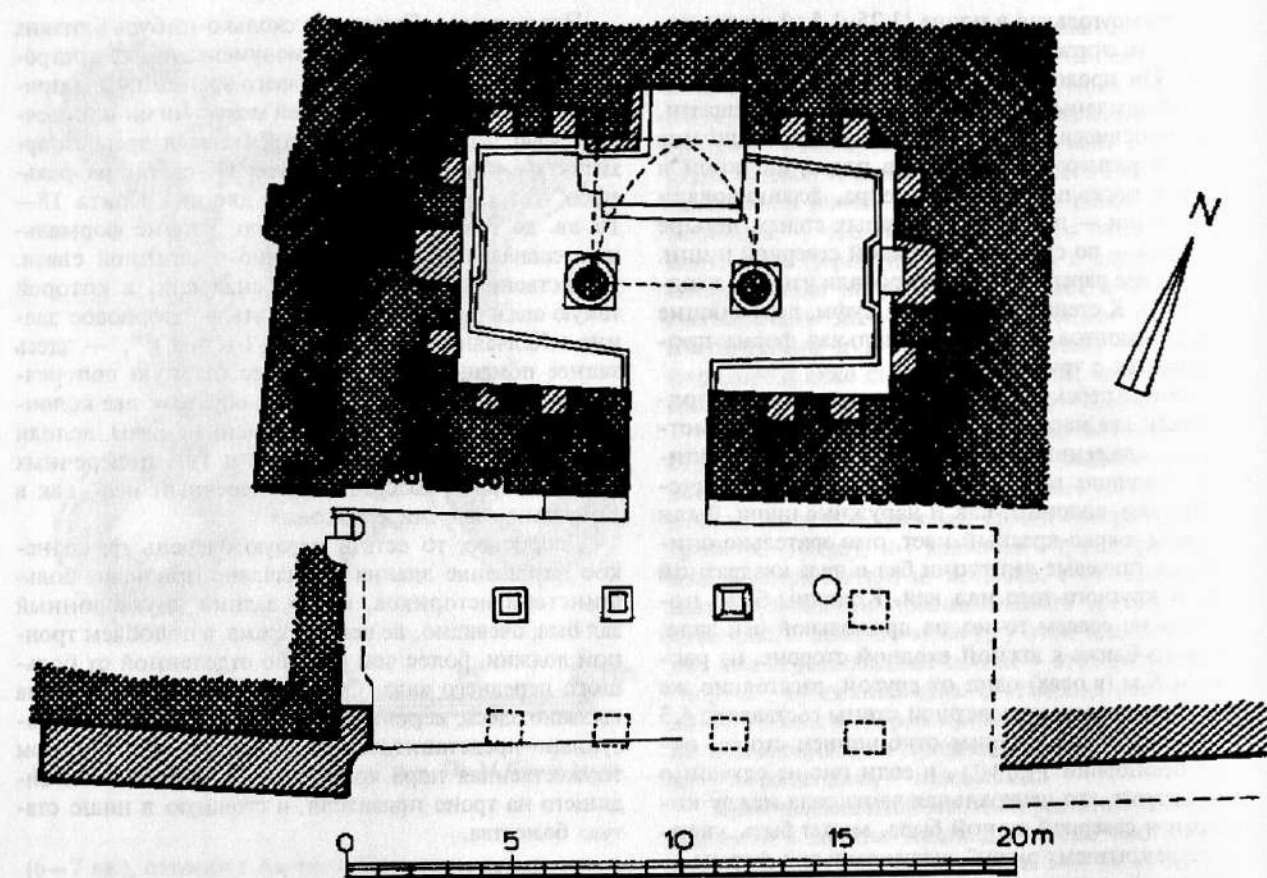

Рис. 279. Еркурган. Восточный храм. План. По Р.Сулейманову.

Единственная и не очень близкая аналогия недостаточна для обобщений; все же она означает, что странное двухколонное устройство в храме Еркургана не было уникальным, и что нечто подобное еще будет, может быть, встречено в дворцовой и сакральной архитектуре доисламской Средней Азии.

Остатки другого храмового здания были найдены к западу от первого. О "западном" храме известно только, что его руины представляют собой квадратный в плане холм, размерами около 50×50 м и высотой 7 м, с глубоким входным проемом на южной стороне. Судя по размерам, внутри сооружения был двор. Небольшие раскопки открыли глинобитную платформу и часть наружной стены толщиной у основания 9 м, скошенную назад под углом около 45°, — и толщина стены, и ее наклон свойственны скорее гражданским сооружениям типа замков, чем храмам.

В Пайкенде, втором по значению городе Бухарского Согда, имелся храм огня, построенный по преданию легендарным Феридуном, одним из персонажей-героев Шах-наме. Известное здание упомянуто не только в поэме Фирдоуси, но и в сочинениях хронистов 10—11 вв. — Наршахи, Табари и Бируни. Его предположительные остатки, археологически датированные 4—6 вв., были найдены в цитадели Пайкенда (рис. 280).⁴⁵¹

Здание, общими размерами 30,75×24 м, примыкало к северной стене цитадели — между дворцовым комплексом на востоке и группой однокомнатных помещений на западе, которую исследователь считает административным кварталом; территория южнее, со стороны главного входа в храм, оставалась как будто незастроенной. Субструкции постройки, как обычно, представляют собой остатки еще более раннего здания, чья планировка была в общих чертах сохранена и повторена. Сам же храм, существовавший в этом качестве, судя по находкам, до 9 в., пережил, вероятно, несколько перестроек.

В основу планового устройства здания была положена традиционная схема — святилище, охваченное трехсторонним ритуальным коридором. Редкая особенность пайкендского варианта этой схемы — в том, что святилищ здесь было два: они располагались по продольной оси 3—В и были разделены узким поперечным проходом. Обе комнаты близкой величины: западная 6,9×5,5 м, восточная — 7×5,3 м, — и схожего устройства. Всю их среднюю часть занимает прямоугольный подиум размерами 4×3,5 м и высотой около 60 см, оставляющий вокруг себя лишь сравнительно узкую дорожку обхода; три узких прохода в очень толстых стенах (толщина стен, разделяющих святилища, достигает 4 м) связывают помещения с обходным коридором и проходом между ними. Коридор охватывал группу из двух лежащих на одной

линии святилищ с южной, восточной и северной сторон; его западные торцы были первоначально открыты наружу симметричными входами. Позже северный вход был, вероятно, заложен, южное колено коридора перегородила поперечная стена, и для проникновения в восточную группу храмовых помещений пришлось прорубить проход в южной наружной стене. От изначальной планировки сохранилось расширение восточного колена коридора (более узкого, чем другие) перед входом в восточное святилище и схожее расширение узкого — чуть больше метра шириной — прохода перед входом в западное святилище.

Избранные исследователем параллели храма в Пайкенде с центрическими сооружениями крестообразного плана неудачны: святилища в Пайкенде — не квадратны, а продолговаты в плане и не могли быть перекрыты куполами, и в их стенах прорезно по три, а не по четыре осевых проема, так что сопоставление их со зданиями типа чортак и их потомками (мавзоль Саманидов) некорректно. Ничто не мешало строителям храма прорубить западные стены святилищ еще одним входом и превратить их таким образом в подобие чортака, чего они, однако, не сделали. Да и расположение обоих помещений в одну линию, и трехсторонний охват их коридором-галереей заставляют рассматривать эту плановую структуру как линейно-ориентированную, а не центрическую.

Причина появления в Согде "удвоенного" храма объясняется, может быть, существованием здесь какого-то регионального культа с божественной парой во главе — что-то вроде местного варианта Кришны и Радхи. Исследователь прав, заметив, что это первое известное здание такой планировки в Согде, — впрочем, и во всей Средней Азии. Он прав и в том, что храм, как место собрания всех горожан, был слишком мал, но делает из этого ложный вывод о возможности другого, более вместительного для таких собраний храма. В действительности, как говорилось, "языческий" храм в отличие от мечети, церкви и синагоги — не место общих молитвенных собраний, а жилище божества, присутствующего там в изображении или в духе, куда входят только избранные. Поэтому храмы как правило невелики и не рассчитаны на массовые сборища в их стенах. Что до храма в Пайкенде, то нужно надеяться, что будущие исследования обнаружат новый архитектурный материал, в какой-то мере пригодный для сопоставления с ним.

Как храм определено исследователями плохо сохранившееся здание, открытое в СВ части шахристана 1 городища Канка-Харашкет. Речь, собственно говоря, может идти не обо всем храме, а о какой-то (вероятно, центральной) его части, которая реконструируется как квадратная в плане, с внутренними размерами 14,25×14,25 м и стенами толщиной около 3 м, сложенными из сырца 46-48×24-25×12-14 см, и квадратного, со сторонами длиной 48-50 и толщиной 12-14 см.⁴⁵² Зал ориентирован углами по сторонам света, единственный вход был устроен посреди ЮВ стороны (рис. 281).

К стенам примыкала сплошная лента низких суф, расширяющаяся напротив входа с 1,2 до 2 м, а в се-

редине расширенной части приподнятая и оборудованная ступенькой — не совсем обычный вариант "тронной" площадки, входившей в оборудование приемных залов. Поверхность приподнятой площадки и примыкающая к ней ступень обожжены до красного цвета, — здесь, в отличие от обычных приемных залов, горел священный огонь. Кос-где на стенах, но большей частью на суфах и на полу найдены фрагменты резного глиняного убранства со стилизованными растительными мотивами, окрашенного в красный, синий, темнокоричневый и желтый цвета. Тонкая и хрупкая штукатурка зеленоватого цвета, покрывающая суфы, противоречит их бытовому назначению, — здесь, вероятно, стояли культовые изображения или предметы.

В стенах сохранились вертикальные выемки шириной 35—50 см с деревянной трухой внутри — это, конечно, пазы от деревянных стоек, некогда вставленных в стены заподлицо с их поверхностью и предназначенные держать обвязку в основании балочного потолка. Расстояния между стойками разные, от 1,8 до 3 м, и на опубликованном, воспроизведенном здесь плане они показаны на СВ стене, хотя в тексте публикации говорится, что так оформлены все стены.⁴⁵³

В завале сырца, заполнившем разрушенную постройку, найдены жженые кирпичи различных размеров и форм: 52-40×26-20×8-6 см, узкие плитки 42-40×12×6-8 и 25-30×12×6 см и фигурные кирпичи раз-

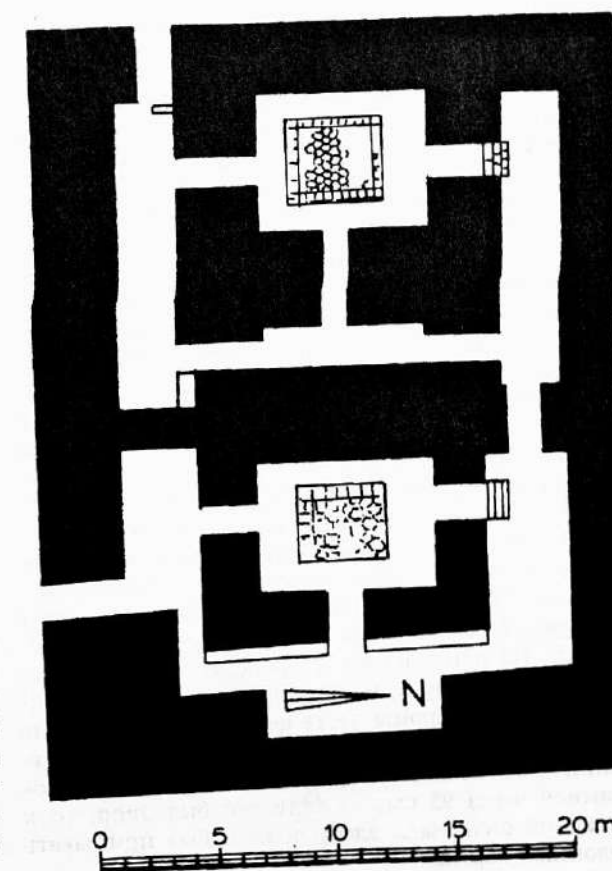

Рис. 280. Святилище в Пайкенде. План. По Г.Семенову.

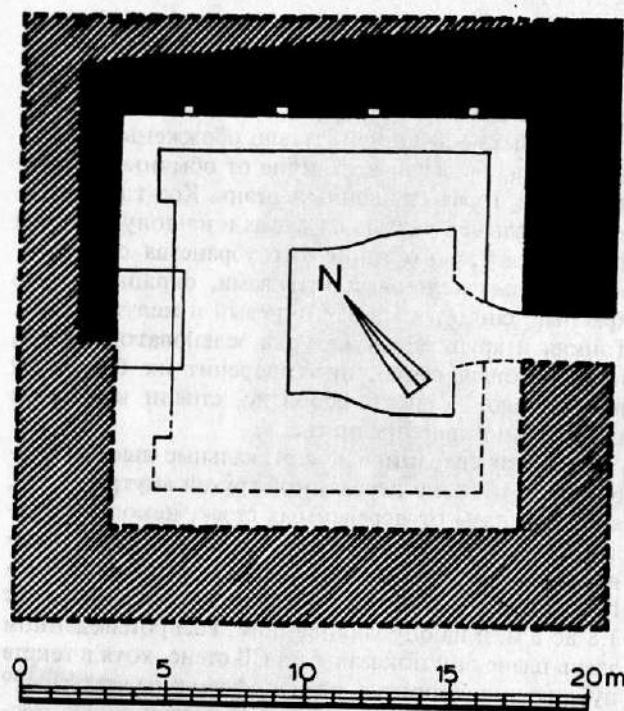

Рис. 281. Канка-Харашкет. Храм в шахристане 1. Реконструкция плана. По Ю.Бурякову и Г.Богомолу.

конфигурации — в виде разомкнутого угла с зубцами внутри и кругом между ними, и в форме половины ступенчатого зубца-«кунгра». Жженые кирпичи всех типов скреплялись ганчевым раствором (сырцовая кладка велась на глиняном растворе) и, по предположению исследователей, служили материалом для верхних частей стен здания и их декоративного венчания.

Размеры и форма зала предполагают деревянное перекрытие на четырех колоннах, следы которых, правда, найдены не были. Не совсем ясно и архитектурное окружение зала — та система помещений, важной частью которой он был. Упомянута открытая за СЗ стеной, напротив «тронной» площадки комната размером 4,75×3,1 м, ориентированная в направлении С—Ю и с входом с северной стороны. Эта комната сообщалась с залом через «парадную суфу», что на опубликованном плане почему-то не отражено. На СВ к залу примыкал коридор шириной 3,05 м, прослеженный почти на 20 м в длину и огражденный с другой, внешней стороны стеной толщиной 3,1 м. Стены этого коридора, охватывавшего, видимо, зал и заднюю комнату (исследователи предполагают, что в ней хранился священный огонь) сохранили следы росписей. На ЮВ входной стороне зал примыкал ко двору или другому большому помещению: сохранившаяся с этой стороны часть фасада зала оформлена вертикальными выемками от стоек, подобными внутренним, но меньшей ширины (22–30 см) и чередующимися через 95 см, — если это был двор, то к фасадной стене зала здесь должен был примыкать колонный портик.

В культовом назначении зала и окружающих его помещений едва ли можно сомневаться. С точки зре-

ния архитектурной типологии интересно, что храмовый зал в этом случае с большой точностью воспроизводит устройство приемного зала — гостиной в богатом городском жилище. Эта трансформация, воплощающая общую природу и единое моральное обоснование божественной и земной власти — вполне логична в ритуально устроенном обществе; странно, пожалуй, только то, что храм типа приемного зала известен пока лишь в единственном числе.

Если храм в Канке уникален, но сопоставим, то открытый в Ташкенте храмовое сооружение, названное **Ак-тепе Чиланзарское**, просто уникально. Это необычное сооружение опубликовано, к сожалению, бегло: ему посвящено несколько абзацев в обзорной работе, ограниченных самыми общими сведениями о постройке; многие вопросы конкретного и аналитического характера остались без ответа.⁴⁵⁴

Здание, вначале принятое за замок, было построено на высокой платформе-стилобате, внутри которого замурованы остатки предыдущей постройки, по определению исследователя — замка-храма. Верхняя поверхность платформы общими размерами 38×26 м представляла собой открытую площадь, окаймленную толстыми (от 2 до 3 м толщиной) сырцовыми стенами. Пристроенные к этим стенам изнутри глубокие сводчатые ниши обратили обстройку площади-двора в подобие сплошной глухой аркады, разорванной на торцевой стороне широким осевым входом, к которому поднимались по пандусу. На длинных сторонах было по 7 ниш глубиной около 2 м, на короткой задней — 5 ниш меньшей глубины, на передней по сторонам входа — по две ниши глубиной 3 м; как попадали в четыре угловые камеры, как будто лишённые входов — неясно (рис. 282).

На продольной оси напротив входа, ближе к задней стороне возвышался прямоугольный постамент размерами 2,8×3,3 м, — здесь под открытым небом происходили культовые церемонии, связанные, по мысли исследователя, с культом предков правителей владения Чач (Шаш). Они сводились, по китайскому свидетельству того времени, к церемониальному обходу вокруг урны, водруженной на постамент, рассыпанию цветов и плодов, и в заключительном жертвенном пиршестве правителя, его супруги и свиты в специальном шатре. Это не объясняет устройства храма: двор в окружении сплошного фронта сводчатых айванов-ниш ассоциируется с дворами будущих медресе и караван-сараяв, — возникает подозрение, что китайский хронист, может быть, ошибся, и ритуальное пиршество происходило не в одном переполненном шатре, а в сводчатых айванах, растянувшихся цепочкой вокруг двора и объединенных с ним единым дифференцированным пространством (рис. 283).

Как бы там ни было, типологически храмовый комплекс **Ак-тепе Чиланзарское** — в том виде, в каком он выявлен исследованиями — остается уникальным явлением среди культовой, да и всякой другой архитектуры Средней Азии.

Несомненная уникальность некоторых раннеисламских зданий провоцирует появление различных, обычно спекулятивных гипотез, авторы которых усматривают зарождение определенных приемов и

форм в постройках доисламского времени, столь же уникальных, как и те, с которыми их сопоставляют. Особенно повезло в этом отношении мавзолею Саманидов, образные истоки которого усматривались и в буддийских ступа, и в иранских чортаках, и в никем не виденных храмах сабейцев.⁴⁵⁵ Одним из его прототипов названо и необычное, сравнительно хорошо сохранившееся здание, раскопанное в Южном Казахстане на городище **Баба-ата** и археологически датированное 7–8 вв.⁴⁵⁶ Известные мне публикации не дают полного представления об этой действительно необыкновенной постройке, а сопровождающий их графический материал не всегда достаточно профессионален (рис. 284). Я воспроизвожу здесь опубликованный разрез здания, совмещенный с перспективой, исправив только самые явные ошибки. Все-таки некоторые важные вопросы остались без ответов, — например, неясно, на какую высоту сохранилось перекрытие центрального зала, и было ли оно купольным, или его грани постепенно сходились к зениту и образовывали сомкнутый граненый свод, больше в доисламской архитектуре Средней Азии нигде не встреченный. Есть неясности и в реконструкции других перекрытий (рис. 285).

Здание **Баба-ата** построено из сырца распространенного доисламского размера — 40–41×20–22×9–10 см и в плане близко к квадрату с длиной сторон около 16 м. Его среднюю часть занимает восьмиугольный зал пролетом 5,8 м и высотой, как сказано в публикации, 5,38 м.⁴⁵⁷ Форма перекрытия неясна: это, как говорилось, мог быть купол, слегка нависающий над углами октагона (в таких случаях над этими углами устраивались небольшие тромповые выемки), но мог быть и восьмигранный сомкнутый свод — архитектурная форма, даже в будущие исламские времена в Средней Азии исключительно редкая. Единственный вход посреди СЗ стороны продолжался внутрь в виде сводчатого коридора длиной около 5 м и вел прямо в зал, поднимавшийся на всю двухъярусную высоту здания. На глинобитном полу здесь сохранился, по словам исследователя, слой «стерильно чистой» золы, а в центре обнаружена круглая вертикальная шахта типа колодца диаметром 1,1 м и глубиной, судя по рисунку, около 5 м.

За проемом в ЮЗ стене входного коридора началась лестница, заключенная в наклонный сводчатый коридор, как бы вырубленный в массиве сырцовой кладки. Она ведет в систему взаимосоединенных комнат и коридоров — группу помещений верхнего уровня, охватывающую со всех сторон центральный зал, но не связанную с ним. Северный, восточный и южный углы занимают квадратные комнаты одного размера — 3,5×3,5 м и, судя по конфигурации, прежде перекрытые куполами. Центрическая симметрия нарушена в западном углу, где — вероятно, из-за расположенных здесь лестницы и коридора — квадратной комнаты нет. Южная комната — тупиковая, отсюда шедшая в СВ направлении лестница вела на кровлю; восточная и северная комнаты вместе с промежуточной квадратной камерой образуют анфиладу, в которую попадали через изогнутый, идущий от ЮЗ лестницы коридор. Широкая осевая ниша, заполненная суфой, превращает сред-

нюю часть этого коридора в еще одно промежуточное сводчатое помещение. Это устройство, не совсем простое в описании, видно на прилагаемом чертеже.

Понять его назначение нельзя. Найденная в зале «стерильно чистая» зола недостаточна для признания его храмом огня, да такой атрибуции противоречат и шахта-колодец в центре зала, и разомкнутое каре комнат и коридоров, окружающее его на уровне основания купола, — трудно признать эти помещения сакральными без очень больших натяжек. Вместе с тем это необычное здание едва ли можно признать и замком, хотя — в широком планировочном аспекте — компактные замки-кешки со средним купольным залом, поднятым на двухъярусную

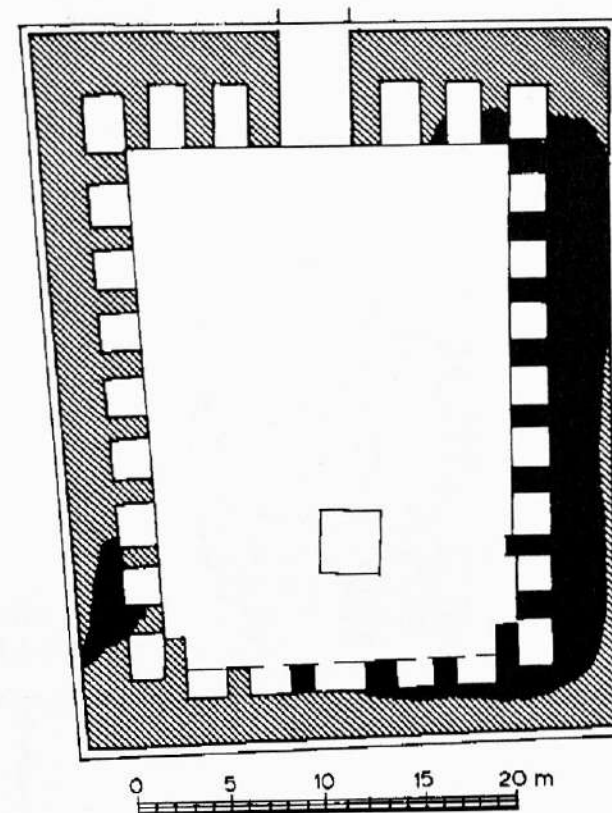

Рис. 282. Храмовое здание у Ак-тепе Чиланзарского. Реконструкция плана. По М.Филанович с коррективками.

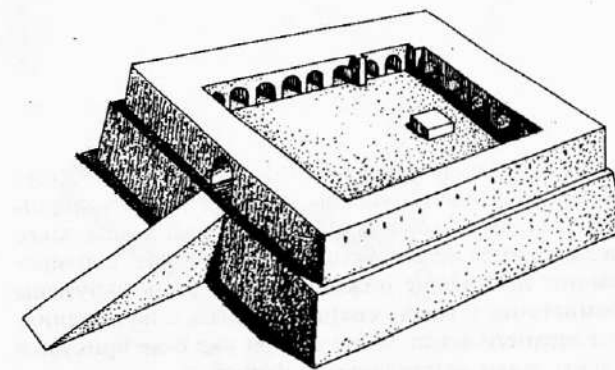

Рис. 283. Храмовое здание у Ак-тепе Чиланзарского. Реконструкция-перспектива. По М.Филанович с коррективками.

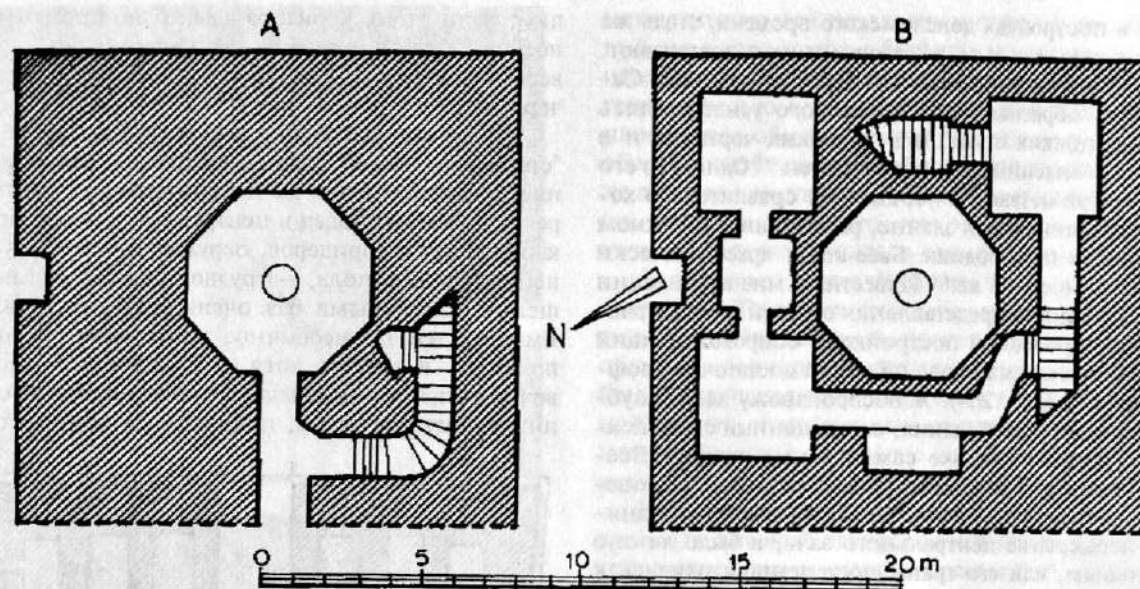

Рис. 284. Здание в Баба-ата. А — план по уровню входа, В — план по верхнему уровню. По Е.Агеевой.

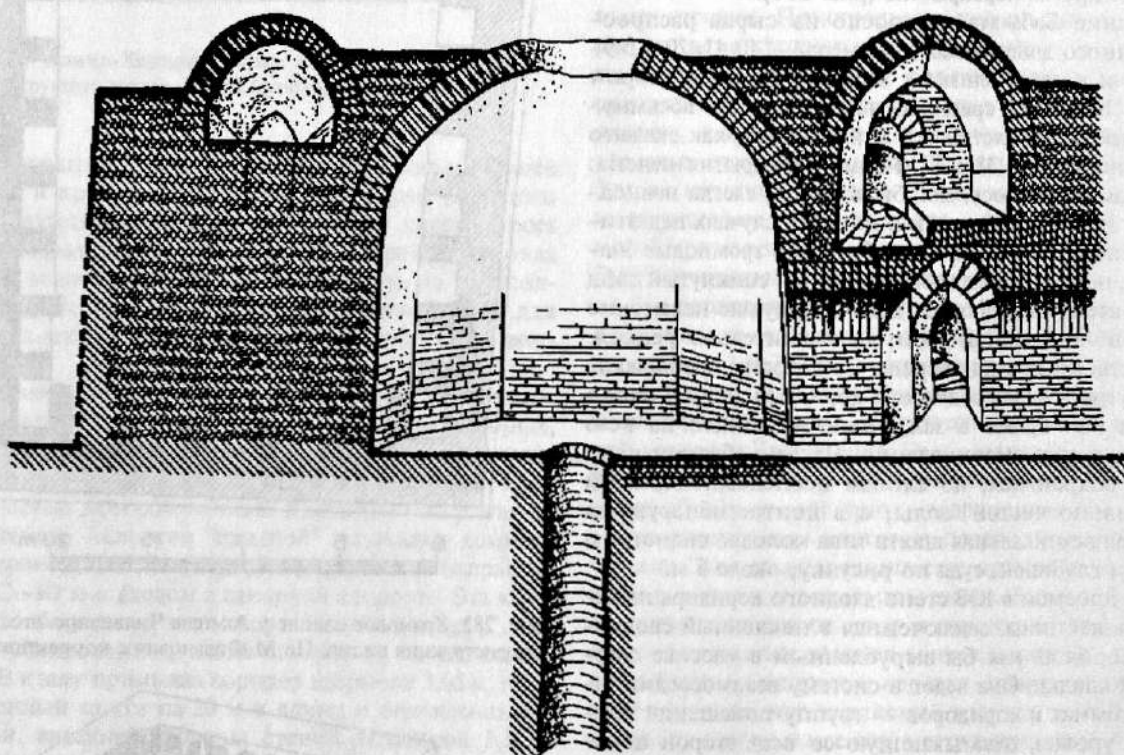

Рис. 285. Здание в Баба-ата. Разрез-перспектива через вход. По Е.Агеевой.

высоту, в доисламской и раннеисламской архитектуре Средней Азии известны, — особенно характерны они для Мервского оазиса.⁴⁵⁸ Но залы-холлы этого рода никогда не составляли единственное, изолированное помещение нижнего этажа, были окружены комнатами, и всегда сохраняли связь с помещениями верхнего этажа, — не говоря уже о не присущей таким залам октагональной форме.

Гипотезу исследователя, согласно которой здание было "поминальным памятником", проще гово-

ря — надгробным мавзолеем, принять тоже нельзя в силу отсутствия объекта поминания (могила здесь не найдена, а в сбрасывание тела в шахту-колодезь я поверить не могу) и полного несовпадения баба-атинского здания со всем тем, что известно сейчас о доисламской мемориально-надгробной архитектуре Средней Азии, достаточно полно изученной в ее разнообразных проявлениях.

Неубедительно и представление о здании на Баба-ата как о генетическом предшественнике мавзолея

Саманидов. О происхождении форм знаменитого мавзолея много написано, отдал дань этой теме и я,⁴⁵⁹ и возвращаясь к ней, опровергая мнимое и поверхностное сходство, здесь едва ли стоить. Система верхних помещений баба-атинского здания не имеет ничего общего с галереей, окружающей купол мавзолея и венчающей его фасады, а утверждение сходства обоих сооружений, основанное на монументальности, четкости пропорций, совпадении количества куполов (что неверно) и даже на близости размеров дома на Баба-ата и южнотуркменских мавзолеев 11 в. Абул-Фазла и Абу Саида,⁴⁶⁰ выглядит не очень серьезным.

Здание на городище Баба-ата — не единственная доисламская постройка Средней Азии, назначение которой не вытекает с очевидностью из ее уникального устройства и архитектурных форм. Оно заслуживает более глубокого архитектурно-археологического исследования. Но уже сейчас нет оснований видеть в нем культовое или мемориальное сооружение.

С гораздо большим основанием можно считать святилищами местных культов несколько сооружений, найденных в горных долинах Западного Памира и датированных доисламским временем. Одно из них, расположенное в селении Зонг (долина реки Пяндж), не без основания названо исследователем "святилище огня" и датируется, по археологическим признакам, 7—8 вв. (рис. 286).

Возведенная из необработанного камня постройка ориентирована с заметным отклонением по сторонам света. Ее главное помещение крестообразной формы, с четырьмя прямоугольными в плане нишами сообщается коротким коридором с вестибюлем-двориком на СВ стороне. Проход из "дворика" в святилище устроен сбоку от северной ниши, — этим была нарушена симметрия крестовидного плана, так как строителям пришлось сдвинуть с оси и перекосить восточную нишу. Еще два помещения примыкают к святилищу с западной (точнее, с СЗ) стороны и не сообщаются с ним. В нишах устроены суфы шириной до 1,5 и высотой 0,5 м; в западной (СЗ) нише, исполнявшей, вероятно, роль алтаря, перед двухступенчатой суфой сложен из каменных плит жертвенник в виде продолговатого ящика с полукруглым выступом. Форма и устройство этого центрального помещения свидетельствуют о его небытовом, вернее всего — сакральном назначении. Две восточные комнаты с характерным бытовым оборудованием были, скорее всего, жилищем служителей святилища, — у исследователя нет сомнений, что оно было связано с почитанием огня.

В архитектурно-планировочном аспекте без труда распознается, что в основу плана центрального помещения положена схема, известная по многим (правда, по большей части поздним) образцам: квадратное помещение с четырьмя осевыми нишами, по одной на каждой стороне. В этом случае форма плана далека от геометрически правильного квадрата, а ниши, ширина которых несколько меньше длины стен внутреннего пространства, лежат не одна напротив другой и искривлены, — восточная (ЮВ) ниша, как отмечалось, даже грубо сдвинута из-за

устроенного рядом с ней прохода. "Святилище огня" в Зонге воспроизводит, грубовато и не очень умело, архитектурную идею, широко распространенную в монументальном культовом строительстве своего времени, — достаточно вспомнить алтарные части обеих христианских церквей, в Мерве и Ак-Бешиме. Позже, с победой ислама (начиная с 10 в., если не раньше) квадратный зал, расширенный четырьмя широкими нишами, будет воплощен в многочисленных зданиях мечетей, мавзолеев, замков-"кастров" и дворцов, существующих и поныне. У всех этих построек, конечно, были предшественники в архитектуре доисламского времени, еще не открытые или не сохранившиеся. О том, что они реально существовали, говорит построенное вдалеке от них, но явно не без их воздействия "святилище огня" в памирском Зонге.

Правда, квадратно-крестообразный зал и в это, и в более позднее время предполагал перекрытие в виде купола. В данном случае купол был едва ли возможен, несмотря на сравнительно небольшую величину помещения, из-за грубой строительной техники и материала — камня, требующего при возведении куполов очень высокой квалификации каменщика, — едва ли такие мастера имелись тогда в горной памирской глуши. Вероятней всего, "святилище" было перекрыто брусчатым сводом "рузан", до сих пор традиционным для Западного Памира.

Еще два доисламских святилища, открытые в Шугнанском районе Западного Памира, были посвящены, по предположению их исследователя, культу огня.⁴⁶² Они однотипны и представляют собой кольцеобразные стены, сложенные из необработанного камня, с примыкающей к ним изнутри кольцеобразной же суфой. В публикациях эти постройки названы, по имени соседней средневековой крепости, Кафыр-кала 2 и Кафыр-кала 3.

Кафыр-кала 2 — кольцо каменных стен диаметром 11,1—11,4 м, со входом на СЗ, может быть, пробитым позже. Посредине стоит четырехгранный каменный столбик высотой 25 см, рядом с ним и юж-

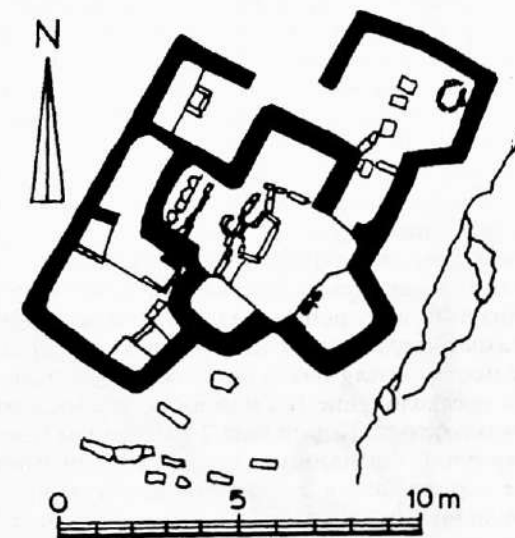

Рис. 286. "Храм огня" на Памире. Селение Зонг. План. По М.Бубновой.

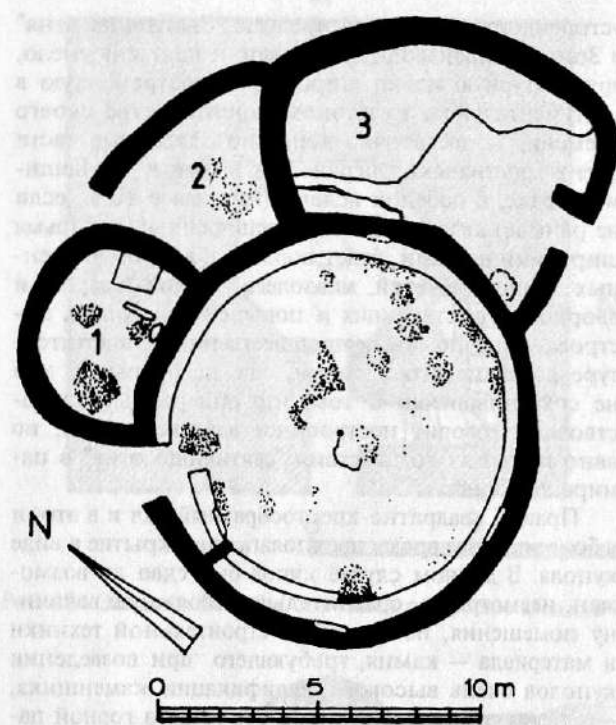

Рис. 287. Памир. Кафир-кала 2. План. По М. Бубновой.

нее прокаленное пятно на полу сохранило контур очага или алтаря. Много следов огня в виде красных пятен-ожогов на полу есть и в других местах, а в восточной половине золой покрыт почти весь пол. В стены, сразу над поверхностью кольцевой суфы, в трех местах вставлены большие каменные плиты — две на юге, одна (не сохранившаяся, но оставившая след) — на СВ. Вероятно, таким способом на едином образном кольце суфы были выделены почетные места (рис. 287).

Стены круглой постройки, сложенные на глиняном растворе, сохранились на небольшую высоту, — по расчетам исследователя, они поднимались над полом на 4—5 м. К сожалению, исследователь не сообщает, каким от представляет себе перекрытие здания: диаметр более 10 м и тонкие (около 1 м толщиной) непрочные стены исключают здесь возможность купола, маловероятно и перекрытие в виде конического деревянного шатра, — оно неизвестно ни на Памире, ни вообще в Средней Азии, да и бревна соответствующей длины здесь едва ли нашлись бы. Может быть, средняя часть круглой постройки оставалась открытой сверху, и только вдоль стен шел круговой навес, основанный или на деревянных стойках, или (так как следы стоек как будто не найдены) на консольно выпущенных из стены балках. Круглая, символически осмысленная форма плана вызвала у исследователя очень осторожно сформулированное предположение (на мой взгляд необоснованное), что постройка Кафир-кала 2 была храмом солнца.

К круглому святилищу с севера и СВ примыкают три не сообщавшиеся с ним помещения неопределенной округлой формы. Вначале, видимо, были построены помещение 1 с очагом у южной и небольшой прямоугольной суфой у восточной стены, и об-

ширное помещение 3, частично вырытое в глинистом грунте, — судя по величине и следам оборудования, это был хозяйственный двор. Позже промежуток между помещениями 1 и 3 отгородили изогнутой стеной и превратили в помещение 2. Исследователь считает эти помещения жилыми и определяет первоначальную высоту их стен в 2 м. По археологическим признакам, за отсутствием архитектурных параллелей он датирует строительство святилища временем не ранее 6 в.

Здание Кафир-кала 3 расположено рядом, восточнее и ниже, и аналогично Кафир-кале 2 круглой формой плана с круговой суфой внутри. Размеры этого святилища несколько меньше: его диаметр — 9,5 м, вход на уровне плохо сохранившихся каменных стен не обнаружен. На суфе здесь были выделены два почетных места, но не каменными плитами, вставленными в стену, а иначе: останком скалы, вставленным в суфу и имитирующим ее форму, и напротив — прямоугольным возвышением суфы, вдвое превышающим ее среднюю высоту — 40 см. Центр был отмечен круглым очагом диаметром около 1 м, оконтуренным глиняным бортиком. Других сведений об этой интересной постройке в краткой публикации нет, кроме любопытной детали: найденный здесь обломок сосуда украшен ликом Медузы Горгоны.

Назначение обеих построек Кафир-кала с достаточным основанием можно считать культовым и, вероятно, связанным с поклонением огню, который в этом высокогорном краю был одним из важных источников жизни. Их круглая форма, кольцевая суфа и другие особенности устройства отражают какой-то местный ритуал, вероятно, давно и бесследно исчезнувший. Разъяснить вопрос могли бы новые находки, но, конечно, не сооружения азиатских кочевников 7—5 вв. до Р.Х. и не постройки древней Смоленщины, которые за отсутствием других аналогий привлекает исследователь.

Еще один культовый комплекс Западного Памира возник в 5—6 вв. у селения Вранг, в верховьях реки Пяндж, в средневековом владении Вахан.⁴⁶³ Его постройки возведены на скальном выступе, обращенном на запад и ограниченном на севере, западе и юге вертикальными обрывами глубиной около 100 м; в них высечены искусственные пещеры, формой похожие на юрту, — местные жители считают, что пещеры были в незапамятные времена вырыты духами-«дэвами». С южной стороны у подножья обрыва течет Пяндж (рис. 288).

Странная форма плана комплекса, напоминающая бюст с отбитой головой, вызвана формой горной террасы-площадки, вдоль которой извиваются его стены, — только восточная стена пересекает террасу в направлении Ю—С и практически пряма. Она сложена из необработанных камней, надстроена сверху сырцовыми кирпичами размером 42×27×10 см и укреплена двумя полукруглыми башенными выступами, обращенными на восток. На севере и юге стена замкнута двумя монолитными, сильно разрушенными башнями, стоящими на четырехугольных основаниях. Башни усеченно-конической формы сложены из неотесанных камней на глиняном растворе и облицованы сырцом иного, чем в стене,

размера — 35-36×24×9-10 см. Монолитный, круглый в сечении конус лучше сохранившейся СВ башни сложен из чередующихся слоев светлой и темной глины, углубление на его верхней площадке (диаметром 60 см, глубиной 38 см) — признак несохранившегося декоративного завершения. Единственный вход, отмеченный двумя массивными деревянными порогами, примыкал с севера к ЮВ башне и имел вид косого коридора между двумя помещениями; восемь комнат относительно прямоугольной формы со следами бытового оборудования (суфы и очаги) примыкали к восточной стене изнутри, образуя сплошной ряд изолированных одно от другого жилищ. К искривленной южной стене примыкала только одна комната, в толстой и резко вогнутой северной стене проделан проход с наружными выступами-пилонами, — он выводил к обрыву и служил, вероятно, наблюдательным пунктом.

Меньшая западная часть комплекса явственно отличается от полупустой восточной и плотностью введенных здесь строений, и их характером. Главным — и по величине, и, видимо, по значению — здесь было монолитное, почти квадратное в плане сооружение размерами 11,2×12,2 м, которое исследователь не без основания (хотя и в кавычках) называет «зиккуратом» и которое, собственно говоря, и дает право считать этот укрепленный участок культовым комплексом, а не заурядной горной крепостью.

Западная часть участка была отделена от восточной гранью «зиккурата» и стоявшей южнее, почти не той же линии постройкой; узкий проход между

ними, оформленный обращенным на восток подбоем портала, был единственной связью между обеими частями комплекса. Отсюда начинался извилистый путь между постройками (возможно, разновременными) к западному краю платформы, который обрушился в пропасть вместе со стоявшей здесь стеной. Да и северный угол нижней платформы «зиккурата» расположен сейчас в опасной близости к этому непрочному краю и едва не висит над ним. К моменту исследований «зиккурата», сложенный, как и все здешние постройки, из камня на глиняном растворе, состоял из двух уступов — террас: нижней, высотой 1,3 м, и верхней, со сторонами длиной 8,2 и высотой всего 0,5 м. Исследователь резонно предполагает, что над этими уступами возвышался по меньшей мере еще один, размерами приблизительно 5,5×5,5 м. Принимая во внимание солидные размеры основания и небольшую высоту уступов, можно думать, что их количество было еще больше, или что над тремя цокольными ступенями возвышалось навершие какой-то другой формы.

Вероятно, главным фасадом «зиккурата» был южный, обращенный к Пянджу, — здесь возник обстроенный дворик с упомянутым выходом в восточную часть, а нижняя грань «зиккурата» была расширена узкой приставкой и надстроена, в ее средней части, прямоугольным возвышением. К середине нижней ступени примкнула (вероятно, позже) четырехугольная приподнятая площадка, облицованная на западной и южной стороне (восточная сторона разрушена) сырцовый кладкой. Можно предполагать, что и

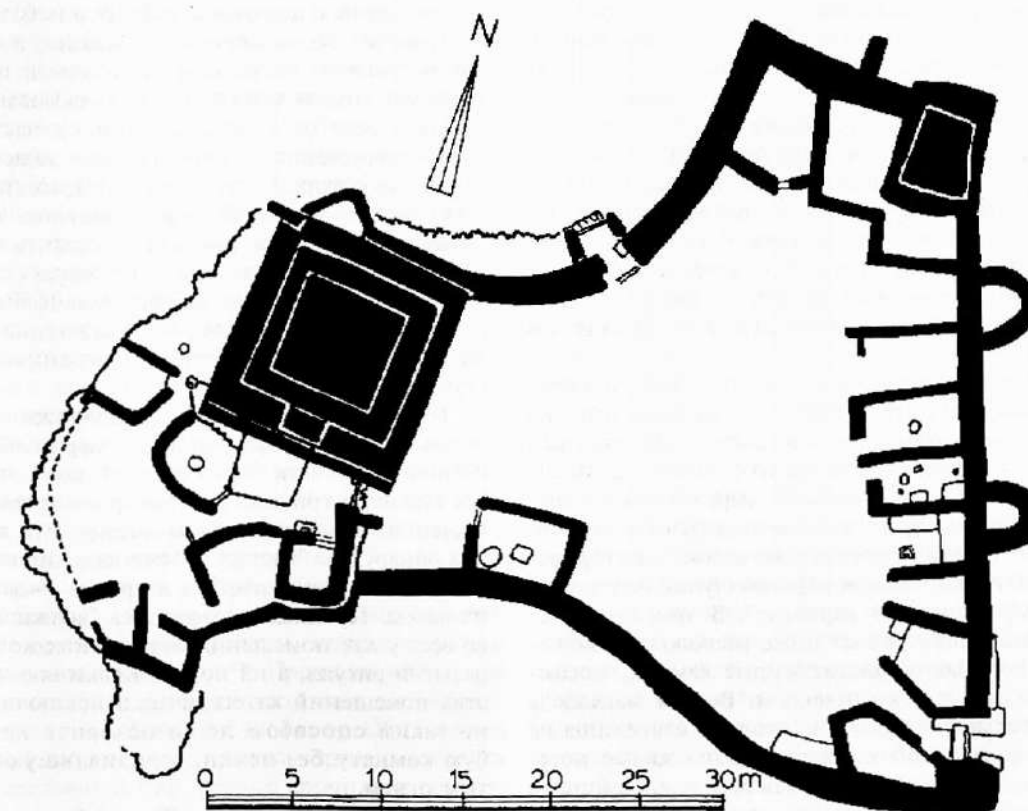

Рис. 288. Памир. Культовое сооружение Вранг. План. По М. Бубновой.

площадка, и лежащий выше прямоугольный выступ играли определенную роль в происходивших здесь культовых церемониях. Нижний уступ с северной стороны оказался заваленным сырцовыми кирпичами (28-32×41-42×9-10 и 22-23×30-32×9 см) — остатками сводчатого коридора, который подводил, вероятно, к треугольному помещению, построенному на самом краю террасы у северного угла платформы "зиккурата".

11 из упомянутых искусственных сводчатых пещер, вырубленных в отвесном горном склоне, расположены с западной стороны террасы прямо под основанием "зиккурата", — более 60 пещер (а было их еще больше) сохранились в обрывистом берегу напротив.

Комплекс, таким образом, состоял из двух четко разграниченных частей: восточной, "светской", большой и мало застроенной, и западной, "сакральной", значительную часть которого занимало монолитное уступчатое сооружение явно не обиденного и не фортификационного назначения. Восточная часть хотя и превышает западную размерами, но представляется ее просторным преддверием, — она и композиционно, и функционально играла здесь подчиненную, служебную роль. В том же, что назначение главного сооружения западной части было ритуально-культовым, и что его форма определялась происходившими здесь религиозными церемониями, едва ли можно сомневаться, даже если смысл и характер церемоний неизвестны.

Исследователь справедливо отмечает отсутствие аналогий Врангскому комплексу среди известных раннесредневековых построек западного Памира, даже тех, которые можно обоснованно признать культовыми, — они "...ничего общего с планировочной схемой Врангского комплекса не имеют".⁴⁶⁴ Да и за пределами Памира аналогий если не всему комплексу, то его главной постройке — "зиккурату" как будто нет. Монолитность и уступчатость, позволяющая подняться на вершину, дают основание видеть в этом сооружении монументальный алтарь или жертвенник некоего местного культа, — сходство с подлинными зиккурами Двуречья, которые ведь тоже были монументальными алтарями, говорит здесь, конечно, не о прямом влиянии, а о совпадении функций.

Одной из причин возникновения святилища могли быть, как думает исследователь, здешние широко известные минеральные источники — достаточный повод для того, чтобы это место считалось священным. Другая, очень осторожно выраженная в качестве "рабочей гипотезы" версия сводится к тому, что святилище Вранга представляло собой "...интерпретацию буддийского монастыря со ступой (ступами?) в местном, памирском варианте". В этом свете исследователь рассматривает ниже расположенные пещеры, в которых он видит жилые камеры, несомненно связанные с комплексом. Версия выглядела бы убедительней, если бы за стенами святилища не стояли в порядочном количестве явно жилые постройки, и если бы реальная связь пещер со стоящими выше строениями была менее сложной. Эти сомнения, конечно, не могут поколебать общее представле-

ние о комплексе Вранг с его монументальным алтарем как о местном почитаемом религиозном центре.

В литературе встречаются краткие упоминания о постройках, которые их исследователи и публикаторы считают культовыми, хотя такого рода атрибуция часто недостаточно аргументирована. К достоверным сооружениям сакрального назначения относится, как будто, монолитная башня, открытая в Киргизстане на **Красной речке** (город **Навекат** или **Сарыг**), в южной части городского некрополя.⁴⁶⁵ Башня сложена из пахсы и сырца разных размеров (40×20×10, 30×15×8, 44-45,5×41×10, 50-52×26-30×10, 54-56×24×? см) на глиняном и ганчевом растворе, пахсовые блоки подтесывались сужающимися кверху кольцами, так что форма сооружения была четко конической. На верхней круглой площадке диаметром 8 м наружный кольцевой ряд кладки сложен с радиальным направлением швов. Найдены как будто остатки сводчатой галереи, которая опоясывала башню на высоте около 2,5 м от вершины.

Исследователи, тоже с понятной осторожностью, рассматривают эту постройку как храм-башню, на которой зороастрийская община города (может быть, и всех городов этой части Семиречья) возжигала и хранила священный огонь. Кажется возможным, что расположение храмовой башни в центре городского некрополя объясняется связью происходивших здесь церемоний с погребальным обрядом.

Остатки дома, найденные в центре **Варахи**, были датированы 5—6 вв. по причине совпадения их размеров и техники кладки "вразбежку" с сырцовыми кладками соседних дворца и цитадели. Здесь открыто помещение с широкими суфами и небольшим прямоугольным возвышением посредине, а к северу и югу от него — части комнат, в одной из которых оказалось много золы.⁴⁶⁶ На этом основании исследователь счел раскопанные комнаты частью "культового сооружения", а возвышение — подставкой под алтарь, на котором горел огонь. Аргументация представляется по меньшей мере недостаточной: возвышение в окружении суф могло входить в обычное оборудование жилища (такие примеры есть), а причиной скопления золы не обязательно был священный огонь. Для обоснованного суждения следовало бы раскопать все здание, а не ограничиваться его случайной частью.

То же можно сказать о предположительном доисламском храме, открытом на **Афраснабе** к ЮЗ от пятничной мечети 9—13 вв.⁴⁶⁷ И здесь открыто не все здание, а три зала и коридор, — храмом эти помещения уверенно названы потому, что в одном из них обнаружен "настил из жженого кирпича со следами воздействия огня", а в другом — возвышение из пахсы. Предполагаемое здесь "возжигание огня" во всех углах помещения больше похоже не на сакральный ритуал, а на пожар. Культовое назначение этих помещений категорически исключить нельзя, но таким способом легко объявить храмом любую комнату без печки, отапливавшуюся открытым огнем.

Руины храма 6—7 вв. в Южном Туркменистане, на городище **Акдепе** недостаточны для реконструкции

его устройства, — здесь найдены только "обломки сырцовых конструкций, покрытых в несколько слоев глиняной штукатуркой, окрашенной сначала черной, а затем красной краской", ганчевые покрытия стен и полов и куски жженных кирпичей зеленого (?) цвета.⁴⁶⁸ Но сохранившееся — конечно, поврежденным — необычное оборудование, принятое исследователем за алтарь, позволяет видеть в этих строительных остатках культовое сооружение. Находка состояла из почти квадратной алебастровой плиты с длиной сторон около 1 м и толщиной 4 см, которая служила основанием для конусообразного сооружения со срезанной вершиной, сделанного из сырца и покрытого глиняной обмазкой. В предмете было опознано основание зороастрийского алтаря огня, схожее с каменными алтарями, найденными в Иране, и с их изображениями на сасанидских монетах. К сожалению, об архитектурном окружении этой редкой находки сказать ничего нельзя.

Вполне вероятно, что в состав большой усадьбы у селения **Кайрагач** (Южный Киргизстан, 5—6 вв.) входил домашний храм, посвященный обожевленным предкам.⁴⁶⁹ Он состоял из трех помещений, образующих сравнительно изолированную группу и отличавшихся специфическим убранством и устройством. Главным среди них был почти квадратный в плане зал площадью около 25 м² с четырьмя деревянными колоннами, алтарным возвышением у ЮЗ стены, большим очагом перед ним, стоящим на прокатенном полу, и небольшими, стоявшими на постаментах, довольно примитивно изготовленными статуями. Среди найденных здесь предметов — курительницы на высоких массивных ножках, едва ли употреблявшиеся в быту. Такие же поясные изображения людей-идолов — глиняные, гипсовые и каменные — найдены в соседней продолговатой комнате с красной суфой и полуовальной в плане нишей в ЮЗ стене. Здесь к СВ стене была примкнута высокая суфа, окрашенная в красный цвет. В два слоя, нижний черный и верхний красный — точно так, как в храме на городище **Акдепе** — были окрашены стены этого помещения, красной полосой был обведен и пол вдоль стен. Третья комната, входившая в состав предполагаемого храма, была узкой, удлиненной и перекрывалась сводом; в ее торцевой СЗ стене имела полукруглая в плане арочная ниша, рядом с ней лежала курительница того же типа, что найдены в зале, который исследователи резонно считают святилищем домашнего храма.

Установлено, что первоначально эти три помещения составляли обычную жилую часть дома (может быть, с представительными функциями), но впоследствии были переоборудованы и превращены в сакральный комплекс внутри усадьбы, — исследователи полагают, что ее хозяева поклонялись здесь своим обожевленным предкам, воплощенным в скульптурные изображения.⁴⁷⁰ Предполагается, что в состав домашнего храма входили еще две небольшие комнаты и граничащий с ним двор. Обилие явно ритуальной скульптуры, красно-черная раскраска стен, пьедесталов и суф, осевые арочные ниши небытового назначения и следы настенных росписей делают предположение исследователей о культовом

назначении этой группы помещений очень правдоподобным.

Аналогично определил Ю. Якубов назначение центральной группы помещений в замке **Наврузшах** — в горном Согде, 40 км восточнее Пенджикента.⁴⁷¹ Здание, общими размерами около 41×32 м, датируется 5—6 вв. Оно состояло из обширного двора и примыкающего к нему с юга блока приемных, жилых и культовых помещений; на северной стороне двора сохранилась часть стены с казематами внутри, позже переоборудованными под жилые комнаты — см. стр. 165.

В ЮЗ части жилого корпуса расположен приемный зал 5 размерами 5,8×7,2 м и традиционного устройства — со входом у угла, четырьмя колоннами и обтекающими стены суфами, но с любопытной особенностью: тамбурная стенка-ширма, обычно "запирающая" торец подходящей ко входу суфы, здесь продолжена дальше, из-за чего часть зала у входа превратилась в коридор, а пристенные суфы в зале продолжают и вдоль стенки-ширмы, оконтуривая по периметру почти весь зал (рис. 289). У широких (110 см) суф странно малая высота — только 15 см. В центре зала — такой же высоты возвышение (1,3×1,3 м) с обожженной поверхностью, сразу же вызвавшее предположение, что горевший здесь огонь был священным (хотя иначе отопить помещение было невозможно), а стенка-ширма специально построена "для затемнения зала во время установки священного огня". На вопросы, зачем нужно было для "установки священного огня" затемнять зал, и почему нежелательный свет ожидался именно со стороны ширмы, ответ не дается. Оба произвольных умозаключения приводят исследователя к выводу о том, "...что зал имел, в какой-то степени, культовое назначение" — мысль, принимая во внимание неразрывность религиозных и бытовых функций доисламской жилой архитектуры, вполне правильная.

Лежащее к северу от зала большое удлиненное помещение 7 (7,9×5,5 м) с центрально расположенным входом в восточной стене и суфами высотой 50 см вдоль стен было оборудовано двумя колоннами на продольной оси — редкий прием, напоминающий устройство святилища в **Еркургане**, но и принципиально отличный от него: там колонны утверждали поперечную ось со входом, здесь стояли на входной оси, зрительно преграждая движение по ней. В стоявшем между колонн очаге исследователь по привычке предполагает культовое назначение.

В средней части здания, состоявшей из трех регулярно расположенных комнат 11, 12 и 19, выделяется своим устройством комната 11, в которой есть серьезные основания видеть замковую капеллу. Все три помещения замкнуты в правильный прямоугольник, причем одно из них, южное, вытянуто во всю его ширину, а два других, примыкающие к нему с севера, одинаковы размерами, параллельны и повернуты по отношению к южному на 90°. Подобная комбинация помещений была употребительна в до- и раннеисламской жилой архитектуре Средней Азии, но обычно поперечная комната служила общим вестибюлем для двух или трех других комнат (замок **Чильхуждра**, дворец **Кырк Кыз** и др.), здесь же все

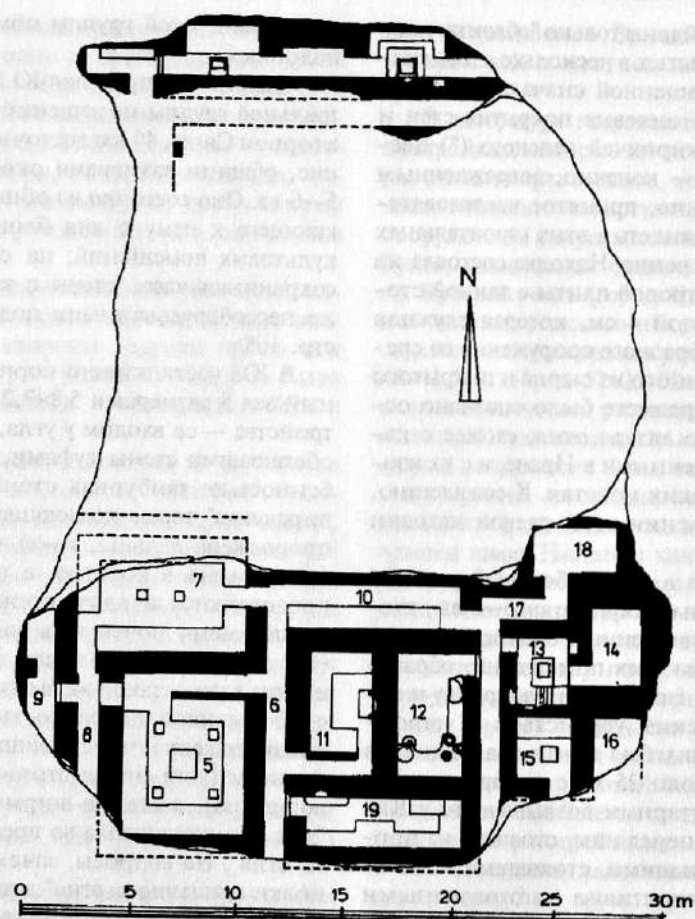

Рис. 289. Городище Наврузшах. Замок-дворец. План. По Ю. Якубову и З. Гарифуллиной.

три части системы разобщены, — может быть, как следствие перестройки.

Общая величина комнаты 11—5,7×2,9 м, но стенка-ширма, удлиненная так же, как в зале, отделяет ее южную входную часть, превращая ее в коридор и сокращая длину комнаты до 4,7 м. Изнутри к стенке-ширме, подчеркивая замкнутость этого уменьшенного пространства, примыкает — как и в зале — суфа.

На поперечной оси ограниченной таким образом комнаты, на восточной стене сохранился пристенный очаг-алтарь несомненно сакрального назначения; отлично выполненные обмеры позволяют составить о нем достаточно ясное представление (рис. 290). Основанием алтарю служит прямоугольный цоколь высотой около 20 см и длиной около 1,3 м, выдвинутый из стены на 65 см. Стена над цоколем оформлена неглубокой нишей эллиптического очертания шириной 80 и высотой 65 см; по сторонам ниши на краях цоколя из стены выступают две полуколонки с круглыми, слегка сужающимися кверху стволами и широкими базами, состоящими из прямоугольного плинта и пирамидального верха со срезанной вершиной. Форма капителей, к сожалению, неясна, — видно только, что они были с сильным выносом, и что шейка под капителью отделяется от ствола круглым валиком — прием, свойственный римскому колонному ордеру и в таком виде в Средней Азии до сих пор неизвестный.⁴⁷²

Общая высота полуколонок — 75 см. На них опирается прямоугольный выступ стены, сохранившийся, как будто, на всю или почти на всю первоначальную высоту. Эта венчающая часть алтаря, в которой исследователь почему-то увидел остатки солярного знака, в действительности изображает — конечно, в условной манере — венчание монументального здания уступчатыми зубцами — "кунгра", повсеместно распространенное в древней и средневековой архитектуре Среднего Востока. Здесь изображены два полузубца "кунгра", располагавшиеся всегда на углах венчающих частей здания, — это изображение так контрастно-крупно относительно нижней части алтаря, что для полных зубцов, из которых, собственно, и состояло венчание "кунгра", здесь как бы не осталось места. Архитектурная форма, тогда всем известная и легко узнаваемая, использована здесь как условный знак величественного, монументального венчания.

Очень похожий пристенный очаг-алтарь имелся в северной группе помещений замка Наврузшах, в башенном каземате (комната 4), переоборудованном в капеллу. Аналогичные алтари найдены в Пенджикенте (комнаты 13 и 88 в "объекте" 3, комната 18 в "объекте" 9) (рис. 291),⁴⁷³ в недалеко расположенном замке Гардани Хисор (рис. 292) и в одном из крестьянских домов рядом с ним (рис. 293). Во всех этих случаях комнаты с алтарями служили, очевидно, для

совершения религиозных ритуалов узко-семейного характера, и все эти алтари единообразны по своему устройству: неглубокая ниша, обычно поднятая на низкий цоколь, в обрамлении парных колонок. Любопытно, что в случаях сохранения колонн алтаря на всю их высоту (комната 11 в Наврузшахе и комната 18 "объекта" 9 в Пенджикенте) видно, что арка не опирается на колонны, а только обрамлена ими, так что лежащий на колоннах горизонтальный "архитрав" перекрывает арку — так, как это было принято в "классической" древнеримской архитектуре: только начиная с 4 в. (дворец Диоклетиана в Сплите, мавзолей Констанции в Риме) римские архитекторы стали опирать арки прямо на капители колонн.

Если есть серьезные основания считать комнату 11 домашней капеллой, то в отношении соседних с ней комнат 12 и 19 таких оснований нет, хотя исследователь включил и их в состав "культовой зоны". Поперечная комната 19 оборудована вдоль длинной южной и короткой восточной стен высокой суфой, которая посередине южной стороны расширена в тронную площадку. Поперечное расположение площадки и ее близость к противоположной стене (их разделяет 1 м) наводят на мысль о перестройках, которые изменили расположение суфы с площадкой в новой плановой структуре. Два постамена у северной стены исследователь считает пьедесталами для скульптур и на этом основании называет помещение "святилищем идолов". Честно признавшись, что сами идолы не были найдены, он все-таки считает (это единственный аргумент), что небольшая комната 19 "...как святилище идолов вполне подходит". Комнату 12, сохранившую явные признаки хо-

зяйственно-кухонного использования, исследователь согласен признать кухней, "...но с культовым назначением" — из-за слишком толстого, по его мнению, слоя золы на полу.

Механизм создания квазикультурной архитектуры Средней Азии доисламского времени на этом примере (увы, далеко не единичном) достаточно хорошо виден. Он особенно нагляден на примере еще одного "храма идолов", найденного в Шахристане на городище Кахкаха 1 и отраженного во множестве публикаций.⁴⁷⁴

Постройка, примыкавшая к южной стене укрепленного городища, представляет собой обширный зал шириной 13 и длиной (по оси) около 15 м: часть городской стены, к которой пристроен зал, изогнута, — соответственно искривленной была его южная стена. Вход-коридор шириной 3,1 м между боковыми помещениями расположен на северной стороне, приблизительно у оси помещения, и обращен на внутреннюю площадь. С западной стороны к залу примыкал комплекс жилых построек (см. рис. 173), с восточной — какое-то большое помещение. Стены сложены из блоков пахсы (75×85 см) с добавлением кое-где сырца, пол выстлан тремя слоями сырцовых кирпичей размером 20×25×7 см, общей толщиной — из-за толстых глиняных швов — 40 см (рис. 294).

Исследователи пишут о двух уровнях пола, соответствующих, как они полагают, разным периодам жизни здания: 7—8 и 9—10 вв. Между тем, заложенный в ЮВ части зала шурф обнаружил под сырцовым полом "...толстый слой утрамбованной глины, еще ниже — слой гравия, щебня и камней",⁴⁷⁵ и никаких признаков нижнего пола.

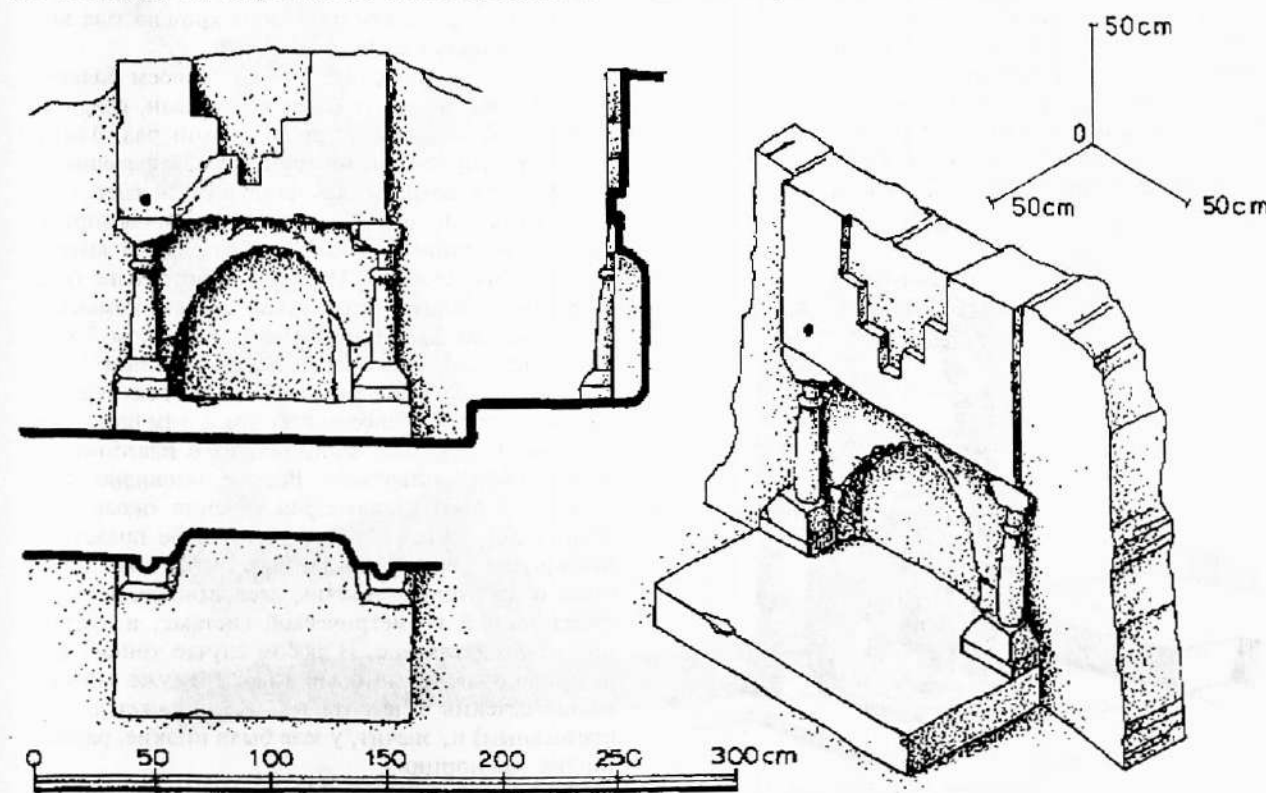

Рис. 290. Городище Наврузшах. Алтарь дворцовой капеллы. Фасад, план, аксонометрия. По З. Гарифуллиной.

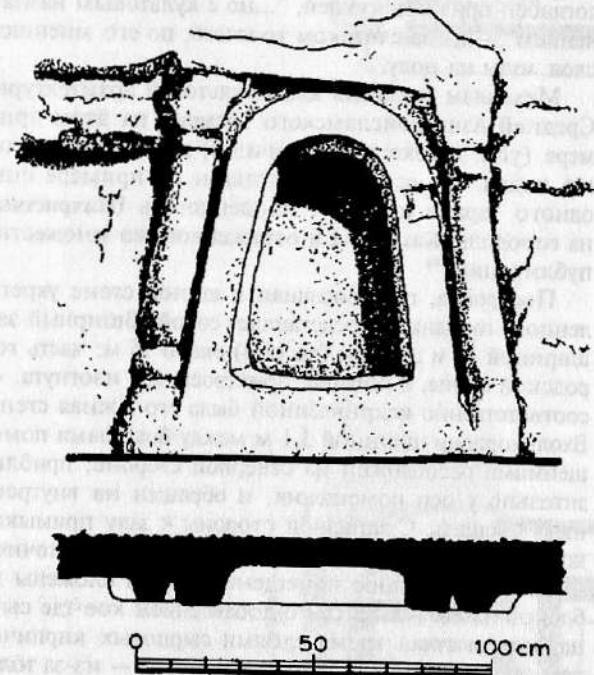

Рис. 291. Пенджикент. Алтарь в комнате 18 "объекта" 9. По В.Ворониной.

Это вызывает сомнение в правильности поздней датировки "второго" периода жизни зала, которая не подтверждается ни археологически, ни архитектурным анализом, тогда как ранней датировке (7–8 вв.) здесь, как будто, ничто не противоречит.

Примечательная особенность шахристанского зала — многочисленные остатки вертикальных деревянных стоек, найденные на всем его пространстве. Всего здесь было 98 стоек, — от них сохранились основания, вкопанные в пол на 50–80 см и кое-где поднимающиеся над ним. Основания стоек служили каменные плитки, а от гниения их заглуб-

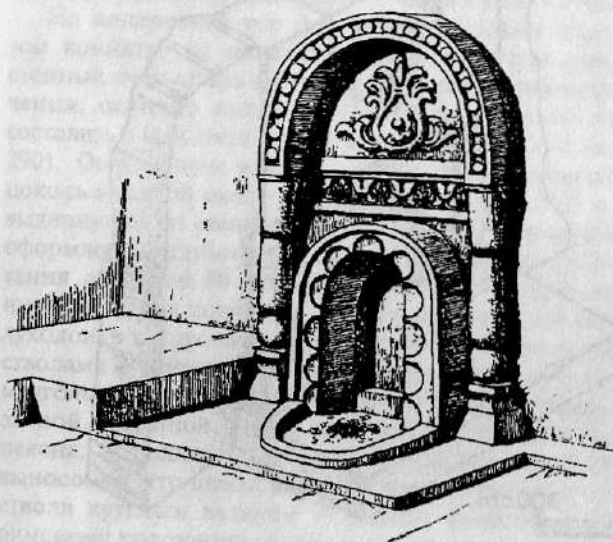

Рис. 292. Замок Гардани Хисор. Алтарь в капелле. Реконструкция.

ленные части предохранялись при помощи глиняной обмазки и "футляра" из мелкого щебня. Одна стойка была спирально обмотана какими-то стеблями, — обмотка оставила отпечаток, который исследователи приняли за рельефное украшение. Стойки образуют нерегулярную, разнообразно искривленную сетку, — в ранней публикации даже сказано, что они врыты в пол бессистемно. Расстояния между стойками колеблются от 1,9 до 0,8 м, а их ряды — особенно в направлении 3–В — заметно искривлены. Исследователи называют их колоннами и на этом основании сравнивают зал с храмовыми гипостильными залами древнего Египта.

У обнаруженных стоек нет традиционных для раннесредневековых колонн баз и округлых "кузаги" в основании ствола, но они удивляют разнообразием и необычностью поперечных сечений, которые были обмерены (в отпечатках) и представлены в воспроизведенной здесь таблице (рис.295). Исследователи усмотрели в этих сечениях "зооморфные" и растительные формы, жуков, бабочек, царские короны и т.п., — для того, чтобы все это заметить и оценить, пришлось бы стойки распиливать, что посетители зала едва ли делали.⁴⁷⁶ Форма сечений, по большей части асимметричная (за исключением, может быть, тех, что представляют собой пучок стержней) вызывает сомнение в том, что стойки служили колоннами, несущими балочный потолок. Сомнение укрепляется малыми размерами сечений большинства стоек: только немногие из них, в форме розеток, достигают в диаметре 30 см, у других же, асимметричных, диаметра нет вообще, а ширина ограничена 15–20 см, — эти стойки, независимо от странной формы их сечений, не могли держать кровлю зала высотой, по меньшей мере, 4 м.

О том, что фигурные стойки в своем большинстве действительно не были колоннами, свидетельствует их последний от входа кривой ряд, ближайший к изогнутой южной стене. Составляющие его восемь стоек сохранились на полную высоту — всего 30 см над полом, — и были соединены горизонтальной деревянной балкой, образуя вместе с ней длинную скамью. Исследователи вполне бездоказательно видят в этой узкой скамье помост для неких "идолов", которым ("культу которых" по их формулировке) поклонялись посетители зала — "храма". Малое сечение большинства стоек перестает удивлять, если предположить, что и они были основаниями для скамей, заполнявших в известном порядке пространство зала. Все же, очевидно, более толстые стойки с диаметром сечения около 30 см были колоннами, — иначе нельзя себе представить перекрытие зала. К сожалению, расположение этих стоек относительно прочих, следовавшее, вероятно, определенной геометрической системе, в публикации не представлено. В любом случае тонкие арчевые колонны едва ли были выше 3 м (уже это отношение сечения к высоте — 1:10 — кажется почти предельным) и, значит, у зала были низкие, расплывчатые пропорции.

Западная стена зала примерно в ее средней части оформлена паховым выступом длиной 3,1 м и толщиной около 1 м; посреди выступа, на 45 см выше

уровня пола устроена арочная ниша шириной и высотой немногим более 1 м, глубиной 65 см (рис.296). Арка ниши сложена из сырцовых кирпичей; ее контур, судя по фотографии (опубликованный обмерный чертеж груб и явно искажен), был эллиптическим, со слегка приплюснутой вершиной — форма, характерная для арок доисламского времени и неизвестная (за редчайшими исключениями) в постройках 9–10 вв. Любопытная особенность этой перекрытой полукуполом-конхой ниши — в том, что по ее контуру тянется выступ-закраина, которая уменьшает ее фасадную площадь и превращает ее в подобие встроенного в стену шкафа.

Утверждение исследователей, что ниша в западной стене зала представляет собой михраб, и что зал, первоначально бывший "храмом идолов", был превращен арабами в мечеть (для этого, видимо, и понадобилась необоснованно поздняя дата), должно быть отвергнуто. Михрабы — ритуальные ниши, указывающие молящимся в мечети молитвенное направление на Мекку — всюду и всегда, с ранних времен и до наших дней начинаются от пола и обладают стройными вертикальными пропорциями. Это правило не знает исключений, хотя в других архитектурно-декоративных подробностях михрабы, даже одного региона и одного времени, весьма различны. Тип михраба как молитвенной ниши был принесен

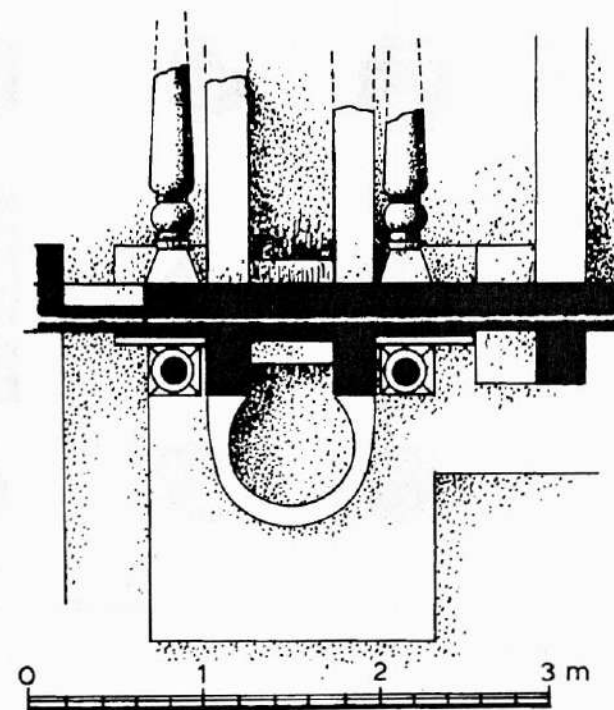

Рис. 293. Селение Гардани Хисор. Очаг-алтарь в доме 6. План и фасад. По Ю.Якубову с коррективами.

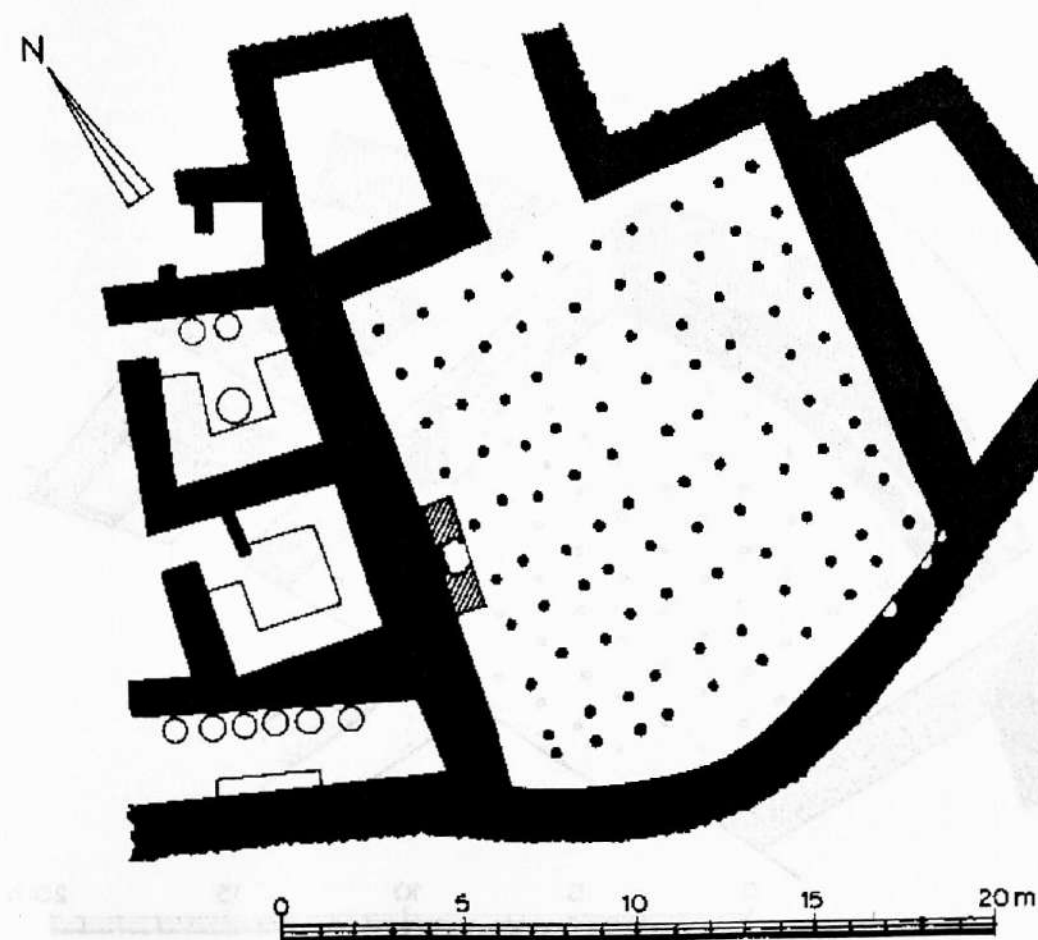

Рис. 294. Шахристан. Городище Кахкаха 1. Зал у южной стены. План. По Н.Негматову и Р.Авзалову.

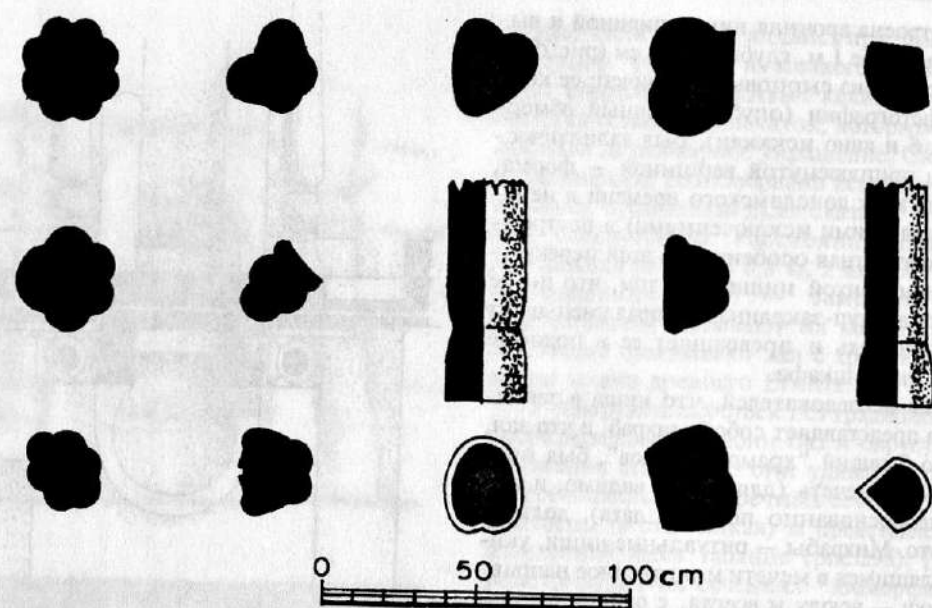

Рис. 295. Городище Каххаха I. Зал у южной стены. Сечения стоек. По Н.Негматову.

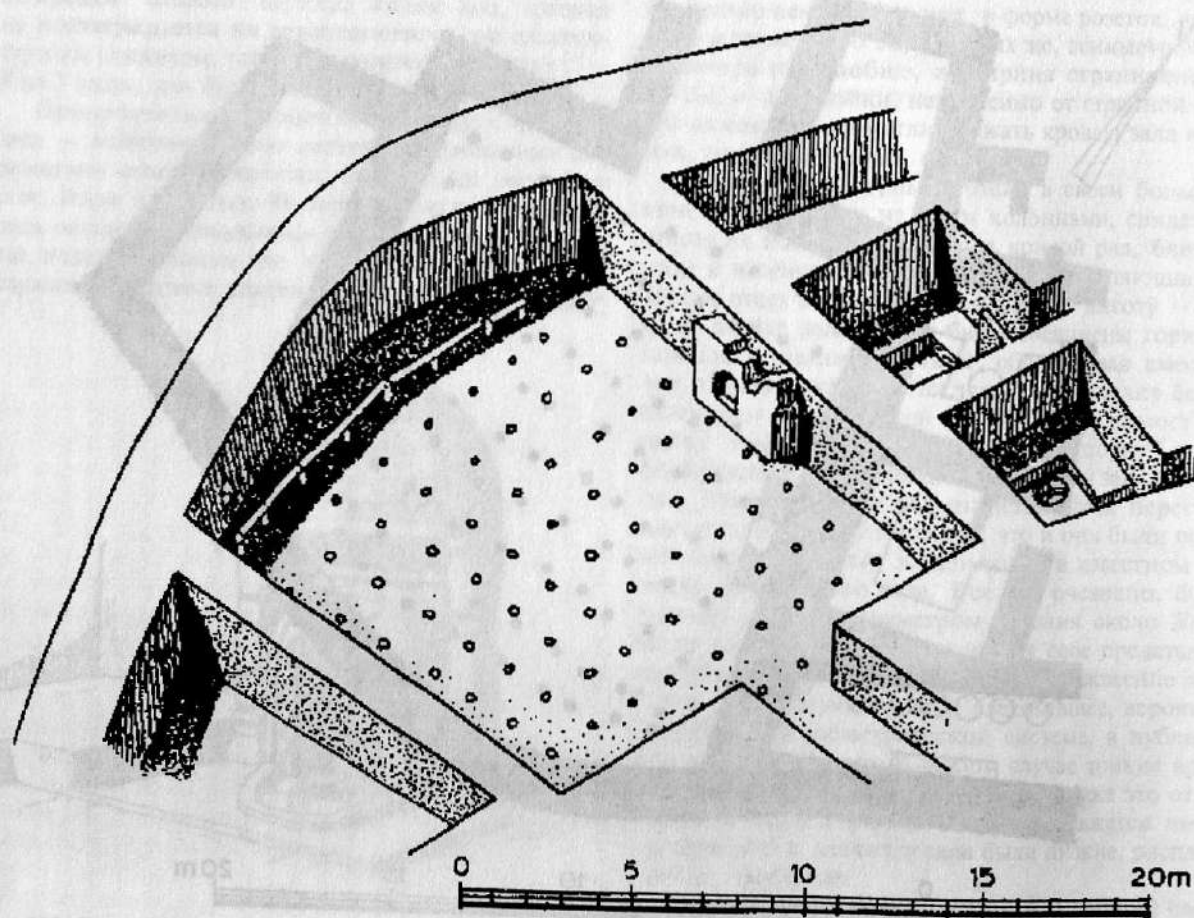

Рис. 296. Городище Каххаха I. Зал у южной стены. Аксонометрия. По Н.Негматову.

в Среднюю Азию арабами и, конечно, испытал здесь воздействие местных архитектурно-сакральных образов, — в первую очередь, вероятно, пристенных нишевидных алтарей — "порталов". Но в своей основе михраб как архитектурно-пространственная форма сложился в коренных землях ислама, и иногда встречающиеся утверждения, что среднеазиатский михраб — целиком следствие эволюции местных традиционных форм, неверны. Небольшая, квадратных пропорций, поднятая на полметра над полом арочная ниша зала в Каххаха I михрабом быть не могла, хотя ее необычное назначение, подчеркнутое центральным расположением в зале, кажется несомненным.

Оно заметно и в оформлении стены по сторонам выступа с нишей. Слева от него (правая сторона разрушена) в паховой стене сохранилась цепочка круглых отверстий диаметром 3-4 см. Их расстояние от пола — 47 см — отвечает основанию ниши. Исследователи полагают, что эти гнезда — следы крепления деревянных панелей, которыми были обшиты стены зала внизу при превращении его из "храма идолов" в мечеть. Остатки предполагаемых панелей, конечно, не найдены, да и обнаруженных отверстий для их прочной связи со стеной было бы явно недостаточно. Логичнее предположить, что по сторонам выступа с нишей на общей с ней высоте были устроены сиденья-скамьи для почетных посетителей, связанные со стеной консольно вставленными в нее стержнями. Высота предполагаемых скамьей этому вполне соответствует.

Нет ни одного мало-мальски научно обоснованного аргумента, подтверждающего убеждение исследователей в том, что зал в Каххаха I был "храмом идолов", превращенным впоследствии в мечеть, и многословные, не очень грамотные рассуждения такие аргументы не создают. Есть только один вид культового здания одной из мировых религий, в котором ориентация богослужения определяется крупной центральной нишей, расположенной как правило — в отличие от михрабов и христианских ал-

тарных ниш — выше уровня пола, так как такая ниша представляет собой, собственно говоря, внутристенный шкаф для хранения свитков священного писания. Это — синагога. Архитектура синагог разного времени и в разных странах достаточно разнообразна, но их "алтарные" ниши всегда обращены в сторону Иерусалима именно так, как ориентирована ниша Шахристанского зала. Для древних и ранне-средневековых синагог характерно и боковое расположение входа, и сиденья для священников по сторонам ниши со свитками Торы, и само устройство ниши-шкафа с закраинами для того, чтобы ее было удобно закрывать дверцей или тканью.

Молящиеся в синагоге сидят, — эта традиция, вероятно, так же стара, как сама синагога.⁴⁷⁷ Таким образом находят объяснение пластически обработанные стойки от множества скамей, заполнявших просторный зал. Можно заметить, что скамьи — подобные тем, чьи остатки сохранились у южной стены — располагались параллельно западной "алтарной" стене: в этом направлении С-Ю линии стоек заметно более прямые и регулярные, чем в поперечном.

Проблема осложняется тем, что синагоги Средней Азии не были до сих пор ни предметом археологического изучения, ни целенаправленного поиска, хотя еврейские общины существовали здесь, как будто, еще с эпохи Ахеменидов. Отсутствие местного сравнительного материала позволяет пока поставить вопрос только предположительно, но некоторые основания для постановки и разработки этого вопроса уже как будто есть.

Я отдаю себе отчет в недостаточности представленных здесь аргументов. Но у исследователей Шахристанского зала, видящих в нем "храм идолов" и мечеть, неоспоримых и объективных аргументов нет совсем, — большой зал у южной стены Каххаха I, не находящий себе сколько-нибудь близкие параллели, недостаточно изученный и тенденциозно опубликованный, не был ни храмом загадочных идолов, ни мечетью редкого в Средней Азии зального типа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В истории архитектуры Средней Азии 5—8 века — первая эпоха, постройки которой образуют в целом общую выразительную картину, дают достаточно полное представление о строительном искусстве, композиционных приемах и художественных особенностях, отличающих сооружения этого времени от построек предыдущих и последующих времен. Здания, их группы и целые города предыдущей, античной эпохи тоже были материалом многочисленных исследований и известны сейчас много полнее, чем раньше, но этой картине не хватает исторической и художественной конкретности: она похожа на мозаику, которая сохранилась фрагментами-пятнами, не всюду сливающимися в цельное изображение. Текст этой книги дает, надеюсь, представление о массе проблем доисламской архитектуры, общих и частных, которые не решены и, может быть, никогда не будут; о зданиях непонятного устройства, назначения и смысла, одиноко стоящих среди более традиционного и понятного материала. И все же общая картина среднеазиатской архитектуры этого времени, технические и художественные законы, которым она подчинялась, явные признаки ее самобытности (по отношению, например, к соседнему Ирану), ее общественное содержание, ее эстетические основы — все это взаимосвязано и оставляет существенно меньше места для лакунов-пустот, обычно заполняемых более или менее спекулятивными рассуждениями. В этом, конечно, большая заслуга среднеазиатской археологии, так как все открытые сооружения доисламской эпохи в той или иной степени есть археологические объекты, — жаль только, что их архитектурные исследования отступают обычно перед чисто историческими.

Любимой темой среднеазиатского искусствоведа до недавнего времени было отыскание приемов и форм, общих для архитектуры доисламской и исламской эпох, иначе говоря — поиски “языческих” корней средневековой исламской архитектуры. Таких корней, при ближайшем рассмотрении, оказалось много больше, чем предполагалось: многие строительные, композиционные и художественные приемы, распространенные в 5—8 вв., а отчасти и раньше, употреблялись строителями будущих времен. Архитектурные структуры дворово-айванного и центрального типов, воплощенные в репрезентативно-представительных, культовых и даже частных постройках этого времени, предвосхищают планировочные идеи и приемы монументальной архитектуры развитого средневековья. Множество приемов и форм, которые еще сравнительно недавно считались

особенностью “мусульманской” архитектуры Средней Азии — такие как купола на арочных парусах-трюмпах, характерные порталы-“пештаки” и др. — обнаружены, и в достаточно развитом виде, среди сооружений доисламского времени.

Вместе с тем не всегда отчетливая граница отделяет доисламскую культуру Средней Азии, в том числе и архитектуру, от той в большой мере иной культуры, которая утвердилась здесь после 8 века как следствие неожиданной быстрой исламизации среднеазиатского общества. Изменения коснулись скорее духа, чем материи: строительные и композиционные приемы, оставшиеся в общем прежними, наполнились теперь иным духовным содержанием, новыми представлениями о мире, человеческих отношениях и морали, стали выражать новые духовные и эстетические ценности. Исламизация Средней Азии, затянувшаяся на столетие, было своего рода духовной и культурной мутацией, на первых порах мало изменившей внешние формы местной культуры (и архитектуры в том числе), но сбившей ее с традиционного эволюционного пути-вектора на другую. Об этом, сопоставляя доисламскую и исламскую художественную культуру Средней Азии и радуясь многочисленным признакам их сходства, не следует забывать.

Удивителен размах грандиозного монументального строительства во времена политической раздробленности, казалось бы, очень мало благоприятные для этого. Десятки открытых и изученных за последние десятилетия сооружений 5—8 вв. — лишь очень малая доля того, что было тогда построено: тысячи погребенных в землю зданий, десятки (если не сотни) городов и селений ждут своего открытия; количество бесследно исчезнувших, погибших от руки советских “хозяйственников” в процессе “освоения” пустующих земель, не поддается подсчету. Достаточно много, к сожалению, и изученного, но не опубликованного материала, лежащего мертвым грузом в архивах научных учреждений, — материала, который, может быть, изменил бы какие-то общепринятые представления.

Все же почти каждое новое открытие подтверждает разнообразие употребительных тогда пространственных и планировочных структур, неистощимость композиционных приемов и неожиданно малое распространение каких-либо канонизированных схем. Но основой этого разнообразия, обычно легко вычлениваемой, оставалась твердая база традиций, восходящих к небольшому количеству приемов — общих, так сказать международных (часто восходящих

к античным прототипам) и местных, воплощающих традиционные особенности региональных направлений.

Расцвет художественной культуры раннего среднеазиатского средневековья нашел свое выражение и в синтезе искусств: естественное единство с архитектурой монументальной стенописи, скульптуры, пластического рельефного убранства — не единичные для этого времени случаи, связанные с отдельными уникальными сооружениями, а общераспространенное явление. При знакомстве с монументальными постройками этого времени сам собой встает вопрос (особенно, если знакомство — непосредственное, не из книг): откуда бралось такое количество живописцев, скульпторов и декораторов высочайшей квалификации, и как они поспевали с выполнением многочисленных заказов.

Живое наследие античности, ясно осязаемое в приемах фортификации, строительства, городской планировки и архитектурного убранства, не умаляет многообразных черт новизны, которые определяют общий характер архитектуры раннего среднеазиатского средневековья — его великолепных и сложно устроенных дворцовых комплексов, укрепленных комфортабельных замков, разнообразных городских и сельских жилищ. Стремление к впечатляющей импозантности парадных интерьеров нигде, пожалуй, не вступает в это время в спор с функциональностью, — представительность создается без ущерба для

удобства, и даже задачи и требования “личной” обороны, немаловажные в пору политической раздробленности, почти нигде не выступают открыто на первый план.

Доисламская архитектура Средней Азии — разнообразное, но в определенной степени замкнутое явление, продолжение которого в будущем имеет, как говорилось, несколько формальный характер: после победы ислама художественные формы и приемы в большой мере изменили свое духовное, человеческое содержание. Как всякое явление материальной и духовной культуры, эта архитектура доступна научному исследованию, которое вскрывает ее внутренние и внешние связи, обнажает и классифицирует приемы, анализирует конкретные формы. Случающиеся при этом по разным причинам ошибки впоследствии обычно исправляются. Значительно труднее понять внутреннее человеческое содержание этой архитектуры: для этого нужно воплотиться в ее создателей и потребителей, людей такого далекого времени и такого удаленного от нас представления о мире и себе, что даже исламское средневековье кажется на этом фоне почти современностью. Поэтому многое в этой архитектуре, цельной в ее определяющих формах и почти ни с чем не сопоставимой, восходящей к нескольким первичным схемам и бесконечно разнообразной останется, вероятно, никогда до конца не раскрытым.

ПРИМЕЧАНИЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

- ¹ В.Л.Воронина. Архитектура Средней Азии 6-8 вв. Всеобщая история архитектуры в 12 томах. Том 8. Москва, 1969. Стр. 183—197.
- ² В.Л.Воронина. Искусство Средней Азии и Казахстана. История искусства народов СССР. Том 2. Москва, 1971. Стр. 9—94.
- ³ В.А.Нильсен. Становление феодальной архитектуры Средней Азии (5—8 вв.). Ташкент, 1966.
- ⁴ Г.А.Пугаченкова. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма (в дальнейших ссылках — Пути...). Труды ЮТАКЭ, том 6. Москва, 1958. Глава 3. Раннефеодальное зодчество. Стр. 118—187.
- ⁵ СА 1956. № 2. Стр. 42—55.
- ⁶ СА 1957. № 4. Стр. 83—92.
- ⁷ СА 1959. № 1. Стр. 84—104.
- ⁸ "Architectura" 1991. № 2. С. 212. Автор — Христиан Эверт.

ВВЕДЕНИЕ

- ⁹ Распространенное с недавнего времени обыкновение заменять понятие "Средняя Азия" понятием "Центральная Азия" кажется мне неверным: Центральная Азия — более обширная территория, в которую кроме Средней Азии входят Иран, Афганистан, Восточный Туркестан и частично Пакистан.
- ¹⁰ Название Туран происходит от имени легендарного народа "туры", так же как Иран — от названия народа "ары". К туркам или тюркам имя Туран не имеет отношения.
- ¹¹ Jahn O. Hoag. Islam. Weltgeschichte der Architektur. Stuttgart, 1986.
- ¹² Г.А.Пугаченкова. Халчаян. Ташкент, 1966.
- ¹³ Живопись древнего Пянджикента. Москва, 1954 (сборник). Скульптура и живопись древнего Пянджикента. Москва, 1959 (сборник). А.М.Беленицкий. Монументальное искусство Пенджикента. Москва, 1973. Л.И.Альбаум. Живопись Афрасиаба. Ташкент, 1975. Росписи Афрасиаба (альбом). Ташкент, 1976. В.А.Шишкин. Варахша. Москва, 1963. Б.Я.Ставиский. Искусство Средней Азии. Древний период. Москва, 1974. Л.И.Альбаум. Балалык-тепе. Ташкент, 1960. Aleksandr Belenickij. Zentralasien. München, 1978. А.М.Беленицкий. Zentralasien. München, 1978. А.М.Беленицкий. Zentralasien. München, 1978. Boris Stawiski. Mittelasiien. Kunst der Kuschan. Leipzig, 1979. Древний Таджикистан (каталог выставки). Душанбе, 1985.

ГОРОДА

- ¹⁴ С.П.Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта. Москва, 1962. Стр. 249.
- ¹⁵ А.М.Беленицкий, И.Б.Бентович, О.Г.Большаков. Средневековый город Средней Азии (в дальнейших ссылках — Город...). Ленинград, 1973. Стр. 6.

¹⁶ Город..., стр. 206.

¹⁷ Такая ситуация возникла в начале 18 века, когда разоренные столичные центры — Бухара и Самарканд — потеряли почти все свое население. Их жители, спасаясь от политического неурядиства, бежали массами на окраины, в том числе в Ходжент, который по этой причине окреп и разросся. Процветание Ходжента в этом случае не было, конечно, признаком общего процветания, — скорее наоборот.

¹⁸ А.М.Беленицкий, Б.Маршак, В.Распопова. Пенджикент. "Наука и жизнь", 1971. № 8.

¹⁹ Город..., стр. 150.

²⁰ А.Ю.Якубовский. Феодальное общество Средней Азии и его торговля с восточной Европой в 10—15 вв. Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской СССР. Часть 1. Ленинград, 1933. Стр. 4. А.Н.Бернштам. Памятники старины Таласской долины. Алма-Ата, 1941. Стр.38, 39. В.А.Лавров. Градостроительная культура Средней Азии. Москва, 1950. Стр. 50—52. Критика теории — С.П.Толстов. Древний Хорезм. Москва, 1948. Стр.т.351. Его же. По следам древнехорезмийской цивилизации. Москва, 1948. Стр. 240.

²¹ В.Л.Воронина. Раннесредневековый город Средней Азии (по данным археологии и письменных источников). СА 1959, № 1. Стр. 84—104.

²² Такое предположение, не подкрепленное фактами, высказал В.Бартольд. См. В.В.Бартольд. Сочинения. Том 4. Москва, 1966. Стр. 134, 139.

²³ В.В.Бартольд. Сочинения. Том 4. Стр. 173, 174.

²⁴ А.Ю.Якубовский. Главные вопросы истории развития городов Средней Азии. Труды ТФАН, том 29. Сталинабад, 1951.

²⁵ А.Н.Бернштам. Историко-археологические очерки центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА 26. Москва-Ленинград, 1952. Рис. 100, 101.

²⁶ Древний и средневековый город восточного Мавераннахра. Ташкент, 1990. Стр. 6, рис. 1.

²⁷ А.А.Анарбаев. Ахсикент в древности и средневековье. СА 1988, № 1. Стр.173, рис.1.

²⁸ Мухаммад Наршахи. История Бухары. Перевод Н.С.Лыкошина. Ташкент, 1897. Стр. 69.

²⁹ В.А.Лавров. Ук. соч., стр. 50.

³⁰ П.Н.Кожмяко. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. Фрунзе, 1959. Стр. 65 и след.

³¹ Там же, стр. 176.

³² Основные труды: В.А.Жуковский. Развалины Старого Мерва. СПб, 1894. В.В.Бартольд. К истории Мерва. Сочинения. Том 4. М.Е.Массон. Новые данные по древней истории Мерва. ВДИ 1951, № 4. М.И.Филанович. Гяур-кала. Труды ЮТАКЭ, том 15. Ашхабад, 1974. Стр. 15—139. Ее же. Историко-культурные археологические таблицы к городищу Гяур-кала в Старом Мерве. Труды ЮТАКЭ, том 19 — "Древний Мерв". Ашхабад, 1989.

Стр. 62—121. В.Н.Куренной. К истории Старого Мерва. "Памятники Туркменистана", 1970. № 2 (10). Стр. 8,9.

³³ Г.А.Пугаченкова. Пути..., стр. 131.

³⁴ МИТТ-1. Стр. 151.

³⁵ Об этом убедительно сказал О.Большаков. См. Город..., стр. 212.

³⁶ Ю.Ф.Бураков, Ш.С.Ташходжаев. Историческая топография Самарканда II — начала 13 вв. "Афрасиаб", вып. 4. Ташкент, 1975. Стр. 6—22.

³⁷ М.Е.Массон. По поводу далекого прошлого Самарканда. "Из истории искусства великого города". Ташкент, 1972. Стр. 327.

³⁸ Город..., стр. 225, рис. 93.

³⁹ Г.В.Шишкин. Городской квартал 8—9 вв. на северо-западе Афрасиаба. "Афрасиаб", вып. 2. Ташкент, 1973. Стр.117—156. С.Хмельницкий. Между арабами и тюрками (в дальнейших ссылках — Между-1). Берлин-Рига, 1992. Стр. 260—262.

⁴⁰ И.Ахраров, Л.Ремпель. Резной штурк Афрасиаба. Ташкент, 1971. С.Хмельницкий. Между-1, стр. 264, 265.

⁴¹ С.Хмельницкий. Между-1. Стр. 64—66. Ю.Ф.Бураков, М.Садиев, М.Н.Федоров. Соборная мечеть Самарканда в 11— начале 13 вв. "Афрасиаб", вып. 4. Стр. 77—99.

⁴² Л.И.Альбаум. Живопись Афрасиаба. Стр. 11, рис. 3.

⁴³ Ю.Ф.Бураков, Ш.С.Ташходжаев. Археологические исследования на городище Афрасиаб в 1970—1972 гг. "Афрасиаб", вып. 2. Ташкент, 1973. Стр. 6.

⁴⁴ Там же, стр. 9.

⁴⁵ С.К.Кабанов. Стратиграфический раскоп в северной части городища Афрасиаб. "Афрасиаб", вып. 2. Стр. 16—84.

⁴⁶ Город..., стр. 237, рис. 94.

⁴⁷ Е.А.Давидович. Дискуссионные вопросы в книге А.М.Беленицкого, И.Б.Бентович и О.Г.Большакова "Средневековый город Средней Азии". Сборник "Древность и средневековье народов Средней Азии (история и культура)". Москва, 1978. Стр. 104, 105.

⁴⁸ Мырзалы Турабеков. Оборонительные сооружения древних поселений и городов Согда. Нукус, 1990. Стр. 56—65, рис. 28.

⁴⁹ О.А.Сухарева. К истории городов Бухарского ханства (историко-этнографические очерки). Ташкент, 1958. Л.И.Ремпель. Из истории градостроительства на Востоке (материалы по планировке старой Бухары). ИЗУ, вып. 1. Ташкент, 1962. Стр. 211—266.

⁵⁰ Г.А.Пугаченкова. Пути..., стр. 123.

⁵¹ В.А.Шишкин. Варахша. Москва, 1963. Археологические исследования на городище Варахша и в Бухарском оазисе в 1947—1953 гг. Труды ИИА АН УзССР. Вып. 8. Ташкент, 1956.

⁵² Исследованные в Варахше остатки жилого квартала, прилегающего к западной городской стене, датируются 9—10 вв. См. В.А.Шишкин. Ук. соч., стр. 100; С.Хмельницкий. Между-1, стр. 254—257.

⁵³ Основные публикации и исследования архитектуры древнего Пенджикента: В.Л.Воронина. Городище древнего Пенджикента как источник для истории зодчества. АН, вып. 8. Москва, 1957. Ее же. Архитектурные памятники древнего Пенджикента. МИА 37. Москва-Ленинград, 1953. Стр. 99—132. Ее же. Архитектура древнего Пенджикента. МИА 66. Москва-Ленинград, 1958. Стр.193—215. Ее же. Архитектура древнего Пенджикента. МИА 124. Москва-Ленинград, 1964. Стр. 51—87. Город..., стр. 20—131. Л.Л.Гуревич. Анализ городского пространства древнего

Пенджикента. "Успехи среднеазиатской археологии", вып. 4. Ленинград, 1979. Стр. 37—41. V.G.Skoda. Le culte du feu dans les sanctuaires de Pendzikent. "Cultes et monuments religieux dans l'Asie Centrale preislamique." Paris, 1987. Р. 64—72. В.И.Распопова. Жилища Пенджикента. Ленинград, 1990.

⁵⁴ Л.Л.Гуревич. Ук. соч., стр. 38.

⁵⁵ Л.Л.Гуревич. Там же.

⁵⁶ Л.Л.Гуревич. Там же.

⁵⁷ В.А.Нильсен. Становление феодальной архитектуры Средней Азии..., стр. 23—25.

⁵⁸ В.А.Литвинский и В.С.Соловьев. Kafyrkala. Frühmittelalterliche Stadt im Vachsch-tal, Süd-Tadzikistan. München, 1985.

⁵⁹ В.А.Нильсен. Ук. соч., стр. 22, 23.

⁶⁰ В.А.Шишкин. К исторической топографии Старого Термеза. ТАКЭ, 1936. Труды УзФАН, № 10. Ташкент, 1940. Город..., стр. 177, 178. Г.А.Пугаченкова. Термез, Шахристан, Хива. Москва, 1976. М.Е.Массон. Городище старого Термеза и его изучение. Труды УзФАН СССР, серия 1, вып. 2. Ташкент, 1940—1941.

⁶¹ А.Н.Бернштам. Историко-археологические очерки центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. Стр. 244—247. И.Ахраров. Археологические исследования городища Ахсыкет в 1960 г. ОНУ, 1960, № 8. Ю.Г.Чуланов. Городище Ахсыкет. СА, 1963, № 3. А.А.Анарбаев. Ахсикент в древности и средневековье. Стр. 171—187. С.Хмельницкий. Между саманидами и монголами (в дальнейших ссылках — Между-2), часть 1. Берлин — Рига, 1996. Стр. 36—38.

⁶² Ю.Ф.Бураков. К истории культуры Ташкентского региона. "Древняя и средневековая археология Средней Азии". Ташкент, 1990. Стр. 38—48. Древний и средневековый город восточного Мавераннахра. Ташкент, 1990. Стр. 6—77 (текст Ю.Буракова, Г.Богомолова).

⁶³ Чуйская долина. Труды Семиреченской археологической экспедиции. 1938-1941 гг. МИА 14. Москва-Ленинград, 1950. Стр. 20.

⁶⁴ К.М.Байпаков. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. Алма-Ата, 1986. Стр. 69.

⁶⁵ В.Д.Жуков. Обследование городища Старая Кува в 1955 г. КСИИМК, вып. 80. Москва, 1960. В.А.Булатова. Древняя Кува. Ташкент, 1972.

⁶⁶ Город..., стр. 190, 191.

⁶⁷ Н.Н.Негматов, С.Г.Хмельницкий. Средневековый Шахристан. Душанбе, 1966. Н.Н.Негматов, У.П.Пулатов, С.Г.Хмельницкий. Уртакуртан и Тирмизактепа. Душанбе, 1973.

⁶⁸ Город..., стр. 191.

⁶⁹ Н.Н.Негматов, С.Г.Хмельницкий. Ук. соч., стр. 100 (текст Н.Негматова).

СТРОИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ И КОНСТРУКЦИИ

⁷⁰ Г.А.Пугаченкова. Пути..., рис. на стр. 339.

⁷¹ Леон Батиста Альберти. Десять книг о зодчестве. Том 1. Москва, 1935. Стр. 121.

⁷² Б.А.Литвинский, Т.И.Зеймаль. Аджина-Тепе. Москва, 1971. Стр. 38.

⁷³ Этот рекорд уступает, правда, раннеантичному хорезмийскому замку Кой-Крылган-кала, — там пролеты сырцовых сводов в центральных помещениях достигают 4,2 м. См. С.П.Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг. Труды ХАЭЭ, том 2. Москва, 1958. Стр. 170. В.И.Пиляв-

- кий. Сырцовые сооружения древнего Мерва. Новые исследования по истории архитектуры народов СССР. Москва, 1947. Стр. 61, 62.
- ⁷⁴ В бухарском мавзолее Саманидов (начало 10 в.) своды верхней галереи смыкаются под 90° при помощи плавных скруглений — явный атактизм, так как конструкция односторонних сводов здесь клинчатая, удобная для пересечения под прямым углом.
- ⁷⁵ В.И.Распопова. Ук. соч., стр. 136, 151.
- ⁷⁶ Г.А.Пугаченкова. К познанию античной и раннесредневековой архитектуры Северного Афганистана. "Древняя Бактрия". Москва, 1976. Стр. 158.
- ⁷⁷ Г.А.Пугаченкова. Ук. соч., стр. 130, 131.
- ⁷⁸ Г.А.Пугаченкова. Пути..., стр. 134, 155.
- ⁷⁹ С.П.Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта. Москва, 1962. Стр. 174—178.
- ⁸⁰ Исследователь предположил, что след от столба в центре купольного помещения указывает на стоявшие здесь строительные леса, которые якобы нужны при возведении "истинных" куполов. Это заблуждение: настоящие купола, сложенные кольцевыми рядами, в лесах-опалубках не нуждаются.
- ⁸¹ Г.А.Пугаченкова. К познанию древней и раннесредневековой архитектуры Северного Афганистана. Стр. 131—133, рис. 71.
- ⁸² Haskin J. Fauillea de Kunduz. MDAFA, t. VIII. Paris, 1959. P.20, fig. 49.
- ⁸³ Только в одном случае — на Афрасиабе — купол пролетом 5 м перекрывал, по-видимому, комнату жилого дома. (см. В.А.Шишкин. Из археологических работ на Афрасиабе. Известия УзФАН №12. Ташкент, 1940). Простейший из ныне известных куполов (городище Мунчактепе в Южном Таджикистане) почти целиком опирался на квадрат толстых стен размером 5,2х5,4 м. Его нависание над углами было так мало, что строители обошлись без тропов, заменив их диагонально выдвинутыми из углов кирпичами. См. А.М.Мандельштам и С.Б.Певзнер. Работы Кафирниганского отряда в 1952—1953 гг. МИА 66. Стр. 312.
- ⁸⁴ В.Л.Воронина. Древняя строительная техника Средней Азии. АН, вып. 3. Москва, 1953. Стр. 22.
- ⁸⁵ Б.А.Литвинский. Калаи Кафирниган (раскопки 1975 г.). АРТ, вып. 15. Душанбе, 1980. Стр. 131, рис. 6.
- ⁸⁶ В.Л.Воронина. Архитектура древнего Пенджикента. МИА 124, стр. 73.
- ⁸⁷ Г.А.Пугаченкова. Пути..., стр. 139.
- ⁸⁸ С.Хмельницкий. Между-1, стр. 153, 154.
- ⁸⁹ Б.А.Тургунов. К изучению Айртама. "Из истории античной культуры Узбекистана". Ташкент, 1973. Стр. 57—59.
- ⁹⁰ В.А.Нильсен. Ук. соч., стр. 312.
- ⁹¹ В.А.Нильсен. Ук. соч., стр. 147.
- ⁹² МИТТ. Стр. 172.
- ⁹³ В.А.Нильсен. Ук. соч., стр. 146.
- ⁹⁴ В древнеримском атриуме под большим вырезом кровли, комплювием, всегда располагался имплювиум — мелкий бассейн, куда стекала дождевая вода. В четырехколонных залах доисламской Средней Азии таких бассейнов не было.
- ⁹⁵ М.Ильина. Древнейшие типы жилищ Закавказья. Сообщения Института истории и теории архитектуры Академии архитектуры СССР. Выпуск 5. Москва, 1946.
- ⁹⁶ С.Хмельницкий. Реконструкция перекрытия типа "рузан" центрального коридора замка (раздел книги Н.Негматова. У.Пуллатова и С.Хмельницкого "Уртакуртан и Тирмизактепа"). Стр. 42—60.
- ⁹⁷ Ю.Ф.Бураков, Г.И.Богомолов. К планировке и архитектуре раннесредневекового Хараджкета. "Культура Среднего Востока. Градостроительство и архитектура". Ташкент, 1989. Стр. 65—67. Они же. Канка — Харашкет. "Древний и средневековый город Восточного Мавераннахра". Стр. 7—9.
- ⁹⁸ Последние годы в публикациях исследователей Пенджикента встречаются реконструкции деревянных большепролетных перекрытий типа брусчатых ферм трапециевидной в вертикальном сечении формы. Эти реконструкции не имеют ни исторического, ни инженерно-строительного обоснования. См. В.И.Распопова. Жилища Пенджикента. Стр. 150.
- ⁹⁹ Культура и искусство древнего Узбекистана. Каталог выставки. Книга 2. Москва, 1991. Стр. 66, 68, 69.
- ¹⁰⁰ В.Л.Воронина. Памятники Калининабада и его окрестностей. АРТ, вып. 15. Душанбе, 1980. Стр. 330—333, рис. 4, 5.
- ¹⁰¹ С.Хмельницкий. Реконструкция перекрытия типа "рузан" в центральном коридоре замка. "Уртакуртан и Тирмизактепа", стр. 43—45.
- ¹⁰² В.А.Нильсен. Ук. соч., стр. 142, рис. 52.
- ¹⁰³ Т.И.Зеймаль. Работы Вахшской группы Хутталевского отряда в 1957 г. АРТ, вып. 5. Сталинабад, 1959. Стр. 89.
- ¹⁰⁴ Живопись древнего Пенджикента. Москва, 1954. Табл. 36.
- ¹⁰⁵ Например, в мавзолее Диоклетиана в Сплите (начало 4 в.) и в раннехристианском мавзолее Констанции в Риме (4 в.).
- ¹⁰⁶ Г.Л.Чепелевецкая. Сузани Узбекистана. Ташкент, 1961. Стр. 20, рис. 9.
- ¹⁰⁷ А.М.Беленизки. Mittelasiien — Kunst der Sogden. Abb. 65, 81, 82.
- ¹⁰⁸ Реконструкцию трона с кариатидами см. — В.А.Нильсен, В.Н.Манаква. Архитектурный декор памятников Узбекистана. Ленинград, 1974. Стр. 51.
- ¹⁰⁹ Ю.Якубов. Раннесредневековые сельские поселения горного Согда. Душанбе, 1988. Стр. 107, рис. 28.

ПРИЕМЫ ПЛАНИРОВКИ, КОМПОЗИЦИИ И ВНУТРЕННЕГО УСТРОЙСТВА

- ¹¹⁰ Land des Baal. Syrien-Forum der Völker und Kulturen. Berlin, 1982. S. 122, Abb. 53.
- ¹¹¹ A. Moortgat. Die Kunst des alten Mesopotamien. Köln, 1985. S. 122, Abb. 53.
- ¹¹² Б.Я.Ставиский. Искусство Средней Азии. Древний период. Стр. 15, рис. 3.
- ¹¹³ Julius Gy. Hajnoczi. Ursprünge der europäischen Architektur. Berlin, 1986. S. 107, Abb. 151.
- ¹¹⁴ E. Herzfeld. Damascus: studies in architecture. Ars Islamica, vol. X. Ann Arbor, 1943, pp. 13—30. A. Godard. L'origine de la madrasa, de la mosquée et du caravansérail a quatre iwans. Ars Islamica, vol. XV—XVI, 1951, p. 2.
- ¹¹⁵ Б.А.Литвинский, Т.И.Зеймаль. Аджина-Тепе. Москва, 1971. Стр. 51—55.
- ¹¹⁶ Зал пенджикентской усадьбы, видимо, не был купольным. Его осевые ниши — небольшой глубины и играли декоративную, а не утилитарную роль. См. В.Л.Воронина. Городище древнего Пенджикента как источник для истории зодчества. Стр. 124.
- ¹¹⁷ P. Ghirshman. Iran. Parthen und Sasaniden. München, 1962. S. 139, 181.

- ¹¹⁸ Б.Я.Ставиский. Раскопки квартала жилищ знати в юго-восточной части пенджикентского городища (объект 6) в 1951—1959 гг. МИА 124. Стр. 142, рис. 17.
- ¹¹⁹ В.И.Распопова. Жилища Пенджикента. Стр. 138, рис. 71—73.
- ¹²⁰ С.Г.Хмельницкий. Пештак и михраб. Известия отделения общественных наук АН Тадж ССР, вып. 2 (52). Душанбе, 1968, Стр. 33—45. Его же. Между-1, стр. 66, 67.
- ¹²¹ Г.А.Кошеленко. Родина парфян. Москва, 1977. Стр. 72, 74, рис. 27.
- ¹²² В.А.Нильсен. Становление феодальной архитектуры Средней Азии..., стр. 140—153, рис. 50.
- ¹²³ С.Хмельницкий. Между-2, часть 2. Стр. 169—172, рис. 157, 158.
- ¹²⁴ В.И.Распопова. Ук. соч., стр. 153.
- ¹²⁵ Sergej Chmelnizkij. Zwischen Kuschanen und Arabern. Berlin 1989. S. 78, 81. Abb. 46, 47.
- ¹²⁶ С.Хмельницкий. Между-1, стр. 258, 259, 266, 267. М.С.Булатов. Геометрическая гармонизация в архитектуре Средней Азии 9—15 вв. Москва, 1978. Стр. 77, 78, 99.
- ¹²⁷ С.Хмельницкий. Между-2, стр. 206, 207.
- ¹²⁸ Там же, стр. 101, 112.
- ¹²⁹ Jens Kröger. Sasanidischer Stuckdekor. Mainz, 1982. S. 15, Abb. 6.
- ¹³⁰ С.Хмельницкий. Между-1. Стр. 69, 208.
- ¹³¹ John O. Hoag. Op. cit., 5. 98, Abb. 161.
- ¹³² С.Хмельницкий. Между-2, рис. 317.
- ¹³³ Там же, стр. 68.

ЗАМКИ

- ¹³⁴ В.А.Нильсен. Ук. соч., стр. 117—122.
- ¹³⁵ Н.Н.Негматов, У.П.Пуллатов, С.Г.Хмельницкий. Уртакуртан и Тирмизактепа. Стр. 95—97. Раздел написан Н.Негматовым.
- ¹³⁶ S. Chmelnizkij. Zur Klassifikation der frühmittelalterlichen Burgen in Mittelasiien. Annali dell'Istituto Universario Orientale. Vol. 45. Napoli, 1985. Pp. 25—47.
- ¹³⁷ Г.А.Пугаченкова. Пути..., стр. 70—78.
- ¹³⁸ В.А.Нильсен. Кизил-кыр. ИМКУ, вып. 1. Ташкент, 1959. Стр. 64.
- ¹³⁹ В.А.Лавров. Градостроительная культура Средней Азии. Стр. 44.
- ¹⁴⁰ В.Л.Воронина. Изучение архитектуры древнего Пенджикента. Труды СТАЭ, том 1. МИА 15. Москва-Ленинград, 1950. Стр. 190, 191.
- ¹⁴¹ "Аниковское" блюдо многократно публиковалось. Оно было случайно найдено в деревне Аниково на Северном Урале (отсюда название) и хранится в Эрмитаже. Большинство исследователей считает, что блюдо — среднеазиатского происхождения и сделано в 5—8 вв. Представленная на блюде сцена включает в себя реалистическое изображение двухэтажного замка с паховым расширяющимся книзу цоколем, "гофрированным" нижним этажом и верхней оборонной галереей-аркадой, а также фигуры десяти конных воинов по сторонам замка. Воины атакуют замок — это подтверждают фигуры его защитников на верхней галерее (двое из них убиты и свешиваются с галереи вниз головой) и на угловых балконах. Долгое время этот сюжет рассматривался как осада замка и связывался с различными эпизодами древнеиранского эпоса. Согласно гипотезе Б.Маршака он представляет собой эпизод из Библии — захват города Иерихон еврейским войском во главе с Иисусом Навином. Соответственно этой версии изображенные сверху кружок и полумесяц означают солнце и луну, остановленные в небе словом Навина, который представлен справа с простертой рукой. Женщина, видимая в окне над входом в замок — блудница Раав, приютившая еврейских лазутчиков, а восемь мужских фигур (семь с трубами, средняя с подобием сундука на плечах) на кровле нижнего этажа — жрецы-левиты со "скинией завета", ревом своих труб разрушающие стены города. Эта остроумная гипотеза неверна по многим причинам. В древнем искусстве повествовательные изображения такого типа всегда имели логически развивающуюся форму, которой здесь нет. Эпизоды в рассказах-изображениях следовали один за другим как в комиксах, и наблюдатель всегда видел, откуда и в каком направлении следует "читать" рассказ. Это правило не знало исключений, так как иначе был бы утрачен главный смысл изображения — последовательность содержания. Здесь же, напротив, эпизоды библейского рассказа не имеют начала и конца, их последовательность нарушена. В средневековом искусстве одно здание могло изображать целый город, но невозможно, чтобы разрушители города были изображены внутри него. Месторасположение "блудницы" — над парадным входом в замок-город — тоже противоречит библейскому рассказу. Наконец, как справедливо заметила Г.Пугаченкова, эпизод гибели Иерихона всегда изображался в самом драматический момент, — когда стены города рухнули от рева труб нападающих. Замок же на блюде изображен неразрушенным. Попытка объяснить смысл изображения на "аниковском" блюде при помощи Библии показывает, что автор гипотезы имеет слабое представление о специфике повествовательного искусства средневековья.
- ¹⁴² Г.А.Пугаченкова. Пути..., стр. 206—212.
- ¹⁴³ М.А.Орлов. Барак-тама. Труды ХАЭЭ, том 1. Москва, 1952. Стр. 135—152. Е.Е.Неразник, М.С.Лапиров-Скоблов. Раскопки Барак-тама 1 в 1956 г. Материалы Хорезмской экспедиции, вып. 1. Москва, 1959. Стр. 81—95.
- ¹⁴⁴ Такая комбинация двух или трех параллельных комнат с поперечной комнатой-вестибюлем употреблялась в доисламской (Чиль-Худжра, раннее здание) и раннеисламской (Кырк-Кыз, Ходжа Машад) архитектуре.
- ¹⁴⁵ Предположение исследователей Барак-тама, что пустые промежутки между арками и стенами зала закрывались тканью наподобие юрты, лишено оснований: конструкция перекрытия зала не имеет ничего общего с юртой, да и с практической стороны такое решение невозможно.
- ¹⁴⁶ С.П.Толстов. Древний Хорезм. Его же. По древним дельтам Окса и Яксарта. Е.Е.Неразник. Сельские поселения афригидского Хорезма. Москва, 1966. Ее же. Сельское жилище в Хорезме (1—14 вв.). Труды ХЭ, том 9. Москва, 1976.
- ¹⁴⁷ По поводу датировки Якке Парсан нет единого мнения. Исследовавшая замок Е.Неразник датирует его началом 8 в. (Е.Е.Неразник. Сельское жилище..., стр. 172). В.Воронина полагает, что Якке Парсан и Тешик-кала были заброшены в 7—8 вв., просуществовав три-четыре столетия (ВИА, том 8. Стр. 191). Я разделяю точку зрения Е.Писарчик.
- ¹⁴⁸ С.П.Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта, стр. 255. Е.Е.Неразник. Сельское жилище в Хорезме, стр. 195.
- ¹⁴⁹ Е.Е.Неразник. Ук. соч., стр. 61 (рис. 30), 195 (рис. 109-В).
- ¹⁵⁰ Е.Е.Неразник. Раскопки в Беркут-калинском оазисе в 1953—1956 гг. Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1954—1956 гг. Москва, 1959. Стр. 96—127.
- ¹⁵¹ С.П.Толстов. Древний Хорезм. Стр. 132, 133, рис. 75а, 75в.

- ¹⁵² А.К.Писарчик. Народная архитектура Самарканда. Душанбе, 1975. Стр. 24.
- ¹⁵³ С.П.Толстов. Ук. соч., стр. 145—150.
- ¹⁵⁴ Е.Е.Неразик. Ук. соч., стр. 110—111.
- ¹⁵⁵ Е.Е.Неразик. Ук. соч., стр. 62, рис. 32.
- ¹⁵⁶ С.Хмельницкий. Между-1, стр. 68—70.
- ¹⁵⁷ Б.Я.Ставиский. Раскопки квартала жилищ знати Пенджикентского городища. Рис. 16, 26.
- ¹⁵⁸ Е.Е.Неразик. Купольная постройка в Якке-Парсанском оазисе раннесредневекового Хорезма. "Культура Среднего Востока. Градостроительство и архитектура". Ташкент, 1989. Стр. 52—60.
- ¹⁵⁹ В масштабе опубликованного общего плана размеры несколько меньше.
- ¹⁶⁰ З.А.Аршавская, Э.В.Ртвеладзе, З.А.Хахимов. Средневековые памятники Сурхандарьи. Ташкент, 1982. Стр. 52—60.
- ¹⁶¹ Л.И.Альбаум. Балалык-тепе. Ташкент, 1960. В.А.Нильсен. Становление феодальной архитектуры..., стр. 154—163.
- ¹⁶² В.А.Нильсен. Ук. соч., стр. 142—153.
- ¹⁶³ Там же, стр. 150.
- ¹⁶⁴ Там же, стр. 163—172.
- ¹⁶⁵ Л.И.Альбаум. Балалык-тепе. Стр. 54—56.
- ¹⁶⁶ Там же, стр. 41—54. Опубликованный здесь план остатков раскопанного здания не сопровождается, к сожалению, даже кратким описанием.
- ¹⁶⁷ Н.Б.Немцева. Раннесредневековая усадьба и замок у городища Бабатепа на юге Узбекистана. "Античные и раннесредневековые древности Южного Узбекистана". Ташкент, 1989. Стр. 132—162.
- ¹⁶⁸ З.А.Аршавская, Э.В.Ртвеладзе, З.А.Хахимов. Ук. соч., стр. 132, 133.
- ¹⁶⁹ А.И.Исаков. Фильмендарский замок. "Успехи среднеазиатской археологии", вып. 4. Ленинград, 1979. Стр. 50, 51.
- ¹⁷⁰ Э.В.Ртвеладзе. Новые материалы из Чаганиана. АСУ 1980, № 6. Его же. Погребальные сооружения и обряд в северном Тохаристане. "Античные и раннесредневековые древности Южного Узбекистана". Стр. 70, 71.
- ¹⁷¹ Культура и искусство древнего Узбекистана. Каталог выставки. Москва, 1991. Книга 2. Стр. 26—30.
- ¹⁷² Т.Д.Аннаев. Кувурган. АСУ 1980, № 2. Стр. 24, 25. Его же. Раскопки раннесредневековой усадьбы Кувурган в северном Тохаристане. СА 1984, № 2. Стр. 188 и след. Его же. Раннесредневековые поселения Северного Тохаристана. Ташкент, 1988.
- ¹⁷³ Т.Д.Аннаев. Раннесредневековые поселения Северного Тохаристана. Стр. 23—30, рис. 8.
- ¹⁷⁴ Т.Д.Аннаев. Ук. соч., рис. 28/4.
- ¹⁷⁵ Б.Н.Засыпкин. Памятники архитектуры Термезского района. "Культура Востока", вып. 2. Москва, 1928. Стр. 18 и след. В.А.Шишкин. "Курган" и мечеть Чор-Сутун в развалинах старого Термеза. Труды АН УзССР, серия 1. ТАКЭ, том 2. Ташкент, 1945. Стр. 99, 107—116, 127—131.
- ¹⁷⁶ С.Хмельницкий. Между-1. Стр. 142—145.
- ¹⁷⁷ Г.А.Пугаченкова. Ук. соч., стр. 20.
- ¹⁷⁸ С.Хмельницкий. Здания с коридорно-гребенчатой планировкой. "Средневековый Шахристан", стр. 106—115.
- ¹⁷⁹ Е.Е.Неразик. Сельское жилище в Хорезме. Стр. 179.
- ¹⁸⁰ С.Б.Лунина. Монуменальное здание у ворот Сарыктепе. "Древняя и средневековая археология Средней Азии". Ташкент, 1990. Стр. 107—116. Сердечно благодарю С.Б.Лунину за то, что она познакомила меня с некоторыми материалами ее работы, не вошедшими в публикацию.
- ¹⁸¹ С.Б.Лунина. Города южного Согда в 8—12 вв. Ташкент, 1984. Стр. 98—103, рис. 28. Ее же. Жилые дома сельского поселения. АСУ, № 2. Стр. 8, 9.
- ¹⁸² М.С.Булатов. Построение архитектурной формы мавзолея Саманидов. ИЗУ, вып. 1. Ташкент, 1962. Стр. 73.
- ¹⁸³ С.К.Кабанов. Согдийское здание 5 в. н. э. в долине реки Кашка Дарья (Узбекистан). СА, № 3. Стр. 144—151. В.А.Нильсен. Ук. соч., стр. 135—139.
- ¹⁸⁴ Я согласен с В.Нильсеном в том, что с южной стороны замка, где периметральная обстройка не сохранилась, она первоначально была. На это указывает строго центральный характер устройства сохранившихся частей здания.
- ¹⁸⁵ С.Хмельницкий. Между-1, стр. 72, 78.
- ¹⁸⁶ Г.А.Пугаченкова. Пути..., стр. 207.
- ¹⁸⁷ Museum für islamische Kunst Berlin. Katalog. Berlin, 1979. Abb. 31, Katalog Nr. 119.
- ¹⁸⁸ Г.В.Шишкин. Раннесредневековая сельская усадьба под Самаркандом. ИМКУ, вып. 2. Ташкент, 1961. Стр. 192—222. В.А.Нильсен. Ук. соч., стр. 91—96. Гипотеза В.Нильсена, согласно которой это здание было не жилым замком, а погребально-культовым сооружением, представляется ошибочной. Она исходит из неверной предпосылки, будто планировка доисламских жилых зданий была всегда асимметричной (что противоречит материалу его книги) и из спорного тезиса о несовместимости симметричной композиции с функциональной целесообразностью. Щелевидные проходы в стенах, которые В.Нильсен считает противоречащими жилому назначению здания, теперь найдены во многих бесспорно жилых сооружениях Средней Азии 5—8 вв.
- ¹⁸⁹ Сырцовые купола на квадратном основании диаметром 8 м в доисламской архитектуре Средней Азии неизвестны, но технически были осуществимы. Уже отмечалось, что ранние небольшие купола замковых "капелл" не оправдываются конструктивной необходимостью, — одновременно с ними должны были существовать более крупные купола, не сохранившиеся из-за своих размеров.
- ¹⁹⁰ А.И.Исаков. Разведки и раскопки Косаторошского отряда в 1974 г. АРТ 14. Душанбе, 1979. Стр. 296—306.
- ¹⁹¹ А.И.Исаков. Раннесредневековые памятники Пенджикентского округа. Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана. Тезисы докладов. Душанбе, 1977. Стр. 48, 49.
- ¹⁹² А.Ю.Якубовский. Итоги работ Согдийско-таджикской археологической экспедиции в 1946—1947 гг. Труды ТАЭ, том 1. МИА 15. Москва-Ленинград, 1950. Стр. 24. В.Л.Воронина. Изучение архитектуры древнего Пенджикента. Там же, стр. 190. С.Хмельницкий. Здания с коридорно-гребенчатой планировкой. "Средневековый Шахристан", стр. 111.
- ¹⁹³ Jusuf Jakubowicz Jakubow. Gardani Chisor — der Palast des Herrschers von Pentschikent. Das Altertum, 1978, № 27.
- ¹⁹⁴ В.Л.Воронина. Городище древнего Пенджикента как источник для истории зодчества. Стр. 120, рис. 4.
- ¹⁹⁵ Б.Я.Ставиский. Раскопки жилой башни в кухендизе пенджикентского владетеля. Труды ТАЭ, том 1. Стр. 94—99. А.И.Исаков. Цитадель древнего Пенджикента. Душанбе, 1977. Стр. 50—54.
- ¹⁹⁶ В.А.Нильсен. Варахшская цитадель. "Археологические исследования на городище Варахша и в Бухарском оазисе в 1947—1953 гг." Труды ИИИА АН УзССР, вып. 8. Ташкент, 1956. Стр. 43—53. Его же. Становление феодальной архитектуры..., стр. 35—45. В.А.Шишкин, Варахша. Москва, 1963. Стр. 85—96.

- ¹⁹⁷ Т.И.Лебедева. Раннесредневековый замок Саратепа на юго-западной окраине г. Самарканда. ИМКУ, вып. 26. Ташкент, 1992. Стр. 93—105.
- ¹⁹⁸ В тексте публикации о них не говорится. Возможно, что эти линии на плане, похожие на вентиляционные продухи, на самом деле изображают швы пахсовой кладки.
- ¹⁹⁹ Т.И.Лебедева. Ук. соч., стр. 104.
- ²⁰⁰ Ш.С.Ташходжаев. Археологические исследования древнего Самарканда в 1973 г. "Афрасиаб", вып. 3. Ташкент, 1974. Стр. 19—21.
- ²⁰¹ В.И.Пилявский. Сырцовые сооружения древнего Мерва. Стр. 47, 72. Его же. Архитектура древнего Мерва. "Научные труды ЛИСИ", вып. 10. Москва-Ленинград, 1950. Стр. 96 и след. Г.А.Пугаченкова. Пути..., стр. 132—141. Архитектурные памятники Туркменистана. Ленинград, 1974. Стр. 52, 53, 113—117.
- ²⁰² Г.А.Пугаченкова. Пути..., стр. 154, 155. С.Хмельницкий. Между-1, стр. 232, 233.
- ²⁰³ Г.А.Пугаченкова. Пути..., стр. 137.
- ²⁰⁴ Этот архаичный прием сохранился в некоторых постройках раннеисламского времени — в мервском мавзолее 10 в. Кыз-биби и в восточном купольном зале Ходжа Машад (9 в.). См. С.Хмельницкий. Между-1, стр. 122, 153, 154.
- ²⁰⁵ А.С.Сагадуллаев. Основные черты и генезис культуры доантичной Бактрии. "Античные и раннесредневековые древности южного Узбекистана". Ташкент, 1989. Стр. 46.
- ²⁰⁶ Г.А.Пугаченкова. Пути..., стр. 141.
- ²⁰⁷ А.И.Тереножкин. Раскопки холма Ак-тепе близ Ташкента в 1940 г. "Известия УзФАН", 1941, № 3. В.Л.Воронина. Элементы архитектуры замка близ Ташкента по данным археологических работ 1940 г. — Там же. А.И.Тереножкин. Холм Ак-тепе близ Ташкента (раскопки 1940 г.). "Труды ИИИА", том 1. Ташкент, 1948. В.Л.Воронина. Архитектура замка Ак-тепе близ Ташкента, по данным работ 1940 г. — Там же. Она же. Элементы архитектуры замка Ак-тепе близ Ташкента, по данным археологических работ 1941 г. "Труды ИИИА", вып. 7. Ташкент, 1955. М.И.Филанович. Новые данные по изучению Ак-тепе у абразивного завода в Ташкенте. "История и археология Средней Азии". Ашхабад, 1978. Стр. 156—166. Она же. Система расселения и градостроительные формы Ташкентского микрооазиса в древности и раннем средневековье. "Культура Среднего Востока. Градостроительство и архитектура" Ташкент, 1989. Стр. 44—46. Она же. Бинкет (Ташкент) и его округа. "Древний и средневековый город восточного Мавераннахра". Ташкент, 1990. Стр. 100—112.
- ²⁰⁸ В.Воронина. Древняя строительная техника Средней Азии. Стр. 21, 22.
- ²⁰⁹ М.И.Филанович. Система расселения и градостроительные формы..., стр. 46—48.
- ²¹⁰ Древний и средневековый город Восточного Мавераннахра. Стр. 112, 113.
- ²¹¹ Там же, стр. 313.
- ²¹² Ю.Ф.Буряков. К истории культуры Ташкентского региона. "Древняя и средневековая археология Средней Азии". Стр. 46, 47. Ю.Ф.Буряков, Г.И.Богомолов. К планировке и архитектуре раннесредневекового Хараджкета. "Культура Среднего Востока. Градостроительство и архитектура". Стр. 70—74.
- ²¹³ Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции, том 2. Москва, 1959. Стр. 184 (рис. 26), 187 (рис. 28), 192 (рис. 91).
- ²¹⁴ В.А.Литвинский и В.С.Соловьев. Kafyrkala. Frühmittelalterliche Stadt im Vachs-Tal, Süd-Tadzikistan. München, 1985. S. 18, 20, Abb. 5, 6.
- ²¹⁵ Е.А.Давидович, Б.А.Литвинский. Археологический очерк Исфаринского района. "Труды АН ТаджССР", Том 35. Сталинабад, 1955. Стр. 70—137.
- ²¹⁶ Там же, стр. 166.
- ²¹⁷ У.П.Пулотов. Чильхужра. Душанбе, 1974. S. Chmelnicz-kij. Zur Klassifikation der frühmittelalterlichen Burgen. S. 45 u.f., Abb. 5.
- ²¹⁸ У.Пулотов ("Чильхужра", стр. 33, рис. 9) ошибочно определяет размеры зала как 10,4х12,8 м. Причина ошибки, из-за которой пропорции зала оказались искаженными — в том, что край пристенной суфы на южной стороне зала был принят за сохранившийся фрагмент южной стены.
- ²¹⁹ Балконы этого типа известны по изображению на "аниковском" блюде и по настенным росписям Пенджикента (см. В.А.Нильсен. Ук. соч., рис. 72). Место выносного балкона на обходной галерее Чильхужры определяется разрывом парапета галереи недалеко от пандусной башни.
- ²²⁰ Н.Н.Негматов, У.П.Пулотов, С.Г.Хмельницкий. Уртакурбан и Тирмизактепа. Душанбе, 1973.
- ²²¹ С.Хмельницкий. Реконструкция перекрытия типа "рузан" центрального коридора замка. В книге "Уртакурбан и Тирмизактепа". Стр. 42—60. В.Воронина. "Конструкция и художественный образ в архитектуре Востока". Москва, 1977. Примечание на стр. 155) назвала реконструкцию шестиугольного "рузан" в Уртакурбане спорной, не затруднив себя доводами. Ввиду голословности утверждения нет необходимости его опровергать.
- ²²² S. Chmelnicz-kij. Über eine verschwundene Form der Architektur Mittelasiens. "Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan". Herausgegeben vom Deutschen archäologischen Institut. Berlin, 1997. Band 30.
- ²²³ I. Hackin. Nouvelles recherches archeologiques a Bamian. Memoires de la Delegation archeologique française en Afghanistan (MDAFA) 2, 1928. Рис. 12, табл. 31. MDAFA 3, 1933. Рис. 11, 12.
- ²²⁴ Н.Н.Негматов, С.Г.Хмельницкий. Средневековый Шахристан. Стр. 61—88, 115—140.
- ²²⁵ В.А.Нильсен. Ук. соч., стр. 231, 232.
- ²²⁶ Н.Н.Негматов, С.Г.Хмельницкий. Ук. соч., стр. 26—39.
- ²²⁷ Н.Н.Негматов, У.П.Пулотов, С.Г.Хмельницкий. Ук. соч., стр. 105 и след.
- ²²⁸ У.П.Пулотов. Замок Тоштемиртепа. АРТ 15. Душанбе, 1980. Стр. 303. Он же. Раннесредневековый замок Тоштемиртепа. АО 1975. Москва, 1976. Стр. 570.
- ²²⁹ Н.Н.Негматов, А.К.Мирбабаев, М.А.Абдурасулов. Начало раскопок городища Ширин (предварительное сообщение). АРТ 16. Душанбе, 1982. Стр. 292—307.
- ²³⁰ Так в публикации. В масштабе плана ширина комнаты — около 3 м.
- ²³¹ Н.Т.Рахимов. Начало раскопок замка Каппатепе в Илаке. АРТ 25. Душанбе 1994. Стр. 28 - 40. Я благодарен архитектору С.Шетухиной за знакомство с неопубликованными обмерными чертежами замка.
- ²³² Е.Д.Салтовская. Начало раскопок Тиркаштепа. АРТ 18. Душанбе, 1984. Стр. 292—313. Е.Д.Салтовская, У.П.Пулотов. Раскопки Тиркаштепа в 1979 г. АРТ 19. Душанбе, 1986. Стр. 388—397.
- ²³³ П.Пулотов, Е.Д.Салтовская. Раскопки нижнего горизонта Тиркаштепа. АРТ 20. Душанбе, 1987. Стр. 332—345.
- ²³⁴ А.Н.Бернштам. Историко-археологический очерк центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА 26. Москва-Ленинград, 1952. Стр. 107—114.

- ²³⁶ Поэтому неверно рассуждение исследователей о том, что свод "...давит на внутреннюю стену больше, чем на нижнюю" (там же, стр. 341).
- ²³⁷ Н.Н.Негматов. Исследования Северо-таджикостанского археологического отряда в 1973 г. АРТ 13. Душанбе, 1977. Стр. 129, 130. Е.Д.Салтовская. О раскопках Дунгачатепы. АРТ 17. Душанбе, 1983. Стр. 263—277. Она же. Раскопки Дунгачатепы в 1978 г. АРТ 18. Душанбе, 1984. Стр. 314—322. Она же. Раскопки поселения Дунгачатепы в 1981 г. АРТ 21. Душанбе, 1988. Стр. 88—96.
- ²³⁸ А.Н.Бернштам. Чуйская долина. Труды Семиреченской археологической экспедиции. МИА 14. Москва-Ленинград, 1950. Стр. 30—36, 73. Табл. 15.
- ²³⁹ К.М.Байпаков. Средневековые города и поселения Семиречья. Автореферат кандидатской диссертации. ИИАЭ АН КазССР. Алма-Ата, 1966. Стр. 60—66.
- ²⁴⁰ К.М.Байпаков. Средневековая городская культура южного Казахстана и Семиречья. Стр. 87, рис. 30.
- ²⁴¹ Красная Речка и Бурана. Фрунзе, 1989. Стр. 66—68.
- ²⁴² В.Д.Горячева, С.Я.Перегудова. Памятники истории и культуры Таласской долины. Бишкек, 1995. Стр. 57, 58. Рис. 14.
- ²⁴³ Так по плану. Размеры в тексте — 14,3х21—22 м.
- ²⁴⁴ В.Д.Горячева, С.Я.Перегудова. Ук. соч., стр. 58, 59. Рис. 16 А.
- ²⁴⁵ Л.М.Сверчков. Замок Мык и его округа. "Древний Заамин". Ташкент, 1994. Стр. 49—63. Я глубоко благодарен Л.Сверчкову за возможность познакомиться с его еще не опубликованными материалами исследований замка Мык II.
- ²⁴⁶ Г.А.Пугаченкова. Пути..., стр. 154, 158. С.Хмельницкий. Между-1, стр. 232, 234.

КРЕПОСТИ

- ²⁴⁷ Е.Е.Неразик. Сельское жилище в Хорезме. Стр. 64 - 66.
- ²⁴⁸ В этих зданиях в угловых вертикальные выступы как бы врезаны спаренные полукофры. См. С.Толстов. Древний Хорезм. Рис. 89, 90.
- ²⁴⁹ Е.Е.Неразик. Раскопки в Беркут-калинском оазисе. "Полевые исследования ХЭ в 1954—1956 гг." Москва, 1959. Стр. 96—109.
- ²⁵⁰ Т.И.Зеймаль, В.С.Соловьев. Работы Уртабозского отряда. АРТ 17. Душанбе, 1983. Стр. 138—157.
- ²⁵¹ Т.И.Зеймаль, В.С.Соловьев. Ук. соч., стр. 149.
- ²⁵² Ю.Якубов. О раскопках в Куме в 1970 г. АРТ 10. Душанбе, 1970. Стр. 172—186. Он же. Крепость Кум (по материалам экспедиции 1966-1967 гг.) Материальная культура Таджикистана, вып. 3. Душанбе, 1978. Стр. 122—145. Он же. О работах Верхнезеравшанского отряда в 1976 г. АРТ 16. Душанбе, 1982. Стр. 146—156. Он же. О работах Верхнезеравшанского отряда в 1977 г. АРТ 17. Душанбе, 1983. Стр. 158—168. Он же. Поселение Кум. АРТ 20. Душанбе, 1987. Стр. 186—193. Он же. Сельские поселения горного Согда—Буттама. "Путешествие в Согдиану". Душанбе, 1982. Стр. 109—133. Он же. Поселение Кум. АРТ 21. Душанбе, 1988. Стр. 374—385. Он же. Раннесредневековые сельские поселения горного Согда. Душанбе, 1988.
- ²⁵³ А.Н.Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. Стр. 103—107.

ЖИЛЫЕ ДОМА

- ²⁵⁴ В.Л.Воронина. Изучение архитектуры древнего Пенджикента. МИА 15. Москва-Ленинград, 1950. Она же. Архитектурные памятники древнего Пенджикента. МИА 37. Москва-Ленинград, 1953. Она же. Городище древнего

Пенджикента как источник для истории зодчества. АН, вып.8. Москва, 1957. Она же. Архитектура древнего Пенджикента. МИА 124. Москва-Ленинград, 1964. В.И.Распопова. Жилища Пенджикента. Ленинград, 1990 (в книге собран почти исчерпывающий материал о жилищах в Пенджикенте, но без попытки историко-художественного анализа, если не считать довольно поверхностного раздела "проблемы континуитета", — под этим научным словом скрыта русская "преемственность". Многие чертежи, нуждающиеся в разъяснениях, их не имеют. Грустное впечатление производит безграмотный рисунок на стр. 106).

- ²⁵⁵ Как говорилось, предположение, что входная комната одного из домов ("объект" 6, помещение 29) была перекрыта конхой, то есть полукуполом, ошибочно. Здесь был свод со слегка вогнутой шипцовой стеной, свесы которой над углами опирались на тропы.
- ²⁵⁶ Б.Я.Ставиский. Раскопки квартала жилищ знати в юго-восточной части Пенджикентского городища (объект 6) в 1951—1959 гг. МИА 124. Рис. 1, 2, 6.
- ²⁵⁷ В.Л.Воронина. Городище древнего Пенджикента как источник для истории зодчества. Рис. 4а. Город..., стр. 33, рис. 11.
- ²⁵⁸ Город..., стр. 30, рис. 8. В.Л.Воронина. К вопросу о типе общественных сооружений раннесредневекового города Средней Азии. СА, 1957, № 4. Стр. 83—92.
- ²⁵⁹ В.Л.Воронина. Городище древнего Пенджикента..., рис. 11/2. Она же. К вопросу о типе общественных сооружений..., стр. 85—87.
- ²⁶⁰ А.М.Беленицкий, Б.И.Маршак, В.И.Распопова, А.Исаков. Раскопки на городище древнего Пенджикента в 1973 г. АРТ 13. Душанбе, 1977. Стр. 184, 185. В.И.Распопова. Ук. соч., стр. 110—115.
- ²⁶¹ С.П.Толстов. Древний Хорезм. Стр. 61—63.
- ²⁶² Предположение некоторых исследователей, что внутреннее оформление комнаты полуцилиндрами и лопатками-пилястрами воспроизводит деревянную конструкцию (прямоугольные стойки с заполнением из вертикальных горбылей) представляется сомнительным: такая конструкция неизвестна и нерациональна.
- ²⁶³ В.И.Распопова. Ук. соч. Рис. на стр. 71, 75, 76, 87, 90.
- ²⁶⁴ Ю.Якубов. Раннесредневековые сельские поселения горного Согда.
- ²⁶⁵ Ю.Якубов. Ук. соч., стр. 50—54.
- ²⁶⁶ В.А.Нильсен. Ук. соч., стр. 173—175.
- ²⁶⁷ Там же, стр. 175—177.
- ²⁶⁸ Там же, стр. 177—179.
- ²⁶⁹ О.Г.Большаков и Н.Н.Негматов. Раскопки в пригороде древнего Пенджикента. МИА 66. Стр. 155—192. В.Л.Воронина. Ук. соч., стр. 122—125.
- ²⁷⁰ В.Л.Воронина. Архитектура древнего Пенджикента. Стр. 204, рис. 8.
- ²⁷¹ Там же, стр. 204, рис. 9.
- ²⁷² Б.А.Литвинский. Калаи Кафирниган (раскопки 1974 г.) АРТ 14. Душанбе, 1979. Стр. 156—187. Он же. Калаи Кафирниган (раскопки 1975 г.) АРТ 15. Душанбе, 1980. Стр. 120—146.
- ²⁷³ С.Хмельницкий. Между-1, стр. 291—293.
- ²⁷⁴ Б.А.Литвинский. Калаи Кафирниган (раскопки 1975 г.) Стр. 125, 126.
- ²⁷⁵ В.С.Соловьев. Раскопки на Кафыркале в 1979 г. АРТ 19. Душанбе, 1986. Стр. 203—215. Он же. Работы на Кафыркале в Вахшской долине в 1980 г. АРТ 20. Душанбе, 1987. Стр. 174—176.
- ²⁷⁶ И.Д.Иваницкий. Жилой дом 8 в. в Самаркандском Со-

- где. ИМКУ, вып. 24. Ташкент, 1990. Стр. 126—134 (в описании есть неясности, касающиеся описания здания и его отдельных частей).
- ²⁷⁷ В.А.Шишкин. Некоторые итоги археологических работ на городище Варахша. Труды ИИА АН УзССР, вып. 8. Ташкент, 1956. Рис. 7, стр. 31.
- ²⁷⁸ А.И.Маняхина, С.В.Шетухина. О работах на городище Калаи Каххаха 1. АРТ 25. Душанбе, 1994. Стр. 41—54.
- ²⁷⁹ Ю.Ф.Буяков, Г.И.Богомолов. К планировке и архитектуре раннесредневекового Хараджкета. "Культура Среднего Востока. Градостроительство и архитектура". Ташкент, 1989. Стр. 67—70.
- ²⁸⁰ Е.Е.Неразик. Сельское жилище в Хорезме (1—14 вв.) Стр. 48—57.
- ²⁸¹ Е.Е.Неразик. Ук. соч., рис. 28 на стр. 54.
- ²⁸² Скульптура и живопись древнего Пенджикента. Москва, 1959. Табл. VIII.
- ²⁸³ К.М.Байпаков. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. Стр. 41, 42, 75—77.
- ²⁸⁴ В.А. Булатова. Жилой комплекс 7 в. в Куве. ИМКУ, вып. 7. Ташкент, 1966. Она же. Древняя Кува. Ташкент, 1972. Стр. 18—41, рис. 2, 3.

ДВОРЦЫ

- ²⁸⁵ Б.Я. Ставиский. Раскопки жилой башни в кухендизе пенджикентского владельца. МИА 15. Стр. 94—99.
- ²⁸⁶ А.И.Исаков. Цитадель древнего Пенджикента. Душанбе, 1977.
- ²⁸⁷ Б.И.Маршак. Восточные аналогии зданиям типа вписанного креста: Пенджикент и Бамаан. 5—8 вв. "Probleme der Architektur des Orients". Halle (Saale), 1983.
- ²⁸⁸ Широкопролетные деревянные перекрытия с сечением в форме трапеции возводились в 15—16 вв. в Испании мастерами-"мудехарами", хранителями местных исламских строительных традиций, — см., например, зал и хор монастыря Санти Спиритус в Саламанке, — "Ganz Salamanka", Barselona, 1987, S. 54, 55. Но связь между этой локальной формой и фантастическими реконструкциями Б.Маршака усмотреть нельзя.
- ²⁸⁹ В.И.Распопова. Ук. соч., стр. 156, 157.
- ²⁹⁰ А.И.Исаков. Ук. соч., стр. 96, 97.
- ²⁹¹ Н.Н.Негматов. Исследования в Северном Таджикистане в 1970 г. АРТ 10. Душанбе, 1973. Стр. 97—102. Раздел публикации, посвященный дворцу, написан патетически, но малосодержательно. Неясно, что понимается под "спальным царским донжоном", где помещались "дворцовый храм", "царские спальни", "арсенал" и "дворцовые пекарни", и по каким признакам они так определены. Упоминание о входных тамбурах и стенках-ширмах не подтверждается опубликованным планом.
- ²⁹² Топрак-кала. Труды ХАЭЭ, том 14. Москва, 1984. Рис. 5, 6.
- ²⁹³ Б.А.Литвинский, Т.И.Зеймаль. Раскопки на Аджина-тепе и Кафыр-кале в 1970 г. АРТ 10. Стр. 155—164. В.А.Литвинский und V.S.Solovjev. Kafyrkala, frühmittelalterliche Stadt im Vachs-Tal, Süd-Tadzikistan. München, 1985.
- ²⁹⁴ Б.А.Литвинский, Т.И.Зеймаль. Аджина-тепа. Москва, 1971. Стр. 38.
- ²⁹⁵ В.А.Шишкин. Археологические работы 1937 г. в западной части Бухарского оазиса. Ташкент, 1940. Он же. Исследование городища Варахша и его окрестностей. КСИИМК, вып. 10. 1941. Он же. Археологические работы 1947 г. на городище Варахша. Известия АН УзССР, 1948. № 5. Он же. Варахша. Москва, 1963. Труды ИИА АН УзССР, вып. 8. Археологические исследования на городище Варахша и в Бухарском оазисе. Ташкент, 1956. В.А.Нильсен. Ук. соч., стр. 45—65.
- ²⁹⁶ В.Нильсен (ук. соч., стр. 52—55) реконструирует в "красном зале" перекрытие в виде восьмиугольного брусчатого свода "рузан" (см. также В.А. Нильсен, В.Н.Манакова. "Архитектурный декор памятников Узбекистана". Ленинград, 1974. Стр.51 — реконструкция "красного зала" с восьмиугольным "рузан"). Но нижняя квадратная обвязка такого "рузан" могла опираться либо на квадрат стен (а форма зала — не квадратная), либо — частично — на стойки, которых здесь не было.
- ²⁹⁷ В.А.Шишкин. Варахша. Табл. 14—18.
- ²⁹⁸ См., например, Henri Stierlin. Cites du desert. L'Art antique au Proche-Orient. Petra, Palmyre, Hatra. Fribourg, 1987. Tab. 51.
- ²⁹⁹ KAC Creswell. A Short Account of Early Muslim Architecture. Essex, 1989. Стр. 221, 222, рис. 133.
- ³⁰⁰ Н.Ю.Нефедов. Дворцовые и жилые комплексы Еркургана. АО, 1980. Москва, 1981. Стр. 457, 458. Он же. Некоторые итоги раскопок дворцового комплекса Еркургана. ИМКУ, вып. 24. Стр. 107—116. Р.Х.Сулейманов. Общественные сооружения Еркургана осевого композиционно-планировочного типа. "Культура Среднего Востока. Градостроительство и архитектура". Стр. 25—34.
- ³⁰¹ Р.Х.Сулейманов. Ук. соч., стр. 30.
- ³⁰² Г.Лекуюй. Айханум, жилищное строительство. "Городская культура Бактрии, Тохаристана и Согда". Ташкент, 1987. Стр. 59, рис.17.
- ³⁰³ Б.А.Литвинский, Х. Мухитдинов. Античное городище Саксанохур (Южный Таджикистан). СА, 1969. №2. Стр. 100.
- ³⁰⁴ Г.А.Пугаченкова. К интерпретации и типологии некоторых архитектурных памятников Мерва и Нисы. Труды ЮТАКЭ, том 16. Ашхабад, 1978. Стр. 10—30, рис.8. В этой статье содержится обоснованная классификация зданий рассматриваемого типа. Отмечено, в частности, употребление "обходных коридоров" в гражданских, а не только культовых зданиях.
- ³⁰⁵ Е.Е.Неразик. Ук. соч., стр.59, 60, рис. 29.
- ³⁰⁶ Е.Неразик (ук. соч., стр. 59) отмечает здесь "...крестообразный план, образованный четырьмя попарно противоположными айванами", который был распространен в архитектуре древнего Востока. Это сопоставление не совсем корректно: в продолговатом зале, о котором идет речь, не четыре, а два айвана, — это в принципе отличается от квадратных купольных залов с четырьмя осевыми нишами, которые имеет в виду автор.
- ³⁰⁷ Е.Е.Неразик. Раскопки Безымянного замка. АО 1980. Москва, 1981. Стр. 456, 457. Она же. Работы в зоне Яккепарсанского канала. АО 1981. Москва, 1983. Стр. 461, 462.
- ³⁰⁸ Древний Ташкент. Ташкент, 1973. Стр. 18—29. Д.Зильпер. Дворцовый комплекс городища Минг-Урюк в Ташкенте. "История и археология Средней Азии". Ашхабад, 1978. Стр. 167—172. М.И.Филанович. Система расселения и градостроительные формы..., стр. 39—41.
- ³⁰⁹ Д.Зильпер. Ук. соч., стр. 169.
- ³¹⁰ М.И.Филанович. Ук. соч., стр. 40.
- ³¹¹ Л.И.Альбаум. Живопись Афрасиаба. Ташкент, 1975. Стр. 11—14.
- ³¹² Х.Т.Ахунбаев. Домашние храмы раннесредневекового Самарканда. "Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда". Стр. 11—14. Рис. 16.
- ³¹³ Ш.С.Ташходжаев. Археологические исследования древнего Самарканда в 1973 г. "Афрасиаб", вып. 3. Ташкент, 1974. Стр. 8.
- ³¹⁴ Древний и средневековый город Восточного Мавераннахра. Стр.7—16.

- ³¹⁵ К.М.Байпаков. Средневековая городская культура..., стр. 71, 72. К.М.Байпаков, З.М.Шарденова. Архитектура цитадели городища Куйрыктобе на Сырдарье. "Археологические памятники на Великом шелковом пути". Алматы, 1993. Стр. 28—44.
- ³¹⁶ Эта реконструкция вызывает сомнения из-за ее расхождений с объемным чертежом — планом. Главный зал на ней — явно других пропорций, большая и меньшая комнаты в западной части стали одной величины, а бывшая меньшая, не имевшая двери, ее получила; изменилась толщина почти всех стен, коридор у СЗ угла большого зала уменьшился за счет вдруг возникшего входного пилона, искажена форма уцелевшей сегментной башни. Я воспроизвел план-реконструкцию без масштаба — так, как он опубликован, так как вычислить в таких условиях верный масштаб невозможно.
- ³¹⁷ К.М.Байпаков. Ук. соч., стр. 56, 57.
- ³¹⁸ С.Хмельницкий. Между-1. Стр. 274, 275.
- ³¹⁹ М.Е.Массон, Г.А.Пугаченкова. Гумбиз Манаса. Москва, 1950. Стр. 110.
- ³²⁰ Г.Л.Семенов. Святилище в Пайкенде. "Эрмитажные чтения 1986—1994 годов. Памяти В.Г.Лукониной". Санкт-Петербург, 1995. Стр. 172.
- ³²¹ А.Р.Мухамеджанов, Ш.Т.Адылов, Д.К.Мирзаахмедов, Г.Л.Семенов. Городище Пайкенд. К проблеме изучения средневекового города Средней Азии. Ташкент, 1988.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ЗДАНИЯ

- ³²² Г.А.Пугаченкова. Пути..., стр. 131.
- ³²³ Г.А.Пугаченкова. Там же.
- ³²⁴ Н.Н.Негматов. Исследования Северо-таджикистанского археологического отряда в 1973 г. АРТ 13. Душанбе, 1977. Стр. 121—126. Рис. 4. Р.Завзалов. Раскопки объектов 5 и 6 городища Калаи Каххаха I в 1978 г. АРТ 18. Душанбе, 1984. Стр. 348—350.
- ³²⁵ Н.Н.Негматов, С.М.Мамаджанова. Бунджикат — средневековая столица Уструшаны, "Культура Среднего Востока. Градостроительство и архитектура". Стр. 91, рис. 1.
- ³²⁶ А.Беленицкий, Б.Маршак, В.Распопова. Пенджикент. "Наука и жизнь", 1971 г. № 8. Стр. 124.
- ³²⁷ Как храмы эти здания вошли в многочисленные публикации об архитектуре древнего Пенджикента и всей Средней Азии. Обобщающие работы, основанные на этой гипотезе: В.Л.Воронина. Архитектурные памятники древнего Пенджикента. МИА 37. Она же. Городище древнего Пенджикента как источник для истории зодчества. В.А.Нильсен. Становление феодальной архитектуры..., стр. 66—72. А.М.Беленицкий. Монументальное искусство Пенджикента. Москва, 1973. Б.Я.Ставиский. Искусство Средней Азии. Древний период. Москва, 1974. V.G.Skoda. Le culte du feu dans le sanctuaires de Pendzikent. "Cultes et monuments religieux dans l'Asie centrale preislamique". Paris, 1987. P. 63—72, pl. 32—37. Несогласие с культовым назначением общественных зданий Пенджикента первым обосновал А.А.Семенов в рецензии на сборник "Живопись древнего Пянджикента" (сборник статей, посвященных искусству таджикского народа. Сталинабад, 1956, стр. 224). Б.Г.Гафуров в капитальном труде "Таджики" (Москва, 1972, стр. 269) характеризует оба здания как "...общественные сооружения, которые чаще всего определяются как храмы". Г.А.Пугаченкова ("Шедевры Средней Азии". Ташкент, 1986, стр. 42) пишет: "Храмы ли это? Археологи затрудняются дать ответ, с каким культом они могли быть связаны. Между тем выдвигалось предположение, что это здания общественного характера и каждое из них — скорее дом муниципального назначения, связанного с самоуправлением основных

сословий города, где во дворе могли собираться их представители, а в обращенном к нему открытом айване и зале заседали старейшины".

- ³²⁸ Г.А.Пугаченкова. Халчаян. Ташкент, 1966.
- ³²⁹ С.Хмельницкий. Между-2, часть 2.
- ³³⁰ Неправомочность разделения пенджикентских росписей на "светские" и "культовые", а также неоправданность толкования их отдельных сюжетов как культовых убедительно показаны в статье Н.В.Дьяконовой и О.Н.Смирновой "К вопросу об истолковании Пенджикентской росписи" — "Исследования по истории культуры народов Востока в честь акад. И.А.Орбели". Москва-Ленинград, 1960. Стр. 169, 182.
- ³³¹ Г.А.Пугаченкова. К интерпретации и типологии некоторых архитектурных памятников Мерва и Нисы. Стр. 17.
- ³³² В.Л.Воронина. Городище древнего Пенджикента как источник для истории зодчества. Стр. 56.
- ³³³ С.Г.Хмельницкий. Общественные здания в древнем Пенджикенте. "Памятники культуры. Новые открытия". Ежегодник. Москва, 1977. Стр. 407—416. Эта статья предназначалась для журнала "Советская археология", но редакция получила две отрицательные внутренние рецензии на нее и отказалась от публикации. Мне конфиденциально сообщили, что авторами рецензий были Н.Негматов и Б.Маршак. Единственный контраргумент Негматова заключался в том, что "пенджикентские храмы выдержали как храмы испытание временем". Аргументация Б.Маршака была более развернутой. Он, во-первых, удивленно спросил: что же могло стоять в центре города, если не храмы? — Этот веский аргумент он подкрепил такими словами (цитирую по памяти): "В дальнейшую полемику с С.Хмельницким я вступать не намерен, так как это не привело бы к установлению истины". Других аргументов в обеих рецензиях не было.
- ³³⁴ А.Э.Бердимуратов, М.К.Самибаев. Результаты раскопок храма на Джартепа 2. ИМКУ, вып. 26. Ташкент, 1992. Стр. 77—92.

МЕМОРИАЛЬНЫЕ ЗДАНИЯ

- ³³⁵ Живопись древнего Пянджикента. Москва, 1954. Табл. 19, 20. А.М.Беленицкий. Mittelasien. Kunst der Sogden. S. 50, 3.
- ³³⁶ Г.А.Пугаченкова. Мавзолей Араб-ата. ИЗУ, вып. 2. Ташкент, 1963. Стр. 71—73, рис. 38, 39.
- ³³⁷ L.I.Rempel. La maquette architecturale dans le culte et la construction de l'Asie centrale preislamique. "Cultes et monuments...". Pl. 47, Fig. 3.
- ³³⁸ Г.А.Пугаченкова. Ук. соч., стр. 73, 75.
- ³³⁹ Г.А.Кошеленко. Родина парфян. Москва, 1977. Стр. 74.
- ³⁴⁰ С.А.Ершов. Некоторые итоги археологического изучения некрополя с оссуарными захоронениями в районе города Байрам-Али. ТИИАЗ, том 5. Стр. 160 и след. Г.А.Пугаченкова. Искусство Туркменистана. Москва, 1967. Стр. 88, 89.
- ³⁴¹ Г.А.Пугаченкова. Там же, стр. 89.
- ³⁴² Б.Я.Ставиский, О.Г.Большаков, Е.А.Мончадская. Пенджикентский некрополь. МИА 37, труды ТАЭ, том 2. Стр. 64—95.
- ³⁴³ С.П.Толстов. Древний Хорезм. Стр. 149, 150.
- ³⁴⁴ В.Л.Воронина. Городище древнего Пянджикента как источник для истории зодчества. Стр. 133—135, рис. 19.
- ³⁴⁵ В.А.Нильсен. Ук. соч., стр. 98—101, рис. 29, 30.
- ³⁴⁶ В.А.Нильсен. Ук. соч., стр. 100.
- ³⁴⁷ Там же.

- ³⁴⁸ Там же, стр. 101 — 103, рис. 31, 32.
- ³⁴⁹ К.Алимов, Ю.Буряков, В.Гришин. Раскопки погребальных сооружений в Ташкентской области. АО 1978. Москва, 1979. Стр. 543.
- ³⁵⁰ В.Д.Горячева, О.Берналиев. Раскопки Краснореченского городища. АО 1978. Москва, 1979. Стр. 590, 591. В.Д.Горячева. Наусы некрополя Краснореченского городища. "Красная Речка и Бурана". Фрунзе, 1984. Стр. 85—95.
- ³⁵¹ В.Д.Горячева. Ук. соч., стр. 92—94.
- ³⁵² П.Н.Кожемяко. Отчет о раскопочных работах на Краснореченском городище в 1962—1963 гг. "Красная Речка и Бурана". Стр. 36—38.
- ³⁵³ Г.А.Пугаченкова, Э.В.Ртвеладзе. Дальверзинтепе — кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978. Стр. 97—114.
- ³⁵⁴ Л.И.Альбаум, Т.Агзамходжаев. Позднекушанское погребальное сооружение под Термезом. ОНУ 1968, вып. 8. Стр. 56—58.
- ³⁵⁵ Leo Trümpelmann. Muslimische Gräber. Die Gräber der Sasanidenkönige. "Antike Welt", 1991, Sondernummer. S. 14, Abb. 21; S. 34, Abb. 57.
- ³⁵⁶ Г.А.Пугаченкова. К познанию античной и раннесредневековой архитектуры Северного Афганистана. Стр. 151.
- ³⁵⁷ Э.В.Ртвеладзе. Новые материалы из Чаганиана (к проблеме происхождения среднеазиатских центрических мавзолеев). АСУ 1982, № 6. Стр. 33—35. Он же. Погребальные сооружения и обряд в Северном Тохаристане. "Античные и раннесредневековые древности Южного Узбекистана". Стр. 54—57.
- ³⁵⁸ Э.В.Ртвеладзе. Новые материалы из Чаганиана..., стр. 34.
- ³⁵⁹ В.А.Нильсен. Становление феодальной архитектуры Средней Азии. Стр. 106.
- ³⁶⁰ М.Е.Воронец. Археологические исследования Института истории и археологии и Музея истории на территории Ферганы в 1950—1951 гг. Труды Музея истории СССР. Ташкент, 1954, вып. 2, стр. 58—79. Б.А.Литвинский. Об изучении в 1955 г. погребальных памятников кочевников в Карамазарских горах. Труды АН ТаджССР, вып. 53. Душанбе, 1956. Стр. 37—46.
- ³⁶¹ Ю.Якубов. Археологические памятники древнего Рашта и Дарваза (работы 1982 г.). АРТ 22. Душанбе, 1990. Стр. 295—300. В.Сазонов. Мавзолей Хазрати-Бурх. "Вечерний Душанбе", 11 октября 1984 г.

КУЛЬТОВАЯ АРХИТЕКТУРА

- ³⁶² Б.Г.Гафуров. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. Москва, 1972. Стр. 284—289.
- ³⁶³ S. Chmelnickij. Das Problem der kultischen Merkmale einiger altertümlichen Bauten in Mittelasien. "Actes du XIIe Congrès international des Sciences Préhistoriques et Protohistoriques". Bratislava, 1993. Band 4. S. 304—311.
- ³⁶⁴ Кой-Крылган-кала — памятник культуры древнего Хорезма. Труды ХАЭЭ, том 5. Москва, 1967. Стр. 227—230. Автор раздела Ю. Рапопорт. Вот характерный образец рассуждений того же автора (Ю.А.Рапопорт. Святилище во дворе на городище Калалыгыр 1. "Прошлое Средней Азии". Душанбе, 1987. Стр. 147): "Если допустить, что хорезмийская колонна ассоциировалась с мировым деревом, то ступенчатое основание должно было представлять мировую гору, которая в принципе имеет трехчленную структуру". Три нелепых допущения, покоящиеся одно на другом: зачем допускать ассоциацию колонны с мировым деревом? Если допустить — почему основание представляет мировую гору? Если представляет, — почему эта гора имеет трехчленную структуру?
- ³⁶⁵ А.М.Беленицкий. Вопросы идеологии и культов Согда по материалам пенджикентских храмов. "Живопись древнего Пенджикента", стр. 38, 39.
- ³⁶⁶ Б.А.Литвинский, Т.И.Зеймаль. Аджина-Тепе. Москва, 1971. Они же. Раскопки на Аджина-Тепе и Кафыр-кале в 1970 г. АРТ 10. Душанбе, 1973. Стр. 145—155, таб. 19.
- ³⁶⁷ Ernst Diez. Die Kunst der islamischen Völker. München, 1917. S. 34, Abb. 41.
- ³⁶⁸ H.G. Franz. Von Gandhara bis Pagan. Graz, 1977. S. 115, Abb. 19, 20. Tonny Rosiny. Pakistan. Köln, 1983. S. 114, Abb. 30.
- ³⁶⁹ Л.И.Альбаум. Раскопки буддийского комплекса Фаяз-тепе (по материалам 1968—1972 гг.) "Древняя Бактрия". Ленинград, 1974. Стр. 53—58.
- ³⁷⁰ Б.А.Литвинский, Т.И.Зеймаль. Аджина-Тепе. Стр. 53.
- ³⁷¹ С.П.Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949 — 1953 гг. Труды ХАЭЭ, том 2. Москва 1958. Стр. 157, рис. 60.
- ³⁷² J.G. Hajnóczi. Ursprünge der europäischen Architektur. Berlin, 1986. S. 107, Abb. 151.
- ³⁷³ В.В.Бартольд. Улутбек и его время. Сочинения, том 2, часть 2. Москва, 1964. Стр. 30.
- ³⁷⁴ Г.А.Пугаченкова. Пути..., стр. 225—230.
- ³⁷⁵ Б.А.Литвинский, Т.И.Зеймаль. Ук. соч., стр. 55.
- ³⁷⁶ Б.А.Литвинский, Е.П.Денисов. Буддийская часовня на Кафыр-кале. АРТ 10. Стр. 165—171, таблицы 20, 30.
- ³⁷⁷ R. Girshman. Iran. Parther und Sasaniden. München, 1962. S. 36, Abb. 50.
- ³⁷⁸ Gerard Fussman. Surkh Kotal. Tempel der Kuschan-Zeit in Baktrien. München, 1983.
- ³⁷⁹ H.G. Franz. Op. cit., S. 65, 66, 68, 74, 77, 85.
- ³⁸⁰ Б.А.Литвинский. Калаи Кафирниган. АРТ 15. Душанбе, 1980. Стр. 120—146. Он же. Среднеазиатский центрический мавзолей. Проблема генезиса. "Этнография и археология Средней Азии". Москва, 1979. Стр. 65—112.
- ³⁸¹ С.Хмельницкий. Между-1, стр. 125—140.
- ³⁸² Сомнения исследователя в изначальной буддийской принадлежности храма Калаи Кафирниган кажутся необоснованными.
- ³⁸³ В.А.Булатова. Древняя Кува. Ташкент, 1972.
- ³⁸⁴ Г.А.Пугаченкова, Л.И.Ремпель. История искусства Узбекистана. Москва, 1965. Табл. 109.
- ³⁸⁵ С.Хмельницкий. Между-1, стр. 81.
- ³⁸⁶ Б.А.Тургунов. К изучению Айртама. Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент, 1973. Стр. 52—77. Б.Я.Ставиский (редактор и автор). Кара-Тепе — буддийский пещерный монастырь в Старом Термезе. Москва, 1964. Он же. Буддийские пещеры Кара-Тепе в Старом Термезе. Москва, 1969. Он же. Новые находки на Кара-Тепе в Старом Термезе. Москва, 1975. Он же. Буддийские комплексы Кара Тепе в Старом Термезе. Москва, 1996. Л.И.Альбаум. Исследование Фаяз-тепе в 1973 г., Ленинград, 1976. Стр. 43—45.
- ³⁸⁷ С.Г.Хмельницкий. Опыт реконструкции буддийского храма городища Ак-Бешим. Труды киргизской археолого-этнографической экспедиции, том 2. Москва, 1959. Стр. 243—265. Л.Р.Кызласов. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953—1954 гг. Там же, стр. 155—246.
- ³⁸⁸ В.Р.Горячева, С.Я.Переудова. Буддийские памятники Киргизии. ВДИ 1996, № 2. Стр. 167—189.
- ³⁸⁹ Boris J. Stavisky. Kara-tepe in old Termez (southern Uzbekistan). Summary of the Work Done in 1978—1982. Orientalia Iosephi Tucci memoriae dicata. Serie orientale Roma, LVI, 3. Roma, 1988. Pl. 1.

- ³⁹⁰ G. Fussman. Op. cit., Plan 2, 3, 4.
- ³⁹¹ Л.П.Зяблин. Второй буддийский храм Ак-Бешимского городища. Фрунзе, 1961.
- ³⁹² К.М.Байпаков, В.Д.Горячева. Раскопки Краснореченского городища. АО 1981. Москва, 1983. Стр. 494. К.М.Байпаков. Ук. соч., стр. 79—81. "Красная речка и Бурана". Стр. 22—24, 38—40, 73, 74. В.Д.Горячева, С.Я.Перегиудова. Буддийские памятники Киргизии. Стр. 172—174. С.Я.Перегиудова. О втором буддийском храме Краснореченского городища (к реконструкции плана святилища). "Из истории и археологии древнего Тянь-Шаня". Бишкек, 1995. Стр. 187—201.
- ³⁹³ "Красная Речка и Бурана". Стр. 74.
- ³⁹⁴ С.Хмельницкий. Между-2, часть 1. Стр. 161—193.
- ³⁹⁵ В.Д.Горячева, С.Я.Перегиудова. Ук. соч., стр. 174, рис. 6.
- ³⁹⁶ "Красная речка и Бурана". Стр. 18—21. В.Д.Горячева, С.Я.Перегиудова. Ук. соч., стр. 181—183.
- ³⁹⁷ В.Д.Горячева, С.Я.Перегиудова. Ук. соч., стр. 183.
- ³⁹⁸ Там же.
- ³⁹⁹ Т.И.Зеймаль. Буддийский комплекс Шутур Мулло. АРТ 19. Душанбе, 1986. Стр. 186—202. Она же. Раскопки буддийского комплекса Уштур-Мулло в 1981 г. АРТ 21. Душанбе, 1988. Стр. 325—374. Она же. Буддийская ступа у Верблюжьей горки. "Прошлое Средней Азии". Душанбе, 1987. Стр. 70—78.
- ⁴⁰⁰ J. Auboyer. Afghanistan und seine Kunst. Prague, 1968. Abb. 86—88.
- ⁴⁰¹ См., например, ступа в Хотане и Балхе: B. Rowland. Zentralasien. Baden-Baden, 1979. Fig. 57, 58, 59.
- ⁴⁰² Первая публикация сопровождается планом, в котором зафиксирована начальная стадия раскопок. У второй публикации с описанием почти полностью раскопанного здания плана, к сожалению, нет, и представленная здесь реконструкция основана на описаниях, не всегда ясных и недостаточно детальных. Поэтому нет гарантии, что представленная реконструкция плана монастыря вполне точна.
- ⁴⁰³ М.Муллоканов. Раскопки нового буддийского комплекса в Таджикистане. "Культура и искусство народов Востока". Тезисы конференции молодых ученых. Москва, 1987. Стр. 76. Он же. Раннесредневековый буддийский монастырь Хишт-тепа в Ховалингском районе Таджикистана. "Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии." Информационный бюллетень, вып. 17. Москва, 1990. Стр. 12—19.
- ⁴⁰⁴ B. Rowland. Zentralasien. S. 92, Fig. 40.
- ⁴⁰⁵ Г.А.Пугаченкова. Пути..., стр. 156, 158, 206, 207, 209.
- ⁴⁰⁶ С.Я.Перегиудова. Таш-Рабат. Фрунзе, 1989. С.Хмельницкий. Между-2, часть 1. Стр. 282—286.
- ⁴⁰⁷ Нагим-бек Нурмухаммедов. Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави. Алма-Ата, 1980.
- ⁴⁰⁸ М.И.Филанович. Гаур-кала. Труды ЮТАКЭ, том 15. Ашхабад, 1974. Стр. 90—92. Она же. Историко-культурные археологические таблицы по городищу Гаур-кала в Старом Мерве. "Древний Мерв". Труды ЮТАКЭ, том 19. Ашхабад, 1989. Стр. 97. З.И.Усманова. Памятник буддизма в раннесредневековом Мерве. "Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана (тезисы всесоюзной научной конференции в г. Пенджикенте Таджикской ССР 26—31 августа 1977 г.)". Душанбе, 1977. Стр. 103, 104.
- ⁴⁰⁹ М.Е.Массон. Из работ Южно-туркменской археологической комплексной экспедиции Академии наук Туркменской ССР в 1962 г. "Известия АН ТССР, серия общественных наук. Ашхабад, 1963, № 3. Стр. 54.
- ⁴¹⁰ Э.В.Ртвеладзе. Новый буддийский памятник в Старом Мерве. Труды ЮТАКЭ, том 15. Стр. 231—235.
- ⁴¹¹ Э.В.Ртвеладзе. К периодизации истории раннесредневекового Чаганиана. "Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана", стр. 90, 91. З.А.Аршавская, Э.В.Ртвеладзе, З.А.Хакимов. Средневековые памятники Сурхандарьи. Ташкент, 1982. Стр. 126, 127.
- ⁴¹² З.А.Аршавская, Э.В.Ртвеладзе, З.А.Хакимов. Ук. соч., снимок на стр. 33. Г.А.Пугаченкова, Э.В.Ртвеладзе. Северная Бактрия — Тохаристан. Стр. 154.
- ⁴¹³ А.Н.Бернштам. Чуйская долина. МИА 14. Москва-Ленинград, 1950. Стр. 131.
- ⁴¹⁴ Л.И.Альбаум. Буддийский храм в долине Санзара. Доклады АН УзССР, № 8. Ташкент, 1955.
- ⁴¹⁵ Г.А.Пугаченкова. Хароба-кошук. Известия АН ТССР. Ашхабад, 1954, № 4. Ее же. Пути..., стр. 126—130. Ее же. Искусство Туркменистана. Стр. 86, 87.
- ⁴¹⁶ Г.Дресвянская. Хароба-кошук. "Памятники Туркменистана", 1968, № 2. Стр. 28. А.М.Высоцкий. Христианский памятник на поселении Дуге-Чакын около Мерва: интерпретация, датировка, реконструкция. "Культурные связи народов Средней Азии и Кавказа. Древность и средневековье". Москва, 1990. Стр. 90—100.
- ⁴¹⁷ В.Л.Воронина. Доисламские культовые сооружения Средней Азии. Стр. 54.
- ⁴¹⁸ Russudan Mepisashwili, Wachtang Zinzadse. Die Kunst des alten Georgien. Leipzig, 1977. S.118, 119. Н.М.Токарский. По страницам истории армянской архитектуры. Ереван, 1973. Стр.8, рис.1.
- ⁴¹⁹ Walter Bachmann. Kirchen und Moscheen in Armenien und Kurdistan. Leipzig, 1913. S. 18-22, Tafel 17.
- ⁴²⁰ H.W.Beier. Der syrische Kirchenbau. Berlin, 1925. Abb. 78, 79. H.C.Butler. Early Churches in Syria. Princeton, 1929. P. 18, III. 11; P. 42, III. 40; P.43, III. 41;
- ⁴²¹ Г.Дресвянская. Ук. соч.
- ⁴²² Л.Р.Кызласов. Ук. соч., стр. 231—233.
- ⁴²³ Л.Р.Кызласов. Ук. соч., стр. 233. Это, конечно, не означает, что христиане-сирийцы не были известны в Средней Азии, — просто церковь в Ак-Бешиме не дает повода для такого заключения.
- ⁴²⁴ Л.И.Альбаум. Христианский храм в Старом Термезе. "Из истории древних культов Средней Азии. Христианство". Ташкент, 1994. Стр. 34—41.
- ⁴²⁵ В.А.Шишкин. "Курган" и мечеть Чор-Сутун в развалинах Старого Термеза. Труды АН УзССР. Серия I. ТАКЭ, том 2. Ташкент, 1945. Стр. 99—106.
- ⁴²⁶ Г.А.Пугаченкова. Пути..., рис. на стр. 128, 134, 139.
- ⁴²⁷ С.Хмельницкий. Между-2, часть 2. Стр. 121—129.
- ⁴²⁸ ВИА. Том 2. Москва, 1973. Рис. 75 на стр. 476 (вилла в Ангуилларе), рис. 81 на стр. 556 (базилика в Аугусте Раурике), рис.83 на стр. 558 (базилика Максенция).
- ⁴²⁹ Ук. соч., стр. 535, рис. 47; стр. 541, рис. 55.
- ⁴³⁰ Cyril Mango. Byzanz. Weltgeschichte der Architektur. Stuttgart, 1986. S. 111, 112, Abb. 152—154.
- ⁴³¹ Г.А.Пугаченкова. Пути..., стр. 154, 158.
- ⁴³² Л.И.Альбаум. Ук. соч., рис. 5 (план Термеза) на стр. 35.
- ⁴³³ Г.Я.Дресвянская. "Овальный" дом христианской общины в Старом Мерве. Труды ЮТАКЭ, том 15. Ашхабад, 1974. Стр. 155—181. Г.А.Пугаченкова. Искусство Туркменистана. Стр. 87, 88.
- ⁴³⁴ Г.Я.Дресвянская. Ук. соч., стр. 172.
- ⁴³⁵ Т.А.Атаханов, С.Г.Хмельницкий. О работе Шаартузско-

- го археологического отряда в 1968—1970 гг. АРТ 10. Москва, 1973. Стр. 187—204, рис. 24—26.
- ⁴³⁶ В.В.Бартольд. О христианстве в Туркестане в домонгольский период. "Сочинения", том 2, часть 2. Москва, 1964. Стр. 263—298.
- ⁴³⁷ Ш.С.Ташходжаев. Археологические исследования древнего Самарканда в 1973 г. "Афрасиаб", вып. 3. Ташкент, 1974. Стр. 23. Храм был частично раскопан, но публикация этих работ мне неизвестна.
- ⁴³⁸ Такова, на мой взгляд, статья М.Филанович "К топографии раннесредневековых святилищ огня Согда и Чача" ("Городская культура Бактрии — Тохаристана и Согда", стр. 148—156), — в ней рядом с тонкими наблюдениями представлена гипотеза о "двойных святилищах — капеллах", которая позволяет объявить культовыми большинством помещений светского (бытового и представительного) назначения. Еще более радикально эту придуманную проблему решает Л.Гуревич в статье "К интерпретации пенджикентских капелл" ("Культурные связи народов Средней Азии и Кавказа. Древность и средневековье". Стр. 67—89.), переполненной спекулятивными, не всегда постижимыми рассуждениями и не свободной от фактических ошибок: в замке Уртакурган нет пристенных "алтарей", а нижний пролет перекрытий типа "рузан" в реальных и гипотетических образцах часто превышает 4 м.
- ⁴³⁹ P. Bernard. Une nouvelle contribution sovietique a l'histoire des Kushans: la fouille de Dalversin-tepe. Paris, 1980 (BEFEO, t. 8). P. 327—330.
- ⁴⁴⁰ Н.Н.Негматов, У.П.Пуллатов, С.Г.Хмельницкий. Ук. соч., стр. 21, 22.
- ⁴⁴¹ В.Воронина. Древняя строительная техника Средней Азии. АН, вып. 3. Москва, 1953. Стр. 21, 22.
- ⁴⁴² У.П.Пуллатов. "Дом огня" в Уструшане. "Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана". Стр. 77—79.
- ⁴⁴³ Dietrich Huff Takht-i Suleiman. Vorläufiger Bericht über die Ausgrabungen in Jahre 1976. "Archäologische Mitteilungen aus Iran", Band 10. Berlin, 1977. S. 211—230.
- ⁴⁴⁴ М.И.Филанович. Ташкент. Зарождение и развитие города и городской культуры. Ташкент, 1983. Табл. 5. Она же. К типологии раннесредневековых святилищ огня Согда и Чача. Стр. 149.
- ⁴⁴⁵ Г.А.Кошеленко, Л.А.Лелеков. Мансур-депе — новый памятник парфянского зодчества. АН, вып. 20. Москва, 1972. Стр. 148—153. Главное здание Мансур-тепе было, несомненно, не храмовым, а дворцовым. Об этом свидетельствует характерное для парфянских и бактрийских дворцов и богатых жилищ сочетание глубокого "тронного" айвана с лежащим за ним на общей оси (и обычно отделенным промежуточным помещением) залом, — таковы парфянский дворец в Ашшуре, дворец и дом в южной части Ай-Ханум, дворец в Саксанохуре и др. Сомнительность культовой атрибуции главного здания Мансур-тепе и его концептуальное сходство с дворцовыми зданиями отметила Г.Пугаченкова (Г.А.Пугаченкова. К интерпретации и типологии некоторых архитектурных памятников Мерва — Нисы. Труды ЮТАКЭ, том 16. Ашхабад, 1978. Стр. 22).
- ⁴⁴⁶ Масштаб опубликованного чертежа (план-разрез) неверен.
- ⁴⁴⁷ Л.А.Лелеков. Археология и задачи реставрации. "Памятники Туркменистана", 1970, № 1 (9). Стр. 30, 31.
- ⁴⁴⁸ Р.Х.Судейманов. Храмовый комплекс Еркургана, предварительный результат изучения. "Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда". Стр. 135-143. Он же. Общественные сооружения Еркургана осевого компози-
- ционно-планировочного типа. "Культура Среднего Востока. Градостроительство и архитектура". Стр. 25—34.
- ⁴⁴⁹ ВИА, том 2. Москва, 1973. Стр. 410, рис. 21.
- ⁴⁵⁰ Г.А.Пугаченкова. Халчаян. Ташкент, 1966. Стр. 46, рис. 23.
- ⁴⁵¹ Г.Л.Семенов. Святилище в Пайкенде. "Эрмитажные чтения 1986—1994 годов. Памяти В.Г.Лукониной." Санкт-Петербург, 1995. Стр. 171—178.
- ⁴⁵² Древний и средневековый город восточного Мавераннахра. Стр. 51—54.
- ⁴⁵³ Ук. соч., стр. 51.
- ⁴⁵⁴ М.И.Филанович. Система расселения и градостроительные формы..., стр. 46, рис. 9.
- ⁴⁵⁵ М.Буллатов. Мавзолей Саманидов — жемчужина архитектуры Средней Азии. Ташкент, 1976. Стр. 74—77.
- ⁴⁵⁶ Е.И.Агеева. Из истории развития городской культуры Казахстана. Известия АН Казахской ССР, серия археология — этнография. Алма-Ата, 1960. № 2 (13). Она же. Памятники средневековой (раскопки на городище Баба-Ата). Цитадель. "Археологические исследования на северных склонах Каратау". Алма-Ата, 1962. М.Ходжаев. К генезису мавзолей Саманидов. АСУ 1982, № 2. Стр. 6—8.
- ⁴⁵⁷ Неясно, реальная ли это сохранившаяся высота, или реконструированная первоначальная.
- ⁴⁵⁸ Г.А.Пугаченкова. Пути..., стр. 138, 154. С.Хмельницкий. Между-2, часть 2. Стр. 76, 78, 79, 80, 89.
- ⁴⁵⁹ С.Хмельницкий. Между-1, стр. 125—140.
- ⁴⁶⁰ М.Ходжаев. Ук. соч., стр. 7.
- ⁴⁶¹ М.А.Бубнова. Работы Памирского археологического отряда на Западном Памире в 1976 г. АРТ 16. Душанбе, 1982. Стр. 179—183.
- ⁴⁶² М.А.Бубнова. Раскопки Кафыркалы. АО 1982. Москва, 1984. Стр. 495. Она же. Святилище Кафыркалы в Шугнане. АО 1983. Москва, 1985. Стр. 264, 265. Она же. Культовое сооружение Кафыркалы 3 (полевые исследования Памирского археологического отряда). АРТ 22. Душанбе, 1990. Стр. 301—310.
- ⁴⁶³ М.А.Бубнова. Культовый комплекс в кишлаке Вранг (Западный Памир). АРТ 19. Душанбе, 1986. Стр. 249—263. Она же. Культовое сооружение в кишлаке Вранг (Западный Памир, работы 1981 г.). АРТ 21. Душанбе, 1988. Стр. 386—394.
- ⁴⁶⁴ М.А.Бубнова. Культовые сооружения в кишлаке Вранг. Стр. 392, 393.
- ⁴⁶⁵ Красная Речка и Бурана. Стр. 86, 87.
- ⁴⁶⁶ В.А.Шишкин. Некоторые итоги археологических работ на городище Варахша. Стр. 41.
- ⁴⁶⁷ Ш.Ш.Шарахматов. Раннесредневековый храм в северной части Афрасиаба. "Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана". Стр. 64, 65.
- ⁴⁶⁸ А.Губаев. Процессы культурного развития в раннефеодальную эпоху Южного Туркменистана. "Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана". Стр. 104—107.
- ⁴⁶⁹ Г.А.Брыкина, И.Н.Мартынова. Раскопки усадьбы Кайрагач. АО 1971. Москва, 1972. Стр. 549, 550. "По следам памятников истории и культуры Киргизстана". Фрунзе, 1982. Стр. 63—76.
- ⁴⁷⁰ Памятники культуры и искусства Киргизии. Каталог выставки. Ленинград, 1983. Стр. 50, 51. Условный характер этих ритуальных изображений совершенно исключает их портретность.
- ⁴⁷¹ Ю.Якубов, З.Гарифуллина. Раннесредневековый замок Наврузшо-2 в долине реки Заравшан. "Памятники Туркменистана", 1990. №2 (50). Стр. 9—12.

⁴⁷² Валик под капителью — обычная деталь среднеазиатских колонн до- и раннеисламского времени, но обычно он расположен в нижней части капители и не отделен шейкой. См. С.Хмельницкий. Между-1, стр. 293—301.

⁴⁷³ В.Л.Воронина. Архитектура древнего Пенджикента. МИА 124. Стр. 67—72.

⁴⁷⁴ Р.З.Авзалов. Раскопки на городище Калаи Каххаха 1 в 1976 г. АРТ 16. Душанбе, 1982. Стр. 318—327. Н.Н.Негматов. Полевые исследования СТАКЭ в 1978 г. АРТ 18. Душанбе, 1984. Стр. 275—281. Основная публикация: Н.Н.Негматов, Р.З.Авзалов, С.М.Мамаджанова. Храм и

мечеть Бунджиката на Калаи Каххаха 1. МКТ, вып.4. Душанбе, 1987. Стр. 177—210.

⁴⁷⁵ Н.Н.Негматов, Р.З.Авзалов, С.М.Мамаджанова. Ук. соч., стр. 182.

⁴⁷⁶ См. мою рецензию: Известия АН ТаджССР, серия востоковедения, история, филология. №4 (16). Душанбе 1989. Стр. 61—66. В рецензии отмечены и другие (далеко не все) ошибки исследователей "храма идолов", свидетельства их невысокой профессиональной и общей культуры.

⁴⁷⁷ Encyclopedia of archaeological Excavations in the Holy Land. Volume 4. Oxford, 1981. Synagogues. P. 1126 1338.

.Опечатки и исправления

Стр.	Напечатано	Читать	
12 прав.			
14 строка сверху и 12 снизу	тоесть	то-есть	
20 лев.			
3 строка сверху	тоесть	то-есть	
20 прав.			ий
7 строка свеху	тоесть	то-есть	
71 лев.			
19 строка снизу	1:√3:2	1: (√3:2)	ий институт.
76 прав.			
4 строка снизу	1:√3:2	1: (√3:2)	бекистана.
99 прав.			
8 строка снизу	эже	уже	и теории уры СССР.
146 лев.			
4 строка сверху	тоебовали	требовали	кая
156 прав.			
18,19 строки снизу	западного дома	восточного дома	
156 прав.			
10-14 строки снизу	Западный дом....с западной и северной сторон... северной сторон	Восточный дом....с южной и северной сторон. южной сторон	омплексная
12 строка снизу			едиция.
176 прав.			
13 строка сверху	10 раз	7 раз	ССР.
178 прав.			
12 строка сверху	на восток	на запад	элогии АН
181 лев.			
31 строка снизу	прорезкой	прорезей	югии
182 лев.			ССР.
10 строка снизу	Ю-3	Ю-С	
184, подпись			
под рис. 198	Обозначения А и В поменять местами.		рственного
197 прав.			
3 строка сверху	ЮЗЗ	ЮЮЗ	ститут.
198 прав.			
1 строка снизу	всетаки	всё-таки	зук СССР.
198 прав.			
1 строка снизу	всетаки	всё-таки	к СССР.
203 лев.			
5 строка сверху	бульшим	большим	
241 лев.			
21 строка снизу	варант	вариант	нститут.
276 прав.			
18 строка сверху	было	была	ческая
281 прав.			
Прим. 145	Барак-тами	Барак-тама	
291 прав.	ТАЗ	ТАЭ	
			ологическая
			gique francaise
			en Afghanistan.

РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5	Сара-тепе	99
Введение	7	Заргар-тепе	100
Города	12	Кош-тепе	100
Мерв	16	Нагим-кала большая	101
Самарканд	17	Нагим-кала малая	102
Бухара	18	Кыз-кала большая	102
Хосров-кала	20	Кыз-кала малая	104
Варахша	21	Ак-тепе Юнусабадское	105
Пенджикент	21	Ханабад-тепе	109
Кафыр-кала в Узбекистане	23	Чаш-тепе	110
Кафыр-кала на Вахше	24	Кулак-тепе	110
Хайрабад-тепе	25	Замок в Канке-Харашкете	110
Термез	25	Калаи Боло	111
Ахсикент	26	Уструшана	112
Канка-Харашкет	27	Чильхуждра	112
Красная речка-Навекат	29	Уртакурган	116
Кува	30	“Замок” (“малый дворец”) в Шахристане	118
Шахристан-Бунджикат	30	Тирмизак-тепе	121
Строительные материалы и конструкции	34	Тоштемир-тепе	122
Приемы планировки, композиции	55	Ширын	122
и внутреннего устройства	55	Каппа-тепе	123
Замки	65	Тиркаш-тепе	124
Барак-там	69	Дунгача-тепе	127
Тешик-кала	71	Красная речка-Навекат	128
Якке Парсан	71	Луговое	129
Беркут-кала	72	Ак-тобе Таласское	129
Аяз-кала 2	75	Чуль-тепе	130
Чаганиан	77	Мык	130
Балалык-тепе	78	Крепости	133
Джумалак-тепе	79	Усадьбы в оазисе Якке Парсан	133
Занг-тепе	80	Айр-кала	133
Хайрабад-тепе	82	Беркут-кала	134
Баба-тепе	83	Урта-Боз 2	135
Кулял-тепе	85	Кум	137
Кувекурган	86	Ширдакбек	141
Кучук-тепе	86	Жилые дома	142
Ак-тепе (Тохаристан)	87	Пенджикент	143
“Курган”	88	Селение Гардани Хисор	147
Сарык-тепе	89	Наврузшах	148
Киндык-тепе	90	Яхшибай-тепе	149
Согд	91	Чаян-тепе	149
Аул-тепе	91	Таш-тепе	149
Замок у Кафыр-калы	92	Пенджикент (загородные дома)	150
Фильмандар	93	Калаи Кафирниган	152
Калаи Мирон и Куджрах	94	Кафыр-кала	154
Замок на горе Муг	95	Минг-тепе	154
Гардани Хисор	95	Варахша	155
“Донжон” Пенджикента	95	Шахристан-Кахкаха 1	156
“Цитадель” Варахши	98	Канка-Харашкет	157

Турпак-кала	157	Кува	223
Кок-Мардан	160	Ак Бешим 1	226
Кува	162	Ак Бешим 2	230
Дворцы	169	Красная речка-Навекат 1	231
Пенджикент	164	Красная речка-Навекат 2	233
Шахристан-Бунджикат	167	Уштур Мулло	234
Кафыр-кала на Вахше	170	Хишт-тепе	236
Варахша	174	Гяур-кала	238
Еркурган	179	Хароба-кошук	241
Аяз-кала 2	181	Ак Бешим (церковь)	243
Минг-Урюк	183	Термез	245
Афрасиаб	185	Мерв (христианский монастырь)	249
Канка-Харашкет	186	Айвадж	250
Куйрук-тобе	187	Ак-тепе Юнусабадское	255
Общественные здания	190	Замок 2 оазиса Якке Парсан	255
Мерв — Эрк-кала	190	Нау	256
Шахристан — Кахкаха 1	190	Ак-тепе Чиланзарское	257
Пенджикент	192	Мансур-тепе	258
Джар-тепа	197	Еркурган	258
Мемориальные здания	199	Пайкенд	260
Пенджикент	199	Канка-Харашкет	261
Мерв	202	Храмовое здание у Ак-тепе Чиланзарского	263
Беркут-кала	204	Баба-ата	263
Киндык-тепе	206	Памир — Зонг	265
Красная речка-Навекат	206	Памир — Кафыр-кала	265
Дальверзин-тепе	209	Памир — Вранг	266
Бит-тепе	210	Наврузшах	270
Хазрати Бурх	213	Гардани Хисор	270
Культовая архитектура	216	Шахристан — Кахкаха 1	271
Аджина-тепе	217	Заключение	276
Кафыр-кала	220	Примечания	278
Калаи Кафирниган	221	Принятые сокращения	291

Сергей Григорьевич Хмельницкий
МЕЖДУ КУШАНАМИ И АРАБАМИ
Архитектура Средней Азии V—VIII вв.

Редактор Руслан Мурадов
Художественный редактор Владимир Решетов
Оператор компьютерной верстки Олег Либеденев

Издательство «GAMAJUN»
Регистрационное удостоверение №2-0896
Отпечатано в SIA “Tevans”